

Всеволод Речицкий

**СИМВОЛИЧЕСКАЯ
РЕАЛЬНОСТЬ
И ПРАВО**

Львов
ВНТЛ-Классика
2007

Рецензенты:

- Дзюба И.* – академик Национальной академии наук Украины
Богачевска-Хояк М. – профессор, доктор философии (PhD,
Columbian University, USA)
Гундорова Т. – член-корреспондент Национальной академии наук
Украины, профессор, доктор филологических наук
Цвик М. – академик Академии правовых наук Украины, доктор
юридических наук
Титов В. – профессор Национальной юридической академии Украи-
ны им. Ярослава Мудрого, доктор философских наук
Колесник В. – профессор Национальной юридической академии
Украины им. Ярослава Мудрого, доктор юридичес-
ких наук

Монография рекомендована к опубликованию
на заседании Ученого совета Национальной юридической
академии Украины им. Ярослава Мудрого
20 апреля 2007 г., протокол № 9.

Исследование и публикация книги осуществлены в рамках
индивидуального научного проекта, поддержанного Фондом
Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров (США), а также Программой
академических обменов им. Фулбрайта в Украине

Научный редактор *В. Навроцкий*
Литературный редактор *И. Барыш*
Художественное оформление *Е. Равского*

ISBN 966–8849–34–5

© Всеволод Речицкий, 2007
© ВНТЛ-Классика, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия **7**

Введение **11**

Глава I. Феномен символической реальности

1.1. Понятие символической реальности **47**

1.2. Истоки символической реальности **71**

1.3. Роль (функции) символической реальности **90**

1.4. Структура символической реальности **111**

1.5. Свойства символической реальности **125**

Глава II. Основные проявления символической реальности

2.1. Интеллектуальная активность как проявление символической реальности **209**

2.2. Творчество как проявление символической реальности **246**

2.3. Информационные отношения как проявление символической реальности **325**

Глава III. Основные символические формы

3.1. Наука как форма (сегмент) символической реальности **361**

3.2. Искусство как форма (сегмент) символической реальности **420**

3.3. Образование как форма (сегмент) символической реальности **450**

Глава IV. Онтологический контекст символической реальности

- 4.1. Условия постмодерна **467**
- 4.2. Глобализация **487**
- 4.3. Игра в механизме символического воздействия **498**
- 4.4. Искушение в механизме символического воздействия **514**
- 4.5. Воображение и символическое воздействие **526**
- 4.6. Роль нюансов в символическом воздействии **532**

Глава V. Правовые гарантии интеллектуальной свободы

- 5.1. Американская парадигма **543**
- 5.2. Международно-правовые гарантии интеллектуальной свободы, европейская парадигма **575**

Приложения

- Международная конвенция о защите интеллектуальной свободы (проект) **625**
- International Convention on Protection of Intellectual Freedom (a draft) **658**

Библиография **687**

Именной указатель **719**

Contents **729**

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Идея написания данной книги возникла на научном семинаре по проблемам современного капитализма, организованном Институтом открытого общества (OSI, New-York) в Кембридже (Англия) в 1998 году. Уже в те дни мысль Д. Сартори о том, что демократия обладает не столько творческой, сколько селективной способностью, показалась мне заслуживающей специального внимания и развития. Тем не менее, приступить к исследованию нормативных аспектов символической реальности удалось лишь после того, как созданный для этого проект был поддержан Фондом Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров (США) в 2001 году.

Примерно через полгода усилий, однако, выяснилось, что для проведения подобного исследования возможности отечественных научных библиотек являются недостаточными. Поэтому пришлось разработать вспомогательный проект, который был поддержан на конкурсной основе Программой академических обменов им. Фулбрайта в Украине. Национальная юридическая академия Украины им. Ярослава Мудрого (НЮАУ) предоставила мне для завершения работы над проектом творческий отпуск.

В течение академического 2002-2003 года я работал над темой символической реальности и права на юридическом

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

факультете Джорджтаунского университета (Georgetown University, Washington DC) и в Библиотеке Конгресса США. Декан факультета по научной работе Вики Джексон (Vicki C. Jackson) и ее помощница Сюзан Гарлей (Susan Gurley) помогли мне быстро освоиться на новом месте. Помочь ориентироваться в фондах Библиотеки Конгресса всегда был готов Юрий Добчанский. Давние друзья в Вашингтоне и Нью-Йорке – Валентина Лимонченко, Роман Ференцевич, а также Эдуард и Оксана Боровские старались наполнить мою жизнь неформальным общением и интересными событиями.

Стоило в эти месяцы осени-зимы-весны оторвать взгляд от экрана компьютера, как в окне возникала величественная панорама Капитолийского холма. Ко времени возвращения в Украину был написан черновой вариант четырех глав книги. Пятая, завершающая глава была создана в Киеве и Харькове, на кафедре конституционного права НЮАУ.

На общий замысел и содержание книги существенно повлияла также моя работа в качестве конституционного эксперта Харьковской правозащитной группы (ХПГ). Наиболее важным в этом смысле оказалось участие в проектировании новой версии Закона Украины «Об информации», а также в национальном мониторинге за соблюдением свободы слова и права на доступ к информации в Украине, которым в течение ряда лет занималась ХПГ.

Примерно в это же время был написан модельный проект и обоснование международной конвенции «О защите интеллектуальной свободы». Впоследствии его украинская, русская и английская версии были опубликованы ХПГ и обсуждались на различных научно-просветительских форумах. В 2001 году Иван Дзюба поместил оба документа в сентябрьском номере международного журнала независимой украинской мысли «Сучасність». Так с главными идеями будущей книги смогли познакомиться его подписчики в США, Австралии,

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Великобритании, Франции и Польше.

В 2004-2006 годах рукопись «Символической реальности и права» подверглась многократному авторскому редактированию. Ее первыми независимыми читателями и критиками стали Марта Богачевска-Хомяк и Тамара Гундорова, а литературным редактором – Инна Барыш, которая убедила меня в необходимости вернуться еще раз к введению и первой главе книги. Научным редактором рукописи любезно согласился стать логик Владимир Навроцкий. Должен признаться, что профессионализм и чувство юмора рецензентов служили для меня моральной поддержкой.

Впоследствии добровольными рецензентами «Символической реальности и права» стали Александр Сердюк, Владимир Титов и Виктор Колесник. С одной из последних версий книги познакомилась также мои коллеги по кафедре – Федор Вениславский, Оксана Нестеренко, Любомир Летнянчин, Лариса Байрачная и Татьяна Слинько. Их терпеливое внимание к сотням страниц научной прозы кажутся мне удивительными. Несмотря на крайнюю занятость публичными обязанностями, важные правки по окончательному тексту рукописи подарил мне исполнительный директор ХПГ Евгений Захаров.

Я также искренне признателен моему американскому другу, редактору судебных решений (Reporter of Decisions) Верховного суда Алабамы (США) Джорджу Смиту (George Earl Smith), а также профессору Университета Сан-Диего (San Diego State University, California, USA) Людмиле Матияш за серьезные стилистические улучшения англоязычной версии проекта международной конвенции «О защите интеллектуальной свободы».

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга посвящена символической реальности и ее правовому обеспечению. В ней рассматриваются вопросы о роли символического начала в жизни современного человека, о предназначении и характере интеллектуального труда и интеллектуальной свободы, а также о продуктах человеческого воображения и иных, связанных с наукой, искусством и образованием явлениях и вещах.

Символическая реальность чрезвычайно многообразна, что проявляется в сферах искусства и науки, журналистики и образования. Примеры символической реальности практически неисчерпаемы. Речь в данном случае идет о вербальных, аудиовизуальных и еще более абстрактных – математических «заместителях» реальности, разного рода образных и знаково-символических построениях. В основу символа можно положить контур тени от летящего в лучах солнечного света насекомого, но также и результат сложных интеллектуальных усилий, например, цепочку умопомрачительных формул. Как отмечалось в Рекомендации ПАСЕ 1276 (1995) «О силе визуальных образов», символы во все большей степени воздействуют на нас, «визуальные образы становятся все более мощными. Волна визуальной образности столь могущественна, что ныне мы сталкиваемся с явлением «виртуальной реальности»,

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

порождающей риск манипулирования образами, иллюстрирующими новости, и информацией, которая их сопровождает».¹ К тому же, как пишет Ю. Кристева, на всех участках символического производства ныне наблюдается ускорение.²

Символическая реальность является особенной, выделяющейся частью «полной» реальности. Очевидно, что поле, написанное кистью Ван Гога, не менее реально, чем настоящее пшеничное поле. И все же символическая реальность – это не совсем обычная часть реальности. Подчиняясь общим закономерностям человеческой жизни, она обладает огромным своеобразием. Ведь все то, что считается традиционно невозможным в реальном или физическом мире, легко происходит в мире воображаемом, символическом. Подобно тому, как скорость света не является существенным ограничением в пространстве человеческого воображения, символическое использование понятия «убийство» не обязательно является указанием на реально совершенное преступление. Мы знаем, как часто люди говорят в переносном смысле об «умерших» надеждах, «обманутых» чувствах и т.п. Поэтому символическая реальность в известной мере *шире* физической реальности, и существование понятийного «ничто» есть простое тому подтверждение.³ К тому же, символическая реальность существует в особой – ментальной среде. Ее границы определяются возможностями человеческого интеллекта, силой воображения, степенью внутренней свободы индивида.

Если физические свойства предметного мира, как мы

¹Резолюція 1276 (1995) Парламентської Асамблеї Ради Європи «Про силу візуальних образів» // Бюлетень Бюро інформації Ради Європи в Україні, № 10, 2003. – С. 33.

²Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 301.

³Как пишет Г. Блюменберг, «в своем распоряжении мы имеем множество слов, для которых нам недостает вещей. К ним принадлежит и «бытие» (Блюменберг Г. Світ як книга. – Київ: Лібра, 2005. – С. 202).

ВВЕДЕНИЕ

полагаем, ограничиваются действием естественных (естественно-физических) законов, то пределы символического мира зависят от особенностей человеческого сознания, характеристик конкретного интеллекта. Это означает, что для разных людей существуют разные (несовпадающие) объемы символической реальности. В частности, выдающиеся гении искусства и науки, политические диссиденты и еретики на всем протяжении человеческой истории демонстрировали способность к нетрадиционному восприятию и использованию самых привычных образов, знаков, символов и понятий. Как заметил по этому поводу У. Эко, «для ярко одаренного разума не существует ничего невозможного».¹

Можно также сказать, что жизнь символической реальности содержит в себе множество граней и аспектов. Причем интерес вызывает как общее, постоянно увеличивающееся насыщение символами окружающего нас мира, так и фрагментированная символизация, осуществляемая искусством, наукой и образованием. Именно в них особенно ярко проступают черты символического обновления человечества. При этом, как утверждает Д. Мак Гейл, творчески-символическая работа становится во все большей степени массовым занятием. Творчество сегодня – это не выдающееся событие, а элемент повседневности, проявление бытия по схеме: жизнь – искусство – культура. Социальная коммуникация с помощью СМИ учит, развлекает и вдохновляет людей, а кассета или фильм представляют собой уже не воплощение риска эмоциональной новизны, а обычный потребительский продукт.²

Интеллектуалы, публицисты и «политические активисты» (М. Уолцер) первыми идентифицировали условия, при

¹Еко У. Роль читача. Дослідження семіотики текстів. – Львів: Літопис, 2004. – С. 72.

²Мак Гейл Д. Будущее будущего // Впереди XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи. – М.: Academia, 2000. – С. 243.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

которых переход власти от партии к партии, равно как и от личности к личности, утратил свое прежнее значение. Главное теперь – это скрытые сдвиги в символических отношениях между насилием, богатством и знанием, происходящие в момент нашего «столкновения с будущим».¹ Как прагматически резюмировал данную ситуацию Р. Ленем, «то, что является хорошим для гуманитарных наук, должно считаться хорошим для страны. Сомневаться в этом – значит доказать свое мещанство».² Науки о человеке сегодня снова на подъеме, при этом философы думают по-новому о таких понятиях, как «самосознание», «идентичность», «я» и «бытие». Порвав с онтологией своих учителей, они видят задачу не столько в централизации знания, сколько в обеспечении плюрализма дискурсов, противостоянии соблазну одноязычия.³

Как полагает Д. Дьюи, конфликт между старыми «реалистическими» институтами и символическими тенденциями настоящего представляет собой главную проблему философии будущего.⁴ Однако будущее, о котором писал Д. Дьюи, сегодня уже наступило. Современная жизнь характеризуется отчетливо выраженным стремлением людей к новизне и готовностью к творчеству. Символизация зашла так далеко, что творческий дух не проник разве что в кабинеты бюрократии. К сожалению, не только мелкие бюрократы, но и современные правительства иногда ведут себя подобно крупье в казино, который контролирует не столько соблюдение правил игры, сколько суммы выигрышей и размеры ставок. Между тем, говорил Э. Ионеско, в наши дни выглядит извращением, чтобы творцы работали на

¹Иноземцев В. Расколота цивилизация. – М.: Наука – Academia, 1999. – С. 461.

²Ленем Р. Электронне слово: демократія, технологія та мистецтво. – Київ: Ніка-Центр, 2005. – С. 132.

³Коукер К. Сумерки Запада. – М.: Московская школа политических исследований, 2000. – С. 142-143.

⁴Дьюи Д. Реконструкция в философии. – М.: Логос, 2001. – С. 46.

ВВЕДЕНИЕ

функционеров, думающих за творцов. Ведь политики обычно лишь повторяют то, что было придумано другими творцами. В целом же, современная жизнь способствует превращению человека в творческую личность.¹ Неслучайно С. Вейль «поиск методов вдохновения народов» считала актуальной задачей,² а идеология либерализма стала доминирующей в политической культуре последних десятилетий.³

В наше время символизация и свобода творчества выступают принципами «надлежащего общественного строя» (Ф. Хайек). Это, в свою очередь, требует нового взаимодействия компетенций и новых способов разрешения «бесконечного конфликта между личностью и учреждением».⁴ Новая система отношений предполагает, что учреждения и институты помогают людям строить рациональный порядок, который не контролирует и не регламентирует их творческую активность. Поэтому либеральная политическая модель разработана сегодня до мельчайших деталей. И хотя человечество продолжает дебатировать по поводу выбора стратегий своего развития, похоже, что на ближайшую перспективу крупные вопросы социальной организации в мире решены.⁵ Даже в посттоталитарных странах граждане постепенно приходят к выводу о том, что «никаких вечных догм не существует», а мнения людей и человечества в целом не являются вечными.⁶

¹ Флетхайм О. Футурология, борьба за будущее // Впереди XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи. – М.: Academia, 2000. – С. 247-276.

² Вейль С. Укорінення. Лист до клірика. – Київ: Дух і літера, 1998. – С. 148.

³ Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. – N.Y.: Basic Books, 1997. – P. 79.

⁴ Форман М. Круговорот. – М.: Вагриус, 1999. – С. 253.

⁵ Бжезінський З. Виклики XXI століття: філософська збентеженість, релігійна непевність // День, 17 серпня, 1999. – С. 3.

⁶ Сантаяна Д. Скептицизм и животная вера. – СПб.: Владимир Даль, 2001. – С. 341.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

На протяжении истории миру пришлось пережить множество революций и менее крупных политических пертурбаций, имеющих символическое значение. Символическими являются также большинство научных и технологических открытий. Но даже независимо от предмета преобразований, в обществе все более четко прослеживается вектор «нарастания абстрактного». Все, что происходит с нами сегодня, можно назвать процессом глобальной символизации, которая выступает как «расслоение» реальности на предметно-физическое и символическое царство.¹ Фактически на наших глазах человечество входит в «двойную» – предметно-символическую реальность, в рамках которой классическая проблема правового регулирования общественных отношений также переживает трансформацию, становится двусторонней. По крайней мере, данная книга предлагает для доказательства данного тезиса свои аргументы.

Хотя процесс символизации проявляет себя в современном мире по-разному, его общие симптомы являются универсальными. В то же время, результат взаимодействия материального и идеального начал практически невозможно предсказать в плане конкретных последствий. Философские взгляды, научные концепции и теории, творческие прозрения и ошибки воздействуют на исторические события подобно генетическим мутациям.² Провалы же на месте старых иллюзий представляют собой не пропасть, а пространство реорганизации. Именно в этих местах (областях, зонах) наиболее вероятными становятся открытия, именно в этих спонтанно сложившихся ситуациях человеческая мысль обретает способность адекватно воспринимать сложность окружающего нас мира.³

¹Как писал Р. Рорти, «мир разделен на вещи, природа которых исчерпывается тем, какими они кажутся, и на вещи, природа которых этим не исчерпывается» (Рорти Р. Философия и зеркало природы. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1997. – С. 23).

²Сорос Д. Криза глобального капіталізму. – Київ: Основи, 1999. – С. 86.

³Рюс Ж. Поступ сучасних ідей. – Київ: Основи, 1998. – С. 7.

ВВЕДЕНИЕ

Но если непредсказуемые абстракции действительно лежат в основе реальных событий, тогда в высшей степени актуальным становится формирование альянса государств-единомышленников с целью создания международного законодательства, гарантирующего устойчивый мир, процветание и свободу. Данную идею Д. Сороса можно считать фрагментом более широкой теории, соединяющей в себе искусство и творчество с образом жизни передового капиталистического общества.¹ Ведь даже если международная экономика и «сковала нас своим требованием функциональности», истинное поле действия закона стоимости удерживает за собой «епархия моделей». Этот закон утверждает себя с помощью одновременного производства и репрессии миллионов и миллиардов образов, знаков и символов. Большинство из происходящих в мире событий ныне определяется прорывами человеческого воображения, направляемыми и поддерживаемыми нашими сознательными и подсознательными иллюзиями.²

Как заметил по этому поводу М. Фуко, современная цивилизация нуждается в метатеории, позволяющей «мыслить отношения между случаем и мыслью».³ Похоже, что подобная теория действительно возможна, ибо основные символические формы – наука, искусство, поэзия и миф имеют сходные характеристики. К тому же, многие из современных философов признают несправедливость прежних оценок роли и значения символического начала. В частности, О. Милош⁴ причины разыгравшейся мировой трагедии XX века видел в неправильном материалистическом направлении, избранном европейской наукой еще в эпоху Просвещения. Он верил в «повторный ренессанс воображения, изуродованного ныне

¹ Липовецки Ж. Эра пустоты. – СПб.: Владимир Даль, 2001. – С. 122.

² Baudrillard J. Seduction. – N. Y.: St. Martin's Press, 1990. – P. 151.

³ Фуко М. Воля к истине. – М.: Магистериум, 1996. – С. 83.

⁴ Оскар Милош, дядя поэта Чеслава Милоша.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

определенным типом научного знания». Субъектами грядущего обновления О. Милош считал «людей будущего», главным средством перемен – внедрение «новой иерархии заслуг».¹

Так или иначе, отличительным признаком лидирующих стран является ныне преимущественное потребление ими не верований, а символов, что позволяет им быть одновременно более либеральными и менее фанатичными.² С другой стороны, высокотехнологичные общества не только потребляют символические продукты, но и производят их в огромных количествах. Трудно даже сказать, какой из данных процессов является преобладающим. В любом случае, для правильного уяснения картины происходящего необходимо изучение множества производимых и посылаемых человеком сигналов, а также обслуживающих знаково-символический обмен передаточных средств. Как считал Н. Винер, расширение символического обмена между человеком и человеком, компьютером и человеком, а также между компьютером и компьютером играет в современном мире все более возрастающую роль.³ При этом массовое производство символов характеризуется высокой вербальной и визуальной динамикой. Опираясь на институциональное развертывание творческой фантазии, оно сопровождается периодическими умственными потрясениями.⁴ Для процветания символической реальности становится необходимой также неограниченная коммуникация и т. д.⁵

Процесс глобальной символизации предполагает активное эмоциональное освоение мира. Ибо символы малоэффективны

¹ Милош Ч. Личные обязательства. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 17.

² Barthes R. Camera Lucida. – London: Vintage, 1993. – P. 118-119.

³ Винер Н. Кибернетика и общество. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. – С. 30.

⁴ Beck U. What is Globalization? – UK: Polity Press, 2000. – P. 125.

⁵ Barzun J. From Down to Decadence. – N. Y.: Harper Collins Publishers, 2000. – P. 207.

ВВЕДЕНИЕ

за пределами тех чувственных отношений, которые формируют вкусы, моду и стиль. С одной стороны, мода феерична, и именно поэтому она не оставляет людей равнодушными. С другой – в фееричности моды отчетливо проявляет себя *код и закон* (Р. Барт). Все это означает, что процесс символизации характеризуется качеством органической нормативности. Примечательно, что уже Спиноза связывал либеральную идеологию с логикой преодоления «мрачных состояний» человеческой психики, умением интеллекта разрывать «ужасные сцепления» уныния, ненависти, отвращения и тоски.¹ Когда человеческий мир становится слишком серым, скучным и стандартизированным, в пространстве символической реальности разворачивается критика подобной тенденции. Выиграв битву за материальный комфорт, люди не останавливаются, а идут дальше. Часть из них стремится к подлинному творческому совершенству, другие же преодолевают бремя повседневности в сфере досуга и игры. Что касается творческих элит, то в своем стремлении к обновлению они готовы идти на риск, а иногда даже жертвовать жизнью. По наблюдению Д. Дьюи, многие из крупных творческих прорывов являются результатом предшествующих стрессовых состояний. Возможно, именно по этой причине идея изобретательства в прошлые времена часто оценивалась как деструктивная и опасная.²

В процессе эволюции люди постоянно создают все более сложные символические системы и образцы. При этом самые мощные, способные увлекать за собой символы приходится вначале скрывать и маскировать. В свою очередь, консервативная общественность старается обычно не замечать новое знаково-символическое явление. Если же этого сделать не удастся, она пытается упростить его природу, подвести под

¹ Делез Ж. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. – М.: ПЕРСЭ, 2000. – С. 215.

² Дьюи Д. Реконструкция в философии. – М.: Логос, 2001. – С. 22.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

нее некое логическое основание, связать с уже известной субстанцией или функцией. В целом, страх перед символическими соблазнами вполне объясним, ведь именно с их помощью творцы выражают просыпающиеся *массовые* желания и потребности. Из «подрывного» характера символизации проистекает, в свою очередь, типичное стремление государства управлять творчеством. По закону маятника на противоположной стороне тут же формируется требование защитить и гарантировать «абсолютную свободу» (Э. Ионеско) творца.

Интенсификация символических процессов в современном обществе сопровождается волнообразными морально-этическими дебатами, постепенно подталкивающими социум к выводу о том, что честность и смелость – это основные достоинства разума (А. Моруа). Кроме того, новым символическим образцам приходится сталкиваться с флуктуациями, колоссальной неупорядоченностью стихии человеческого интеллекта. Поскольку же от новаторов требуют при этом ответа на слишком поспешно или конкретно сформулированные вопросы, их позиция может проявиться в искреннем признании своего неведения. И все же со временем эмоции творческой богемы из «никчемных резерваций сентиментальности» (Т. Адорно)¹ превращаются в позитивную санкцию разума, сублимацию нового отношения к действительности.

Символизация проявляет себя также на промышленном уровне, в секторе информационных технологий. Развитие информационной индустрии параллельно с укреплением «постматериалистических» мотиваций личности приводит к отказу от старых экономических макромоделей. На наших глазах возникает экономика, основанная на идее самовыражения личности, субъект-субъектных отношениях и новых потребительских ожиданиях.²

¹ Адорно Т. Эстетическая теория. – М.: Республика, 2001. – С. 470.

² Иноземцев В. Расколота́я цивилизация. – М.: Наука-Academia, 1999. – С. 234, 288.

ВВЕДЕНИЕ

При этом информация и знание превращаются в универсальный стратегический продукт с постоянно растущим спросом и наивысшей эластичностью цен. Так постепенно формируется экономика, основанная на идее творческого самовыражения личности и партнерских отношениях производственного персонала.

В политические повестки дня символизация проникает из дебатов по поводу искусственного усиления человеческого разума, управляемого изменения личности, трансплантации серого мозгового вещества, а также синтеза человеческого и искусственного интеллектов. По мнению З. Бжезинского, все эти, внешне кажущиеся фантастическими, цели находятся в США в пределах реальной досягаемости. С другой стороны, в мире до сих пор не выработаны этико-юридические критерии применения подобных технологий. Подобные вопросы остаются прерогативой специальных дискуссий, в рамках которых интеллектуальная свобода и свобода самовыражения лишь сравнительно недавно начали восприниматься в качестве фундаментальной потребности.¹ Хотя современный мир и удалось предупредить о «столкновении цивилизаций» и «большом крахе», многие настоящие проблемы остаются в нем по-прежнему отодвинутыми на далекую перспективу.

Поскольку, как принято считать, центральной политической идеей XX века была «международная Французская революция», философы и политики долгое время верили в то, что обретение национальной независимости откроет странам и народам путь в счастливое будущее. Для обеспечения справедливого социально-политического устройства была разработана Всеобщая декларация прав человека 1948 года. Государства, отважившиеся следовать ее принципам, провозгласили себя сообществом равноправных наций. Однако вскоре их исторически унаследованные различия и неравенство проявились

¹Тоффлер Э. (Тоффлер А.) *Метаморфозы власти*. – М.: Изд-во АСТ, 2001. – С. 470.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

вполне убедительно.¹ С другой стороны, специально не ориентирующиеся в своем политическом курсе на международные стандарты США стали лидером международного соревнования за распознавание и престиж.

Возможно, писал по поводу этих и других подобных событий Б. Кроче, что история представляет собой не идиллию или трагедию, а драму, чьи персонажи «посредственные» в аристотелевском смысле, то есть, виновны и невиновны одновременно – нечто среднее между праведниками и злодеями. Ее общий замысел – благо, для которого зло служит лишь в качестве необходимого атрибута. История представляет собой произведение свободы, создающей социальные и политические условия для достижения еще большей свободы.²

В США Д. Дьюи удалось сформулировать отдельные императивы, вытекающие из подобного типа политической эволюции. «До тех пор, – писал он, – пока социальная мобильность и разнородность общества не породили открытий и инноваций в области технологии и индустрии, до тех пор, пока светские задачи не стали грозными противниками церкви и государства, едва ли можно было прийти к наблюдению, согласно которому интересы общества соблюдаются лучше, если персональное суждение и свобода выбора в интеллектуальных умозаключениях получают наибольший простор».³ Похоже, что североамериканцы не случайно оказались творцами современного стиля в науке, образовании и искусстве. Именно они раньше других внедрили в политическую практику идею перманентного обновления власти вместе с беспрецедентными конституционными гарантиями защиты интеллектуальной свободы.

¹Ионин Л. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. – М.: Логос, 2000. – С. 325.

²Кроче Б. Антология сочинений по философии. – СПб.: Пневма, 1999. – С. 234-235.

³Дьюи Д. Общество и его проблемы. – М.: Идея-Пресс, 2002. – С. 39.

ВВЕДЕНИЕ

Что касается Западной и Центральной Европы, то здесь, не смотря на традицию заложенной еще во времена М. Лютера и О. Кромвеля культуры несогласия, вопрос о том, где следует провести границу между правилами и принципами, имеющими всеобще-регулятивный характер, и различными взглядами, которые можно отстаивать в рамках указанных принципов, остается во многом открытым.¹ Как писал по этому поводу У. Бек, человечество постоянно и неумолимо ищет новых путей развития, в том числе окольных и полуполюгальных.² И в этом процессе разные регионы мира, страны и народы принимают на себя неодинаковую степень моральной ответственности и риска.

Хотя предпосылки социального прогресса в странах Восточной Европы не являются универсальными, административное управление в информационной, научной и образовательной сферах здесь все еще сохраняет типично паразитарный характер.³ Поскольку на протяжении десятилетий культурная жизнь в СССР подвергалась жесткой государственной регламентации, гуманитарная наука на постсоветском пространстве лишь в последние годы начала действительно интересоваться выяснением истины. В то же время предсказанные У. Черчиллем и Д. Фаулзом «империя интеллекта» и «университетское государство»⁴ уже более полувека как стали традиционными формами организации символической реальности в США. Лучшим американским университетам удалось на практике реализовать проповедуемый еще Дж. С. Миллем принцип образовательной

¹ Дарендорф Р. После 1989. Мораль, революция и гражданское общество. – М.: Ad Marginem, 1998. – С. 201.

² Бек У. Что такое глобализация? – М.: Прогресс – Традиция, 2001. – С. 274.

³ Переслегин С. Того, что достаточно для Геродота, мало для Герострата... // Лем С. Сумма технологии. – М.: Изд-во АСТ, 2002. – С. 648-649.

⁴ Здесь – государство с расширенными возможностями творчества, образования, путешествий и эмоциональных впечатлений (Фаулз Д. Аристос. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – С. 254).

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

мозаичности, инкорпорировать в научно-педагогический процесс элементы случайности и неожиданности.

В целом, по мнению Д. Фаулза, перед современным образованием стоят четыре стратегические задачи: обучение искусству добывать средства к существованию; обучение умению жить в человеческом сообществе; обучение искусству наслаждения жизнью; уяснение и объяснение целей, которые преследует человечество. Три из них он считал универсальными для всех образовательных систем. И только способ добывания жизненных средств сохраняет у него национальную специфику.

Так или иначе, источником современного прогресса является не только взаимодействие человека с окружающей его природной средой, но и внутреннее развитие человеческой личности, возможность получения индивидом знаний, способных изменить не только физический мир, но и людей, его населяющих. Кроме того, необходимость в новой ориентации образовательных систем вытекает из того обстоятельства, что современная научная картина мира во все большей степени предстает перед нами как «рассыпающаяся реальность» (П. Фейерабэнд). Ее уже просто невозможно охватить единой теорией и правилами.¹

Поскольку философию современного образования беспокоит проблема жизни в условиях неопределенности, задачей университетов становится обучение студентов работе с понятиями, насыщенными релятивизмом. Фактически именно образованному человеку пришлось в наше время первому отказаться от чрезмерных амбиций своего разума.² Как писал М. Фуко, потребность современной ситуации заключается не в том, чтобы формировать политическую волю других, а в том, чтобы с помощью анализа заново вопрошать «очевидности»,

¹Feyerabend P. Killing Time. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1995. – P. 142.

²Рюс Ж. Поступ сучасних ідей. – Київ: Основи, 1998. – С. 629.

ВВЕДЕНИЕ

сотрясать привычки, рассеивать то, что принято в качестве известного, заново переоценивая содержание существующих норм и установлений. Только после осуществления подобной *ре-проблематизации* (выделено мною – В. Р.) становится возможным участие в формировании политической воли.¹

Таким образом, понимание и освоение действительности прямо зависит от того, каким образом общество решает проблемы творчества и образования, от применяемых в нем информационных технологий и достигнутой свободы высказываний. И хотя призыв к сотрудничеству права и гуманитарных дисциплин до сих пор оставался не слишком плодотворным,² вне обновления юридических подходов к интеллектуальной свободе и ее гарантиям эффективный прогресс представляется невозможным.

Как подчеркивает Ж. Деррида, сегодня... «нет закона, который бы не высказывался, нет приказа, который не обращался бы к свободе слова».³ В наши дни проблема правового регулирования творчески-символических процессов охватывает всю сферу интеллектуальной активности человека – от построения новых научных гипотез и нешаблонных подходов в бизнесе и финансах – до конструирования шокирующих художественных образцов. Вектор прогресса ныне определяет «спираль воображения, предопределяющая реальность». Современная интеллектуальная активность – это настоящий «*furore wertherinus*», противостоящий этике монотонного накопительства.⁴

Если в прошлом столетии, писал З. Бжезинский, в мире господствовали дебаты относительно оптимальной *социальной* организации человечества и лучших способов достижения в

¹Фуко М. Воля к истине. – М.: Магистериум, 1996. – С. 323.

²Хайек Ф. Право, законодательство та свобода. Т. 1. – Київ: Сфера, 1999. – С. 159.

³Деррида Ж. Письмо и различие. – М.: Академический проект, 2000. – С. 126.

⁴Baudrillard J. Seduction. – N. Y.: St. Martin's Press, 1990. – P. 151.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

нем материального благосостояния, то сегодня мы находимся в средоточии грандиозных дискуссий относительно *индивидуального* измерения человеческой жизни.¹ Фактически на наших глазах возникает новый тип человеческой личности и новое представление о харизме. Можно сказать, что мы являемся свидетелями наступления эпохи одаренных натур, равно далеких как от искушений «всенародной славы», так и от признания их элитной верхушкой. Появление данного типа личностей на публичной арене происходит случайно, вызывая недоумение меньшинства и неодобрение остальных. Однако новаторы обладают редкой способностью жить на виду, следуя творческому призыву интимного, а не общего – вызов, верность которого многие из них сохраняют до конца своей жизни.

Таким образом, принципиальным моментом, не позволяющим индустриальным странам достигнуть уровня развития постиндустриальных стран, являются сегодня не количественные, а качественные различия в источниках их прогресса. Если в индустриальной цивилизации источником социальной динамики служит экономическое давление, то в постиндустриальной – раскрепощенная внутренняя мотивация личности. Внешне это проявляется в приоритетном производстве информационных благ, возникновении нового типа социальных связей и новом представлении о качестве жизни. Постиндустриальное развитие ставит в качестве первоочередных вопросы о роли в жизни человека синтетической среды, о сознательном конструировании жизненных стратегий и стилей, о формировании рынка новейших символических достижений и образцов.

Впрочем, уже в начале XX века творцы научились создавать материально скромные образцы одежды, кубистические полотна, новые фигуры танца, приемы игры на сцене и музыкальные композиции, которые впоследствии были оценены

¹Бжезінський З. Виклики XXI століття: філософська збентеженість, релігійна непевність // День, 17 серпня, 1999. – С. 3.

ВВЕДЕНИЕ

чрезвычайно высоко. Как говорил Л. Мамфорд, все это имело место потому, что настоящая ценность скрывается в умении обогащать жизнь. В этом смысле стеклянная бусина может оказаться дороже бриллианта, а простой стол ремесленника – более ценным, чем покрытый искусной резьбой мастеров.¹ Похоже, что именно этот тип культурных отношений объясняет исключительную преданность С. Вейль людям, душа которых оказалась способной к восприятию и передаче тончайших нюансов бытия.

В процессе нарастающей символизации обращает на себя внимание также и то обстоятельство, что между символической реальностью и демократией, как системой принятия решений, складываются непростые отношения. Процессы символизации тесно связаны с вопросами политической и информационной свободы, нестесненной коммуникацией, возможностями человеческого воображения в целом. Данный тип отношений призвано регулировать «право свободы» (Р. Дворкин) – совокупность международно-правовых и конституционных гарантий «неподопечного» статуса индивида. Подобного рода гарантии коренятся в традициях христианской цивилизации и выражаются не только в писаном праве. К сожалению, в посттоталитарных странах право свободы либо не успело получить своего надлежащего развития, либо на долгое время было пресечено. Регенерация его институтов происходит здесь медленно и не всегда эффективно.

Что же касается демократии, то при всех своих несомненных достоинствах она является недостаточно мобильной и творческой социальной системой. Неявно выраженный стагнационный потенциал присущ также ее главному продукту – позитивному праву. Примечательно, что уже в конце XIX – начале XX века исключительные отношения между промышленной (технологической) дисциплиной и свободной волей индивида начали

¹ Mumford L. *Technics and Civilization*. – N. Y.: A Harbinger Book, 1963. – P. 76.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

выходить за пределы регулятивных возможностей традиционного права. Если в прежние времена, как писал Ж. Эллюль, магия была мостом, соединявшим фантазию и технологию, то в индустриальном обществе борьба между мегамашиной прогресса и творчески-интеллектуальной сферой человека потребовала принципиально новых юридических подходов и представлений. Известно, что в конституционном праве Западной Европы и США подобные вопросы поднимались неоднократно. Сегодня, однако, назрела необходимость рассмотрения их в широком международно-правовом масштабе.

Обладание ключом к прогрессу, столь характерное для Западной Европы и США, больше не должно оставаться культурной монополией. Тем более что противоречие между объективными закономерностями духовного развития личности и правовым регулированием творчески-интеллектуальной сферы ныне проявляется не только в странах Центральной и Восточной Европы. Избыточное регулирование информационных процессов, попытки контролировать традиционные СМИ и Интернет наблюдаются в наши дни едва ли не повсеместно.¹ Почти всюду законодательство трактует информацию не только как «количество непредсказуемого в сообщении» (А. Моль), но и как важный фактор государственного суверенитета, стратегический национальный ресурс.

Хотя в большинстве посттоталитарных стран цензуры формально не существует, попытки государства контролировать информационные потоки остаются здесь достаточно распространенными. В ряде случаев подобный контроль проистекает

¹См.: Демпси Д., Вайцнер Д. Интернет є унікальним засобом розвитку демократії, якщо він захищений від урядового контролю // Свобода висловлювань і приватність, № 1, 1999. – С. 3-8; Захаров Є. Держава боїться Інтернету. Тому, що Інтернетові не потрібні держави? // Свобода висловлювань і приватність, № 1, 1999. – С. 9-11; Коник Л. ФСБ приглядит за електронною поштою // Свобода висловлювань і приватність, № 1, 1999. – С. 12; Девіс С. Час для байту приватності // Свобода висловлювань і приватність, № 2, 1999. –

ВВЕДЕНИЕ

от избытка социальной дисциплины в технологически высокоорганизованных обществах, однако чаще он является результатом обскурантизма правящих групп, следствием «внутреннего редактора» интеллигенции. В сущности, за проявлениями этих и подобных им прерогатив стоит непонимание политическими элитами и даже экспертами сути процессов, обеспечивающих быстрое продвижение современных обществ вперед. В результате, применение принципа «свободных рук» в экономике, бизнесе и финансах остается неоправданно узким.

В учебных заведениях большинства постсоветских государств превалируют стандартизированные программы и правительственно одобренные учебники, а национальная наука не имеет по-настоящему эффективного рынка. Это, в свою очередь, позволяет сохраняться уравниловке в оценке и оплате труда университетских преподавателей и ученых. Национальные структуры аттестации научных и педагогических кадров эффективно не распознают, не признают и не вознаграждают оригинально мыслящих, действительно одаренных людей.

С. 14-15; Біл М. Система «Echelon» і культ(ура) електронного підслухування // Свобода висловлювання і приватність, № 2, 1999. – С. 17-18; CALEA – Закон про сприяння правоохоронним органам у галузі комунікацій // Свобода висловлювань і приватність, № 2, 1999. – С. 19-20; Медош А. Європейський Союз спецслужб або що нам відомо про ENFOPOL // Свобода висловлювань і приватність, № 2, 1999. – С. 20; Кемпбелл Д. ENFOPOL у 1998 році // Свобода висловлювань і приватність, № 2, 1999. – С. 21; Ейсі М. Британський парламент проти Європейської системи стеження в Інтернеті // Свобода висловлювань і приватність, № 2, 1999. – С. 22; Пазюк А. Приватність та Інтернет // Свобода висловлювань і приватність, № 3, 2000. – С. 5-8; Росія, Туреччина, Україна: «погані хлопці» Ради Європи. Зустріч міністрів 41 країни Ради Європи на захист ЗМІ в м. Краків, Польща, 15-17 червня 2000 року. Прес-реліз // Свобода висловлювань і приватність, № 3, 2000. – С. 11; Девіс С. Перетворення Британії у державу стеження // Свобода висловлювань і приватність, № 2, 2002. – С. 21; Інтернет зберігає стародавню традицію підслухування і підглядання // Свобода висловлювання і приватність, № 2, 2002. – С. 21-23; Іванов В. Правове регулювання Інтернет. Деякі аспекти // Свобода висловлювань і приватність, № 3, 2002. – С. 21-27 и др.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Данное обстоятельство приводит к международным информационным пробкам, снижает уровень культурного диалога между странами и народами, стимулирует интеллектуальную фрустрацию.

К сожалению, на территории университетских кампусов посттоталитарных стран все еще нет книжных магазинов, приближающихся по своей насыщенности к популярным в США, Канаде и Великобритании «Chapters», «Waterstone's» или «Borders». Финансируемые же западными благотворительными фондами программы переводов успевают поставлять читателям лишь избранные образцы научной классики. Бюрократия все еще остается здесь главным менеджером экономических и социальных перемен, а несанкционированная творческая активность воспринимается как нечто маргинальное. Данному положению дел частично способствует и национальное законодательство.

В частности, написанная по восточноевропейским образцам Конституция Украины 1996 года содержит в себе 13, а с учетом военного и чрезвычайного положения – 15 ограничений фундаментальной свободы слова. Нередко в законодательстве посттоталитарных стран используются такие понятия как «интересы общества», «защита прав и свобод других людей», «социальная направленность экономики», «вред обществу», «мотивы общественной необходимости», «интересы национальной безопасности», «информационный суверенитет», «информационная безопасность», «объективная истина» и др., которые прямо или косвенно подавляют эвристические способности индивида.

Между тем, по-настоящему актуальной в наше время является не элементарная защита от искажений, а поиск ответов на вопросы типа: что есть «доказательство», «уместность», «истина» и «справедливость» в отношении наиболее вероятных из угроз, имманентно присущих современной науке. Более того,

ВВЕДЕНИЕ

как утверждает У. Бек, адекватным средством обнаружения опасностей, скрытых в природе современной цивилизации, может стать лишь «второе Просвещение».¹

Впрочем, проблему гарантирования интеллектуальной свободы в посттоталитарных странах необходимо воспринимать даже в более широком контексте. Как известно, цели открытого и либерального общества избираются обычно спонтанно, на основе множества мало предсказуемых факторов. Действующее же в посттоталитарных странах законодательство составляется с использованием жестко фиксированных ценностей, к тому же сформулированных в терминах неметафорического языка. Предполагается, что спонтанность и динамизм должна в этом случае обеспечивать правовая категория свободы. Однако подобная гарантия социального прогресса в конституционном праве посттоталитарных стран либо вообще отсутствует, либо закрепляется без надлежащих механизмов ее реализации.

В частности, попытка независимых экспертов внести *категорию*, а не инструментальное понятие свободы в официальный проект Конституции Украины 1996 года была сознательно пресечена национальной конституционной комиссией. Нечто подобное имело место и в других посттоталитарных республиках. В результате, вместо насыщенных динамикой правовых средств, в конституционное законодательство Восточной Европы проникло множество малоподвижных (при сопоставлении с реальными потребностями развития), а потому и малопродуктивных норм. С точки зрения правовой политики это означало неприятие либеральной схемы правового регулирования, предложенной Д. Ролзом: в конституциях фиксировать высшую ценность и основные гарантии свободы, а тактические, в том числе экономико-распределительные принципы и права, помещать в текущее законодательство.

¹ Бек У. Что такое глобализация? – М.: Прогресс – Традиция, 2001. – С. 175.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Между тем, в развитых демократиях объектом правового регулирования является социальный организм во всем многообразии его составляющих, а не гомогенная ассоциация граждан с едиными целями и интересами. Их правовая система представляет собой набор правил взаимодействия индивидов, а не постатейную роспись коллективистских приоритетов, ради которых подобные взаимодействия осуществляются. С точки зрения современных представлений о праве она представляет собой процессуальный и динамический, а не материальный и статический регулятивный механизм. Однако в силу политической инерции и консервативной традиции многие из посттоталитарных правовых систем остаются индифферентными к вызовам современности.

Таким образом, хотя социально-экономическое процветание современных обществ обеспечивают творчество и инновации, правовые системы многих из посттоталитарных стран специальным образом на них не нацелены. В них преобладают охранительные и стабилизационные ценности, рядом с которыми не остается места «коллективному воображению» А. Тоффлера или «обществу риска» У. Бека. Иногда возникает впечатление, что их основные законы написаны вообще не в парадигме современности. Слишком часто они пропитаны назидательностью и чаяниями умеренных гражданских добродетелей. Можно сказать, что их логика и дизайн рассчитаны на «заботливое, как бабушка, правительство» (Т. Грин). Между тем, настоящего процветания не достигнуть одними лишь патерналистскими усилиями.

Новые идеи и культурные образцы, новаторские типы поведения, нешаблонные установки и творческие подходы создаются в мире немногочисленными элитами. Лик мира преобразуется горсткой людей, первоначально разобщенных и никому не известных, говорил Э. Ионеско.¹ Прогресс в наши дни

¹ Ионеско Э. Противоядия. – М.: Прогресс, 1992. – С. 83.

ВВЕДЕНИЕ

обеспечивают «немногие, переубеждающие многих» (Ф. Хайек), а это требует особого отношения к «культурно чувствительным» (Д. Истон) зонам гражданского общества. Ведь именно на их территориях крайне негативно сказываются последствия нормотворческой экспансии и «гнета демократических решений». Кроме того, область вопросов, которые плебисцитарным путем решить невозможно, постепенно расширяется во всем мире. Неслучайно «коллективное воображение» признается важным ресурсом в разработках стратегии развития США.

Хотя марксистский прогноз об отмирании государства оказался известным преувеличением, в передовых странах становится все более заметным то, что люди хотят жить преимущественно в пространстве частных интересов, гражданском обществе, а не в государстве. Все более очевидным в Западной Европе и США становится то обстоятельство, что граждане распоряжаются собственностью, пересекают географические и политические пределы, работают в творческих профессиях как бы уже вне национальных границ и правил. Все большее их количество реализует свои интересы вне санкций национальной бюрократии, что, в свою очередь, требует реорганизации наших политических и юридических представлений.

В этом смысле идея юридической защиты символической реальности кажется сегодня универсальной. Ведь она основана на осознании недостаточности традиционных схем правового регулирования интеллектуальной свободы не только в странах, переживших политический и нравственный холод тоталитаризма. Слишком многое говорит нам сегодня о том, что потенциал международного публично-правового регулирования необходимо использовать для воспроизводства «рукотворной спонтанности», в роли по-настоящему всеохватного юридического гаранта интеллектуальной свободы и многообразия.

Но если мы признаем, что вектор современного прогресса определяется интеллектуальными усилиями талантливых

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

одинок, создающих различного рода образцы, модели и стили, то по своей направленности он должен отличаться от вектора демократии. Внешне все выглядит так, как если бы созданные творцами образцы для подражания и установки на будущее выставлялись на символическом рынке, где спрос и предложение определяются бесчисленным множеством факторов. Среди них важное место принадлежит национальным особенностям и региональной традиции. Новая цивилизация, как говорил Л. Мамфорд, не создается целиком из новых форм, а возникает на обломках прежней культуры, как бы пересаженной на свежую почву. При этом в дело идут *все* существующие изобретения, образцы и модели. Данный процесс напоминает работу мастеров английской готики, применявших в своих постройках камни из старых римских вилл в сочетании с местными кремневыми валунами.¹

При этом там, где нет настоящего сознания, как у животных, искушение новизной осуществляется через нечто *внешнее* – оболочку, видимость, поверхность. Там же, где сознание и душа присутствуют, инновационный соблазн совершается посредством внутреннего, искусственного, придуманного, наконец, воображаемого. Культурное искушение является чрезвычайно сильным в случае высокообразованного интеллекта. Можно сказать, что его сила прямо пропорциональна силе разума, пораженного новизной. При этом возникает ощущение, что печально известной «силы воли» в культурном пространстве вообще не существует.

Что касается политического вектора демократии, то даже в наиболее либеральных обществах он определяется волей большинства, выступающей как ограниченная способность выбора среди уже существующих образцов, моделей, стилей и установок. К сожалению, в посттоталитарных государствах

¹Mumford L. *Technics and Civilization*. – N. Y.: A Harbinger Book, 1963. – P. 108.

ВВЕДЕНИЕ

подобная схема отношений воспринимается обычно с трудом. Представление же о демократии, как об исключительном факторе социальной динамики является здесь типичным преувеличением. Наоборот, политически искушенные и зрелые общества демонстрируют растущий интерес к гарантиям невмешательства демократии в творчески-интеллектуальную сферу. Специальной целью их усилий является обеспечение граждан разнообразной информацией, поддержание атмосферы постоянной готовности социума к непредсказуемости и новизне.

Все это, как и многое другое, говорит нам о том, что в пост-тоталитарных странах уместно ставить вопрос о создании (восстановлении) системы принятия первичных решений творчески-экспериментального типа, которые бы затем определяли вторичные демократические решения практического типа. Данный процесс не предполагает сужения пространства демократии и направлен лишь на ее оснащение достаточным количеством образцов на будущее. Как неоднократно повторял Д. Сартори, дар демократии не творческий, а селективный. Это означает, что демократия не столько созидает, сколько *отбирает* из культурных образцов, созданных творческими элитами ранее. Подобная схема отношений по своим приоритетам несколько противоречит традиционным функциям государства по обеспечению защиты, порядка и стабильности. Но если интересы прогресса мы ставим выше всего остального, то у нас практически не остается выбора.

Впрочем, и без того любое государство нуждается в сдерживании. Ведь и не слишком консервативная власть обычно требует, чтобы даже научное творчество входило в русло «нормального развития». Между тем, эта – наиболее организованная из творческих сфер человека – представляет собой *коллаж*, а не систему (П. Фейерабенд).¹ Отношение государства к науке

¹ Feyerabend P. Killing Time. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1995. – P. 143.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

характеризует и его отношение к культуре в целом. Как напоминают нам идеологи либерализма, государство всегда желает быть не только арбитром, но и сильнейшим игроком, который ради уверенности в результате склонен переписывать правила игры по ходу действия.

Следует также не забывать, что новаторам принадлежит универсальная привилегия «прыгать за ограждения» (С. Зонга). Творчество нарушает сам порядок вещей, поэтому его необходимо защищать от предсказуемости и упорядоченности специальными правовыми средствами. К сожалению, многие эксперты все еще сомневаются в целесообразности обновления международно-правовых гарантий интеллектуальной свободы. Чаще всего их позиция сводится к утверждению: зачем создавать новые гарантии, если существует Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года, которая предусматривает свободу придерживаться своих мнений и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны государственных органов и независимо от государственных границ.

На это можно возразить двояко. *Во-первых*, статья 10 Европейской конвенции не только провозглашает свободу выражения мнений и ее гарантии, но и связывает данную свободу существенными оговорками. В частности, в ней утверждается, что осуществление свободы выражения мнений может быть сопряжено с формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые установлены законом и которые необходимы в демократическом обществе в интересах государственной безопасности, территориальной целостности или общественного спокойствия, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, а также обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

ВВЕДЕНИЕ

Однако мы знаем, что подобное отношение к свободе слова и самовыражения не является общепринятым. В частности, в США большинство из вышеуказанных ограничений считаются неприемлемыми, ибо в Первой поправке к Конституции США (1791 г.) утверждается, что свобода слова не может подлежать каким-либо законодательным, не говоря уже об административных, ограничениям или санкциям.¹ Данное понимание закреплено во многих решениях Верховного Суда США, который распространил действие Первой поправки на всю сферу информационных отношений.² Либеральный дух Первой поправки присутствует также в таких законах страны, как Freedom of Information Act (1966 г.) и Sunshine Act (1976 г.).

Разумеется, регион Восточной и Центральной Европы существенным образом отличается от США, а потому очевидный для американцев прагматизм в защите интеллектуальной свободы нуждается здесь в дополнительном обосновании. Однако следует учесть и то, что основанный на либеральной конституционной доктрине инновационный отрыв США от остального мира является сегодня поразительным. Хотя темпы американского прогресса объясняются не только достигнутой здесь информационной свободой, раскованность и широта правил информационного обмена, свободная циркуляция самых разнообразных данных в значительной степени способствовали стремительному продвижению Соединенных Штатов вперед.

Во-вторых, Европейская конвенция гарантирует свободу самовыражения в том виде, как она сложилась в большинстве европейских стран сразу после Второй мировой войны. Тогда

¹ «Конгресс не должен издавать законов, устанавливающих какую-либо религию или запрещающих ее свободное исповедание, ограничивающих свободу слова или печати или право народа мирно собираться и обращаться к правительству с петициями о прекращении злоупотреблений» (Конституции буржуазных государств. – М.: Юридическая литература, 1982. – С. 32).

² См.: Свобода слова. Решения Верховного Суда США. – Київ: Optima, 2004; Свобода преси. Решения Верховного Суда США. – Київ: Optima, 2004.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

правовой защиты требовала элементарная свобода мысли и слова. В 1950 году предпосылки, а также сам *процесс* формирования свободного мышления, становления подлинно раскованного и непредубежденного общественного сознания беспокоили людей в значительно меньшей степени, нежели теперь. Создатели Европейской конвенции не были обременены типичными для посттоталитарных стран проблемами гипертрофированной этнической самоидентификации, стереотипного мышления, избыточно регулируемых государством науки и образования, стандартизации методик преподавания и учебников. Им не мешала ксенофобия местных интеллектуалов, обскурантизм правящих групп и недоступность альтернативных источников информации – эти характерные последствия длительного дефицита свободы.

Наконец, следует согласиться и с тем, что одного признания необходимости интеллектуальной свободы недостаточно для обеспечения творческого процесса. Как справедливо полагал Б. Малиновский, интеллектуальная свобода требует для своего сохранения и воспроизводства специальных гарантий. По-настоящему свобода существует и действует не тогда, когда индивид может думать и говорить обо всем, что ему вздумается, но тогда, когда она находится в режиме *гарантированного состояния*. Говоря иными словами, для того чтобы интеллектуальная свобода могла беспрепятственно существовать и воспроизводиться, необходимо выполнение следующих необходимых условий: а) цели интеллектуальной активности должны избираться субъектами самостоятельно, а не индоктринироваться; б) интеллектуальная активность не должна контролироваться какой-либо внешней силой; в) результаты интеллектуальных усилий не должны отбираться у индивидов политической властью.¹

¹ Malinowski B. Freedom and Civilization. – London: George Allen, 1947. – P. 170.

ВВЕДЕНИЕ

Не вызывает сомнения и то обстоятельство, что для генерирования новых идей потоки официальной и неофициальной информации должны быть предельно открытыми и прозрачными.¹ Причем это лишь наиболее общее и предварительное замечание. Поскольку культура не говорит на языке правительств, идеология знаний и власти обычно не совпадает. Даже сравнительно близкие языки И. Канта, Гегеля, Ф. Ницше и М. Хайдеггера являются «отчетливо разными», а потому и непереводаемыми.² Но это только лишний раз доказывает, что проблема взаимоотношений власти и культуры в принципе не может быть простой.³

Научное познание ведет к истине, параллельно увеличивая степень осознаваемого нами незнания («усвоение знаний не может репрезентировать себя иначе, как через осознание еще большего невежества»⁴). Однако на практике политическим лидерам трудно решиться вкладывать ресурсы в «неопределенность». Им нелегко осознавать тот факт, что истина может иметь форму негативного суждения. С другой стороны, «нет ничего более непрочного, – писал в свое время М. Фуко, – чем политический режим, безразличный к истине; но нет ничего более опасного, чем политическая система, которая претендует на то, чтобы предписывать истину».⁵ Отчасти поэтому познание истины представляет собой задачу, на решении которой еще никому не удавалось сэкономить. Потребовались

¹Современные фабрики мысли. Аналитический доклад. – Киев: Агентство гуманитарных технологий, 1999. – С. 29.

²Налимов В. Спонтанность сознания. – М.: Прометей, 1989. – С. 10.

³Как считает П. Слотердаjk, «все без исключения сегодняшние научные дисциплины и учения о разумности находятся под подозрением в том, что они принесли с собой не знание о том, как все улучшить, а знание о том, как все ухудшить» (Слотердаjk П. Критика цинического разума. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. – С. 567).

⁴Bauman Z. Postmodernity, or Living with Ambivalence // A Postmodern Reader. – USA: State University of New York Press, 1993. – P. 23.

⁵Фуко М. Воля к истине. – М.: Магистериум, 1996. – С. 325-326.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

десятилетия умственной работы, чтобы русские поэты Серебряного века или украинские «неоклассики» начали восприниматься в качестве действительно невинных жертв ужасных методов «ниспровергателей основ».¹

К сожалению, еще и сегодня режим наибольшего благоприятствования по отношению к культуре является недостаточно гарантированным с точки зрения возможностей конституционного и международного публичного права. Мы только начинаем осознавать тот факт, что если между символической системой культуры и политической властью не существует нейтрального пространства, то создание юридических гарантий интеллектуальной свободы должно стать нашей первоочередной задачей.

Не менее важным является также понимание того обстоятельства, что жизнь символической реальности в ее главных проявлениях существенно отличается от способов функционирования предметно-материального мира. С точки зрения возможностей человеческого сознания и воображения, мир физики выглядит не слишком приемлимым и динамичным. Напротив, в интеллектуальном пространстве *все* пребывает в состоянии движения и беспокойства. Как писал по этому поводу Ж.-Ф. Лиотар, современность идет рука об руку с потрясением основ веры, открытием «присущего реальности *недостатка реальности*» и вытекающим отсюда изобретением других реальностей.² Поскольку же в символической реальности господствует воображение, постольку интеллектуальная свобода становится главным условием, обеспечивающим возможность социального творчества. Как известно, поставить

¹Шевченко І. Традиційні еліти на білих рейках // Критика, № 9, 2001. – С. 18.

²Лиотар Ж.-Ф. Ответ на вопрос: что такое постмодерн? // Ежегодник лаборатории постклассических исследований Института философии РАН. – М.: Ad Marginem, 1994. – С. 316.

ВВЕДЕНИЕ

творческое воображение на якорь оказалось невозможным даже в силовом поле тоталитаризма.

В свое время Ф. Ницше объяснял драматизм отношений между интеллектуальной свободой и властью органическим противоречием, которое существует между «свободными» и «связанными» умами. Хотя государственная политика сама является частью символической реальности (А. Ампер относил управление государством к подразделению «ноологических» наук¹), вектор политической власти обычно расходится с вектором творческого начала. По этой причине отношения между интеллектуальной свободой и государством представлены у Ф. Ницше вечной полемикой, которую свободные умы ведут со связанными умами. Первые в ней обязаны постоянно доказывать вторым, что свободомыслие обладает устойчивостью и является полезным также и для связанных умов.² Впрочем, Ф. Ницше писал о полемике государства и свободы лишь в абстрактном смысле. В реальной действительности их конфликт, по мнению философа, неразрешим. Связанные умы априори не способны понять логику свободных умов.

В отличие от пессимизма Ф. Ницше, в творчестве У. Уитмена либеральное государство и демократия стоят достаточно высоко, ибо они воплощают в себе способность соединить поиск политического совершенства с волнующим искусством коммуникации.³ Общеизвестно также, что современное государство не только субсидирует фирмы, но и вкладывает деньги в сферу науки и образования, пытаясь придать больше ясности всему тому, что его окружает. Подобная культурная политика породила идею *общества знания* с увеличенными сроками обучения и ослаблением привязки образования к рабочим

¹ Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине. – М.: Наука, 1983. – С. 57.

² Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1990. – С. 362.

³ Дьюи Д. Общество и его проблемы. – М.: Идея-Пресс, 2002. – С. 134.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

местам. Вся стратегия послевоенного развития потребовала от лидеров и масс не только умения работать в команде, но и понимания глубинных основ культуры.

Говоря иными словами, целью современного либерального государства является сохранение индивидуальной творческой свободы в условиях растущего конформизма как «неотвратимой угрозы нашего столетия». ¹ Считая своих современников слишком «робкими и ленивыми», Д. Фаулз настаивал на необходимости систематического развития в молодых людях способности к автономному суждению. В наши дни Ф. Ницше является наиболее читаемым в Восточной Европе философом. Но именно он не верил в «долговременные интеллектуальные инициативы», ² одну из которых столь впечатляюще воплотил в себе марксизм. Хотя экономическая ситуация в большинстве посттоталитарных стран выглядит сегодня прозаической, не таким является человеческий интеллект. Материализм ушедшего века лишь временно подчинил людей логике, результаты которой оказались столь разочаровывающими. ³

По мнению И. Бродского, все случившееся в творчески-интеллектуальной сфере СССР можно назвать «беспрецедентной антропологической трагедией», генетическим регрессом, в результате которого произошло усечение эвристического потенциала *homo sapiens*. Причем, пускаться по этому поводу в словесные игры не имеет смысла. Если сжигание книг можно считать политическим жестом, то запрещение их публикации воплощает в себе реальную попытку фальсификации времени. Не вызывает сомнения, что целью советской системы было стремление «внедрить свою версию будущего». ⁴ Отголоски

¹ Фаулз Д. Аристос. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – С. 8.

² Коукер К. Сумерки Запада. – М.: Московская школа политических исследований, 2000. – С. 210.

³ Коукер К. Сумерки Запада. – М.: Московская школа политических исследований, 2000. – С. 220.

⁴ Бродский И. Поклониться тени. – СПб.: Азбука, 2001. – С. 102, 126.

ВВЕДЕНИЕ

подобного суперпроекта еще и сегодня можно услышать в бывших советских республиках.¹

Среднему поколению жителей Восточной и Центральной Европы еще памятливы типичные проявления авторитаризма: порядок производства установлен согласно жесткой бюрократической схеме; политика имеет целью национальную централизацию и унификацию; революция и классовая борьба являются ее главными составными частями. Безусловными ценностями признаются бережливость, труд и усердие. Образование является обязательным и традиционным. В результате, индивид детерминируется во всем. Преобладание подобного порядка прослеживается в Европе до второй половины XX века. И только в последующие десятилетия структуры единообразия начинают заменяться системами индивидуализированных потребностей, ситуациями выбора, свободного информационного обмена и политического участия.²

Разумеется, еще и сегодня правительственное засекречивание отдельных сфер принятия решений остается маневром, позволяющим власти культивировать скрытое насилие, а история спецслужб пестрит случаями дезинформации парламента и организации слежки за политической оппозицией и диссидентами.³ В политической культуре восточноевропейских стран частично сохраняется также рудиментарная привычка к «глобальным объяснениям».⁴ Однако именно в этих странах ныне ценят «живых писателей даже с тысячей ошибок, даже с

¹Предпринятый украинскими правозащитниками в 2003 г. обзор нарушений свободы слова составил два многостраничных тома. См.: Свобода висловлювань в Україні. Огляд повідомлень про конфлікти в інформаційній сфері України у 2003 році. В 2 т., Т. 1, Т. 2. – ХПГ, Фоліо, 2004.

²Липовецки Ж. Эра пустоты. – СПб.: Владимир Даль, 2001. – С. 167.

³Кин Д. Демократия и гражданское общество. – М.: Прогресс – Традиция, 2001. – С. 282.

⁴Автономова Н. Впечатления из Бостона // Вопросы философии, № 5, 1999. – С. 57.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

несимпатичной для кого-то биографией, даже с неудачными иногда экспериментами, даже хаотических».¹

Постепенно все большее количество людей в мире понимает, что путь в лучшее будущее пролегает через обучение культуре открытости, а не через слепую веру и фанатизм. И потому, как говорил Ю. Шерех, «Карфаген нашей провинциальности» должен быть разрушен как можно скорее. Для достижения подобной цели необходимо обеспечить свободу самовыражения и творчества, гарантировать развитие плюралистических тенденций в науке, образовании и искусстве. Как писал И. Дзюба, в Украине уже назрела необходимость перейти на новый концептуальный уровень культурной политики, создав для этого аналитико-прогностические структуры мирового класса.

Уставшая от десятилетий подавления культура должна, наконец, соприкоснуться с богатством и неисчерпаемостью ситуаций выбора, реальной неограниченностью творческих инициатив.² При этом многое из того, что является сегодня действительно ценным, спрятано не в материальной стоимости продукта, а в его индивидуализированной, символической стоимости (sign-value).³ По крайней мере, такой выглядит динамика культурных ориентаций в современном мире.⁴ Как говорил по этому поводу С. Лем, все то, для чего были необходимы озаренные интуицией человеческое терпение и настойчивость, нами уже практически достигнуто. Все остальное, требующее величайшей ясности теоретической мысли, находится пока впереди.⁵

¹ Шерех Ю. Пороги і запоріжжя. Т. 1. – Харків: Фоліо, 1998. – С. 547.

² Дзюба І. Спрага. – Київ: Український світ, 2001. – С. 228, 236.

³ Иноземцев В. Расколота я цивилизация. – М.: Наука – Academia, 1999. – С. 61.

⁴ Etzioni A. The Active Society. – N. Y. – London: The Free Press, 1968. – P. 204.

⁵ Лем С. Сумма технологии. – М.: Изд-во АСТ, 2002. – С. 61.

Глава I

**ФЕНОМЕН
СИМВОЛИЧЕСКОЙ
РЕАЛЬНОСТИ**

1.1. Понятие символической реальности

Выяснение содержания понятия символической реальности предполагает рассмотрение символического начала, взятого в совокупности его основных свойств и атрибутов. Атрибутами данного феномена являются его истоки и признаки, местоположение, а также общие правила, по которым действует символический механизм. В целом, *символизация как ментальный процесс* представляет собой весьма многозначное и недостаточно проясненное понятие.¹ В наиболее общем виде символ представляет собой произвольный знак, выражающий единообразную социальную реакцию или функцию.² В психоанализе, писал К. Г. Юнг, «символом <...> мы называем термин, название или даже образ, обладающий

¹«Несмотря на нашу современную самоуверенность, – писал Д. Серл, – <...> мы, что примечательно, сбиты с толку и погружены в разногласия по вопросам о том, в чем заключается существо умственной деятельности. Как в притче о слепом и слоне, мы схватываем некое сомнительное свойство и провозглашаем его сущностью ментального. «Там невидимые предложения!» (язык мышления). «Там компьютерные программы!» (когнитивизм). «Там только каузальные отношения!» (функционализм). «Там вообще ничего нет!» (элиминативизм). И так, уныло, далее» (Серл Д. Открывая сознание заново. – М.: Идея-Пресс, 2002. – С. 225).

²«Знак – это соединение означающего с означаемым» (Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. – М.: Изд-во Сабашниковых, 2004. – С. 248).

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

помимо своего общеупотребительного еще и особым дополнительным значением, несущим нечто неопределенное, неизвестное».¹ Значение символа формируется в процессе обучения и достижения взаимного согласия людей, использующих его возможности в процессе коммуникации.² По своему значению символ близок к сигналу и знаку. Но если сигнал и знак представляют собой лишь указание на некоторое обстоятельство, то символ – это знак, которому присуще динамическое качество жизни. Как писал о символе Л. Витгенштейн, «он *живет* в употреблении».³ В одном из решений Верховного Суда США утверждается, что «символизм – это примитивный, но эффективный способ сообщения идей».⁴

По мнению Р. Коллингвуда, символ (греч. *symbolon*) – «есть нечто, происходящее посредством соглашения и принятое сторонами данного соглашения как приемлемое для достижения определенных целей».⁵ В своем чувственном качестве символ указывает на «что-то другое» или заменяет собой это

¹ Юнг К. Г. К вопросу о подсознании // Юнг Карл Густав, фон Франц М.-Л., Хендерсон Дж. Л., Якоби И., Яффе А. Человек и его символы. – М.: Серебряные нити, 1997. – С. 15.

² Как пишет А. Пятигорский, «семантическая оппозиция «знак – обозначаемое» не является одним из содержаний или одной из структур сознания, а является, по крайней мере для нынешнего времени, одним из условно принятых концептов позитивистского научного знания». При этом «знак не существует вне своей интерпретации, так как сама идея знака есть интерпретация того или иного объекта как знака, идея, которая предшествует данному объекту таким же самым образом, как семиотическая ситуация предшествует знаковой системе» (Пятигорский А. Непрерываемый разговор. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – С. 353, 377).

³ Витгенштейн Л. Философские исследования // Языки как образ мира. – М.-СПб.: Изд-во АСТ, 2003. – С. 403.

⁴ Freedom of Speech Decisions of the United States Supreme Court. – San Diego, California: Excellent Books, 1994. – P. 87.

⁵ Collingwood R. The Principles of Art. – USA: Oxford University Press, 1958. – P. 225.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

другое.¹ «Другим» в данном случае может выступать явление или предмет, но чаще всего символ указывает на абстрактное, непосредственно не воспринимаемое содержание, смысловое образование, комплекс представлений, относящихся к религии, политике, науке и др. Как писала по этому поводу Т. Апинян, «символ по природе своей есть множественность смыслов».²

Символ имеет знаковую природу, поэтому ему присущи все свойства знака. Но если сущность знака образует чистое указание, то сущность символа является более широкой, чем только указание на то, что не есть он сам.³ Символ – это не просто наименование для отдельной частности, он схватывает связь данной частности с другими элементами, подчиняет эту связь единому закону и принципу, подводит их к некоей единой универсалии.⁴ По мнению Ж. Бодрийара, феномен символического представляет собой то, что лежит «по ту сторону» бессознательного и психоанализа, по ту сторону либидональной экономики, ценности и политической экономики в целом.⁵ В большинстве случаев феномен символического создается

¹ В своих этимологических истоках слово «символ» означало предметы, соединенные вместе. В свою очередь, греческий глагол «*symballein*» означает: заключать сделку или договор. Таким образом, «билет» и «чек» – это такие же символы, как и любое иное выражение чувства (Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 93).

² Апинян Т. Игра в пространстве серьезного. Игра, миф, ритуал, сон, искусство и другие. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2003. – С. 342.

³ По мнению Ю. Кристевой, «между знаком и символом имеется различие как в вертикальном, так и в горизонтальном измерении. В своей вертикальной функции знак, в отличие от символа, отсылает к менее общим, более конкретным сущностям – универсалии *овеществляются*, становятся *предметами* в полном смысле слова» (Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 140).

⁴ Постмодернизм. Энциклопедия. – Минск: Книжный дом, 2001. – С. 726.

⁵ Бодрийар Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000. – С. 385.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

«внешним именем», не обладающим каким-либо специальным подобием с объектом символизации. «Парадокс символизации заключается в том факте, что объект создается как Одно именно той чертой, которая является радикально внешней стороной самого объекта, его реальности; создается именем, которое не имеет никакого подобия с объектом».¹

По своей материальной природе и составу символы могут быть индифферентны по отношению к символизируемой реальности. В этом смысле они образуют автономную, почти замкнутую систему. Как писал по этому поводу Ж. Бодрийар, «сфера реального сама по себе больше не является обмениваемой на сферу знака».² По мнению же Э. Кассирера, такие символические формы как язык, миф или наука создают независимую структуру, которая приобретает свою ценность благодаря тому, что трансцендентальное бытие особым образом «отражается» в ней. То, что придает каждой из символических форм ее своеобразие – это самодостаточный мир значений, живущий по собственным внутренним законам.³ Например, миф – это «процесс обмена и циркуляции кода, процесс распределения и классификации, для которого самым важным является форма» и т. д.⁴

С другой стороны, указывает Ф. де Соссюр, символ характеризуется тем, что он не может быть полностью произвольным. Он не вполне пуст, в нем всегда присутствует рудимент естественной связи, которая существует между означающим и означаемым. Символ отсылает нас к объекту, который он обозначает в соответствии с законом, то есть, посредством соединения некоторых общих идей. По сравнению с образом, который

¹ Жижек С. Метастази насолоди. – Київ: Альтернативи, 2000. – С. 46.

² Baudrillard J. Impossible Exchange. – London: Verso, 2001. – P. 5.

³ Cassirer E. The Philosophy of Symbolic Forms. Vol. 3. – New Haven and London: Yale University Press, 1957. – P. 45-50.

⁴ Бодрийар Ж. К критике политической экономии знака. – М.: Библион, 2003. – С. 171.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

«запечатлевает множество возможностей»,¹ символ не менее емко, но более лаконичен. Как и язык моды, язык символов дискретен и фрагментарен, он всегда является результатом ряда выборов и упрощений. Что же касается символического контекста, то это – «социально созданная институциональная реальность».² В большинстве случаев она представляет собой «форму слов, <...> музыки, рисунков, трехмерных объектов или определенной комбинации этих форм».³

Таким образом, символы, замещая собой реальность, на которую они не похожи, творят свою собственную, «вторую» реальность. И хотя «слова являются более слабыми по сравнению с вещами как таковыми»,⁴ в цепи длинных и непростых превращений символическая реальность не только замещает собой привычную реальность, но и придает ей смысл.⁵ В результате возникает ситуация, когда акцент начинает переноситься с вещи на ее символическое значение.⁶ По мнению Ж. Делеза, «мир – это яйцо, но яйцо есть, по сути, театр: театр постановок, в котором роли доминируют над актерами, пространство

¹Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. – М.: Изд-во Сабашниковых, 2004. – С. 47.

²Searle J. Mind, Language and Society. – N.Y.: Basic Books, 1999. – P. 161.

³Мей К. Інформаційне суспільство. – Київ: К.І.С., 2004. – С. 207.

⁴Milosz C. Milosz's ABC's. – N. Y.: Farrar Straus and Giroux, 2002. – P. 210.

⁵По мнению Д. Фаулза, в любом гениальном произведении литературы воображаемое настоящее, каким бы далеким оно не было, всегда затмевает реальное настоящее.

⁶Как повествует главный герой «Романа с кокаином» М. Агеева, «за долгие ночи и долгие дни <...> мне пришла мысль о том, что для человека важны не события в окружающей его жизни, а лишь отражаемость этих событий в его сознании. <...> Человек живет, таким образом, не событиями внешнего мира, а лишь *отражаемостью* этих событий в своем сознании». Таким образом, «*причина <...> человеческой деятельности, как бы эта деятельность ни была разнообразна, всегда одинакова: потребность совершения во внешнем мире таких событий, которые, будучи отражены в сознании, вызовут ощущение счастья*» (Агеев М. Роман с кокаином. – М.: Русские классики, (год не указан). – С. 148-149).

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

доминирует над ролями, и идеи доминируют над пространством».¹ Как писал Х. Олкер, «существование трансцендентных социальных и политических целей символического или даже мифологического характера, утопий, в стремлениях к которым мы коллективно и на законном основании проникаемся готовностью убивать или умирать, драматически *определяет* наиболее существенные из политических акций».²

Символическая реальность придает физической реальности совершенно особую, дополнительную динамику. Ибо многое из того, что объективно существует, хотя и обладает собственным позитивным квантом энергии, однако располагает свой центр в обладающих сознанием телах и распространяется с помощью *их* инструментов.³ В реальном мире алгебраически работает «вся машинерия нашего разума, наших общих идей и законов, фиксированных и внешних объектов, принципов, персонажей и Богов».⁴

По мнению У. Эко, «знак способен создавать эмоциональный и энергетический интерпретант. Если мы возьмем музыкальный отрывок, то эмоциональный интерпретант будет нашей нормальной реакцией на чарующую силу музыки, но данная эмоциональная реакция может породить также мускульные и умственные усилия. Эта разновидность ответа является энергетическим интерпретантом». Чуть ниже он расширяет данный подход: «Система систем кодов, которая могла бы показаться нереалистическим и идеалистическим культурным миром, отъединенным от конкретных событий, приводит к

¹ Bains P. Subjectless Subjectivities // A Shock to Thought. – London: Routledge, 2002. – P. 112.

² Олкер Х. Волшебные сказки, трагедии и способы изложения мировой истории // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – С. 434.

³ Слотердаjk П. Критика цинического разума. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. – С. 36.

⁴ Santayana G. The Sense of Beauty. – N.Y.: Dover Publications, 1955. – P. 78.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

тому, что человек совершает какое-то действие над миром».¹

Поскольку значимость символа обычно не связана с его материальной субстанцией, символическая ценность вещи может в миллионы раз превосходить стоимость материала, из которого она сделана.² В этом смысле идеи и символы могут быть более могущественными, чем те или иные фрагменты материального мира. Объясняется это тем, что идеи и символы обладают способностью формировать *новую* реальность.³ Именно в этой – *второй* реальности быстрая передача информации становится ключевым моментом существования и выживания всех ее субъектов и объектов.

Большинство культурных форм является одновременно совокупностью символических форм. Например, музыку, приготовление пищи, садоводство, бридж, религию, бейсбол и политику принято считать символическими системами, которые живут по автономным, хотя и не индивидуализированным законам и правилам.⁴ Символическими системами являются также концептуальные и эмоциональные языки, например, язык научный и логический вместе с языком поэтического воображения. В целом, хотя человеческий разум не является адекватным понятием для обозначения всего многообразия символических форм, Э. Кассирер настаивал на том, чтобы определять человека не как *animal rationale*, а как *animal symbolicum*.⁵

В генетическом смысле символы тесно связаны со знаками и сигналами. Но если сигналы – это части физического мира, то

¹Еко У. Роль читача. Дослідження з семіотики текстів. – Львів: Літопис, 2004. – С. 272, 274.

²Полотно П. Пикассо «Мальчик с трубкой» было продано на Sotheby за 104 миллиона долларов (Музейный провулок, № 1(3), 2005. – С. 30).

³Novak M. The Spirit of Democratic Capitalism. – London: The IEA Unit, 1991. – P. 183.

⁴Csikszentmihalyi M. Creativity. – N. Y.: Harper Perennial, 1997. – P. 370.

⁵Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. – М.: Гардарика, 1998. – С. 472.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

знаки и символы выступают элементами мира значений. Данное обстоятельство позволяет считать сигналы «оператора-ми», а символы – «десигнаторами» окружающей нас действительности. Если сигналы в процессе своего распознавания и использования все-таки обладают неким субстанциональным качеством, то символам принадлежит лишь функциональная или абстрактная сущность. Находящийся на примитивном уровне развития индивид может обходиться сигналами и знаками. Однако у развитого человека мозг приобретает способность не только воспринимать, но и абстрактно конструировать субстанциональные отношения.

В мифологической фазе своей умственной активности человек не верит в случайность. Все для него совершается в это время сознательно, имеет причину.¹ Впоследствии, однако, его интеллект перемещается в «визуальную комнату» Л. Витгенштейна – пространство мысли без хозяина и владельца, и потому принадлежащее всем и каждому.² На пути в данную область разум (intelligence) приобретает удивительную способность обучаться, помнить и планировать.³ Наиболее лаконично все происходящее в данном случае описывает формула Ж. Лакана: «мыслить значит заменять слонов словом «слон», а солнце – кругом».⁴

Если способность индивида к символизации по каким-либо причинам заходит в тупик, его ментальная организация низвергается в пространство унылой самодисциплины, где «не произрастает абсолютно никаких «цветов зла», не возникает

¹ Cassirer E. The Philosophy of Symbolic Forms. Vol. 2. – New Haven and London: Yale University Press, 1955. – P. 48.

² Витгенштейн Л. Философские исследования // Языки как образ мира. – Москва-СПб.: Изд-во АСТ, 2003. – С. 392-393.

³ Dissanayake E. What Is Art For? – Seattle and London: University of Washington Press, 2002. – P. 110.

⁴ Лакан Ж. Семинары. Книга 1. Работы Фрейда по технике психоанализа (1953/54). – М.: Логос, 1998. – С. 296.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

никаких великих хладных взоров или фейерверков у края пропасти. Вместо этого – <...> демократия по месту службы, безрадостность, бесконечная заурядность, <...> жалкая болтовня об ответственности, мелочный и убогий пессимизм да пресная ирония».¹ В качестве универсальной реакции на подобные обстоятельства возникла идея деконструкции, «проект Деррида», основанный на понимании того, что большинство людей живет в «клетках общих понятий, структуралистских оппозиций, философских концептов и государственных границ». Человек постепенно осознает, что его окружают предрассудки и социальные симулякры, виртуальные миры политтехнологий, тиражируемые СМИ фантомы – паутины больших и малых мифологий современности. Деконструкция предлагает отказ от жизни в подобном мире, однако впоследствии сама превращается в очередной утопический мессианский проект.²

По мнению С. Лангер, большая часть используемых людьми слов является знаками-заменителями. В социальном опыте они заменяют собой вещи, которые люди воспринимали в прошлом и которые они могут представить себе вновь путем воспоминаний. Сюда относятся также вещи, которые могли присутствовать в общечеловеческом прошлом или могут встретиться людям в будущем. Так или иначе, знаки, используемые в мыслительной деятельности человека, из простых симптомов явлений постепенно превращались в символы.³ Сегодня различие между знаками и символами проявляется в различии ассоциаций, которые они вызывают в сознании мыслящего субъекта. Чаще всего знаки (сигналы) лишь объявляют о своих объектах, в то время как символы заставляют

¹ Слотердаик П. Критика цинического разума. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. – С. 425.

² Шевченко О. «Проект Деррида»: déjà vu фантомологии // Критика, № 11 (61), 2002. – С. 7-10.

³ Лангер С. Философия в новом ключе: Исследования символики разума, ритуала и искусства. – М.: Республика, 2000. – С. 32.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

воспринимать такие объекты по-настоящему. Данное обстоятельство позволяет говорить о дискурсивной символике слова и недискурсивной – изображения, звука и т. д.

Современные символы существенно отличаются от знаков. Если Платон и более близкий к нам Ф. де Соссюр считали, что сходство означающего и означаемого рождает знак, а несходство – символ, то Августин Блаженный и романтики, как пишет Н. Маньковская, видели специфику знака (аллегории) в его конечном (прямом) смысле, а символа – в неисчерпаемости представляемого им косвенного смысла.¹ Разумеется, при этом существует не только сознание символа, но и сознание знака. В противном случае люди не могли бы понимать его значение. Знак есть нечто возвышающееся к своему значению, он представляет собой то, «чем пренебрегают в пользу смысла».² Таким образом, знак не тождественен значению, как язык не тождественен мышлению. Как говорил С. Лем, язык – это не мышление, а мышление – это не язык. Принято считать, что в большинстве случаев «значение» имеет характер континуума и выступает как переживание. Фраза, высказывание, предложение означают что-либо лишь тогда, когда в них содержится смысл. Могут существовать бессмысленные фразы, но, как справедливо замечает С. Лем, не бывает «бессмысленных мыслей».³ Значение всегда является спрятанным в уме.

Таким образом, символическая реальность⁴ находится в

¹ Маньковская Н. Эстетика постмодернизма. – СПб.: Алетейа, 2000. – С. 38.

² Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. – М.: Республика, 2000. – С. 349-350.

³ Лем С. Сумма технологии. – М.: Изд-во АСТ, 2002. – С. 245.

⁴ Одной из семантических предпосылок понятия «символическая реальность» можно считать придуманное Л. Клагом (Ludwig Klages) в начале XX в. понятие *реальности образных представлений* – «reality of the images» (Cassirer E. The Philosophy of Symbolic Forms. Vol. 4. – New Haven and London: Yale University Press, 1996. – P. 25).

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

достаточно сложных отношениях с предметно-физической реальностью, а «смыслоперерабатывающие системы» Н. Лумана столь же мало совпадают с зависимыми от сознания системами, как дух – с субъективным духом. С другой стороны, фундаментальные начала эмпиризма требуют разграничения событий внутри системы, и событий в мире, который данную систему окружает.¹ Признавая, что воображаемый мир имеет сходную с действительным миром форму, Л. Витгенштейн немедленно делает оговорку о том, что на этом их подобие и заканчивается.²

Последнее обстоятельство имеет принципиальное значение не только для философии права. Ибо и в правоприменительной деятельности бывает нелегко выявить границу между знаково-символическим (ментальным) и предметно-физическим (материальным) явлением, событием или действием. Как известно, в конституционном праве принято декларировать свободу мысли и слова, а в праве уголовном и гражданском – устанавливать ответственность за некоторые перформативные высказывания. Законодатель также признает существование визуальных (порнография) и вербальных (оскорбление чести и достоинства) нарушений права, которые – в психологическом смысле – являются проявлениями эмоционально окрашенных символических значений.

Запрещая некоторые символические действия, право тем самым налагает табу на образы и рефлексии. Если рождение символа, как считал Леонардо да Винчи, восходит к попыткам человека очертить контур собственной тени,³ то изобретение «символических преступлений» повергает индивида в состояние страха перед фантомами собственного воображения. Так

¹Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. – М.: Весь мир, 2003. – С. 378.

²Витгенштейн Л. Философские работы. Часть 1. – М.: Гнозис, 1994. – С. 7.

³Леонардо да Винчи. О науке и искусстве. – СПб.: Амфора, 2006. – С. 57.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

или иначе, для лучшего уяснения природы символической реальности и ее отношений с материальным миром представляется полезным обратиться к Л. Витгенштейну:

«Картина – модель действительности». Вместе с тем: «Картина – факт» (из этого вытекает, что образ, знак и символ можно рассматривать в качестве элементов действительности – *В. Р.*).

«Изображение, дабы оно вообще могло быть картиной изображаемого, должно быть в чем-то тождественно ему» (вопрос о том, что именно является воплощением их тождественности, является здесь наиболее интересным – *В. Р.*).

«Логическая картина способна изображать мир». «Всякая картина является и логической картиной». «Посредством своей изобразительной формы картина изображает то, что она изображает, независимо от ее истинности или ложности» (в реакции на символ *претензии по поводу его истинности* необходимо специально артикулировать, оговаривать – *В. Р.*).

«То, что картина изображает, – ее смысл» (протест против чисто внешней, репрезентативной формы символа может быть либо эстетическим, либо имеющим иные, более глубокие логические основания – *В. Р.*)

«Ее (картины – *В. Р.*) истинность или ложность состоит в соответствии или несоответствии ее смысла действительности» (суждение по поводу истинности символа невозможно себе представить без проникновения в замысел Творца, всегда чреватый шуткой с его стороны. Любое суждение по поводу истинного содержания действительности сталкивается с трудной проблемой верификации – *В. Р.*).

«Мысль – логическая картина факта» (факт может не нравиться, менее обоснованной выглядит претензия к мысли. Претензии к факту и его логической картине необходимо различать – *В. Р.*).

«Мысль содержит возможность той ситуации, которая мыслится ею. Что мыслимо, то и возможно» (претензии *могут*

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

адресоваться к возможности ситуаций, однако наличие символа не является сильным доказательством реального существования ситуации, которую он символизирует – В. Р).

«Ситуации могут быть описаны, а не *поименованы*. (Имена подобны точкам, предложения – стрелкам, предложения имеют смысл)» (смысл обладает векторностью; где нет интенции, там нет и смысла; бессмысленно запрещать имена (знаки, символы), содержащие одно только именование, «точки» невозможно ориентировать в пространстве – В. Р).

«Целокупность предложений – язык». «Предложение – модель действительности, какой мы ее себе представляем» (табуируя предложение, мы не соглашаемся принимать символический или реальный аспект действительности; несогласие с языком может означать протест против *общего понимания* действительности, но также и против действительности в целом – В. Р).¹

Нижеследующий тезис Л. Витгенштейна можно считать ключевым для темы символической реальности: «В самой природе предложения заложено то, что оно способно сообщить нам *новый смысл*». И далее: «Предложение может передавать *новый смысл* старыми выражениями». ² Таким образом, в природе символической реальности изначально заложена возможность творчества. Символизация – это не только отражение действительности, но также воплощение *непредсказуемых мутаций* смыслов, адекватных или неадекватных действительности. Она чревата непредсказуемостью и новизной, которые мы можем мыслить еще до того, как реально столкнемся с ними.

Таким образом, в пространстве символической реальности «великое деление, такое как деление на реальное/нереальное является слишком упрощенным, чтобы схватить сложность

¹Витгенштейн Л. Философские работы. Часть 1. – М.: Гнозис, 1994. – С. 7-19.

²Витгенштейн Л. Философские работы. Часть 1. – М.: Гнозис, 1994. – С. 21.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

нашего мира».¹ Но именно поэтому символизация способна обогатить мир не только идейно. Как говорил П. Фейерабенд, *«логика есть особая форма повествования. Логика достоверна, когда значения терминов, применяемых в дедукции, стабилизируются. Но концепции сдвигаются в своем значении от индивида к индивиду и от поколения к поколению»*.² В мире символической реальности предметы и запахи, звуки и краски, оттенки и качества (*«белизна, гибкость, бархатистость»* – Р. Барт³), торможение и ускорение, начало и конец, причина и следствие, бытие и ничто комбинируются совершенно свободным, «невероятным» образом. Здесь становится возможной даже «трансформация комбинаторики своей собственной структуры».⁴

Из этого, в свою очередь, неявно следует, что «только физический мир обладает причинно-следственным эффектом. Только физические причины могут быть причинами».⁵ Что касается символических оболочек, то они столь же свободны, как и само человеческое воображение. Все знают, что «не существует каких-либо ограничений скорости в пространстве субъективности».⁶ В символической реальности мы можем легко позволить себе игнорировать линейность времени, период полураспада, эффект инерции, гравитации и др.

При этом, как уже отмечалось выше, некоторые объекты знаково-символического обмена оцениваются на рынке

¹ Feyerabend P. *Conquest of Abundance*. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1999. – P. 10.

² Terpstra B. *A Note on the Editing* // Feyerabend P. *Conquest of Abundance*. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1999. – P. xvii.

³ Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры. – М.: Изд-во Сабашниковых, 2004. – С. 48.

⁴ Крестева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 422.

⁵ Trigg R. *Philosophy Matters*. – USA: Blackwell Publishers, 2002. – P. 114.

⁶ Bains P. *Subjectless Subjectivities* // *A Shock to Thought*. – London: Routledge, 2002. – P. 110.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

чрезвычайно высоко. Приобретая для Национальной галереи Канады «Голос огня» Б. Ньюмена,¹ налогоплательщики выложили деньги за чистую идею, символ. Подобные транзакции объясняются частично тем, что художественный артефакт обладает способностью не только передавать существующие, но и создавать новые смыслы. К тому же, как подчеркивает Л. Витгенштейн, «то, что *может* быть показано, не *может* быть сказано».² С точки зрения экспрессивных возможностей различные символические формы практически не «перекрывают» друг друга.

Важным для понимания данной ситуации является также указание на то, что «если некий Бог творит мир, в котором истинны определенные предложения, он тем самым творит мир, в котором оказываются истинными все следствия этих предложений».³ Говоря иными словами, эффективные символы содержат в себе возможность широчайшей экстраполяции. С другой стороны, «*границы моего языка означают границы моего мира*». Поскольку «мы не можем мыслить то, что мыслить не в наших силах; значит, то, что мы не в силах мыслить, мы не в состоянии и *сказать*».⁴

При этом «глаз <...> является символом субъекта» как в символической, так и в физической реальности. Как утверждает Ж. Лакан, «вся наука основывается на сведении субъекта к глазу и поэтому она может приобрести <...> конкретные очертания, стать объективированной».⁵ В отношениях между

¹ Лаконичное в живописном смысле полотно Б. Ньюмена «Голос огня» было приобретено Национальной галереей Канады за 1,8 миллиона долларов, что вызвало дебаты по поводу целесообразности приобретения произведений абстрактного искусства на бюджетные средства.

² Витгенштейн Л. Философские работы. Часть 1. – М.: Гнозис, 1994. – С. 25.

³ Витгенштейн Л. Философские работы. Часть 1. – М.: Гнозис, 1994. – С. 37.

⁴ Витгенштейн Л. Философские работы. Часть 1. – М.: Гнозис, 1994. – С. 56.

⁵ Лакан Ж. Семинары. Книга 1. Работы Фрейда по технике психоанализа (1953/54). – М.: Логос, 1998. – С. 109.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

реальностью и субъектом все зависит от положения, которое он занимает в пространстве определенной культуры (речи). По крайней мере, от этого зависит его право называть себя определенным именем. В зависимости от обстоятельств, субъект попадает или не попадает в «поле конуса»,¹ которым может быть круг прерафаэлитов, «бубновалетовцев» или представителей Франкфуртской школы.

Разумеется, все разнообразие символических форм не ограничивается только визуальным или языковым контекстом. Символической реальности принадлежат *все* «экспрессивные формы», а также способы, которыми мы их воспринимаем. Традиционными каналами символической репрезентации принято считать звук, жест, цвет, рисунок и объем. Отдельными символическими формами выступают язык, миф, религия, наука, искусство, концептуальное и метафорическое мышление в целом. В частности, в работах С. Лангер различаются два фундаментальных символических типа: *дискурсивный* и *презентативный*. Что касается «типов значения», то в ее системе понятий они выступают более многочисленными и не всегда соответствующими фундаментальным символическим типам. Буквальное значение обычно принадлежит словам, художественное – образам или иным презентативным символам. Впрочем, С. Лангер сразу же делает оговорку о том, что это весьма приблизительная классификация.²

По-видимому, главная функция символической реальности как «второй природы» (К. Леви-Строс) человека совпадает с возможностью творчества. Ведь именно в символической реальности «происходит чехарда между теми связями, которые, считается, берут свое начало в культуре, и теми, что мы

¹ Лакан Ж. Семинары. Книга 1. Работы Фрейда по технике психоанализа (1953/54). – М.: Логос, 1998. – С. 109.

² Лангер С. Философия в новом ключе: Исследования символики разума, ритуала и искусства. – М.: Республика, 2000. – С. 250.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

признаем делом природы (даже если, как это чаще всего бывает, данное различие внушено иллюзией). Возвышенная таким образом до ранга второй природы, культура предлагает истории подобающую ей сцену. Сочления воедино реальные интересы и мифические родословные, она предоставляет безусловный фундамент для великих начинаний».¹

Что касается общего эффекта воздействия символической реальности на индивида и общество, то он проявляет себя в широком диапазоне. Например, от описанной А. Солженицыным кремлевской политической экзальтации – до фрустрации маргинальных героев произведений Ч. Милоша и М. Кундеры. Где-то посередине размещаются «бархатная» и «оранжевая» революции, молодежные движения 1968-1969 годов в Европе и США, а также массовые беспорядки 2006 года в Париже. Еще одним образцом подобного рода может послужить «антирационалистический импульс» западной либеральной интеллигенции в ответ на попытку трактовать индивидуальное мышление в качестве разновидности целенаправленной стратегии. Примечательно, что стихийный протест против прагматических манипуляций с интеллектом косвенно продемонстрировал критическое отношение человека к идее самосохранения в целом.

Следует признать, что в настоящее время процесс символизации стал по-настоящему всеохватным. «Сегодня, – писал Ж. Бодрийар, – вся система склоняется к недетерминированности, любая реальность поглощается гиперреальностью кода и симуляции. Именно принцип симуляции правит нами сегодня вместо прежнего принципа реальности. Целевые установки исчезли, теперь нас порождают модели».² Можно по-разному относиться к власти символических объектов.

¹ Леви-Строс К. Путь масок. – М.: Республика, 2000. – С. 121.

² Бодрийар Ж. Символический обмен и смерть. – М. Добросвет, 2000. – С. 44.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Важным в данном случае является то, что подобная власть действительно существует, ибо человеческое сознание находится под постоянным влиянием виртуальных соблазнов. Хотя символическая реальность многопланова и многообразна, в современном обществе ценится не просто символ, а достигнутый им в процессе культурного обмена авторитет, реальная пропитанность культурой.

Не менее удивительным является и то, что эффект символического воздействия на человека трудно или невозможно предсказать заранее. Л. Паваротти однажды заметил: «Я придерживаюсь такой теории: когда тенор берет высокую ноту, то звук получается неестественный, непохожий на обычный человеческий голос. Скорее, он похож на звук, издаваемый животным. Может быть, высокие ноты взывают к чему-то глубинному в нашей природе? Может быть, именно поэтому они так волнуют многих?». ¹ Размышляя о природе и способах символического воздействия, Э. Гуссерль пришел к выводу о том, что «эйдос – чистая сущность», может интуитивно воплощаться в данностях опыта, в данностях восприятия, воспоминания и т. д., однако равным образом и в данностях *просто фантазии*. Сообразно чему мы, постигая сущность в ее самости и из первоисточника, можем исходить как из соответствующих созерцаний опыта, так *равным образом и из созерцаний не-опытных, не схватывающих бытие здесь, а просто «во-ображающих»*. ²

Признавая присутствие в нашей жизни «сущностей» и «смыслов», мы признаем наличие виртуального пространства их местоположения, особой географии этого пространства, а также специальных путей и правил передвижения в нем. Но это также означает, что мы признаем возможность проявления органической нормативности в сфере символического

¹ Паваротти Л. Мой мир. – М.: Вагриус, 1997. – С. 306.

² Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 30.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

начала. Не обладая знанием о принципах, законах и правилах символической реальности, люди рискуют совершить неосторожное «предметно-материальное» вторжение в крайне чувствительную к внешним возмущениям область. Поскольку же поведение в пространстве символической реальности не поддается традиционным способам правового регулирования, естественно возникает вопрос о создании с этой целью автономной нормативной системы. Поскольку символическая реальность не имеет политических и географических границ, право символической реальности органически складывается как подразделение международного, глобального права. В наши дни оно существует и развивается как международное и национальное авторское право (право интеллектуальной собственности), а также международное публичное право интеллектуальной свободы.

Большинство современных символических образцов создается в активной интеллектуальной среде, выступает продуктом мозаичной и эксцентричной культуры. Корни данного процесса уходят еще в те времена, когда первичные буквы и числа участвовали в создании лингвистического механизма систолы-диастолы с прямой и обратной передачей знаков и образов – явление, поражавшее воображение гуманистов эпохи раннего Возрождения. Однако сегодня число и фонетический алфавит считаются устаревшими инструментами получения и применения знаний. Как утверждает М. Мак-Люен, современное человечество живет в постчисловом и постписьменном – электронном пространстве.¹ Двоичная система исчисления является не менее эффективным ответом на потребности современного символического обмена, чем отделивший тактильную форму ощущений от восприятий иных органов чувств числовой счет наших предков.

¹Мак-Люен М. Галактика Гутенберга: Становления людини друкованої книги. – Київ: Ніка-Центр, 2001. – С. 282.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Разумеется, письмо и поныне остается важнейшим способом визуального замыкания невизуального в своей основе пространства. Но если язык – это первичное символическое средство для выражения человеческих ощущений, то письмо является классическим способом абстрагирования от возможностей языка. В сущности, любая новая символическая система является системой полезного абстрагирования, которая предполагает замену прежних – более широких явлений или процессов их лаконичной формулой, сжатой композицией знаков, универсальным символом. Как известно, опасный или дорогой физический эксперимент может быть успешно заменен его математической абстракцией, моделью. В свою очередь, эпизод насилия в фильме является динамической аудиовизуальной абстракцией реального насилия, а порнографическая открытка – статической визуальной абстракцией возможного сексуального опыта. Современные игровые (имитационные) модели успешно имитируют природные и социальные катаклизмы, а иногда предсказывают последствия реальных политических катастроф.

Если слова, как говорил Ф. Ницше, – это звуковые знаки для понятий, а понятия – это образные знаки для часто повторяющихся ощущений и их групп, то для понимания друг друга людям недостаточно употреблять одинаковые слова. Для этого им также необходим определенный совместный опыт.¹ Подобного рода опыт они приобретают в предметно-физическом и символическом пространстве. Классическими примерами подобного опыта являются образование, наука и искусство. Иногда же символическая (виртуальная) часть необходимого человеку опыта оказывается настолько эффективной, что для достижения своих целей он обходится без обращения к его предметно-физическим компонентам.

В частности, в символическом опыте науки теории

¹ Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1990. – С. 390-391.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

выступают как гены, а экспериментальные новые теории – как видоизмененные гены. Что касается метода «критики» и «исключения ошибок», то он играет роль естественного отбора. В результате, новые знания создаются символическими действиями ученых примерно по такой же схеме, по какой биологические адаптации обеспечиваются действием эволюционных механизмов. Хотя слова, которыми мы пользуемся для описания символических и физических процессов различны, законы эпистемологии, управляющие данными процессами, едины. В первом случае их называют законами роста научного знания по К. Попперу, во втором – теорией эволюции по Ч. Дарвину.¹

По мнению А. Пятигорского, объективность – это универсальное свойство вещей, абсолютный порядок мира, который сам не мыслит, но содержит в себе все мышление (включая мышление о себе самом) в качестве одного из необходимых компонентов. При этом объективность мышления – это, на самом деле, соответствие мышления данному абсолюту. И только в этом смысле можно говорить об объективности. Таким образом, объективный порядок мира представляет собой иерархическую систему, в которой «частные объективности» подчинены «общим объективностям», в отношении которых – по степени их удаления от вершины системы – более частные фигурируют одновременно и как менее объективные.²

То обстоятельство, что люди используют математические символы в пространстве физической реальности, в значительной степени объясняет их истинное предназначение. В символах – математических понятиях, книгах, фильмах, памяти компьютеров и человеческом мозге – существуют и взаимодействуют между собой образы физической реальности,

¹ Дойч Д. Структура реальности. – Ижевск: 2001. – С. 319.

² Пятигорский А. Мышление и наблюдение. – Рига: Liepnieks & Ritups, 2002. – С. 108-109.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

причем не только образы мира внешних объектов, но и образы самой структуры реальности.¹ Современный символ, как считает Э. Кассирер, «служит не только для репрезентации, но, прежде всего, для раскрытия определенных логических отношений – он не только предлагает символическую аббревиатуру для того, что уже известно, но также открывает новые пути в неведомое».²

Символическое (метафорическое) объяснение «большого взрыва» существует в науке наряду с символическим объяснением роли субъядерных частиц и процессов. Нам хорошо известны математические абстракции, но также и вымысел, искусство, этика и «теньевые фотоны». Степень истинности данных символов, то есть степень их адекватности физическим или абстрактным объектам, к которым они относятся, определяет уровень *самоподобности*, который принято называть знанием.³ При этом важными являются не только сами символы, но и *процессы* создания символических значений. Если подобные процессы замедляются или вообще не происходят, не приходится говорить и о культуре.⁴ Как пишет Р. Барт, «культура все больше и больше открывается нам как универсальная система символов, регулируемая одними и теми же операциями; это символическое поле обладает единством, и культура во всех

¹ В частности, как пишет Ю. Кристева, «ввести в язык (“высказать”) элементы, не имеющие существования в обычной речи именно потому, что она отмечает их знаком *нет*, – такова величайшая трудность в глазах Логоса (логики). Придать языковой статус элементам, не существующим с точки зрения речи, сделав это путем их высказывания, то есть наделив своего рода вторичным существованием, иным, нежели существование логическое, которым они обладают в обычной речи, – вот чего не в состоянии сделать платоновское рассуждение» (Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 265).

² Cassirer E. The Philosophy of Symbolic Forms. Vol. 1. – New Haven and London: Yale University Press, 1955. – P. 109.

³ Дойч Д. Структура реальности. – Ижевск: 2001. – С. 99-100.

⁴ Біла А. Будинок із тіла і голосу // Критика, № 11 (61), 2002. – С. 20.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

аспектах представляет собой язык».¹ Но это также означает, что фундаментальные правила функционирования культуры как языка должны определенным образом совпадать с основополагающими нормами права интеллектуальной свободы.

Поскольку в символической реальности не действуют обычные физические закономерности, константы и «связанности» (скорость света, гравитация, инерция, масса, линейность времени, период полураспада и др.), постольку символическая реальность является гораздо более гибкой и пластичной структурой, чем окружающая нас предметно-физическая действительность. Однако еще более важным является, в данном случае, то, что многие из возможностей предметно-физической реальности зависят от степени «раскрепощения» придуманных или открытых человеком символических средств. Например, в сфере теоретической физики все ядерные и субъядерные процессы представляют собой одновременно физические и символические (метафорические) процессы. Причем ученые не всегда могут четко определить, на каком из уровней – физическом или символическом – здесь возникают основные проблемы. В целом же, символическую реальность отличает от предметно-физической реальности несопоставимо более высокий уровень присущей ей свободы.

Символическую реальность иногда отождествляют с виртуальной реальностью, которую обычно определяют в качестве основы, базисной структуры всех человеческих восприятий, ощущений, аналитических и синтетических действий. В институциональном же смысле символическая реальность совпадает с математикой, наукой, искусством, образованием и творческим воображением в целом.² Неудивительно, что

¹Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. – М.: Изд-во Сабашниковых, 2004. – С. 465.

²См. развернутое определение виртуальной реальности в: Барлоу Д. Декларация независимости киберпространства // Информационное общество. – М.: Изд-во АСТ, 2004. – С. 349-352.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

масштаб символической реальности становится при этом практически неограниченным.¹ Можно сказать, что он совпадает с масштабом ноосферы, репертуар которой включает в себя «каждую физически возможную среду» (Д. Дойч). В свое время С. Лем называл подобного рода реальность «оболочкой», «миром внутри мира», «автономной цивилизационной действительностью, не связанной непосредственно с материальной действительностью Природы», «кибернетической социо-технической скорлупкой», скрывающей под собой недоступные внешнему наблюдению динамические формы.

Понимание свойств символической реальности доступно современному индивиду почти в той же степени, что и понимание свойств реальности физической. Однако так было не всегда. Известно, что тоталитарные режимы плохо воспринимали условность политического анекдота, с подозрением относились к джазу и сложной метафоре. Как писал по этому поводу Ж. Барзун, «диктаторские режимы XX века, обладавшие всей мощью репрессивного принуждения, боялись малейших проявлений диссидентской мысли. Неосторожное слово или шутка считались достаточными для обвинения в ереси. <...> Как все это сочеталось с марксистской догмой о действенности только материальных причин и событий, остается неясным».² Неудивительно, что человеческая реакция на тоталитаризм породила иронию советских «бо-х» и сарказм В. Высоцкого. Именно поэтому, как писали П. Вайль и А. Генис, «обезьяний галстук» стал синонимом XX-го съезда КПСС, а ботинки на рифленной микропорке – символом духовного раскрепощения

¹Как пишет А. Пятигорский, «интерпретация сознания, как «пространства содержания», как «суммы» всех мыслимых объектов, как всего того, что уже мыслимо, – делает сознание ненаблюдаемым по определению (ведь нельзя же наблюдать все!)» // Пятигорский А. Мышление и наблюдение. – Рига: Liepnieks & Ritups, 2002. – С. 58.

²Barzun J. From Down to Decadence. – N. Y.: Harper Collins Publishers, 2000. – P. 272.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

личности.¹ Хрущевская политическая оттепель была столь же закономерным образом связана с московскими карикатурными стилями.

Что касается общих теоретических выводов из рассмотрения данного вопроса, то их можно сформулировать в качестве краткого определения.

Символическая реальность представляет собой пространство человеческого сознания и воображения, в котором все предметы и явления окружающей нас действительности выступают в качестве образов, знаков и символов, с помощью которых мы организуем свою активность и посредством которых осуществляется наше взаимодействие с другими людьми и окружающей нас природной средой.

1.2. Истоки символической реальности

Существует множество теорий, объясняющих причины возникновения символической реальности. По-видимому, их насчитывается не меньше, чем попыток определить природу символического начала. «По мере того, как люди продвигались от своей предыстории к современности, – писала Э. Диссоньяк, – они приобретали определенные способности, рефлексорное самосознание, язык, символизацию и абстрагирование, которые отдаляли их от природы, даже если они переживали при этом впечатляющий эволюционный успех».² Не менее хорошо известно и то, что любая инкарнация Бога в человеке может

¹ Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. – USA: Ardis, Ann Arbor, 1988. – P. 54.

² Dissanayake E. What Is Art For? – Seattle and London: University of Washington Press, 2002. – P. 66.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

быть выражена исключительно посредством символического языка.¹ Когда что-либо таинственное происходило в пространстве физического мира, это давало людям повод думать о явлениях, существующих за его пределами.²

На этой органической основе они создали мир культуры посредством символов, формируемых во взаимодействии жизни и духа.³ При этом значительная часть символической реальности создавалась не только благодаря усилиям человеческого сознания, но и подсознания тоже.⁴ Что же касается современной символической реальности, то она является результатом взаимодействия таких факторов как право и политика, искусство и коммерция, наука и технология, самовыражение и коммуникация, мораль и ценности, которые человек почему-либо возвышает, а также способов, с помощью которых он это делает. На этой платформе возникает система общих идей, используемых человеком для оправдания или критики фундаментальных условий, в которых он живет, то есть, его социальная философия.⁵

В процессе эволюции человеческий мир становился все более технологически насыщенным. Техника создала науку, которая заставила индивида почувствовать себя изолированным

¹ Milosz C. The Land of Ulro. – N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2000. – P. 53.

² Trigg R. Philosophy Matters. – USA: Blackwell Publishers, 2002. – P. 135.

³ Bayer T. Cassirer's Metaphysics of Symbolic Forms. – New Haven and London: Yale University Press, 2001. – P. 76.

⁴ Как писал К. Г. Юнг, «складывается впечатление, что подсознание способно анализировать факты и строить на этой основе умозаключения в такой же степени, как и сознание. <...> Действия же подсознания, похоже, направляются главным образом инстинктивными импульсами, представленными соответствующими образными мыслями, то есть архетипами. <...> Чем бы ни являлось подсознание, это – природное явление, генерирующее символы, наделенные, как показали исследования, определенным смыслом» (Юнг Карл Густав, фон Франц М.-Л., Хендерсон Дж. Л., Якоби И., Яффе А. Человек и его символы. – М.: Серебряные нити, 1997. – С. 76, 100).

⁵ Dewey J. Freedom and Culture. – N. Y.: Prometheus Books, 1989. – P. 25.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

в мировом пространстве. Все это, по мнению К. Г. Юнга, является результатом естественного возвышения человека, теряющего свою первичную «неосознанную тождественность» с природой. Поскольку связь человека с естественным окружением постепенно ослабевала, постольку сокращалась и та глубинная эмоциональная энергия, которая поддерживала и питала данную связь. Потеря непосредственных связей с природными объектами требовала их компенсаторного замещения символами, в первую очередь, символами сновидений.

Подобно тому, как в процессе эмбрионального развития человеческий организм «повторяет» свою биологическую предысторию, развитие человеческого интеллекта проходит сквозь серию доисторических воспоминаний.¹ Говоря иными словами, взросление человека проходит сквозь цепь сменяющих друг друга символических картин. По этой причине, как писал В. Беньямин, «пространство жизни следует определять исходя из истории, а не из природы, не говоря уже о столь зыбких понятиях как восприятие и душа».²

Что касается возникновения самого понятия «символа» (*symbola* – гр.), то первоначально оно означало половинку разломанной фишки, использовавшейся в качестве корешка, удостоверяющего заключение коммерческой сделки. Впоследствии в христианстве символ трактовался не столько в качестве части, замещающей собой целое (*synecdoche*), сколько в качестве «видимого заместителя невидимого», которым выступал Святой Дух.³ По мнению Ю. Кристевой, Средневековье можно считать настоящей империей символов – любой элемент имел тогда значение в соотношении с другими элементами при полном господстве всеобъединяющего «трансцендентного

¹ Юнг К. Г. Приближение к бессознательному // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М.: Прогресс, 1990. – С. 431.

² Беньямин В. Маски времени. Эссе о культуре и литературе. – СПб.: Симпозиум, 2004. – С. 30.

³ Bell J. What Is Painting? – N. Y.: Thames and Hudson, 1999. – P. 210.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

означающего» – Бога. Все казалось в то время правдоподобным, ибо в семиотическом смысле принадлежало единой, монолитной системе.¹ Что касается эпохи Возрождения, то она стала временем двойственного знака (означающее/означаемое). Третья стадия символизации совпадает у Ю. Кристевой с появлением европейского литературного авангарда.

Интересно, что В. Гейзенберг был вынужден признать некоторую обоснованность рассмотрения в качестве символов не только египетских пирамид, но и синхрофазотронов, выполняющих примерно такую же роль, что и средневековые соборы, демонстрирующие отношение человека к единому Творцу. При этом он исходил из убеждения в том, что каждое основополагающее научное истолкование мира представляет собой, в известной мере, символ.²

В свою очередь, у Л. Мамфорда возникновение объектов символической реальности объясняется тем, что человек был изначально наделен избыточной массой мозгового вещества, что обеспечило ему явный излишек умственной энергии. Подобный интеллектуальный резерв использовался не для добывания пищи или полового размножения, а для создания культурных символических форм. Впоследствии способность к созданию символов привела к развитию более важных человеческих потребностей, чем только контроль над окружающей природной средой. В конечном счете, производство символов получило в цивилизации приоритет перед изготовлением орудий.³ Хотя изготовление орудий еще и сегодня считается традиционным условием формирования человеческого мозга, не исключено, что в еще большей степени этому способствовала его символическая активность.

¹Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 138-139, 259.

²Гейзенберг В. Шаги за горизонт. – М.: Прогресс, 1987. – С. 144.

³Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. – М.: Логос, 2001. – С. 16.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Разумеется, формирование символической реальности всегда было связано с рабочей и деловой активностью человека, которая с течением времени приобретала все более абстрактный характер. На определенном этапе умственная активность стала распространяться также и на нетоварную сферу его интересов. Захватывая во все большей степени элементы воображения, она научилась использовать многие из его гипотетических схем.¹ Похоже, что в данном процессе материальные и символические начала попеременно обеспечивали жизнеспособность друг друга. Как писал Г. Блюменберг, «по аналогии к той несентиментальной формуле, которая утверждает, что курица является <...> средством яйца – средством, благодаря которому рождается новое яйцо, – целый организм является созданием и обеспечением условий, при которых оказывается возможным сохранить сложность генетического текста».²

Ныне символизация признается типичным проявлением присутствия человеческого сознания в мире. Более простые жизненные системы действуют в пределах организации, замкнутой на себя. Известно, например, что лягушки и пчелы видят окружающее сугубо функционально, то есть совсем не так, как человек и т.п. Это, в свою очередь, означает, что для многих биологических организмов природный мир расположен как бы снаружи.³ Что касается человека, то вся его «теоретическая предопределенность и все теоретическое мастерство требуют, чтобы мысль, вместо того, чтобы повернуться к реальности, прежде установила систему знаков и научилась пользоваться этими знаками как репрезентациями объектов».⁴ Поэтому человек живет в «модусе символической репрезентации» –

¹ Mumford L. *Technics and Civilization*. – N. Y.: A Harbinger Book, 1963. – P. 23.

² Блюменберг Г. *Світ як книга*. – Київ: Лібра, 2005. – С. 530.

³ Кетрін-Хейлз Н. *Як ми стали постлюдством: Віртуальні тіла в кібернетиці, літературі та інформатиці*. – Київ: Ніка-Центр, 2002. – С. 32.

⁴ Cassirer E. *The Philosophy of Symbolic Forms*. Vol. 3. – New Haven and London: Yale University Press, 1957. – P. 45.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

пространстве, где «символ устремляется вперед реальности, показывая ей путь».¹ Представляется уместным также заметить, что христианство изначально толковало мир как возникший благодаря символизации, то есть активному мышлению, а не пассивному созерцанию.

Что касается психологических истоков символического мира, то они обнаруживаются в фантомах человеческого сознания, первичном чередовании привидений и фикций. При этом фикции определяли структуру того, что мы переживаем как реальность, а привидения играли роль фрагментов, частично наполненных материальным содержанием. Как писал по этому поводу С. Жижек, «нет Духа (разума, мысли и т. д.) без духов («привидений», пришельцев с того света, живых мертвецов), никакой чистой, рациональной, прозрачной для себя духовности без сопровождающего пятна непристойной, ужасной, кажущейся псевдоматериальности».² По-видимому, первичная символизация, или отрыв от материальности, осуществлялась в зонах пограничных психических состояний.

По мнению Ж.-П. Сартра, символизм возник благодаря тяге человека к «всеобщности», глобальным смыслам. Подобное свойство человеческой природы демонстрируют, как он считает, все лучшие образцы романной литературы. В частности, в романах Стендаля и М. Пруста за проявлениями половой любви обнаруживается универсальное стремление к овладению миром. Именно в этом кроется подлинный смысл знаменитой «кристаллизации» чувств у Стендаля. Женщина – это литературный персонаж и героиня сюжета, которая служит также проводником в фундаментальной цепи символических значений.³ Романы М. Пруста демонстрируют внутреннюю

¹Cassirer E. The Philosophy of Symbolic Forms. Vol. 3. – New Haven and London: Yale University Press, 1957. – P. 182.

²Жижек С. Метастази насолоди. – Київ: Альтернативи, 2000. – С. 165.

³Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. – М.: Республика, 2000. – С. 566.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

структуру общества, построенного на идее «болтовни» – универсальной формы символического обмена.¹

Для Г. Зиммеля явление символической реальности возникает в результате проекции избытка психической энергии человека на возможности, которые содержит в себе игра. Как полагал Г. Зиммель, первичные процессы символизации сопровождали даже самую примитивную борьбу человека за выживание. То есть, формирование «отвлеченных реальностей, упорядоченных в своей пространственной структуре, в ритме и звучании, значимости и иерархии» отвечало элементарным потребностям практики. Однако впоследствии символические формы стали замыкаться в себе, обрели собственную ценность, право и силу, начали воспроизводиться ради самих себя, а не во имя прагматического «слияния с жизнью». Так, по его мнению, первоначально возникло искусство, затем – искусство ради искусства или *вторично изготовленное искусство* и т. д.²

Согласно традиционному анализу, писал о процессах первичной символизации М. Бланшо, образ следует после предмета, он – его продолжение. Это означает, что мы вначале видим, а затем воображаем и представляем. «Затем» означает в данном случае то, что вещи необходимо вначале отдалиться, чтобы быть абстрактно схваченной. Но... до чего же «суетна эта живопись, вызывающая восторг сходством с вещами, оригиналами которых не восхищаются!» По-видимому, настоящая символизация – это нечто большее, чем только копирование. Недаром Б. Паскаль не доверял простому сходству, обрекающему вещи на «самодержавие пустоты» и «суетную длительность существования».³ Хотя в большинстве случаев «мы

¹Беньямин В. Маски времени. Эссе о культуре и литературе. – СПб.: Симпозиум, 2004. – С. 251.

²См.: Ионин Л. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. – М.: Логос, 2000. – С. 130.

³Бланшо М. Пространство литературы. – М.: Логос, 2002. – С. 259, 265.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

изобретаем слова для того, чтобы установить факты и дать названия вещам»,¹ на самом деле символизация этим не ограничивается. На определенном этапе возникают *эффективные символы*, не имеющие прямых предметно-материальных аналогов.

В свою очередь, А. Бергсон возникновение символической реальности связывал с «фабрикацией» – процессом, благодаря которому человеческий интеллект взаимодействует с другими интеллектами. Таким образом, символизация рождается у него в социуме, члены которого «общаются друг с другом при помощи знаков». Легко заметить, что подобному знаково-символическому обмену присуща собственная этика, которую некоторые называют этикой знания, и по поводу которой можно обнаружить интересные наблюдения у А. Пятигорского.

«Я не могу никого винить в том, – писал А. Пятигорский, – что он чего-то не знает. Но я могу его винить в том, что он о чем-то не думает. Знание не этично именно в силу своей «объективности», точнее, объективности своего конечного результата (сколь бы субъективен не был его процесс). Знание может быть <...> внешним образом подарено, навязано, выманено, украдено, наконец. Интенция мышления всегда замкнута на самом мышлении». С этической точки зрения понятие «мыслить» стоит гораздо ближе к понятию «хотеть» или «мочь», чем к «знать».²

Из этого, в свою очередь, следует, что для производства символов необходим язык, позволяющий человеческой мысли переходить от известного знания к знанию неизвестному. Как признает А. Бергсон, символизация нуждается в языке, знаки которого, будучи ограничены в своем наборе, могут, тем не менее, «прилагаться к бесконечности вещей». Таким образом,

¹ Searle J. *Mind, Language and Society*. – N. Y.: Basic Books, 1999. – P. 22.

² Пятигорский А. Мышление и наблюдение. – Рига: Liepnieks & Ritups, 2002. – С. 158.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

подвижность слов, позволяющая им переходить с одной вещи (темы) на другую, обеспечивает конечный успех процесса символизации.¹

В своих работах по семиотике текстов У. Эко утверждает, что первыми творцами символической реальности были обитатели Эдема. В частности, утверждает он, если в самом начале Адам доверчиво полагал, что «поэзия – это медиум, посредством которого говорят Боги», то впоследствии он все-таки осознал и научился использовать удивительную автономию и «своенравие знаков».² История символизации – это история идей, которые имеют собственную судьбу. Говоря иными словами, история символизации напоминает дневник умозрительного путешествия, страницы которого повествуют о том, что некоторые идеи смертны, как и человеческие существа, в то время как другие надежно пребывают в модусе вечности. Предложенная в свое время Р. Брайдотти фигура символического странничества позволяет вообразить себе международное рассеяние идей не только в образе мирных, беззаботно путешествующих туристов, но также в образе странствующих рыцарей, которые периодически вынуждены обнажать свой меч, чтобы предохранить некоторые символические значения от коллективной амнезии.³

В конечном счете, история символизации – это история насыщения идеями современного мира. Именно из нее следует, что производство символов – это не «мечтание», а специальное действие, совершаемое человеком в особых обстоятельствах.⁴ Как однажды заметил Ю. Шевелев (Ю. Шерех),

¹ Бергсон А. Творческая эволюция. – М.: ТЕХПА, 2001. – С. 168-169, 170.

² Эко У. Роль читача. Дослідження з семіотики текстів. – Львів: Літопис, 2004. – С. 152.

³ Braidotly R. Nomadic Subject. – N. Y.: Columbia University Press, 1994. – P. 24.

⁴ Матурана У., Варела Ф. Древо познания. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – С. 23.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

интеллектуально пассионарные люди владеют искусством не только включать себя в мир, но и вести его за собой. При этом проникнуть в ткань жизни им помогают идеи, возникающие «из перекрещивания традиции и самобытности с эпохой и пространством».¹

Согласно представлениям М. Мак-Люена, символическая реальность сформировалась в процессе постепенного отдаления тактильных ощущений от языка все «дальше и дальше». В качестве иллюстрации этого тезиса он использует массовое увлечение счетом в XVI веке, когда производные от тактильных ощущений мера и число начали постепенно отдаляться от «гуманистической сферы» литер. В период позднего Ренессанса между числом, как элементом специального языка науки, и литерами (буквами), как элементами универсального языка цивилизации, образуется настоящее пограничье.² В целом же, данный процесс представляет собой преобразование невидимых предметов и энергий в визуальные символические рубрики, что впоследствии сформировало основу всех прикладных знаний современной эпохи.

Известно, что ранняя письменность Средиземноморья представляла собой рисунок, или логографическое письмо, которое использовалось вначале для отображения объектов, а затем – по ассоциации – также идей, действий, присвоения специальных наименований и т. п. Однако главным фактором в становлении символической системы принято считать изобретение фонетического письма, в котором для выражения звуков использовались специальные знаки. Впоследствии рисунки-знаки были заменены формальными символами – гениальная операция, в результате которой фонетический алфавит сократился до объема всего лишь нескольких десятков литер.

¹Шерех Ю. Пороги і запоріжжя. Т. 1. – Харків: Фоліо, 1998. – С. 585.

²Мак-Люен М. Галактика Гутенберга: Становлення людини друкованої книги. – Київ: Ніка-Центр, 2001. – С. 243, 249.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В итоге, сирийско-палестинским семитам удалось создать алфавитную письменность, из которой выросли все прежние и нынешние алфавиты. Можно сказать, что «присоединением бессодержательного знака к бессодержательному звуку» фактически было положено начало формированию культурного типа личности западного человека.¹

В период европейского Возрождения основанное на греко-вавилонском методе дедукции обращение к эмпирическому знанию позволило сформироваться наметкам современной науки. Что касается Азии и, особенно, Индии, то в этих частях света продолжало доминировать религиозное сознание. В свою очередь, религиозный тип мышления не только затормозил технический прогресс, но и отстрочил саму возможность «рождения <...> самостоятельной революции мысли и действия».² Хотя народам Египта, Месопотамии, Крита, Малой Азии, долины Ганга, Китая и Центральной Америки с помощью письменности удалось достичь многого, они все-таки не сумели выйти из переходной эпохи синхронно с Европой.

Впрочем, и в самой Европе производство и потребление символов сумело стать определяющей чертой общественной жизнедеятельности лишь к началу XX века. В качестве «суррогата непосредственного восприятия» (С. Зонтаг) символизация становится в это время важным фактором развития экономики, условием ритмичной работы государственного механизма, а также универсальной гарантией социального благополучия.³ Через полвека всем стало ясно, что символическая реальность обладает собственными целями, принципами и нормами, нарушение которых может повлечь за собой почти такие же последствия, как и посягательство на законы

¹Мак-Люен М. Галактика Гутенберга: Становления людини друкованої книги. – Київ: Ніка-Центр, 2001. – С. 91.

²Лем С. Сумма технологий. – М.: Изд-во АСТ, 2002. – С. 191.

³Зонтаг С. Про фотографію. – Київ: Основи, 2002. – С. 143.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

физики И. Ньютона. Весьма примечательно, что символическое взаимодействие различных «форм субъективности» (Н. Кетрин-Хейлз) оказывается в фокусе кибернетической науки практически на всех этапах ее становления и развития. Если главной концепцией периода становления кибернетики (1945–1960 гг.) был гомеостаз, то ее вторая волна (1960–1980 гг.) вынесла на поверхность идею рефлексивности. Что касается третьего этапа развития этой модной науки (с 1980 г.), то он обрушил на мир понятие «виртуальности».¹

Ф. Ницше был одним из первых, кто сумел распознать нарастание волны знаково-символического обмена: «Репутация, имя и внешний облик, значимость, расхожая мера и вес какой-либо вещи – поначалу чаще всего нечто ложное и произвольное, наброшенное на вещь, как платье, и совершенно чуждое ее сущности и даже ее коже, – постепенно как бы прирастают к вещи и врастают в нее вследствие веры в них и их дальнейшего роста от поколения к поколению; первоначальная иллюзия почти всегда становится, в конечном счете, сущностью и *действует* как сущность! <...> Достаточно сотворить новые имена, оценки и вероятности, чтобы на долгое время сотворить новые «вещи».² Читая это, испытываешь ощущение, что в наши дни Ф. Ницше мог бы обойтись и без кавычек. Ибо сегодня символизация вступила в фазу реального мирового господства. Физическая сторона вещей ныне трактуется как материальный ресурс воображения, а наукой высказано смелое предположение о том, что «жизнь – это разновидность формирования виртуальной реальности».³ Ранее высказанная А. Шопенгауэром идея о том, что мир – это представление о нем, движимое человеческой волей, легла в основу

¹Кетрин-Хейлз Н. Як ми стали постлюдством: Віртуальні тіла в кібернетичі, літературі та інформатиці. – Київ: Ніка-Центр, 2002. – С. 27.

²Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1990. – С. 551.

³Дойч Д. Структура реальности. – Ижевск: 2001. – С. 181.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

современной концепции «антропологического переворота». В рамках данной теории индивид – это homo sapiens, создающий символы и воспринимающий мир с точки зрения ценностей и смыслов.

Таким образом, современный предметный мир неожиданно наполнился огромным количеством артефактов, имеющих чисто символическое значение. В свою очередь, игра стала одним из методов науки, в рамках которой ученые оперируют с реальностью, руководствуясь не только своими сознательными, но и подсознательными мотивами. Отпочковавшись от физического мира с целью его отражения и познания, ноосфера В. Вернадского стала использовать его как свой материальный ресурс, предметно-экспериментальную площадку. Выдвигая и навязывая природе свои цели и ценности, символическая реальность поставила перед человечеством вопрос о его глобальной экологической ответственности.

В эпоху грубой первичной культуры, как считал Ф. Ницше, человек во сне узнавал окружающий его реальный мир. Поэтому сновидения Ф. Ницше относил к началам метафизики. Мертвый у него продолжает «жить», потому что он нужен и является во сне живому. Постепенно, однако, из доисторической любви к предкам, как «ближним из прошлого», у человека возникло и развилось чувство симпатии и причастности к «дальним из будущего». В результате подобной операции в человеческом сознании вместе с памятью утвердилось воображение. Мир сновидений казался человеку грозным и непостижимым, поэтому вначале он пытался табуировать и жестко контролировать свое бессознательное начало. Данным стремлением объясняется, по-видимому, изобретение и усовершенствование огромного количества культурных ритуалов и обрядов. Со временем знаково-символическая активность оказалась более важной для выживания человека, чем производство традиционных орудий. Как писал по этому

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

поводу Л. Мамфорд, «если бы человек не встречался с драконами и грифонами в своих снах, быть может, он никогда бы не додумался до идеи атома».¹

Впрочем, даже если допустить, что мысли, образы и сны в действительности не существуют, то и тогда остается непонятным, почему несуществующее так упорно стремится доказать обратное. Порой возникает ощущение, что наши мечты, видения, фантазии и планы буквально выталкивает наружу какая-то центробежная сила. Говоря иными словами, «ничтожный, призрачный мирок» воображаемого и придуманного ныне ломится в дверь большого реального мира.²

При этом символические формы крайне неохотно подчиняются типичной экономической логике рынка. Как известно, выдающиеся творцы сохраняют верность своему художественному стилю, манере и направлению независимо от потребительской конъюнктуры. Частично это объясняется тем, что символика науки и искусства создается из осознания творцами ценностей, которых они на самом деле не избрели. По мнению Ж. Липовецки, весь символизм модерна обусловлен тем «предпочтением, которое отдается индивиду перед коллективом». Фактически он опирается на главные ценности своего времени – свободу, равенство и революцию.³ При этом данному символическому единству модерна не мешает даже то обстоятельство, что он возник на пересечении сразу нескольких весьма противоречивых тенденций.

Что касается символической реальности в целом, то она возникает в результате взаимодействия крупных и конкурирующих между собой фабул. Религия, наука, демократия, социализм, либерализм – все это популярные, но весьма различающиеся

¹Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. – М.: Логос, 2001. – С. 77, 80.

²Турнье М. Пятница или тихоокеанский лимб. – СПб.: Амфора, 1999. – С. 143.

³Липовецки Ж. Эра пустоты. – СПб.: Владимир Даль, 2001. – С. 144.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

между собой версии символической интерпретации мира. Разумеется, что при этом универсальной точки референции для выявления «истинных интерпретаций» не существует.¹

Кроме того, в пространстве символической реальности сознание постоянно конкурирует с подсознанием. Как известно, одна из наиболее важных черт открытого З. Фрейдом феномена состоит в том, что *смысл* простирается далеко за рамки тех значений, которые человек использует сознательно. Говоря иными словами, индивид пропитан символическими значениями в гораздо большей степени, нежели сам об этом подозревает. Отчасти поэтому о современном индивиде говорят как о «человеке после Фрейда».²

Что касается лингвистических корней символизации, то принято считать, что в местах соприкосновения жизненного пространства животных, не способных к ментальному структурированию ситуаций, с жизненным пространством погруженного в ауру своего сознания и подсознания человека возникает область формирования *холофразы* – неразложимого словосочетания, относящегося к некоторым жизненным ситуациям в целом.³ В процессе эволюции холофразы постепенно заменяются отдельными словами-понятиями. Причем, результаты данного процесса частично объясняют тот факт, что символически богатые языки являются также весьма лаконичными.

Что касается *ситуации человека* в целом, то у современного индивида, по словам Э. Кассирера, практически не осталось «простого» и «однородного» бытия.⁴ Его жизнь протекает в

¹ Кин Д. Демократия и гражданское общество. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – С. 362.

² Лакан Ж. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/55). – М.: Логос, 1999. – С. 177.

³ Лакан Ж. Семинары. Книга 1: Работы Фрейда по технике психоанализа (1953/54). – М.: Логос, 1998. – С. 296.

⁴ Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. – М.: Гардарика, 1998. – С. 455.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

причудливой смеси бытия и небытия, пролегает в пространстве между полюсами символа и факта. Как писал в одной из своих повестей А. Пятигорский, «человек первой половины двадцатого века – заложник мифа. Мифом Ленина была Революция. Мифом Поэта – до того, как он освободился от «гипноза» Михаила Ивановича (герой романа – *В. Р.*), – искусство, истинное и «одно без другого». Мифом самого Михаила Ивановича была невинность рыцаря и его верность клятве. Даже «абсолютная правда факта» Бурцева – тоже миф. Неважно, какой из этих мифов оказался кратковременным, а какой долгоживущим, какой унес с собой миллионы жизней, а какой не оставил после себя ничего, кроме недоуменной улыбки, – эпоха оказалась заполненной мифами».¹ Во второй половине XX века постмодерн подвел нас к столь убедительному оправданию релятивности и условности, что прежнее – «материалистическое» понимание труда, культуры и наслаждения практически исчерпало себя.²

Неудивительно, что быстрое расширение символической реальности изменило также традиционное отношение к литературе и искусству. К литературе стали относиться как к науке. При этом звук, цвет, протяженность, аромат, вкус и давление тел пытались уподобить части математического уравнения. Разницу между ними продолжали видеть лишь в том, что научное «переживание сущности», как говорил Д. Сантаяна, является прямым, а выражение естественных фактов в эстетической среде – косвенным. Было также признано, что театр, при всей его условности, может изображать жизнь даже точнее, чем писаная история, ибо ему присуще движение.³

Современному человеку удалось построить «вселенную

¹Пятигорский А. Вспомнишь странного человека... – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – С. 292.

²Сартр Ж.-П. Что такое литература? – СПб.: Алетея, 2000. – С. 228-229.

³Сантаяна Д. Скептицизм и животная вера. – СПб.: Владимир Даль, 2001. – С. 149-150.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

смысла» – грандиозное символическое воплощение его изначальной природы вместе с результатами ее культурного усовершенствования. Ныне символическая реальность позволяет нам проникать в собственную историю и заглядывать в будущее. Закономерно, что символический тип решения проблем оказался при этом даже более значимым, чем реальные события и действия.¹ Как заметил К. Г. Юнг, «поскольку мы не можем повернуть назад к животному сознанию, нам ничего не остается кроме трудного пути к сознанию высшему».²

К концу XX века стало очевидным и то, что «объективный образ мира» является на самом деле очередным символическим продуктом сознания. Как писал Э. Кассирер, «всякое полагание особенностей, объективных *свойств* (Eigenschaften) объясняется определенным *своеобразием* (Eigenheit) мышления – и в зависимости от ориентации этого мышления, от его господствующей точки зрения для нас меняются те определенности и связи, которые мы предполагаем в «сущем». Поэтому здесь мы находим подтверждение того, что классы и роды бытия не остаются раз и навсегда сами в себе неизменными, как предполагает наивный реализм, – их разграничение еще должно быть достигнуто, и это достижение есть результат деятельности духа. Подлинное «*fundamentum divisionis*» заключено в конечном счете не в вещах, а в духе: мир имеет для нас тот образ, который придает ему дух. И так как он при всем своем единстве не есть голая простота, но таит в себе конкретное многообразие различных направлений и проявлений, то и бытие со своими классами, взаимосвязями и различиями также должно являться нам иным в зависимости от того, через какую из разнообразных духовных сред его видят».³

¹ Жеребкина И. Женское политическое подсознательное. – Харьков: Ф-Пресс, 1996. – С. 110.

² См.: Нин А. Дневник 1931-1934 гг. Рассказы. – М.: Олимп, 2000. – С. 235.

³ Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. – М.: Гардарики, 1998. – С. 235-236.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

После Э. Кассирера язык, миф, религия и наука предстают перед нами в качестве важнейших символических форм, крупномасштабных вариантов творческого понимающего сознания индивида. Ныне мы признаем, что в дополнение к животному «миру запоминания и действия» существует также знаково-символический мир, имеющий над людьми колоссальную власть. Неудивительно, что невосприимчивость к идеям, равно как и недооценку их общего потенциала воздействия Э. Гуссерль отождествлял с духовной слепотой. С точки зрения его представлений, люди непрерывно наблюдают «идеи» и «сущности», оперируют ими в своем мышлении, осуществляют разнообразные суждения относительно идей и сущностей и при этом сохраняют право отречься от них.¹

Слитность, единство мира человека и символического мира решительно утверждал и подчеркивал Ф. Ницше: «Не присущ мне идеализм – заглавие говорит: «где *вы* видите идеальные вещи, там вижу я – человеческое, ах, слишком человеческое!».² Мое направление в искусстве, писал он, означает продолжать творить не там, где пролегают границы, но там, где простирается будущее человека. Человечеству «необходимы *образы*, по которым можно будет *жить!*».³

С помощью символических форм человек сумел выделиться из природы, но под их же воздействием он сегодня возвращается к ней. Всякий, писал У. Бек, кто продолжает говорить о природе как о «не-обществе», говорит в терминах времени, не захватывающего нашу реальность.⁴ Наши современники настаивают на существовании высших смыслов и идеалов, они хотят знать ответ на «последние вопросы», знать о Боге и своих отношениях с ним. И хотя сегодня сравнительно немногие люди знают,

¹ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 58.

² Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1990. – С. 736.

³ Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1990. – С. 747.

⁴ Beck U. Risk Society. – London: Sage Publications, 1997. – P. 81.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

что такое постмодернизм, они хотят действовать не столько под давлением экономического принуждения, сколько из высших – идеалистических побуждений.¹ Как писал Э. Мерфи, «мы думали, что метафизическое начало располагается «позади» нас. Но сегодня нам пришлось обнаружить его причастность буквально ко всему, что нас окружает и толкает со всех сторон».²

Прежнее противопоставление труженика-производителя флегматичному созерцателю давно устарело. Еще М. Горький в эссе о Ленине заметил, что если о человеке по работе судить, тогда лошадь лучше всякого человека. По мнению Н. Винера, человечество не может оценивать индивида лишь по той полезной работе, которую он выполняет. В первую очередь, оно обязано оценивать его как человека: «Реальная коммерческая стоимость его услуг в условиях современной культуры недостаточна. Если мы оцениваем людей, мы не можем оценивать их на этой основе. Если мы настаиваем на применении машин (компьютеров – *В. Р.*) повсюду, безотносительно к людям, но не переходим к фундаментальным рассмотрениям и не даем человеческим существам надлежащего места в мире, мы погибли».³

В мире символической реальности привычная необходимость «в поте лица добывать свой хлеб» превратилась в умение преобразовывать информацию, воспринимать, понимать и ретранслировать символы.⁴ Символическая реальность наделила людей «научными рефлексам», которые отвечают природе и потребностям новой окружающей среды.⁵ Как заметил

¹ Корчинский Д. Из надкушенных яблок мы сможем соорудить крепость // День, № 55, 26 марта, 2002. – С. 4.

² Murphie A. Putting the Virtual Back into VR // A Shock to Thought. – N. Y.: Routledge, 2002. – P. 192.

³ Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине. – М.: Наука, 1983. – С. 324.

⁴ Фурастье Ф. 40.000 часов // Впереди XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи. – М.: Academia, 2000. – С. 135.

⁵ Etzioni A. The Active Society. – N. Y.: The Free Press, 1968. – P. 30.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

по этому поводу А. Этциони, современному обществу удалось создать управленческую структуру высшего класса, состоящую из контролирующих центров («голов») и механизмов имплементации («тел»). При этом ее главная особенность состоит в том, что контролирующие центры управляют телами не административно (т.е. посредством команд), а с помощью свободного притока новых знаний.

Впрочем, на основе либеральных моделей и схем сегодня осуществляется не только политический менеджмент. Финансируемые из независимых источников мозговые центры действуют в мире просто потому, что это кому-то нравится. При этом лучшие из университетов, обладающие гигантскими силовыми полями «интеллектуальной привлекательности», функционируют с тем большим успехом, чем большую академическую свободу им предоставляют. И хотя концентрация научной мысли в мире сегодня в значительной степени совпадает с концентрацией капитала, стремительное развитие символической реальности не является результатом политики заговора или тайных соглашений.

3.3. Роль (функции) символической реальности

Определить исчерпывающим образом роль (функции) символической реальности невозможно. Будь это иначе, нам следовало бы признать, что мы можем анализировать собственный разум и душу со стороны. Кроме того, стремление объяснить функции символической реальности предполагает, что ей присущ инструментальный характер. Но инструментальный характер по отношению к чему? Ведь, как полагает Д. Серл, сознание есть свойство мозга в том же смысле, в каком жидкое

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

состояние есть свойство жизни молекул.¹ Трудности возникают еще и потому, что «знаки, слова и алгебраические формулы в области знания, деньги и кредитные символы в экономической жизни играют роль реальности, в которой действительные вещи сами по себе выступают лишь как тени в сказке Г. Х. Андерсена, в которой ученый и его тень поменялись ролями».²

Мы знаем, что события социального плана определяются взаимодействием человеческой природы с культурными условиями,³ а добро существует за пределами пространства фактов.⁴ С одной стороны, как писал П. Фейерабенд, мы нуждаемся в мире фантазий для того, чтобы раскрыть черты реального мира, в котором мы живем.⁵ С другой – вопрос о том, что чему служит, к настоящему времени просто устарел. Можно говорить лишь о наблюдаемых символических эффектах и возникающих при этом особых ощущениях. Возможно, что символическая реальность функционирует по правилам метафизического мышления Ф. Ферре, для которого «мышление является разновидностью систематического понимающего *теоретического моделирования всей реальности*, с одной стороны, дополняемого *основополагающим ценностным выбором отдельных аспектов реальности*, выраженных посредством избранных нами моделей, с другой».⁶

Так или иначе, символическая реальность очевидным образом причастна к расширению пространства свободного

¹ Серл Д. Открывая сознание заново. – М.: Идея-Пресс, 2002. – С. 35.

² The Simon Weil Reader. – London: Moyer Bell, 1999. – P. 31.

³ Dewey J. Freedom and Culture. – N. Y.: Prometheus Books, 1989. – P. 130.

⁴ Wittgenstein L. Culture and Value. – USA: The University of Chicago Press, 1984. – P. 3-e.

⁵ Feyerabend P. Against Method. – N. Y.: Verso, 2001. – P. 22.

⁶ Ferre F. Philosophy of Technology. – USA: University of Georgia Press, 1995. – P. 125.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

человеческого действия.¹ «Если мечты, – писал Л. Витгенштейн, – которым мы предаемся во снах, имеют функции, подобные дневным мыслям, то частичной их целью является подготовить человека к *любым* случайностям (включая худшие)». ² По мнению Т. Байер, с помощью символического формообразования человеческие существа становятся сознательными и понимающими себя. Понимающий же себя индивид превращается в носителя свободы. Как известно, в философской системе Э. Кассирера с помощью собственных ресурсов и уникального способа развития каждая из символических форм (миф, язык, наука и др.) эволюционирует от царства природы к царству свободы.³ Дух и жизнь выступают в ней принципами реальности, которые находятся во взаимном диалектическом напряжении. Жизнь постоянно трансформируется в дух (spirit), а дух обновляется в непосредственном протекании жизни. В результате, отношения духа и жизни воплощаются в функционировании символа – универсального значения, достигаемого духом в процессе своей жизнедеятельности.

Так или иначе, сегодня мы не только знаем о существовании символической реальности, но и широко пользуемся ее возможностями. Как было сказано в решении Верховного Суда США по делу *Texas v. Johnson* (1989 г.), «символизм» – это элементарный, но эффективный способ обмена идеями, способный прокладывать кратчайший путь от одного человеческого

¹Как указывает Э. Кассирер, «в акте становления сознания и превращения себя в сознательные существа мы избегаем воздействия того рока, который управляет органическими процессами. Таким способом мы достигаем царства свободы. Истинное и высшее достижение каждой из «символических форм» как раз и состоит в том, чтобы внести свой вклад в достижение данной цели...» (Cassirer E. *Philosophy of Symbolic Forms*. Vol. 4. – New Haven and London: Yale University Press, 1996. – P. 111).

²Wittgenstein L. *Culture and Value*. – USA: The University of Chicago Press, 1984. – P. 73-e.

³Bayer T. *Cassirer's Metaphysics of Symbolic Forms*. – New Haven and London: Yale University Press, 2001. – P. 105.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

сознания к другому.¹

При этом символические формы мифа, языка, науки и искусства не только отражают внешний облик предметно-физического мира, но и определенным образом модифицируют его. Символическая реальность делает природу более пластичной, хотя глагол «делать» в данном случае может быть применен нами лишь условно. Возможно, что природа является неограниченно подвижной и пластичной изначально, однако для проявления подобных качеств ей необходимо активное сознание, творческий разум. Многое здесь зависит также от точки зрения на предмет. Полотно П. Гогена или скульптура Г. Мура не в состоянии поразить воображение обезьяны, а большинство людей не совершает значительных интеллектуальных открытий. В большинстве случаев «в языке, религии, искусстве и науке человек может совершить лишь построение собственного универсума – символического универсума, который позволяет ему понимать и интерпретировать, артикулировать и организовывать, синтезировать и универсализировать его человеческий опыт».²

Примечательно, что в философии символических форм Э. Кассирера символическая реальность отличается от мира чувственных ощущений не столько субстанцией, сколько *порядком* своего построения. Говоря иными словами, символическая реальность «требует, чтобы элементы, которые в мгновенном чувственном восприятии стоят индифферентно друг к другу, были преобразованы в систему порядка – систему причин и следствий».³ Поэтому главной функцией символизации у Э. Кассирера является *образование смыслов*, трансформация

¹Freedom of Speech Decisions of the United States Supreme Court. – San Diego, California: Excellent Books, 1986. – P. 87.

²Cassirer E. The Philosophy of Symbolic Forms. Vol. 3. – New Haven and London: Yale University Press, 1957. – P. xi-xii.

³Cassirer E. The Philosophy of Symbolic Forms. Vol. 2. – New Haven and London: Yale University Press, 1955. – P. 33.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

«что» в «почему». Под воздействием символизации «устойчивое отделяется от переменного, объективное от субъективного, правда (суть) – от поверхностного: посредством данного движения достигается истинно логический характер эмпирического мышления».¹

В ином месте он замечает: «Беглый взгляд на развитие различных символических форм показывает, что их существенное достижение заключается не в том, что они копируют внешний мир во внутреннем мире, или что они просто проецируют завершенный внутренний мир вовне, а, скорее, в том, что два фактора «внутри» и «снаружи», «Я» и «реальности» предопределяются и отмежевываются друг от друга через данные символические формы и их посредством».² Наконец, «в то время как философия техники имеет дело с непосредственными и опосредованными телесными органами, с помощью которых человек придает внешнему миру определенность форм и отпечатков, философия символических форм концентрируется на всеобщности (тотальности) духовных экспрессивных функций».³

Все вышеизложенное позволяет прийти к выводу о том, что *главной целью символизации является образование смысловых иерархий, эффективное взаимодействие сознания с предметно-материальной средой, которое проявляется в форме творческого самовыражения индивидов.*

В XX веке не только политические философы, но и население Европы в целом посредством собственного трагического опыта обрело знание о том, что даже наиболее замысловатые философские трактаты могут оказывать непосредственное

¹Cassirer E. The Philosophy of Symbolic Forms. Vol. 2. – New Haven and London: Yale University Press, 1955. – P. 34.

²Cassirer E. The Philosophy of Symbolic Forms. Vol. 2. – New Haven and London: Yale University Press, 1955. – P. 155-156.

³Cassirer E. The Philosophy of Symbolic Forms. Vol. 2. – New Haven and London: Yale University Press, 1955. – P. 217.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

влияние на судьбы людей.¹ Однако человеческий разум не может примириться с мыслью о том, что ход событий определяет не столько планируемое, сколько спонтанное символическое действие. Пока что лишь в науке утвердилось первичное понимание того обстоятельства, что факты и явления, считавшиеся ранее типичными объектами математического расчета и планирования, «основываются на необходимо существующем фундаменте непредсказуемо спонтанного».²

Примечательно, что для погруженного в глубины символической реальности И. Бродского пространство всегда обладало значительно меньшей значимостью, чем время. И не потому, писал он, «что оно (пространство – *B. P.*) меньше, а потому, что оно – вещь, тогда как время есть мысль о вещи. Между вещью и мыслью, скажу я, всегда предпочтительнее последнее».³ Уместно заметить, что уже у Аристотеля практичными являются не столько действия, обращенные к фактам, сколько рефлексивные созерцания и мысли. Именно они, по его мнению, способствуют «эвираксии» – человеческим благородным поступкам. Что же касается современного индивида, то он может овладеть знанием о *должном* лишь с помощью абстрагирования,⁴ ибо его «реальный мир» базируется на основе языковых привычек, символического общения в социальной группе.⁵

Примечательно, что в исторической памяти человечества имена великих завоевателей уступают место создателям крупнейших символических систем. Придуманые Исайей, Буддой,

¹ Милош Ч. Личные обязательства. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 119.

² Слотердаик П. Критика цинического разума. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. – С. 572.

³ Бродский И. Поклониться тени. – СПб.: Азбука, 2001. – С. 219.

⁴ Torres L., Komhi M. What Art Is: The Esthetic Theory of Ayn Rand. – USA: Open Court, 2000. – P. 24.

⁵ Сепир Э. Статус лингвистики как науки // Языки как образ мира. – М.: СПб.: Изд-во АСТ, 2003. – С. 131-134.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Конфуцием, Иисусом и Магометом символические системы живут в сознании наших современников примерно так, как если бы они были заложены туда на генетическом уровне. Известно также, что ярко выраженная символическая функция присуща большинству из выдающихся архитектурных форм. Как пишет Л. Мамфорд, пирамида, обелиск, башня, арка, купол, шпиль, крестовый свод и витраж представляют собой примеры не столько инженерных или конструктивных возможностей, сколько образцы нескончаемых человеческих усилий в поисках смысла.

В начале XX века итальянские футуристы ставили перед обществом вопрос о том, могут ли произведения искусства быть реальным фактором прогресса. Отвечая на него утвердительно, Э. Лисицкий предлагал рассматривать живопись в качестве «предложения для новой реальности». Примерно в это же время логика конструктивизма выработала лаконичную формулу: художник как инженер.¹ Впрочем, и прежде человечество неоднократно пыталось жить в соответствии с «обобщенными репертуарными образами», которые «существуют, производятся и потребляются» людьми повсеместно.² Как верил Д. Мадзини, миром правят идеи, революции же лишь облегчают переход от теории к практике.³ «Американский народ живет символами», – утверждал один из американских граждан в своем письме к У. Черчиллю и Ф. Рузвельту по поводу начала Второй мировой войны.⁴

Как известно, Ш. Бодлер чрезвычайно высоко оценивал проявления *искусственности*, сравнивая данное качество с румянами и белилами, придающими прелесть красавице.⁵

¹ Bell J. What Is Painting? – N. Y.: Thames and Hudson, 1999. – P. 120.

² Barthes R. Camera Lucida. – London: Vintage, 1993. – P. 118.

³ Хайек Ф. Право, законодательство та свобода. Т. 1. – Київ: Сфера, 1999. – С. 101.

⁴ Коукер К. Сумерки Запада. – М.: Московская школа политических исследований, 2000. – С. 50.

⁵ Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство. – М.: Республика, 1995. – С. 158.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Сохранились также свидетельства того, что в куртуазный век наиболее сильной и интригующей считалась «интеллектуальная любовь». Что касается более широкого подхода, то рафинированный символизм практически никогда не падал в цене. В науке – священной считается правда, писала С. Вейль, а в искусстве – красота. При этом оба понятия представляют собой разновидность абстракции.¹ Возможно, что именно поэтому Ю. Кристева называла искусство *прикладной наукой*.² По мнению Гете, художественный стиль проистекает из внутренней природы вещей. Это означает, что символы не столько отражают внешнюю сторону человеческой жизни, сколько позволяют проникнуть в ее содержание, смысл. Фактически они ориентируют всю нашу интеллектуальную активность.

В целом, можно утверждать, что *главная особенность символизации, как приема абстрагирования, заключается в том, что она позволяет нам оперировать с объектами предметно-физической реальности по законам воображения, а не по физическим (природным) законам*. Говоря иными словами, в пространстве символической реальности материальные объекты и природные явления освобождаются от своей физической закрепленности и связанности. Это, в свою очередь, позволяет высказать предположение о том, что *главной функцией символической реальности является размягчение «реальной реальности», придание ей пластических, «жидкостных» свойств*.³

¹The Simone Weil Reader. – London: Moyer Bell, 1999. – P. 318

²Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 241.

³Как отмечает Дж. Л. Хендерсон, «мы говорили о диких птицах как символах избавления или освобождения. Но сегодня можно было бы с таким же успехом говорить о реактивных самолетах и космических ракетах, поскольку они представляют физическое воплощение того же трансцендентного принципа, освобождая нас – хотя бы временно – от гравитации» (Хендерсон Дж. Л. Древние мифы и современный человек // Юнг Карл Густав, фон Франц М.-Л., Хендерсон Дж. Л., Якоби И., Яффе А. Человек и его символы. – М.: Серебряные нити, 1997. – С. 154).

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Если согласиться с подобным взглядом на вещи, то весь материально-технический прогресс необходимо оценивать по степени достигнутого в нем символического освобождения. При этом можно также высказать предположение о том, что весь так называемый «объективный мир» является, в своей основе, безгранично податливым и пластичным. Причем конкретный уровень достигнутой в нем пластичности зависит от силы и оригинальности высказанных различными творцами идей. С этой точки зрения все известные нам естественно-физические законы представляют собой условные пороги человеческого понимания, своеобразные символические табу, действующие в рамках принятых нами научных парадигм.

Одной из наиболее важных трансформаций, обеспечиваемых нам символической реальностью, является условная способность преодолевать пространство и время. Позволительно даже утверждать о том, что символическая реальность вообще не считается с фактором времени, используя его как свой ничем не ограниченный ресурс. Избавив человеческое воображение от присущих физическому миру ограничений и связанностей, символическая реальность позволяет интеллекту действовать в рамках возможностей, определяемых его аналитическими, рефлексивными и комбинаторными способностями.

В этом смысле символическая реальность представляет собой виртуальный полигон разума, окруженный «резервациями смыслов» и оснащенный машиной преодоления пространства-времени. Все недоступное в физическом или природном мире здесь доступно, все ограниченное его ресурсами и пределами здесь ничем, кроме возможностей человеческого интеллекта, не ограничено. Создавая свои сокровища из субстанционального *ничто*, символическая реальность воплощает в себе средоточие возможностей раскрепощенного человеческого воображения и рассудка.

Однако, оставаясь физически не-схватываемой, символическая

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

реальность все-таки *существует*. Она проявляется в выдающихся произведениях живописи и музыкальных симфониях, театральных постановках и технологических ноу-хау, часто имеющих также реальный стоимостный эквивалент.¹ Как уже отмечалось выше, главная функция символической реальности заключается в освобождении человека от физических зависимостей, ограничений и связанностей. Что же касается ее инструментальных применений, то они выступают в качестве drobных подразделений ее основной функции и проявляются в ролевом своеобразии отдельных символических форм – языка, религии, науки, искусства, образования, игры и др.

С другой стороны, даже самый общий вопрос о том, *что именно* достигается в результате трансляции символического содержания, остается трудноразрешимым. Убедившись в реальном существовании символической реальности, мы продолжаем ломать голову над ее истинным предназначением. Как однажды заметил по этому поводу Ж.-П. Сартр, «если взять такой шедевр, как «Герника», то можно ли считать, что эта картина склонила на сторону испанских республиканцев хоть одно сердце? И вместе с тем ею сказано что-то такое, никем и никогда до конца не понятое, для выражения чего понадобились бы мириады слов». Нас сбивает с толку отчасти и то, что господин Журден облакал свои мысли в прозу, чтобы потребовать домашние туфли, а Гитлер – чтобы объявить войну Польше.²

В свое время П. Фейерабенд много и неоднократно высказывался по поводу сложности символических процессов. В частности, в книге, изданной уже посмертно, он писал: «Я определяю мировоззрение как собрание верований, установок

¹Как писала С. Вейль, «только духовные вещи обладают ценностью, но только физические вещи могут служить средством для их верификации» (The Simone Weil Reader. – London: Moyer Bell, 1999. – P. 431).

²Сартр Ж.-П. Что такое литература? – СПб.: Алетейя, 2000. – С. 13, 20.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

и допущений, которые вовлекают всю личность, а не только один интеллект, имеют определенную меру связанности и универсальности и предполагают в себе силу гораздо более мощную, чем сила фактов и основанных на фактах теорий». Ключевой для истинного понимания проблемы символического начала он считал позицию Ксенофонта, у которого Богмонстр «не движется вокруг, не разговаривает, не испытывает симпатий, но который, как истинный интеллект, обеспечивает движение универсума силой одной только мысли».¹

Как известно, в марксизме символическое начало является элементом «надстройки» над экономическим (материальным) базисом общества. Однако мы знаем, что сегодня «новая система создания благосостояния» (А. Тоффлер) фактически перевернула с ног на голову экономическую теорию К. Маркса.

Разумеется, правила обращения с символическими объектами обладают определенной логикой. Но ее вряд ли можно считать простой. Для иллюстрации данного тезиса достаточно сослаться на явление «интертекстуальности». Не самоочевидными для нас являются также миллионные гонорары звезд Голливуда или цены Sotheby на произведения современного искусства. Существуют также иные причины, в силу которых явление символической реальности заслуживает дальнейшего анализа. Сегодня мы отчетливо сознаем, что подобно этике демократии, подтолкнувшей цивилизацию к утверждению конституционализма и верховенства права, существует этика символической реальности, которая обуславливает разработку широких международно-правовых гарантий интеллектуальной свободы.

Что касается конкретных способов символической жизнедеятельности, то язык является главным средством обеспечения работоспособности нашего интеллекта. По мнению А. Бергсона, в процессе нарастающей символизации слово постепенно

¹Feyerabend P. Conquest of Abundance. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 2001. – P. 164, 168.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

переходило с восприятия одной конкретной вещи на другую, затем – на воспоминание о ней, с ясного воспоминания – на ускользающий образ и т. д. Так постепенно возникали цепочки дискретного применения понятий, в рамках которых интеллект приобрел способность видеть себя в форме прерывности.¹ То есть, вначале применяемые языковые средства казались отъединенными и внешними по отношению друг к другу, ибо такими же казались и окружающие человека явления и предметы. Однако впоследствии дискретные понятия стали объединяться, формируя тот целостный умопостигаемый мир, который первоначально казался нам всего лишь зеркальным отражением реального и раздробленного мира.

В процессе развития языка возникали абстрактные понятия, которые одновременно выглядели и как более легкие, удобные для умственной работы. Постепенно комбинаторика воображения выводила понятия из-под косвенного воздействия физических законов, которым продолжали подчиняться их предметно-материальные прототипы, перемещая их в нормативное пространство логик. Но если при этом в научных исследованиях логика играла роль хранильницы смысла, то в искусстве аналогичную функцию выполняли законы вкуса, стиля и формы. Вскоре, однако, выяснилось, что и «самые ложные суждения (к которым относятся синтетические суждения *a priori*) – для нас самые необходимые, что без допущения логических фикций, без сравнения действительности с чисто вымышленным миром безусловного, самотождественного, без постоянного фальсифицирования мира посредством числа человек не мог бы жить, что отречение от ложных суждений было бы отречением от жизни, отрицанием жизни».²

Важнейшая особенность символической реальности заключается в том, что она позволяет нам свободно комбинировать

¹ Бергсон А. Творческая эволюция. – М.: ТЕПРА, 2001. – С. 170.

² Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1990. – С. 243.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

любые предметы и явления, сочетать их самым невероятным образом, при этом ускоряя или замедляя их темп. Но символы обладают также существенными заместительными (сублимационными) возможностями. Например, снижение уровня агрессивности, присутствующей в человеке на генетическом уровне, еще в прошлом веке воспринималось в качестве актуальной проблемы. Во второй половине XX века «холодная война» стала впечатляющим примером сублимации человеческой агрессии в процессе идейного противоборства двух символических систем. Большинство сражений в этой войне происходило в условной форме, что позволило сохранить жизнь победителям и побежденным. Кроме того, символический характер войны разрешил сделать количество ее участников неограниченным. Так постепенно, писал Э. Агацци, конфронтация на поле разума стала эффективной альтернативой насилию в любой из его разновидностей.¹

Древние астрологи верили, что космические события непосредственно влияют на протекание человеческих дел. Затем наука попыталась доказать, что космос и люди существуют независимо друг от друга. Сегодня мы «снова» понимаем, что ноосфера оказывает влияние на события во вселенной. Поскольку символизация схватывается понятием «самоподобности», она становится продуктивной. В данном случае самоподобность проявляется в том, что «некоторые части физической реальности (например, символы, картины или человеческие мысли) похожи на другие ее части. Сходство может быть конкретным, когда образы в планетарии похожи на ночное небо; но важнее то, что это сходство может быть абстрактным, когда некое положение квантовой теории, напечатанное в книге, правильно объясняет один из аспектов структуры мультиверса».²

¹ Агацци Э. Нравственность и наука: этическое измерение в науке и технологии. – М.: МФФ, 1998. – С. 80.

² Дойч Д. Структура реальности. – Ижевск: 2001. – С. 100.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Хотя связь символической реальности с физическим миром уже изначально содержит в себе возможность спекуляций, мы продолжаем уповать на то, что с помощью символических средств человечеству удастся снизить угрозу всемирной экологической катастрофы и третьей мировой войны. Как писал Ю. Шерех, для предотвращения собственного одичания общество и раньше использовало символические рычаги – устав, закон, право и провидение. В нынешнее время подобного эффекта можно достичь с помощью определенного класса научных идей.¹

Кроме того, символизированное мышление воплощает в себе жизнь на пределе ее энергетического могущества. Как писала Р. Брайдотти, благодаря символизации нам открываются не только новые образы и представления. Символизированное мышление воплощает в себе также всю сферу современных трансформаций.² Символическая активность, как признает Л. Мамфорд, гораздо важнее прежнего «делания». Хотя мир и не изменяется с изменением научных парадигм, сами ученые работают после этого уже в другом мире.³

В наши дни подлинно достоверное знание о человеческом будущем, писал Ю. Шерех, содержится в литературе.⁴ Хотя в момент творения литературный замысел принадлежит автору, довольно скоро он превращается в достояние читателя. В свое время психоаналитики советовали А. Нин «расстаться с причудами собственных фантазий», однако она отказалась следовать их совету, будучи уверена в том, что «именно туда заронено зерно творчества».⁵ По мнению Э. Ионеско, великолепие

¹ Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический проект, 2000. – С. 314.

² Braidotly R. Nomadic Subject. – N. Y.: Columbia University Press, 1994. – P. 101.

³ Кун Т. Структура научных революций. – М.: Изд-во АСТ, 2001. – С. 163.

⁴ Шерех Ю. Пороги і запоріжжя. Т. 3. – Харків: Фоліо, 1998. – С. 176.

⁵ Нин А. Дневник 1931-1934 гг. Рассказы. – М.: Олимп, 2000. – С. 409.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

зданий античного Средиземноморья помогало физически выживать людям. Человеческая потребность в красоте имеет фундаментальный характер, поэтому обитатели современных функциональных хижин рискуют погибнуть от недостатка «хлеба красоты».¹ Как однажды заметил Р. Мерль, «известно, какую огромную власть имеет над людьми – и особенно над молодежью – мечта».²

В науке торжество эмпиризма закончилось вместе с открытием того обстоятельства, что чувственные данные являются эффективными символами, а человеческое знание репрезентируется не только структурой фактов, но и законами, которые вытекают из приписываемого фактам значения. Неудивительно, что главной философской темой XX века стала эпистемология. Что касается религии и искусства, то в данных областях власть символического начала и прежде не подвергалась сомнению. «Именно образы, – писал Р. Рорти, – а не суждения, именно метафоры, а не утверждения, определяют большую часть наших философских убеждений».³ Метафора, говорил в свою очередь Ф. Ницше, – это не риторическая фигура, а замещающий образ. Именно она, наряду с характером, обеспечивает непрерывность человеческой жизни и действия.⁴ По мнению Д. Сантаяны, все языки и мировые религии – это символические рычаги, которые не только «тиранствуют над обществом», но и делают его невосприимчивым к подрывным идеям.

Возможности ноосферы сегодня настолько велики, что всего лишь несколько человек могут переместить по земной поверхности миллионы тонн грунта. Как и предвидел В. Вернадский, современное символическое знание способно уже расколоть

¹Ионеско Э. Противоядия. – М.: Прогресс, 1992. – С. 212.

²Мерль Р. Мадрапур. – Київ: ФІТА, 1995. – С. 136.

³Рорти Р. Философия и зеркало природы. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1997. – С. 9.

⁴Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1990. – С. 85.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

планету. По мнению Х. Арендт, подлинное величие социологии проявилось в открытии М. Вебером того обстоятельства, что индустриальная активность не нуждается в ориентации на «посюсторонность». Изменить земной ландшафт можно и по мотивам спасения души. Вполне закономерно символическое отчуждение выступает одним из признаков Нового времени у К. Маркса.¹

Впрочем, и ранее флуктуации духовной энергии населения были в состоянии превратить неповоротливых крестьян и робких ткачей в конкистадоров, ландскнехтов и бродяг.² Как утверждают П. Вайль и А. Генис, хотя некая страна и может принять решение стать социалистической или выбрать курс на демократию западного типа, вопрос о том, сумеет ли реальная жизнь опровергнуть литературную утопию, остается открытым.³ Принято считать, что социализм является результатом сознательного политического планирования. Однако на самом деле мы не располагаем достоверным знанием о том, возможны ли некапиталистические США. Вполне вероятно, что категории капитализма, социализма, демократии и гражданского общества представляют собой более «индивидуализированные», чем мы привыкли думать, символические образования.

Как известно, в искусстве символизация изначально предполагает неповторимость. Можно принадлежать к кругу художников-праерафаэлитов, не будучи Д.-Г. Россетти или У.-Х. Гентом. Однако без них искусство данного направления выглядело бы иначе. Публика ценит конкретных художников, и только искусствоведов интересует явление футуризма. Если в семантическом поле науки ценностью обладает закономерность, то

¹Арендт Х. *Vita Activa* или о деятельной жизни. – СПб.: Алетейа, 2000. – С. 336.

²Пятигорский А. *Вспомнишь странного человека...* – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – С. 131.

³Вайль П., Генис А. *60-е. Мир советского человека.* – USA: Ardis, Ann Arbor, 1988. – С. 299.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

в искусстве все обстоит почти прямо противоположным образом. В символических репрезентациях искусства важен их «неразложимый остаток». Вне превращения символически абстрактного («речей влюбленного» – Р. Барт) в индивидуально конкретное («страдания юного Вертера») искусство лишено смысла. Универсалии всегда угнетают настоящего художника. По наблюдению Л. Шестова, Н. Гоголь остро чувствовал над собой и миром страшную власть тех идей, которые создал «нормальный» человек, и которые прославила теоретическая философия, принявшая наследие Аристотеля.¹ С другой стороны, не что иное, как универсальность законов художественного восприятия сделала Лувр и Метрополитен мировыми святынями.²

В свое время М. Мак-Люен сравнивал изобретение книгопечатания с внедрением в оборот «наркотика трансформации и метаморфозы», способного диктовать всем уровням человеческого сознания сразу. Однако современная символизация проникает в сознание индивида не только по внутренним каналам. Как известно, население развитых стран тратит на косметику, духи, прически и пластические операции столько же денег, сколько и на образование. Впечатляющими пока что остаются и цены на современные научные монографии.³

Поскольку человечество не располагает вычислительными теориями, охватывающими «сверхсимволизированную реальность» (А. Тоффлер), определить заранее стоимость хороших идей невозможно. В то же время, мы знаем, что большинство символических процессов протекает по определенным

¹Шестов Л. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. – М.: Наука, 1993. – С. 51.

²Мілош Ч. Придорожній песик. – Львів: Літопис, 2001. – С. 55.

³Как пишет Г. Блюменберг, «книги и действительность давно враждуют между собой. Написанный текст проникает на место действительности; его функция состоит в том, чтобы поместить в рубрику, зафиксировать данную действительность, сделать ее лишней» (Блюменберг Г. Світ як книга. – Київ: Лібра, 2005. – С. 33).

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

законам. Множество постулатов современной математики и логики представляет собой лишь усовершенствование данного принципиального требования.¹ С другой стороны, все правила символизации предполагают наличие необходимого компонента свободы. Как писал по этому поводу Ж.-Ф. Лиотар, даже «математика есть обширная формальная система символов, установленных *конвенциональным* (выделено мною – В. Р.) образом, и операциональных аксиом без лимитированного содержания: все возможно в нашей фантазии (Пуанкаре). Сама себя определяющая математическая истина оказывается определенной согласно референциальности аксиом, выбранных в самом начале».²

Анализируя эффективность действия отдельных символических форм, исследователи отмечают их низкую функциональную совместимость вместе с невозможностью вычисления ее (эффективности) в «квантифицируемых единицах цены или общей полезности» (В. Иноземцев). Тем не менее, «коммерческие предприятия по распродаже смысла» (П. Слотердаjk) существуют и процветают едва ли не повсюду. Символические продукты производятся и потребляются ничуть не хуже, чем традиционные товары на рынке. Разница состоит лишь в том, что производство символических товаров высшего качества предполагает «нематериалистическую» мотивацию личности.

Принято считать, что широкомасштабное производство символов приходится на конец экономической эпохи, знаменуя собой развертывание нового вида собственности параллельно с утверждением нового уровня творческой свободы. В свою очередь, проникновение нематериалистически мотивированных личностей в структуру рабочей силы постепенно приводит к новому типу отношений между работниками и компанией. Иерархически организованный менеджмент

¹ Etzioni A. The Active Society. – N.Y.: The Free Press, 1968. – P. 26-27.

² Лиотар Ж.-Ф. Феноменология. – СПб.: Алетейа, 2001. – С. 12-13.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

начинает уступать свои позиции партнерским отношениям персонала.

Примечательно, что «нематериалистически» мотивированными творцами-производителями раньше других сумели стать индивиды, которые не испытывали в своей прежней жизни недостатка в материальном комфорте. Как показывают исследования, именно этот социальный слой первым сумел осознать исчерпанность традиционных материальных стимулов. Первые симптомы подобных психологических установок были обнаружены и диагностированы Д. Шумпетером в США во время Второй мировой войны. Что касается материалистически «индифферентного» типа *массового* поведения, то оно начинает складываться лишь в условиях высокоразвитого капитализма. С другой стороны, могущество символической реальности проявляется не только в условиях постиндустриального развития. Как известно, в период горбачевской перестройки нарушение старого символического порядка оказалось для значительной части населения даже более травмирующим, чем изменение порядка экономического.¹

Необходимо отметить, что механизм символического воздействия на человеческое сознание является по-настоящему сложным. Даже простой акт чтения, писал М. Мак-Люен, представляет собой сочетание активной кинопроекции с ее пассивным восприятием в некоем условном ментальном театре. В соответствии с данной моделью осуществляется также большинство математико-аналитических процедур и иных мыслительных операций. Интересным является также и то, что сама по себе способность интеллекта передавать жизненные процессы с помощью многозначных и устойчивых символов породила «принцип неопределенности, преобладающий

¹ Жеребкина И. Кто боится феминизма в бывшем СССР? // *Femina Post-sovietica*. Украинская женщина в переходный период: от социальных движений к политике. – Харьков: ХЦГИ, 1999. – С. 31.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

сегодня во всем и являющийся источником острого интеллектуального и, без сомнения, духовного наслаждения».¹

Современные символы действуют как «массивные сюжеты, содержания, ценности (например, народ, мораль, семья, гуманизм, счастье, потребление), *аллегорическая* сила которых начинает каким-то неведомым образом сказываться на сознании, дабы интегрировать его в общую систему. Таким образом, на реальные ситуации воздействуют *содержания мысли*, поэтому идеология в ее целостности определяется как волна культуры, нахлынувшая на экономику».²

Благодаря существованию понятия «слон», а также способам использования данного понятия людьми, в жизни слонов происходят события (благоприятные, счастливые, злополучные или катастрофические) еще до того момента, когда на них поднимут лук или ружье.³ Символизация обладает способностью переводить самые разнообразные предметы в активное состояние – качество, которое широко эксплуатирует современная логократия.

Но если символическая реальность является эффективно влияющей на реальные события, то из этого вытекает потребность в выработке специальных правил обращения с ней. По мнению С. Вейль, подобного рода правила должны быть немногочисленными. Желательно также, чтобы человек усваивал их как можно раньше, не сталкиваясь впоследствии с искусственными проблемами в процессе принятия важных для себя решений.⁴ Полезным является также своевременное изъятие из символического обращения устаревших, потерявших смысл и значение понятий. Если наука, искусство или

¹ Бодрийар Ж. Прозрачность зла. – М.: Добросвет, 2000. – С. 59.

² Бодрийар Ж. К критике политической экономии знака. – М.: Библион, 2003. – С. 156.

³ Лакан Ж. Семинары. Книга 1: Работы Фрейда по технике психоанализа (1953/54). – М.: Логос, 1998. – С. 236.

⁴ Вейль С. Укорінення. Лист до клірика. – Київ: Дух і літера, 1998. – С. 11.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

образование перенасыщаются искусственно сохраняемыми понятиями, то соответствующему сегменту символической реальности угрожает информационный инбридинг, иногда подталкивающий социум к «аксиологическому коллапсу» (С. Лем). Нечто подобное произошло в пространстве символической реальности бывшего СССР.

В целом, можно предположить, что функционирование символической реальности предполагает кодирование отдельных сегментов интеллектуальной активности с помощью специальных семантических средств. На индивидуальном уровне это проявляется в том, что развитая личность обладает автономной ценностной системой – «тоннелем реальности» (С. Переслегин).¹ При этом считается, что все тоннели реальности формируются под воздействием трех главных способов познания мира: науки, искусства и трансцендентального мышления.

Наука «распаковывает смыслы» природы, общества и человека, предлагая нам устойчивые и воспроизводимые знания. В свою очередь, искусство позволяет людям понять нечто существенное с точки зрения эстетической проекции их жизни. Наконец, трансцендентальное мышление способствует человеческой коммуникации на основе формирования коллективных идентичностей.

В современных условиях полезными являются все формы и способы знаково-символического обмена. В частности, недопустимо пренебрегать здравым смыслом и наукой, что легко подтверждает наш повседневный опыт. В то же время, нельзя слепо доверять всем логическим и научным конструкциям. Как писал по этому поводу Л. Шестов, излишне доверившихся, равно как и пренебрегших, ждет «наказание».²

«Отвергнуть Бога, устроиться собственным разумом,

¹Переслегин С. Того, что достаточно для Геродота, мало для Герострата... // Лем С. Сумма технологии. – М.: Изд-во АСТ, 2002. – С. 646.

²Шестов Л. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. – М.: Наука, 1993. – С. 20.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

вращаться около самого себя, как около действительного своего солнца, преодолеть противоречия космоса всемогуществом человеческой науки и свести небеса на землю – вот настоящее существо марксистского социализма», – писал в свое время П. Новгородцев.¹ С тех пор действительность неоднократно возвращала человека на позиции онтологической скромности. Таким образом, современное понимание функций символической реальности не только стимулирует, но и сдерживает некоторые из наших интеллектуальных амбиций.

1.4. Структура символической реальности

Вопрос о структуре символической реальности непосредственно связан с вопросом о содержании и структуре культуры. В своей философии символических форм Э. Кассирер анализирует природу языка, мифа и науки (знания) как виртуальных элементов культурной действительности. В своем чистом виде они предстают перед нами как беспредметная часть культуры, или культура без артефактов. В этом смысле можно сказать, что символическая реальность – это насыщенное смысловыми, ценностно-содержательными элементами умозрительное интеллектуальное пространство, в котором представлены и взаимодействуют между собой самые разнообразные культурные контексты. В свою очередь, из того факта, что любая из культур имеет пространственно-временную привязку, следует вывод о том, что с помощью (посредством) культуры символическая реальность соединяется с конкретной цивилизацией.

На первый взгляд может показаться, что вопрос о структуре символической реальности является слишком абстрактным, и

¹Новгородцев П. Об общественном идеале. – М.: Правда, 1991. – С. 427.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

что более уместной является постановка вопроса о структуре и содержании культуры. По крайней мере, изучение структуры символической реальности сквозь призму содержания культуры является наиболее удобным. Разумеется, при этом возможны и другие подходы. В частности, о структуре символической реальности можно говорить с точки зрения архитектоники человеческого сознания, либо в психологическом и лингвистическом ключе. Тем не менее, с позиций поиска форм правового гарантирования интеллектуальной свободы первый подход кажется наиболее продуктивным.

Формы символической реальности (символические формы) удобно вписываются в систему культуры, а посредством ее механизмов – в систему цивилизации. Как известно, у К. Леви-Строса цивилизация подразумевает сосуществование культурных контекстов, воплощающих в себе максимум разнообразия. В этом смысле цивилизация выступает у него коалицией культур, сохраняющих свою самобытность.¹ Наоборот, Ф. Бродель рассматривает культуру как не вполне развитую цивилизацию, то есть, цивилизацию, которая не достигла максимума своего развития по причине нехватки в ней «социального оптимизма». Культура по Ф. Броделю – это цивилизация, не сумевшая полностью обеспечить свой рост.²

В свою очередь, в немецкой философии культуры различие между цивилизацией и культурой основывается на том, что цивилизация включает в себя механику, технологию и иные материальные факторы, а культура служит общим наименованием для ценностей и идеалов, а также высших интеллектуальных, артистических и моральных качеств и характеристик.³ Легко

¹ Леви-Строс К. Путь масок. – М.: Республика, 2000. – С. 353.

² Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. – М.: Прогресс, 1986. – С. 116.

³ Huntington S. The Clash of Civilizations. – N. Y.: A Touchstone Book, 1997. – P. 41.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

заметить, что в рамках именно такого подхода представляется затруднительным выделить такое понятие, как символическая реальность. Что касается разграничения в нем культуры и цивилизации, то оно напоминает более позднее различие техники и природы, о котором в свое время писал Ж. Эллюль.¹

Очевидно, что современное понятие цивилизации сложилось не сразу. В Новое время этим словом называли процесс обуздания «естественных склонностей» человеческой натуры, способ приспособления человеческой природы к порядку жизни, основанному на принципах частной собственности, свободного предпринимательства и торговли. В европейском обществе XVIII века полезными продуктами цивилизации считались привычка к «самоограничению», «благовоспитанность» и «обходительность» (Д. Кин). Впоследствии термин «цивилизация» («цивилизованность») стал использоваться для общего наименования некоторых принципов внутренней и внешней политики, соблюдения государством прав человека, а также высокого уровня развития экономики и социальной защиты.²

Возвращаясь к попытке выяснения структуры символической реальности сквозь призму содержания культуры, следует заметить, что в любой из культур принято различать сущностный или *символический*, и предметный аспект. В целом же, использование понятия культуры чрезвычайно многообразно. Культурой в наши дни называют процесс глобального обмена идеями всех времен и народов³; искусственно созданную человеком часть его окружения⁴; средства развлечения и достижения эстетического наслаждения, используемые людьми ради

¹ Ellul J. The Technological Society. – N. Y.: Vintage Books, 1964. – P. 79.

² Рокар М. Трудиться с душой. – М.: Международные отношения, 1990. – С. 307.

³ Аллен. Суждения. – М.: Республика, 2000. – С. 211.

⁴ Триандис Г., Дэвидсон Э. Психология и культура // История зарубежной психологии (30-60-е годы XX в.). Тексты. – М.: МГУ, 1986. – С. 294.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

престижа;¹ активное отношение человека к природе, а также процесс воспроизводства его жизни, общественных условий и вытекающих из них моральных представлений.²

Достаточно распространенным при этом остается также марксистский подход. Культурой в марксизме называют деятельность по производству, сохранению и распространению материальных и духовных ценностей³; обусловленную собственностью на средства производства творческую активность человеческого духа⁴; совокупность материальных и нематериальных продуктов человеческой деятельности, объективированных в определенной социальной среде; мир ценностей, принципиально отличающихся от природных объектов; противостоящий природе продукт социально организованного человечества и др.⁵

В свое время П. Сорокин называл культурой «совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения».⁶ Более узко понимал культуру Т. Ярошевский, относя к ней лишь совокупность объективированных произведений человеческой деятельности.⁷ Рассматривая в качестве главного содержания культуры набор артефактов, он фактически игнорировал ее ценностный аспект.

По мнению Э. Маркаряна, понятие культуры охватывает широкий набор средств, с помощью которых осуществляется

¹Ле-Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М.: Прогресс, 1992. – С. 122.

²Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. – С. 383.

³Раду Д. Идея культурного прогресса в современном мире. – М.: Прогресс, 1984. – С. 41.

⁴Вишневский Ю., Коган Л. Очерки теории социалистической культуры. – Свердловск: 1972. – С. 23.

⁵Вятр Е. Социология политических отношений. – М.: Прогресс, 1979. – С. 242.

⁶Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – С. 218.

⁷Ярошевский Т. Размышления о человеке. – М.: Прогресс, 1984. – С. 149.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

социальная жизнедеятельность человека. При этом главной функцией культуры он считает служение человечеству «над-биологически выработанными средствами».¹ В подобном подходе культура выступает в качестве «большой системы», которая не обладает структурно четкой организацией своих элементов. В этом случае понятием культуры охватывают весь конгломерат специфически характерных для человека способов жизнедеятельности и объективированных в артефактах результатов подобной жизнедеятельности.²

В свою очередь, у Э. Тайлора культура представляет собой сложное целое, включающее в себя знания, верования, обычаи, искусство, нравственность, законы и другие способности и привычки, усвоенные человеком как членом общества.³ З. Фрейд усматривал в культуре главное средство защиты человека от суровости и жестокости природной среды. Культура, по его мнению, возвысила человеческое существование над биологическими обстоятельствами, сделав человеческую судьбу социальной, а потому и принципиально отличной от судьбы животных.⁴ Что касается М. Вебера, то в его подходе культура представляет собой *разумный*, а потому одновременно *значимый* разрыв в длинной и бессмысленной цепи природных явлений. Общим пространством использования духовно-творческих сил человека считал культуру М. Хайдеггер.⁵

Специально подчеркивал в культуре моральный аспект А. Швейцер. По его мнению, культура представляет собой

¹Маркарян Э. Теория культуры и современная наука. – М.: Мысль, 1983. – С. 26.

²Азаров Н. В. И. Ленин о политике как общественном явлении. – М.: Высшая школа, 1975. – С. 221.

³Тайлор Э. Первобытная культура. – М.: Политиздат, 1989. – С. 18.

⁴Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Вопросы философии, № 8, 1988. – С. 133.

⁵Хайдеггер М. Наука и осмысление // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 67.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

итог всех достижений отдельных индивидов и человечества в целом во всех областях и по всем линиям жизни, но лишь при условии, что данные достижения способствовали духовному совершенствованию личности. Культура выступает у А. Швейцера закономерным итогом развития «воли к жизни». Благодаря влиянию культуры индивид А. Швейцера приобретает способность испытывать «благоговение перед жизнью» и на этой основе самосовершенствоваться.¹ В свою очередь, А. Моль видел в культуре искусственную среду, пространство интеллекта, комплекс большого количества культур и их ассоциаций, *силу, действующую в социальном поле*. Культура выступает у него интеллектуальным аспектом синтетической среды, которую человек создает в процессе общественной жизни.²

По мнению Ю. Лотмана, содержание культуры следует выводить из совокупности ненаследственных информаций, взятых вместе со способами их организации и сохранения. Т. Питерс и Р. Уотерман включали в данное понятие «совместно признаваемые ценности».³

Принято считать, что одно из наиболее широких определений культуры принадлежит А. Уайту. Культура в его понимании выступает в виде организации явлений и деятельностей (норм, поступков); предметов (средств, вещей, орудий); идей (веры, знаний) и чувств (установок, ценностей), которые прямо или косвенно связаны с использованием символов. В его определении культура фактически отождествляется с системой символических отношений между человеком, различными объективациями и коллективом.⁴

Пытаясь уяснить для себя «точное значение» культуры,

¹ Швейцер А. Культура и этика. – М.: Прогресс, 1973. – С. 329.

² Моль А. Социодинамика культуры. – М.: Прогресс, 1973. – С. 83, 348-349.

³ Питерс Т., Уотерман Р. В поисках эффективного управления. – М.: Прогресс, 1986. – С. 44.

⁴ См.: Витаньи И. Общество, культура, социология. – М.: Прогресс, 1984. – С. 99.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Х. Ортега-и-Гассет пришел к выводу о том, что данное понятие охватывает «жизненные функции, т. е. субъективные внутриорганические факты, использующие объективные законы и несущие в себе условие приспособления к трансвитальному порядку».¹ Данное определение отчасти напоминает представление А. Швейцера о том, что культура складывается из «признания господства разума над силами природы и из господства разума над человеческими убеждениями и помыслами».² В свою очередь, по мнению П. Вайнцвайга, в понятии культуры закономерно присутствуют два лингвистических корня: «культ», означающий заботу или культивирование, и «ур», означающий на санскрите «свет» или «творческий принцип вселенной».³

Хотя в большинстве определений культура рассматривается в качестве предметно-символического итога *социальной* организации жизни, В. фон Гумбольдт считал ее «произведением обособленно действующего рассудка».⁴ Примечательно, что и у Ф. Ницше понимание культуры определяется тем обстоятельством, что «мы видим все вещи через человеческую голову и не можем отрезать этой головы». При этом Ф. Ницше ставил «чисто научный» вопрос о том, что случилось бы с миром, если бы голову все-таки удалось отрезать.⁵

Итак, с одной стороны, культура есть специфическое проявление человека как активно действующего субъекта,⁶ с другой – особенность культуры проявляется в присущем ей символическом характере. В самом общем виде культура представляет

¹ Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? – М.: Наука, 1991. – С. 20.

² Швейцер А. Благоговение перед жизнью. – М.: Прогресс, 1992. – С. 55.

³ Вайнцвайг П. Десять заповедей творческой личности. – М.: Прогресс, 1990. – С. 70.

⁴ Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – С. 269.

⁵ Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1990. – С. 243.

⁶ Раду Д. Идея культурного прогресса в современном мире. – М.: Прогресс, 1984. – С. 25.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

собой информационный объект, созданный сознательными и подсознательными интеллектуальными усилиями человека. И если это принять, то символическая реальность (виртуальная часть культуры или культура без артефактов) предстанет перед нами как продукт жизнедеятельности интеллекта, отделившийся от своего биологического носителя и потому приобретший способность к неограниченной мультипликации.

Т. Уильямс считал «культуру» одним из самых сложных понятий английского языка, а М. Арнольд определял ее лаконично – как человеческое стремление узнать обо всем наилучшем из всего когда-либо сказанного и придуманного. Полученное при этом знание он считал необходимым использовать на благо человечества в целом.¹

Так или иначе, в структурном отношении символическая реальность представляет собой не столько универсальный продукт умственной активности человека, сколько совокупность тематически и организационно обособленных символических форм, посредством которых осуществляется ее истинное предназначение. Так, символическая форма искусства осваивает мир с помощью «субъективированных» сценариев, а символическая форма науки действует с помощью сценариев «объективированных». Как известно, Д. Белл называл культуру «третьей стороной» бытия современного человека – более узкой, чем артефакты и иные образцы жизненного уклада социальных групп (подход антропологов), но вместе с тем более широкой, чем один лишь способ «достижения совершенства в индивидуе» (подход М. Арнольда). Он воспринимал культуру почти как чистую символическую реальность, способ исследования и выражения смыслов человеческого существования в особой форме.²

¹См.: Сторі Дж. Теорія культури та масова культура. – Харків: Акта, 2005. – С. 14, 41-42.

²Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. – N. Y.: Basic Books, 1997. – P. 12.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В метафорическом смысле символическую реальность можно определить как эфирную, наиболее подвижную часть культуры, оболочку предметности, «тоненькую яблочную кожуру над раскаленным хаосом» (Ф. Ницше).¹ Говоря иными словами, если мы согласимся воспринимать символическую реальность как культуру без артефактов, то прояснить структуру символического начала нам могут помочь все «идеалистические» определения культуры.

В частности, в определении подобного рода у М. Хайдеггера культурой называется «реализация верховных ценностей путем культивирования высших человеческих достоинств»,² а у Гегеля ее воплощает в себе дух, «радостно живущий в своих творениях» и реализующий себя посредством совокупности «лучей». При этом лучи духа выступают у него как три формы художественных произведений: «как *субъективное* художественное произведение, т. е. формирование самого человека; как *объективное* художественное произведение, т. е. как формирование мира богов, наконец как *политическое* художественное произведение, как строй государства и живущих в нем индивидуумов».³

С точки зрения Ж. Лакана, общество управляется законами культуры или «порядком», совпадающим с лингвистической структурой означающих. Это говорит о том, что структуры языка управляют поведением и представлениями каждого человека на бессознательном уровне. Сама структурная организация дискурса формирует сознание и психику человека. При этом способ интеллектуальных воздействий, посредством которых происходит «именование», «называние», «расстановка всего по своим местам»,

¹Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1990. – С. 767.

²Хайдеггер М. Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 93.

³Гегель Г. В. Ф. Философия истории. – М.: Наука, 1993. – С. 267-268.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Ж. Лакан считает истинным воплощением понятия «символического».¹

Особенностью структурного порядка большинства символических форм и символической реальности в целом является то обстоятельство, что здесь не действует «принцип линейного замещения». Это означает, что внедрение новых ценностей в символическую реальность не разрушает ее прежней внутренней организации. Если в технике более производительный инструмент замещает собой инструмент менее производительный, то в символической реальности в этом случае происходит расширение «культурного репертуара воображения».² Напротив, любая попытка уничтожения символических фрагментов и образцов приводит к сужению символической реальности, ограничению ее творческих возможностей. В практическом смысле данное обстоятельство доказывает неприемлемость любых видов цензуры, уничтожения любых символических форм. Теневой стороной указанного свойства является то, что в структуре символической реальности вытеснения «зла» «добром» не происходит.

Более того, чрезмерно защищенные от «негативной» информации индивиды рискуют здесь стать жертвами культурного инфантилизма. По этой причине традиция культурных запретов кое-где постепенно заменяется принципом либеральной терпимости, а пороки символического свойства не подвергаются прежнему осуждению и репрессиям. Наоборот, в качестве эффективных катализаторов воображения они получают поддержку у творческих элит. Что касается динамики, то символические объекты подобного рода распространяются посредством диффузии – от личности к личности.³

¹См.: Баблюян З., Булавина Т. Джудит Батлер: гендер как маскарад идентификаций // Теория и история феминизма. – Харьков: ХЦГИ, Ф-Пресс, 1996. – С. 253.

²Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. – N. Y.: Basic Books, 1997. – P. 299.

³Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический Проект, 2000. – С. 461.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Фактически любое вторжение в «культурно чувствительные зоны» (Д. Истон) общества является, в конечном счете, неплодотворным и разрушительным. Иногда оно обрекает на деградацию целые регионы мира. Именно поэтому *правовое регулирование поведения субъектов, действующих в пространстве символической реальности, не должно осуществляться по схемам правового регулирования отношений в предметно-материальном мире.*

Если людям не нравится война или нетрадиционный секс, то из этого автоматически не следует запрет порнографии или военных репортажей. Ибо слишком многое из того, что невозможно в предметно-материальном мире, является легко осуществимым в мире символическом. Неслучайно П. Фейерабенд называл символический мир постоянно «рассыпающейся» реальностью, а М. Фуко призывал науку к борьбе с «очевидностями». Символическая реальность является эффективной не только потому, что она помогает людям решать их материальные проблемы, но также и потому, что она обладает способностью не считаться с ними.

Несмотря на присутствие в системах ориентации действующих субъектов, символическая реальность прямо не подчинена логике причинно-следственных отношений. В известном смысле, она находится не только за границами физической реальности, но и в несколько иной плоскости, нежели система личности и социальная система. Как неоднократно подчеркивал Э. Кассирер, «в использовании языка, в художественных картинах, в процессе мысли и исследования проявляется собственная *активность*». ¹ Символические формы – это «не просто события, которые играют в нас и нами, они – особые *энергии*, с чьей помощью строится мир культуры, мир языка, искусства, религии». ² Данная область охватывает повседневное

¹Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. – М.: Гардарика, 1998. – С. 58.

²Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. – М.: Гардарика, 1998. – С. 59.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

сознание, обычаи, нравы, понятия, моральные ориентиры, этническую идентификацию, эстетические моменты быта, уровень технологической грамотности и общий характер взаимодействия человека с природным миром.

Из этого также следует, что глубина символического мира во многом предопределяет масштабы общей человеческой свободы.¹ Данную закономерность плохо понимал И. Сталин, шутивший по поводу отсутствия у Римского Папы дивизий, но ее хорошо осознал У. Черчилль, всегда превозносивший роль терпимости, рационализма и власти закона.

Разобраться в том, почему одни общества прогрессируют, в то время как другие находятся в упадке, непросто. Определенную роль в этом играет географическая среда, ресурсы, климат и состояние национальной экономики. Однако главный ответ содержится, по-видимому, в исторических традициях и типе культуры. Как полагал К. Леви-Строс, самобытность конкретной культуры «покоится <...> на ее особенном *способе* (выделено мною – В. Р.) разрешать проблемы, прокладывая перспективу для ценностей, являющихся примерно одинаковыми у всех людей».² Говоря иными словами, наиболее важным в этом случае является *процессуальный аспект, метод* продвижения к универсальным целям. По мнению Ф. Фукуямы, мера успешности национальных экономик тесно связана с достигнутым той или иной нацией уровнем взаимного доверия хозяйствующих субъектов.³ Там, где доверительные отношения не ограничиваются ближайшим окружением бизнесмена, экономики прогрессируют значительно быстрее. Все это говорит о том, что для прогресса важны не столько природная среда и ресурсы, сколько тип, структура и характер существующих символических связей.

¹ Дзюба І. Спрага. – Київ: Український світ, 2001. – С. 225-226.

² Леви-Строс К. Путь масок. – М.: Республика, 2000. – С. 341.

³ См.: Fukuyama F. Trust. – London: Penguin Books, 1996.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Принято считать, что на государственном уровне символическая реальность реализует себя посредством национальных культурно-символических систем – ансамблей сложных взаимообусловленных влияний, формирующихся на основе традиционно сложившихся ценностей, норм и символов, руководящих выбором национальных элит, а также выбором применяемых данными элитами политических стратегий и тактик. Таким образом, символическая реальность на государственном уровне выступает не как чистая виртуальная реальность, в которой элементы-символы передаются спонтанно и хаотически от одного действующего субъекта к другому, а как идеальная среда с изначально заданным уровнем консистенции. Культурные эталоны национального масштаба не бывают случайными и выступают в качестве моделей для менее крупных сегментов символического пространства, которые, в свою очередь, формируют собственные системы ценностей, убеждений и экспрессивных символов.¹

В силу вышеперечисленных факторов культурно-символические системы могут быть «быстрыми» и «замедленными». В каждом отдельном случае их динамический уровень (темп свободы) определяется превалирующими в данном обществе нормами и ценностями, а также совершаемыми на их основе символическими выборами. Культурно-символические системы могут быть либо локальными и статичными, исповедуя, как говорил Ф. Ницше, «единство художественного стиля во всех проявлениях жизни» народа,² либо динамичными и открытыми, альтруистически отдавая лучшее, что в них есть, на поддержание иначе сконструированного порядка.³

¹О проявлении подобных закономерностей в политике см.: Речицкий В. Политическая активность. Конституционные аспекты. – Киев: Сфера, 1999. – С. 234-268.

²Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1990. – С. 182.

³Бродель Ф. Время мира. – М.: Прогресс, 1992. – С. 644.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Вполне возможным является понимание символической реальности и как всемирной software или общечеловеческой «второй культуры». Такого рода подход заложен в основу теории глобализации и конвергентного развития. Он проявляется в деятельности международных университетов, разработке программ global studies, а также практике трансграничного (спутникового) телевидения. Понятие «второй культуры» содержит в себе презумпцию культурного плюрализма и в большинстве случаев мыслится как *многообразие без единства*.¹ Каждая из культур осваивает сразу несколько векторов развития. Часть из них направлена на сохранение и акцентирование местных особенностей и различий, другие же ориентируются на унификацию социальных практик. В результате их переkreщивания и взаимного наложения глобализация сочетается с регионализацией и т. д.

Таким образом, символическая реальность представляет собой семантическое ядро национальной и общечеловеческой культуры в целом, выступает «островом информации в физическом мире».² Однако в отличие от культуры, она опирается на значительно более широкую геополитическую основу. Как говорил Л. Витгенштейн, любая культура – это орденский устав, предполагающий наличие определенных правил.³ Что же касается символической реальности, то в ней степень консолидации культурных норм является более слабой. Примечательно, что в современных либерально-демократических государствах политический порядок и символический порядок культуры постепенно становятся все более похожими друг на друга.⁴ Похоже, что символическая реальность находится по отношению к

¹ Бек У. Что такое глобализация? – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – С. 121.

² Алексеев Г. Энергоэнтропика, кибернетика и ноосфера // Кибернетика и ноосфера. – М.: Наука, 1986. – С. 90.

³ Витгенштейн Л. Философские работы. Часть 1. – М.: Гнозис, 1994. – С. 488.

⁴ Gray J. Enlightenment's Wake. – London: Routledge, 1995. – P. 81.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

национальной культуре примерно в таком же положении, в каком свобода мысли находится по отношению к свободе слова.

В структурном отношении символическая реальность представляет собой совокупность отдельных символических форм, каждая из которых обладает собственными типологическими чертами. Структурно организованными, в свою очередь, являются наука, образование и искусство. Вполне уместным представляется говорить и о структуре карточной игры. Поскольку символическая реальность посвящена созданию первичных смыслов, ценностей и иерархий, в ней можно предположить наличие метафизического начала.

1.5. Свойства символической реальности

В структурном подразделении символической реальности на отдельные формы (сегменты, виды) она предстает перед нами как система, способная к внутренней диверсификации, что очевидным образом характеризует одно из ее фундаментальных свойств. Вместе с тем, символической реальности присущ ряд характеристик, относящихся к феномену символического в целом. Поскольку настоящее исследование посвящено правовому обеспечению творчески-символических процессов, в качестве важнейших свойств символической реальности представляется уместным рассматривать присущие ей черты *органической нормативности*. Как показывает анализ, такими чертами выступают свобода, множественность, терпимость и этический вектор.

1.5.1. Свобода

Свобода в этом случае рассматривается как, преимущественно, интеллектуальная, духовная или внутренняя свобода.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

То есть, это не совсем то человеческое устремление, о котором Т. Фридман писал как о свободе выбора пути к преуспеванию, еды, одежды, места жительства, маршрутов для путешествий или работы. Речь идет о свободе умственных занятий, выборе книг для прочтения и написания, а также о способах и объектах творчества – интеллектуальной свободе в целом.¹ Как считал Ален, квинтэссенцией интеллектуальной свободы является сомнение. «Сомневаться – значит исследовать, разбирать и собирать идеи, как колесики сложного механизма, беспрестанно и спокойно, сопротивляясь желанию принимать все на веру».² Сомнение по своей природе тяготеет к критике, форме освоения мира, в которой главную роль играет отрицание.³

По мнению Б. Малиновского, интеллектуальная свобода является наиболее динамичным фактором в решении современных жизненных проблем. Б. Кроче понимал ее как радость созидания, «веселость жизни». Свобода у Б. Кроче всегда органична, поскольку именно естественные и ничем не стесненные склонности человеческой природы позволяют индивидам действовать свободно.⁴ Сущность интеллектуальной свободы состоит фактически в том, чтобы индивид мог выразить себя с предельной полнотой, свободно высказать свои неортодоксальные, неприемлемые или еретические взгляды.⁵ По этой причине интеллектуальную свободу необходимо поддерживать также и в экстремальных обстоятельствах и условиях.

¹Friedman T. The Lexus and the Olive Tree. – N. Y.: Anchor Books, 2000. – P. 348.

²Ален. Суждения. – М.: Республика, 2000. – С. 107.

³Янков М. Конструктивная критика и рациональное управление. – М.: Прогресс, 1987. – С. 40.

⁴Кроче Б. Антология сочинений по философии. – СПб.: Пневма, 1999. – С. 106-107.

⁵Хауард Д. Два века конституционного правления // Америка, № 362, январь, 1987. – С. 6.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Как бы не расходились индивиды в вопросах стиля и вкуса, интеллектуальная свобода находится в центре интересов каждого из них.¹

У Сен-Симона интеллектуальная свобода состоит в беспрепятственном развитии человеческих способностей, полезных обществу в его светской и духовной жизни,² а у Вольтера она совпадает с индивидуальной способностью *действовать*. В его отношении к свободе превалирует творческое начало.³ В свою очередь, И. Бродский считал интеллектуальную свободу не до конца автономным понятием, напоминая, что в физике свобода детерминирована статикой, в политике – рабством, а в трансцендентном мире – Страшным Судом. Интеллектуальная свобода в понимании И. Бродского – это всегда некоторое преодоление, реакция на ограничение, достигнутая индивидом «освобожденность».⁴

В свое время А. Адамс называл интеллектуальную свободу духом, который господствует среди людей любого звания, возраста и пола,⁵ с чем мог бы согласиться и К. Маркс, утверждавший, что «ни один человек не борется против свободы, – борется человек, самое большое, против свободы других».⁶

В философском понимании Х. Ортеги-и-Гассета свобода представляет собой тот «оборот, который принимает вся человеческая жизнь, когда ее различные составляющие сходятся в процессе своего развития в некоторой точке, которая связывает

¹ Danto A. *Philosophizing Art*. – USA: University of California Press, 1999. – P. 274.

² Сен-Симон А. *Избранные сочинения*. Т. 2. – М.-Л.: АН СССР, 1948. – С. 16.

³ *Мир философии*. Т. 2. – М.: Политиздат, 1991. – С. 183.

⁴ Бродский И. В мире изящной словесности // *Америка*, № 426, май, 1992. – С. 37.

⁵ *National Standards for Civics and Government*. – USA: Center for Civic Education, 1994. – P. 58.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* Т. 1. – С. 55.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

их в определенное динамическое уравнение».¹ В свою очередь, в политике интеллектуальная свобода может означать признание того положения, что ни один человек, учреждение или правительство не имеет монополии на правду, что жизнь *каждого* индивида обладает ценностью и имеет смысл, и что поэтому каждый обладает правом предложить что-либо миру.²

В свое время Т. Гоббс рассматривал человеческую свободу в качестве отсутствия внешних препятствий к движению, которые хотя и ограничивают абсолютную свободу поступков, но не могут противостоять достижению разумных целей индивида.³ С тех пор данное определение свободы считается одним из наиболее удачных. Оно положено в основу «негативного» понимания свободы как отсутствия зависимости деятельности или деятеля от каких бы то ни было связывающих его внешних условий.⁴ Как подчеркивал Д. Сартори, негативная свобода – всегда самая главная, ибо она служит предпосылкой всех других свобод. Мы нуждаемся в свободе *от*, писал он, для того чтобы иметь свободу *для*.⁵

Современное понимание интеллектуальной свободы является достаточно сложным, ибо люди в наше время бунтуют не только против голода и физического насилия, но также против образцовых тюрем, транквилизаторов, изоляции, принудительных медицинских и образовательных практик. Проявления свободы в ее современном виде могут быть направлены как против нищеты, так и против богатства (комфорта), как против тюремных надзирателей, так и против врачей-психиатров.⁶ В республике Платона власть могла навязывать своим гражданам гуманность и благородство,

¹ Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? – М.: Наука, 1991. – С. 268.

² Рейган Р. Жизнь по-американски. – М.: Новости, 1992. – С. 723-724.

³ Мир философии. Т. 2. – М.: Политиздат, 1991. – С. 175.

⁴ Лосский Н. Избранное. – М.: Правда, 1991. – С. 485.

⁵ Sartori G. Democratic Theory. – Westport: Greenwood Press, 1973. – P. 286.

⁶ Фуко М. Наглядати й карати. – Київ: Основи, 1998. – С. 39-40.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

однако принуждение к тому, что можно выразить свободно и по отношению к тем, кто может сделать это добровольно, обесценивает благо навязываемых мер.¹ Поэтому современное понимание интеллектуальной свободы отрицает всякий – позитивный и негативный патернализм.² Как однажды заметил О. Кромвель, индивид никогда не поднимется выше, если заранее будет знать, куда он не собирается. Например, в науке сила интеллекта сводится к нулю, если ученым априори устанавливают границы для их пытливости.³ В частности, уже Спинозе принадлежит определение интеллектуальной свободы как естественного права и способности индивида свободно рассуждать о *любых* вещах без внешнего принуждения.⁴ Напротив, у Морелли понимание свободы примыкает к праву безбоязненного использования индивидом всего, что может удовлетворять его естественные и *законные* желания.⁵ Ограничение свободы требованиями закона напоминает известное отношение к свободе у Ш. Монтескье.

Для Э. Левинаса интеллектуальная свобода – это всегда акт экзистенции. «Я – это свобода. Существующий властвует над актом существования, господствует над своим существованием как муж, как субъект. Есть нечто, что в его власти». Это пока не свобода выбора, а свобода первоначала. Она заключена «во всяком субъекте в силу того обстоятельства, что субъект, существующий, есть».⁶ И все же, замечает по этому

¹ Фаулз Д. Аристос. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – С. 103.

² Наоборот, по мнению Ф. Брентано, «путь примитивной дрессуры может – а рано или поздно, смеем сказать, даже должен – привести к мнениям, которые будут соответствовать принципам, вытекающим из истинной оценки блага» (Брентано Ф. О происхождении нравственного познания. – СПб.: Алетейя, 2000. – С. 77).

³ Винер Н. Творец и робот. – М.: Прогресс, 1966. – С. 63.

⁴ Мир философии. Т. 2. – М.: Политиздат, 1991. – С. 237.

⁵ Морелли. Кодекс природы. – М.: АН СССР, 1947. – С. 124.

⁶ Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. – С. 40.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

поводу Ж.-Л. Нанси, в экзистенциализме следует различать два вида свободы. Первый из них (freedom) представляет собой право делать то, «что ты хочешь» по отношению к свободе других. Такого рода свобода подразумевает активное самоопределение личности в коллективе. Второй вид свободы (liberty) принадлежит человеку изначально, предшествуя его земному существованию. Это свобода «безосновная», ее невозможно «взять», она сама берет и «раскрывает нас в показе».¹

Ж. Батай связывал содержание интеллектуальной свободы с понятием риска, который берет на себя индивид, отважившийся нарушить «двусмысленные» запреты. Люди отличаются от животных тем, писал он, что они соблюдают двусмысленные запреты – запреты, которые им нередко хочется и приходится нарушать. Нарушение запретов требует мужества и решительности. Если у индивида есть мужество, необходимое для нарушения установленных границ, можно считать, что он состоялся.² Действительно, нормы хороши до тех пор, пока они предлагают человеку оптимальные модели действий. Однако всем знакомы ситуации, в которых риск является оправданным.

В юридическом смысле это означает, что хорошее право должно содержать в себе презумпцию выхода творческого субъекта за рамки установленного шаблона. Более того, этот принцип должен лежать в основе всего законодательства, регулирующего творческо-символические процессы. Сегодня подобная задача решается с помощью диспозитивных норм, которые включаются в международные и национальные кодексы прав человека. Таким образом, субъективные права и свободы выступают гарантией творчества, без них любое

¹Нанси Ж.-Л. Сегодня // Ежегодник Лаборатории постклассических исследований Института философии РАН. – М.: Ad Marginem, 1994. – С. 157-159.

²Батай Ж. Литература и зло. – М.: МГУ, 1992. – С. 12.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

законодательство выглядело бы как исключительно дисциплинарная система.

К этому следует также добавить, что проблема правового обеспечения творческой свободы является двухуровневой. Первый (позитивный) уровень свободы необходим для тех, кто реализует ее путем преодоления устоявшихся традиций, норм и запретов. В этом смысле тот, кто хочет свободы, не должен приспособливаться. Суверенный разум знает лишь самое себя, и ничто иное его не ограничивает.¹ У Ж.-П. Сартра подобного рода позитивная свобода «вынуждает человеческую реальность делать себя, вместо того чтобы *быть*. <...> Для человеческой реальности быть – это значит *выбирать себя*; ничего не приходит к ней извне, ни также изнутри, чтобы она могла *получать* или *принимать*. Она полностью заброшена без какой-либо помощи любого вида в невыносимую необходимость делаться бытием до малейшей детали. Таким образом, свобода не есть *какое-то* бытие, она есть бытие человека, то есть ничто бытия».²

Второй (негативный) уровень свободы предполагает режим внешнего (часто властного) невмешательства в творческий процесс. Произведения, созданные независимыми авторами, реализуются на рынке символических образцов. При этом роль рынка могут играть институты демократии. Как говорит Д. Сартори, демократия представляет собой способ принятия решений, модели которых уже существуют в виде готовых образцов. Таким образом, демократии принадлежит не творческая, а селективная способность. Негативная свобода означает в этом случае свободу предложения на рынке, она совпадает с отсутствием препятствий к движению символического

¹Левинас Э. Тотальность и бесконечное: эссе о внешности // Вопросы философии, № 2, 1999. – С. 61.

²Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. – М.: Республика, 2000. – С. 452.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

товара. Поскольку в постиндустриальных странах на свободу творческих элит обычно не посягают, интеллектуальная свобода сталкивается здесь с препятствиями, главным образом, внутреннего свойства. Можно сказать, что законодателя «порядок работающей умственной фантазии»¹ здесь не интересует. Наоборот, в посттоталитарных странах не только негативная, но и позитивная свобода все еще продолжает оставаться актуальной целью.

Что касается классических истоков понимания интеллектуальной свободы, то главные представления в этой области репрезентируют идеи Д. Локка, Гегеля и И. Канта. Как известно, у Д. Локка *«каждый человек, как было показано, по природе свободен, и ничто не в состоянии поставить его в подчинение какой-либо земной власти, за исключением его собственного согласия»*.² Свобода в философской системе Д. Локка – это свобода политическая и, вместе с тем, творческая. Как утверждал Д. Локк, *«естественная свобода человека заключается в том, что он свободен от какой бы то ни было стоящей выше его власти на земле и не подчиняется воле или законодательной власти другого человека, но руководствуется только законом природы»*.³ Но что иное, помимо демократии и тирании, может представлять собой *«законодательная власть другого человека»*?

Как писал по этому поводу Д. Дьюи, свобода в представлении Д. Локка – это свобода, за которой стоит идея постоянного развития и готовности к изменениям.⁴ Д. Локк утверждает, что *«идея свободы есть идея способности (power) в каком-нибудь действующем лице совершить какое-нибудь отдельное*

¹Колаковский Л. Похвала непоследовательности. – Firenze: Edizioni Aurora, 1974. – С. 61.

²Локк Д. Сочинения. В 3-х т. Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – С. 331.

³Локк Д. Сочинения. В 3-х т. Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – С. 274.

⁴Дьюи Д. Реконструкция в философии. – М.: Логос, 2001. – С. 159.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

действие или воздержаться от него, согласно определению или мысли ума, благодаря чему одно действие предпочитают другому». ¹ Главное здесь, чтобы индивид мог действовать по своему выбору и желанию. Д. Локк неоднократно повторяет, что естественное состояние людей – это «*состояние полной свободы* в отношении их действий и в отношении распоряжения своим имуществом и личностью в соответствии с тем, что они считают подходящим для себя в границах закона природы, не испрашивая разрешения у какого-либо другого лица и не завися от чьей-либо воли». ² Единственное ограничение свободы, которое он признает, это природный закон, физическая «объективность». Неудивительно, что Д. Локк акцентирует внимание на индивидуальном характере свободы, его мало заботит то обстоятельство, что выборы отдельных людей могут иногда совпадать.

В философской системе И. Канта законы природы выступают не столько ограничителями свободы индивида, сколько законами внешней по отношению к нему реальности. «Формальная философия называется *логикой*, материальная имеет дело с определенными предметами и законами, которым они подчинены, и в свою очередь, делится на две [части]. Дело в том, что эти законы суть или законы *природы*, или же законы *свободы*. Наука о первых законах носит название *физики*, наука о вторых есть *этика*». ³ Если по законам природы все происходит, то по законам этики – должно происходить. Разум в этой философской системе «должен рассматривать себя как творца своих принципов независимо от посторонних влияний; следовательно, как практический разум или как воля разумного существа он сам должен считать себя свободным, т.е. воля разумного существа может быть его собственной

¹ Локк Д. Сочинения. В 3-х т. Т. 1. – М.: Мысль, 1985. – С. 289.

² Локк Д. Сочинения. В 3-х т. Т. 3. – М.: Мысль, 1989. – С. 263.

³ Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 4, ч. 1. – М.: Мысль, 1965. – С. 221.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

волей, только если она руководствуется идеей свободы».¹ Каждое человеческое существо, по мнению И. Канта, должно поступать, руководствуясь идеей свободы. В свою очередь, идея свободы «имеет место единственно в отношении *интеллектуального* как причины к явлению как действию».² Разум играет в системе И. Канта роль причины «в отношении действий в чувственно воспринимаемом мире», однако «*объективные основания*, которые сами суть идеи, признаются определяющими в отношении разума».³

Таким образом, если у Д. Локка человеческая свобода ограничена предметно-физической реальностью и ее законами, а символическое пространство остается раскрепощенным, то у И. Канта все обстоит едва ли не противоположным образом. Хотя в физическом смысле его индивид не связан ничем, кроме велений своего разума, сам разум ограничен у него «определяющими» идеями. Таким образом, в философской системе Д. Локка структура символической реальности сравнительно проста. Это пространство интеллектуальной активности человека, допускающее присутствие метафизического начала. Наоборот, у И. Канта символическая реальность «доверху» заполнена априорными идеями, которые определяют интеллектуальную активность. Индивид может проникать в смысл априорных идей и даже обязан это делать, однако не сам он, а идеи доминируют над его мыслями и поступками. В то же время, И. Кант не отказывает интеллекту в праве быть субъектом и объектом глубокой критики. Ведь свобода в понимании И. Канта – это не вопрос усмотрения отдельного индивида, а духовное состояние общества, идея свободы для всех.⁴

¹ Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 4, ч. 1. – М.: Мысль, 1965. – С. 292.

² Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 4, ч. 1. – М.: Мысль, 1965. – С. 166.

³ Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 4, ч. 1. – М.: Мысль, 1965. – С. 167.

⁴ Адорно Т. Проблемы философии морали. – М.: Республика, 2000. – С. 202.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Впоследствии Т. Адорно противопоставлял данное определение свободы пониманию свободы экзистенциалистами, чрезмерно абсолютизовавшими, по его мнению, позицию спонтанно действующего субъекта.

Что касается философии Гегеля («чемпиона свободы», по определению Ф. Фукуямы), то в ней свобода выступает в качестве естественного психологического качества (свойства, состояния) личности, находящейся в оппозиции к природе. Свобода и природная среда у Гегеля очевидным образом противостоят друг другу. В отличие от идеи свободы у Д. Локка, интеллектуальная свобода Гегеля не подразумевает жизни индивида в согласии с органическим окружением. Свобода начинается у Гегеля как раз там, где заканчивается и преодолевается природа. Свобода в его философской системе возникает лишь тогда, когда индивиду удастся превзойти свое естественное природное начало, создать из себя новую самость.¹ По мнению Гегеля, «всемирная история есть дисциплинирование необузданной естественной воли и возвышение ее до всеобщности и до субъективной свободы».² Если у И. Канта свобода существует в равной степени и как бы одновременно для всех, то принадлежность свободы у Гегеля субъективирована в разных иерархических порядках. Если, как он пишет, «в древних государствах субъективная цель полностью совпадала с волеием государства, в новейшее время мы требуем, напротив, собственного воззрения, собственного воления и собственной совести».³

По мнению Гегеля, «в платоновском государстве субъективная свобода еще не действует, поскольку власти еще указывают индивидам их занятия. Во многих восточных государствах это распределение занятий определяется рождением. Между

¹ Fukuyama F. The End of History and the Last Man. – N. Y.: The Free Press, 1992. – P. 152.

² Гегель Г. В. Ф. Философия истории. – М.: Наука, 1993. – С. 147.

³ Гегель Г. В. Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – С. 288-289.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

тем субъективная свобода, которую следует принимать во внимание, требует предоставления индивидам свободного выбора занятий».¹ В другом месте он замечает: «Рабство в себе и для себя есть несправедливость, потому что сущность человека есть свобода, но он должен сперва дозреть до нее. Итак, постепенная отмена рабства целесообразнее и правильнее, чем его внезапное уничтожение».² И, наконец, знаменитое: «Восток знал и знает только, что *один* свободен, греческий и римский мир знает, что *некоторые* свободны, германский мир знает, что *все* свободны. Итак, первая форма, которую мы видим во всемирной истории, есть *деспотизм*, вторая – *демократия* и *аристократия*, третья – *монархия*».³ Хотя диалектика Гегеля очевидным образом идеалистична, он ничего не пишет о связанности свободы априорными идеями, как это делает И. Кант. Гегелевский индивид свободен по-иному, в нем больше интеллектуальной решимости, его готовность отстаивать свободу граничит с риском для жизни.

Как полагал Гегель, следует полностью отказаться от того представления о свободе, согласно которому она должна быть выбором между противоположными определенностями: и если перед ней находится +А и –А, она заключается в том, чтобы определить себя либо как +А, либо как –А, поскольку она всецело связана этим *либо-либо*. Подобная возможность выбора есть только эмпирическая свобода, совпадающая с обычной эмпирической необходимостью. Однако абсолютная свобода есть «отрицательно абсолютная бесконечность, чистая свобода, есть в своем явлении смерть, и благодаря способности к смерти субъект обнаруживает себя свободным и всецело возвышающимся над всяким принуждением».⁴ Разумеется, в

¹ Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. – М.: Мысль, 1990. – С. 289.

² Гегель Г. В. Ф. *Философия истории*. – М.: Наука, 1993. – С. 143.

³ Гегель Г. В. Ф. *Философия истории*. – М.: Наука, 1993. – С. 147-148.

⁴ Гегель Г. В. Ф. *Политические произведения*. – М.: Наука, 1978. – С. 226-227.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

политико-правовом отношении свобода индивида подчинена у Гегеля суверенному монархическому государству. Гегелевский субъект успешно преодолевает свою зависимость от физической природы, однако его по-прежнему крепко удерживают политические узы.

Более широко, по сравнению с Гегелем, понимал свободу В. фон Гумбольдт, у которого *«истинный разум не может желать человеку никакого другого состояния, кроме того, при котором не только каждый отдельный человек пользуется самой полной свободой, развивая изнутри все свои своеобразные особенности, но и физическая природа обретает в руках человеческих ту форму, тот образ, который произвольно придает ей каждый человек в меру своих потребностей и наклонностей, будучи ограничен только пределами своей силы и своего права. Разум, – продолжает он, – <...> никогда не должен отклоняться от этого принципа больше, чем это требуется для сохранения самого этого принципа. Принцип этот должен лежать в основе всякой политики, и из него следует прежде всего исходить»*.¹

В свою очередь, в философской системе С. Франка индивид существует и действует одновременно как бы в двух контекстах реальности. Первый из них – символическая реальность духа, второй – предметно-физическая реальность мира, который его окружает. В «публичном предметном мире» бытие индивида есть «лишь малая, несущественная, подчиненная частная реальность». Однако все обстоит иначе в его интимном, «извне невидимом» символическом мире мечтаний, радостей и страданий, по сравнению с которым «предназначенный для всеобщего употребления» предметный мир имеет лишь утилитарную ценность.² В философии С. Франка, как и некоторых других русских философов, прослеживается страстный интерес к внутреннему, субъективному началу человека.

¹ Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – С. 34.

² Франк С. Сочинения. – М.: Правда, 1990. – С. 321.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

В частности, похожее отношение к свободе присутствует у Н. Бердяева, который решительно избирает «философию, в которой утверждается примат свободы над бытием, примат экзистенциального субъекта над объективированным миром, дуализм, волюнтаризм, динамизм, творческий активизм, персонализм, антропологизм, философию духа».¹ В ином месте Н. Бердяев подчеркивает: «Нужно выбирать между двумя философиями – философией, признающей примат бытия над свободой, и философией, признающей примат свободы над бытием. Этот выбор не может определяться одним лишь мышлением, он определяется целостным духом, т. е. и волей. Персонализм должен признать примат свободы над бытием. Философия примата бытия есть философия безличности. Система онтологии, признающая абсолютный примат бытия, есть система детерминизма. Всякая объективированная интеллектуалистическая система есть система детерминизма. Она выводит свободу из бытия, свобода оказывается детерминированной бытием, т. е. в конце концов свобода есть порождение необходимости. Бытие оказывается идеальной необходимостью, в нем невозможны прорывы, бытие сплошное, абсолютное единство. Но свобода невыводима из бытия, свобода вкоренена в ничто, в бездонность, в небытие, если употреблять онтологическую терминологию. Свобода безосновна, не определена, не порождена бытием. Нет сплошного, непрерывного бытия. Есть прорывы, разрывы, бездны, парадоксы, есть трансценсы. Поэтому только существует свобода, существует личность. Примат свободы над бытием есть также примат духа над бытием. Бытие – статично. Дух – динамичен. <...> Динамика, активность, творчество противостоят интеллектуалистическому пониманию бытия».²

Следует признать, что понимание интеллектуальной свободы

¹ Мир философии. Т. 1. – М.: Политиздат, 1991. – С. 175-176.

² Мир философии. Т. 2. – М.: Политиздат, 1991. – С. 217-218.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

в произведениях русских философов частично предвосхитило европейский экзистенциализм, идеологический нонконформизм и даже советское политическое диссидентство. Неслучайно воспитанный в подобной философской традиции и Андрей Тарковский настаивал на возможности сохранения интеллектуальной свободы даже в условиях тоталитаризма. Что касается более узкого – «инструментального» понимания интеллектуальной свободы в XX веке, то у Х. Ортеги-и-Гассета она определяется способностью интеллекта к разъединению традиционно слитных понятий,¹ а у Ф. Хайека – основывается на «гораздо более широких основаниях свободы и не может существовать без этого».² При этом промежуточную позицию между концепциями детерминированной (Спиноза, К. Маркс, З. Фрейд) и недетерминированной (И. Кант, Гегель, Н. Бердяев) свободы занимает Э. Фромм. Свобода у него практически совпадает со способностью индивида следовать голосу своего разума, аргументам здоровья, благополучия и совести, не поддаваясь при этом каким-либо иррациональным вызовам. Подобная свобода не требует от человека действия «в сознании необходимости», однако предполагает активность на основе осознания альтернатив и их последствий.³ В данном подходе интеллект напоминает компьютер, чей выбор всегда совпадает с рациональным, логическим выбором. В своих рассуждениях о свободе Э. Фромм оставляет без внимания то обстоятельство, что человек часто вынужден действовать на основе неполной информации, руководствуясь интуицией и инстинктами.

Оригинальным является отношение к интеллектуальной свободе у А. Пятигорского, который твердо уверен в том, что «в математике есть свои законы, у языка есть свои законы, у

¹ Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. – М.: Радуга, 1991. – С. 70.

² Hayek F. The Constitution of Liberty. – Chicago: The University of Chicago Press, 1960. – P. 394.

³ Фромм Э. Душа человека. – М.: Республика, 1992. – С. 94.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

какого угодно предмета есть свои законы. Например, есть даже «законы логики», распространяющиеся на выражение мышления в суждениях естественного языка. Но у мышления – о чем бы оно ни мыслило – законов нет, и не может быть».¹ Последнее обстоятельство позволяет усомниться в возможности строго позитивного определения интеллектуальной свободы. Следует признать, что в разных сегментах символической реальности существуют разные виды интеллектуальной свободы. На этом основании допустимо различать понятие свободы в языке, науке, искусстве, игре и т. п.

Так или иначе, в одном случае человеческий интеллект использует уже известное знание, в другом – знание новое и малоизвестное. В большинстве случаев интеллектуальная активность опирается на факты, но иногда она вынуждена обходиться без них. В частности, ученые часто бывают склонны воспринимать свободу воли в качестве момента спонтанного самовыражения в растянутых причинно-следственных цепях. При этом предполагается, что в поведении каждого живого существа «имеется нечто, не зависящее от внешнего воздействия». Как в свое время утверждал Б. Данэм, это «нечто» – эгоцентрично, активно, и не является простым выражением следствия из причины.²

Все люди наделены интеллектом, однако разным людям интеллект подсказывает разные решения. Таким образом, интеллектуальная свобода существует еще и потому, что человеческое общество не является гомогенным. Интеллектуальная свобода модифицируется применительно к половым, расовым, национальным, классовым и индивидуальным различиям. В ней воплощаются миллиарды индивидуальных выборов, миллионы жизненных стратегий и тактик. Решимость вождей

¹Пятигорский А. Мышление и наблюдение. – Рига: Liepnieks & Ritups, 2002. – С. 130.

²Данэм Б. Герои и еретики. – М.: Прогресс, 1967. – С. 37.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

и участников, миллионы жертв и огромное количество истраченных в войнах и революциях ресурсов являются косвенными подтверждениями данной закономерности. Животный инстинкт свободы, писал И. Павлов, является врожденным, и потому не останавливается ни перед чем. В контексте общедемократических процедур и институтов его воздействие анализировал К. Поппер; экономической конкуренции – Д. Шумпетер и Д. Гэлбрайт; выживания цивилизаций – С. Хантингтон; региональных политик – Ф. Фукуяма и З. Бжезинский.

Если у индивида имеются равноценные варианты выбора, можно считать, что он обладает свободой, говорит Д. Сорос. Свобода в его понимании зависит от реальной возможности человека изменять свое положение, она максимальна, когда для этого имеются многочисленные и равноценные варианты.¹ Говоря иными словами, существование свободы «зависит не от того, хочу ли я вообще двигаться и как далеко, но от того, как много дверей открыто, как широки они, от их относительной значимости в моей жизни».² Поскольку природные явления носят вероятностный характер, писал Л. Гумилев, они подчиняются закону больших чисел. Но из этого также следует, что чем выше в количественном отношении порядок явления, тем более неуклонно проявляет себя в нем действие закономерности. Наоборот, чем ниже количественный порядок явления, тем больше шансов остается в нем для проявления случайности и свободы.³ Данное правило можно применить и к интеллектуальной активности человека. Иногда бывает труднее предсказать реакцию отдельной личности, нежели результат взаимодействия сразу большого количества людей.

¹ Сорос Д. Советская система: к открытому обществу. – М.: Политиздат, 1991. – С. 85.

² Berlin I. Four Essays on Liberty. – N. Y.: Oxford University Press, 1986. – P. xxxix.

³ Гумилев Л. География этноса в исторический период. – Л.: Наука, 1990. – С. 236.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

По мнению Ф. Хайека, рост индивидуальной свободы связан закономерным образом с возрастанием дисциплины цивилизации. Свобода – *артефакт цивилизации*, избавившей человека от оков малой группы, внезапным настроениям которой был вынужден подчиняться даже ее лидер. Свобода сделалась возможной благодаря постепенной эволюции *дисциплины цивилизации, которая есть в то же время дисциплина свободы*.¹ С помощью абстрактных и безличных норм дисциплина цивилизации защищает индивида от произвола и насилия, позволяя ему предохранить (защитить) от внешнего вторжения пространство, в пределах которого он может распоряжаться своими знаниями для достижения своих личных целей.² Таким образом, в развитой цивилизации состояние свободы обеспечивают безличные общеобязательные правила – право свободы (*freedom's law*). При этом Ф. Хайек почти ничего не говорит о категорическом императиве, силе довлеющих над индивидом абстрактных идей. Его концепция свободы опирается, скорее, на игровой тип дисциплины, «полицентрический порядок».

Современное «право свободы» запрещает ограничивать свободу по соображениям социальной пользы или добра, признавая только те ограничения, которые *критически* необходимы для ее поддержания и сохранения. Как писал по этому поводу Ч. Милош, если бы люди согласились на частичное ограничение своей свободы в интересах «малого добра», то во имя «всеобщего добра» им пришлось бы ликвидировать свободу полностью.³ На этом фоне определение свободы П.-А. Гольбахом как права каждого из членов общества предпринимать ради своего счастья все, что не вредит счастью его сограждан,⁴

¹ Хайек Ф. Общество свободных. – London: 1990. – С. 241.

² Хайек Ф. Общество свободных. – London: 1990. – С. 241.

³ Milosz C. Visions from San Francisco Bay. – N. Y.: Farrar Straus Giroux, 1983. – P. 104.

⁴ Гольбах П.-А. Избранные произведения. В 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1963. – С. 38.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

выглядит вполне убедительно. Оно допускает неограниченное количество жизненных стратегий и тактик, и не ориентируется на достижение каких-либо коллективных целей. Подобного рода свобода требует, чтобы индивид имел возможность преследовать *свои собственные* цели. Кто свободен, тот в мирное время не связан совместными целями своей общины.¹ Главное в индивидуальной свободе – возможность поступать по *своей* воле и без принуждения.²

По мнению Л. фон Мизеса, индивид не обязан жить по плану властей, а его свобода ограничивается лишь физической конституцией его тела и продуктивными возможностями его разума. В этом случае свобода индивида самостоятельно творить свою жизнь ограничивается исключительно содержанием естественно-физических законов.³

В свою очередь, весьма специфическим образом понимал интеллектуальную свободу А. Эйнштейн. Ее наличие он связывал с существованием социальных условий, при которых выражение мнений об общих и особенных элементах человеческого знания не грозит опасностью или осложнениями для тех, кто подобные мнения высказывает.⁴

В любом случае, необходимость в интеллектуальной свободе осознается современными людьми все более глубоко, а «увеличивающееся сознание этой необходимости составляет <...> главное основание того процесса, который называется в истории развитием или усовершенствованием человечества».⁵ Символическая реальность нуждается в интеллектуальной свободе,

¹ Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. – М.: Новости, 1992. – С. 110-111.

² Кудрявцев В. Правовые грани свободы // Советское государство и право, № 11, 1989. – С. 3.

³ Мизес Л. Антикапиталистическая ментальность. – Нью-Йорк: Телекс, 1992. – С. 3.

⁴ Einstein A. Freedom and Science // Freedom, It's Meaning. – London: George Allen, 1942. – P. 92.

⁵ Писарев Д. Исторические эскизы. – М.: Правда, 1989. – С. 27.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

ибо только опираясь на нее, может обеспечивать высокое качество своих достижений. В обстановке свободы создаются философские системы, выдвигаются политические доктрины, открываются направления и стили в искусстве, выдвигаются научные гипотезы и формируются педагогические теории. При этом в каждом конкретном случае интеллектуальная свобода воплощает в себе «практическое решение инициировать что-либо спонтанно».¹ Поэтому каждый шаг в направлении к социальной интеграции должен сопровождаться расширением индивидуальной свободы, любое движение в сторону планирования – укреплением субъективных прав и свобод человека.²

Абсолютизируя ценность интеллектуальной свободы, Д. Ролз отрицал необходимость каких-либо политических обязательств для граждан.³ В свою очередь, Б. Малиновский называл интеллектуальную свободу «квинтэссенцией цивилизации», открытым наукой XX века новым этическим императивом.⁴ Откровенно апологетическим было отношение к интеллектуальной свободе у Л. Шестова. Где нет свободы, говорил он, там не может быть ни устроенности, ни благосостояния, ни вообще чего-либо ценного.⁵

Принято считать, что интеллектуальная свобода состоит в сложных отношениях с причинностью. Причинность обладает собственным алгоритмом действия, и... «свобода это знает». Однако уже в самой природе причинности заложено тайное упование на свободу. Главный принцип мироустройства, по мнению С. Хокинга, заключается в том, что в мире все предопределено, так что нам даже известны управляющие деятельностью мозга фундаментальные уравнения. Однако и в

¹ Talmon J. Political Messianism. – London: Secker and Warburg, 1960. – P. 180.

² Polanyi K. The Great Transformation. – Boston: Beacon Press, 1964. – P. 255.

³ Rawls J. A Theory of Justice. – N. Y.: Oxford University Press, 1973. – P. 114.

⁴ Malinowski B. Freedom and Civilization. – London: George Allen, 1947. – P. 214.

⁵ Шестов Л. Що таке більшовизм? // Дух і літера, № 1-2, 1997. – С. 354.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

этом случае мы не можем знать, *что именно* предопределено.¹ Последнее обстоятельство позволяет отождествить человеческое незнание с интеллектуальной свободой. И если все действительно предопределено, то чем предопределено само наше незнание? Не является ли оно необходимым условием символического порядка? С другой стороны, говорит Р. Дал, можем ли мы действовать свободно, не понимая причинности?²

К настоящему времени накоплено множество доказательств в пользу необходимости интеллектуальной свободы, равно как и спонтанности творчества. Часть из них утверждает, что интеллектуальная свобода является той стороной человеческой рациональности, благодаря которой окружающий мир предстает перед нами в абстрактной форме. Если не обладающие интеллектом биологические организмы действуют в соответствии с законами, то наделенный сознанием человек поступает согласно своему *представлению о законе*. Это означает, что его онтологическая позиция нуждается в абстракции, а сам он буквально «осужден быть свободным».³

Кроме того, человеческий выбор вполне может быть иррациональным. Человеческий мозг – это не компьютер, а если и компьютер, то запрограммированный действовать совершенно особым образом. Здоровому индивиду, говорил К. Г. Юнг, свойственно «не соглашаться». Свобода – парадоксальный феномен. Несогласие уравнено здесь в правах с согласием. Мы свободны, когда ограничения культуры не подавляют нас. И потому возможны ситуации, когда свобода требует от человека «не подчиняться».⁴ В целом, символическая реальность

¹ Хокинг С. Черные дыры и молодые вселенные. – СПб.: Амфора, 2001. – С. 152.

² Dahl R. Dilemmas of Pluralist Democracy. – New Haven and London: Yale University Press, 1982. – P. 20.

³ Агацци Э. Нравственность и наука: этическое измерение в науке и технологии. – М.: МФФ, 1998. – С. 152-153.

⁴ Boas F. Liberty among Primitive People // Freedom, It's Meaning. – London: George Allen, 1942. – P. 55.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

нуждается в разных видах интеллектуальной свободы. Это особенно заметно при принятии определенного класса творческих решений.

В большинстве случаев творческие решения принимаются «меритократией таланта», культурной элитой. На основе данного типа решений создается большинство культурных образцов: ценности, стили, теории и прочие символические know-how. Созданные культурной элитой символические образцы выставляются на рынке, где они вступают в свободный «диалог» с публикой и политическими институтами. Таким образом, творческие решения первичного типа *предшествуют* рынку и символическому обмену. Именно в решениях этого типа в наибольшей степени проявляет себя интеллектуальная свобода. Решения второго – селективного, или нетворческого типа, принимают потребители символических продуктов.

Очевидно, что на символическом рынке действуют иные, нежели в творческом процессе, правила и стандарты. Здесь заметнее проявляет себя сила традиции и привычки, более стандартизированными являются ожидания. Интеллектуальная свобода этого уровня – это не первичная творческая свобода, а вторичная, *селективная* свобода рынка, т. е. свобода выбора в рамках предложенного набора альтернатив. Данный тип свободы служит не для создания новых ценностей и смыслов, а для *прилаживания* их к уже существующим социальным ожиданиям и установкам.

Кроме того, известно, что при усложнении любых проблемных ситуаций количество субъектов, способных к их эффективному решению, сокращается. Чем более сложной является та или иная социальная, техническая или научная проблема, тем меньшими оказываются шансы решить ее традиционным способом. Если предлагаемые творческими элитами решения устраивают большинство, общество мирно следует избранному пути. Если же решения творческих элит не поддерживаются

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

демократическими институтами, то это означает, что они оцениваются обществом как чрезмерно рискованные. При этом сохраняется высокая вероятность того, что отвергнутые решения были лучшими, чем те, на которые согласился политический рынок. По этой причине за демократией признается право на ошибку. С другой стороны, непростительной ошибкой является принятие творческих решений не элитами, а демократическими институтами или массами.

Из данного порядка отношений вытекает, что общество нуждается в обеспечении одновременно двух видов интеллектуальной свободы: а) свободы для создания первичных символических образцов; б) свободы нестесненного выбора на рынке символических достижений. Данное обстоятельство частично объясняет типичные флуктуации политических предпочтений. Как писал Ж. Полан, часто случается так, что партия свободы избегает слова «порядок», а партия порядка – слова «свобода». На самом деле в истоках власти данных понятий скрывается иллюзия.¹

По мнению С. Хокинга и Д. Дойча, в рамках современных научных представлений о пространстве и времени принять открытость будущего и свободу воли невозможно. Говоря иными словами, свобода не имеет ничего общего со случайностью, а то, что мы называем свободными действиями – это не спонтанная и хаотическая активность, а поведение, определяемое тем, *чем мы индивидуально являемся*, что мы думаем, и что из этого естественным образом следует. Человеческие действия являются предопределенными, но при этом в высшей степени непредсказуемыми из-за своей сложности.² Впрочем, даже таким образом понимаемая свобода, как и некоторые другие «бесполезные» категории (искусство, добро, человеческая

¹ Полан Ж. Тарбские цветы или террор в изящной словесности. – СПб.: Наука, 2000. – С. 133.

² Дойч Д. Структура реальности. – Ижевск: 2001. – С. 342.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

мысль) представляет собой безусловную ценность, которая мало зависит от рыночной конъюнктуры.¹

В любом случае свобода, которую мы знаем, является продуктом длительного исторического развития.² Как считал В. Соловьев, вначале человеческая мысль была подавлена природой, но затем «высшею силою» философии она была освобождена от подчинения природным законам. Постепенно философия «освободила, выяснила и развила собственное существо человека сначала в его рациональном, а потом в его материальном элементе».³ В своем последующем эволюционном развитии интеллектуальная свобода становилась лишь все более дифференцированной.

Известно, что уже в Древней Греции (Афинах) параллельно функционировали свобода мышления, личная свобода и свобода участия в делах полиса. В период персидских войн политическая свобода сумела достичь здесь своего наивысшего, хотя и непродолжительного расцвета.⁴ В то время свобода воспринималась греками в качестве необходимого условия здоровья, благополучия и счастья. Ее присутствие характеризовало органическую ситуацию человека в мире.⁵ Свобода древних греков предполагала также романтическое восприятие мира, стремление к вечному блаженству, добронравие и преданность демократическому общественному устройству.⁶

В свою очередь, в античном Риме, подчеркивает В. Титов, «свобода во всех ее мыслимых аспектах была не только

¹Синявский А. Диссидентство как личный опыт // Литературная газета, 5 марта, 1997. – С. 3.

²Гегель Г. В. Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – С. 118.

³Мир философии. Т. 1. – М.: Политиздат, 1991. – С. 174.

⁴Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – С. 85-86.

⁵Арендт Х. *Vita Activa* или о деятельной жизни. – СПб.: Алетейа, 2000. – С. 42.

⁶Гегель Г. В. Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – С. 168.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

политической, моральной и юридической ценностью, но и объектом настоящего религиозного культа». Уже в древнейших законах XII таблиц можно обнаружить норму (IX, 1-2), которая определяет понятие свободы (*libertas*). В конце же III века до н. э. богине Свободы здесь воздвигают первый храм.¹

В Средние века индивидуальная свобода воспринималась в качестве привилегии, а потому практически не упоминалась во множественном числе. В большинстве случаев она означала гарантированный социальный статус, включенность в общество, законность занимаемого места перед Всевышним. Средневековая свобода реализовалась, преимущественно, как форма зависимости, гарантирующая вассалу частичное уважение его прав. Свободный человек данной эпохи – это тот, у кого есть могущественный покровитель. Когда последователи Григория VII требовали в рамках Ключийской реформы «свободы церкви», то под свободой они подразумевали освобождение от власти земных владык и подчинение одному только Богу.²

В Новое время понятие свободы тесно связывается с понятием частной инициативы и предприимчивости.³ Свобода Нового времени позволяет земным благам довольно просто перейти в собственность тех, кто их приобрел на законном основании. Если раньше все приобретенное в рабстве принадлежало хозяину, то теперь ситуация коренным образом изменилась.⁴ Примечательно, что в генезисе буржуазной свободы Гегель не усматривает никакого противоречия идее организованности и порядка. Свободный индивид новой эпохи

¹Титов В. Логическое знание в его социально-исторической детерминации. – Харьков: Регион-информ, 2004. – С. 161.

²Ле-Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М.: Прогресс, 1992. – С. 262.

³Мизес Л. Антикапиталистическая ментальность. – Нью-Йорк: Телекс, 1992. – С. 59.

⁴Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. – М.: Новости, 1992. – С. 54-55.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

нуждается в свободе ничуть не меньше, чем в гарантиях политической стабильности.¹

И все же возрождение свободы в Новое время потребовало «тяжелой и продолжительной культурной работы».² Английская революция открыла миру два Божественных принципа: свободы личности и свободы совести – заявил О. Кромвель 4 сентября 1654 года в английском парламенте. Однако и здесь свобода утвердилась по-настоящему лишь после того, как Славная революция создала в стране климат примирения и компромисса.³

Что касается теоретического понимания свободы, то в философии барокко и классицизме XVII века его характеризует лаконичная формула Спинозы: свобода есть познанная необходимость. Отсюда естественным образом возникла идея приспособления человеческого разума ко всему, что считается «лучшим». Свобода в этот период предполагает состояние упорядоченного социума, доверие населения к власти и веру в закон независимо от того, кто именно сформулировал его нормы.⁴ Впоследствии Ж.-П. Марат противопоставил власти королей «деспотизм свободы», потребовавший от граждан деятельного участия в политическом процессе. Великая французская революция 1789 года подарила миру свободу не только как субъективное право, но и как предпосылку народного суверенитета.⁵ В Польше политическую свободу Нового времени

¹ Novak M. The Spirit of Democratic Capitalism. – London: The IEA Unit, 1991. – P. 14.

² Тегель Г. В. Ф. Философия истории. – М.: Наука, 1993. – С. 71.

³ Кон Г. Азбука национализма // Проблемы Восточной Европы, № 25-26, 1989. – С. 250-251.

⁴ Стрельцова Г. Барокко и классицизм – XVII век // Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. – М.: Политиздат, 1991. – С. 281.

⁵ Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. – М.: Наука, 1992. – С. 64.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

воплотило в себе *liberum veto* – аристократическая гарантия противодействия демократической тирании.¹ Однако в целом становлению интеллектуальной свободы в Европе в этот период существенно мешала межконфессиональная вражда.²

В своих выводах о путях и способах утверждения интеллектуальной свободы в мире Ф. Хайек опирается на две – эмпирическую (несистематизированную) и спекулятивно-рационалистическую – теории. Согласно первой из них традиции и институты свободы возникли и сложились в мире спонтанно. Вторая теория выводит идею свободы из теоретических (априорных) построений. К сторонникам первой теории возникновения и утверждения свободы Ф. Хайек относит Д. Юма, А. Смита, А. Фергюсона, Д. Такера, Э. Берка, Ш. Монтескье, Б. Констана и А. де Токвиля. Вторую теорию репрезентируют у него французские энциклопедисты, Ж.-Ж. Руссо, Ж. А. Н. Кондорсе, Т. Гоббс и Т. Пейн. Так или иначе, в реальной действительности интеллектуальная свобода утверждалась гораздо медленнее, чем теоретические представления о ней.³ Как писал по этому поводу В. Розанов, «легкие передышки в смысле свободы длились минуты, и на минуту свободы приходилось столетие несвободы».⁴ В целом, история человечества свидетельствует о том, что свобода индивида представляет собой едва ли не уникальное явление. Более привычными состояниями следовало бы считать тиранию и унижение.⁵ На этом фоне западный либерализм XIX – начала XX века иногда кажется просто изъятием из тенденции мирового развития. Однако большинство философов после Ф. Ницше уже вынуждены были согласиться с тем, что

¹ Винценз А. Краків – місто серединне // Ї, № 9, 1997. – С. 23.

² См.: Drucker P. Post-Capitalist Society. – USA: Harper Business, 1993. – Р. 11.

³ Камю А. Бунтующий человек. – М.: Политиздат, 1990. – С. 132.

⁴ Розанов В. Религия и культура. Т. 1. – М.: Правда, 1990. – С. 542.

⁵ Фридман М. Капитализм и свобода. – USA: Chalidze Publications, 1982. – С. 26.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

«законом века модерна стала, прежде всего, субъективная свобода».¹

Возникнув из необходимости обеспечения «неподопечного» статуса индивида, интеллектуальная свобода превратилась в главную предпосылку современного творчества. При этом ее главный смысл укладывается в тезис: «Мир идей не должен иметь никаких границ».² Люди остро нуждаются в новизне, которую им предоставляют научный и художественный способы освоения мира. В свою очередь, выдающиеся результаты в науке и искусстве гарантирует интеллектуальная свобода. По мнению Б. Малиновского, интеллектуальная свобода «может быть определена в качестве условия, необходимого и достаточного для определения цели, ее перевода в эффективные действия через организованный инструментарий культуры, а также для полного наслаждения результатами такого рода активности».³ Хотя Б. Малиновский не связывал непосредственно свободу и творчество, цепочка понятий, которыми он оперирует (постановка цели, осуществляющее действие, результат) фактически совпадает со стадиями инновационной активности. При этом интеллектуальная свобода реализуется у него при наличии следующих обязательных условий: цель действия избирается индивидами спонтанно (индоктринация запрещена); осуществляющее действие является неконтролируемым (автономным); результаты творчества остаются в распоряжении его субъектов.⁴

Схема интеллектуальной свободы Б. Малиновского не

¹Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. – М.: Весь мир, 2003. – С. 93.

²Пенроуз Р. Пикассо: Жизнь и творчество. – Минск: Попурри, 2005. – С. 326.

³Malinowski B. Freedom and Civilization. – London: George Allen, 1947. – P. 25.

⁴Malinowski B. Freedom and Civilization. – London: George Allen, 1947. – P. 170.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

предусматривает и не описывает сложных ситуаций творчества, которое в реальной действительности может потребовать выполнения дополнительных условий. Главным в его теории является утверждение о том, что без интеллектуальной свободы подлинное творчество невозможно. Как писал по сходному поводу А. Эйнштейн, поскольку все действительно великое и вдохновляющее в мире было создано людьми в атмосфере свободы, постольку ограничения свободы допустимы лишь там, где это необходимо для самого выживания человечества.¹

Современные люди примиряются с экономическим неравенством, однако они проявляют крайнюю нетерпимость к любым ограничениям их интеллектуальной свободы. Можно сказать, что свобода мысли и слова находится ныне в своей кульминационной точке, а идеал личной независимости и свободы считается главным завоеванием постмодернистской эпохи.² Хотя либерализм представляет собой наиболее сложную из существующих политических схем,³ право субъективной свободы выступает сегодня не только как право, но и как долг, моральная обязанность человека. Свобода – это не легкость, а тяжесть, подчеркивал в свое время Ф. Достоевский.⁴

Современный прогресс мог бы не состояться, если бы на его сторону не перешли силы свободы, превосходящие силы порядка.⁵ Уже для К. Маркса и Ф. Энгельса было очевидным то, что чем свободнее организация «по видимости», тем крепче она в действительности.⁶ Л. Эрхард следующим образом описывает

¹ Einstein A. Out of My Later Years. – London: Thames and Hudson, 1950. – P. 19.

² Липовецки Ж. Эра пустоты. – СПб.: Владимир Даль, 2001. – С. 172.

³ Ellul J. The Technological Society. – N. Y.: Vintage Books, 1964. – P. 187.

⁴ См.: Бердяев Н. Русская идея // О России и русской философской культуре. – М.: Наука, 1990. – С. 179.

⁵ Фрэнс Р., Нанси Ж.-Л. Чехия-Россия-Франция. Письма русским друзьям // Индекс, № 10, 2000. – С. 159.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. – С. 349-351.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

характерный опыт возрождения свободы в послевоенной Германии: «Мысль о том, что на основании подсчетов сырья и при помощи других статистических данных можно определить судьбу народа на многие годы вперед, свидетельствовала лишь о бесконечной наивности и ослепленности тех, кто был рабом экономического планирования. Эти сторонники механистичности и дирижизма не имели ни малейшего представления о том порыве динамической силы, который должен был проявиться у народа, как только он смог заново осознать свое собственное достоинство и высокую ценность свободы».¹

Индустриальному обществу не удалось бы достигнуть и половины своих успехов без применения энергии свободных людей.² Как показали специальные исследования, персонал передовых американских корпораций работал с удвоенной энергией, если ему предоставлялись свобода действий и самоконтроль.³ «При условии реальной возможности свободного проявления личной инициативы, – писал Д. Шумук, – люди творят чудеса».⁴ Подобно тому, «как мышление, по Спинозе, может быть ограничено только мышлением, свобода может быть ограничена только свободой, и ее ограничение, как внутренней конечности, вытекает из того факта, что она не может не быть свободой, то есть она осудила себя на свободное бытие».⁵ Поэтому не следует удивляться, что интеллектуальная свобода притягивает к себе личность, как полюс магнитную стрелку. Если людям приходится выбирать между несправедливым, но свободным обществом, и обществом справедливым,

¹ Эрхард Л. Благополучие для всех. – США: Посев, 1990. – С. 23.

² Фромм Э. Душа человека. – М.: Республика, 1992. – С. 331.

³ Питерс Т., Уотерман Р. В поисках эффективного управления. – М.: Прогресс, 1986. – С. 33.

⁴ Шумук Д. Пережите і передумане. – Київ: Видавництво Олени Теліги, 1998. – С. 23, 267.

⁵ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. – М.: Республика, 2000. – С. 531.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

но несвободным, они предпочитают первое.¹

Разумеется, интеллектуальная свобода несет в себе определенный риск. Будучи не столько причиной, сколько катализатором творчества, она не несет ответственности за его результаты. Ее цель состоит в создании необходимого творческого пространства. Непосредственно связывать свободу с содержанием творческого произведения столь же бессмысленно, как холст на подрамнике – с сюжетом картины. Тем не менее, осознавая психологическую амбивалентность свободы, В. Розанов писал: «От «свободы» все бегут: работник – к занятости, человек – к *должности*, женщина – к *мужу*. Всякий – к *чему-нибудь*. Все лучше свободы, «кой-что» лучше свободы, хуже «свободы» вообще ничего нет, и она нужна хулигану, лоботрясу и сутенеру».² Как признавал Ж. Полан, безусловная страсть к свободе ведет лишь к безусловным конфликтам и войнам.³ В свое время А. Герцен серьезно опасался издержек свободы, будучи уверен в том, что народам легче выносить «наисильнейшее бремя рабства», чем дар излишней свободы.⁴

Сложное отношение к свободе является характерной чертой русской литературной традиции. Для иллюстрации данного тезиса П. Новгородцев цитирует Ф. Достоевского: «Ведь я, например, нисколько не удивлюсь, если вдруг ни с того, ни с сего, среди всеобщего будущего благоразумия возникнет какой-нибудь джентльмен с неблагородной или, лучше сказать, ретроградной и насмешливой физиономией, упрет руки в боки и скажет нам всем: а что, господа, не столкнуть ли нам все это благоразумие с одного разу, ногой, прахом, единственно с тою целью, чтобы все эти логарифмы отправить к черту и чтобы нам по своей глупой воле пожить! Это бы еще ничего,

¹ Фаулз Д. Аристос. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – С. 228-229.

² Розанов В. Уединенное. Т. 2. – М.: Правда, 1990. – С. 590.

³ Полан Ж. О счастье в рабстве // Холландер К. Мадам. – Минск: Дайджест, 1992. – С. 235.

⁴ Мир философии. Т. 2. – М.: Политиздат, 1991. – С. 245.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

но обидно то, что везде непременно последователей найдет: так человек устроен». ¹ В свое время С. Франк опасался в России «всего *бессмысленного*, проистекающего из глубины непосредственности», влекущего за собой каприз, дикую страсть и «самодурство» как выражение «первичной свободы» и «субстрата внутреннего самобытия». ²

Как известно, И. Бентам, поддерживая «обеспечение, изобилие, безопасность и равенство», считал французскую Декларацию прав и свобод человека и гражданина 1789 года «метафизическим произведением». При этом он оценивал ее положения как: а) невразумительные; б) ложные; в) невразумительные и ложные. Если обычные права человека для И. Бентама – «явная чепуха», то неотъемлемые права человека – «чепуха на ходулях». ³ Как заметил по этому поводу М. Хайдеггер, «голая раскованность и произвол» составляют ночную сторону свободы. Ее дневная сторона – «апелляция к Необходимому как обязывающему и обосновывающему». ⁴

Тем не менее, издержки современной свободы несопоставимы с ее выгодами и преимуществами. К тому же, вопрос о свободе – это, прежде всего, моральный вопрос. Обвиняя свободу, мы всякий раз обвиняем человека. Кто склонен верить в добрую природу субъекта, тот доверяет и его свободе. Обойти же данный выбор невозможно. Как известно, тоталитарные режимы избегают и опасаются импровизаций свободы. В СССР долгое время запрещался и преследовался джаз, который У. Марсалис называл музыкальным аналогом демократии. Как писал по этому поводу М. Форман, танец хиппи явился в 60-е годы «воплощением безрассудности и разболтанности», прекрасно передающими отвращение западной молодежи к

¹ Новгородцев П. Об общественном идеале. – М.: Правда, 1991. – С. 506.

² Франк С. Сочинения. – М.: Правда, 1990. – С. 337-338.

³ Рассел Б. История западной философии. Т. 2. – М.: Миф, 1993. – С. 290.

⁴ Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С. 267.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

конформизму.¹

Если человек предпочитает жить настоящим, используя все свои средства для получения сиюминутных удовольствий, говорил М. Фридман, какое мы имеем право, чтобы ему мешать? Мы можем спорить с ним, но разве не существует вероятность того, что он прав, а мы ошибаемся? Смирение – это добродетель людей, верящих в свободу. Самоуверенность же присуща патерналисту.² Л. Валенса говорил, что он понимает либерализм как «войну всех против всех под контролем права». Похоже, что в этом лаконичном определении потенциал свободы удачно соотношен с гарантиями защиты.

Политический либерализм часто отождествляют с «правилами игры», поскольку реализуемая по правилам инициатива является воплощением либеральной демократии. С другой стороны, либерализм не признает компромиссов определенного класса. Как однажды заметил Р. Рейган, «нам всем нужно понять, что нельзя поступиться свободой в чем-то, не потеряв ее во всем».³ По крайней мере, недопустимо ставить «телегу благосостояния впереди лошади свободы». Нельзя ограничить свободу одних с целью обеспечения преимуществ других.⁴ В авторитарных странах интеллектуальную свободу обычно ставят в зависимость от уровня экономического развития: можно говорить и писать обо всем, если благосостояние делает критику неопасной. Однако данная логика является ошибочной. Свобода изначально предполагает существование самых разнообразных ценностных подходов.⁵

¹Форман М. Круговорот. – М.: Вагриус, 1999. – С. 396.

²Фридман М. Капитализм и свобода. – USA: Chalidze Publications, 1982. – P. 260.

³Рейган Р. Откровенно говоря. – М.: Новости, 1990. – С. 20.

⁴Rawls J. A Theory of Justice. – N. Y.: Oxford University Press, 1973. – P. 3-4.

⁵Kommers R., Thompson W. Fundamentals in the Liberal Constitutional Tradition // Constitutional Policy and Change in Europe. – N. Y.: Oxford University Press, 1995. – P. 36.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Как говорил Т. Дезами, целью свободы является максимальное развитие человеческой активности *по всем возможным направлениям*.¹

Хотя интеллектуальная свобода одних может оказаться более плодотворной, чем свобода, реализованная другими, только время и опыт могут показать, какие тенденции и начинания были действительно наилучшими.² По мнению Ю. Лотмана, целью современной свободы является нестесненный выбор варианта поведения *индивидом*. К сожалению, в реальной жизни принцип социального единства был заменен принципом индивидуальной свободы лишь сравнительно недавно. Только в конце XX века участники хельсинкского процесса рискнули поставить свои подписи под утверждением о том, что ученые нуждаются в нестесненной свободе критики и взаимном общении, и что рассчитывать на прогресс без обеспечения свободы невозможно.³

Современный прогресс определяется уровнем свободы мысли, слова и информации. Достаточно покончить с рабством и утвердить свободу философии, говорил М. Ломоносов, как достижения науки пойдут быстрой чередой. Академик А. Сахаров был также уверен в том, что международную безопасность могут обеспечить лишь открытые и свободные общества, гарантирующие своим гражданам доступ к информации вместе со свободой путешествий и выбора места жительства. Что касается интеллектуальной свободы, то он называл ее основой научно-технического прогресса, основной гарантией против использования достижений науки во вред человечеству.⁴

¹ Дезами Т. Кодекс общности. – М.: АН СССР, 1956. – С. 335.

² Hayek F. Law, Legislation and Liberty. Vol. 3. – Chicago: The University of Chicago Press, 1979. – P. 129; Hayek F. The Constitution of Liberty. – Chicago: The University of Chicago Press, 1960. – P. 6, 29, 31-32, 394.

³ Лере Ж.-М. Кого страшит развитие науки? – М.: Знание, 1988. – С. 114-115.

⁴ Сахаров А. Мир, прогресс, права человека. Нобелевская лекция // Огонек, № 8, 1989. – С. 30.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

По мнению З. Бжезинского, интеллектуальная свобода в современном мире тесно связана с принципом индивидуального вознаграждения. Последнее обстоятельство превратило свободу в абсолют, угрожающий принципу гражданской ответственности. Можно сказать, что современная интеллектуальная свобода стала настоящей «лицензией для любых форм самовыражения».¹

В философии Д. Дьюи свобода является инструментом формирования индивидуальности, которую невозможно получить от природы в готовом виде. Становление личности предполагает изобретательность, инициативу и ответственность в выборе убеждений и стиля жизни. Свобода этого типа не приносит счастливых даров, но она по-настоящему рассчитывает на *достижения*.² Примечательно, что и в этике В. фон Гумбольдта подобная свобода выступает как культурный фактор, которому уступает даже многообразие.³

Свобода необходима человеку для того, чтобы он мог мыслить и познавать истину, а затем осуществлять ее собственными усилиями. В этом качестве свобода тождественна самому существованию индивида, это цель, которую он стремится реализовать всеми доступными средствами.⁴ К сожалению, свобода сама по себе не гарантирует формирования «хорошего» и «полезного» индивида. Природа создает человека непохожим на других, и свобода лишь помогает развитию его неповторимости. Что касается роли свободы в пространстве символической реальности, то здесь *свобода выступает важнейшим методологическим принципом интеллектуальной активности, универсальным контрагентом инерции и консерватизма человеческого мышления.*

¹ Brzezinski Z. Out of Control. – N. Y.: 1993. – P. 69.

² Дьюи Д. Реконструкция в философии. – М.: Логос, 2001. – С. 150.

³ Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – С. 30.

⁴ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. – М.: Республика, 2000. – С. 455.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Все, что трудно или невозможно осуществить в предметно-материальном мире, *свободно* совершается в символической реальности. И это происходит потому, что активный разум обычно не следует законам физического пространства. Хотя интеллектуальная свобода не ставит детерминизм под сомнение, она признает в нем статус *вызова* себе.

Интеллектуальная свобода позволяет человеку конкурировать с предметно-физической реальностью, которую она «освобождает» от природных ограничений и связанностей. Без интеллектуальной свободы символическая реальность существует лишь как виртуальное зеркало. Последнее обстоятельство непосредственно влияет на принципы правового регулирования интеллектуальной активности, заставляя нас принять во внимание сразу несколько факторов.

Во-первых, мы должны признать глубокое отличие аксиоматической системы предметно-физического мира от набора принципов, действующих в символическом пространстве. Такие понятия как «бытие» и «ничто» существуют лишь в виде символических допущений, и в предметно-материальном мире отсутствуют.¹

Во-вторых, главной функцией символической реальности является придание качества *пластичности* предметно-материальному миру. Применяемые же для достижения этой цели правовые средства являются *нормами свободы*. Это означает, что определенный класс правовых инструментов должен ориентироваться не на сохранение порядка и стабильности, а на обеспечение притока новизны – творческую непредсказуемость. В основе данного подхода лежит конституционализм, однако в современных условиях его возможности являются уже недостаточными.

В-третьих, международное публичное право уже в

¹Как говорил Леонардо да Винчи, «то, что называется ничто, обретается только во времени и в словах» (Леонардо да Винчи. О науке и искусстве. – СПб.: Амфора, 2006. – С. 215).

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

обозримом будущем должно быть переориентировано на ценности свободы. Ибо наиболее прогрессирующими в настоящее время являются те социально-экономические системы, которые ориентируются не на благосостояние, а на цели универсального мира и свободы.¹

В-четвертых, политикам и экспертам необходимо признать, что *логика свободы* в мире все еще остается недостаточно осознанной.² Между тем, только она способна обеспечить такое распределение социальных функций, которое позволяет максимальному количеству людей осуществить свое *индивидуальное призвание*.³

Свободная интеллектуальная активность уже доказала, что она лучше, чем организованная и планируемая активность. Закрепить данное положение надлежит системе широких международно-правовых гарантий.

1.5.2. Множественность

Множественность (плюрализм) как свойство символической реальности производно от многообразия жизненных форм на земле, а также от всего происходящего и доступного человеческому наблюдению во Вселенной. Как писал Р. Тригг, «идея, что существует много универсумов с различными наборами законов, является в настоящий момент виртуально ортодоксальной позицией космологов».⁴ Поскольку же проявления природной жизни практически неисчерпаемы, неисчерпаемы являются и их символические репрезентации.

Как писал П. Фейерабенд, «наука предлагает не одну историю, она предлагает множество; истории сталкиваются и их

¹ Polanyi K. The Great Transformation. – Boston: Beacon Press, 1964. – P. 255.

² Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. – М.: Феникс, 1992. – С. 391.

³ Ferguson A. An Essay on the History of Civil Society. – Edinburgh: Duncan Forbes, 1966. – P. 270.

⁴ Trigg R. Philosophy Matters. – USA: Blackwell Publishers, 2002. – P. 20.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

отношение к независимой от истории «реальности» оказывается столь же проблематическим, как и отношение эпической поэмы Гомера к утверждаемому «миру Гомера».¹ К тому же, наука является не единственным источником достоверной онтологической информации. Она содержит в себе множество разнообразных и одинаково приемлемых точек зрения на предмет, каждая из которых имеет свое собственное метафизическое основание.²

Впрочем, современные ученые используют не только разные исследовательские процедуры и способы конструирования своих теорий, но имеют и отличающиеся друг от друга концепции реальности. Следует учесть также то обстоятельство, что природа, испытывая по отношению к себе разные научные стратегии, отвечает на них по-разному.³ Наконец, символическое многообразие не является атрибутом одной лишь науки. Существуют также «супермаркет-религия» и «супермаркет-искусство». Как писал в свое время П. Чаадаев, «некоторые народы и некоторые личности обладают такими знаниями, которых нет у других народов и других личностей»,⁴ что частично объясняет современный символический плюрализм. Многообразие наций, подчеркивал П. Бьюкенен, представляет собой истинное богатство человечества. Даже у наименьшей из них есть собственный цвет и место в Божественном узоре. Поэтому исчезновение наций обеднило бы мир не меньше, чем сведение всех индивидов к одному лицу и характеру.⁵

В наши дни высказано предположение о том, что для

¹ Feyerabend P. *Conquest of Abundance*. – Chicago and London: University of Chicago Press, 1989. – P. 18, 27.

² Feyerabend P. *Conquest of Abundance*. – Chicago and London: University of Chicago Press, 1989. – P. 145, 152.

³ Feyerabend P. *Conquest of Abundance*. – Chicago and London: University of Chicago Press, 1989. – P. 191, 239.

⁴ Чаадаев П. Сочинения. – М.: Правда, 1989. – С. 88.

⁵ Бьюкенен П. *Смерть Запада*. – М.: Изд-во АСТ, 2003. – С. 286.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

предотвращения своего исторического фиаско демократия должна обеспечить большее разнообразие, чем все иные известные миру политические системы.¹ С другой стороны, западная цивилизация является плюралистической благодаря своей демократической природе.² Все это хорошо согласуется с идеей Б. Рассела о том, что «для счастья необходимо разнообразие». В свое время именно недостаток разнообразия (многообразия) обрек утопический проект Т. Мора и подобные ему на провал.³ Возможно, что именно недоработка правовых гарантий многообразия обусловила фиаско «Договора о конституции для Европы» на референдуме во Франции и Нидерландах.

Актуальность принципа множественности подтверждается и современным естествознанием. Некоторые отрасли теоретической биологии, равно как и отдельные эмпирические подразделения астрофизики пришли ныне к выводу о том, что природный мир является чрезвычайно многообразным. Что касается символического многообразия, то на земле существует множество ценностных систем, что автоматически делает несостоятельными претензии каждой из них на исключительность. Посвятив свое время изучению антропологических аспектов множественности, А. Тойнби убедился в том, что «человечество нуждается в единстве, но внутри обретенного единства оно должно позволить себе наличие многообразия». Ущемление данного принципа, а тем более преследование любых «отделившихся меньшинств» граничит в современном мире с преступлением.⁴ Как утверждает Э. Кассирер, «человечество не может быть продуктивным без того, чтобы не делить целостность бытия на некие частные единства, путем

¹ Bryce J. *Modern Democracies*. Vol. 2. – London: Macmillan, 1921. – P. 574.

² Поппер К. *Открытое общество и его враги*. Т. 2. – М.: Феникс, 1992. – С. 473.

³ Рассел Б. *История западной философии*. Т. 2. – М.: Миф, 1993. – С. 39.

⁴ Тойнби А. *Постижение истории*. – М.: Прогресс, 1991. – С. 599.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

подразделения его на предметные конфигурации и я-конфигурации» (выделено мною – В. Р.).¹

Мир широк и необъятен, писала С. Зонтаг, в нем существует достаточно места для самых разнообразных обрядов, обычаев, вкусов и принципов, каждый из которых наделен определенным смыслом.² В то же время, науке известно, что любая искусственно созданная система может абсорбировать лишь ограниченное количество основополагающих ценностей для своего существования и развития.³ Поэтому понятие множественности и мозаичности обычно сочетается с понятием меры. С другой стороны, «эволюционизм <...> в противоположность преформизму, всегда будет обладать тем достоинством, что [он] напоминает нам: жизнь есть производство, создание различий. Вся проблема – это проблема природы и причин таких различий».⁴

Как полагал К. Леви-Строс, успех культуры, стремящейся охватить собой максимум изобретений, является функцией от числа и разнообразия культур, с которыми данная культура не побоялась вступить во взаимодействие. В конечном счете, «нет обществ, кумулятивных внутри себя и благодаря себе. Кумулятивная история не является собственностью определенных рас или культур, выделявших себя таким образом среди прочих. Она есть результат скорее их поведения, а не их природы. Она выражает определенную форму существования культур – не что иное, как их способ совместного бытия».⁵

По мнению футурологов, человечеству необходимо как можно шире использовать подходы, традиционно применяемые

¹ Cassirer E. The Philosophy of Symbolic Forms. Vol. 4. – New Haven and London: Yale University Press, 1996. – P. 111.

² Зонтаг С. Поклонник вулканов. – М.: Новости, 1999. – С. 30.

³ Рікер П. Право і справедливість. – Київ: Дух і літера, 2002. – С. 117.

⁴ Делез Ж. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергизм. Спиноза. – М.: ПЕРСЭ, 2000. – С. 175.

⁵ Леви-Строс К. Путь масок. – М.: Республика, 2000. – С. 351.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

отдельными обществами и культурами по отношению к своим памятникам и предметам искусства. Современный индивид желает видеть окружающий мир заполненным возведенными на основе новейших технологий городами. При этом он продолжает стремиться ко всему естественному и многообразному, насыщенному чертами неповторимости. Прошлый век породил человеческую усталость от быстрой эволюции, но он же создал и механизмы нашей адаптации к ней. Индивид стремится избежать однообразия в культурной, эстетической и интеллектуальной сфере точно так же, как он это делает в изучении истории или освоении космоса.¹

Но если человеческая потребность в многообразии действительно растет, то «нам нужна наука, которая изучала бы количество разнообразия, возбуждения, перемен и риска всех видов, в которых нуждается средний человек и среднее общество; а также почему они в них нуждаются».² На интуитивном уровне мы уже давно пришли к выводу о том, что многообразие стало нормой современной культуры, императивом, присутствие которого является отличительной чертой постмодерна. Как писал Ж. Липовецки, «жить свободно, не подвергаясь принуждениям, от начала до конца выбирать свой способ существования – никакой другой факт общественной и культурной жизни не является более значительным событием в глазах современников».³

В историческом плане необходимость в многообразии была осознана людьми далеко не сразу. Долгое время многообразие считали существенным недостатком, а иногда и прямым доказательством присутствия злого умысла. Дух христианского Средневековья отождествлял добро с единством, а зло –

¹Фурастье Ж. 40.000 часов // Впереди XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи. – М.: Academia, 2000. – С. 143-144.

²Фаулз Д. Аристос. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – С. 227.

³Липовецки Ж. Эра пустоты. – СПб.: Владимир Даль, 2001. – С. 21.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

с многообразием. Однако на бытовом уровне, в «структурах повседневности» утверждение единства вынужденно сочеталось с терпимостью к многообразию.¹ Говоря иными словами, теория существенно расходилась по этому вопросу с практикой. Хотя теологи XIII века и утверждали, что человеческая природа изначально склонна к разногласиям и испорченности как результату первородного греха, в реальной жизни в Европе мирно сосуществовали различные кодексы морали в одном сообществе.²

С развитием цивилизации многообразие все более осознавалось людьми как внутренняя потребность, культурный закон. Новое время пришло в Европу в ритмах экономических, технологических и психологических перемен. При этом все большее количество людей становилось состоятельными и образованными. Образование, в свою очередь, расширяло выбор альтернатив. Знающему человеку хотелось, чтобы к нему относились как к автономной личности. Хотя, как писал Э. Гуссерль, «каждый народ и народность обладает своим собственным миром, внутри которого все хорошо друг с другом сходится будь то мифо-магическим или европейски-рациональным образом»,³ национальное единство не в силах остановить бума спорящих группировок (*issue groups*), каждая из которых готова отстаивать свою систему ценностей.

К концу XX века децентрализация стала актуальным политическим лозунгом «от Калифорнии до Киева».⁴ В новой Чехии В. Гавел выступил против любой стандартизации человеческого поведения, в том числе и хорошего. «Представьте, – писал он, – что огромный Архипелаг Гулаг будет построен на Западе во имя страны, демократии, прогресса и военной

¹ Ле-Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М.: Прогресс, 1992. – С. 247.

² Харц Л. Либеральная традиция в Америке. – М.: Прогресс, 1993. – С. 60.

³ Гуссерль Э. Начало геометрии. – М.: Ad Marginem, 1996. – С. 237.

⁴ Toffler A. The Third Wave. – N. Y.: Bantam Books, 1994. – P. 255.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

дисциплины, чтобы содержать всех, кто откажется принимать участие в усилиях – кто по наивности, кто из принципа, страха или больной воли!».¹ Еще раньше И. Бродский писал о «критиках социальных проектов, не верующих в универсальные истины», чья позиция звучит как «эхо многообразия, ибо эти люди твердо верили в многообразие человеческих ситуаций, и сердцевинной их общественной программы был плюрализм». ² В США и Европе феминизм воплотил в себе пафос идеи равенства в дифференциации. Ситуация, когда футбол считается «важным», а поклонение моде – «банальным», пока что не преодолена окончательно, но уже стала предметом социологического анализа.³ Сопоставление идей М. Фуко и Л. Иригарей помогло открыть дверь научным подходам, решительно отвергающим логику фаллоцентризма.⁴

То обстоятельство, что личное состояние трех наиболее богатых людей мира превышает суммарный ВВП 48-ми стран с конца списка, а население США тратит на косметику больше средств, чем Россия на оборону, свидетельствует далеко не только о расхождении в уровне экономического развития. Цифры служат в данном случае средством верификации отличающихся друг от друга интеллектуальных стратегий. Синусоидальные графики роста и падения индексов деловой активности, местоположение и структура занятости нобелевских лауреатов, миллионные гонорары звезд Голливуда – все это символический feedback, который мы получаем по уполномочию и от имени современного мира. Как однажды заметил П. Гоген, у живописи для выражения души есть только тело. Нечто подобное можно сказать и о символической реальности в целом.

¹ Navel V. Open Letters. – N. Y.: Vintage Books, 1992. – P. 261.

² Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского. Том. VII. – СПб.: Пушкинский фонд, 2001. – С. 110.

³ Вулф В. Власний простір. – Київ: Альтернативи, 1999. – С. 71.

⁴ Braidototy R. Nomadic Subject. – N. Y.: Columbia University Press, 1994. – P. 134.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Попытка фашистов построить тоталитарное государство по образцу муравейника вытекает из глубоко неправильного представления о природе муравья и природе человека, писал Н. Винер. Сама физическая конституция насекомого делает его «тупым индивидуумом» – столь же неприспособленным к обучению и модификации, как и одноразовая тарелка. Напротив, «разнообразие и возможность» характеризуют всю структуру человеческого организма.¹ Наблюдения Н. Винера частично подтверждаются данными психологии искусства. По мнению Л. Выготского, трагедийный характер должен быть обязательно «составлен из противоречивых черт», позволяющих переносить театрального зрителя от одного душевного состояния к другому. «Так же точно как в портрете физиономическое несовпадение разных факторов выражения лица есть основа нашего переживания, – в трагедии психологическое несовпадение разных факторов выражения характера есть основа трагического чувства. Трагедия именно потому может совершать невероятные эффекты с нашими чувствами, что она заставляет их постоянно превращаться в противоположные, обманываться в своих ожиданиях, наталкиваться на противоречия, раздваиваться».²

По мнению У. Эко, символическое многообразие ныне проявляет себя даже в человеческой смерти. Можно предположить, писал он, что смерть тождественна не коллапсу, как это принято считать, а эксплозии – взрыву, после которого в отдаленном водовороте Вселенной образуется отпечаток персонального software – того, что именуют «душой» и что индивид формирует в себе на протяжении всей своей жизни.³ По крайней мере, трудно не согласиться с тем, что интеллектуальное

¹ Винер Н. Кибернетика и общество. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. – С. 62.

² Выготский Л. Психология искусства. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 261-262.

³ Эко У. Пять эссе на темы этики. – СПб.: Симпозиум, 2000. – С. 22.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

наследие человечества обогащается не только в количественном отношении. В свою очередь, более глубокое знание становится все более пестрым и мозаичным. Как пишет Э. Диссоньяк, сегодня все более популярным становится мнение о том, что миры и мироздания являются индивидуальными и релятивными, и что именно по этой причине каждый человек имеет собственный взгляд на вещи.

В самом деле, не существует серьезных доказательств того, что одно мировоззрение в большей степени приближается к истине, чем другое.¹ Более того, у нас также «нет специальной причины полагать, что некоторое данное однословное выражение в одной культуре может быть сопоставлено с однословным выражением в совершенно другой культуре».²

Как известно, в начале прошлого века в СССР с участием М. Горького была предпринята попытка издания адаптированных к потребностям «исторического момента» книг из наследия всемирной литературы. После Второй мировой войны аналогичный проект с участием Г. Александрова был реализован по отношению к трофейным кинолентам. Путем перестановки эпизодов и введения дополнительных надписей советские режиссеры пытались «выявить их социальное содержание». Сегодня технические возможности для перевода и адаптации мировых шедевров расширились, однако лишь 80-90% книг издаются в Женеве на французском, а в Цюрихе – на немецком языке. В Швейцарии продают и покупают книги на английском, а в США – на русском языке.

Возможно, что жанровое и стилевое разнообразие современного искусства как-то соответствует изначальной структуре человеческого мозга. Как писал в свое время Д. Локк,

¹ Dissanayake E. What Is Art For? – Seattle and London: University of Washington Press, 2002. – P. 185.

² Рорти Р. Философия и зеркало природы. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1997. – С. 197.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

«угнетенная часть человечества почти всюду вместе с египетским рабством могла бы ждать египетской тьмы»,¹ если бы сам Господь не зажег в человеческих умах свет, которого не подавить чужими огнями. Истина, любил подчеркивать К.-А. Гельвеций, рождается в результате брожения противоположных мнений. Неудивительно, что «места и края» разногласий К. Ясперса с М. Хайдеггером позволили каждому из них открыть для себя «личную реальность».²

Говоря иными словами, в пространстве символической реальности «мы сталкиваемся с ситуацией, аналогичной той, что имеет место в физике микромира: провести расчеты в терминах прекрасного или безобразного, истинного или ложного, доброго или злого так же невозможно, как вычислить одновременно скорость частицы и ее положение в пространстве. Добро не располагается более по ту сторону зла, ничто не имеет определенного положения в системе абсцисс и ординат. Каждая частица движется в направлении, заданном ее собственным импульсом, каждая ценность или часть ее лишь мгновение сверкнет на небосклоне лицедейства, а затем исчезает в пустоте, перемещаясь вдоль ломаной линии, редко соприкасающейся с траекториями других ценностей. Такова схема дробления – нынешняя схема нашей культуры».³

«Мое суждение, – писал Ф. Ницше, – есть *мое* суждение: далеко не всякий имеет на него право», – скажет, может быть, <...> философ будущего. Нужно отстать от дурного вкуса – желать единомыслия со многими. «Благо» не есть уже благо, если о нем толкует сосед! А как могло бы существовать еще и «общее благо»! Слова противоречат сами себе: что может быть общим, то всегда имеет мало ценности».⁴ Как однажды

¹ Локк Д. Сочинения. В 3-х т. Т. 2. – М.: Мысль, 1985. – С. 30.

² Хайдеггер М., Ясперс К. Переписка 1920-1963. – М.: Ad Marginem, 2001. – С. 295.

³ Бодрийар Ж. Прозрачность зла. – М.: Добросвет, 2000. – С. 11.

⁴ Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1990. – С. 274.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

сказал Л. Пиранделло, правд на свете существует столько же, сколько и людей. Данное обстоятельство А. Куросава сделал темой своего «Расемона», а А. Кайят – «Анатомии брака».¹

С другой стороны, важнейшей предпосылкой человеческого восприятия остается архетип – определенный территориальный, исторический и психологический императив, характеризующийся относительной устойчивостью, единством. Широко известной иллюстрацией данного тезиса является признание Ж. Базена: никто не рисует так, как ему хочется. Художник может лишь стремиться изо всех своих сил к живописи, на которую способен его век.²

Не вызывает сомнения то, что существуют *сквозные* темы и смыслы творчества, которые пронизывают искусство каждой исторической эпохи как ее повторяющийся дизайн. Еще более глубокий универсализм обнаруживается на уровне изобразительных средств. Как говорил С. Лифарь, «мы все можем танцевать».³ При этом многое из того, что человек способен видеть и различать, зависит от его предшествующего визуального и концептуального опыта.⁴ В пространстве символической реальности человеческое восприятие «вращается по всем языкам сразу, впитывает их энергии, выявляет их самые тайные созвучия, обнаруживает их самые далекие общие горизонты, поспешествует сближающим синтезам вместо того, чтобы избегать их».⁵

¹ Шерех Ю. Пороги і запоріжжя. Т. 1. – Харків: Фоліо, 1998. – С. 29.

² По мнению А. Яффе, «художник не настолько свободен в своем творчестве, как ему кажется. Если его работа выполняется более или менее бессознательно, она контролируется законами природы, которые, в свою очередь, на глубочайшем уровне соответствуют законам психики, и наоборот» (Яффе А. Символы в изобразительном искусстве // Юнг Карл Густав, фон Франц М.-Л., Хендерсон Дж. Л., Якоби И., Яффе А. Человек и его символы. – М.: Серебряные нити, 1997. – С. 262).

³ Лифарь С. Дягилев. Монография. – СПб.: Композитор, 1993. – С. 245.

⁴ Кун Т. Структура научных революций. – М.: Изд-во АСТ, 2001. – С. 153.

⁵ Деррида Ж. Введение // Гуссерль Э. Начало геометрии. – М.: Ad Marginem, 1996. – С. 133.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Примечательно, что в теории ноосферы В. Вернадского символическое многообразие предполагает не только множественность точек зрения на некий неизменный в своем единстве предмет, но и органическую неповторимость личности творческого человека. Данный взгляд на вещи был близок А. Бергсону, у которого «философия является обычно творением одного философа – единым и всеобъемлющим видением целого».¹ Действительно, писал по поводу символического многообразия В. Вернадский, в истории человеческой мысли можно найти «резко противоречащие, исключаящие друг друга представления и системы, положительные и отрицательные, оптимистические и пессимистические, мистические, рационалистические и «научные». Однако «не может быть и речи об их согласовании и о нахождении какого-нибудь единого, общего, всеобнимающего представления. Наоборот. Попытки создания единой философии, для всех обязательной, давно отошли в область прошлого. Попытки ее возрождения, которые делаются в нашем социалистическом государстве созданием официальной, всем обязательной диалектической философии материализма, учитывая быстрый и глубокий ход научного знания, обречены. Едва ли можно сомневаться <...> после 20-летней давности, что сама жизнь без всякой борьбы ярко выявляет их эфемерное значение».²

Любая философская система укоренена в индивидуальном разуме, генетически связана с личностью философа. Личность *неотделима* от философского размышления, хотя разум и пытается «измерить» личность, понять и охватить ее суть. Философские системы, как и человеческие личности, не решают, но ищут загадки мира, которых может быть столько же, сколько существует обладающих разумом и сознанием людей.

¹Бергсон А. Творческая эволюция. – М.: ТЕРРА, 2001. – С. 197.

²Вернадский В. Философские мысли натуралиста. – М.: Наука, 1988. – С. 108-109.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В силу данного обстоятельства любой вывод из религиозных, философских или художественных суждений, равно как и их рациональная оценка не является обязательным. Никогда в своем логическом развитии искусство, религия и философия не смогут воплотить единство.¹

В социальной, политической и культурной жизни я предпочитаю множественность единообразию, признавался М. Уолцер. Как следует уже из географии, множественность проявила себя в качестве необходимого свойства нашей жизни с самого начала.² По мнению Д. Нейсбита, главные векторы (mega-trends) развития США были сублимированы из исторического опыта пяти штатов, каждый из которых характеризовался особенно яркой этнической мозаичностью.³

Хотя люди воспринимают мир на основе соглашения о том, что «красное» – это «красное», в зрении дальтоника присутствует аномалия, а не ошибка. Впрочем, и без подобных аналогий ясно, что очень многое в современной культуре зависит от индивидуальной точки зрения на предмет. Если за несвоевременное возвращение книг в университетскую библиотеку установлена штрафная санкция, то все виновные, уплатившие необходимый штраф, становятся «законопослушными нарушителями». Ситуация становится по-настоящему парадоксальной при оплаченном невозвращении всех имеющихся в библиотеке книг. Как однажды заметил И. Лысяк-Рудницкий, диалектическая концепция истины плохо сочетается с наивным догматизмом.⁴ Достаточно индивиду хотя бы пару раз выйти за рамки обыденных представлений,

¹ Вернадский В. Научная мысль как планетное явление. – М.: Наука, 1991. – С. 219.

² Walzer M. On Toleration. – New Haven and London: Yale University Press, 1997. – P. xii, 92-93.

³ Нейсбит Д. Мегатренды. – М.: Изд-во АСТ, 2003. – С. 15.

⁴ Лысяк-Рудницкий И. Між історією й політикою. – Мюнхен: Сучасність, 1973. – С. 388.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

как в его сознание контрабандой проникает новый взгляд на вещи.

Философам известен Сократ в интерпретации Ксенофонта, но также в интерпретации Платона, стоиков, скептиков, мистиков, рационалистов и романтиков. Все интерпретации Сократа различны, но вместе с тем не ложны.¹ По мнению Ж. Липовецки, осуждение «диктатуры истины» является отличительной чертой постмодерна, ведь именно в нем принцип персонификации устраняет прежнюю монотеистическую надменность. Можно сказать, что в постмодерне происходит «слияние прямолинейности истины с переменчивостью гипотез и многочисленных миниатюризированных языков. Налицо тот же гибкий процесс, который либерализует нравы, сокращает число соперничающих групп, устраняет единообразие моды и поступков, поощряет нарциссизм и подрывает истину: постмодернистская наука, разнообразие и дисперсия языков, неопределенность теорий – все это лишь проявления повсеместного потрясения основ, которое выводит нас из дисциплинарной эпохи и которое при этом разрушает логику западного *homo clausus*».²

В искусстве новые императивы восприятия запрещают концентрироваться на поиске единственно правильного решения или оценки. Художественный статус любого произведения отныне представляет собой «плод общекультурного консенсуса, не зависящего от точных методов исследования».³ Впрочем, начало свободному сосуществованию самых несхожих идей, противоречивых жизненных принципов и методов познания было положено еще в модерне.⁴ В частности, уже в то время способность к созданию альтернативных объяснений была хорошо известна науке. В биологии преформизм традиционно

¹Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. – М.: Гардарики, 1998. – С. 653.

²Липовецки Ж. Эра пустоты. – СПб.: Владимир Даль, 2001. – С. 170-171.

³Маньковская Н. Эстетика постмодернизма. – СПб.: Алетей, 2000. – С. 230.

⁴Валери П. Об искусстве. – М.: Искусство, 1993. – С. 86.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

конкурировал с эпигенезом, а теория естественного отбора – с представлениями о наследуемости приобретенных признаков. В физике детерминизм сражался с индетерминизмом и т. д. Но если раньше все-таки предполагалось, что только одна из соперничающих теорий является истинной, то ныне «близкие к действительности» теории все чаще трактуются как одинаково необходимые нам *отрезки пути*. В своей специальной области правильной может оказаться каждая из теорий.¹

Даже тогда, когда главным изобразительным свойством рисунка считалось подобие, не все художники рисовали одинаково. Однако обучение искусству рисования до сих пор строится на принципе подражания. Аналогичные подходы продолжают сохраняться и в науке. Поэтому, если бы никто из ученых не реагировал на аномальные явления в высшей степени рискованными шагами, мир вообще не знал бы научных революций.² К сожалению, описывать явление множественности в пространстве символической реальности намного легче, чем пытаться его объяснить. Тем более, что каждый имеет право сомневаться в необходимости подобных объяснений. Уже в самой постановке данного вопроса скрывается предрассудок: все в мире должно иметь цель и смысл, то есть находиться в состоянии обусловленности. Вопрос о смысле множественности можно считать завуалированным отрицанием многообразия. Если мы уверены, что множественность для чего-то необходима, это уже не настоящая множественность.

Так или иначе, потрясающее разнообразие искусства в наши дни никого не удивляет. И можно предположить, что это лишь только начало. Многообразие решений стало признаком всей современной архитектуры. Дух эксперимента в сочетании с возможностями новых материалов и технологий ныне воспринимаются в этой области в качестве стандартного условия

¹ Лем С. Сумма технологии. – М.: Изд-во АСТ, 2002. – С. 297.

² Кун Т. Структура научных революций. – М.: Изд-во АСТ, 2001. – С. 240.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

работы. В музыке практически исчезли классические школы, и тысячи композиторов движутся, куда хотят. Децентрализация отчетливо заметна и в исполнительском искусстве: первоклассные солисты и коллективы существуют сегодня практически во всех странах. В танце окончательно утвердилась эклектика, параллельное сосуществование огромного количества стилей и направлений. Чтобы убедиться в многообразии популярной музыки, писал А. Данто, достаточно включить радиоприемник: всего за пару минут вы услышите «студенческое радио», альбомный рок, легкую поп-музыку, джаз биг-бэнд, прогрессивный джаз, ритм и блюз, старую добрую попсу, кантри-рок, рок-кантри, прогрессивный рок, диско, арт-рок, панк-рок и инди-поп.¹

В науке многое обстоит иначе, однако и здесь фундаментальные исследования иногда напоминают свободную игровую импровизацию. Как известно, попытка внедрить прагматизм в фундаментальную науку сделала лишь более рискованными правительственные затраты. Ибо и здесь наблюдается «скандальное противоречие между постулируемым единством истины и фактически существующим плюрализмом мнений».²

Принцип символического многообразия проявляет себя также на политическом уровне. Как писал в свое время П.-А. Гольбах, естественное протекание политической жизни требует борьбы сословий при сохранении их относительного равновесия. Впоследствии нечто подобное утверждалось по поводу классовой борьбы. Сегодня политическая дифференциация заявляет о себе даже на уровне отдельных индивидов. Любая страна, говорил Ж. Мишле, представляет собой огромное количество личностей, находящихся в состоянии постоянных

¹Danto A. *Philosophizing Art*. – USA: University of California Press, 1999. – P. 274.

²Слотердайк П. *Критика цинического разума*. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. – С. 40.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

психофизических флуктуаций. В свою очередь, политическая децентрализация не только стоит выше тоталитаризма в моральном смысле, но и фактически действует лучше.¹

По мнению Ю. Хабермаса, современная демократия воплощает в себе торжество идолопоклонства над христианством, которое не сумело обеспечить многообразие надлежащих условий. В современном обществе реальность одной человеческой воли встречается с реальностью множества других волей,² что и подталкивает нас к разработке *гарантий индивидуальных жизненных проектов*. Принято считать, что современное народное представительство должно обеспечить весь спектр возможных интерпретаций действительности, включая также голоса маргиналов.³

Возможности «простой демократии» в наши дни уступают возможностям «демократии мозаичной» (А. Тоффлер), а политическое единодушие стало объектом критики «решающих меньшинств».⁴ Пришедшее на смену централизации, многообразие оказалось настолько эффективным, что даже общества с авторитарными традициями пытаются бороться с повышенной концентрацией власти,⁵ допуская и приветствуя деятельность независимых правозащитных организаций.⁶ В свою очередь, объектом приложения усилий правозащитников все чаще становится защита не только субъективного, но и объективного права. К сожалению, значительная часть населения посттоталитарных стран продолжает ориентироваться

¹ Бжезинский З. Окончилась ли холодная война? // Международная жизнь, № 10, октябрь, 1989. – С. 35.

² Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. – М.: Наука, 1992. – С. 26-27.

³ Habermas J. Between Facts and Norms. – Cambridge, Ma. : MIT Press, 1998. – P. 183.

⁴ Тоффлер А. Метаморфозы власти. – М.: Изд-во АСТ, 2001. – С. 300-301.

⁵ Бжезинский З. Большой провал. – N. Y.: Publishing House, 1989. – P. 21.

⁶ Dahl R. Dilemmas of Pluralist Democracy. – New Haven and London: Yale University Press, 1982. – P. 36.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

на некие абсолютные истины,¹ хотя правда заключается в том, что их нет.²

В свое время Дж. С. Милль выступал против «общего государственного образования», которое делает индивидов слишком похожими друг на друга. Его единомышленник Ф. Хайек впоследствии неоднократно высказывал мысль о том, что организацию высшего и среднего образования необходимо передать в частные руки. Централизованное (государственное) образование он оправдывал лишь в качестве средства для обеспечения элементарной грамотности. Кроме того, он отстаивал идею школьных ваучеров, которые смогли бы позволить бюджетным средствам свободно выйти на рынок образовательных услуг. Поскольку передовые общества приветствуют «максимум вариаций того, как человек может устроить свою частную жизнь», из этого также следует, что никакой стиль жизни или учебы не может рассматриваться как девиантный, если он устраивает индивида и его ближайшее окружение.³

К сожалению, большинство из нас живет в «интеллектуальной тюрьме», стены которой возведены правилами нашего языка. Поскольку в грамматику и синтаксис заложена типология определенного мировосприятия, постольку люди могут осознать свою ограниченность, лишь соприкоснувшись с индивидами, обладающими иным «интеллектуальным каркасом».⁴ С другой стороны, сохранение многообразия культур

¹ Маринович М. Україна: дорога через пустелю. – Харків: Фолио, 1993. – С. 100.

² См.: Млечин Л. Политическая оппозиция при социализме // Новое время, № 20, 1989. – С. 30; Шакина М. Диалог по правилам или плюрализм повенгерски // Новое время, № 5, 1989. – С. 31; Шевцова Л. Привыкнуть жить без поводка? // Литературная газета, 19 апреля, 1989. – С. 11; Шаталин С. Издержки неизбежны, но... // Литературная газета, 11 октября, 1989. – С. 10.

³ Галтунг И. Истинные миры. Трансформация пространства // Впереди XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи. – М.: Academia, 2000. – С. 290.

⁴ Артамонова О., Гаташ В. Зруйнувати інтелектуальну тюрму // Дзеркало тижня, № 9, 2002. – С. 14.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

в мире должно по-прежнему оставаться предметом международных усилий. Причем, для спасения многообразия недостаточно лишь «предоставления отсрочки минувшему» (К. Леви-Строс). Защита культурного содержания истории должна сочетаться с обеспечением идейного многообразия на будущее. В поддержку многообразия высказывается сама природа. Как писал С. Жижек, хотя гражданские противоречия могут быть временно искоренены тоталитарным террором, а разногласия можно контролировать, ежедневная борьба с ними равносильна самоубийству.¹ В свое время В. Гавел отождествлял политику унификации с криминализацией принципа множественности и отличия.² К сожалению, подобная политическая унификация осуществлялась в СССР на протяжении десятилетий. Как однажды заметил по этому поводу Ж. Кокто, «муравьиная идеология наподобие русской» считает многообразие преступлением.³ Поставив свои страны «вне пределов свободной игры ценностей», коммунистические лидеры довольно быстро сумели превратить их в «замкнутую систему со специфическими принципами».⁴

Фактически все основные инструменты цивилизации – язык, мораль, закон и деньги возникли не в результате осуществления проекта, а *спонтанно*. И если политическая власть пытается их монополизировать, то это равносильно посягательству на традицию. Как писал Ж. Бодрийяр, сделав ставку на универсальность, европейская культура сама стала жертвой универсальности, которая быстро научилась «пожирать сингулярности, как революция своих собственных детей».⁵

¹ Жижек С. Возвышенный объект идеологии. – М.: Художественный журнал, 1999. – С. 13.

² Havel V. Open Letters. – N. Y.: Vintage Books, 1992. – P. 339.

³ Кокто Ж. В трех томах с рисунками автора. Т. 1. – М.: Аграф, 2001. – С. 238.

⁴ Гомбрович В. Щоденник. Т. 2. – Київ: Основи, 1999. – С. 243.

⁵ Бодрийяр Ж. Америка. – СПб.: Владимир Даль, 2000. – С. 158.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

В ином месте он еще более усиливает данный тезис: «В любом принуждении к сходству, отказу от различий, в любой приближенности вещей к их собственному изображению, в любом смешении людей с их собственным кодом всегда есть угроза кровосмесительной вирулентности, дьявольского изменения, появляющегося с целью испортить этот столь красивый механизм». ¹ В большинстве случаев унификация означает смертельную угрозу культуре. Как говорил С. Лем, если я понимаю «ничто», то понимаю это целиком, от начала и до конца. Объединенные интеллекты не могут создать «интеллектуальное поле» истины. Хотя ученые и сотрудничают, решения своих проблем они добиваются поодиночке.

С другой стороны, культурное многообразие соприкасается с принципом аналогии, который подтверждает относительную общность окружающих нас предметов и явлений. Например, понятие информации охватывает явления живой и неживой природы, универсально проявляя себя в самых различных областях знания и контекстах. С точки зрения информации, теорема и музыкальная композиция почти ничем не отличаются друг от друга. К тому же, аналогия является важнейшей предпосылкой возможности нашего общения друг с другом. ²

Тем не менее, хотя все люди обладают аналогичным устройством мозга, их разум воплощает в себе индивидуальное начало. Уже у Аристотеля «ложное и истинное» содержится не столько в самих вещах, сколько в индивидуальных представлениях о них, интеллекте. Что касается более близкого к нам М. Хайдеггера, то истина в его понимании – это просто чем-то выгодный для людей род заблуждения. Ее существо заключается в особенностях человеческого мышления, которое по необходимости искажает действительность. ³

¹ Бодрийар Ж. Прозрачность зла. – М.: Добросвет, 2000. – С. 95.

² Роменец В. Психология творчості. – Київ: Либідь, 2001. – С. 161.

³ Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – С. 358.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Нечто в этом же роде еще раньше утверждал Ф. Ницше: «Да, что побуждает нас вообще к предположению, что есть существенная противоположность между «истинным» и «ложным»? Разве не достаточно предположить, что существуют степени мнимости, как бы более светлые и более темные тени и тона иллюзии – различные *valeurs*, говоря языком живописцев?».¹ Как писал по этому поводу Ж. Бодрийяр, множественность причудливым образом сочетается в мире с неразделимостью добра и зла. И именно в этом состоит «*теорема о проклятой стороне вещей*».²

По мнению А. Хеллер, три существенно различающихся по своей мировоззренческой позиции поколения родились после Второй мировой войны: *экзистенциалистское* поколение, *отчужденное* поколение и *постмодернистское* поколение.³ В результате их взаимодействия друг с другом мир стал более мозаичным, но также и более терпимым. Похоже, что данное изменение нашло свое отражение в материи права. Как отмечалось в одном из решений Европейского суда по правам человека, во внутреннем праве европейских государств невозможно обнаружить единое понятие «нравственности». Требования последней «изменяются в зависимости от места и времени, особенно в нашу эпоху, которая характеризуется существенной эволюцией взглядов на этот вопрос».⁴

¹ Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1990. – С. 269.

² Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. – М.: Добросвет, 2000. – С. 156.

³ Heller A. Existentialism, Alienation, Postmodernism: Cultural Movement as Vehicles of Change in the Pattern of Everyday Life // A Postmodern Reader. – USA.: State University of New York Press, 1993. – P. 500, 506.

⁴ Де Сальвиа М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящейся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – С. 670.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

1.5.3. Терпимость

Хотя терпимость в данной главе рассматривается в качестве третьего органического свойства (принципа) символической реальности, Ф. Фукуяма называл терпимость *главной* добродетелью демократического общества.¹ Это мнение разделяет также Р. Арон, опирающийся, в свою очередь, на авторитет Ш. Монтескье. Терпимость действительно является *основополагающим признаком*, принципом плюралистического общества, который проявляется в сочетании уважения к его законам и правилам с чувством компромисса.² Как однажды заметил Э. Фостер, терпимость – это скучная, невзрачная и тяжкая добродетель, без которой не обойтись.³ В либеральном обществе она превратилась едва ли не в категорический императив. В то же время, терпимость не является разновидностью философского созерцания и, уж тем более, политической индугенцией тому, что было и есть. Терпимость – это особая психологическая установка, проявляющаяся в предвидении, понимании и продвижении вперед всего того, что «может и желает быть». Разнообразии культуры, писал К. Леви-Строс, находится «позади, вокруг и впереди» нас, и необходимо быть по-настоящему терпимым, чтобы множественность позволила проявиться «наибольшей щедрости» других.⁴

Примером психологической установки на терпимость можно считать известную максиму Д. Вашингтона: «Тот, кто не с нами, тот еще может быть с нами». В качестве противоположного примера можно привести кредо веры Н. Михновского: «Всякий, кто во всей Украине не за нас, тот против нас».⁵

¹ Fukuyama F. The End of History and the Last Man. – N. Y.: The Free Press, 1992. – P. 305.

² Арон Р. Демократия и тоталитаризм. – М.: Текст, 1993. – С. 70.

³ Фостер Э. Похвальное слово терпимости // Литературная газета, 23 июля, 1997. – С. 13.

⁴ Леви-Строс К. Путь масок. – М.: Республика, 2000. – С. 356.

⁵ Михновський М. Самостійна Україна. – Видавництво Український патріот, 1948. – С. 30.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Похоже, что первичным проявлениям человеческой терпимости был присущ оттенок снисходительности, однако высоко-развитая терпимость преодолевает подобный взгляд на вещи. Современная терпимость – это не гипотетическое признание за другими права на ошибку, а серьезное отношение к множественности индивидуальных стратегий и тактик, отказ от максималистского требования «объективности», согласие удовлетворяться достоверностью вместо истинности и т. п. В целом, «людям пристало жить в глубоком мире друг с другом, как зверям – приходиться в ярость», – говорил Овидий.¹

Иногда нетерпимость, неприятие чужого опыта и ксенофобия возникают из-за неспособности определенного класса людей ощутить себя гражданами мира.² Кроме того, считается, что достижение терпимости не является серьезной проблемой, если существует необходимое пространство люфта между носителями терпимости и теми, к кому обращена терпимость.³ Как писал по этому поводу Ф. Brentano, «дабы каждый не стал для всех скорее помехой, чем подмогой, должны существовать границы свободного суверенитета каждой личности».⁴ Известно также, что индивид, обладающий способностью усомниться в своих достоинствах, обычно пользуется в глазах окружающих более высоким моральным авторитетом.⁵

Д. Фаулз считал материнство главным человеческим упражнением в терпимости, а саму терпимость – «наиболее важной из всех человеческих премудростей». Поэтому даже риск злоупотребления терпимостью не является сильным аргументом против данного принципа. В наше время терпимость

¹ Овидий Назон. Наука любить. – М.: Вернисаж, 1992. – С. 143.

² Сноу Ч. Э. Троллоп. – М.: Высшая школа, 1981. – С. 141.

³ Riesman D. The Lonely Crowd. – N. Y.: Doubleday Anchor Books, 1953. – P. 297.

⁴ Brentano Ф. О происхождении нравственного познания. – СПб.: Алетейа, 2000. – С. 66.

⁵ Лефевр В. Логика совести. – М.: Когито-центр, 2003. – С. 81.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

признается на международном уровне. В частности, статья 1 Устава Всемирного союза антропологов гласит, что «все культуры равны между собой», хотя именно антропологам лучше других известно, что в разных культурах – все разное.¹ В 1966 году Генеральная конференция ЮНЕСКО приняла «Декларацию принципов международного культурного сотрудничества», в которой закреплялось требование «уважения самобытности» разных культур, а в 1995 году она же одобрила «Декларацию принципов терпимости».

Тем не менее, международное сообщество сравнительно недавно приступило к практическому освоению культуры терпимости. По-видимому, психологическое стремление «настаивать на своем» остается все еще очень сильным культурным и политическим соблазном.

В пространстве символической реальности терпимость обычно проявляется в качестве веротерпимости, а также гарантий политической, творческой и академической свободы. В контексте настоящего исследования наиболее важной следует считать терпимость государства по отношению к творческому самовыражению индивидов. Хотя границы терпимости в мире постепенно расширяются, на всем протяжении человеческой истории можно обнаружить следы постоянной борьбы личности с обществом, одного – со всеми. Причем, как говорил Д. Мережковский, никогда эта борьба не была столь убийственной для сторон, как в случае «противоречия между идеальной правдою анархизма и реальной правдою социализма».² Истории хорошо известна взаимная нетерпимость творческих элит, а также проблематическая терпимость общества к своим элитам. Вполне уместно также говорить о терпимости бедности по отношению к богатству, и наоборот.

¹Ковельман А. Историк, или собачье ремесло // Век XX и мир, № 2, 1991. – С. 50.

²Мережковский Д. Больная Россия. – Ленинград: ЛГУ, 1991. – С. 153.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Как писал по этому поводу У. Эко, нетерпимость бедных по отношению к «инаковости» ужасна, богачам же расизм не присущ.¹

В символической реальности терпимость является важнейшей гарантией ее существования. Обычно люди испытывают те желания, которые они способны удовлетворить, проблема же возникает тогда, когда человек обладает слишком высокими запросами. В этом случае от него трудно ожидать терпимости. Практически все люди нетерпимы к угрозе войны, болезням, несправедливости и обману. Значительную терпимость они проявляют к чужому благосостоянию и даже богатству. Принято считать, что в большинстве случаев рост терпимости происходит параллельно с развитием «неподопечного» статуса индивида. Кто обладает личной независимостью, тот и более терпим. Кроме того, «существуют хорошие основания верить в то, что терпимые люди получают, с точки зрения основных потребностей, большее удовлетворение».² И все же, как писал Алэн, встречаются семьи, в которых действует негласное правило: что не нравится одному, то запрещено и другим. В этом случае все боятся сделать лишнее движение и говорят невыносимые банальности.

В международной политике терпимость проистекает из осознания того обстоятельства, что в мире не существует одинаковых социально-экономических систем.³ Наоборот, политическая нетерпимость обычно зиждется на «националистических историях» Б. Кроче – экзальтации германского, арийского, семитского и т. п. духа. Производными от политической нетерпимости являются понятия «очищения», «преобразования» и «обновления». Явные признаки нетерпимости

¹ Эко У. Пять эссе на темы этики. – СПб.: Симпозиум, 2000. – С. 147.

² Adorno T. The Authoritarian Personality. – N. Y.: Harper and Brothers, 1950. – P. 976.

³ Вятр С. Політична культура в середній Європі. Чи існує культурна ідентичність у переході від Сходу до Заходу // Ї, № 9, 1997. – С. 31-37.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

присутствуют также в большинстве ответвлений современно-го антиинтеллектуализма.¹

К сожалению, «священные войны», как и сами воители за веру, пока что не стали реликтами прошлого. Поэтому политическую терпимость не следует отождествлять с политическим нейтралитетом, который, как принято считать, обычно подыгрывает доминирующей силе.² В целом, проблема терпимости является в мире едва ли не наиболее острой. По данным организации «Writers in Prison», современные интеллектуалы осуждаются как за распространение марксистских идей, так и за отказ принять их в качестве катехизиса.³

По причинам идеологической нетерпимости человечество позволило втянуть себя в две мировые войны подряд. Что касается идеологического противостояния сегодня, то «бархатная революция» 1989 года в Праге и «оранжевая революция» 2004 года в Киеве поставили перед многими из ее участников вопрос: почему мы все это так долго терпели? Частично ответ обнаруживается в статистике. Как известно, Польша и Украина приобрели в XX веке беспрецедентный опыт «исторической усталости».⁴ Вероятно, поэтому идея эволюционного перехода к демократии оказалась в Украине столь популярной.

Как писал В. Гавел, тоталитарной системе свойственен особый бактериальный характер. Эта система сильна не столько репрессивными полицейскими методами, сколько тем, что ее микробы отравляют души людей, деморализуют их. И каким образом можно противостоять этим микробам, кроме как посредством других микробов, которые проникают сквозь эти структуры, поражают и разлагают тоталитарную систему

¹ Адорно Т. Проблемы философии морали. – М.: Республика, 2000. – С. 196.

² Фриш М. Листки из вещевого мешка. – М.: Прогресс, 1987. – С. 163.

³ Ленц З. На грани мира // Литературная газета, 4 января, 1989. – С. 15.

⁴ В период 1939-1945 гг. Польша и Украина потеряли, соответственно, 19,6% и 16,7% от общей численности своего населения (Гунчак Т. Україна: перша половина XX століття. Нариси політичної історії. – Київ: Либідь, 1993. – С. 253).

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

власти? Данная точка зрения, возможно, объясняет, почему в странах с тоталитарным режимом пробивает себе дорогу идея ненасилия.¹

В теоретическом смысле терпимость поддерживается способом приведения «централизованного формирования мнений в согласие с императивами разума, а именно, с его требованием строить общественную жизнь на основе свободного суждения и нестесненной критической мысли».² С практической же точки зрения можно предположить, что ядерная страна, попавшая в отчаянное положение, не сможет отказаться от соблазна применения крайних средств.³ Разум побуждает лидеров проявлять максимум терпимости, но он же побуждает их к принятию самоубийственных решений. По мнению Л. Мамфорда, все развитие человечества должно было пройти сквозь фазу ассимиляции в себя опыта «машины». То есть, прежде чем стать терпимым, общество должно было миновать стадию применения «варварских» средств.

В историческом плане терпимость тесно связана с борьбой с привилегиями. Моральное осуждение привилегий приводило к их революционной отмене, однако применявшееся при этом насилие впоследствии оценивалось как неоправданное. На этой почве возникла терпимость, позволившая сделать отказ от привилегий более цивилизованным. Принято считать, что наиболее крупными теоретиками терпимости были Н. Кузанский, М. Фичино, Э. Роттердамский, Т. Мор и Г. Пастель. При этом стоит отметить, что в своей частной жизни большинство идеологов терпимости оставались крайними ригористами.⁴

Первичный опыт политической терпимости Ф. Бродель называл «чудом», которое утвердилось в мире благодаря расширению

¹ Гавел В. Путь без насилия // Известия, 24 февраля, 1990. – С. 5.

² Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного. – М.: Искусство, 1991. – С. 51.

³ Борн М. Моя жизнь и взгляды. – М.: Прогресс, 1973. – С. 58.

⁴ Уайтхед А. Избранные работы по философии. – М.: Прогресс, 1990. – С. 442.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

масштабов международной торговли.¹ Однако впоследствии обнаружилось, что конкурентный капитализм требует для своего надлежащего функционирования не только терпимости, но и альтруизма.² Так или иначе, еще в конце XVII века неверие в Европе оценивалось выше суеверия, поэтому от государства требовали терпимости даже для крайних еретиков. Наоборот, большевистская революция 1917 года оказалась на редкость бескомпромиссной, хотя один из ее идеологов А. Богданов утверждал, что терпимость является характерным признаком продвижения общества к высшим целям.³ Впоследствии Б. Рассел осудил жестокость русских революционеров, квалифицировав борьбу с ними в качестве признака прогресса.⁴ Свой политический идеал он связывал с возвышением морали, становлением культуры, а также опытом терпимости и доброты.

В наши дни принцип терпимости знает, по-видимому, лишь одно исключение: невозможно быть терпимым по отношению к нетерпимости. Поскольку толерантность не присуща тоталитарной идеологии, ее носители не должны претендовать на получение профессорского *tenure*.⁵ Что касается более широких подходов, то в наше время понятие терпимости рассматривается в качестве «универсальной категории эволюции разума».⁶

1.5.4. Этический вектор

Этический вектор является органическим свойством

¹ Бродель Ф. *Время мира*. – М.: Прогресс, 1992. – С. 23.

² Dahl R. *Dilemmas of Pluralist Democracy*. – New Haven and London: Yale University Press, 1982. – P. 153.

³ Богданов А. *Тектология*. Ч. 1. – Л.-М.: Книга, 1925. – С. 129.

⁴ Рассел Б. *Практика и теория большевизма*. – М.: Наука, 1991. – С. 10.

⁵ Хайек Ф. *Общество свободных*. – Лондон: 1990. – С. 94; Hayek F. *The Constitution of Liberty*. – Chicago: The University of Chicago Press, 1960. – P. 391, 394; Revel J.-F. *Democracy Against Itself*. – USA: The Free Press, 1993. – P. 207.

⁶ См.: Крейн І. Концепція толерантності як універсальної категорії еволюції розуму: метапідхід // Вісник Національної академії наук України, № 11, 2006. – С. 22-41.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

(атрибутом) символической реальности, поскольку интеллектуальная активность в большинстве случаев предполагает определенное морально-этическое направление. Кроме того, интеллектуальная активность носит индивидуальный характер. Индивид же обладает совестью, действие которой напоминает «работу автоматического процессора, внедренного в человеческое существо». Совесть, писал В. Лефевр, не только регулирует активность индивида, но и порождает «субъективный план такого регулирования – моральные терзания». Все люди обладают совестью примерно в том же смысле, в каком они обладают сознанием, мышлением и речью.¹ Обычно «то, что мы называем *добром* и *злом*, предопределяется эпохой, страной и микрокультурой, к которой мы принадлежим, поэтому мы не можем рассматривать свои моральные суждения как отражение чего-то абсолютного. Однако не исключена и другая глубокая истина: могут существовать объективные формальные правила оперирования с понятиями *добро* и *зло*, не менее универсальные, чем правила оперирования с понятиями *истина* и *ложь* в формальной логике».²

Если человек был свободен в момент выбора, то у него нет возможности избежать суда совести после того, как выбор был сделан. Подобного рода суд совершается всегда автоматически и безжалостно.³ Следует заметить, что у П. Фейерабенда этика представляет собой прочно связанную с онтологией интеллектуальную систему, которая руководит выборами отдельных форм жизни. Таким образом, этика, служившая ранее лишь «секретным проявлением научной правды», постепенно сумела превратиться в настоящего судью.⁴

¹ Лефевр В. Алгебра совести. – М.: Когито-центр, 2003. – С. 1.

² Лефевр В. Алгебра совести. – М.: Когито-центр, 2003. – С. 2.

³ Лефевр В. Алгебра совести. – М.: Когито-центр, 2003. – С. 311.

⁴ Feyerabend P. Conquest of Abundance. – Chicago and London: University of Chicago Press, 2001. – P. 247.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Поскольку символическая реальность выступает в качестве пространства человеческого воображения и творчества, она проявляет себя вовне с помощью конкретных интеллектуальных стратегий и тактик. При этом целеполагание в каждом отдельном случае осуществляется на основе морально-этических установок и предпочтений личности. Интеллектуальная активность часто осуществляется в плотной социальной среде, взаимодействие с которой порождает важные в моральном смысле последствия.

В душе каждого человека, писал П. Юркевич, есть нечто, называемое «сверхдолжными делами у святых своих», причем в большинстве случаев это средства и силы, не предназначенные для целей самосохранения.¹ Как заметил З. Бауман, любой моральный импульс не способен выжить – и уж, тем более, остаться неповрежденным – после кислотного теста на полезность или корысть.² В целом, этический вектор выступает необходимым атрибутом действия биогеохимической энергии, которую иногда называют *энергией человеческой культуры* или культурной биогеохимической энергией.³

По мнению А. Камю, если человеческой судьбой не управляет ценность, а царем является случай, то общество сталкивается с движением в темноте, «страшной свободой слепца».⁴ Внедрение же этического вектора в систему человеческих мотиваций способно предотвратить возникновение подобной угрозы. Кроме того, этика тесно связана с верой, которая обладает способностью облегчать человеческие страдания.⁵

Соединение веры с этическим вектором приводит к

¹ Юркевич П. Философские произведения. – М.: Правда, 1990. – С. 182.

² Бауман З. Этика постмодерну. – Київ: Port-Royal, 2005. – С. 50.

³ Вернадский В. Философские мысли натуралиста. – М.: Наука, 1988. – С. 132.

⁴ Камю А. Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990. – С. 172.

⁵ Амосов Н. Реальности, идеалы и модели // Литературная газета, 5 октября, 1988. – С. 13.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

образованию настолько сильных мировоззренческих установок, что их конец иногда наступает лишь со смертью верующих.¹ В любом случае, моральные представления и установки являются одновременно привычными и таинственными источниками (пружинами) поведения человека. «Кто знает законы, по которым развивается общество? – риторически спрашивал Л. Витгенштейн. – Я уверен, что они являются закрытой книгой даже для умнейших из людей. Если вы сражаетесь, вы сражаетесь. Если вы надеетесь, вы надеетесь. Вы можете сражаться, надеяться и даже верить без того, чтобы верить *научно*».²

Интерес к этической стороне интеллектуальной активности обоснован еще и потому, что идея прогресса в ее главных интерпретациях предполагает не просто изменение, но изменение *к лучшему*. О «лучшем» же мы можем судить лишь на основании ценностей, которые одновременно играют роль меры и цели ориентирования применительно к данному понятию.³ Каждая культура содержит в себе этическое устремление, нацеленность на идеал.⁴ И только благодаря реализации данной способности она может «господствовать над природой». Ведь чтобы господствовать, необходимо вначале возвыситься. Если из органической потребности в порядке возникает все то, что относится к власти, а из потребности в безопасности – все то, что относится к праву, то внедрение вектора этического ориентирования говорит о потребностях разума, действующего в социальной среде.

¹ Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. – М.: Наука, 1989. – С. 129; см. также: Речицкий В. 3 позицій вільного розуму // Вісник академії наук Української РСР, № 7, 1990. – С. 30-32.

² Wittgenstein L. Culture and Value. – USA: The University of Chicago Press, 1984. – P. 60-e.

³ Агацци Э. Нравственность и наука: этическое измерение в науке и технологии. – М.: МФФ, 1998. – С. 139.

⁴ Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. – М.: Прогресс, 1992. – С. 259-260.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Анализируя взгляды Б. Малиновского на роль искусственной (синтетической) среды, И. Витаньи писал, что в концепции Б. Малиновского человек удовлетворяет свои потребности в соответствии с определенным набором культурных символов. Люди не могут жить вне символической реальности, поскольку именно в этом пространстве создаются главные смыслы и ценности их жизни. Таким образом, символическая реальность для человека – это одновременно пространство и способ его активности. Культура привносит разнообразие в человеческую жизнь, но она же задает направления для интеллектуальных усилий, формирует наши «сквозные» ориентиры. По мнению М. Новака, морально-этические установки непосредственно определяют прогресс современных либерально-демократических систем.¹

«Прогресс нравственности, религии, науки, искусства, словом, многосторонняя работа поднятия коллективного бытия на объективно высшую ступень – таково жизненное и могущественное по своему влиянию на умы понятие культуры, которым вдохновляется европеец», – писал С. Франк.² А его коллега по философскому цеху В. Соловьев утверждал, что «какая-либо вера должна быть в *наличии* всегда. Иначе – и это совершенно правильно – проклятие ничтожества твари тяготеет и над самими, по видимости мощными, политическими успехами».³ Общеизвестно, что всякое подлинно великое произведение искусства не только эстетически совершенно, но и окружено особым нравственным сиянием. Разумеется, при этом не следует игнорировать утверждение Б. Скиннера о том, что больше шансов для выживания имеет культура, побуждающая интенсивно трудиться для увеличения своей

¹Novak M. The Spirit of Democratic Capitalism. – London: The IEA Unit, 1991. – P. 185.

²Франк С. Сочинения. – М.: Правда, 1990. – С. 88-89.

³Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 692.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

жизнеспособности.¹ Однако непредвзятый взгляд на вещи позволяет убедиться в том, что к продуктивности и успеху ведут сложные пути.

В свое время И. Кант пытался дать определение понятию «возвышенного», обращаясь к способности нравственного духа эффективно противостоять могуществу власти.² Что касается Н. Винера, то он оценивал нравственную интуицию и моральные чувства мыслящего субъекта в качестве высших ориентиров цивилизации. До тех пор, – писал он, – пока мы хотя бы в малейшей степени сохраним то нравственное чутье, которое позволяет нам различать добро и зло, применение великих сил нашего века в низменных целях будет в морально-этическом плане равнозначно колдовству и симонии.³

Разумеется, индивид обладает свободой нравственного выбора только в том случае, когда ситуация склоняет его к совершению зла, и он знает об этом. Что же касается самой способности различения зла, то она зависит от нашего морального опыта и усилий. По мнению В. Соловьева, в случае отсутствия очевидных признаков, по которым можно отличить истину от заблуждения, человек (а также народ), стремящийся к правде, должен собственными нравственными и умственными усилиями добывать и отстаивать истину, которая только в этом случае становится живой и плодотворной.⁴

Современная интеллектуальная активность, писал Н. Луман, нуждается в высших ориентирах, ибо «рост рациональности требует все более абстрактных критериев принятия решений». Это касается и демократических решений, которые получают свою легитимацию на основе превалирующих в обществе моральных установок и настроений. Как подчеркивает

¹ Спорные предвидения Б. Ф. Скиннера // Америка, декабрь, 1972. – С. 4.

² Адорно Т. Эстетическая теория. – М.: Республика, 2001. – С. 288-289.

³ Винер Н. Творец и робот. – М.: Прогресс, 1966. – С. 63.

⁴ Соловьев В. Сочинения. В 2 т. Т. 2. – М.: Правда, 1989. – С. 480.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Н. Луман, «в этом смысле техника власти может пониматься как демократия, нормироваться в соответствии с ее конститутивными предпосылками и вновь получить свое моральное обоснование. Предпосылкой здесь служит то обстоятельство, что ограничения власти составляют одно целое с условиями совместимости общественных структур».¹ Хотя Н. Луман не принадлежит к легким авторам, главная мысль в данном утверждении выражена достаточно определенно.

По мнению С. Вейль, социум, обреченный на «жестокость бессмысленности» – это не что иное, как общество, лишенное моральных ориентиров. Что касается ситуации морально дезориентированного индивида, то над ним висит угроза прожить «единственные и неповторимые годы между колыбелью и могилой с чувством смертельной скуки».² Дух дерева действительно существует, писал Д. Сорос, но лишь при условии, что мы в это верим.³ В понимании А. Швейцера жизнь, лишенная нравственного идеала, представляет собой «патологическое нарушение высшего чувства ориентирования».⁴ Хотя этические категории не могут непосредственно вызывать исторические события,⁵ Ч. Милош считал главной ошибкой марксизма и всего XIX века массовое убеждение в том, что путь на небеса проложен *по прямой*.⁶ Между тем, нравственные идеалы – это всего лишь *контуры* цивилизации, которые проявляют себя незримо, в миллионах и миллиардах индивидуальных человеческих усилий. Говоря иными словами, это не совсем тот маяк,

¹ Луман Н. Власть. – М.: Праксис, 2001. – С. 125.

² Вейль С. Укорінення. Лист до клірика. – Київ: Дух і літера, 1998. – С. 106.

³ Сорос Д. Советская система: к открытому обществу. – М.: Политиздат, 1991. – С. 57.

⁴ Швейцер А. Культура и этика. – М.: Прогресс, 1973. – С. 82.

⁵ Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. – М.: Высшая школа, 1992. – С. 146-148.

⁶ Милош Ч. Личные обязательства. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 250.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

следовать указаниям которого тем легче, чем ярче он светит. Как писал по аналогичному поводу Ж. Батай, радость счастья целительна для тела, силы же ума развивает печаль.

Этический вектор не имеет предметного воплощения и обычно проявляет себя как целенаправленное переживание по поводу определенного поступка, события или чувства. В этом смысле этическая позиция может выступать в качестве «двойной абстракции» – рефлексивного отражения некой первичной, ранее уже состоявшейся символизации. В частности, как признавался А. Сахаров, его участию в ядерных исследованиях и экспериментах (первое абстрагирование) сопутствовали вполне определенные нравственные переживания (второе абстрагирование). Сегодня кажется банальным утверждение о том, что «не хлебом, не сахаром, не хлопком и не углем единым будет жив человек».¹ Человеческую жизнь нередко пытаются оценить по тому, как она послужила прогрессу. Однако сегодня сам прогресс является объектом строгой моральной оценки.

Как известно, у Гегеля важное различие исторических периодов объясняется тем разрывом, который существует между эпохами, преисполненными нравственного чувства, и временами безверия. Эпохи, насыщенные идеалами, – блестящи, возвышенны и великолепны. Времена же безверия проходят бесследно. Финансовые рынки не безнравственны, писал Д. Сорос, просто они не нуждаются в морали. Что касается поведения индивидов, то оно всегда укладывается в определенные этические границы. Если общество начинает ориентироваться исключительно на выживание, оно теряет способность понять, имеет ли в нем место прогресс.²

Моральная оценка происходящего сопровождает продвижение человека ко всем научным, творческим и образовательным

¹ Довженко А. Из записных книжек // Огонек, № 43, 1987. – С. 4.

² Сорос Д. Криза глобального капіталізму. – Київ: Основи, 1999. – С. 223, 225.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

вершинам. Этика науки существует в такой же степени, как и этика образования или искусства. Как признавался в автобиографии Ч. Чаплин, «мне повезло, я родился бедным». Возможно, что он имел в виду изначальную ясность своих морально-этических установок. «Каждый из нас, – писал М. Павич, – представляет собой такое дерево: чем выше мы поднимаемся наверх, к небу – сквозь ветры и дожди – к Богу, тем глубже должны наши корни уходить во мрак, грязь и подземные воды, вниз, к аду».¹

Чтобы реализовать себя в мире символической реальности, недостаточно знать ее органические принципы и свойства. Символическая реальность действует как обитель свободы, свобода предполагает множественность, которую обеспечивает терпимость. Явлению терпимости, в свою очередь, сопутствует этический вектор. Отказ от этических ориентиров обычно грозит отказавшимся разочарованием и фиаско. В сущности, всякое продвижение человека вперед сопряжено с моральным риском. Как заметил по этому поводу А. Этциони, «мы продвигаемся через историю пошатываясь, наподобие пьяницы, выдвигая попеременно вперед то одну ногу, то другую».²

В условиях свободы, когда правом выбора обладают действительно многие, вероятность совершения ошибок во многом зависит от нравственного состояния индивида. Общеизвестно, что наиболее быстро прогрессируют свободные, мозаичные и хорошо образованные общества. Этнически пестрые и открытые миру США обеспечивают сегодня более 80% всех научных открытий, применяют около 75% существующих в мире компьютеров и имеют в четыре раза больше научных работников, чем все страны Западной Европы вместе.³ И все-таки никакой

¹Павич М. Хазарский словарь. – СПб.: Азбука-Амфора, 1999. – С. 308.

²Etzioni A. The Active Society. – N. Y. – London: The Free Press, 1968. – P. 273.

³Флетхайм О. Футурология: борьба за будущее // Впереди XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи. – М.: Academia, 2000. – С. 258-259.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

прогресс нельзя сделать полностью гарантированным. Как говорил К. Леви-Строс, часто он «происходит скачками, <...> наподобие шахматного коня, обычно имеющего в своем распоряжении несколько поступательных движений, но никогда – в одну и ту же сторону». В этом смысле история цивилизации напоминает нам «игрока, чья удача размещена на нескольких костях, и всякий раз, бросая их, он видит, как те разлетаются по ковру, вызывая столько разных расчетов. Что обретается в одном, обычно подвергается опасности быть утраченным в другом, и лишь по временам история кумулятивна – иначе говоря, расчеты дополняют друг друга, образуя благоприятное сочетание».¹

Поскольку прогрессирующие общества вынуждены быть активными сразу по многим направлениям, без индивидуализированных творческих усилий им не обойтись. В настоящее время многие страны пытаются перенять у США модель их развития, однако в исторической ретроспективе евро-атлантический прогресс выглядит достаточно нетипичным. Научно-индустриальная революция Запада вписывается в исторический период, равный примерно 0,0005 всей предполагаемой истории человечества. При этом первая половина XIX века хронологически охватывает большее количество решающих научных открытий, чем все века предшествующей истории человечества.² Таким образом, если прежняя модель культуры, как писал Д. Белл, была построена по принципу *продолжения* (continuity), то ее современная концепция следует принципу *многообразия*. Прежняя культура ценила традицию, идолом же современности является синкретизм. Прогресс совершается в наши дни благодаря колоссальному спросу на новизну и эксперимент, которые, в свою очередь,

¹ Леви-Строс К. Путь масок. – М.: Республика, 2000. – С. 335-336.

² Арндт Х. Vita Activa или о деятельной жизни. – СПб.: Алетейа, 2000. – С. 344.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

опираются на моральный принцип индивидуализации суждения.¹

По мнению Ж. Делеза, современная символизация достигла уровня даже не удвоенной, а утроенной абстракции. На основе сочетания множества интеллектуальных начинаний «Сверхчувственная Природа хочет, чтобы – даже в человеке – чувственно воспринимаемое действовало по своим собственным законам и оказалось способным достичь, наконец, эффекта сверхчувственного».² В данном процессе этический вектор выступает как психосоциальное явление, относящееся к проблематике всего «правильного и неправильного, доброго и злого», уникальная совокупность внутренних стандартов и принципов критического осмысления нашего опыта.³

Говоря иными словами, в пространстве символической реальности этический вектор действует как чувствительный и быстрый анализатор тонких различий, механизм *взвешивания* состояний приемлемости/неприемлемости. В зависимости от конкретных обстоятельств он может выступать как «видимость социальных условностей»,⁴ «стадный инстинкт в отдельном человеке»,⁵ «случайное сочетание идеалов и немногочисленных норм»⁶ и др. Моральный вектор присутствует в «крохотном огоньке простых радостей» (С. Кисилевский) индивида, однако его мощное воздействие чувствуется и перед лицом вселенской катастрофы.⁷ В науке, образовании и искусстве он

¹ Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. – N. Y.: Basic Books, 1997. – P. xxi, 93.

² Делез Ж. Критическая философия Канта: Учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. – М.: ПЕРСЭ, 2000. – С. 90.

³ Агацци Э. Нравственность и наука: этическое измерение в науке и технологии. – М.: МФФ, 1988. – С. 246.

⁴ Дойч Д. Структура реальности. – Ижевск: 2001. – С. 363.

⁵ Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1990. – С. 588.

⁶ Маркс Д. За: Кодекс 2987 года // Профессиональная этика журналистов. Т. 1. – М.: Галерея, 1999. – С. 79.

⁷ Михник А. Героический насмешник // INDEX, № (6)3, 1998. – С. 276.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

собирает в фокус индивидуальные симпатии и антипатии, что обычно сказывается на судьбах творческой элиты.

В целом, человеческое творчество реализуется в условиях сосуществования множества сил и организмов, жизнь и потребности которых необходимо принимать в расчет.¹ Данное обстоятельство лежит в основе этического ориентирования как атрибута символической реальности в целом. В действительности моральное ориентирование осуществляется на уровне личных этических установок. В свое время подобного рода установки породили бумажные, а затем и электронные деньги. Сегодня принцип доверия положен в основу информационных технологий и воспитательных практик, а также сферы производства услуг. Можно сказать, что «мораль и только мораль поддерживает человеческую стабильность».² Как известно, Наполеон Бонапарт расценивал упадок нравов в качестве явного симптома гибели государства как политического целого.³

По мнению Т. Парсонса, этическая позиция является главным фактором в жизни социальных систем, одним из основных элементов их нормативной ориентации. Поскольку стандарты нравственного поведения являются объектом чувств каждого отдельного человека, постольку социальные системы работают лишь при условии, что мы признаем в них роль этического начала.⁴ Этические позиции и установки обеспечивают стабильность еще и потому, что они не изменяются в зависимости от текущих потребностей момента.⁵ Моральному субъекту,

¹ Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. – М.: Логос, 2001. – С. 53.

² Ellul J. The Technological Society. – N. Y.: Vintage Books, 1964. – P. 322.

³ Наполеон Бонапарт. Максимумы и мысли узника Святой Елены. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 51.

⁴ Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический Проект, 2000. – С. 356.

⁵ Сорос Д. Криза глобального капіталізму. – Київ: Основи, 1999. – С. 227.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

писал Э. Ионеско, противостоят «пешки всех мастей, просветители и перевоспитатели, пропагандисты всех верований, теологи и политики», хором утверждающие и навязывающие «гнетущую силу» коллективизма.¹ Однако морально ориентированная личность является автономной, и именно поэтому способной «постоянно откладывать час предательства».² Как подчеркивал Т. Адорно, нравственные законы – это законы *свободы* разумного существа, которым индивид следует независимо от внешних влияний.³

Можно сказать, что по-настоящему нравственный индивид является свободным и несвободным одновременно. Он свободен, ибо опираясь на «внутренний голос», может сопротивляться определенным внешним воздействиям и обстоятельствам. Он несвободен, потому что без давления внешних факторов его моральная позиция не имеет смысла. Избыточное давление может разрушить экзистенциальную позицию индивида, однако ненамного лучшей является и ситуация морального одиночества.

Важным в данном случае является также то, что этические проблемы не решаются посредством угроз и насилия. Если бы «Amnesty International» вдруг приобрела атомную бомбу, то она тут же утратила бы свое моральное влияние. Ничтожное военное значение швейцарской гвардии не мешает Папе Римскому обладать исключительным авторитетом, а этическая позиция «Amnesty International» безупречна именно потому, что это организация-лилипут.⁴

Как свидетельствует политическая история XX века, такие выдающиеся в нравственном отношении качества, как

¹ Ионеско Э. Противоядия. – М.: Прогресс, 1992. – С. 77.

² Левинас Э. Тотальность и бесконечное: эссе о внешности // Вопросы философии, № 2, 1999. – С. 56.

³ Адорно Т. Проблемы философии морали. – М.: Республика, 2000. – С. 91.

⁴ Бек У. Что такое глобализация? – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – С. 129-130.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

сострадание, бескорыстие и любовь, можно обнаружить даже в самом центре зла.¹ Однако и в менее критических ситуациях создание анклавов нравственной организации перед лицом природной тенденции к хаосу представляет собой «железную» необходимость. В этическом противостоянии социальной энтропии обнаруживается главный источник человеческой трагедии, но и славы тоже.² При этом нравственная позиция не сводится к нравоучениям, ибо мало зависит от произнесенных слов.

В свое время Ч. Милош сравнивал фальшь коммунистического морализирования с адскими муками. По мнению же Р. Дарендорфа, принудительная трансформация индивидуальной морали в публичную политику сопоставима с распространением удушающей атмосферы «цензурного айсберга».³ Как говорится в одном из американских школьных пособий по демократии, социальные движения, пытавшиеся *объективно* определить понятия добра и зла, создали не столько предпосылки человеческого счастья, сколько примеры безграничного терпения и духовного рабства.⁴ По мнению же А. Сахарова, трагедия большевизма была предопределена именно тем обстоятельством, что личную мораль и ответственность в советской системе удалось вытеснить отчужденным авторитетом государства, класса, партии или вождя.⁵

В целом, этическую сторону жизни символической реальности отражает, в определенной степени, большинство современных определений прогресса. Прямое определение прогресса в этических понятиях представляет собой трудную задачу.

¹ Feyerabend P. Killing Time. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1995. – P. 55-56.

² Винер Н. Я – математик. – М.: Наука, 1967. – С. 311.

³ Дарендорф Р. После 1989. Мораль, революция и гражданское общество. – М.: Ad Marginem, 1998. – С. 55.

⁴ Американська демократія. – США: Сучасність, 1990. – С. 48.

⁵ Сахаров А. Мир через полвека // Вопросы философии, № 1, 1989. – С. 28.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Можно предположить, что этическая амбивалентность прогресса как раз и составляет содержание его символической значимости. В стихотворении «The Dream Before», посвященном В. Беньямину, Л. Андерсон высказалась о прогрессе так:

«Она сказала: что есть история?
И он ответил: история – это ангел,
Отбрасываемый ветром назад, в будущее.
Он сказал: история – это дебри,
И ангел хочет вернуться и упорядочить вещи,
Восстановить вещи, которые были разбиты.
Но продолжают штормовые порывы ветра из рая,
И шторм поддерживает порывы ветра, уносящие ангела
Назад, в будущее.
И этот, именно этот шторм
называется
Прогресс». ¹

«То, что мы называем прогрессом, – писал Д. Фаулз, – это просто воздействие противоборствующих сил». ² Очевидная лаконичность данного определения вовсе не делает его бессодержательным. И, тем не менее, люди склонны приписывать прогрессу нечто большее, чем только результат непредсказуемых и спонтанных взаимодействий. В частности, распространенным является убеждение в том, что прогрессу присуще определенное моральное направление, вектор. Жизненные ситуации варьируют, однако свободная интеллектуальная активность переходит в целенаправленное действие, результат которого мы называем прогрессом. Когда же человек действует под влиянием страха, угроз или насилия, плоды его усилий

¹Русский перевод по тексту: Braidotty R. Nomadic Subject. – N. Y.: Columbia University Press, 1994. – P. 280.

²Фаулз Д. Аристос. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – С. 167.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

нельзя считать прогрессом. Примечательно, что П. Зюскинд описывает *сомнительный прогресс* как голую «лихорадку нововведений», «зверское бешенство экспериментирования» и «манию величия».¹

По мнению У. Бека, социальный прогресс обеспечивает структурно организованная внепарламентская деятельность, направленная на постоянные изменения в обществе, а также само изменение данного общества, происходящее «в обход» влияния политических программ и голосований. В ином месте он называет прогрессом оправданное социальное изменение, осуществляющееся независимо от его демократической легитимации.² Из определения У. Бека косвенно следует, что содержание прогресса является непредсказуемым в своей основе. Хотя прогресс предполагает демократию, сам он непосредственно от нее не зависит. Если для измерения эффективности демократии можно использовать инструментарий прогресса, то эффективность прогресса невозможно измерить с помощью инструментов демократии.

Мерилом человеческого успеха является прогресс, демократии же принадлежит более скромная роль. Демократия работает по принципу большинства, прогресс же осуществляется под влиянием более сложных влияний и факторов. В итоге, этика прогресса не совпадает с этикой демократии и непосредственно от нее не зависит. Из данного обстоятельства также следует, что политика (в том числе демократическая) не является аналогом социального творчества. «Не может существовать примат какой-то политической идеи в ущерб человеческому счастью», – заключает А. Вайда.³

Таким образом, *органическая правовая система должна ориентироваться на достижение более широких целей, чем только*

¹ Зюскинд П. Парфюмер. – СПб.: Азбука, 1999. – С. 68.

² Beck U. Risk Society. – London: Sage Publications, 1997. – P. 214.

³ Вайда А. Бесстрашие памяти. – Огонек, № 5, 1989. – С. 10.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

юридическое обеспечение демократии. В тех случаях, когда демократия демонстрирует компетентность в вопросах прогресса, она имеет право о нем судить. Во всем остальном прогресс необходимо защищать от ограниченности, присущей демократии. Говоря иными словами, создание эффективных гарантий прогресса является сложной задачей современного права. При этом главная проблема заключается в том, что гарантирующие прогресс правовые нормы должны быть *нормами свободы* по отношению к творческим процессам, и, одновременно, *ограничительными нормами* по отношению к массовому волеизъявлению. Как писал Ж. Эллюль, справедливость не служит государству, но претендует на то, чтобы его судить.¹ Нечто в этом же роде можно утверждать и о правовых гарантиях прогресса.

Ж.-Ф. Лиотар следующим образом описывает типичные, по его мнению, отношения демократии и прогресса: «Идея прогресса: он представляет собой ничто иное, как движение, в котором якобы аккумулируется знание, но это движение распространяется на новый социо-политический субъект. Народ спорит сам с собой о том, что справедливо, а что нет, точно так же, как сообщество ученых о том, что истинно, а что ложно. Первый накапливает гражданские законы так же, как второе – научные; первый совершенствует правила своего консенсуса через посредство конституционных положений так же, как второе пересматривает их в свете своих знаний, производя при этом новые «парадигмы».² С одной стороны, законы прогресса – это накапливаемые в политическом опыте гражданские законы, с другой, – любые писанные законы представляют собой правила поведения в рамках прогресса, но не законы прогресса как такового. Недостаточность писанных законов для обеспечения нужд прогресса явно вытекает из длинной

¹ Ellul J. The Technological Society. – N. Y.: Vintage Books, 1964. – P. 292.

² Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – М.-СПб.: Алетейа, 1988. – С. 76.

ФЕНОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

череды гражданских войн и революций.

Несколько ближе к законам прогресса стоят правила обращения информации, а также нормы, согласно которым функционирует сознание и воображение человека. Очевидно, что наше проникновение в их суть может быть лишь частичным. По мнению Б. Кроче, истоки прогресса коренятся непосредственно в сознании человека, и именно по этой причине прогресс никогда не останавливается.¹ Попытка представлять это дело как-то иначе вызвала в свое время яростную критику Ф. Ницше. «Кто исследует совесть нынешнего европейца, – писал он, – тот найдет в тысяче моральных изгибов и тайников одинаковый императив, императив стадной трусости: «мы хотим, чтобы когда-нибудь настало время, когда будет *ничего больше бояться!*» Стремление и путь к *этому* «когда-нибудь» называется нынче в Европе «прогрессом».²

По мнению Р. Рорти, прогресс – это результат предоставленной человеческим существам возможности делать все более и более *интересные* вещи. Поэтому в результате прогресса люди и сами становятся все более интересными. В этическом же смысле прогресс никак не совпадает с продвижением человека в заранее приуроченное для него место.³ Что касается понимания прогресса Ю. Хабермасом, то он видит в нем реализацию человеческой субъективности в сторону *эстетического* начала. Данное обстоятельство воплощает в себе элемент еще более сложной взаимосвязи.⁴ В любом случае, отношение к прогрессу «после Р. Декарта» существенно отличается от его понимания в XVII веке, когда прогрессом называли любое

¹Кроче Б. Антология сочинений по философии. – СПб.: Пневма, 1999. – С. 200.

²Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1990. – С. 320.

³Рорти Р. Наука як солідарність // Рюс Ж. Поступ сучасних ідей. – Київ: Сфера, 1998. – С. 271.

⁴Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2000. – С. 168-169.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

постепенное изменение от «худшего» к «лучшему». Сегодня такое понимание прогресса «влачит свои дни, но в смятении и тоске» (Р. Барт).¹

По мнению С. Вейль, прагматическое отношение к прогрессу нередко отравляло христианский мир, лишая его подлинной красоты. Поэтому она советовала вообще отказаться от данного понятия.² Чувствуя недостаточность прежних идеализированных представлений о прогрессе, Д. Белл предложил относиться к прогрессу как к результату развития всех – «добрых» и «злых» человеческих задатков и способностей.³ Истоки же противоречивого понимания прогресса он видел в соединении технократического способа принятия решений с иррациональными психическими установками большинства людей. Следует отметить, что данное противоречие Д. Белл считал «наиболее судьбоносным делением общества».

Современный прогресс тесно связан с увеличением объема доступной людям информации, развитием науки, искусства и образования. Однако по-настоящему судить о прогрессе мы можем лишь в этическом смысле, поскольку не располагаем лучшими критериями оценки. Свобода предоставляет человеческому интеллекту возможность действовать спонтанно. Множественность и терпимость обеспечивают широту спроса и предложения на рынке символических образцов. Наконец, этический вектор ориентирует творческого индивида в социальном пространстве. Общий эффект соединения подобных качеств предсказать невозможно, однако похоже, что именно он воплощает в себе современный прогресс.

¹ Батай Ж. Внутренний опыт. – СПб.: АХИОМА, 1997. – С. 92.

² Вейль С. Укорінення. Лист до клірика. – Київ: Дух і літера, 1998. – С. 259.

³ Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. – N. Y.: Basic Books, 1997. – P. 166.

Глава II

**ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ
СИМВОЛИЧЕСКОЙ
РЕАЛЬНОСТИ**

2.1. Интеллектуальная активность как проявление символической реальности

Интеллектуальная активность является наиболее общим живым проявлением символической реальности. Как писал Ж. Делез, «думать – предполагает *открывать, изобретать новые возможности жизни*». ¹ По мнению Р. Ленема, «мысль сегодня имеет собственную дисциплинарную арену». ² И эта арена – символическая реальность. Символическая реальность является одновременно результатом, источником и средой интеллектуальной активности. Принято считать, что интеллект в его современном значении представляет собой способность системы (человека, машины, общества) превращать данные в знания, извлекать смысл из наборов данных, декодировать их, понимать. Главная роль здесь принадлежит емкости памяти и процедуре логического вывода, именно они определяют уровень интеллекта. ³ Очевидно также, что именно интеллект является сегодня главным символическим гарантом прогресса. По крайней мере, так его определяют в Японии, а в США интеллектом иногда называют «то, что мы измеряем с помощью

¹ См.: Shaviro S. Beauty Lies in the Eye // A Shock to Thought. – London.: Routledge, 2002. – P. 17.

² Ленем Р. Электронне слово: демократія, технологія та мистецтво. – Київ: Ніка-Центр, 2005. – С. 199.

³ Каныгин Ю. Основы когнитивного обществоведения. – Киев: 1993. – С. 18.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

IQ». Э. Торндайк называл интеллект характеристикой ума, которая в наибольшей степени отличала Аристотеля, Платона и Фукидида от афинских «идиотов» того времени. В теории Ж. Пиаже интеллект выступает совокупностью механизмов, позволяющих индивиду выявлять новые проблемы и выбирать в целях их решения определенную последовательность операций. Именно поэтому работа человеческого мозга иногда отождествляется с работой компьютера.¹

Что касается социального интеллекта, то его обычно характеризуют как способность общества и его подсистем воспринимать и накапливать знания, вырабатывать новые идеи и использовать их в целях прогресса. От социального интеллекта происходит понятие синтеллектики – совместной интеллектуальной активности людей, системного действия множества отдельно взятых интеллектов. Принято считать, что чем выше уровень неожиданности и релевантности знаний, достигаемых когнитивным логическим путем, тем выше интеллектуальные способности системы – человека, организации, общества или компьютера. Интеллект – это конструктивный элемент сознания, несущий главную ответственность за уровень его возможностей. С помощью интеллектуальной активности сознание делает вывод об отношении единиц информации к тем или иным смысловым контекстам. Как писал по этому поводу А. Этциони, посредством синтеза интеллектуальная активность находит необходимые места для единиц информации в том или ином контексте или в процессе создания новых контекстов.²

В свою очередь, А. Бергсон, говоря об интеллектуальной активности в «ее исходной точке», отмечал, что этот тип активности

¹Как считали итальянские футуристы, «не существует никакой существенной разницы между человеческим мозгом и машиной. Просто [мозг] в этом случае выступает как более сложный механизм, вот и все» (Corradini B., Settimelli E. *Weights, Measures and Pieces of Artistic Genius – Futurist Manifesto 1914 // Futurist Manifestos.* – Boston: MFA Publications, 1973. – P. 136).

²Etzioni A. *The Active Society.* – N. Y.: The Free Press, 1968. – P. 227.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

проявляется в способности создавать искусственные предметы, то есть орудия для создания других орудий, а также бесконечно разнообразить их изготовление. Интеллектуальная активность, по его мнению, отличается от инстинктивной активности тем, что инстинкт может использовать и создавать лишь организованные и узкоспециализированные орудия, в то время как интеллектуальная активность способна создавать и использовать неорганизованные, многофункциональные орудия. Уровень сознания живого существа А. Бергсон определял в качестве математической разницы между его потенциальной способностью и реальной деятельностью. Уровень же интеллекта он измерял степенью разрыва, который существует между представлением и действием.¹ Анализируя взгляды А. Бергсона на интеллектуальную активность, Ж. Делез впоследствии писал, что интеллектуальная активность по А. Бергсону – это активность по постановке проблем, в то время как инстинктивная активность – это активность по нахождению решений. Сам Ж. Делез полагал, что интеллекту присущи два качества, предопределяющие характерную для него «двусмысленность». С одной стороны, интеллектуальная активность является средством познания материи, и в этом смысле воспроизводит (отливает) себя по ее форме. С другой – она расположена в той «точке напряжения» материи, которая репрезентирует себя посредством «души», что позволяет интеллекту *овладевать* материей и ее свойствами. В результате, интеллект имеет форму материи, обнаруживает себя в материи и господствует над ней благодаря способности постигать смысл и логику взаимодействия элементов материи между собой. Природа интеллектуальной активности предполагает возможность различать в ней форму и смысл. Проникнуть в содержание смысла помогает умственная интуиция.²

¹ Бергсон А. Творческая эволюция. – М.: ТЕПРА, 2001. – С. 154, 158.

² Делез Ж. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. – М.: ПЕРСЭ, 2000. – С. 101.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Как отмечалось выше, понятие интеллектуальной активности может быть соотнесено как с отдельным индивидом (личностью), так и с социальной системой, что в определенной степени позволяет говорить о психике, воле, сознании, памяти и духе не только отдельной личности, но и народа в целом. В любом случае интеллектуальная активность проявляется в способности ее субъектов совершать необходимые выборы. При этом оптимальность выбора в значительной степени зависит от количества информации, заложенной в его основу. Важными являются также правила логического вывода, ценностные установки и т. п. Общества, допускающие в свое символическое пространство максимальный объем информации, находятся обычно в лучшем положении по сравнению с обществами, ограничивающими информационный обмен. Поскольку, строго говоря, информация не может быть «хорошей» или «плохой», постольку ее условную маркировку осуществляет этический вектор. Однако сужение информационного поля интеллектуальной активности автоматически ведет к сужению пространства символической реальности, а потому и к деградации принимаемых в ней решений. Все это негативно сказывается на качестве индивидуальной и социальной жизни.

По мнению К. А. Гельвеция, интеллектуальная активность представляет собой умственную деятельность человека в момент, когда он получает или воспроизводит в своей памяти впечатления от внешних предметов, а также от изменений в органах своего тела. Д. Дьюи существенно улучшил данное определение, подчеркнув, что всякое интеллектуальное действие означает также расширение свободы индивида, ослабление фактора случайности и фатализма в его жизни. По мнению Д. Дьюи, мыслительное усилие – это предположение о способе реакции, отличной от той, которая должна была бы последовать, если бы интеллектуальное наблюдение

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

не могло воздействовать на наши выводы о будущем.¹ Говоря иными словами, интеллектуальная активность не совпадает с ходом внешних по отношению к сознанию событий. Эксплуатируя внутренние свойства предметов и логику их взаимодействия между собой, интеллектуальная активность синтезирует новые, ранее не существовавшие символические объекты и отношения между ними. В результате, под воздействием интеллектуальной активности возникает «гиперреальность, продукт лучеобразно расходящихся синтезов комбинаторных моделей в гиперпространстве, лишенном атмосферы».²

Однако в большинстве случаев интеллектуальная активность не только выходит за рамки природных (физических) констант и ограничений, но и обогащает жизнь бесчисленными артефактами. Особенно важным при этом является то, что интеллект может эффективно оперировать с «нечетко очерченными понятиями» (Н. Винер). Хотя современные компьютеры способны к самопрограммированию, лишь человеческий разум адекватно воспринимает стихи, романы и живописные произведения. Тем самым интеллектуальная активность увеличивает органическое многообразие, вариативность природы, используя в самых неожиданных целях ее свойства. В сущности, интеллектуальная активность помогает природе раскрыть себя намного глубже, чем это могут обеспечить спорадические взаимодействия ее исключительно материальных свойств.

По мнению Д. Истона, важный аспект интеллектуальной активности человека проявляется еще и в том, что она поддерживает или, наоборот, не поддерживает отдельные из органических интенций (тенденций) природы. Подобного рода

¹ Дьюи Д. Реконструкция в философии. – М.: Логос, 2001. – С. 120.

² Baudrillard J. The Precession of Simulacra // A Postmodern Reader. – USA: State University of New York Press, 1993. – P. 343.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

поддержка, равно как и отказ от нее, могут быть названы внутренней формой поведения или *ориентацией*, обретающей свою окончательную конфигурацию в виде психологических установок, человеческой готовности действовать от имени кого-либо или чего-либо.¹ В свое время Р. Барт пытался продемонстрировать процесс интеллектуальной активности на примере чтения. Быть интеллектуально активным – означает для него выявлять и именовать смыслы. Получившие имена смыслы тут же устремляются к новым именам, тем самым как бы вступая с ними в переключку. Вновь образованные группировки смыслов требуют для себя нового именования и т. д.² Данная модель частично напоминает концепцию интеллектуальной активности Т. Парсонса, в которой последняя выступает в качестве разновидности человеческой деятельности по использованию когнитивных ценностных эталонов. Интеллектуальная активность в этом случае представляет собой научное исследование, поиск знаний.

В философии Ж.-П. Сартра человеческая реальность представляет собой совокупность трех способов деятельности индивида: обладания, действия и бытия. Понятие действия, в свою очередь, предполагает пакет соподчиненных понятий, одним из которых выступает интеллектуальная активность. Быть интеллектуально активным – означает изменять облик мира с помощью комплекса интеллектуальных (организационных, инструментальных) соединений и связей, благодаря которым можно вносить изменения в причинно-следственные звенья и их ряды. Действовать интеллектуально – значит стремиться проникнуть в суть вещей и явлений, понимать глубинные смыслы, закономерности их бытия. Таким образом, интеллектуальная активность, по мнению Ж.-П. Сартра, может не

¹ Easton D. A System Analysis of Political Life. – Chicago: University of Chicago Press, 1965. – P. 160.

² Барт Р. S/Z. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 38.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

только комбинировать известные человеку предметы и явления, но и синтезировать при этом новые сущности.

Хотя интеллектуальная активность часто служит достижению заранее поставленных целей, в случае творчества она может выйти за пределы любого планируемого действия. Поэтому плоды интеллектуальных усилий, строго говоря, предсказать невозможно. Именно в этом смысле, как писал Н. Луман, «общество, рассматриваемое в потоке времени, не способно предвосхищать или планировать свое будущее».¹ Но именно в силу данного обстоятельства между интеллектуальной активностью и правом складываются особые отношения. Ведь правовое регулирование человеческого поведения осуществляется в большинстве случаев по готовому шаблону. Чаще всего правом устанавливаются запреты или обязанности, которые индивид обязан соблюдать или выполнять. Очевидно, что слишком большое количество запретов и обязанностей сдерживает интеллектуальную активность. Еще более трудная ситуация возникает тогда, когда право устанавливает позитивные модели для наследования. В этом случае сфера интеллектуальной свободы и творчества еще больше сужается, пусть даже в силу своей природы человеческий разум мало считается с запретами.

Долгое время в гуманитарной науке превалировал взгляд, согласно которому последовательность действия, речи и мысли сформировала всю надстройку социальных интересов. По мнению Х. Арендт, именно эти представления были в свое время некритически усвоены К. Марксом. Современные ученые склоняются к мысли о том, что действия выступают последствиями человеческих эмоций, руководимых идеями предшествующих и нынешних поколений. Таким образом, интерпретация социальных феноменов должна основываться на последовательности: эмоции управляются идеями,

¹ Луман Н. Общество как социальная система. – М.: Логос, 2004. – С. 135.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

выработанными носителями эмоций и их предшественниками.¹ Поскольку идеи представляют собой более консервативный по сравнению с эмоциями элемент интеллектуальной активности, постольку они лучше сочетаются с правом. Тем более что и право выступает в качестве совокупности определенных идей. Что касается эмоций, то в структуре интеллектуальной активности они действуют как индикаторы актуальности/неактуальности тех или иных умственных усилий. Можно предположить, что эмоции служат показателем моды на идеи определенного класса.

Гениальность, талант и способности люди первоначально распознают на эмоциональном уровне. В последующем критерии отбора могут варьировать, но эмоциональное одобрение/неодобрение решает судьбу огромного количества символических объектов. По мнению Д. Вико, до появления Гомера поэты-теологи плохо понимали природу сознания, которое, как им казалось, противится чувству из-за органической склонности интеллекта к рефлексии.² В последующем от этого взгляда пришлось отказаться.

Сегодня интеллектуальные способности считаются производными от качеств независимости, смелости и жизненности человеческой личности (Э. Фромм). При этом Х. Арндт отмечает удивительную способность интеллекта доставлять общество самому себе, а Д. Дойч связывает интеллектуальную активность с принципиальной возможностью создания квантовомеханической (многомерной) картины мира. Иногда интеллектуальную активность называют также капиталом любой производственной системы, ориентированной на эвристические способности человека.

Первые попытки определить природу и функции

¹Spencer H. The Man Versus the State. – USA: Indianapolis, 1981. – P. 100.

²Вико Д. Основания новой науки об общей природе наций. – Москва-Киев: REFL-book, 1994. – С. 300.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

интеллектуальной активности предпринимались уже древнегреческими философами. В оккультно-религиозном учении орфиков тело считалось необходимым атрибутом души до того момента, пока она «не расплатится сполна». Пифагорейцы обнаруживали интеллектуальное начало в абстрактном мире чисел, виртуальном пространстве количественных отношений и пропорций. У Сократа и Платона интеллектуальная активность выступает как невидимая эманация мировой души, проявление кругооборота вечных идей. Что же касается Аристотеля, то он рассматривал интеллект в качестве особой духовной сущности, для которой эмоции и память являются лишь внешними и дополнительными атрибутами. Интеллект у него представляет собой нечто гораздо более тонкое и возвышенное, чем только результат взаимодействия души и тела. В свою очередь, у Плотина, которого В. Налимов называл вторым (после Аристотеля) психологом античности, интеллект проявляет себя как «разумная душа», «размышляющая душа» и «неразмышляющая душа» в одно и то же время.¹

Гегель считал интеллектуальную активность эманацией мирового духа, а Д. Локк рассматривал ее в качестве продукта исторического развития человеческого сознания, благодаря которому индивид овладел искусством размышлять о действиях в отношении воспринятых им из окружающего мира идей. По мнению Д. Локка, интеллектуальная активность является главным продуктом человеческой способности к рефлексии. В его концепции интеллект – это вместилище знаний, которые возникают на основе впечатлений, произведенных на сознание индивида внешними природными объектами. Впечатления от объектов «вне души» соединяются у него с внутренней духовной активностью человека. Таким образом, диалог внешних впечатлений и внутренних духовных процессов служит, по мнению Д. Локка, основным источником знаний.

¹Налимов В. Спонтанность сознания. – М.: Прометей, 1989. – С. 47.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

В философской системе И. Канта «сама природа разума побуждает его выйти за пределы своего эмпирического применения, в своем чистом применении отважиться дойти до самых крайних пределов всякого познания посредством одних лишь идей и обрести покой, лишь замкнув круг в некотором самостоятельно существующем систематическом целом».¹ В его философской системе интеллектуальная активность развивается в виде последовательных витков постоянно нарастающей абстракции. В свою очередь, в психоанализе З. Фрейда возможности интеллекта формируются на основе критических установок личности, ее способности и готовности находить окружающую действительность неудовлетворительной. Из противопоставления индивида и окружающей его природной среды возникает мир фантазий, в пространстве которого интеллекту поручается «сглаживание» недостатков внешнего материального мира.²

В теории «ноосферы» В. Вернадского интеллектуальная активность выступает продуктом широкого эволюционного процесса, в рамках которого происходит скачкообразный рост и усовершенствование центральной нервной системы человека. Причем вектор развития человеческого интеллекта направлен у него исключительно вперед.³ Действие «научной мысли социального человечества» описывается В. Вернадским как глобальный процесс интеллектуализации мира. По мнению ученого, во втором тысячелетии н. э. биосфера совершила стратегический переход в состояние ноосферы. Именно в этот период имел место «интенсивный рост влияния одного видового живого вещества – цивилизованного человечества – на изменение биосферы».⁴

¹ Кант И. Сочинения. В 6 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1964. – С. 656.

² Фрейд З. О психоанализе. Пять лекций. – М.: 1912. – С. 60.

³ Вернадский В. Научная мысль как планетное явление. – М.: Наука, 1991. – С. 239.

⁴ Вернадский В. Философские мысли натуралиста. – М.: Наука, 1988. – С. 27.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В теоретической концепции Н. Амосова интеллектуальная активность возникает из двух источников: алгоритма разума и биологических потребностей человека. Алгоритм разума «выдвигает гипотезы, выражает их словами и тренирует». После этого они становятся источниками активности, которые взаимодействуют с центром биологических потребностей человека. Так, по его мнению, возникли основные гипотезы о Боге и материализм, а также все этические идеи о справедливости, распределении собственности и власти.¹

Как известно, П.-А. Гольбах считал интеллектуальную активность продуктом человеческого досуга, а Л. Фейербах приписывал ей производный от соблазна познания характер. Стремление к познанию, побуждающее любознательных людей пренебрегать возможными наслаждениями и даже «правом на личное счастье», казалось ему проявлением фундаментального вызова природы. «Что другое может оно означать, – писал он, – как не то, что это не человеческое влечение, что это влечение *самой истины*, что это ее интерес быть познанной человеком?». ² Органический вызов человеческой личности усматривал в интеллектуальной активности и Н. Винер, которому природа индивида казалась изначально запрограммированной на умственные усилия. По счастью, писал он, уровень физического развития человека оказался изначально соответствующим органическим потребностям его мыслительной функции. Наоборот, недостаточные физические размеры («узкий камзол») насекомого обусловили ничтожность его интеллектуальных перспектив.³

В свою очередь, А. Токвиль считал интеллектуальную активность причиной и средством установления человеческого

¹ Амосов Н. Реальности, идеалы и модели // Литературная газета, 5 октября, 1988. – С. 13.

² Фейербах Л. История философии. В 3-х т. Т. 2. – М.: Мысль, 1974. – С. 83.

³ Винер Н. Кибернетика и общество. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. – С. 67.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

неравенства, а Л. Шестов называл ее главным рычагом, позволившим индивиду утвердиться в мире хронической неопределенности. При этом оба мыслителя соглашались с тем, что интеллектуальная активность позволила человеческим существам утвердить себя в уникальной по отношению к природе роли. Как в свое время говорил Спиноза, каждый человек деятелен в меру своих познавательных способностей.

По мнению А. Бергсона, первичное назначение интеллектуальной активности заключалось в том, чтобы «инкорпорировать» телесного человека в окружающую его предметно-материальную среду. Вначале интеллект «мыслил материю», создавая абстрактную картину отношений между устойчивыми и внешне не связанными между собой предметами. Именно этим, по его мнению, объясняется быстрый успех геометрии как «формальной логики твердых тел». Однако способность интеллекта к логическим умозаключениям охватывает только часть его потенциальных возможностей. Гораздо более важным оказалось то, что интеллектуальная активность обладает способностью *добавлять* новое и непредсказуемое знание к тому, что было уже известно ранее. Данную способность интеллекта А. Бергсон считал основной, фундаментальной. Хотя интеллектуальную активность можно в формальном смысле планировать, ее результаты в большинстве случаев являются непредсказуемыми. Никто не может заранее знать, какие выводы воспоследуют из нового знания.

Таким образом, если элементарные способности интеллекта направлены на превращение физической материи в орудие человеческого действия, то интеллект в целом – это жизнь, ставшая «внешней» по отношению к самой себе, усвоившая и перенявшая приемы и методы неорганизованной материи для того, чтобы управлять ею. Согласно теории А. Бергсона, интеллектуальная активность буквально «освещает» зону

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

возможностей, окружающих любое человеческое действие, она фактически «измеряет расстояние между тем, что совершается, и тем, что могло бы совершиться».¹ Главной функцией интеллектуальной активности А. Бергсон считал поиск выхода из затруднений при любых обстоятельствах. Поскольку же интеллект работает не непосредственно с предметами, а с их знаково-символическими заместителями, перед ним открываются безграничные возможности. Форма интеллектуальной активности «пуста», но именно благодаря этому она может быть заполнена объектами, которые «ничему не служат». Формальной задачей интеллекта является установление отношений. Справившись с ней, он переходит к возможностям творчества, синтезу или «фабрикации». Фабриковать в терминах А. Бергсона – означает «придавать материи форму, смягчать, покорять, превращать ее в орудие с тем, чтобы стать над ней господином».² Необходимо подчеркнуть, что при этом человеческий разум априори убежден в том, что изменять материю можно всюду и как угодно.

Действуя в пространстве символической реальности, интеллект оперирует знаками и символами по законам логики. Однако в физическом мире его объекты взаимодействуют между собой по законам физики. Отсюда в свое время возник соблазн думать, что ясным физическим законам предметно-материального мира соответствуют не менее прозрачные формально-логические законы. Впоследствии, однако, философы и ученые вынуждены были согласиться с тем, что в символической реальности действие физических законов остается всегда условным. Как это пытался показать Гегель, а после него и другие, корректность символического определения «истины» и «заблуждения», равно как и «добра» и «зла», полностью зависит от субъективно ориентированной точки зрения

¹ Бергсон А. Творческая эволюция. – М.: ТЕПРА, 2001. – С. 187.

² Бергсон А. Творческая эволюция. – М.: ТЕПРА, 2001. – С. 190.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

на проблему. Но если это принять, то даже такие «истинные» воплощения зла, как гонка ядерных вооружений, СПИД или международный терроризм становятся умопостигаемыми, сравнительно *простыми*. В результате, современному интеллекту во все большей степени приходится не столько открывать истину, сколько «выпячивать двусмысленности и освещать их». ¹ В некотором смысле именно таким образом можно понимать моральный долг интеллигенции предупреждать мир об угрозе. ²

Как известно, «выбор молчания» интеллектуально одаренными людьми У. Эко считал трагическим решением. К тому же слишком многие крупные таланты пострадали, будучи связаны узами ложной солидарности. Все это лишний раз говорит о том, что преданность коллективным мифам является плохим конкурентом истине. С другой стороны, массовые иллюзии в ряде случаев производят великие исторические события и даже делают мир движущимся. ³ Еще в прошлом веке европейские народы восхищались лидерами, которые хотя и обрекли их на величайшие страдания, но при этом сумели внушить чувство причастности к великим делам.

В свое время Д. Рисмен настаивал на привнесении в политическую жизнь элементов фантазии, ибо в противном случае люди могут просто потерять стимулы к продолжению жизни. Избыточно рациональное общество серьезно рискует ослабить пружину собственной динамики. Таким образом, функция интеллектуальной активности не сводится лишь к тому,

¹ Эко У. Пять эссе на темы этики. – СПб.: Симпозиум, 2000. – С. 28.

² Как пишет Л. Колаковский, «незначительность <...> партикулярных давлений на мышление ведет к тому, что интеллигенция в наивысшей степени способна к пересмотру существующих точек зрения, к сопоставлению разных возможностей и к отказу от общераспространенных верований» (Колаковский Л. Похвала непоследовательности. – Firenze: Edizioni Aurora, 1974. – С. 245).

³ Mosca G. The Ruling Class. – USA: Greenwood Press, 1980. – P. 176.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

чтобы сделать жизнь спокойной и правильной. Обществу весьма необходимы «непрактичные люди», умеющие заглянуть за горизонт обыденности.¹ Как писал по этому поводу В. Эбенстайн, игнорирование сложных психофизических ориентаций личности приводит лишь к умножению могил исторических «реалистов» наподобие Вильгельма II, Гитлера или Муссолини.²

Повышение ценности человеческого интеллекта стало заметным уже в условиях второй промышленной революции, хотя не во всех странах данная закономерность сумела проявиться в своей полной форме. В истории России случались периоды, когда интеллектуалы шли нога в ногу с властью (Петр I, дворянская интеллигенция, Екатерина II, Александр I), однако в историческом целом не интеллектуалы определяли пути российского прогресса. В первой половине XX века этому мешали сталинские «чистки», во второй – хрущевские и брежневские «недооценки».³ В Украине последствия политического обскурантизма отчетливо проявляют себя и поныне. Именно в период государственной независимости в Украине практически исчезли провинциальные книжные магазины. Весьма примечательно, что крушение коммунистической утопии и неизбежное в такой ситуации осознание героями М. Кундеры реальной «обнаженности мира», приводит их постепенно в места, где «разуму просто нечего сказать».⁴

Современное человечество испытывает потребность в символах, основанных на реалистическом понимании человеческих институтов, а также целей, которым они призваны

¹ Уайльд О. Избранные произведения. В 2 т. Т. 2. – М.: Республика, 1993. – С. 303.

² Эбенстайн В. Государь, государство и общество // Знание – сила, № 9, 1990. – С. 70.

³ Эйдельман Н. Оптимизм исторического знания // Огонек, № 44, 1988. – С. 28-29.

⁴ Мілош Ч. Поневолений розум. – Нью-Йорк: Сучасність, 1985. – С. 145.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

служить.¹ Но именно поэтому нашу интеллектуальную активность характеризует отчетливо выраженная этическая амбивалентность. С одной стороны, мы понимаем, что истинные лидеры обладают способностью «делать будущее правдой», и только лишенные воображения политики, как говорил Н. Лосский, живут по указке прошлого.² С другой стороны – горе обществу, в котором абстракция является единственным источником и руководителем его жизни. Дай «умникам» волю, писал М. Бакунин, и они тотчас же начнут ставить над человечеством опыты, как над кошками и собаками.³ По мнению Г. Гессе, без силы творческого воображения В. Ленина большевистская революция немедленно бы омещанилась.⁴ Но когда умер В. Ленин, и революция действительно начала омещаниваться, из жизни ушел В. Маяковский.

В свое время З. Фрейд писал об опасности игнорирования людьми биологических инстинктов их собственной природы. Однако не менее рискованным является и человеческий «фанатизм совершенства». Рациональная политическая идея всегда творит мир по своему образу и подобию. И это происходит потому, что интеллект при любых обстоятельствах стремится воспринимать себя в качестве универсальной *causa prima*. Неслучайно Аристотель называл «деятелями» всех тех, кто по роду своих занятий обязан был вовлекаться в размышления.⁵ Хотя политику Аристотель называл «общением», обнимающим все другие общения, еще выше он ставил чистую интеллектуальную активность. Сама мысль о том, что философское созерцание может кому-то показаться формой бездеятельности, казалась ему абсурдной.

¹Тулмин С. Человеческое понимание. – М.: Прогресс, 1984. – С. 231.

²Лосский Н. Избранное. – М.: Правда, 1991. – С. 453.

³Бакунин М. Философия, социология, политика. – М.: Правда, 1989. – С. 435.

⁴Гессе Г. Письма по кругу. – М.: Прогресс, 1987. – С. 216.

⁵Аристотель. Политика. – М.: 1893. – С. 154.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Поскольку мышление рефлексивно, интеллектуальная активность очень часто осуществляется в форме диалога. У Х.-Г. Гадамера смысл интеллектуальной активности вообще состоит в том, что в действительности всякий вопрос сам по себе вновь является ответом, мотивирующим следующий вопрос.¹ Даже если в намерения разума входит стремление познать предмет исчерпывающим образом, человек редко осмеливается поведать сразу обо всем. Обычно он знает больше того, о чем намеревается сказать. Обладая способностью пробуждать «больную совесть», интеллект может вступать в противоборство с охранительными силами.² Как говорил М. Хайдеггер, в эпоху наступательных мировоззрений отношения интеллекта с миром довольно часто заканчиваются судом над ним.

В науке интеллектуальная активность ведет к изменению научных парадигм, в политике – к принятию демократических решений, в искусстве – к обновлению художественных стилей и направлений. Что касается общих параметров данного процесса, то он напоминает разрушение старого здания еще до того, как новое здание будет построено. Д. Дьюи писал: «Говорят: Всевышний, Повелитель, Опыт, Опыт; но в действительности работает идея, *внедренная в опыт, практику, а не приобретенная из них*».³ При этом некоторые из стоящих перед человеком проблем решаются выводом о том, что они решения не имеют.⁴ Всем в нашем мире хочется воевать со всеми, говорил Э. Ионеско, поэтому история представляет собой длинную череду приговоров.

Каждое столетие или два, писал Д. Истон, какая-нибудь грандиозная идея проникает в наиболее отдаленные уголки

¹ Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного. – М.: Искусство, 1991. – С. 130.

² Сартр Ж.-П. Что такое литература? – СПб.: Алетея, 2000. – С. 67, 79.

³ Dewey J. The Essential Writings. – N. Y.: Harper Torch Books, 1977. – P. 75.

⁴ Эко У. Пять эссе на темы этики. – СПб.: Симпозиум: 2000. – С. 29.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

человеческой мысли, где она адаптируется к потребностям сразу нескольких поколений. Подобным образом идея И. Ньютона об управляемом физическими законами мире захватила в свое время воображение обществоведов, а теория эволюции Ч. Дарвина – повлияла на исследовательские программы в биологии.¹ Не менее хорошо известно глубокое воздействие квантовой механики на научную и философскую мысль XX века.

Как считал Г. Лебон, за внешними признаками многих исторических событий на самом деле скрываются изменения в ментальном состоянии наций. Наиболее крупные социальные события происходят, по его мнению, в результате невидимых трансформаций *умственной* свойства. Общеизвестно, что великие перемены случаются редко, но так происходит только лишь потому, что передаваемые из поколения в поколение рациональные установки являются устойчивыми.² По мнению же В. Розанова, человечество постоянно пребывает в состоянии «рациональных гипнозов и самогипнозов». В целом, интеллектуальное состояние общества определяется такими «тонкими структурами» (Ю. Каныгин), как СМИ, церковь, политические течения, студенчество, писатели и ученые. В частности, научные теории объясняют общество с точки зрения того, каким оно было и является в настоящее время, а политические – каким оно может или должно быть. С точки зрения социальной динамики, интеллектуальная активность воплощает в себе деструктивное и конструктивное начало одновременно; ее в большей степени характеризует множественность и тотальность усилий, чем их конкретная направленность.

Поскольку результаты интеллектуальной активности

¹Easton D. A Systems Analysis of Political Life. – Chicago: The University of Chicago Press, 1965. – P. 367.

²Лебон Г. Психология толпы // Проблемы Восточной Европы, № 27-28, 1989. – С. 262.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

человека предсказать невозможно, она нуждается в гарантиях свободного информационного обмена, защите от давления политики и социальных предрассудков. Не менее актуальной является также профилактика заражения народов массовыми мифами.¹ Хотя реальные причины проникновения идей в человеческое сознание коренятся в самой его природе, выбрав один путь, разум часто отвергает другие: «на практике разум равнозначен запрету, и даже в первичном запрете есть нечто подобное разуму».²

Таким образом, продуктом интеллектуальной активности может быть как расширение, так и сужение пространства символической реальности. Разум способен поддержать в человеке надежду, но он же провоцирует его на фанатизм. Интеллектуально активными были античные герои, средневековые еретики и русские староверы. Как известно, современным «борцом за веру» можно стать в информационном средоточии мира, например, в США. Поэтому для выживания культуры требуется нечто большее, чем только свободный рынок идей. Говоря иными словами, необходимы специальные правовые гарантии интеллектуальной свободы. Данную проблему еще более остро ставит Р. Ленем. По его мнению, для полноценного развития человеческого интеллекта «необходим определенный тип опыта в определенном возрасте <...> Если на протяжении определенных критических периодов мозг не получит необходимого ему опыта, жизненно важные нейронные пути не будут сформированы. Окно закрывается навсегда».³

Именно поэтому академическая свобода в университетах должна сочетаться с более широкой, массовой информационной свободой. Ибо только в интеллектуально пестром и

¹ Сахаров А. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе // Новое время, № 3, 1990. – С. 40.

² Батай Ж. Литература и зло. – М.: МГУ, 1994. – С. 24.

³ Ленем Р. Электронне слово: демократія, технологія, мистецтво. – Київ: Ніка-Центр, 2005. – С. 292.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

разнообразном обществе возникает необходимая для устойчивого воспроизводства культуры атмосфера. Кроме того, эффективно конкурировать с влиянием «вредных» и «опасных» книг, газет, журналов и сайтов в Интернете может лишь неограниченное разнообразие интеллектуальной продукции. Как писал по этому поводу Ж. Бодрийар, стратегия изгнания желанная посредством его преувеличенных демонстраций является более эффективной, чем стратегия доброго старого подавления путем запрета.¹ Если мы действительно верим в позитивную природу человека, мы должны постоянно обновлять правовые гарантии его свободного развития.

Применение ограничительных мер в отношении интеллектуальной активности всегда производило лишь негативный эффект. Уже само намерение управлять разумом противоречит органическим свойствам интеллекта, имеющего своим коррелятом *идею истины*. Говоря иными словами, человеческий разум представляет собой концентрированное выражение сознания, ориентирующегося на поиск правды. Поэтому любое сдерживание сознания в осуществлении данной функции приводит лишь к тому, что «разум, исходя из собственной рассудочности, так сказать, чтобы иметь смысл, калечит себя».² По мнению С. Вейль, неограниченная и безоговорочная свобода высказывания любых мыслей и идей является абсолютной потребностью личности. Данная потребность является также потребностью человеческой души. Поэтому когда разум испытывает притеснения, душа заболевает...

Любая интеллектуальная активность подчинена действию определенных органических норм. Как писал Г. Шпет, идеи и даже сама психология их восприятия подчинены воздействию определенных законов. В частности, наука развивается

¹ Бодрийар Ж. Прозрачность зла. – М.: Добросвет, 2000. – С. 36.

² Адорно Т. Проблемы философии морали. – М.: Республика, 2000. – С. 69-70.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

независимо от того, полезно или бесполезно ее существование государству, поддерживает оно ее или нет. Когда в проблемную ситуацию вовлекается разум, развитие событий определяется его переходом от одного набора фактов к другому. В известном смысле, речь идет о «возвратно-поступательном» движении от фактов к человеческому сознанию и обратно. Весь процесс напоминает завязывание шнурков в ботинке, стороны которого изготовлены из разного материала. Материя в данной ситуации сопротивляется шнуровке, узлы играют роль детерминированных связей, а будущее остается открытым для изменений.¹

По мнению Д. Дойча, одной из стандартных, органических норм интеллектуальной активности является присутствие в ней «мима» и «репликатора». Мим – это идея, копирующая в символической форме какой-либо объект – репликатор. При этом главная особенность репликатора заключается в том, что он побуждает (искушает) интеллект к символическому копированию. И хотя полная гамма отношений между мимом и репликатором не сводится к отношениям копирования, применение данной схемы можно считать полезным упрощением. Как известно, В. фон Гумбольдт называл идею формой, которая растворяется в материи эмоций. При этом символическое знание в целом он считал результатом абстрагирования от еще более сложно организованной реальности. Его подход частично предвосхитил отношение к знанию у А. Этциони, который называл его символической «дорожной картой». Карта знаний, как и географическая карта, подчеркивает одни детали, игнорируя другие. Главное же здесь заключается в том, чтобы картографические знаки были понятны для путешественников.

Органической нормой интеллектуальной активности можно считать также описанную Ж.-Ф. Лиотаром закономерность, согласно которой слишком быстрое ускорение или

¹ Сорос Д. Криза глобального капіталізму. – Київ: Основи, 1999. – С. 85.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

замедление интеллектуального действия свидетельствует об отсутствии компетенции. Говоря иными словами, гармоничная интеллектуальная активность укладывается в определенный ритм.¹ Отчасти поэтому новое знание никогда не проявляется сразу в своей полной форме. Обычно оно возникает в результате последовательности стадий: осознания задачи, выработки экспериментальных теорий, их критики (исключения ошибок), перехода к новой проблемной ситуации. При этом каждый из данных этапов может обслуживать особый способ (язык) репрезентации той или иной научной позиции. Смена научной парадигмы влечет за собой изменение самого научного языка. Всякая новая интеллектуальная позиция должна быть «увидена, услышана, упомянута и затем видоизменена, <...> овеществлена»,² чтобы стать реальной.

В качестве объекта правового регулирования интеллектуальная активность описывается при помощи категорий и понятий свободы совести, мысли, мнений, слова, информации, самовыражения, прессы, творчества, а также академической свободы в целом. Нередко правовое регулирование интеллектуальной активности осуществляется применительно к отдельным фазам, стадиям, способам и формам материализации эвристического потенциала. Применяемые при этом юридические средства могут быть весьма разнообразными, ибо в разных странах существуют разные представления о допустимости тех или иных форм вербального, визуального или иного самовыражения. Хотя правовые ограничения мало или вообще никак не влияют на семантические возможности языка, законодателю иногда кажется, что, устанавливая запреты на слова, он улучшает социальную действительность.

В целом, из выяснения роли и функций символической

¹ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – М.-СПб.: Алетея, 1998. – С. 110.

² Арндт Х. Vita Activa или о деятельной жизни. – СПб.: Алетея, 2000. – С.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

реальности с необходимостью следует, что пребывающее в естественном состоянии право должно стимулировать интеллектуальную активность человека. Даже если общество хотело бы исключить определенный класс символических объектов из своей жизни, это еще не означает, что человеческий интерес к данным объектам будет ограничен. Как известно, главным предметом медицины были и остаются болезни, а классической темой драматургии – человеческое предательство и измена. В символическом пространстве существует также «черный рынок мышления»,¹ о котором мы пока знаем меньше того, что нам хотелось бы знать. По мнению С. Лангер, интеллектуальная активность вообще обладает некоторыми важными характеристиками, которые мы не в состоянии выразить и понять. В этой области нам известно много «физики», но очень мало всего остального.

В свое время Л. Фейербах так писал о природе интеллектуальной активности: «Разве наш дух, или самость, или как можно его еще назвать есть какое-то ничто, находящееся вне мира и движущееся в ничто? Разве сотканное нашим мозгом не имеет внутренней связи с великой тканью Вселенной? Разве именно в глубине нашей субъективности мы не свободны от границ субъективности? И не является ли дух самой сокровенной глубиной Вселенной? Не находимся ли мы в каждом акте жизнедеятельности в один и тот же момент в себе самих и вместе с тем вне нас? Разве во внешнем мире мы не в себе самих, а в нашем внутреннем мире – в то же время не в реальном мире?».²

По мнению Ж. Лакана, «то, что говорит в человеке», выходит далеко за пределы пространства его речи. Оно пронизывает его сны, бытие и организм в целом. Любая идея существует вместе

¹Как писал Ж. Бодрийяр, «последним в списке, но не по значению, следует назвать черный рынок мышления» (Baudrillard J. Impossible Exchange. – London: Verso, 2001. – P. 104).

²Фейербах Л. История философии. В 3-х т. Т. 2. – М.: Мысль, 1967. – С. 31.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

с другими идеями и может существовать лишь в определенном мыслительном контексте. Разумеется, интеллектуальная активность познает окружающий мир таким образом, чтобы люди могли его использовать. И разум применяет для этого множество стратегий. Одни из них могут быть использованы сознательно, другие – управляют самой нашей логичностью. В сущности, именно для обозначения нетрадиционных способов освоения символической реальности люди придумали такие понятия, как «откровение», «подвиг», «гениальность», «интуиция» и «герой». Известно, что формальная логика не в состоянии ответить на вопрос, почему из поколения в поколение люди продолжают читать одних и тех же авторов. Невозможно также объяснить логически, почему полотна П. Пикассо и Балтуса покупаются за миллионы долларов, в то время как живопись других, стилистически весьма близких к ним художников не в состоянии покрыть стоимости холста и красок. Принцип *одобрения* действительно лежит в основе нашей культуры, однако логическое содержание глагола «нравиться» по-прежнему остается достаточно неопределенным.

Практически любая интеллектуальная активность осуществляется в рамках «двоичной системы» человеческих предпочтений (за и против), которая справляется с проблемными ситуациями не хуже, чем двоичная система исчисления – с информацией. Механизм спонтанного *одобрения/неодобрения* работает практически на всех символических рынках, включая рынок идей. Что же касается общей динамики интеллектуальной активности, то она предполагает постепенное усложнение мыслительных операций, что уже превратило науку в занятие для узкого круга людей.¹ С другой стороны, большинство на символических рынках образуют потребители, а не производители интеллектуальной продукции. Кроме того, наука во все большей степени концентрируется в определенных мировых

¹ Дзюба І. Спрага. – Київ: Український світ, 2001. – С. 102.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

регионах, что влияет на географию интеллектуальной активности в целом. Как писал Б. Гейтс, «чтобы привлечь и удержать на работе умных людей, необходимо обеспечить им возможность общаться с другими умными людьми».¹

В прежние времена ученые тратили больше времени на сбор информации, чем на ее анализ, однако сегодня они прилагают свои способности, главным образом, к решению проблем. При этом по-прежнему сохраняет свою актуальность вопрос о популяризации достигнутых наукой результатов. По признанию Д. Дьюи, в этой области всегда присутствовало немало лицемерия.² Поскольку правительства обычно опасаются жестких выводов и суждений ученых, нестесненная умственная активность далеко не всюду стала «привычкой, движущейся по заданной колее». Авторитарные режимы смущает также и то, что ученые требуют неограниченного доступа к источникам информации и общения с коллегами независимо от границ. Интеллектуалы всюду настаивают на соблюдении формулы: уникальные знания сегодня – универсальная ценность завтра. Они требуют академической свободы, не слишком считаясь с правилами, как таковыми. Общественное же мнение инстинктивно сопротивляется их новому взгляду на вещи.

Как говорил К. Поппер, интеллектуальная активность ученых может носить революционный либо эволюционный характер. В последнем случае речь идет о «нормальной науке» как о деятельности в рамках господствующих парадигм. «Нормальные» ученые одобряют новую теорию только тогда, когда она становится по-настоящему модной. В то же время, противостояние моде может потребовать от ученого не меньше мужества, чем вклад в создание новой парадигмы.³ Сильный

¹ Гейтс Б. Бизнес со скоростью мысли. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – С. 264.

² Дьюи Д. Общество и его проблемы. – М.: Идея-Пресс, 2002. – С. 121.

³ Поппер К. Нормальная наука и опасности, связанные с ней // Кун Т. Структура научных революций. – М.: Изд-во АСТ, 2001. – С. 529.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

интеллект может быть также «чудовищно непостоянным» (П. Валери), порождая вокруг себя массу иллюзий.¹ Очень часто интеллектуальная работа совершается рывками и толчками, поэтому мирный процесс накопления знаний чередуется с периодами революционных ускорений. В исключительных случаях рост человеческого интеллекта больше всего напоминает «фантазмагорию и кошмар».²

Принято считать, что мотивы интеллектуальной активности, равно как и рейтинг ценностей, применяющихся в научных рассуждениях, ученым обеспечивают эмоции.³ Впрочем, дух живой любознательности и ранее преодолел «узколобую экономику», в которой образование считалось расточительством, а научные исследования – ненужным волшебством. В 1962 году Ф. Макслуп ввел в научный оборот понятие *работника умственного труда* (knowledge worker), отличающегося от других своими «непотребительскими» запросами: ориентацией на информацию и знания; равнодушием к вещам; готовностью к перемене мест и стремлением к самовыражению, а не накоплению ресурсов.

В свою очередь, Б. Кроче называл «интеллектуалами» создателей творческих и художественных произведений, а также всех критически ориентированных людей, обладающих высокими духовными запросами. Подобную категорию лиц он называл элитой, которая «благодаря научной подготовке не боится смотреть в лицо правде». Вслед за Гегелем, он видел в интеллигенции особую социальную страту, *генеральный класс*, призванный не столько плыть по течению, сколько действовать в соответствии с императивами будущего.⁴ Подобное

¹ Валери П. Об искусстве. – М.: Искусство, 1993. – С. 334.

² Шпет Г. Сочинения. – М.: Правда, 1989. – С. 572.

³ Wallas G. Human Nature in Politics. – London: Constable and Company, 1910. – P. 188.

⁴ Кроче Б. Антология сочинений по философии. – СПб.: Пневма, 1999. – С. 274.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

отношение к интеллигенции напоминает позицию Х. Арендт, которая всегда приписывала интеллектуалам подлинный аристократизм. По ее мнению, способность к продуктивной интеллектуальной деятельности встречается настолько редко, что ее позволительно считать естественной привилегией. И хотя на первые места в обществе обычно выдвигаются практичные люди, непредвзятый экскурс в историю свидетельствует о том, что «чистая мысль» по своей эффективности превосходит экономическую активность человека.

В свое время Д. Шумпетер называл интеллектуалов людьми, которые обладают властью живого слова, однако не несут ответственности за практические дела. Их главное предназначение – деятельное участие в формировании общественного мнения.¹ Данная роль предполагает не прорицание истины, а следование принципу интеллектуальной честности – основополагающему моральному стандарту образованной интеллигенции. Предаваться же слепой «злобе суждения», как говорил Й. Хейзинга, позволительно лишь простолюдинам. По наблюдению О. Уайльда, нечестный ум пытается добиться желаемого плутовскими способами, однако хитрость помогает лишь однажды, а затем только вредит.

Принято считать, что интеллектуальная нечестность в политике непосредственно открывает путь насилию.² Квалифицированный эксперт не злоупотребляет апокалипсическими прогнозами, но всегда вовремя предупреждает об угрозе опасности. Способность к интеллектуально честным суждениям основана на безупречной работе интерпретационных механизмов человеческого разума. Мысль – это разновидность абстракции; в свою очередь, любое грубое (неточное,

¹ Schumpeter J. *Capitalism, Socialism and Democracy*. – London: George Allen, 1976. – P. 147, 149.

² Батай Ж. *Сад и обычный человек // Маркиз де Сад и XX век*. – М.: РИК, 1992. – С. 102.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

приблизительное) использование абстракций можно считать пороком человеческого интеллекта.¹

Свободная интеллектуальная активность обычно создает чувство опасности и тревоги у представителей государственных охранительных структур, чем и объясняется большинство битв за свободу слова. «Каким образом, – недоумевал в свое время Д. Писарев, – мог Вольтер гоняться за двумя зайцами и успешно ловить их обоих? Каким образом мог он в одно и то же время стоять во главе философской оппозиции и пользоваться милостивым расположением всех высших начальств? – Это замечательное явление, которое теперь сделалось уже навсегда невозможным, объясняется, по моему крайнему разумению, только тем обстоятельством, что сила человеческой мысли и возможные последствия умственного движения были в то время еще очень мало известны всем начальствующим лицам и корпорациям».²

Кроме того, как считают футурологи, в будущем нас может ожидать обострение конфликта между «легкой» интеллектуальной активностью и глубоким философским размышлением, формирующим человека как личность. Главная причина подобного противоречия заключается в том, что «человечество, прежде жившее инстинктами, должно будет жить сознанием».³ С XVII века количество выпускаемых в мире научных журналов быстро растет: каждые 15 лет их число удваивается. При этом увеличение количества научных публикаций уже в течение 300 лет практически не изменяет своего темпа. Число научных открытий в мире удваивается каждые 30, а число научных работников – каждые 10 лет. Таким образом, общественное сознание волей-неволей во все большей степени

¹Уайтхед А. Избранные работы по философии. – М.: Прогресс, 1990. – С. 74.

²Писарев Д. Исторические эскизы. – М.: Правда, 1989. – С. 517.

³Фурастье Ж. 40.000 часов // Впереди XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи. – М.: Academia, 2000. – С. 141, 154.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

перефокусируется на философские и духовные аспекты жизни.¹

Биологической эволюции известно правило: не убивать тех, кто несет одинаковую с тобой информацию. Однако человеческую историю характеризуют постоянные внутривидовые конфликты и войны. Когда видишь, какие бедствия роду человеческому принесли века усиленной работы мозга, писал Г. Грин, хочется буквально заглянуть в прошлое, чтобы спросить: где же мы сбились с пути?² С одной стороны, человечество сравнительно легко допускает применение силы,³ с другой, – количество мирных инициатив в мире растет. Как считал И. Кант, «сами бесконечные споры чисто догматического разума побуждают в конце концов искать спокойствия в какой-нибудь критике этого разума и в законодательстве, основывающемся на ней».⁴

В то же время, *веру в гений* Ф. Ницше называл одним из характерных признаков Нового времени. Стремление декретировать, а не доказывать было в равной степени присуще М. Лютеру и Т. Мюнцеру, английским диггерам и американским популистам XIX века.⁵ Претензия интеллекта на знание истины сохраняет силу и в наши дни.

2.1.1. Эмоциональный аспект интеллектуальной активности

Интеллектуальная активность репрезентирует себя не только в качестве широкого набора рациональных (логических) операций, но и как эмоционально окрашенная, «неравнодушная» активность. Поскольку эмоции непосредственно связаны с системами ценностей, они могут служить показателем

¹ Brzezinski Z. Out of Control. – N. Y.: 1993. – P. 81.

² Грин Г. Путешествие без карты. – М.: Прогресс, 1989. – С. 224.

³ Рассел Б. История западной философии. Т. 1. – М.: Миф, 1993. – С. 416.

⁴ Кант И. Сочинения. В 6 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1964. – С. 626.

⁵ Мэньюэль Ф., Мэньюэль Фр. Утопическое мышление в западном мире // Утопия и утопическое мышление. – М.: Прогресс, 1991. – С. 31.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

актуальности или неактуальности большинства наших умственных усилий. Мысль и чувство соединены генетически, ничто не может нас впечатлять «объективно». ¹ Любая идея имеет определенное отношение к ощущению боли или удовольствия, говорил Д. Сантаяна. ² Взывая к жизни, эмоции подрывают чрезмерно абстрактные построения рассудка. Без эмоциональной поддержки интеллектуальная активность утрачивает свой вектор, лишается жизненного оправдания, становится едва ли не бессмысленной. По мнению Р. Коллингвуда, «выражение любой данной мысли осуществляется через выражение эмоции, сопутствующей ей». ³ Впрочем, еще Дж. С. Милль называл законы общества законами человеческих страстей, а Д. Юм предписывал разуму рабское повиновение чувствам. ⁴

А. Уайтхед был одним из первых, кто попытался проанализировать человеческий опыт в чувственных понятиях радости, потребности, аппетита и тоски. На этой почве он даже вступил в конфликт с «научным материализмом» XIX и «ненаучным» – XVII века. ⁵ Однако в своих основных оценках и выводах А. Уайтхед был не одинок. Человеческая природа сравнительно легко преодолевает логику и в принципе не терпит механистической простоты. Внешне все выглядит так, будто человеческие действия опираются исключительно на соображения полезности. Однако в действительности настоящий успех сопутствует людям, одушевляемым сильными страстями. «О, богословская кукла! – некогда восклицал

¹ «Nihil in intellectu, quod non prius fuerit in sensu» (нет ничего в интеллекте, чего прежде не было бы в чувствах – лат.).

² Santayana G. The Sense of Beauty. – N. Y.: Dover Publications, 1955. – P. 65, 69.

³ Collingwood R. The Principles of Art. – USA: Oxford University Press, 1958. – P. 225.

⁴ См.: Dewey J. Freedom and Culture. – N. Y.: Prometheus Books, 1989. – P. 107.

⁵ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. – М.: Прогресс, 1986. – С. 144.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

К.-А. Гельвеций. – Не упорствуй в своем желании уничтожить страсти: они принципы жизни государства».¹ Когда одухотворенная мысль становится ценностью, а информация и знание переходят в веру, человек начинает по-настоящему жить.² Человека невозможно в чем-либо убедить до тех пор, пока в его разум не войдет «жизнь и волнение», писал Л. Фейербах.

Без эмоциональной оболочки большинство идей кажутся нам пустыми абстракциями. Чтобы стать по-настоящему эффективными, идеи должны обрести качество *живых абстракций*. У Т. Дезами страсти – суть истинные побудительные причины интеллектуальной активности, только с их помощью человеческие способности переходят в действие.³ Действительно актуальные идеи, говорил К.-А. Гельвеций, вначале спускаются с вершин философии на уровень поэзии, после чего их впитывает в себя фольклор. Данная закономерность говорит о том, что идеи должны быть «достаточно обычными, чтобы стать полезными». Что же касается чувств, то они обладают собственными источниками света и легко обходятся без «полицейского фонаря» разума.⁴

Как признавался И. Г. Фихте, «стоять холодным и мертвым и лишь смотреть на смену явлений, быть только зеркалом, послушно отражающим пролетающие мимо образы – такое существование невыносимо для меня, я его отвергаю и проклинаю».⁵ Стоит отметить, что и у Сен-Симона никакое крупное движение идей не может совершиться без действенного участия эмоций. Даже любовь выступает у него необходимой спутницей размышления.⁶

¹ Гельвеций К.-А. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. – М.: Мысль, 1974. – С. 37.

² Мороз В. Серед снігів. – Сідней: 1971. – С. 7.

³ Дезами Т. Кодекс общности. – М.: АН СССР, 1956. – С. 226.

⁴ Бердяев Н. Философия свободы. Смысл творчества. – М.: Правда, 1989. – С. 206.

⁵ Фихте И. Г. Назначение человека. – СПб.: 1913. – С. 71.

⁶ Сен-Симон А. Избранные сочинения. Т. 2. – М.-Л.: АН СССР, 1948. – С. 21.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

По мнению Д. Дьюи, всякое индивидуальное сознание строится в большей степени на эмоциях, чем на точных знаниях и интеллекте. В этом смысле индивидуальная память – это не коллекция сведений о фактах, а поток ассоциаций, намеков и порождений драматической фантазии. С точки зрения Д. Дьюи, рациональное познание представляет собой лишь один из аспектов общего жизненного процесса, в котором чувства играют важную роль универсального стимула.¹

Априорные идеи и абстрактные доктрины ослабляют индивидуальное чувство причастности ко всему, что вокруг происходит. Более того, явный избыток абстракций создает психологические установки, поддерживающие тоталитаризм.² Для тех, кто родился и вырос в тюрьме, по словам Е. Анчел, тюремные правила воплощают в себе жизненный ориентир. «Субъект», – писал, в свою очередь, П. Слотердаик, – который родился из сплошных помех и угроз самому себе, может вмешиваться повсюду только как создатель помех, «запретитель» и «пресекающий», только как создатель «объектов». Он появляется в жизненном пространстве из многих тысяч больших и малых ограничений, отрицаний, строгих определений, решительных отмежеваний, сдержек и выявлений враждебного, которые сливаются в нечто единое – его «идентичность». Неудивительно, что подобная культурная система не способна «воспринять ценнейшее наследие аристократической и буржуазной культур: полную радости политику творческой жизни».³

Чувство страха и влечение к деструкции являются типичными эмоциональными предпосылками фашизма. Эрос же присущ демократии.⁴ Принято считать, что тоталитаризм и

¹ Дьюи Д. Реконструкция в философии. – М.: Логос, 2001. – С. 85.

² Dewey J. Freedom and Culture. – N. Y.: Capricorn Books, 1963. – P. 172.

³ Слотердаик П. Критика цинического разума. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. – С. 422, 101.

⁴ Adorno T. The Authoritarian Personality. – N. Y.: Harper and Brothers, 1950. – P. 976.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

авторитаризм вообще отличает известная эмоциональная за-
торможенность. Когда подобные системы терпят фиаско, фри-
вольность становится «радикальным средством против ожи-
рения» (М. Кундера). Вещи лишаются девяноста процентов
смысла и становятся легкими. В такой невесомой атмосфере
исчезает фанатизм.¹

По мнению Л. Фейербаха, шутка не только остроумнее, но
и бесконечно правдивее любой натянутой речи. Отражая в
себе здоровую сторону жизни, мораль шутки (*fun morality*)
успешно перекрывает собой мораль добродетели (*goodness
morality*). Поэтому исчезновение смеха – это всегда повод для
самоанализа: что плохого случилось со мной?² Современная
психологическая наука различает два вида мышления: а) от-
крытое, гибкое и живое (творчески-дивергентное); б) закры-
тое и жесткое (догматически-авторитарное).

Открытое мышление является эмоционально окрашенным.
Его также характеризует понимание того, что большинство
проблем может быть решено разными способами. Наоборот,
закрытое мышление отличает стереотипность. При этом глав-
ное различие между эмоционально окрашенным и строго логи-
ческим мышлением, как писал А. Михайловский, заключается в
том, что первое из них оперирует образами, а второе – понятия-
ми. Понятия тщательно анализируют и группируют факты, об-
разы же ведут себя беззаботно. Понятие стремится «умертвить»
свою добычу, образ пытается сохранить энергию жизни.³

Науке известны многочисленные примеры, когда метафора
оказывается ближе к реальности жизни, чем любая теория.⁴

¹Кундера М. Прощальный вальс. Бессмертие. – СПб.: Амфора, 1999. – С. 331.

²Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. – N. Y.: Basic Books, 1997. – P. 71.

³Михайловский А. Поэт возвращения // Юнгер Ф. Ницше. – М.: Практис, 2001. – С. 20.

⁴Milosz C. Native Realm. – N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2002. – P. 139.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

И хотя сильные идеи по-своему стимулируют интеллектуальную активность, ее наилучшими катализаторами являются человеческие чувства. Причем, подобная роль эмоций в отношении идей подтверждается не только на уровне искусства, но и в сфере теоретической физики. Как писал Н. Винер, во время Второй мировой войны все было убийственно серьезно, в результате чего пространство интеллектуальной игры существенно сузилось. В послевоенные годы также трудно было найти молодых людей, которые бы задумывались о *смысле* своих интеллектуальных усилий. В то время никому и в голову не могло прийти, что чтение не может заменить «хорошей студенческой трепотни».¹

По мнению В. Гомбровича, несерьезность необходима мыслящему индивиду ничуть не меньше, чем серьезность. И если некий философ утверждает, что человек желает приблизиться к Богу, то это следовало бы дополнить так: человек хочет быть молодым.² Как считает Р. Брайдотти, радость и смех являются не только типичными политическими эмоциями, но и интеллектуально содержательными утверждениями. Неудивительно, что в обстановке фальши и лицемерия «набитый дурак» выглядит разумнее «ученого осла» (Э. Ионеско). В наши дни эмоции отражаются в научных теориях, конструируя определенный тип сознания общества. Фактически они определяют своеобразие его культурного пути.³ Люди нуждаются не только в «увеличении экспорта и пенсий по старости», но также в залитых светом кафе, оживленных ночных бульварах и авангардистских театрах.⁴ Давно замечено, что живой, неформальный литературный стиль характеризует лучшие из научных

¹ Винер Н. Я – математик. – М.: Наука, 1967. – С. 259.

² Гомбрович В. Щоденник. Т. 2. – Київ: Основи, 1999. – С. 294.

³ Данилюк І., Мартинюк В. Випробування часом // Роменець В. Психологія творчості. – Київ: Либідь, 2001. – С. 21.

⁴ Дарендорф Р. После 1989. Мораль, революция и гражданское общество. – М.: Ad Marginem, 1998. – С. 48-49.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

произведений независимо от их предмета. Наоборот, «объективистская» манера трудов, созданных учеными из тоталитарных стран, внушает тоску и уныние.

Мнение о том, что уважительное отношение к эмоциям оборачивается предательством истины, писал Л. Мамфорд, упускает из виду то обстоятельство, что сухость объективистского описания является типичным признаком творческого неблагополучия. В интимной сфере подобная суровость приводит к импотенции и фригидности. В публичном же пространстве она питает бюрократию и академизм. Не люблю я «гробов повапленных», разыгрывающих комедию жизни, говорил Ф. Ницше. По его мнению, «чувствительность эпохи» является ее *определяющей* чертой.¹

В большинстве случаев традиционная история включает в себя идеи (интеллектуальную историю) и поведение (социальную историю) безотносительно к эмоциям и жизненному стилю, которые их некогда сопровождали. В этом смысле работы Й. Хейзинги о позднем Средневековье и Л. Февра о Франции XVI века являются неожиданным и приятным исключением. Как следует из их подхода, правда чувств существует в такой же степени, как и правда фактов. Если восприятия без концепции слепы, говорил В. Джеймс, то концепции без восприятия – пусты.²

Эмоциональная правда является одним из наиболее убедительных аргументов, воздействующих на человеческое сознание. Л. Шестов считал, что любая социальная необходимость создается *преходящими* условиями земного существования индивида. Живой организм по природе своей стремится к «рокошши», и только в случае вынужденного фиаско примиряется

¹Зонтаг С. Мысль как страсть. – М.: Русское феноменологическое общество, 1997. – С. 49.

²См.: Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. – N. Y.: Basic Books, 1997. – P. 314.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

с «реальными потребностями». Молодость играет, а не борется за существование. Впрочем, даже умудренный жизненным опытом человек примиряется с необходимостью не иначе, как «стиснув зубы». ¹ К концу жизни Г. Скворода пришел к выводу о том, что развлечение, а не труд следует признать высшей составляющей человеческой судьбы. В свою очередь, игру он назвал главным источником земного утешения человека.

По мнению Ч. Милоша, интеллект питает, прежде всего, чувственная субстанция социальной материи – бойни, госпитали, кладбища и порнофильмы. С другой стороны, примитивный материализм угнетает; спасение же приносит ум, легко порхающий над жизнью. Вполне возможно, что именно поэтому Бог сделал столь многое в нашей жизни интересным и забавным. ² В ином месте он повторяет: «Я думаю, что все интеллектуальные таланты похожи на орхидеи, питающиеся деревом прогнивших и разлагающихся деревьев». ³

Ж. Батай отстаивал неприкосновенность иллюзий перед реальностью «грубой работы разума», защищая право человека «быть глупым». Стоит заметить, что и в моделях идеальной (неземной) жизни Э. Сведенборга особо подчеркивается роль спонтанных чувственных проявлений. Отвечая сравнительно недавно на вопрос о природе современного человека, Ж.-Л. Нанси сказал: быть человеком – это, по крайней мере, не располагать никакой сущностью. Нет такой сущности человека, посредством которой можно было бы определить или заключить, каким образом этот «человек» должен жить, иметь свои права, свою политику, свою этику. Ибо для нас (на Западе) такая сущность просто исчезла. Таким образом, любой ответ типа «человек – это то-то и то-то, и он должен быть таким-то и таким-то», то есть любой ответ, претендующий быть

¹ Шестов Л. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. – М.: Наука, 1993. – С. 125.

² Милош Ч. Придорожний песик. – Львів: Літопис, 2001. – С. 18.

³ Milosz C. Native Realm. – N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2002. – P. 118.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

неким *гуманизмом*, устарел. Нет больше гуманизма, чтобы с его помощью дать ответ.¹

Как утверждает Ж. Бодрийар, люди «могут создавать машины, которые движутся, работают и считают лучше, чем они – но не существует никакого технического расширения (*extension*) для человеческого удовольствия или удовольствия быть человеком».²

Современное гражданское общество представляет собой систему «сложного равенства» (Д. Кин), чья эмоциональная атмосфера не только глубоко проникла в социальный прогресс, но и в значительной степени определяет его результаты. В сущности, никакие стандарты не могут быть установлены по отношению к интеллектуальной активности индивида. Любые «разумные ограничения» лишь угрожают выхолостить ее плодородную почву. «Быть может, – писал по этому поводу Л. Колаковский, – источником всей эстетики Платона был гомосексуализм. Быть может, гений Достоевского питала эпилепсия. Быть может, на полотнах Ван Гога нетрудно обнаружить признаки шизофрении. Быть может, сифилис мозга возбуждал художественное вдохновение Выспанского...».³ Тем не менее, все это не годится в качестве аргументов для государственного вмешательства в творческо-символические процессы. Символическая реальность пронизана идеями, символами и эмоциями огромного количества людей. И нам еще придется добиваться того, «чтобы поэты и художники взяли на себя политическое руководство обществом вместе с политиками».⁴

¹ Нанси Ж.-Л. Сегодня // Ежегодник Лаборатории постклассических исследований Института философии РАН. – М.: Ad Marginem, 1994. – С. 151-152.

² Baudrillard J. Impossible Exchange. – London: Verso, 2001. – P. 113.

³ Колаковский Л. Похвала непоследовательности. – Firenze: Edizioni Aurora, 1974. – С. 132.

⁴ Коппола Ф. Ф. Утопия // Искусство кино, № 4, 1999. – С. 4.

2.2. Творчество как проявление символической реальности

Творчество, или творческая активность, выступает важнейшим проявлением и оправданием символической реальности. Существуют множество старых и новых определений творчества. О творчестве можно говорить с точки зрения его истоков, принципов, основных признаков, целей, наиболее вероятных последствий и т. п. В наиболее общем виде творчество представляет собой человеческую способность перестраивать элементы поля своего сознания.¹ Творчеством – в широком смысле слова – является также любой человеческий акт, идея или продукт, который как-либо изменил существующий культурный домен или создал новый.² По мнению К. Г. Юнга, можно говорить также о понятии «актов творения во времени», ярко манифестирующих себя в синхронно происходящих изобретениях или открытиях.³ Принято считать, что художественное, научное, философское и религиозное творчество является эффективным способом избавления от подавленных человеческих стремлений, результатом сублимации психической энергии индивида, перенесения ее на другие сферы. В этом смысле любой творческий акт представляет собой выход за рамки определенной замкнутой среды, разрушение ее границ.⁴

Само по себе сознание силы и важности человеческого труда не может гарантировать обществу чувства гордости за свою культуру. Такая возможность обеспечивается благодаря

¹ Моль А. Социодинамика культуры. – М.: Прогресс, 1973. – С. 238.

² Csikszentmihalyi M. Creativity. – N. Y.: Harper Perennial, 1997. – P. 28.

³ Яффе А. Наука и подсознание // Карл Густав Юнг, фон Франц М.-Л., Хендерсон Дж. Л., Якоби И., Яффе А. Человек и его символы. – М.: Серебряные нити, 1997. – С. 307.

⁴ Колаковский Л. Похвала непоследовательности. – Firenze: Edizioni Aurora, 1974. – С. 81, 200.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

человеческой способности к творчеству, которое Э. Гуссерль считал также важнейшим проявлением человеческой экзистенции. Первые изобретатели, сумевшие произвести нечто новое из подручных, ранее уже освоенных ими материалов и средств, являются, по его мнению, также и первыми экзистенциалистами. Как полагал Э. Гуссерль, творческий акт «происходит исключительно *внутри субъекта* изобретателя, и исключительно в духовном пространстве, так сказать, лежит затем и наличный *originaliter* смысл со всем своим содержанием».¹

В качестве одного из подразделений социологической науки теория творчества начала развиваться в 50-е годы прошлого века. При этом в научном обороте обычно использовались два термина: *creativity* – для обозначения собственно творчества, и *creative activity (creative work)* – для обозначения более широкой инновационной деятельности. Сегодня эти понятия часто употребляются в качестве едва ли не антонимов, поскольку современное понятие творчества противопоставляется понятию труда. «Творить что-либо означает делать это не механически, а сознательно и по своей воле», – писал по поводу определения понятия творчества Р. Коллингвуд.² В 60-е годы XX века творчество воспринималось в качестве одного из главных способов преодоления феномена отчуждения в индустриальном мире.³ Впоследствии в нем стали подчеркивать также то обстоятельство, что подлинной целью и оправданием творчества является *символический продукт* – не столько результат работы на заказ, сколько предметное воплощение высших духовных ценностей и устремлений человека.

Впрочем, еще в 1927 году Ф. Дессауэр высказал предположение о том, что человечество вступает в пределы «четвертого

¹Гуссерль Э. Начало геометрии. – М.: Ad Marginem, 1996. – С. 212, 214.

²Collingwood R. The Principles of Art. – USA: Oxford University Press, 1958. – P. 128.

³Иноземцев В. Расколота цивилизация. – М.: Наука-Academia, 1999. – С. 50.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

царства» – символического пространства всего придуманного и изобретенного. В достижениях техники он видел материальное воплощение образов, передаваемых в человеческое сознание из неких высших духовных сфер в целях изменения и преобразования реальной действительности. В частности, рентгеновские лучи Ф. Дессауэр считал природным феноменом, осуществляющим себя исключительно с помощью (посредством) специально созданной человеком науки. Говоря иными словами, человек-творец выступает в его теории важным и необходимым элементом Божественного замысла.

В концепции А. Этциони творчество выступает исторически определенным феноменом, непосредственно зависящим от уровня достигнутых человеком знаний о мире. По мнению А. Этциони, в эпоху модерна в мире первоначально обнаружилось, а затем и окончательно сформировались две исторические тенденции. Первая из них проявила себя в разделении человеческой активности на операции с естественными и символическими объектами. Вторая же заключалась в том, что человеческая активность становится при этом все более вариативной и многоплановой.¹ В самом деле, трудно не согласиться, что именно в эпоху модерна люди начали производить символы и использовать возможности творческого воображения в беспрецедентно широких масштабах.

Считается также, что современное творчество явилось результатом быстрого роста человеческой свободы, то есть возникло из принципиально иных источников, нежели повседневная, рутинная работа.² При этом, как заметил П. Рикер, творческий акт является универсальным источником всего того, что подлежит «различительному действию вкуса».

¹ Etzioni A. *The Active Society*. – N. Y.: The Free Press, 1968. – P. 25.

² Как утверждает К. Мэй, творчество охватывает множество занятий – от исследовательского труда до дизайна модной одежды, данная область деятельности является парадигматической для всех работников интеллектуальной сферы (Мей К. *Інформаційне суспільство*. – Київ: К. І. С., 2004. – С. 67).

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В сущности, вся образность (внутренняя символическая конструкция) творческих произведений принципиально не совпадает с идеей повторения и копирования.¹

В теории культуры можно встретить также утверждение о том, что феномен творчества возникает на основе взаимодействия трех элементов: культуры, содержащей в себе главные символические правила; индивида, привносящего новизну в символический домен; а также экспертизы свободного рынка. Таким образом, творческий акт осуществляется не просто в отдельной человеческой голове, а во взаимодействии индивидуального сознания с плотным социальным (культурным) контекстом.²

Принципиальное отличие творчества от ремесленного труда проявляется уже на уровне его мотивации. Выступая отчасти скрытым основанием человеческой деятельности, мотив не проявляет себя непосредственно во внешних характеристиках произведенного продукта. Творческая мотивация часто вообще не прослеживается на поверхностном уровне. Любое творчество отражает в себе специфическое стремление индивида к *неутилитарной* деятельности. Уже в индустриальную эпоху можно было распознать два непохожих друг на друга вида человеческой деятельности: творчески-инновационную и репродуктивную.³ При этом уже тогда понятие творчества не воспринималось в качестве синонима простого изобретательства. Что касается постиндустриальной эпохи, то в ней творчество становится прерогативой элит, трактуется в качестве умения делать то, *чего другие не делают и делать не могут*.

По мнению А. Уайтхеда, в концептуальном смысле творчество представляет собой наиболее универсальную из

¹Рікер П. Право і справедливість. – Київ: Дух і літера, 2002. – С. 149.

²Csikszentmihalyi M. Creativity. – N.Y.: Harper Perennial, 1997. – P. 6, 23.

³Журженко Т. Бизнесмен: стяжатель, игрок или творец? – Харьков: Основа, 1993. – С. 10.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

сущностей, характеризующих конечную природу факта. Не-что новое возникло там, где этого раньше не было – в этом суть проявления творческой активности. Говоря иными словами, творчество вводит новизну в состояние множества, выступающего универсумом в дизъюнкции.¹ В этом смысле творчество – это разновидность активности, благодаря которой распознается и эксплуатируется все то, что раньше не было достаточно хорошо известно человеку. При этом подлинное творчество невозможно планировать, ибо оно создает одну непредсказуемую ситуацию за другой. Если в некое множество фактов проникает творческое решение, то данное множество тут же преобразуется в новое множество и т.д. По мнению Ж. Делеза, творчество проявляется как в постановке какой-либо новой проблемы, так и в изобретении терминов и понятий, с помощью которых данную проблему можно сформулировать и решить. Таким образом, творчество выступает свидетельством человеческой озабоченности определенным порядком, классом вещей. Это не только поиск ответа на некий специально сформулированный вопрос, но и сама постановка такого вопроса.

В свое время создатель «всеобщей организационной науки» А. Богданов рассматривал творчество в качестве разновидности сложного (высококвалифицированного) труда. Хотя творческий процесс описывается у него такими понятиями, как «созидательная инициатива», «строительство», «изобретательство» и «исследование», общий тип человеческой активности остается при этом неизменным. Главная особенность творчества состоит, по мнению А. Богданова, в том, что оно предполагает параллельную работу сразу нескольких участков центральной нервной системы. При этом для достижения творческого эффекта применяются стимулы, способные вывести человеческий интеллект из равновесного состояния.

¹Налимов В. Спонтанность сознания. – М.: Прометей, 1989. – С. 162.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В большинстве случаев ими являются вариации впечатлений, способных изменить (подорвать) шаблонные психологические установки личности. Чем более сильным и изощренным является полученное мозгом возбуждение, тем более впечатляющим может оказаться творческий эффект. Как писал по этому поводу А. Пятигорский, всегда существует «то, что раздражает мысль вашу, мою, вот здесь, сейчас, а не останавливает мышление, не дает мысли остаться в привычных клише историко-философских, лингвистических, культурно-исторических или каких угодно еще концепций или идеологических конструкций».¹

Первоначально творческие стимулы человеку давало общение с природой, бесконечными вариациями ее стихийных состояний. Поскольку природа никогда не повторяется в сочетании своих условий, живая связь с ней служит мощным источником творческого вдохновения человека. Однако в ходе эволюции природные факторы постепенно дополнялись и заменялись искусственно созданными стимулами и катализаторами творчества. Поскольку же искусственные (синтетические) стимулы творчества являются достаточно дорогими, мы становимся свидетелями быстро растущего уровня оплаты творческого труда.²

Выяснению природы творчества помогает также различие, которое Спиноза проводил в свое время между «действием» и «страданием», как двумя наиболее распространенными состояниями человеческого ума. «Действие» Спинозы практически равнозначно творчеству, ибо оно обусловлено личностью как «адекватной причиной» всего происходящего. В случае же «страдания» речь идет об активности интеллекта, спровоцированной совокупностью внешних причин. Таким образом,

¹Пятигорский А. Мышление и наблюдение. – Рига: Liepnieks & Ritups, 2002. – С. 1.

²Богданов А. Тектология. Ч. 1. – Л.-М.: Книга, 1925. – С. 282-283.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

в «Этике» Спинозы творчество непосредственно связано с оригинальностью, неповторимостью человеческой личности. Творец Спинозы – это не просто индивид, который создал некое произведение, но человек, чьи неповторимые личностные качества сказались на главных характеристиках произведенного артефакта. Как утверждал впоследствии Ж. Моно, всякий артефакт является продуктом деятельности человеческих существ, обладающих способностью *быть объектами, наделенными проектом*.¹ Все это позволяет высказать предположение о том, что творчество служит проявлением по-особому структурированного сознания. Как утверждается в одной из современных научных теорий, в мозге человека существуют и действуют особые группы нейронов, создающие эффект неповторимости каждой отдельной личности. По мнению создателя данной теории К. Коха, сегодня позволительно говорить о том, что «нейронные клетки мозга функционируют не только как сеть линейных пороговых устройств, которые либо переключают электрический импульс, либо нет, но и как индивидуальные устройства, которые работают автономно и адаптивно».²

В диалогах Платона можно встретить рассуждение о том, что творец выступает не столько фактором производительной активности, сколько причиной, создающей *различия*. Подобное понимание сути творчества несколько расходится с известным представлением Аристотеля о том, что любое человеческое действие ограничивается рамками реальности. Подобное утверждение является не слишком плодотворным в том смысле, что объективное определение границ реальности лежит за пределами наших возможностей. Границы реальности постоянно переопределяются творческими усилиями индивидов. Все то, что способен осознавать человеческий ум,

¹Рюс Ж. Поступ сучасних ідей. – Київ: Основи, 1998. – С. 351.

²Вейкфілд Д. Обличчя людства. Роздуми про свідомість // Світ науки, № 4(10), 2001. – С. 14-15.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

является границей его реальности. Поэтому границы человеческой реальности, а, может быть, и реальности в целом являются изменчивыми. Как лаконично описал подобную ситуацию Э. Левинас, творческая активность ограничена реальностью человеческого тела, которое следует понимать широко.¹

С позиций философии Ж. Делеза, творчество обладает подлинно аристократическим характером. Как считает Ж. Делез, творческая эмоция представляет собой «космическую память», в которой актуализируются одновременно все уровни человеческого сознания.² Воплощение же космической памяти в творческих произведениях предполагает наличие избранной (гениальной) души. В представлении Ж. Делеза творческий процесс чем-то напоминает ядерную цепную реакцию. Переходя от одной творческой души «то тут, то там» к другой, творческий дух пересекает бесплодные пространства, которые Ж. Делез именует «пустынями». Впрочем, даже обитателям пустыни, которые сумели «открыться», может достаться смутное эстетическое переживание, позволяющее им двигаться в правильном направлении. С течением времени границы пустыни размываются усилиями гениальных творцов, выполняющих свою миссию с помощью «сторонников» – чутко настроенной по отношению к деятельности творца аудитории. Демиурги в данной системе координат обладают существенно большей свободой, чем остальные члены общества. Фактически, именно они привносят в общество новые представления о границах, постепенно преобразовывая тем самым закрытые общества в общества открытые.

Представления о творчестве Ж. Делеза частично напоминают взгляды Э. Ионеско, который верил в то, что творчество

¹Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. – С. 86, 135.

²Делез Ж. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. – М.: ПЕРСЭ, 2000. – С. 189.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

эквивалентно расширению границ познаваемой человеком реальности. Расширение границ реальности происходит с помощью постоянно обновляемых языков творческого самовыражения. *Придумывать*, писал Э. Ионеско, означает создавать и раскрываться. Поэтому всякое «придуманное» творческое произведение он отождествлял с «живым существом».¹ В целом, творчество выступает у него совершенным видом человеческой деятельности, мотив которой определяется стремлением личности к самореализации.

В концепции Ф. Юнгера творчество учит людей видеть и распознавать, совершать неожиданные находки, открывать *terra incognita*. Причем Ф. Юнгер говорит именно о «находках», а не о технологических изобретениях (*know how*), в которых, как он считает, аккумулируются, главным образом, промышленные и коммерческие секреты.²

В целом, настоящее творчество – от «ритуала и речи до костюма и социальной организации» (Л. Мамфорд) – всегда нацелено на перенастройку и самовыражение человеческой личности. При этом все попытки заменить творчество чем-то «случайным, преходящим, пышным и мимолетным» (М. Дюфен) остаются бесплодными, ибо творчество отрицает любые трафареты. Примечательно, что консервативные общества склонны полагаться на «новизну», которая была апробирована другими. Наоборот, открытые общества поглощают инновации в огромных количествах, считая именно обновление гарантом своей стабильности. Неудивительно, что открытыми обществами практически невозможно манипулировать.

Стоит отметить, что помимо философских и научных дефиниций, существует также большое количество метафорических определений творчества. В частности, М. Экхарт называл творчество «кипением», «рождением», процессом, который

¹ Ионеско Э. Противоядия. – М.: Прогресс, 1992. – С. 34, 56.

² Юнгер Ф. Ницше. – М.: Праксис, 2001. – С. 115.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

«течет сам по себе и помимо себя». По мнению Э. Фромма, творить – означает «обновляться», «расти и расти», «изливаться», «любить», «отдавать».¹ В целом, феномен творчества трудно уловить логической сетью, ибо тайна составляет здесь саму основу понятия. Творчество – это явление, которое невозможно репрезентировать чем-либо кроме самого творчества.² Ж. Батай сравнивал творчество с экстазом, опытом, который противится сосредоточению на самом себе.³ Ален считал творчество результатом органической эволюции экспрессивных форм – голоса, речи и жеста, а К. Леви-Строс подчеркивал в нем способность к импровизации. В свою очередь, Т. Парсонс называл творчество «харизматической инновацией», а А. Нин – «гениальной изобретательностью». Компетентный в вопросах творчества Ф. Кафка сравнивал творческие амбиции с «написанием выпренных слов».⁴

В психологическом смысле творчество проявляет себя в характерных особенностях мышления индивида, его оригинальном стиле, рисунке поведения. В этом смысле, чтобы стать творческим, талантливому человеку достаточно оставаться самим собой. Именно в оригинальности, неповторимости личности творца В. Роменец усматривал «покорение самой объективности».⁵ По мнению же Р. Брайдотти «самость, в сущности, есть должное собрание фрагментов». Отсюда возникает ее императив писательства – быть полиглотом внутри собственного языка. Творец Ж.-П. Сартра – это человек, который перед лицом дилеммы сумел открыть в ней третий, ранее неизвестный член.⁶

¹Фромм Э. Иметь или быть? – М.: Прогресс, 1986. – С. 114.

²Глазычев В. Эволюция творчества в архитектуре. – М.: Стройиздат, 1986. – С. 406.

³Батай Ж. Внутренний опыт. – СПб.: АХИОМА, 1997. – С. 32.

⁴Брод М. Франц Кафка. Узник абсолюта. – М.: Центрполиграф, 2003. – С. 63.

⁵Роменец В. Психологія творчості. – Київ: Либідь, 2001. – С. 189.

⁶Сартр Ж.-П. Что такое литература? – СПб.: Алетейя, 2000. – С. 272.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Любое творчество представляет собой разновидность символической провокации, оно не поддается планированию и его невозможно предсказать в информационном смысле.

Обладая ярко выраженной коммуникативной природой, творчество обычно обращено к «другому». В то же время, продукты творчества и авторские права самого творца тщательно охраняются законом. В этом смысле *полное* право творчества включает в себя право интеллектуальной собственности (авторское право) вместе с правом интеллектуальной свободы. Право интеллектуальной свободы, в свою очередь, подразделяется на гарантии творческого самовыражения личности и гарантии доступа общественности к творческим символическим произведениям. В течение длительного времени публичное право интеллектуальной свободы комфортно укладывалось в рамки регулятивных возможностей национального конституционного, а также международного публичного права. Однако сегодня право творчества превращается на наших глазах в подразделение всемирного информационного права.

В большинстве случаев творец выступает как производитель и открыватель новой информации. Однако человеческое творчество не только создает новые информационные объекты, но и позволяет понять (декодировать) старые. Все это превращает творчество в весьма специфический объект правового регулирования. Если мы соглашаемся с тем, что информация – это «количество непредсказуемого в сообщении» (А. Моль), то *творчество – это создание имеющего смысл и адресованного любой разумной аудитории информационного сообщения, условием признания которого в данном качестве является оригинальность личности его автора (творца).*

Таким образом, в любом творческом акте присутствуют следующие необходимые признаки: творчество является информационным сообщением; данное сообщение имеет смысл (обладает ценностью для его автора и аудитории); творческое

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

произведение воплощает в себе оригинальность личности его создателя.¹ С точки зрения внутренней структуры творческого процесса, в творческом акте автор находится как бы в состоянии виртуальной коммуникации со своей потенциальной аудиторией и другими творцами – предшественниками и современниками. Принято считать, что восприятие творческих произведений аудиторией не является столь же психологически вознаграждающим, как их создание. При этом даже наиболее спонтанное и хаотическое творчество не является проявлением слепой игры сил. Творчество, как считал В. Гомбрович, это не столько взрыв энергии, сколько сложная работа, предполагающая целый набор необходимых внешних реакций: конкуренцию, критику, вознаграждение и фельетон. Оценить результаты творчества априори не может ни одна научная теория.

В контексте культуры творчество представляет собой символическое «новое тело», принадлежащее человечеству в целом.² Поскольку человек не может передать ставшие частью его физической «сомы» индивидуальные знания и умения по наследству, постольку оправданным является феномен творчества. Все, о чем творец говорит в своем произведении, соединяется с помощью механизма культурного наследования с языком, искусством и наукой сразу нескольких поколений. Поэтому творчество обладает способностью преодолевать «историческую усталость». По наблюдению С. Лангер, творческие

¹Как замечает У. Эко, «западная эстетическая традиция заставляет нас рассматривать творческое произведение как *личную продукцию* (выделено мною – В. Р), которая может полностью изменяться в зависимости от тех путей, благодаря которым ее получают, но которая всегда сохраняет собственную согласованную идентичность и которая обнаруживает личностный след, что делает ее особенным, жизнеспособным и знаменательным актом коммуникации» (Еко У. Роль читача. Дослідження з семіотики текстів. – Львів: Літопис, 2004. – С. 101-102).

²Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. – М.: Гардарика, 1998. – С. 139.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

идеи нередко проникают в общественное сознание благодаря «великолепной и сбивающей с толку метафоре»,¹ что и объясняет высокий уровень их дискурсивной выразительности. Неудивительно, что именно в творческой среде встречаются такие типы личности как маверик (maverick), диссидент, еретик, революционер и др.

В то же время, восприятие творческого произведения аудиторией прямо не зависит от психологических установок и черт личности его автора. Пусть даже внутренней целью творчества является при этом самореализация, авторский «монолог».² В известном смысле, феномен творчества еще раз подтверждает идею Гете о том, что жизнь существует просто для того, чтобы ее прожить.³ Многообразное по содержанию и формам проявления, творчество развлекает человеческое сообщество, помогая его членам найти свое место в жизни. Примечательно, что А. Бретон называл творческую способность «цветовым спектром» человека.

Ценность творчества заключается в том, что оно расширяет сферу социальной и индивидуальной свободы, увеличивает человеческое знание и делает интересным будущее. Творчество спасает современное общество от скуки и экзистенциальной тоски. Как писал Х. Гендерсон, в наши дни богатство наций воплощают в себе не столько деньги и объемы товарооборота, сколько творческие люди.

Хотя творчество не порождает в человеке конкретных надежд, оно дает ему своеобразную уверенность в том, что человеческая жизнь не является бессмысленной. В XX веке творчество Ф. Кафки воплотило в себе пример культурного преодоления ситуации еврея, чешского гражданина, строптивого

¹Лангер С. Философия в новом ключе: исследование символики разума, ритуала и искусства. – М.: Республика, 2000. – С. 180.

²Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. – N. Y.: Basic Books, 1996. – P. xvi.

³См.: Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? – М.: Наука, 1991. – С. 38.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

жениха и туберкулезного больного одновременно.¹ В свою очередь, творчески активные персонажи М. Булгакова сочиняли стихотворения, писали романы и пьесы, открывали биологические лучи и изобретали хирургические способы воздействия на природу. В каждом отдельном случае их работа представляла собой попытку приближения к истине.²

Даже наиболее консервативные из организаций не могут сегодня обойтись без творчески активных субъектов. Что касается социальной организации в целом, то она не может существовать вне «коллективных и индивидуальных <...> творческих импровизаций» (Д. Кин). Всюду необходим творец, «называющий то, что еще не названо, или то, что пока не осмелилось себя назвать» (Ж.-П. Сартр). При этом, говорил У. Оден, «художник не должен жить в экстремальных условиях».³

Говоря о силе творческого императива, Ж. Батай утверждал: никто и ничто не может сопротивляться нашей необходимости двигаться дальше. И если потребуется, творец заплатит безумием.⁴ Н. Винер был убежден в том, что одаренными артистами, писателями и учеными руководит настолько сильный творческий инстинкт, что они готовы были бы сами платить за право заниматься творческой работой. По мнению Л. Шестова, творческий индивид рвется к божественному, даже если ничего толком о Боге не знает.⁵ Так или иначе, никогда творчество не ценилось так высоко, как в наше время. Ныне творческий дух в одинаковой степени проник в пространство этики и сферу промышленного производства.⁶

В концепции права Л. Фуллера общество рассматривается с точки зрения *морали обязанности* и *морали творческого*

¹ Сартр Ж.-П. Что такое литература? – СПб.: Алетейа, 2000. – С. 273.

² Петровский М. Мастер и город. – Киев: Дух и литера, 2001. – С. 36.

³ Оден У. Застольные беседы. – М.: Независимая газета, 2003. – С. 107.

⁴ Батай Ж. Внутренний опыт. – СПб.: АХИОМА, 1997. – С. 80.

⁵ Шестов Л. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. – М.: Наука, 1993. – С. 180.

⁶ Бэнде Ж., Гу Ж. Сумерки гуманизма // День, № 72, 18 апреля, 2002. – С. 3.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

стремления. Мораль обязанности расположена у него в нижней части шкалы человеческой активности; мораль же творческого стремления находится сверху. При этом мораль обязанности служит обеспечению минимально необходимых, стандартных жизненных условий человека. Мораль же творческого стремления воплощает в себе порыв к высшему совершенству. Если мораль обязанности поднимается по шкале человеческой активности слишком высоко, чувство долга может полностью уничтожить творческое начало. Наоборот, если мораль творческого стремления вторгается в пространство обязанности, «поэт станет топить свою жену в реке, будучи убежденным (возможно, справедливо) в том, что без нее он будет писать лучшие стихи». ¹

По мнению С. Вейль, настоящее творчество предполагает органический эгоизм, крайне осторожное отношение к идее интеллектуальной солидарности. Признавая и отстаивая абсолютизм творческой свободы, С. Вейль утверждала идею терпимости и уважения к инакомыслию. «Водовороты мысли», – писала она, не причинят Франции зла, смертельную угрозу для нее воплощает в себе умственная инерция. Как это ни удивительно, но погруженные в принципиально разные политические контексты В. Гомбрович и А. Довженко требовали надлежащего места для творца не где-нибудь, а в «центре вселенной». Творец смотрит на мир с позиций его судьи, поэтому творческая роль не каждому под силу. С другой стороны, творческое поведение в целом предполагает тенденцию к широкой экстраполяции. Согласно Л. Мамфорду, количество мировых открытий в период между 1700 и 1750 годами равнялось 170, в период между 1750 и 1800 годами – 344, в период между 1800 и 1850 годами – 861, в период между 1850 и 1900 годами – 1150. При этом стремительный рост творчества он объясняет не столько развитием техники, сколько расширением

¹Фуллер Л. Мораль права. – Київ: Сфера, 1999. – С. 33.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

пространства интеллектуальной свободы индивида.

Что касается правовых аспектов проблемы, то с юридической точки зрения творчеству изначально присущи черты органической нормативности. Разумеется, речь идет не о законах и кодексах, а о несистематизированных, но реально существующих параметрах творческого процесса. Как однажды заметил Ж. Полан, часто мы оказываемся наедине с творчеством «без защиты, без метода, совершенно сбившись с толку».¹ Но именно в этом проявляет себя в данной области органическая норма. Если уделом большинства является стандартизированное поведение, то творчество – это занятие для меритократии таланта.

Хотя подлинное творчество несовместимо с лицемерием и подделкой, художественные и литературные занятия всегда оставались привлекательными для снобов. «Упаси нас Боже от первых романов, написанных только потому, что молодой человек желает завоевать положение писателя», – говорил Н. Винер.² Проблемой, сопутствующей творчеству, является также подражание и копирование. Хотя Всемирный философский конгресс в Бостоне (1999 г.) призвал положить в основу преподавания творчество, которое не тиражируемо,³ во множестве областей академиков-консерваторов сегодня успешно дополняют педанты-авангардисты.

Во все времена в творческой области существовал выбор: либо «меньше неудовольствия», ориентация на массовый вкус и «отсутствие страданий», либо дискомфорт и «страдания» в качестве платы за тонкие, элитные удовольствия и радости.⁴

¹ Полан Ж. Тарбские цветы или террор в изящной словесности. – СПб.: Наука, 2000. – С. 30.

² Винер Н. Кибернетика и общество. – М.: Иностранная литература, 1958. – С. 140.

³ Чумаков А. Конгресс глазами участника // Вопросы философии, № 5, 1999. – С. 44.

⁴ Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1990. – С. 524.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

По мнению Ф. Ницше, «самые сильные и самые злые умы до сих пор чаще всего способствовали развитию человечества: они непрестанно воспламеняли засыпающие страсти – всякое упорядоченное общество усыпляет страсти, – они непрестанно пробуждали чувство сравнения, противоречия, взыскания нового, рискованного, неизведанного, они принуждали людей выставлять мнения против мнений, образы против образцов. Это делалось оружием, ниспровержением межевых знаков, чаще всего оскорблением благочестия, – но и новыми религиями и нравочениями!».¹ Как лаконично заметила В. Вулф, возможны ситуации, когда истину можно прояснить лишь путем соединения самых разнообразных ошибок.²

Органическая нормативность творчества предполагает конфликт между коллективным сознанием и «единоначалием» творческой личности.³ И если бы в нем не побеждала личность, в Москве никогда не построили бы храм Василия Блаженного, а в Париже – Эйфелеву башню. Нередко подобный конфликт возникает потому, что правду творчества воплощают в себе люди, успешно игнорирующие логику.⁴ Творчество невозможно регулировать логически, ибо для творческой импровизации не существует правил.

Посттоталитарная действительность «злоупотребляет силлогизмами», поэтому в символической реальности Восточной и Центральной Европы необходимо возродить уважение к... «ненужным делам», «химическим поступкам» и «никчемным предметам» – этим симптомам подлинно глубокого и человеческого отношения к действительности, о котором в свое время писал В. Домонтович.

¹ Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1990. – С. 518.

² Вулф В. Власний простір. – Київ: Альтернативи, 1999. – С. 100-101.

³ Говорит и рассказывает Марк Захаров // Известия, 12 мая, 1992. – С. 3.

⁴ Форман М. Круговорот. – М.: Вагриус, 1999. – С. 113.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

2.2.1. Истоки творчества, творческое произведение

Истоки творчества как разновидности поведения человека достаточно многообразны. Общая же его закономерность проявляется в том, что феномен творчества чаще всего возникает и существует на почве взаимодействия символической и предметно-физической реальности. Говоря иными словами, в творчестве материализуется отношение человеческого сознания к окружающей его действительности. В мире существует множество вещей, функциональное назначение которых напоминает зеркало, писал Ж. Лакан. Событие, происходящее в «некоторой точке реальности» вызывает ответный эффект в другой ее точке, в результате чего между различными аспектами реальности устанавливается связь. При этом эффект подобного отражения может возникнуть как в реальном физическом пространстве, так и в пространстве виртуальном или воображаемом.¹ Воплощением живого взаимодействия подобного типа является творческий человек. По мнению Р. Брайдотти, все творцы пребывают в «публичных пространствах транзита», которые выступают то как «позиции для творчества» и «оазисы непринадлежности», то как «пространства разделенности» и «ничейные земли».² Именно в этом ландшафтном окружении реализуется, по ее мнению, творческая свобода.

Тот факт, что творчество возникает во взаимодействии физической и символической реальности, не требует специальных доказательств. Под влиянием интеллектуальной активности (символизации) физическая реальность становится более податливой и пластичной, а потому и более привлекательной для творческого индивида. Когда мир начинает восприниматься человеком как слегка разогретый «пластилин»,

¹ Лакан Ж. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/55). – М.: Логос, 1999. – С. 74.

² Braidototy R. Nomadic Subject. – N. Y.: Columbia University Press, 1994. – P. 19.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

возникает благоприятная для творчества ситуация. При этом желание творить может сопровождаться как явным стремлением к признанию и славе, так и «честолюбием анонимности», о котором говорил А. Модильяни. К творцам подобного типа, возможно, принадлежал И. С. Бах. Несмотря на свою глубокую одаренность, такие таланты рискуют стать настоящей «добычей неизвестности» (Ж. Батай).¹

Таким образом, не всякое творческое стремление представляет собой борьбу за распознавание и престиж. Одно из характерных творческих состояний Р. Барт описал на примере «Страданий юного Вертера» Гете, где главный герой «бессмысленно» растрчивает свое время, способности и состояние. Для усиления образа ему противопоставлен рассудительный филистер (чиновник), дающий подробные наставления о том, как следует планировать свою жизнь и расходы. Так буржуазная «экономика тучности» полемизирует у Р. Барта с перверсивной, творческой экономикой «расточения, мотовства, *исступления*».² В русской классической литературе аналогичную, в типологическом смысле, пару воплощают в себе образы Чацкого и Фамусова в «Горе от ума» А. Грибоедова.

Идея творческого взаимодействия физической и символической реальности получила свое отражение в теории *жизненного порыва* А. Бергсона. Анализируя жизненный порыв как важное проявление (симптом) творчества, А. Бергсон усматривает его истоки в столкновении свободы с материей. В его концепции творчества материя выступает воплощением необходимости, в которую творчество привносит максимум свободы и разнообразия. Примечательно, что и у Г. Гессе корни творчества обнаруживаются в осознании индивидом несовершенства и неудовлетворительности окружающей его действительности. Таким образом, физическая реальность в

¹ Батай Ж. Внутренний опыт. – СПб.: АХИОМА, 1997. – С. 50.

² Барт Р. Фрагменты речи влюбленного. – М.: Ad Marginem, 1999. – С. 382.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

восприятию творца – это разочаровывающая проза жизни, которую можно изменить, лишь отрицая ее, и показывая ей, что человек сильнее, чем она.¹ Возможно поэтому К. Г. Юнг всегда считал здоровое общество буквально напичканным нонконформистами,² а М. Шелер приписывал здоровому сознанию принцип упрямства, или сопротивления спонтанному движению материи.³ Замечено также, что новые научные теории нередко возникают из психологического несогласия ученого с типичной для его времени и окружения картиной мира («инновация появляется всегда из разногласия»)⁴

Поскольку индивидуальное неприятие status quo составляет важнейшую предпосылку творчества, его воплощением может стать как конструктивная, так и деструктивная активность. В акте творчества человек стремится реализовать не только некую позитивную цель, но и элементарное желание изменить агрегатное состояние среды. В этом смысле можно говорить о том, что природа с помощью творчества изобретательно сопротивляется собственной энтропии. По свидетельству В. Ходасевича, М. Горький видел спасение человечества в его творческой энергии, постоянном преодолении действительности надеждой.⁵ В самом деле, настоящее творчество обладает универсальной способностью делать природу более яркой и живой. Наоборот, подделки под творчество сильных эмоций не вызывают. Что касается творческого успеха, то он требует также эффективной коммуникации художника с аудиторией.⁶

¹ Гессе Г. Письма по кругу. – М.: Прогресс, 1987. – С. 45.

² Юнг К. Приближаясь к бессознательному // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М.: Прогресс, 1990. – С. 388.

³ Шелер М. Положение человека в космосе // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С. 36.

⁴ Лиотар Ж. Состояние постмодерна. – М.-СПб.: Алетейа, 1998. – С. 12.

⁵ Ходасевич В. Некрополь. – М.: Вагриус, 2001. – С. 153.

⁶ Милош Ч. Личные обязательства. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 127.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Можно сказать, что во внутреннем содержании творческого акта реализуется «психический трансцендентный синтез» (Ж.-П. Сартр). Данное наблюдение справедливо как для тренировки боксера, так и для исканий ученого или работы художника.¹

По мнению Л. Мамфорда, исторической прелюдией творческого самовыражения личности были подвиги грубой мышечной силы вместе с «хирургической жестокостью» взгляда на причинение физической боли и даже смерть человека. Замечено также, что в человеческой истории привычка к жестокости парадоксальным образом сочетается с эстетической тонкостью отдельных жизненных проявлений. Примеры подобного рода обнаруживаются на территории от Китая до Мексики, они характеризовали жизнь римлян во времена Нерона и флорентийские нравы в эпоху Медичи. Известно, что многие из созданных нацистами в XX веке концентрационных лагерей украшали тщательно ухоженные цветочные клумбы.²

В целом, говорил Ф. Ницше, природа прибегает к самым жестоким средствам, чтобы осуществить гения. Чтобы разбудить в индивиде жажду свободы, она бросает его в темницу. К сожалению, однажды заметил С. Рушди, истинная готовность человека к творчеству часто приобретает в предшествующем опыте унижительного подчинения. Природа прибегает к изощренным способам, чтобы побудить индивида выйти за свои пределы. По мнению С. де Бовуар, человечество – это не усредненный биологический вид, думающий только о самосохранении. Его программа – не стагнация, а прогресс, оно постоянно стремится превзойти себя.³

¹ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. – М.: Республика, 2000. – С. 191.

² Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. – М.: Логос, 2001. – С. 163-164.

³ Бовуар С. Другая статья. Т. 2. – Київ: Основи, 1994. – С. 74.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Стремление человека к творчеству С. Лангер отождествляла с его стремлением к символизации. По ее мнению, именно потребность в символизации приводит в движение все незоологические устремления индивида: его фантазии и грезы, ценности, «непрактичный» энтузиазм, а также сознание всего «потустороннего» и «святого». По признанию В. Гомбровича, каждый писатель творит символическим восприятием мира – интеллигентностью, сердцем и умом, а также тем общим подъемом духа, который Цицерон называл содержанием риторики. Действительно ли существует какая-то внешняя сила, спрашивал себя Ч. Милош, толкающая человечество к совершенству? И возможно ли подлинное сотрудничество человека с окружающей его природной средой? Вероятно, уже сама постановка этих вопросов является доказательством эволюции, пройденной нами с того момента, когда первые христианские богословы чувствовали себя беспомощными. Современная наука исходит из вектора развития: от атома водорода – к образованию сложных молекул, от них – к появлению протоплазмы, затем – к возникновению памяти и сознания. Не исключено, что данный процесс венчают тонкие творческие отношения, которые Д. Белл удачно назвал «игрой между людьми».

В сущности, резкое усложнение культурно-символического контекста в начале XX века демонстрирует все авангардистское искусство, начиная с полотен В. Кандинского и К. Малевича. Об этом же косвенно свидетельствует фрагмент диалога из дневника А. Нин: «Может быть, оттого, что я поэт, мне все время представляется, что существует *нечто* за нарциссизмом, мазохизмом, лесбийством и прочим. – Конечно. Существует творчество».¹ Комментируя таинственный магнетизм фильмов Л. Рифеншталь, газетный критик неожиданно замечает: «Каждый талант – Зазеркалье, не только «рифеншталево». Большинству обольщенных почему-то удается вовремя отпрянуть,

¹ Нин А. Дневник 1931-1934 гг. Рассказы. – М.: Олимп, 2000. – С. 394.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

отбежать, шарахнуться вбок. Зато большинство и не снимает *таких* фильмов». ¹ Вряд ли все это можно объяснить только логически. По крайней мере, делают вывод современные философы, главная ценность – это не верифицируемое знание, а человеческая жизнь и свобода. ²

Как считал П. Сорокин, все известные нам жизненные процессы можно разделить на два «разряда». В первом из них человек, как комплекс определенных качеств и свойств, не участвует. Эта часть жизни существует как бы независимо от него. Во втором разряде решающим условием является человеческая психофизическая организация, интеллект, сознание и воля, которые реально воздействуют на природные и социальные условия его жизни. Именно во втором жизненном разряде формируется *исторический факт*.

Историческое творчество представляет собой действующее сознание во всем многообразии его форм, в том числе и наиболее экстремальных. Неслучайно К. Мангейм указывал на невозможность выведения творчества из одной лишь «истории идей». Не идеи заставляют людей совершать революционные поступки и действия, а заложенная в них *экстатически-органистическая* энергия. Не логические схемы, а глубокие пласты и сферы духовных переживаний побуждают людей творить то, что мы называем историей. ³

Хотя любое творчество осуществляется в рамках определенной тенденции и стиля, его конкретные результаты невозможно предвидеть. С другой стороны, бывают случаи, когда творчество совершается на заказ. История искусства знает множество случаев заказного творчества, успех которого существенно зависел от уровня предоставленной художнику

¹ Столичные новости, № 15, 18-23 апреля, 2001. – С. 21.

² Автономова Н. Впечатления из Бостона // Вопросы философии, № 5, 1999. – С. 64.

³ Мангейм К. Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление. – М.: Прогресс, 1991. – С. 130.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

свободы. Считается также, что творчество невозможно выверить методологически, ибо в главном принципе оно представляет собой *отклонение от нормы*. Поддерживать творчество – означает поддерживать непредсказуемость и неопределенность. Онтология творчества зиждется на таланте, вере и чувстве вкуса. Как заметил по этому поводу Д. Сантаяна, «в одобрении и преференции обнаруживаются корни и существо всякой исключительности <...> Ценности произрастают из немедленной и необъяснимой реакции жизненного импульса, а также из иррациональной части нашего существа».¹

Что касается сугубо информационных (нейтральных) аспектов творчества, то в этом смысле оно представляет собой чистое сообщение, послание, которым автор желает поделиться с другими. При этом стиль творческого самовыражения может полностью расходиться с конъюнктурой рынка. Творчество поставляет нам информацию, которая может быть долгое время невостребованной. Примечательно, что Ф. Ницше усматривал главный смысл творчества в создании вещей, которых *нет сейчас и не существовало ранее*. В рамках его представлений творческое обновление мира – это результат первичного замысла, который лишь впоследствии заучивается, репетируется и облекается в плоть «практическими людьми».²

Все вышеизложенное позволяет выделить следующие органические (нормативные) свойства творчества: творчество тесно связано с интеллектуальной свободой; важнейшей стороной творчества является самовыражение личности; гарантией творчества является запрет на ограничение его предмета, способа и материала; конечный (социальный) эффект творчества определяется на рынке символических образцов.

В историческом и юридическом плане эволюция творчества тесно связана с переходом от принудительной работы к

¹ Santayana G. The Sense of Beauty. – N. Y.: Dover Publications, 1955. – P. 13, 14.

² Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1990. – С. 638.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

занятости на основе свободно заключенного договора (контракта). Принцип вознаграждения за труд оказался в свое время более эффективным, чем страх перед наказанием, что и определило судьбу множества творческих начинаний. Что касается участия в данном процессе права, то оно заменило модель императивного регулирования труда диспозитивной моделью, поставив на место юридической обязанности субъективное право.

Хотя авторитарные режимы проявляют серьезную заинтересованность в продуктах творчества, они не могут обеспечить отношения к труду как к реализации субъективного права. Поэтому творчество и экспериментирование с течением времени вырождается здесь в копирование. Наоборот, естественное и ничем не стесненное желание быть полезным определяет главную черту свободных обществ.¹ Как писал А. Тойнби, жизнь в творческом бездействии приводит к фиаско не только поэтов или ученых, но и «простого смертного» – в расхожем употреблении данного понятия.² По наблюдению З. Бжезинского, в современной Европе наблюдается параллельный спад жизненной активности, кризис уверенности и ослабление творческого импульса. Это приводит к сужению региональной политической и экономической перспективы, делает европейскую жизнь более изолированной и скучной.³

Что касается многих посттоталитарных стран, то их элиты в силу присущих им предрассудков и политической инерции не сразу смогли осознать потенциал свободного творческого начала. Между тем, полагал А. Бергсон, в жизни действительно «есть нечто большее и лучшее, чем выполняющийся план». Пусть даже политики и не способны в это поверить.

Есть нечто неуловимое, писал Ч. Милош, в атмосфере таких

¹ Томас Л. О нашем несовершенстве // Америка, № 297, август, 1981. – С. 53.

² Тойнби А. Постигание истории. – М.: Прогресс, 1991. – С. 631.

³ Бжезинський З. Велика шахівниця. – Львів: Лілея-НВ, 2000. – С. 59.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

столиц народной демократии, как Варшава или Прага. Коллективный флюид, возникающий из взаимообмена и суммирования индивидуальных флюидов, – нехороший. Это аура несчастья, внутреннего паралича и внешней суетливости. Какими бы словами ее не назвать, можно сказать наверняка, что, если бы ад гарантировал своим обитателям комфортабельные квартиры, красивые одежды, лучшую еду и всяческие развлечения, но заставлял их постоянно ощущать подобную атмосферу, этого было бы достаточно, чтобы почувствовать себя в преисподней.¹

На первый взгляд, творческая ситуация отличается от ситуации планируемой реальности только нюансами. Однако более тщательный анализ показывает, что в первом случае перед нами жизнь, а во втором – ее неудачное подобие. Хотя различие между творчеством и планированием может показаться незначительным, именно в нем скрывается суть дела.

Главным внутренним стимулом творчества является воображение – центральный психологический пункт любой науки, поэзии или искусства.² Поскольку абстракция представляет собой интеллектуальную структуру для обнаружения конкретного, а конкретное может полноценно заявить о себе лишь с помощью абстрактного, без творческого воображения нам не обойтись.³ Как писал Р. Коллингвуд, воображению закономерно принадлежит срединное место между «отчасти скованной» активностью, которую мы называем чувствованием, и «более свободной» активностью, которую мы называем мыслью.⁴ По

¹ Милош Ч. Личные обязательства. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 134.

² Luria S. Foreword // Bronowski J. The Origins of Knowledge and Imagination. – New Haven and London: Yale University Press, 1978. – Р. х.

³ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. – М.: Республика, 2000. – С. 221.

⁴ Collingwood R. The Principles of Art. – USA: Oxford University Press, 1958. – P. 136, 197-198.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

мнению же Д. Броновски, воображение в структуре творческого сознания располагается в месте соединения символического и предметно-физического начал. Поэтому реальные возможности творчества определяются масштабом нашего воображения.¹ Описывая творческую способность интеллекта, Ф. Юнгер не случайно употребляет такие понятия, как «сплошные фикции», «сплошные выдумки», «сплошная кажимость», «сплошная сила воображения».²

В свою очередь, у А. Этциони человеческая способность к воображению (абстрактному мышлению) является симптомом присутствия особого психического агента. Суть его позиции сводится к тому, что в мире изначально существует некий психический агент, обладающий «картой символических репрезентаций» материальной действительности. Посредством бесчисленных символических комбинаций (человеческих решений действовать) данный агент воздействует на весь предметно-материальный, то есть «несимволический» мир.³

Концепция А. Этциони в чем-то напоминает отдельные фрагменты гегелевской схемы развития исторического процесса. Как известно, Гегель относил характерные начатки искусства живописи к периоду, непосредственно следующему за крестовыми походами. В это же время, по его мнению, начинает развиваться и оригинальная поэзия. Однако за данными – часто чисто внешними событиями – скрывается более глубокий смысл. Не находя себе удовлетворения в природной действительности, «мировой дух» с помощью человеческой фантазии создает совершенные символические произведения, в которых воплощается больше добродетели и свободы, чем их изначально присутствовало в реальном, природном мире. Таким образом,

¹Bronowski J. The Origins of Knowledge and Imagination. – New Haven and London: Yale University Press, 1978. – P. 9, 18.

²Юнгер Ф. Ницше. – М.: Праксис, 2001. – С. 127.

³Etzioni A. The Active Society. – N.Y.: The Free Press, 1968. – P. 22-23.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

творческое воображение выступает у Гегеля важным способом сублимации жизненной энергии. Оно берет свое начало в неудовлетворенности мирового духа реальным положением дел в природе, а затем служит в качестве одного из каналов ее улучшения. Посредством творческого воображения реализуется наиболее удачный исторический проект действительности. Примечательно, что в исторической схеме Гегеля творческое воображение стремится одновременно к «покою» и «свободе».

У Э. Жильсона творческая способность индивида размещается в пространстве между словом и мыслью. Стремление творить он отождествляет с блестяще развитым интеллектом, который обладает редкой способностью «сиять», как у В. Шекспира. Что касается концепции творчества Э. Рэнд, то для нее творческое воображение тождественно способности человеческого интеллекта к *реорганизации* вещей, являющихся предметом умственного созерцания.¹ Напротив, у В. Вулф география творческого воображения выглядит весьма нечеткой. Состояние сознания, удовлетворяющего требованиям творчества, казалось ей проблематическим. Творческая задача, по ее мнению, «это почти всегда чрезвычайно тяжелый подвиг», она возникает лишь тогда, когда не остается никаких препятствий, ни одной частички чужой материи, которая не была бы сожжена силой воображения художника.²

По мнению П. Клоделя, творческая способность реализует себя в процессе переработки человеческим сознанием какой-либо новой идеи. В силу определенного органического притяжения (симпатии) проникающая в сознание индивида «внешняя» мысль побуждает к деятельности его «внутренние» – творческие мысли.³ Этот подход частично напоминает концепцию

¹What Art Is: The Esthetic Theory of Ayn Rand. – USA: Open Court, 2000. – P. 47.

²Вулф В. Власний простір. – Київ: Альтернативи, 1999. – С. 49.

³Клодель П. Глаз слушает. – Харьков: Фолио, 1995. – С. 213.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

творчества Ж. Лакана, в рамках которой творчество фактически отождествляется со способностью интеллекта воспринимать и воспроизводить особые символические целостности – гештальты. По мнению Ж. Лакана, первичные символы возникают в человеческом сознании в результате обобщения некой критической массы имеющих преимущественное значение образов: человеческого тела, солнца, луны и т. п. Образное мышление придает человеческому языку живую энергию, эмоциональную вибрацию. На следующем этапе образ переходит в символ, который утрачивает свое первичное подобие с репрезентируемым объектом.

Данное обстоятельство принципиально отличает человеческий интеллект от компьютера, который хорошо распознает символы, но остается достаточно беспомощным перед гештальтами. Например, гештальт колеса в компьютерном (формализованном) мире считается «плохим». Компьютер можно научить оперировать с циклоидой, но при общении с другими компьютерами у него возникнут серьезные трудности.¹

Таким образом, творческая способность – это не просто свойство или навык человеческого сознания и воображения. В большинстве случаев это субъективно определенное и неповторимое качество. Как неоднократно подчеркивал Д. Серл, подлинная онтология ментальных состояний – это онтология от первого лица. Всякое сознание обладает «ужаснейшей чертой» – субъективностью.² Из этого следует, что творческое произведение обладает качеством субъективной определенности, это гештальт, «вышитый» по канве творческого воображения индивида. Применение в творческом произведении базисных знаков и символов (основные цвета,

¹ Лакан Ж. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/55). – М.: Логос, 1999. – С. 433-434.

² Серл Д. Открывая сознание заново. – М.: Идея-Пресс, 2002. – С. 37, 69.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

нотная октава, цифры «0» и «1») делает его потенциально распознаваемым в любой человеческой и «компьютерной» аудитории. Можно даже сказать, что данные элементы играют роль универсального алфавита. Однако лишь оригинальная композиция базисных элементов придает творческому произведению смысл. Поэтому мы имеем право утверждать о том, что *творческое произведение – это наделенный смыслом информационный геистальт, индивидуально созданная композиция распознаваемых в человеческой коммуникации образов, знаков и символов.*

По мнению К. Г. Юнга, тайна творческого начала, как и тайна свободы воли, представляет собой трансцендентную проблему, которую психология может описать, но не разрешить.¹ С другой стороны, творческое произведение представляет собой результат сложной комбинаторной работы человеческого интеллекта. В большинстве случаев оно пронизано аффективными символами и имеет смысл. Настоящее творчество обладает неподдельным могуществом, ибо положенное в его основу «воображение действует на человека столь же реально, как сила тяжести, и может убить его с таким же успехом, как синильная кислота».²

2.2.2. Индивидуальность и творчество

«Индивидуальное – вот единственная реальность, – писал К. Г. Юнг. – Чем дальше мы уходим от личности к абстрактным представлениям о Homo sapiens, тем вероятнее мы совершаем ошибку».³ Творчество всегда индивидуально, потому что творить может лишь автономный индивид, взятый

¹ Юнг К. Г. Психология и поэтическое творчество // Самосознание европейской культуры XX века. – М.: Политиздат, 1991. – С. 115.

² Фрэзер Д. Золотая ветвь. – М.: Политиздат, 1980. – С. 254.

³ Юнг К. Г. К вопросу о подсознании // Юнг Карл Густав, фон Франц М.-Л., Хендерсон Дж. П., Якоби И., Яффе А. Человек и его символы. – М.: Серебряные нити, 1997. – С. 53.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

в неповторимом качестве своей личности.¹ Как утверждает Д. Серл, сознанию принадлежит неустранимая субъективная онтология, «сознательным ментальным состояниям и процессам присуща особая черта, которой не обладают другие естественные феномены, а именно, субъективность».² «Ничто, – говорит Д. Сантаяна, – не является объективно впечатляющим; предметы способны впечатлять, только если им удастся затронуть чувствительность наблюдателя, проложив дорогу к его разуму и сердцу».³ Таким образом, оригинальность является необходимым качеством творческого гения и великого искусства,⁴ а утверждение себя в противоположность другим – важнейшей чертой современной культуры.⁵

Уважение к личности человека проистекает из возможности его экзистенции, способности стоять на своем, из независимости его моральных суждений о «правильном» и «неправильном», «истинном» и «ложном». Индивидуальность начинается всегда там, где заканчивается предсказуемость. Там, где мысли и действия индивида можно легко предвидеть, не остается места оригинальности. Как писал А. Зиновьев, человек всегда остается один, если решается стать человеком.⁶ В то же время в каждой личности имеется некое общественное начало, да и само стремление индивида к обособлению имеет смысл лишь в социальной среде. Последнее обстоятельство А. де Сент-Экзюпери называл «поразительным

¹Как признавалось в публикациях «Мира искусства», «причиной всего мира творчества, единственным звеном всех распрей искусств является царь всего, единственная творческая сила – *человеческая личность*, единое светило, озаряющее все горизонты» (Лифарь С. Дягилев. Монография. – СПб.: Композитор, 1993. – С. 76).

²Серл Д. Открывая сознание заново. – М.: Идея-Пресс, 2002. – С. 102, 70.

³Santayana G. The Sense of Beauty. – N. Y.: Dover Publications, 1955. – P. 65.

⁴Dissanayake E. What Is Art For? – Seattle and London: University of Washington Press, 2002. – P. 42.

⁵Bell J. What Is Painting? – N. Y.: Thames and Hudson, 1999. – P. 143.

⁶Зиновьев А. Зияющие высоты. Т. 2. – М.: Изд-во ПИК, 1990. – С. 21.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

парадоксом».¹ Подобно вечному спору между идеалистами и материалистами, существует спор между сторонниками восприятия человека в социальном и индивидуальном качестве. «Индивидуалисты» в этом споре утверждают, что стремление человека к личному обособлению «идет все дальше» (Ф. Шлегель, Н. Бердяев).

В свое время И. Кант *личностью* человека называл его свободу, способность противостоять механистическому воздействию внешних природных сил. По его мнению, «лицо как принадлежащее чувственно воспринимаемому миру подчинено собственной личности, поскольку оно принадлежит и к умопостигаемому миру; поэтому не следует удивляться, если человек как принадлежащий к обоим мирам должен смотреть на собственное существо по отношению к своему второму и высшему назначению только с почтением, а на законы его – с величайшим уважением».²

Принято считать, что неповторимость личности в большинстве случаев формирует окружающий ее культурный контекст. Используя гигантскую память мира, информационные потоки формируют «социокультурную таблицу», под воздействие которой попадает всякий индивид. Есть все основания говорить также о наличии обратной связи.³ В результате подобного процесса картина мира проникает в сознание человека, отлагаясь в нем в виде *остатка*, который принято называть его индивидуальной культурой.⁴ Таким образом, личность каждого человека представляет собой результат двустороннего творческого воздействия, в результате которого некоторые люди приобретают настолько сильную индивидуальность, что

¹Сент-Экзюпери А. Военные записки 1934-1944 гг. Художественная публикация. – М.: Прогресс, 1986. – С. 71.

²Кант И. Сочинения. В 6 т. Т. 4, ч. 1. – М.: Мысль, 1965. – С. 414.

³Bronowski J. The Origins of Knowledge and Imagination. – New Haven and London: Yale University Press, 1978. – P. 123.

⁴Моль А. Социодинамика культуры. – М.: Прогресс, 1973. – С. 56.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

обществу приходится прибегать к специальным средствам для ее частичного обуздания.¹ Иногда происходит так, описывал данную ситуацию Ч. Беккариа, что некоторые из нас начинают видеть в себе центр земных отношений.²

Связь индивидуальности и творчества является генетической, неразрывной. И если общество высоко ценит творческие способности, то по-настоящему важной для него становится личность. В свою очередь, общественное признание личности ставит в повестку дня вопрос о гарантиях самовыражения в условиях многообразия. Высокоразвитый социум не позволяет себе относиться к индивиду свысока или равнодушно. В менее продвинутых обществах отношение к личности является существенно иным. Как однажды заметил по этому поводу К. Кавелин, «в детях и юношах мы развиваем только общее – ум, знания, таланты; об особенном, личном – именно, их характере, мы мало думаем, да и то только с точки зрения внешнего приличия и дрессировки для общества».³

В современном западном мире наиболее типичной является ситуация, когда общество смотрит на индивидуальность широко.⁴ При этом в личности человека ценится не только ее неповторимость, но и экзистенциальная сопротивляемость внешней среде, «упрямство». При этом науке наших дней известны самые разнообразные теории личности.⁵ У Х. Плеснера содержание личности образуют «тело» и «душа», дополняемые возможностью ее рефлексии к первому и второму.⁶ Что

¹ Лем С. Не может быть рая на земле // Огонек, № 13, 1989. – С. 27.

² Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. – М.: Изд-во НКЮ СССР, 1934. – С. 201.

³ Кавелин К. Наш умственный строй. – М.: Правда, 1989. – С. 485.

⁴ Ролстон III Х. Существует ли экологическая этика? // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М.: Прогресс, 1990. – С. 273.

⁵ См.: Холл К., Гарднер Л. Теории личности. – М.: Изд-во КСП, 1997.

⁶ Плеснер Х. Ступени органического человека // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С. 127.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

касается Д. Дьюи, то его индивид – это общее наименование для «огромного множества особенных реакций, привычек, установок и сил человеческой природы, которые развиваются и утверждаются под влиянием жизни в обществе».¹

С точки зрения интересов обеспечения социальной стабильности, потенциал человеческой личности содержит в себе определенный риск. В свое время Аристотель говорил даже о необходимости изъятия из социальной среды одиночек, которые сумели над ней по-настоящему возвыситься. В Древней Греции для этого применялся ostracism, в современных условиях с подобной угрозой справляется вынужденная эмиграция. Таким образом, проблема обеспечения надлежащих условий для развития индивидуального начала остается неоднозначной. Осознавая угрозы, вытекающие из человеческой неординарности, Б. Рассел писал: «Я не знаю, что хорошего пришло с Робеспьером и, со своей стороны, я не вижу разумных причин быть благодарным Ленину. Но все они, хорошие и плохие в равной степени, имели качества, которые я не хотел бы видеть исчезнувшими из мира – качества энергии и личной инициативы, независимости разума и профетического воображения».² Известно, что с проблемой, которую воплощают в себе акцентуированные личности, уже не раз пытались бороться замалчиванием или политическими убийствами.

Более редким и вместе с тем эффективным средством решения данной проблемы является стимулирование символического многообразия, в котором способна потонуть или раствориться любая эксцентричность. На уровне права данная идея получила свое воплощение в Первой поправке к Конституции США, а также основанных на ней решениях Верховного

¹ Дьюи Д. Реконструкция в философии. – М.: Логос, 2001. – С. 154.

² Russell B. Authority and the Individual. – N. Y.: Simon and Shuster, 1949. – С. 32.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Суда.¹ В отличие от нее, статья 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года, равно как и основанная на ней статья 34 Конституции Украины 1996 года, предусматривают 13 предварительных ограничений на свободу мнений и слова.

Таким образом, в мире существуют принципиально разные нормативные модели, обеспечивающие интересы творческого самовыражения индивида. Как известно, Я. Корчак отстаивал право детей на риск в игре, Т. Джефферсон и В. Эбенстайн – право народа на восстание, К. Полани – защищал право человека на нонконформизм, а Ж. Бодрийар – «право на несчастный случай, право на преступление, право на ошибку, право на зло, право на самое худшее, а не только на самое лучшее».²

В свое время Д. Белл писал, что каждый человек обладает идентичностью, которая соответствует определенному историческому и культурному типу. Тем не менее, крайний индивидуалист обычно рискует стать сектантом, потерявшим связь с другими людьми, а последовательный космополит – утратить генетические корни. Что касается канона или «золотой середины», то она построена на том, что в большинстве жизненных ситуаций человек вынужден считаться с необходимостью *двойных* ограничений.³

Между оригинальными и заурядными личностями существует принципиальная разница. В частности, лица, обладающие способностью мыслить самостоятельно, отделены

¹ См.: Речицкий В. Правовые гарантии свободы слова в США // Свобода висловлювань і приватність, № 3, липень-вересень, 2004 . – С. 19-29; Речицкий В. Нова культурна ситуація потребує нових форм правового регулювання // Юридичний вісник України, 30 березня – 5 квітня, 2002. – С. 7; Речицкий В. Открытость информации как универсальное требование // Индекс, № 20, 2004. – С. 35-47.

² Бодрийар Ж. Прозрачность зла. – М.: Добросвет, 2000. – С. 130.

³ Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. – N. Y.: Basic Books, 1997. – P. 171.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

пропастью от людей, не владеющих подобным искусством.¹ Сильные личности вроде Ч. Диккенса могут быть не особенно приятны в семейном общении, но и лишённые индивидуальности «люди-натурщики» вызывают интерес лишь постольку, поскольку обладают способностью *не быть собой*. Поскольку хорошие романтики встречаются значительно реже, чем хорошие сыновья, это и определяет, в большинстве случаев, наш выбор. Чем большим является количество непримиримых оппонентов «универсальной истории», писал в свое время Г. Гессе, тем менее угрожающей становится опасность массовых глупостей и войн.² Современные политики не могут игнорировать «своеобразие силы и формирования» личности индивида. Наоборот, они обязаны учитывать его свободу вместе с многообразием действующих на него сил.³

Значимость индивидуального начала определяется также и тем обстоятельством, что, хотя природные процессы проходят на множественном или популяционном уровне, свобода выбора, лежащая в основе моральной ответственности, проявляется на уровне личности.⁴ По этой же причине общество, состоящее из граждан с развитым индивидуальным началом, является в политическом отношении более уравновешенным, чем общество-масса.

Следует заметить, что в исторической схеме Д. Писарева индивидуалистический принцип личного интереса последовательно проведен во все главные отправления общественной жизни. Чем более сильным и сознательным является стремление к личным преимуществам и выгодам, считал он, тем решительнее обнаруживается влияние просвещенного

¹ Мизес Л. Антикапиталистическая ментальность. – Нью-Йорк: Телекс, 1992. – С. 80.

² Гессе Г. Письма по кругу. – М.: Прогресс, 1987. – С. 229.

³ Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – С. 31.

⁴ Гумилев Л. География этноса в исторический период. – Л.: Наука, 1990. – С. 173.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

мнения на все практические распоряжения власти, тем неотразимее становится преобладание нравственных принципов над мелким практическим расчетом. Таким образом, лучшие результаты достигаются не искоренением эгоизма, а систематическим превращением всех граждан в совершенно последовательных и правильно рассчитывающих эгоистов.¹ С данным утверждением соглашается и Ю. Шерех: «Я иду дальше и утверждаю, что всякое здоровое общество должно строиться именно на эгоизме. Альтруизм – всегда исключение, можно его культивировать, но нельзя на нем строить».² По мнению же О. Уайльда, эгоизм часто неправильно смешивают с индивидуализмом. Если эгоизм проявляется в том, что человек пытается заставить всех жить по своим правилам, то индивидуализм позволяет человеку оставаться естественным и неэгоистичным.³

Для К. Г. Юнга автономная личность – это единственная достойная наших усилий реальность. Чем больше наука, писал он, движется в сторону абстрактных рассуждений о человеке, тем больше она рискует впасть в серьезное заблуждение. Уже в прошлом веке войн и революций слишком многое зависело от индивидуальных человеческих качеств. Что касается постиндустриальной эпохи, то в ней настоящий успех воплощают нации, состоящие из автономных индивидов, а не нации, состоящие из вождей и масс.⁴ Как писал Э. Фромм, человеческая индивидуальность важна просто потому, что актуальные идеи и символы могут работать лишь при условии, что они укоренены в структуре личности. Говоря иными словами, никакая абстрактная идея не может быть сильнее

¹ Писарев Д. Исторические эскизы. – М.: Правда, 1989. – С. 428.

² Шерех Ю. Пороги і запоріжжя. Т.1. – Харків: Фоліо, 1998. – С. 158.

³ Уайльд О. Избранные произведения. В 2 т. Т. 2. – М.: Республика, 1993. – С. 371.

⁴ Шумук Д. Пережите і передумане. – Київ: Видавництво Олени Теліги, 1998. – С. 164.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

эмоциональной матрицы, положенной в ее основу.¹ Отношения человека с другими людьми не являются унифицированными. Значимыми человеческие отношения становятся лишь в «иррациональном царстве неповторимой индивидуальности».²

Одним из наиболее характерных примеров проявления индивидуального начала является поведение инакомыслящих. Настоящий диссидент, писал В. Гавел, не стремится получить власть, официальный пост или голоса избирателей. Он также не предпринимает попыток очаровать публику и вообще ничего никому не обещает. Его действия непосредственно подчеркивают его достоинство как гражданина и не имеют никакой иной скрытой или подразумеваемой цели. Внутренним основанием его поступков является мораль, поэтому все, что он делает, он делает исключительно для себя. Лишь впоследствии в нем может зародиться смутная надежда, что его способ действия является полезным для чего-то в целом.³

По убеждению К. Поппера, индивидуализм лежит в основе христианской цивилизации в целом. «Возлюби ближнего своего», – сказано в Священном писании, а не «возлюби род свой», подчеркивает он. По мнению же А. Уайтхеда, именно индивидуалистическая направленность психики западного человека позволила ему отменить в свое время рабство и учредить неотъемлемые права человека.⁴ Авторитарные политические режимы, отождествившие прогресс с индустриальным развитием и доверяющие лишь плановым «догоняющим стратегиям», так и не сумели преодолеть свою отсталость.

¹Фромм Э. Психоанализ и религия // Сумерки богов. – М.: Прогресс, 1989. – С. 184.

²Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. – М.: Феникс, 1992. – С. 283.

³Havel V. Open Letters. – N. Y.: Vintage Books, 1992. – P. 320.

⁴Уайтхед А. Избранные работы по философии. – М.: Прогресс, 1990. – С. 200-201.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

В сущности, вся современная политическая наука пришла к осознанию того обстоятельства, что передовая нация реализует себя не в массе, а через индивидуальность, свободную от коллективистских уз в понимании идеи гражданственности.¹ В прежние времена, писал Ф. Ницше, общество постоянно и беспощадно употребляло личность в качестве материала для топки своих «великих машин». Поэтому лучшее будущее человечества представлялось ему в образе Венеции – воплощенно-го очарования «сотен глубоких одиночеств в совокупности».

По мнению Т. де Шардена, зарождение индивидуальности явилось результатом выделения человека из анонимных природных масс благодаря полученному им от Бога разуму. В последующем интеллектуальный прогресс привел человека к критике природной объективности. Как оказалось, человеческий опыт представляет собой систему сложных отношений с реальностью, в которую включен, прежде всего, и сам наблюдатель. Так, анализ обнаруженных наукой XX века связей индивида с физическим миром подвел К. Ясперса к выводу о том, что язык человеческого воображения вообще не может быть предметом объективных исследований. С другой стороны, именно с помощью языка воображения человек «схватывает» природную картину бытия; лишь через субъективное осознание своего положения в мире он получает возможность постигать его смыслы. И хотя впоследствии М. Фуко попытался отобрать у индивида его первоосновную роль, предложив рассматривать личность в качестве проявления универсальной функции дискурса, его утверждения по данному вопросу являются характерным примером индивидуализированного понимания проблемных ситуаций.

Установленные наукой нашего времени факты дают повод для раздумий о достаточной неопределенности и загадочности

¹ Антонюк З. Про чистоту і простоту // Листи з волі. – Київ: Сфера, 1999. – С. 160-161.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

истоков человеческой индивидуальности. Сегодня кажется очевидным, что личность одновременно тяготеет к конструированию сложных отношений, ценит неопределенность и нуждается в защите от давления извне.¹ Хотя иногда нам кажется, что люди под воздействием глобализации и СМИ стали более похожими друг на друга, непредсказуемость проявлений их личности остается по-прежнему непоколебимой.² Часто подобное своеобразие личности называют самолюбием или характером. Последние же признаются мощными движителями человеческих мыслей, побуждений и поступков.³ В сущности, не только жизнь человека в целом, но и многие отдельные формы его активности пронизывает вектор, лежащий в основе индивидуальности. И только при сопоставлении конкретных поступков с данным вектором становится возможным узнать, означает ли ложь хвастовство или увертку, является ли принесенная жертва проявлением сострадания или, наоборот, мании величия.⁴

Принято считать, что авторитарные политические режимы оценивают происходящие культурные события по «холодному» объективистскому принципу. Говоря иными словами, произведенные творцами артефакты (книги, скульптуры, картины и др.) рассматриваются в этом случае не как творческие произведения неповторимого субъекта, а как объективно значимые композиционные сущности. Можно предположить, что портрет работы И. Репина в этом случае приравнивается к пейзажу кисти А. Иванова. В науке данный подход проявляется в чрезмерной систематизации и классификации знаний, в образовании – в унификации (стандартизации) школьных и университетских программ и учебников. При этом практически

¹ Линч К. Совершенная форма в градостроительстве. – М.: Стройиздат, 1986. – С. 129.

² Элдин Т. Все о французах. – М.: Прогресс, 1989. – С. 44.

³ Мабли Г. Избранные произведения. – М.-Л.: АН СССР, 1950. – С. 59.

⁴ Адлер А. Индивидуальная психология // История зарубежной психологии (30 - 60-е годы XX века). Тексты. – М.: МГУ, 1986. – С. 136.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

на всех этажах и уровнях культурной иерархии превалируют формализованные критерии оценки.¹ В публичной сфере употребление общих мест считается признаком хорошего тона, а любые проявления индивидуальной творческой манеры оцениваются как сектантство.

Наоборот, в открытом и плюралистическом обществе творческая активность опирается на потенциал глубоко личностного начала. В первую очередь это означает, что каждый человек несет персональную ответственность за интерпретацию принципов справедливости и свое поведение в свете указанных принципов. Продвижение по службе, личное благополучие, творческие успехи или фиаско складываются здесь по индивидуализированным сценариям. Политические элиты открытых обществ понимают, что хотя подчинение индивидуальных целей универсальному исходу, как говорил Д. Ролз, и не посягает на принцип рационального выбора, в пространстве реальных человеческих потребностей и интересов оно служит признаком безумия.² При этом старая идея о том, что человек рождается свободным и равным с другими в обязанностях и правах, выглядит здесь правильной и одновременно вводящей в заблуждение. Ибо, вслед за Д. Рисменом, можно утверждать, что хотя люди и созданы равными, они утрачивают массу жизненных возможностей в своем стремлении быть похожими друг на друга.³ В подлинно свободном обществе индивиды преследуют разные до бесконечности цели, находя удовлетворение в предметах и деятельности, различающихся между собой «как земля и небо».⁴

¹ См.: Речицкий В. Правнича наука і ВАК. – Критика, № 3(89), 2005. – С. 20-22; Речицкий В. Правовая наука и ВАК // Права людини, 16-31 жовтня, № 29. – С. 7-10; Речицкий В. Правова наука і ВАК // Юридичний вісник України, № 9 (453), 28 лютого – 5 березня, 2004. – С. 27-31.

² Rawls J. A Theory of Justice. – N. Y.: Oxford University Press, 1973. – P. 554.

³ Riesman D. The Lonely Crowd. – N. Y.: Doubleday Anchor Books, 1953. – P. 349.

⁴ Юркевич П. Философские произведения. – М.: Правда, 1990. – С. 139-140.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Согласно предположению П. Фейерабенда, природа демонстрирует восприимчивость к индивидуальным чертам личности ученого и откликается на поставленные наукой вопросы в зависимости от того, *как именно* ее спрашивают. В свое время Н. Винер резко протестовал против «топора, которым подрубается корень оригинальности» исследования, ибо неоригинально мыслящим ученым в большинстве случаев нечего сообщить другим.¹ Известно также, что в начале прошлого века смысл человеческой субъективности пытался прояснить в своих работах Э. Гуссерль.² В частности, в докладе 1935 года о кризисе европейского человечества он изложил свою идею о том, что европейский гуманитарный кризис является интеллектуально дефектным продуктом французского Просвещения. При этом он акцентировал внимание на ошибочности попыток его выдающихся представителей исключить из творчески-научной сферы любое механистически нередуцируемое, духовное начало. По мнению Э. Гуссерля, ничто не воздействует на окружающий мир столь же глубоко и эффективно, как человеческая индивидуальность.

Хотя позвоночные животные обладают «личностным обществом» (А. Уайтхед), которое принадлежит к тому же типу, что и человеческий социум, уровень развития их мозга несопоставим с аналогичными параметрами *homo sapiens*. Что касается низших форм животных и растений, то у них полностью отсутствует главенство личностного начала – «дерево есть демократия».³ Наоборот, у человека даже столь гетерогенные по отношению к его внутренней организации факторы как климат, почва и природный ландшафт способны вызвать утонченный

¹ Винер Н. Кибернетика и общество. – М.: Иностранная литература, 1958. – С. 141.

² См. также: Деррида Ж. Письмо и различие. – М.: Академический проект, 2000. – С. 190.

³ Уайтхед А. Избранные работы по философии. – М.: Прогресс, 1990. – С. 607.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

нравственный и эстетический отклик.¹ В целом, люди являются привлекательными благодаря своей оригинальности и неповторимости. Как заметил по этому поводу Д. Джойс, на всем протяжении своей истории они бредут «сквозь самих себя», встречая по пути разбойников, призраков, великанов и прочих удивительных братьев по духу.²

Считается, что экономические предпосылки человеческой индивидуализации восходят к патронимии – кровнородственному объединению семей в первобытном обществе, которое сумело объединить в себе одновременно коллективистские и частнособственнические начала.³ В целом, вся жизнь на земле характеризуется постоянно возрастающей диссоциацией, а не ассоциацией или синтезом.⁴ Первобытные люди выступали перед лицом природы *массой*,⁵ однако впоследствии различие между индивидом-личностью и случайным индивидом сыграло роль настоящего водораздела в эволюционном процессе. В частности, в «Немецкой идеологии» К. Маркс анализирует понятие «классового индивида» и личного «я» в качестве закономерного итога всей логики социального развития.⁶

Что касается становления *индивидуалистической философии*, то она, как принято считать, восходит в своих истоках к Протагору. В свою очередь, убеждение в том, что в жизни нет ничего важнее, чем обладающий чувством собственного достоинства индивид, известно в философии со времен Сократа.⁷ Поскольку

¹ Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – С. 328.

² Джойс Д. Улисс. – М.: Республика, 1993. – С. 165.

³ История первобытного общества. Эпоха классового образования. – М.: Наука, 1988. – С. 181.

⁴ Шелер М. Положение человека в Космосе // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С. 42.

⁵ Фейербах Л. История философии. В 3-х т. Т. 2. – М.: Мысль, 1974. – С. 344.

⁶ Агг А. Мир человека как субъекта производства. – М.: Прогресс, 1984. – С. 16.

⁷ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. – М.: Феникс, 1992. – С. 236.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

гражданско-патриотическая традиция времени требовала постоянной сплоченности граждан перед лицом внешней угрозы, в политической философии Древней Греции индивидуализм органически соединялся с идеей отечества.¹

Средние века характеризуются существенным ослаблением коллективистских начал, а Новое время принесло с собой твердое убеждение в том, что коллективное тело являетсяместищем и охранителем догмы, а поэтому язык коллектива и личности принципиально не совпадают.² Если XVIII век подарил миру декларацию неотчуждаемых прав, то следующее столетие принесло в общество чувство экзистенциальной тоски и жажду высшего идеала.³ В России П. Новгородцев писал о том, что «душевная жизнь личности шире и глубже политики и общественности», а потому предлагал искать гармонию не в социальных условиях, а в душе каждого отдельного индивида. Что касается европейской философии после Р. Декарта, то суть метафизической позиции человека определялась в ней убеждением в том, что роль покорителей мира принадлежит выдающимся одиночкам. Новоевропейская концепция «гения» полностью опиралась на тождество человеческого существа с субъектом. О Христе в это время писали, что он «терпеть не мог тупые безжизненные системы», для которых люди – это всего лишь неодушевленные предметы.⁴ Фактически на всем отрезке данного исторического периода индивид воспринимался как автономно действующая личность, творческий субъект.⁵

Индивидуальное начало подчеркивалось также в литературном и художественном романтизме. Романтический герой

¹ Богданов А. Наука об общественном сознании. – Петроград: Книга, 1923. – С. 183.

² The Simon Weil Reader. – London: Moyer Bell, 1999. – P. 23.

³ Новгородцев П. Об общественном идеале. – М.: Правда, 1991. – С. 42-43.

⁴ Уайльд О. Избранные произведения. В 2 т. Т. 2. – М.: Республика, 1993. – С. 441.

⁵ Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – С. 133, 170.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

в искусстве, писал Ж. Батай, есть существо мечтательное, страстное, недисциплинированное, сопротивляющееся любым обязательствам. Его поведение обычно непредсказуемо и непостоянно. Что касается положения индивида в сфере промышленности и торговли, то и здесь освобожденный от сословных кодексов чести автономный субъект быстро адаптировался к условиям капиталистического производства.¹ Особенность ситуации заключалась лишь в том, что индустриальная эпоха воспитывала индивидуализм параллельно с развитием чувства социального конформизма. Становление личности происходило в этот период параллельно с персонализацией собственности на средства производства. Борьба за экономическую продуктивность стимулировала индивидуальную готовность к решению творческих задач.

Спрос на развитую индивидуальность ощущается в этот период в экономике и финансах, политике и дипломатии, науке и культуре. Новая и новейшая история – это время независимости, власти личности, власти индивидуума повышать свое образование, искать свое собственное вдохновение, формировать свое окружение, общаться с теми, кто заинтересован в том же.² В этот период одновременно несколько философских систем совпадают в своем стремлении *вовнутрь*: здесь и Д. Беркли с его *esse est percipi* (быть – значит быть воспринимаемым), и И. Кант со своей категорией разума, и, разумеется, В. Блейк.³

Скорость, с которой договорная теория распространилась в Новое время по Западной Европе, писал Д. Дьюи, служит надежным свидетельством ослабления связывающих свободу индивида социальных норм. Человек становился все более

¹ Батай Ж. Литература и зло. – М.: МГУ, 1994. – С. 47.

² Дайсон Ф. Оружие и надежда. – М.: Прогресс, 1990. – С. 94.

³ Милош Ч. Личные обязательства. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 200.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

независимым от притязаний класса, гильдии и любой социальной группы. Примечательно, что растущее уважение к личности повлекло за собой сокращение количества насильственных преступлений. В конечном счете, усилия либерального государства и рынка привели к возникновению пропасти между традиционным обществом и индивидом, который отныне «считает себя пупом земли и живет лишь для себя самого».¹ Как писал У. Бек, продумывая западную ситуацию до конца, нельзя избежать вывода о том, что базисной фигурой является в ней *одинокий индивид* (single person). Причем, даже при всех очевидных расхождениях данного статуса с требованиями рынка, брака и семьи, модус одинокого индивида невозможно признать в качестве отклонения от нормы.² Современное западное одиночество – это не самоизоляция, а проявление мужественного и независимого отношения к жизни. По мнению Э. Левинаса, даже жесткий экзистенциалистский анализ ситуации «отчаяния одиночества» не смог понизить авторитета тех байронических тем, в которых одиночество выступает гордым, аристократичным и гениальным.³

Современный евроатлантический мир вступил в «эру субъективности» – время, когда мысли и поступки людей становятся все более обусловленными их внутренними духовными потребностями. При этом лидирующие общества начинают ориентироваться на творческое воображение индивида даже в большей степени, чем на технологические возможности прогресса. Чем более «личностным» и мозаичным становится социум, тем более впечатляющими оказываются его продуктивные возможности. Если в прошлом веке, писал З. Бжезинский, в мире превалировали дискуссии относительно наилучшей

¹ Липовецки Ж. Эра пустоты. – СПб.: Владимир Даль, 2001. – С. 277.

² Beck U. Risk Society. – London: Sage Publications, 1997. – P. 122-123.

³ Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. – С. 41-42.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

социальной организации жизни, то ныне мы ощущаем себя в средоточии дебатов по поводу ее *личностного* измерения. В XX веке нацисты и коммунисты продемонстрировали миру пик тщеславия в понимании того, как насильственными средствами может быть создана политическая утопия. Однако сегодня мы можем стать свидетелями еще большего интеллектуального чванства.¹ И думать подобным образом нас заставляют сегодня шокирующие возможности усовершенствования психобиологических параметров человека. Отныне в мире существует возможность превратить население отдельных стран в генетически улучшенную ветвь человечества.²

Открытые наукой возможности предусматривают не только надежную профилактику некоторых категорий болезней или гарантии человеческого долголетия, но и невиданное расширение интеллектуальных способностей индивида. В свете перспектив, которые открываются перед населением развитых стран в «эру субъективности», прежние устремления общества потребления кажутся наивными. На наших глазах возникает ситуация, при которой «религия постмодерна» все более гармонично соединяется с «иерархическим принципом» Л. Витгенштейна: «Надо, чтобы в религии каждой ступени религиозности соответствовал способ выражения, не имеющий смысла на низших ступенях. Учение, имеющее смысл на высших ступенях, ничего не значит для людей, находящихся в данное время на низших ступенях; они *способны* понять его лишь *превратно*, причем эти слова не имеют ценности для этих людей».³

Сегодня отдельные страны и культуры устанавливают

¹Как однажды заметила С. Вейль, «человек, гордящийся своим умом, похож на заключенного, который гордится большими размерами своей камеры» (The Simon Weil Reader. – London: Moyer Bell, 1999. – P. 331).

²Бжезі́нський З. Виклик XXI століття і філософська збентеженість, релігійна непевність // День, 17 серпня, 1999. – С. 3.

³Витгенштейн Л. Философские работы. Часть 1. – М.: Гнозис, 1994. – С. 441.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

собственные пропорции допустимого соотношения материального и символического начал. При этом «материалистически» ориентированные общества серьезно рискуют оказаться в положении аутсайдеров. Как показывает опыт, формально (доктринально, идеологически) ориентированные на достижение высоких уровней благосостояния социальные системы проповедают на самом деле не прагматизм, а утопию. Поскольку «материалисты» считают инакомыслие воплощением опасной девиации, о последствиях своих ошибок, писал А. Уайтхед, они узнают косвенно – благодаря повсеместно распространяющемуся чувству фрустрации, отчаяния и страха. Сандинисты проиграли первые же демократические выборы просто потому, что их режим не смог сделать народ счастливее. К сожалению, пренебрежение символическими ценностями представляет собой угрозу, признаки которой «материалистическими» средствами обнаружить невозможно. Принципы и нормы функционирования символической реальности противоречат традиционным представлениям материалистов.

По мнению С. Зонтаг, мысль и мышление в целом лишаются всякого смысла, если не впадают в крайности и ничем не рискуют.¹ Более того, риск является классическим атрибутом всякого индивидуалистического взгляда на вещи. Уже начиная со Спинозы, говорил Ф. Ницше, философию позволительно было трактовать как «исповедь» одинокого творца, мемуары, написанные как бы незаметно для автора. Цели, связанные с индивидуальным выбором, образуют ядро всех без исключения философских систем. Поэтому на самом деле в философии не существует ничего безличного.² С другой стороны, индивидуализм вовсе не делает философские системы сколько-нибудь «частными». Как говорил П.-А. Гольбах, настоящий

¹Зонтаг С. Мысль как страсть. – М.: Русское феноменологическое общество, 1997. – С. 101.

²Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1990. – С. 244.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

мыслитель «не должен считаться со своей эпохой, своими согражданами или с государством, в котором он живет; ему следует обращаться ко всему человеческому роду и иметь в виду грядущие поколения».¹

Примечательно, что у А. де Токвиля творческий индивидуализм описан как страстная и преувеличенная любовь к себе, побуждающая человека не только связывать все окружающее с собой, но и предпочитать себя всему остальному миру. Б. Рассел, напротив, опасался творческого «субъективизма» в духе Ж.-Ж. Руссо и романтиков, который он называл не иначе как «формой безумия». О трагедии «пустой свободы» эгоиста неоднократно говорил Н. Бердяев. С другой стороны, всплеск творческой мысли – это удел не просто свободных идей, а только наиболее «опасных» из них.² По крайней мере, в художественном творчестве крайняя индивидуализация является незаменимой. Как однажды заметил Р.-М. Рильке, участие Ван Гога в публичном обсуждении его творческой манеры даже теоретически кажется безумием.

Стоит творческому духу выйти из глубин сокровенности и начать открываться другим, говорил М. Бланшо, как он тотчас же исчезает.³ Поэтому тезис К. Маркса о том, что не личности должны служить гарантиями против законов, а законы должны служить гарантиями против личностей,⁴ к творческим элитам применить невозможно. Тем не менее, многие отношения между творцами и политически организованным обществом могут и должны быть правовыми. Право обладает способностью устанавливать модели любых отношений, в том числе и обеспечивающих режим свободного творчества. Как

¹ Гольбах П.-А. Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1963. – С. 660.

² Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. – М.: Прогресс, 1986. – С. 269.

³ Бланшо М. Пространство литературы. – М.: Логос, 2002. – С. 190.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. – С. 140.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

известно, Аристотель советовал не демонизировать государство, считая его естественной формой человеческого общежития. И все же на практике творческие элиты небезосновательно подозревают политический истеблишмент в консерватизме. В свою очередь, политики грешат тем, что видят в творцах ниспровергателей основ.

По мнению Н. Михайловского, отношения автономного индивида с обществом представляют собой перманентную борьбу за влияние. Если в ней побеждает организация, то личность становится ее функцией. Для предотвращения подобной угрозы необходимо установить нормы, которые бы гарантировали индивиду статус наивысшей ценности. По крайней мере, такое требование является центральным пунктом теории «индивидуалистического общества». Как считал А. Швейцер, в случае подавления личности коллективом обществу грозит быстрая деградация культуры. Ибо в подобной ситуации умаляется решающая для него величина – духовные и нравственные задатки индивидуальности.¹ По этой же причине С. де Бовуар признавала справедливым только то общественное устройство, которое может обеспечить удовлетворение потребностей *автономной личности*.² В либеральных и открытых обществах усилия творческих индивидов вознаграждаются на свободном рынке символических достижений. В закрытых и консервативных обществах творчество носит официальный или полуофициальный характер и вознаграждается на основе строго формализованных критериев оценки. Естественно, что если в первом случае для адекватной оценки творческого произведения наиболее важными являются нюансы отличия, то во втором – *подробности* практически игнорируются.

Рыночное вознаграждение творчества на основе *полутонов и оттенков* помогает явным и скрытым интенциям природы.

¹ Швейцер А. Благоговение перед жизнью. – М.: Прогресс, 1992. – С. 69.

² Бовуар С. Другая статья. Т. 1. – Київ: Основи, 1994. – С. 41.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Вознаграждение же на основе формальных и стандартизированных критериев оценки является мало связанным с природой творчества и органическим состоянием вещей в целом. Это означает, что при длительной эксплуатации абстрактных оценочных схем творческий потенциал общества деградирует. Что же касается перспектив, то из подобного смешения личных и официальных идеалов может последовать только крайняя путаница и хаос. «Люди лучше, чем учреждения», – писал П. Кропоткин.¹ Неслучайно праксиология рекомендует не рассматривать учреждения, корпорации и фирмы в качестве аналогов реально действующих субъектов. Организации, корпорации, фирмы и институты не могут *в принципе* совершать очень многие из действий, на которые способен индивид.² К тому же, работая в составе институтов, люди проявляют себя менее творчески, чем когда они предпринимают что-либо самостоятельно. К сожалению, в социальных институтах индивидам противостоит не только власть, но и однообразие, не только сила принуждения, но и равнодушие к оригинальным чертам их личности. Однако наиболее опасным свойством институтов является невольно осуществляемая ими общая унификация проявлений символического начала.

По мнению Т. Адорно, главные типологические особенности фашистского режима проистекают из утрированной репрезентации «простоты» народных нравов.³ Но даже то стандартное социальное давление, которое личность испытывает на себе со всех сторон, является повседневным стимулом к отречению от экзистенции, незримым способом «фальсификации жизни». Организованное общество, писал Ж. Бодрийар,

¹Кропоткин П. Записки революционера. – М.: Мысль, 1990. – С. 195.

²Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. – М.: Экономика, 1975. – С. 101.

³Адорно Т. Проблемы философии морали. – М.: Республика, 2000. – С. 24.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

охотно интернирует праздношатающихся, бродяг и прочих девиантных индивидов. По первому же требованию оно предоставляет им занятия и прикрепляет к месту, внедряя в их сознание идею труда. Постепенно *заточение* становится макромоделью всей промышленной системы. Под знаком продуктивного капитала и целесообразности общество превращается в трудовой лагерь.¹

Как оригинальный философ, Ф. Ницше не уставал разоблачать фальшь и лицемерие всех тех, кого не устраивает независимое мышление и индивидуальный поступок. «Остерегайся добрых и справедливых! – писал он. – Они охотно распнут тех, кто обрел свою добродетель, – они ненавидят одинокого».² Известно, что в философии Н. Бердяева система социального «монизма» рассматривается как откровенно враждебная природе человеческого духа. Что же касается реальной (практической) ситуации, то в наши дни эксплуататорами личности являются не столько эгоистические капиталисты и предприниматели, сколько организации, исповедующие принцип групповой лояльности. Поэтому, говорил Ф. Хайек, настало время выработать правила поведения для групп, целью которых была бы защита личности от давления коллектива.³

Платон не верил в то, что организация может быть лучше составляющих ее членов. Убежденность в обратном еще и сегодня остается достаточно сильной. Как показал К. Маркс, «личные интересы всегда развиваются против воли личностей в классовые интересы, в общие интересы, которые приобретают самостоятельность по отношению к отдельным лицам, принимают при этом своем обособлении форму *всеобщих* интересов, в качестве таковых вступают в противоречие с

¹Бодрийар Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000. – С. 85.

²Ницше Ф. Так говорил Заратустра. – СПб.: 1899. – С. 73.

³Хайек Ф. Общество свободных. – Лондон: 1990. – С. 146.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

действительными индивидами и в этом противоречии, будучи определены как *всеобщие* интересы, могут представляться сознанием как *идеальные* и даже как религиозные, святые интересы». ¹

Если приобщение индивида к линии потомков привязывает его ко времени, то включение личности в социальный контекст «растягивает» ее в пространстве. Подобный социальный ортогенез Т. де Шарден называл «волочильней» для индивида, под воздействием которой он из центра всеобщих усилий и забот превращается в посредника, звено, которое не столько *существует*, сколько *передает*. ² Социальная жизнь становится в этом случае более реальной, чем отдельные жизни, личности приходится пережить «четвертование в коллективе». Сознавая действительные размеры подобной угрозы, С. Вейль писала: «Некоторые общества, вместо того чтобы служить питательной средой индивиду, лишь поедают души. В этом случае перед нами – социальное заболевание, и первой нашей обязанностью должна быть попытка избавиться от него». ³ Если организации, общества и государства, писал, в свою очередь, Д. Дьюи, не служат целям расширения круга коммуникации индивида, они утрачивают свою легитимацию. ⁴ Ибо общество и государство – это всего лишь спонтанно возникшие формы цивилизованного общения. Любое отклонение от данного принципа противоречит их органическому предназначению.

Свободное демократическое государство обычно не заботится о том, что именно должен чувствовать и понимать живущий в нем автономный индивид. Наоборот, в авторитарном государстве создается целая иерархия обязательных

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. – С. 234.

² Шарден Т. Феномен человека. – М.: Наука, 1987. – С. 96.

³ Вейль С. Укорінення. Лист до клірика. – Київ: Дух і літера, 1997. – С. 227.

⁴ Дьюи Д. Реконструкція в філософії. – М.: Логос, 2001. – С. 158.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

символических значений. Конечно, писал К. Поппер, то обстоятельство, что человек и его цели являются продуктом общества, в известной степени, верно. Однако и общество является продуктом человека и его целей. В результате, типы политических режимов зависят от того, какую из данных закономерностей элита считает для себя более важной.

Как утверждал Ш. Монтескье, «дом всякого гражданина есть его убежище и <...> в этом убежище недопустимо против него никакое насилие».¹ В наши дни его максимум можно интерпретировать в том смысле, что государство не имеет права унифицировать проявления личности своих членов. К сожалению, говорил М. Бакунин, все коллективистские пристрастия государства основываются на неправильном предположении о том, что индивид, в сущности, зол и плох.² Как политический философ М. Бакунин нередко бросался в крайности, однако данное наблюдение делает честь его проницательности.

2.2.3. Творческие элиты

В социальном и политическом плане проблема творческих элит существует в силу того обстоятельства, что в структуре современной занятости творчеству принадлежит все более ответственная роль. Хотя почти любая работа включает в себя элементы творчества, далеко не все люди могут создавать новое, сознательно творить. Способность к творчеству является врожденной способностью человека, и потому выступает прерогативой творческих элит, обладающих умением выходить за границы общеизвестного и общепринятого. В самом общем виде это означает, что творческие элиты владеют искусством сочетания элементов области известного с элементами области

¹Монтескье Ш. Избранные произведения. – М.: Госполитиздат, 1955. – С. 647.

²Бакунин М. Философия, социология, политика. – М.: Правда, 1989. – С. 97.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

неизвестного. Нетворческие люди такой способностью в развитом виде не обладают. Как говорил Аллен, творцы пересоздают мир, делая это просто в силу своего призвания. Поскольку же остальное общество сравнительно медленно реагирует на инновации, творческие элиты поддерживает интуиция, способность черпать силы из внутренних источников. Возможно поэтому, как говорил Л. Витгенштейн, мерой гения служит характер.¹

Отдельные представители творческих элит обладают харизмой – «психомоторными» доказательствами своей связи с неэмпирическими, телеологическими аспектами реальности, определяющими смысл человеческих поступков и вообще многих происходящих событий.² Однако главное свойство творческих элит заключается не в их способности производить внешний эффект, а в их реальном умении упорядочивать по-новому разнообразные данные, придавать предметам и отношениям новый, неожиданный смысл. Как писал Т. Кун, творческий процесс очевидным образом непознаваем, поэтому попытки проникнуть в его механизм лучше всего отложить навсегда. В большинстве случаев творческие элиты формируются из представителей младших поколений. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на резюме авторов фундаментальных открытий.³

Выявлению творческих элит способствуют, в большинстве случаев, неформальные критерии оценки. Это означает, что их распознавание строится на профессиональной интуиции, принципе «формально необоснованного» доверия. Наиболее часто элиты удается обнаружить по неожиданно произведенному для всех творческому эффекту. Выявить элиты на основе дипломов о формальном образовании или по перечням карьерных заслуг

¹Wittgenstein L. Culture and Value. – USA: The University of Chicago Press, 1984. – P. 35-е.

²Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический проект, 2000. – С. 182.

³Кун Т. Структура научных революций. – М.: Изд-во АСТ, 2001. – С. 127.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

невозможно. Но из этого также следует, что творческим элитам хорошо знаком эффект «необходимого напряжения» от непризнания в мире (Т. Кун). Как писал по этому поводу Л. Шестов, все то, что действительно прекрасно, одновременно труднодоступно. Поэтому не стоит удивляться, что жизненный путь творцов пригоден, «может быть, только для одного».¹

По мнению Л. Витгенштейна, «у гения не больше света, чем у любого другого достойного человека, но он как бы с помощью линзы особым образом фокусирует этот свет в воспламеняющую точку».² «Человек-масса», говорил Х. Ортега-и-Гассет, способен удовлетворяться первой же мыслью, которая приходит ему в голову. Что касается элит, то они крайне далеки от подобного способа принятия решений. В своем опыте они применяют комплексы идей, до которых непросто додуматься. Так возникает парадокс: общественное доверие, оказываемое творческим элитам, основывается на способностях, которые в глазах большинства выглядят подозрительно.

За редким исключением, творческие элиты формируются из своенравных, неуправляемых и пассионарных одиночек. Поэтому отношения творческих элит и общества являются примером отношений *особенного* и *общего*. При этом «особенное» спонтанно возникает в системе «общего» как нечто случайное, ограниченное и аномальное. Наоборот, «общее» по отношению к особенному напоминает голую абстракцию, «не содержащую в себе ничего от особенного, и поэтому – так как в этом оно относится к особенному несправедливо – представляется чем-то насильственным и внешним, не обладающим, с точки зрения людей, никакой подлинной субстанциальностью».³ Не вызывает сомнения и то, что творческие

¹ Шестов Л. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. – М.: Наука, 1993. – С. 268.

² Витгенштейн Л. Философские работы. Часть 1. – М.: Гнозис, 1994. – С. 445.

³ Адорно Т. Проблемы философии морали. – М.: Республика, 2000. – С. 26.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

элиты обладают способностью воспринимать и распознавать чрезвычайно тонкие нюансы символического значения, недоступные для широкой публики. Лишь в результате серьезного и длительного эстетического воспитания и развития вкуса подобные смысловые и содержательные оттенки становятся понятными культурной общественности.

Иногда представители творческих элит проявляют в своем профессиональном поведении и общем стиле жизни активность, граничащую с интеллектуальной агрессией. Как говорил Ж. Кокто, «везде на земле это особая раса; раса тех, кто не оглядывается, не страдает, не любит, не болеет; раса-алмаз, которая режет расу-стекло».¹ В свою очередь, Н. Маньковская видит в творческих элитах воплощение «агентов желания», проблема статуса которых приобретает в настоящее время особую остроту. «Агентом желания» у нее является всякий, в ком отчетливо проявляет себя импульс бессознательного начала. Это может быть ребенок, дикарь, ясновидящий, революционер, герой, гений и др. Что касается собственно творческих элит, то у них отдельные шизоидные качества личности, как правило, подчинены высшему синтезу творческих желаний, примером чего может служить художник.²

Творческие элиты иногда называют «борцами против истории», индивидуалистами-одиночками, протестующими против «слепой власти действительного». Творец часто не обращает внимания на то, «как оно есть», всецело подчиняя себя созидательному принципу: так должно быть.³ Это, в свою очередь, означает, что творческий гений принадлежит обычно свободному человеку. Наоборот, «гений переделывающий»

¹Кокто Ж. В трех томах с рисунками автора. Т. 1. – М.: Аграф, 2001. – С. 104.

²Маньковская Н. Эстетика постмодернизма. – СПб.: Алетейа, 2000. – С. 98.

³Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1990. – С. 212.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

воплощает в себе орудие чужих желаний. Подлинные творцы альтруистически расходуют себя, их инстинкт самосохранения «снят с петель». Как однажды заметил по этому поводу Т. Уильямс, быть творцом – означает быть свободным в прямом и переносном смысле этого слова: остановиться, когда пожелаешь, и сняться с якоря, как только появится желание двинуться дальше. Творец – это путешественник, преодолевающий препятствия без особых моральных терзаний. «Говорят о Новом Журнализме, о Новом Критицизме, о новом взгляде и о новом стиле в кино и в театре, практически во всем, с чем мы живем – но что нам действительно необходимо, как я думаю – это Новая Мораль», – признавался он.¹

По наблюдению Д. Дидро, творцы все воспринимают и решают по своему вкусу и «отвращению». Поэтому их жизненное обустройство в уравновешенном социуме может быть проблематическим. Пытаясь дать набросок идеальной жизни обитателей Эдема, Э. Сведенборг пишет об ангелах, «живущих уединенно, немногими семьями или домами».² По сравнению с этой идиллической картиной, жизнь творческих элит кажется настоящим вулканом. При этом творческим элитам не чужда настоящая избранность, аристократизм. Как однажды заметил В. Гомбрович, «Бах был один, но каталог его произведений содержит сотни позиций, он легко создавал произведения высочайшего стиля. Сегодня композиторов больше, чем произведений Баха, но все вместе они не создали, наверное, и десятка партитур, солидно укорененных в Духе».³ В другом месте он сравнивает творцов с альпинистами, чье «интеллектуально-вербальное восхождение наверх» является столь же заманчивым, сколь и трудным.

¹ Уильямс Т. Мемуары. – М.: Олма-Пресс, 2001. – С. 310.

² Сведенборг Э. О небесах, о мире духов и об аде. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 56.

³ Гомбрович В. Щоденник. Т. 3. – Київ: Основи, 1999. – С. 57.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Искусство создано для всех, говорил А. Архипенко, но не все созданы для искусства. Подлинный художник может решить для себя не быть художником, однако противоположное намерение неосуществимо. С другой стороны, творческие элиты являются аристократами лишь в социально-культурном смысле. В реальной действительности многие из них погружены в «трясину жизни среди обывателей» (Ю. Шерех). И все же иерархию статусов по отношению к творческим элитам нельзя назвать условной. Как говорил Э. Ионеско, «перед Эйнштейном я могу лишь молчать».¹

Ф. Ницше считал подлинными аристократами не тех, кто подчинен «инстинктивной жажде счастья и наслаждений», а тех, кто способен испытывать настоящий восторг и благоговение перед произведениями искусства. Эстетическую способность он считал «регулярным симптомом аристократического образа мыслей и аристократической оценки вещей».² По мнению А. Тойнби, все пророки, поэты и ученые – это избранные сосуды, призванные и уполномоченные Творцом на совершение действий особого, «эфиризованного вида».³ Что касается Х. Арендт, то у нее творческий аристократизм воплощают в себе все «художественные профессии» – единственные, по-настоящему не ориентированные на прибыль.⁴

Хотя со стороны иногда кажется, будто все произведенное элитами просто падает с дерева «в спокойный осенний вечер», в реальной действительности творчество представляет собой организационную проблему. Практически все гении были великими тружениками, однако само по себе желание творить является недостаточным для достижения творческого эффекта. Ф. Ницше верил, что творец – это миссия гораздо более

¹ Ионеско Э. Противоядия. – М.: Прогресс, 1992. – С. 175.

² Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1990. – С. 384.

³ Тойнби А. Постигание истории. – М.: Прогресс, 1991. – С. 632.

⁴ Арендт Х. Vita Activa, или о деятельной жизни. – СПб.: Алетейа, 2000. – С. 162.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

высокая, чем «продуктивный человек».¹ Неудивительно, что и сегодня одаренные творцы считают себя представителями высшей социальной страты.²

Повиноваться намного проще, чем управлять, говорил Г. Моска, ибо для повиновения не требуется специальных качеств. Наоборот, для руководства людьми необходимы врожденные способности. Возможно, что именно по этой причине политическое фиаско нередко связывают с недостатком элитных качеств.³ Элиты необходимо чтить, говорил Р. Дарендорф, ибо они способствуют открытости обществ, обеспечивают инновации и задают необходимые образцы для наследования. Если интеллектуальная элита умолкнет, общество рискует потерять свои перспективы. Отсюда лозунгом элит должно стать: *коль скоро мы можем, мы должны*. Хотя в этическом смысле данный тезис звучит несколько вызывающе, творческие элиты действительно делают для нас то, чего мы сами для себя сделать не в состоянии.

Обычно в обществе функционирует одновременно несколько типов творческих элит. Философы, ученые, интеллигенция и религиозные деятели определяют наши мировоззренческие установки. Менеджеры и верхушка контролируемой бюрократии разворачивает данные установки в реальных параметрах управления. Ведущие предприниматели и финансисты обеспечивают развитие финансовыми и техническими средствами. Наконец, политические элиты определяют стратегические векторы прогресса и несут ответственность за его результаты. Данную иерархию элит В. Горбулин называет «пирамидой сил». Все творческие элиты выделяются у него

¹ Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1990. – С. 347.

² Иноземцев В. Расколота цивилизация. – М.: Наука-Academia, 1999. – С. 563.

³ Лисяк-Рудницький І. Між історією й політикою. – Мюнхен: Сучасність, 1973. – С. 406.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

способностью видеть будущее с существенным опережением во времени.¹

По мере усложнения социальных систем творческие элиты работают не только над выработкой и постановкой конкретных целей, но также «играют в бисер» – свободно экспериментируют с образами, идеями и символами, которые они отстаивают и критикуют, применяя для этого самые разнообразные методы и стратегии. Изощенные в интеллектуальных играх элиты реагируют на силы и обстоятельства жизни в соответствии со своими *личными* принципами и ценностными установками. Внешне данный вид активности напоминает процесс принятия решений в конгрегациях Ватикана – поведение особых людей в особых обстоятельствах.² Впрочем, как утверждал в свое время Ч. Милош, все художники, аристократы и богатые наследники испытывают специфические чувства и переживания, все они солидарны в своем «последнем противостоянии приходу исторически предопределенной всеобщей серости»...³

В большинстве случаев творческие элиты судят о происходящем не столько логически (механистически), сколько этически и эстетически. Неслучайно Ж. Делез и Ф. Гваттари подчеркивают то место у Г. Миллера, в котором он выделяет людей, знающих силу «беспольных» в практическом смысле желаний. По мнению Г. Миллера, именно этот класс людей умеет глубже других погружаться в потоки жизни, именно о них можно сказать, что в своем стремлении всюду успеть они мало ели и мало спали. За исключением фигур калибра Р. Нурьева или П. Пикассо, творческие элиты не обязательно полагают солидной собственностью. Некоторые из них бегут

¹ Горбулін В. Монолог про демократію // Політика і культура, № 3, 2002. – С. 31.

² Подобный вид (стиль) администрирования описан в «Золотых воротах» Т. Брезы.

³ Милош Ч. Личные обязательства. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 286.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

от семейных обязанностей или игнорируют долг по защите отечества.¹ Элита, говорил Гегель, извлекает «свои цели и свое призвание не просто из спокойного, упорядоченного, освященного существующею системою хода вещей, а из источника, содержание которого было скрыто и не доразвилось до наличного бытия; из внутреннего духа, который еще находится под землей и стучится во внешний мир».² Принадлежать к элите, вторит ему Ж. Лакан, означает быть «предшественником», видеть происходящее глазами грядущих поколений.

Несмотря на то, что многие творческие элиты ведут себя корпоративно и замкнуто, сам факт их присутствия в мире достаточен, чтобы «нарушать порядок вещей» (С. Зонтаг). Творческие элиты эгоцентричны и альтруистичны одновременно, они поглощают массу энергии, чтобы тут же сконцентрировать ее в своих произведениях. Стремясь внешне к уединению и обособленности, творческие элиты сохраняют внутреннюю духовную потребность «протянуть руки и обнять весь мир».³

Хотя элиты в ряде случаев вступают в союз с консерваторами, главным фактором социальных перемен является уровень сознания элит. При этом свои творческие способности элиты могут проявить лишь в контексте определенной культуры. Хотя первоисточником творчества элиты считают реальность собственного воображения, полная картина творческого процесса оказывается более сложной. Нельзя не признать, что созидательные возможности современного общества не могут ограничиваться только теми людьми, чей опыт все больше уходит с горизонта средней человеческой экзистенции.⁴

Хотя разрыв между know-how, которое известно людям, не принимающим стратегических решений, и дилетантским

¹ Рюс Ж. Поступ сучасних ідей. – Київ: Основи, 1998. – С. 505.

² Гегель Г. В. Ф. Философия истории. – М.: Наука, 1993. – С. 82.

³ Уильямс Т. Мемуары. – М.: Олма-Пресс, 2001. – С. 236.

⁴ Арендт Х. Vita Activa или о деятельной жизни. – СПб.: Алетейа, 2000. – С. 421-422.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

уровнем восприятия действительности лицами, принимающими такие решения, постоянно увеличивается,¹ для демократических масс активность элит остается источником развлечений в той же степени, как и познания истины. Масса *слушает и видит* красоту, однако не находит ее в собственном воображении, писал Д. Фаулз. Общество в целом не слишком умно. Оно также не отличается высокой нравственностью или художественной чувствительностью. Поэтому перед настоящими творцами обычно стоит вопрос: как добиться признания демократического большинства, не повредившись в своей элитной основе?²

Как однажды заметил Ю. Шерех, слишком частая апелляция к народу, равно как и чрезмерное упование на здравый смысл ведут к вульгаризации культуры, наложению вето на все уникальное и исключительное. Гамлет, рискни он потакать массовым вкусам, легко превратился бы в ярмарочного клоуна, а сама трагедия В. Шекспира – в мюзикл на Бродвее. День, когда голос невежды будет приравнен к голосу профессора, а голос слуги – к голосу магната, В. Гомбрович предлагал считать началом безумия. Самая крупная из потерь, которые может понести человечество, писал А. Жид, – это исчезновение выдающихся личностей.

У Г. Гессе «специализированная, отборная интеллигенция противостоит народу, который не может ничему у нее научиться, потому что <...> не в силах ее полюбить». Отсюда проистекает его моральный императив: видеть, страдать,

¹«Основная черта нынешнего времени, писал Х. Ортега-и-Гассет в середине тридцатых годов XX века, заключается в том, что посредственный ум настолько осмелел, что считает себя вправе навязывать свою посредственность всем и каждому как единственную норму жизни и мышления» (Пятигорский А. Непрекращаемый разговор. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – С. 416).

²Хайдеггер М., Ясперс К. Переписка 1920-1963. – М.: Ad Marginem, 2001. – С. 187-188.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

бороться.¹ Поскольку религия славы противостоит эгалитаризму, она не принадлежит к разряду массовых верований.

Настоящее творчество не бывает массовым и демократическим, поэтому рынок вознаграждает элиты по принципу «звезды». Каких-либо иных устойчивых и действенных механизмов поддержки творчества не существует. Свой риск элиты компенсируют высокой стоимостью успеха, провал же принято считать спутником эксперимента. Хотя в большинстве случаев творческие элиты владеют собственными критериями оценки своих произведений, они все равно нуждаются в юридических гарантиях многообразия, свободы и терпимости.

Политическая власть слишком часто демонстрирует некомпетентность в вопросах творчества. Ее вмешательство деморализует художника, и потому губительно для искусства. Неслучайно конфликт политической власти и творческих элит является одной из главных тем произведений М. Булгакова. Его короли, цезари, императоры, председатели и генеральные секретари противостоят высокоодаренным творческим личностям. В целом, противостояние мирской власти и власти творцов образует типичную канву его произведений.²

С другой стороны, тревожное отношение властей к творческим элитам является во многом закономерным. Творцы подрывают стабильность, обеспечение которой во все времена считалось важнейшей правительственной прерогативой. Лозунг элит – создание новизны, поэтому новаторы выступают в роли революционеров. Как говорил Э. Ионеско, творец – это создатель новых миров, первооткрыватель и чародей, который ставит под сомнение всякую организацию, общество, культуру и цивилизацию в целом. «Представьте себе, – писал он, – что бы произошло, если бы Джойса, Кафку, Пруста, Флобера

¹ Гессе Г. Письма по кругу. – М.: Прогресс, 1987. – С. 317.

² Петровский М. Мастер и город. – Киев: Дух и литера, 2001. – С. 36.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

попросили не быть асоциальными, если бы самого Маркса попросили не быть врагом общества!».¹

Тем не менее, отношения власти и творческих элит не обязательно сводятся к противоборству, санкциям и репрессиям. Тем более, что некоторые представители элит – от Леонардо да Винчи и до Дж. фон Неймана – служили не самым лучшим из наклонностей власти. По мнению Х. Арендт, можно легко понять ту яростную решимость, с которой замечательные художники, мыслители и ученые время от времени ставили себя на службу насилию. Ведь вначале общество долго и упорно пыталось игнорировать силу их дарования. Кроме того, возможна ситуация, когда проблема отношений власти и элит вообще не возникает. Как риторически вопрошал Р. Барт, «какие отношения могут быть у меня с властью, если я ей ни раб, ни соучастник, ни свидетель?»²

Весьма проблематичными, однако, являются отношения творческих элит с демократией. В известном смысле, всякая демократия представляет собой возможность выбора из существующего набора вариантов, готовых экспериментальных образцов. Поскольку созданием подобных образцов занимаются специалисты, демократия выглядит, на первый взгляд, менее компетентной, чем эксперты и ученые. Но если демократия является некомпетентной в вопросах творчества, то творческие элиты являются некомпетентными в вопросах демократии. Функцией демократии является принятие оптимальных, но не обязательно «правильных» решений. Это означает, что демократия не может и не должна копировать безупречные в теоретическом смысле решения элит. Демократическая оценка предлагаемых решений заключается не столько в выяснении их сути, сколько в сопоставлении предлагаемых рецептов с наличными в обществе ресурсами.

¹Ионеско Э. Противоядия. – М.: Прогресс, 1992. – С. 188.

²Барт Р. Фрагменты речи влюбленного. – М.: Ad Marginem, 1999. – С. 135.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Таким образом, если сфера *преддемократических* решений элит должна быть защищена от несанкционированного вторжения демократии, то демократия должна быть защищена от интеллектуального высокомерия элит. Как писал М. Бакунин, приняв за правило, что мысль предшествует жизни, а отвлеченная теория – общественной практике, элиты «необходимым образом приходят к заключению, что так как мысль, теория, наука, по крайней мере в настоящее время, составляет достояние весьма немногих, то эти немногие должны быть руководителями общественной жизни, не только возбудителями, но и управителями всех народных движений, и что на другой день революции новая общественная организация должна быть создана не своеобразным соединением народных ассоциаций общин, волостей, областей снизу вверх, сообразно народным потребностям и инстинктам, а единственно диктаторскую властью этого ученого меньшинства, *будто бы* выражающего общенародную волю». ¹

Как говорил о поведении творческих элит М. Бланшо, талант имеет право не реагировать *практически* на реальные вызовы жизни. Ибо творец отделен от реального мира пространством воображения, в котором он – полновластный хозяин. Отсюда вытекает главный соблазн художника: удалиться от «труда во времени» чтобы всецело посвятить себя «труду вне времени». Упрекнуть в этом можно Стендаля и О. де Бальзака, Ф. Кафку и Ф. Гельдерлина. Однако подобный взгляд отражает лишь одну сторону вопроса. Другая его сторона заключается в том, что «художник, подвергаясь риску собственного опыта, чувствует себя не свободным от мира, а лишенным мира, не господином себя, а отсутствующим в самом себе и подчиненным такой потребности, которая, выталкивая его из жизни как таковой, заставляет переживать состояние, когда он ни на что не способен». ²

¹ Бакунин М. Философия, социология, политика. – М.: Правда, 1989. – С. 438.

² Бланшо М. Пространство литературы. – М.: Логос, 2002. – С. 47.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Д. Китс писал о творцах, что у них нет своего «я», потому что они – *все*, и, одновременно, *ничто*. Поэтому они способны практически в одинаковой степени наслаждаться светом и тенью. По этой же причине к ним неприменимо большинство представлений о так называемых здоровых реакциях личности. Зная творческую среду не понаслышке, Ж. Полан называл талантливых индивидов «поэтами безумия», «логиками абсурда», большими и малыми «дьяволами чернильницы».¹ Еще и сегодня многое в жизни элит кажется нам по-настоящему парадоксальным. С одной стороны, творческая богема ведет бескомпромиссную войну со всем «продажным»,² с другой – масса ее представителей отличается психологической неуравновешенностью.

Любознательность, игровое отношение к действительности и критицизм образуют специфику «интеллектуала» в той же степени, в какой прагматизм в сочетании с земными интересами – специфику «обычных людей», писал М. Уолцер. И мир уже примирился с подобным разделением функций. Рядом с теми, кто пребывает во власти земных страстей и добродетелей, которые данные страсти обслуживают, существуют индивиды, преданные, преимущественно, абстрактным ценностям. В сущности, начиная с Диогена, в истории философской мысли существует и продолжается традиция, в которой «преодолена серьезность». В качестве примера уместно сослаться на интеллектуальное наследие М. Монтеня, Вольтера, Ф. Ницше и П. Фейерабенда.³ Нередко гении человечества считаются также сомнительными фигурами с позиций религии и морали. Несмотря на почтительность, дарованную им последующими

¹ Полан Ж. Тарбские цветы или террор в изящной словесности. – СПб.: Наука, 2000. – С. 160.

² Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. – USA: Ardis, Ann Arbor, 1988. – С. 174.

³ Слотердаjk П. Критика цинического разума. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. – С. 189.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

поколениями, многие из них находились в свое время в реальном конфликте с обществом и его институтами.¹

По наблюдению В. Вернадского, ученые, обладающие мощным эвристическим потенциалом, чаще относятся к еретикам и маргиналам, нежели к представителям господствующего научного направления. Как писал по поводу элит Ален, гений – это идея, выношенная и вскормленная инстинктом и настроением. Если идея является слишком абстрактной, за ней скрывается мания или безумие. Если же идея противоречит биологическим инстинктам человека, она рискует стать невыносимо скучной. И только гений умеет сочетать новизну с привлекательностью.² В психологическом смысле творец напоминает маргинала, который пытается компенсировать свою неприкаянность претенциозностью.³ По крайней мере, в специальных областях творческие элиты пытаются выглядеть как *homo clausus*. Их пророчества способны посягать даже на собственный инстинкт самосохранения. Пророков не может быть много, говорил Г. Гессе, в противном случае мир разлетится на части.⁴ По мнению Д. Рисмена, свободное (неуправляемое) поведение творческой личности можно разделить на два подвида: автономное (здоровое) и аномическое (патологическое). Индивид, отказывающийся приспособляться к общепринятым нормам, рискует стать либо аномиком, либо автономной личностью. Автономная личность в понимании Д. Рисмена – это почти идеальный субъект, умеющий сохранять творческую свободу при минимальных издержках для социума.⁵

¹Russell B. Authority and the Individual. – N. Y.: Simon and Shuster, 1949. – P. 27-28.

²Ален. Суждения. – М.: Республика, 2000. – С. 83.

³Войтенко В. Місце на глобусі між ритуалами і правилами // День, № 103, 13 червня, 2001.

⁴Гессе Г. Брати Карамазови чи сумерк Європи // Ї, № 7, 1996. – С. 37.

⁵Riesman D. The Lonely Crowd. – N. Y.: Doubleday Anchor Books, 1953. – P. 278.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Если герой, как писал С. Жижек, нарушает существующие нормы во имя исторической необходимости, то *superego* – его полная противоположность. Классический пример *superego* воплощает в себе учитель, который из лучших побуждений мучит своих учеников, не понимая садистского характера своих действий.¹ Хотя с внешней точки зрения поведение творческих элит кажется эгоцентричным, нарушение творцами существующих социальных норм происходит обычно из глубоко альтруистических побуждений. Наоборот, у настоящих эгоистов мотив поведения противоположный. У Ж. Кокто обнаруживается характерное для творческой личности признание: «Наверное, я слишком устал от мира, к которому привык и слишком не люблю привычки. <...> Есть во мне непослушание, которое бесстрашно противостоит всем правилам, дух творчества, который есть не что иное, как высшая форма противостояния, присущая людям».²

По мнению Э. Фромма, индивидуальная способность действовать, не считаясь с внешними препятствиями и обстоятельствами, зависит частично от осознания индивидом своего статуса как гражданина мира. Иногда же эта способность свидетельствует об умении индивида прислушиваться к голосу своего подсознания. Подобным образом в большинстве случаев ведет себя автономная личность.³ С психологической точки зрения любое новаторство представляет собой отклонение от некоего стандарта, нормы. Как известно, образ жизни мормонов в США длительное время считался воплощением девиации. В целом же, понятие социальной нормы является весьма неустойчивым.

Й. Хейзинга относил к универсальной категории изгоев

¹Жижек С. Метастази насолоди. – Київ: Альтернативи, 2000. – С. 62.

²Кокто Ж. В трех томах с рисунками автора. Т. 1. – М.: Аграф, 2001. – С. 414.

³Фромм Э. Душа человека. – М.: Республика, 1992. – С. 350.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

еретиков, узников совести, революционеров и членов тайных обществ. В свою очередь, Д. Уинстенли считал «антиобщественными людьми» невежд, сварливых пьяниц, обманщиков, фанатичных спортсменов, гедонистов и страстных любителей болтать языком.¹ Вопрос о том, следует ли зачислять творческие элиты в когорту героев или, наоборот, нарушителей общественного спокойствия, остается пока открытым. Хотя Ф. Ницше и называл ведьм и еретиков «злыми людьми», право обращаться к Всевышнему он признавал за всеми: шантажистами и фальшивомонетчиками, пьяницами и наркоманами, ворами и извращенцами, убийцами и палачами.²

Деление общества на творческую и нетворческую часть является, конечно, весьма условным. Однако еще Д. Локк обращал внимание на то обстоятельство, что в самой природе наблюдается естественное пристрастие одних людей к общепринятым, а других – к оригинальным идеям и воззрениям.³ Вопрос о выделении (выявлении) творческих элит осложняется еще и тем обстоятельством, что сам порядок, применительно к которому оценивается их поведение, существенно образом отличается от органического порядка природы.⁴ Грань, которую общество проводит между проявлением таланта, и патологией, зависит от множества условий, поэтому вопрос о демаркации границ между нормой и аномалией сегодня переместился из области профессионального дискурса в сферу публичных интересов.⁵ В сущности, именно благодаря этому сформировалось современное предположение о том, что

¹ Уинстенли Д. Избранные памфлеты. – М.: АН СССР, 1950. – С. 252.

² См.: Шоу И. Допустимые потери. – М.: Хорт, 1992. – С. 9-10.

³ Локк Д. Сочинения. В 3-х т. Т. 2. – М.: Мысль, 1985. – С. 240.

⁴ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2000. – С. 95.

⁵ Глузман С. Згода в психіатрії // Листи з волі. – Київ: Сфера, 1999. – С. 202.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

«еретическое» поведение элит связано с их опережающим познанием истины: *благосостояние – не есть высший закон.*

Шокирующие окружающих взгляды и привычки элит постепенно перенимаются снобами, а затем и более широкой общественностью. Данный процесс можно считать закономерным, ибо конфронтационное отношение к среде присуще, в определенной степени, каждому человеку. Индивид склонен оспаривать любой завершённый образ действительности. Личное начало выталкивает человека из природы, обуславливая все его чудачества и одиночество. Можно сказать, что моральный протест против того, как устроен мир, наилучшим образом свидетельствует об онтологически *особенном* месте человека.¹ Положение индивида в мире, писал Л. Витгенштейн, определяется тем, что для решения своих проблем он вынужден мыслить еще сумасброднее, чем философы. Ему приходится то и дело спускаться с голых вершин рассудительности в зеленые долины глупости. Его юмор – это не настроение, а мировоззрение.² Как считал, в свою очередь, В. Розанов, упрямство человека возникает из осознания им монотонности жизни, желания нарушить единообразие, сломать стандарт «обыкновенного» и «всеобщее-ожидаемого».³

В свое время схоластическая мысль Средневековья буквально захлебнулась в потоке новаторских идей Возрождения. После веков «стерильной традиции» (С. Лангер) резонерства и фанатизма в сознание человека вдруг проник флюид умственного и нравственного раскрепощения. С этого времени научные теории становятся все более осторожными и умными, а их создатели перестают быть чистыми идеалистами или крайними эмпириками. Новое понимание духовности обнаруживает

¹ Мілош Ч. Придорожній песик. – Львів: Літопис, 2001. – С. 159-160.

² Витгенштейн Л. Философские работы. Часть 1. – М.: Гнозис, 1994. – С. 481, 483, 492.

³ Розанов В. Уединенное. Т. 2. – М.: Правда, 1990. – С. 27.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

себя в голландской живописи XVII века, «Вильгельме Мейстере» Гете, английском романе XIX века и произведениях Т. Манна. Именно в этот период на театральных подмостках впервые появляются не только стоящие на страже существующего порядка религиозные и нравственные герои духа, но и такие мятежные персонажи, как художник, проститутка, прелюбодей, великий преступник, изгнанник, воин, поэт-бунтарь, дьявол и просто дурак – все те, кто зарабатывает на жизнь не общепринятым способом.¹

Помимо общего оживления искусств, Новое время принесло с собой невиданную ранее институционализацию свободы мысли и слова. Английская парламентская оппозиция XVIII-го века параллельно с созданием теневого кабинета закладывает традицию информирования общественности о политических противоборствах через свободную литературу и прессу. С этих пор инакомыслие защищает свои права не в одиночку, а привлекая на свою сторону мнение «резонерской публики».² Примерно тогда же конституционализм принес дух творчества в традиционно консервативную сферу права. Разделение властей по Ш. Монтескье и Ж.-Ж. Руссо дополнили органические неотчуждаемые права Д. Локка и Д. Мэдисона. Субъективные права становятся юридическими гарантиями своеобразия, хотя успешно пережившая 1789 год правовая традиция продолжала еще долго воспроизводить репрессивные нормы вместе с теми, кто их сознательно поддерживал.

В новейшее время творческое «прерывание постепенности» обретает форму в борьбе за гражданские права в США, студенческих волнениях 1968 года во Франции, «Пражской весне», горбачевской «перестройке», а также в «бархатных», «розовых» и «апельсиновых» революциях стран Восточной Европы.

¹ Маркузе Г. Одномерный человек. – М.: REFL-book, 1994. – С. 75-76.

² Габермас Ю. Структурні перетворення у сфері відкритості. – Львів: Літопис, 2000. – С. 109.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Что касается общего состояния символической реальности в конце XX – начале XXI века, то здесь определяющими понятиями становятся нелинейность и сложность.¹ Старые формы социальной организации, равно как и сопутствующие им идеологические доктрины, на глазах лишь одного поколения стали «быстрой добычей смысла» (Ж. Бодрийар).

Эпоху вождей и масс сменило время творческих личностей, следующих в своей судьбе призыву *интимного*, а не общего. Ибо замечено, что современные мыслители, ученые и художники стремятся сохранить свою индивидуальность любой ценой.² Критическая реакция, новаторское решение, удар по авторитету отныне становятся популярной формой интеллектуального *приключения*. Творцы разнообразят реальность, излечивая людей от притупленности рутинного мировосприятия.³

Творческая богема становится духовной резервацией, философской свалкой и заповедником искусства в одно и то же время. Так или иначе, все происходящее здесь подтверждает старый тезис о том, что задники субкультуры – это место, где создается будущее.⁴ В наши дни, писал Ю. Хабермас, деловые инициативы, полезные умозаключения и эффективные подходы берут свое начало более из маргинальных, нежели из центральных мест наличного спектра мнений.⁵ Как говорил М. Фуко, «лиризм маргинальности» и пафос творческого начинания прокладывают свой путь вдоль границ «покорного

¹Ивашевская Г. Энигма и адиафора. Цветок нарцисса также нежен // Липовецки Ж. Эра пустоты. – СПб.: Владимир Даль, 2001. – С. 5-6.

²Пятигорский А. Вспомнишь странного человека... Роман. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – С. 113-114.

³Гадамер Х.-Г. Истина и метод. – М.: Прогресс, 1988. – С. 113.

⁴Цукерман С. Обратная сторона неба // День, № 20, 1 февраля, 2003. – С. 19.

⁵Habermas J. Between Facts and Norms. – Cambridge, Ma.: MIT Press, 1998. – P. 275.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

и перепуганного» порядка.¹

Уже в XX веке прогресс перестает быть делом исключительно «здоровых» людей. Сегодня же крупные прорывы осуществляются индивидами «дефектными», часто лишенными традиционных признаков «нормальности». И в этом есть логика: больной острее чувствует смысл здоровья, которого ему не хватает. В сущности, вся культура, писал по поводу эстетического обновления в XX веке Э. Ионеско, создается «врагами культуры», равно как и вся история – суть результат перманентного сражения с «историзмом».

Совсем неслучайно природа говорит с нами голосом ясным и внушительным именно в тех произведениях, которые получили бранную кличку «искусственных».² Не вызывает сомнения и то, что если бы наукой XX века руководили поборники «правильности», в небо не взлетел бы ни один реактивный самолет, а атомная энергетика так и не вышла бы за стены лабораторий. Увы, вердикт о невозможности полета ракеты в космосе, равно как и вывод об экономической нецелесообразности исследований атомного ядра был в свое время вынесен высшими научными авторитетами.³ Все это говорит о том, что даже *рациональная в своей основе наука может развиваться лишь путем «опасных» прыжков творческого воображения*. Возможно, именно это частично объясняет тот факт, что многие научные открытия XX века были сделаны малоизвестными учеными.⁴

Сегодня крупнейшими проблемами считаются наращивание ядерных вооружений, использование сверхновых технологий, генетический инжиниринг, экологическая угроза, обнищание

¹ Фуко М. Наглядати й карати. – Київ: Основи, 1998. – С. 382-383.

² Адорно Т. Эстетическая теория. – М.: Республика, 2001. – С. 302.

³ Пугач О. Небезпечні ігри лицарів науки // Дзеркало тижня, № 7, 23 лютого, 2002. – С. 14.

⁴ Бродин М., Блонський І. З позицій трьох «Д» // Дзеркало тижня, № 2, 19 січня, 2002. – С. 13.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

третьего мира, феминизм и иммиграция в развитые страны. При этом все они были идентифицированы не крупными национальными или международными аналитическими центрами, а интеллектуалами-одиночками, радикальными университетскими профессорами, самопровозглашенными адвокатами и гражданскими активистами. Впоследствии с помощью СМИ эти вопросы были извлечены из периферийных коммуникативных структур и переданы в «публичные повестки дня».

Лик мира действительно преобразуется немногочисленными творческими элитами. И если из него убрать неформалов, крикунов и экстремистов, то в культурной и политической действительности воцарится самодовольная посредственность. В свое время Э. Ионеско мечтал увидеть А. Сахарова и А. Солженицына российскими министрами Духовности и Свободы, под началом которых работали бы все ранее содержавшиеся в психиатрических лечебницах диссиденты. Так или иначе, но нешаблонное мышление нуждается сегодня в поддержке и гарантиях невмешательства как на Западе, так и на Востоке. Для предотвращения угрозы бюрократизации государственные функционеры должны быть постоянным объектом критики общественных организаций, а официальная наука – открытой также и для неформальных исследований. В целом, вопрос о неформальном мышлении и нонконформизме можно считать отпочкованием от более широкой проблемы деятельности человеческого мозга, проходящего в своем развитии фазы «кризисов безумия».¹

Мы знаем, что поражающий воображение технический и культурный прогресс США начался в начале XVII века, когда с борта корабля «Мэйфлауэр» на североамериканский континент высадились группа гонимых в Англии пуритан. За ними последовали католики, основавшие Мэриленд, сторонники

¹Деррида Ж. Письмо и различие. – М.: Академический Проект, 2000. – С. 98.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Елизаветы (Виргиния), последователи Стюартов (Каролина) и приверженцы Ганноверской династии (Джорджия). Прибывшие из Европы баптисты и квакеры основали Массачусетс и Пенсильванию. Неудивительно, что вскоре Соединенные Штаты стали страной беспрецедентного по масштабам экспериментирования с принципами свободы, множественности и терпимости. Что касается Европы, то здесь свобода творчества и терпимость утверждалась эволюционным путем под эгидой правового государства. В частности, в Германии после революции 1848 года решение политического большинства воспринималось как *условное*, с согласия меньшинства, а также с оговоркой, что принятые решения будут осуществляться в рамках дискурсивного процесса, оставаясь открытыми для пересмотра в свете лучших оснований.¹

Что касается творческого прорыва второй половины XX века, то он проявил себя в последствиях промышленной и научной революций, модернистском вызове классике, бурном театральном экспериментировании, достижениях психоанализа и буме поп-арта. Вектор нового времени воплотил в себе модернистский театр абсурда, о котором емко сказал А. Арто: «Ни уверенность в безнаказанности, ни сознание близкой смерти недостаточны, чтобы объяснить столь абсурдно бесполезные действия со стороны людей, которые ведь вовсе не верили в то, что со смертью все кончается».²

«Холодная война» неожиданно совпала с эпохой «всеобщего мирового ускорения» (С. Лем). В это время страны и народы еще пропитывал дух фанатизма, а идеологии предлагали выходы, ведущие в тупик. В СССР популярность В. Высоцкого совпала с расцветом жанра политического анекдота. В изобразительном искусстве, музыке и поэзии «60-х» молодежь

¹Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. – М.: Наука, 1992. – С. 101.

²Арто А. Театр и его двойник. – М.: Мартис, 1993. – С. 23.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

безжалостно высмеивала и дразнила менторов и тугодумов.¹ Если на Западе в это время таланты нарушали «все известные им правила» (М. Форман), то в странах Восточной и Центральной Европы «рабочий с белыми руками, слез не утирая, читал запрещенную книгу».² Советская «оттепель» породила петиции и открытые письма к властям вместе с гражданским мониторингом за соблюдением прав человека и основных свобод. С другой стороны, писали Л. Богораз и А. Даниэль, диссидентством в это время считался любой по-настоящему самостоятельный поступок – от слета клубов самодеятельной песни до настоящих актов гражданского неповиновения.³

К концу XX века советский режим все-таки сумел осознать, что «к герою и революционеру закон неприменим в его полной суровости».⁴ А. Солженицын вернулся из США в Москву, а А. Сахаров стал депутатом всесоюзного парламента. Парадоксальным образом терпимость к инакомыслию в это время демонстрировало не столько общество, сколько государство.

Впрочем, консерватизм общественного мнения по вопросам свободы слова и отмены смертной казни лишь подтверждает предположение о том, что корни нетерпимости уходят даже в более глубокие, чем средневековая инквизиция, исторические и генетические пласты.⁵ По свидетельству историков, Людовик XIV страшился янсенистов даже больше, чем атеистов, ибо ему была присуща *врожденная* чувствительность к инакомыслию.⁶ В контексте подобных рассуждений заслуживает

¹ Бунтман Н. Вместо предисловия // Кокто Ж. В трех томах с рисунками автора. – М.: Аграф, 2001. – С. 12.

² Дзэммаро Т. В сумерки // Лунные блики. – М.: Наука, 1991. – С. 105.

³ Богораз Л., Даниэль А. В поисках несуществующей науки // Проблемы Восточной Европы, № 37-38, 1993. – С. 147-148.

⁴ Шлемкевич М. Загублена українська людина. – Нью-Йорк: 1954. – С. 73.

⁵ Корнуэлл Д. Козни дьявола или буйство фантазии // За рубежом, № 11, 1992. – С. 15.

⁶ Аллен. Суждения. – М.: Республика, 2000. – С. 280.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

внимания тот факт, что диссиденты практически всюду пользовались больше социальным сочувствием, чем настоящей поддержкой.¹ Впрочем, судьбы Анаксагора и Сократа свидетельствуют о том, что даже в Древней Греции инакомыслие путали с ересью, а свободные размышления – с опасными мыслями.²

Ф. Рузвельт был крупнейшим лидером XX века, который не только сумел осознать необходимость терпимого отношения к меньшинствам, но и возвел подобное отношение в ранг государственной политики. В самом деле, смысл политического эпитета *либеральный* заключается в том, что за каждым человеком признается право быть самим собой, отстаивать свою неповторимость. Наоборот, политическая ксенофобия является типичной чертой авторитаризма, обличающего прибавочную стоимость вместе с бородами, оригинальными прическами, солнцезащитными очками и узконосыми ботинками.³ Во времена СССР тысячи коммунистических редакторов следили за тем, чтобы в печать и свет не проникли белый стих, сложная метафора, «беспредметность» и уважительное отношение к Всеединому Творцу.

Впрочем, яркая оригинальность творческих элит образует не только политическую, но и культурную проблему. Как известно, Моцарта впервые по-настоящему оценили не в Вене, а в Праге, а Бетховена – не в Германии, а в Англии. Причем в обоих случаях их соотечественников шокировала не столько музыка, сколько нестандартное в общепринятом смысле поведение композиторов. В начале прошлого века в Москве и Петрограде В. Маяковский раздражал всех своей желтой кофтой, а С. Есенин – щегольским фраком и цилиндром.

¹ Данэм Б. Герои и еретики. – М.: Прогресс, 1967. – С. 29.

² Тулмин С. Человеческое понимание. – М.: Прогресс, 1984. – С. 221.

³ Кедров К. Завещание Моцарта, обращенное в наши дни // Известия, № 251, 19 ноября, 1992. – С. 8.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

К сожалению, с нонконформистами еще и сегодня обращаются как с чужаками. Во многих школах и гимназиях их просто наивно и безответственно выживают.¹ «Но Боже, – писал А. Пятигорский, – что с этими талантливymi делают! <...> Их мучают в застенках, производят в командармы, посылают получать первые премии на международные конкурсы <...> Но их всегда унижают, унижают больше даже, чем бьют. И чем больше их унижают, тем глуше становится их беспамятность о самих с е б е и тем окончательнее – их самососредоточенность, их почти научная по фактической тщательности, регистрация обид, настроений, болей и переживаний».² Разгадавший всего лишь несколько незамысловатых секретов власти герой Д. Оруэлла раздавлен за это партией, как насекомое. Хотя прозрения героя на самом деле ничтожны, его личность подлежит разрушению просто за «отклонение от эталона».³

В своих отношениях с творческими элитами государства и организации создают немало проблем, главной из которых является требование групповой лояльности. Творцы, примкнувшие к организации, обменивают свою независимость на защиту. Тех же, кто решил действовать в одиночку, пронизывает «ледяной ветер опасности» (Б. Данэм). Любая авторитарная власть, писал украинский диссидент Д. Шумук, обладает силой, перед которой трудно устоять даже наилучшим из индивидов.⁴ Не менее опасной для творчества является и бюрократическая опека. Бюрократия, писал в свое время В. Розанов, не рассчитывает в человеке на что-либо значительное. Наоборот, она рассчитывает в нем на самое малое. Система с расчетом

¹ Лоренц К. Агрессия. – М.: Прогресс, 1994. – С. 85.

² Пятигорский А. Философия одного переулка. – М.: Прогресс, 1992. – С. 38-39.

³ Шимечка М. Мой товарищ Уинстон Смит // Проблемы Восточной Европы, № 25-26, 1989. – С. 201.

⁴ Шумук Д. Пережите і передумане. – Київ: Видавництво Олени Теліги, 1998. – С. 331.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

на малое есть *чиновничество*. В ней заранее решено, что человек – не гений. В результате подобной уверенности «получился чиновник и решение везде завести чиновничество». Если государство «все разваливается», если церковь «не свята», если человеку «верить нельзя», то всюду невольно заведешь чиновника.¹

Заботу авторитарной власти о поддержании режима «нормальности» С. Лем называл «лечением эпилепсии способом уничтожения эпилептиков» (в т. ч. Ф. Достоевского). С другой стороны, в заискивании власти перед нобелевскими лауреатами также есть что-то отталкивающее. В итоге, проблема творческих элит не имеет простого решения. Видимо, сознавая это, М. Хайдеггер обращает внимание на следующее характерное место у Ф. Ницше: «Смирненным, прилежным, благожелательным, умеренным: таким вы хотите человека? *хорошего человека?* Но, чудится мне, это просто идеальный раб, раб будущего».² Великодушие власти по отношению к творцам встречается редко. И все же Наполеон Бонапарт однажды заметил, что Т. Гоббс – безрадостный философ, в то время как Ш. Монтескье – светлая голова.

2.3. Информационные отношения как проявление символической реальности³

Информационные отношения являются универсальным способом реализации (воплощения) творчески-символических

¹ Розанов В. Уединенное. Т. 2. – М.: Правда, 1990. – С. 386.

² Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – С. 106.

³ См. также: Речицкий В. Открытость информации как универсальное требование // Индекс, № 20, 2004. – С. 35-47; Речицкий В. Социальная ценность информации. Конституционный аспект // Законодательство Украины о средствах массовой информации. Материалы научно-практической

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

процессов. Если ранее говорилось о том, что интеллектуальная активность и творчество являются главными проявлениями символической реальности, то информационные отношения выступают в качестве их универсальной, наиболее общей формы. Информация в строгом смысле слова представляет собой «количество непредсказуемого в сообщении», считал А. Моль. Говоря иными словами, «информация – это дифференциация, изменяющая состояние системы, т. е. производящая другую дифференциацию».¹ В сущности, информация – это *новизна*, которая может быть осознана (понята) каким-либо адресатом. Без адресата – получателя новизны, который может адекватно понять ее значение или смысл, информации не существует.

Как неоднократно подчеркивал Н. Винер, информация – это информация, а не материя или энергия, и тот материализм, который этого не признает, не может быть жизнеспособным в настоящее время.² Таким образом, информация в понимании

конференции. – Харьков, 1998. – С. 170-179; Захаров Е., Речицкий В. Информационная безопасность или опасность отставания? // Зеркало недели, № 18 (342), 2001. – С. 6; Речицкий В. Відкритість інформації як універсальна вимога // Вісник Національної академії наук України, № 9, 2003. – С. 26-45; Речицкий В. Інтерв'ю // Свобода висловлювань і приватність, № 2, 2003. – С. 16-18; Речицкий В. Коментар Харківської правозахисної групи до проекту Закону України «Про інформаційну відкритість органів державної влади та вищих посадових осіб України» // Свобода висловлювань і приватність, № 4, 2000. – С. 18-20; Речицкий В. Пояснювальна записка до проекту Закону України «Про внесення змін до Закону України «Про інформацію» // Свобода інформації та право на приватність в Україні, № 34(75), Т. 1. – Харків: ХПГ- Фоліо, 2004. – С. 161-169; Речицкий В. Проект Закону України «Про внесення змін до Закону України «Про інформацію» // Свобода інформації та право на приватність в Україні, № 34(75), Т.1. – Харків: ХПГ- Фоліо, 2004. – С. 183-209; Речицкий В. Суспільство та інформація // Вісник Академії наук Української РСР, № 6, 1990. – С. 8-13.

¹ Луман Н. Медиа коммуникации. – М.: Логос, 2005. – С. 7.

² Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине. – М.: Наука, 1983. – С. 209.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Н. Винера – это обозначение содержания, полученного нами из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособления к нему наших чувств.¹ В журналистике информацию обычно определяют как любые сведения о том, что влияет на жизнь людей, затрагивает интересы широкой аудитории.² А. Этциони считал информацию формой знания, выступающего в качестве нетрадиционной человеческой ценности, представляющей собой набор символов, а не объектов.³ С. Лем называл информацию *материальным явлением*, не являющимся материей или энергией. Пытаясь прояснить смысл данного понятия, он приводил пример «Гамлета» В. Шекспира. По мнению С. Лема, миллион книг под названием «Гамлет» – это миллион физических объектов, многократно повторяющих одну и ту же информационную сущность. И в этом, по его мнению, состоит разница между символом, воплощающим в себе информацию, и ее материальным носителем. Тем не менее, для того чтобы «Гамлет» существовал как информация, должен быть тот, кто способен его понять.

Кроме того, информационное сообщение является в большинстве случаев многозначным. Информация – это новизна, обладающая разным смыслом для разных адресатов. Как подчеркивает Д. Стросон, слушая одну и ту же трансляцию новостей, Джек и Жак получают из нее разную информацию.⁴ Во-первых, автор информационного сообщения вкладывает в

¹ Винер Н. Кибернетика и общество. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. – С. 31; см. также: Семилетов С. Информация как особый нематериальный объект права // Государство и право, № 5, 2000.

² Профессиональная этика журналистов. Т. 1. – М.: Галерея, 1999. – С. 226.

³ Etzioni A. The Active Society. – N. Y: The Free Press, 1968. – P. 136.

⁴ Strawson G. Mental Reality. – London-Cambridge: A Bradford Book, The MIT Press, 1994. – P. 6; по мнению С. Вейль, «когда человек, умеющий читать, и тот, кто читать не умеет, смотрят на предложение, написанное красными чернилами, они оба видят нечто красное. Но красный цвет для одного из них важен совсем не так, как для другого» (Simon Weil Reader. – London: Moyer Bell, 1999. – P. 449).

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

него неоднозначный смысл.¹ Во-вторых, смысл информационного сообщения может изначально превосходить содержание, которое намеревался передать его автор. Например, «Гамлет» воплощает один смысл в сознании В. Шекспира, другой – в сознании актеров, исполняющих его роль, третий – в сознании зрителей или читателей трагедии, воспринимающих ее помимо сценической постановки. Информация – это практически непредсказуемый по своим последствиям феномен. Ее суть состоит в новизне, характер которой определяется состоянием автора, ретранслятора и аудитории одновременно.²

В теоретическом смысле это означает, что, поскольку *декодирование* сообщения осуществляет не автор, а аудитория, смысл любого послания в значительной степени зависит от конкретных обстоятельств его рецепции. Как пишет по этому поводу У. Эко, поскольку «акт общения провоцирует отклик общественного мнения, окончательная верификация [текста] осуществляется не в рамках книги, а в рамках общества, которое ее читает».³

Любое информационное сообщение многослойно, его «полное» содержание практически неисчерпаемо. Возвращаясь к трагедии В. Шекспира, можно сказать, что ее смысл бесконечен, ибо она является элементом символической реальности, в

¹Как говорит Р. Рорти, «наша нерушимая уникальность заключается в поэтической способности говорить уникальные и неясные вещи, а не в нашей способности говорить себе лишь очевидные вещи» (Рорти Р. Философия и зеркало природы. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1997. – С. 91).

²Для Н. Лумана «информация – это неожиданный отбор из многих возможностей. Являясь чем-то удивительным и неожиданным, она не может быть чем-то стабильным, ни чем-то допускающим транспортировку; она должна порождаться внутрисистемно, ибо предполагает сравнение с ожиданиями» (Луман Н. Общество как социальная система. – М.: Логос, 2004. – С. 74).

³Еко У. Роль читача. Дослідження з семіотики текстів. – Львів: Літопис, 2004. – С. 244.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

которой воплощена связь «всего со всем». В разных изданиях «Гамлета» информацию несет в себе не только шекспировский язык, но также все его адаптации и переводы, а также художественные иллюстрации, включая особенности применяемых в книге полиграфических форм. В театральной постановке информационный потенциал «Гамлета» реализуется с помощью игры актеров и режиссерской интерпретации характеров, а также костюмов, декораций, музыки и освещения сцены. Таким образом, настоящее информационное сообщение – это всегда потенциально непредсказуемая коммуникация. Сами же информационные отношения представляют собой способ создания и передачи элементов новизны. Если интеллектуальная активность является способом символического «удвоения» предметно-физического мира, а творческая активность – способом создания информации, то сама информация выступает воплощением *чистой* непредсказуемости, новизны.

Пытаясь проникнуть в существо информационных процессов, Ж. Лакан писал, что понятие «сообщения», которым пользуются в кибернетике, имеет мало общего с «сообщением», которое циркулирует в сфере повседневной жизни. Сообщение в контексте повседневной реальности имеет определенный смысл, в то время как сообщение в информатике (кибернетике) сводится к комбинации нулей и единиц. Однако последовательность нулей и единиц задается клавиатурой в рамках специальной программы, которая выступает посредником между набором цифр и тем, для определения чего мы используем понятие смысла. Таким образом, действующая в рамках программы клавиатура представляет собой механизм, посредством которого все-таки совершается сознательный выбор альтернатив. При этом сообщение остается информационным даже тогда, когда в компьютер передается сплошная последовательность единиц или нулей. Важно лишь, чтобы данное действие было совершено сознательно. Как писал Ж. Лакан,

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

чтобы сообщение можно было считать сообщением, оно должно быть последовательностью знаков, так или иначе *ориентированных*.¹

Понятие информации у Ж. Лакана поясняется с помощью диалога: «Скажите мне прямо сейчас, экспромтом, не задумываясь – как, по-вашему, что такое сообщение?»

Маршан: – *Передача информации.*

Лакан: – *Что такое информация?*

Маршан: – *Некое указание.*

Г-жа Одри: – *Что-то, исходящее от какого-то лица и адресованное кому-то другому.*

Маршан: – *Это общение, а не сообщение.*

<...>

Г-жа Одри: – *Сообщение в прямом смысле слова – это нечто, кому-то переданное, с целью дать ему о чем-то знать.*

<...>

Д-р Граноф: – *Сообщение – это программа, которую запускают в некую универсальную машину, которая по истечении некоторого времени выдает на выходе то, что смогла с ней сделать.*

Лакан: – *Неплохо сказано*». ²

Таким образом, *информация – это наделенное смыслом количество непредсказуемого в сообщении, посылаемого от одного субъекта информационных отношений к другому, причем полный эффект передачи данного сообщения зависит от состояния (намерений) его автора, ретранслятора и адресата.*

Как известно, лишь немногие из людей сумели совершить выдающиеся научные открытия или создать великие произведения искусства. Но это только доказывает, что информационное

¹ Лакан Ж. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/55). – М.: Логос, 1999. – С. 430, 432.

² Там же. – С. 398-399.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

сообщение воспринимается символической реальностью в миллионах и миллиардах своих возможных интерпретаций; и что только некоторые из них способны произвести творческий эффект. Великие творческие произведения часто лишь нюансами содержания и формы отличаются от ремесленных поделок и копий. Настоящих творцов мало, к тому же они рассеяны на необозримом пространстве. Чтобы гарантированно не потерять талант М. Ломоносова, необходимо предоставить образование всему российскому северу, а чтобы не пропал гений Т. Шевченко – отпустить на волю миллионы крепостных. Данные примеры показывают, что информация обретает эффективность лишь в условиях ее неограниченного распространения, всеобщей доступности. Из приведенных объяснений и примеров также следует, что информационные отношения имеют место при выполнении следующих необходимых требований: а) сообщение должно содержать элемент новизны для его отправителя или адресата; б) сообщение должно иметь смысл, быть «ориентированным» в терминах Ж. Лакана; в) полный эффект информационного сообщения не может быть заранее предсказуем.

Это означает, что информация существует лишь по отношению к системам, в рамках которых осуществляется выбор альтернатив. Поэтому мера информации всегда относительна и зависит от принятого ансамбля возможностей данной системы. Некий факт может быть носителем информации по отношению к одному ансамблю состояний, и не быть им, если система состояний будет изменена. Как подчеркивают У. Матурана и Ф. Варела, «то, что мы говорим (если только мы не лжем), отражает то, что мы проживаем, а не то, что происходит с точки зрения независимого наблюдателя».¹

Для большого числа формально образованных людей в посттоталитарных странах сочинения современных философов,

¹ Матурана У., Варела Ф. Древо познания. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – С. 204.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

равно как и живописные полотна Д. Поллака или М. Рутко, не имеют какого-либо смысла, ибо они были созданы в сравнительно недоступном по восточную сторону от «железного занавеса» ментальном регистре. Вместе с тем, в Восточной и Центральной Европе поддерживается живой интерес к некоторым артефактам (например, фильмам Л. Рифеншталь), которые на Западе уже давно помещены в художественные запасники.

Проведенные в последнее десятилетие XX века исследования привели к созданию теории информационного пространства и информационных объектов. Информационным пространством сегодня называют совокупность результатов семиотической деятельности человека, «мир имен и названий», сопряженный онтологическому миру. Таким образом, понятие информационного пространства выводится из противопоставления символической реальности и предметно-материального мира. Простым примером локального информационного пространства является словарь. Из принципа симметрии символической и предметно-материальной областей вытекает, что живым физическим объектам должны соответствовать также живые информационные объекты. При этом обладающие индивидуальными чертами информационные объекты могут «рождаться» и «умирать». Их воплощением являются биологические и технические устройства, хранящие и перерабатывающие информацию – люди, их коллективы, вычислительные системы, сети.

Следует подчеркнуть, что материальные носители информации могут быть заменены без ущерба для информационного объекта, который представляет собой программный, а не аппаратный комплекс. Следует, однако, различать физический *носитель* информационного объекта и его воплощение в материальном пространстве – *представление*. Представление – производно от симметрии физического и символического миров, оно связано с информационным объектом содержательно

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

и энергетически.¹ Что касается собственно информационного сообщения, то оно подразделяется в структурном отношении на *тему* и *рему*. Тема – это элемент привычного и предсказуемого в информационном сообщении, а рема – собственно информация, воплощение непредсказуемости и новизны. Тема выполняет по отношению к реме функцию связки, информационного «предупреждения», семантического предисловия. Понятия (функции) темы и ремы являются универсальными и применяются также в более широком смысле. В частности, как писал Д. Дьюи, люди не могут расстаться со старыми привычками мышления, отбросив их все сразу. В процессе получения и развития новых идей они вынуждены использовать некоторые старые идеи в качестве промежуточных средств для понимания нового.

Таким образом, в рамках символической реальности информационные отношения выступают способом функционирования и оправдания данной реальности в одно и то же время. Символическая реальность представляет собой гигантское пространство информационного обмена, в котором непрерывно осуществляются знаково-символические превращения. Символическая реальность является пространством создания новизны и обмена новизной, *областью инновационных транзакций*. В метафорическом смысле символическая реальность предстает перед нами как свободный от предметно-физических ограничений и связанностей экспериментальный полигон разума, функционирующий в соответствии с принципами свободы, множественности, терпимости и этического выбора. Таким образом, символическая реальность представляет собой гигантский информационный домен, в котором функционируют миллиарды отправителей и получателей информационных сообщений.

¹Переслегин С. Того, что достаточно для Геродота, мало для Герострата...// Лем С. Сумма технологии. – М.: Изд-во АСТ, 2002. – С. 653-654.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Эффективность символической реальности тем больше, чем больше: количество действующих в ней отправителей и получателей информации – так реализуется принцип *множественности*; чистота информационных каналов и широта доступа индивидов к информации – так реализуется принцип *свободы*; реальная способность субъектов информационных отношений совершать выбор в рамках альтернатив – так реализуется принцип *этического выбора*.

В целом, информационное «просвечивание» символической реальности показывает, что по своему общему замыслу и функциональному предназначению она выступает как *коллективно неконтролируемая* реальность человеческого сознания. Потому столь неординарными являются отношения между миром символическим и предметно-материальным. В стадии первичного осознания себя как ноосферы символическая реальность начинает с того, что «боится» себя. Поэтому в ней создаются разнообразные инквизиционные системы идеологической, политической и научной закрытости (от церковных конгрегаций до Высшей аттестационной комиссии – ВАК), канализируются и фильтруются информационные потоки и т. п. Однако, как бы первоначально осторожна не была символическая реальность, ее органические потребности нуждаются в выполнении четырех основных требований: свободы; многообразия; терпимости; этического выбора. Если природа создала людей разными, то именно из этого им следует исходить. Поэтому в символической реальности используются все существующие варианты индивидуальных различий.

Это означает, что все посылаемые информационные сообщения должны обладать признаком своеобразия. Именно уникальность и непредсказуемость создает новизну, делает сообщения информационными. При этом доступ субъектов коммуникации к сообщениям должен быть открытым и беспрепятственным. Как подчеркивает Н. Кетрин-Хейлз, в

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

информационном смысле понятие «доступ» заменяет собой правомочие владения.¹ Информационным сообщением может быть ряд математических формул, пьеса В. Гавела, политический манифест, музыкальная симфония и способ повязывать галстук. В открытом доступе к сообщениям любого вида реализуется принцип свободы. Этический выбор обеспечивает использование возможностей субъекта информационных отношений в *индивидуальном качестве*. Иногда это может быть прямой выбор между «добром и злом» или даже «жизнью и смертью». Но чаще он выступает просто как выбор между «о» и «1» в системе условных знаково-символических координат. Особенностью информационных отношений является также то, что информация – это широко распространенный товар, обращение с которым требует сотрудничества на всех уровнях – от местного до глобального.² И хотя сосредоточение усилий на транзакционных процедурах может привести к недооценке содержательной стороны сообщений, общий эффект купли-продажи самых разнообразных данных позволяет считать информационный рынок воплощением «общественного блага» (М. Постер).

Следует отметить, что Ж. Бодрийар называл информацию не знанием, а тем, что заставляет знать,³ а А. Тоффлер считал ее «наиболее демократичным источником власти». Поскольку многие имеют к ней доступ, настоящая монополия на информацию невозможна. С другой стороны, информация является *наименее демократичным фактором производства*, ибо сам по себе доступ к информации не равнозначен возможности ее использования. Преимущество создает владение не информацией, а смыслами.

¹Кетрін-Хейлз Н. Як ми стали пост-людством. – Київ: Ніка-Центр, 2002. – С. 68.

²Гендерсон Г. Парадигмы прогресса // Впереди XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи. – М.: Academia, 2000. – С. 438.

³Бодрийар Ж. Прозрачность зла. – М.: Добросвет, 2000. – С. 68.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Примечательно, что Ж.-П. Сартр называл информацию «третьей природой» постмодернистского человека.¹ Конкретные затраты на производство информации не всегда оправдываются. Иногда незначительные инвестиции приводят к быстрому росту знаний, в то время как крупные капиталовложения заканчиваются фиаско. Данный парадокс объясняется тем, что рыночной оценке и распознаванию обычно поддается лишь ясно выраженное знание. Особо ценное *подразумеваемое* (не кодифицированное) знание так и остается достоянием редких одиночек. Таким образом, информация может произвести ошеломляющий эффект в одном человеческом сознании и совсем никакого эффекта – в другом.² Как уже говорилось выше, предсказать результат соединения информации с адресатом невозможно, ибо информационное сообщение имеет разный эвристический потенциал для разных пользователей. Таким образом, в информационных процессах играет роль не только объем передаваемой информации, но и познавательные установки адресата, его способность соотносить сообщение с уже имеющимися данными, сопоставлять удаленные друг от друга информационные источники и фрагменты. Как писал Н. Луман, истина – это преодоленное сомнение, однако преодолевать сомнение умеет далеко не каждый.

Уже на заре кибернетики Н. Винер возражал против превращения информации в товар, однако еще и сегодня вопрос о месте информации на рынке символических достижений воспринимается неоднозначно. С одной стороны, прослушанное музыкальное произведение или прочитанная книга теряют свою новизну (информационный эффект). С другой стороны, и после этого они по-прежнему, или даже еще более

¹ Сартр Ж.-П. Что такое литература? – СПб.: Алетейа, 2000. – С. 328.

² Как пишет Р. Ленем, «значения обнаруживаются всегда в читателе, всегда в самом тексте или всегда где-то между ними» (Ленем Р. Электронное слово: демократия, технология та мистецтво. – Київ: Ника-Центр, 2005. – С. 39).

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

интенсивно востребуются на рынке. Вопрос о том, покупаем ли мы, расплачиваясь за книгу или лазерный диск, информацию как «количество непредсказуемого в сообщении» остается не проясненным. Похоже, что люди готовы платить не только за чистую новизну. В противном случае книги и альбомы никому не известных авторов и исполнителей были бы наиболее дорогими, но мы знаем, что это не так.

Н. Винер был убежден в том, что информация является синонимом организации, то есть выступает как антиэнтропийное жизненное начало. Мы также знаем, что живой мир человека вышел из системы: ДНК – митоз, сооруженной из клеток на протяжении примерно четырех миллиардов лет с помощью действия необходимой и перманентной информации в ее сражении против деструктивных сил хаоса¹. Подобно тому, как в замкнутой системе энтропия всегда стихийно стремится к увеличению, информация в такой же системе стремится к уменьшению. Поскольку информация и энтропия, строго говоря, не могут сохраняться в изолированном виде, постольку они не могут считаться товаром.²

С точки зрения научной аргументации, с данным утверждением трудно не согласиться. Однако более важным в данном случае является то, что консервация информации в «закрытых емкостях» не имеет смысла. Говоря иными словами, изолированная от своих адресатов (аудитории) информация тает как снег на солнце. Поэтому говорить об информационных отношениях как о воплощении жизни символической реальности имеет смысл лишь в случае открытого доступа к базам и банкам данных. Подобное отношение к информации утвердилось пока лишь в передовых странах, поэтому ученому из Украины легче стать читателем Библиотеки Конгресса США, чем

¹Рюс Ж. Поступ сучасних ідей. – Київ: Основи, 1998. – С. 359.

²Винер Н. Кибернетика и общество. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. – С. 123.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

открыть абонемент в своей национальной библиотеке. Между тем, чем более интенсивно эксплуатируется информационный носитель, тем более полно раскрывается содержащийся в информации смысл. Чем более широкой является аудитория получателей информации, тем адекватнее осуществляется ее предназначение. Сюжетно скупые картины Э. Дега стали более востребованными после их широкого распространения на планете. Нечто подобное происходит с хорошей музыкой, кинематографом, научными текстами и прочими творческими произведениями. Информация по своей природе стремится к публичности.

Все это означает, что за информационными отношениями стоит публичный интерес, а потому информационное право должно быть представлено не только правом интеллектуальной собственности, но и публичным (конституционным и международным) правом интеллектуальной свободы. Поскольку информационным отношениям присущ глобальный характер, информационное право тяготеет к тому, чтобы стать одним из подразделений международного (всемирного) публичного права.

Что же касается внутренних аспектов символического обмена, то в этом смысле распространение информации является способом передачи альтернатив. Если существует только одна-единственная возможность, сообщение о ней можно не посылать вообще. Примечательно, что такие элементарные трансляторы информации как телефон и телеграф, могут работать лишь при условии, что текущие изменения в информации не определяются предшествующей частью посылаемых сообщений.¹ Это означает, что информационные отношения, строго говоря, имеют смысл лишь в том случае, если их эффект невозможно заранее организовать и предвидеть.

¹ Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине. – М.: Наука, 1983. – С. 55.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Правильно организованный информационный мир – это сознательно оберегаемая неупорядоченность, область спонтанных символических воздействий, в которой действует правило: *допустимо все* (anything goes). Как писал А. Тоффлер, спорные факты и то, что фактами вообще не является, могут быть в равной степени предметом информационного обмена. Фальшивые факты и ложь, равно как и правдивые факты, а также научные законы и принимаемые на веру религиозные догмы являются – с информационной точки зрения – просто разными формами организации знания, которое буквально выплескивается на нас из современных компьютеров. При этом государственная власть нередко старается первой овладеть информационными новинками, которые позволяют ей поддерживать имидж авторитетного субъекта. К сожалению, очень часто государственная власть пытается также фильтровать информацию, поступающую в независимые от нее социальные институты.

Естественно, что граждане, которые понесли из-за идеологических авантюр власти миллионы жертв, стараются узнать о политическом истеблишменте как можно больше. Поэтому в каждой из посттоталитарных стран сложилось органическое противостояние общества и государства в информационной сфере. В некоторых случаях оно приобрело черты глубокого конфликта между властью и гражданским обществом, фактически – между народным и государственным суверенитетом. Все это имеет место лишь потому, что получение информации делает ее потребителей более компетентными. Как известно, информационный обмен и прежде приводил к тому, что идеологически несовместимые лидеры вдруг подписывали договоры «о дружбе и границе» или обменивались поцелуями в обе щеки.

К настоящему времени в мире утвердились, в основном, две этики информационных отношений. В первой из них – этике

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

открытости – государство гарантирует своим гражданам максимально широкий доступ к новостям и знаниям обо всем происходящем в мире. При этом оно не боится стать объектом изощренной и компетентной критики. Во второй этике – этике закрытости или информационного сдерживания – государство предстает в глазах общества как наиболее информированный субъект. Однако типичным результатом политики информационной закрытости является подсознательный страх и недоверие граждан к институтам публичной власти. Критики здесь тем более не избежать, но в большинстве случаев она оказывается революционной. Преобладание в государстве той или иной этики обуславливает тонус всех ведущихся под его юрисдикцией дискурсов, содержание всех основных процедурно-регулирующих соглашений: прагматических, политических, моральных и правовых (Ю. Хабермас). Как правило, если поступающая в общество информация существенно ограничивается, то вскоре оказывается ограниченной и вся политическая жизнь.

В наиболее общем виде процесс получения и использования информации является процессом социального и индивидуального приспособления к случайностям и закономерностям внешней среды и самой жизнедеятельностью в этой среде. При этом сложность жизни предъявляет высокие требования к институтам и практике социального информирования. Современные пресса, телевидение, радио, музеи, научные лаборатории, университеты и библиотеки обязаны с опережением удовлетворять быстро растущие информационные запросы. В противном случае можно считать, что они не выполняют своего главного предназначения. Эффективно жить сегодня – означает жить, располагая самой разнообразной информацией.

Наше время, писал Н. Винер, является в такой же степени веком следящих и работающих на основе принципа обратной

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

связи систем, как XIX век был веком паровой машины, а XVIII век – веком часов. Сегодня информирование превратилось в квинтэссенцию социальной жизни, а коммуникация и общение стали чем-то гораздо более значимым, чем только характерной чертой человеческого существования. Благодаря содержательной коммуникации люди наследуют результаты множества творческих усилий, а сама возможность передавать и получать информацию оказалась способной примирить их даже с мыслью о смерти. Коммуникация гарантирует, что наши достижения смогут обогатить жизнь будущих поколений. По признанию Л. Фуллера, если бы его попросили определить безусловный принцип всего того, что следует назвать *Природным Правом* с большой буквы, то он бы назвал возможность открывать, поддерживать и сохранять целостность средств передачи информации, посредством которых люди могут сообщать друг другу о своих желаниях, впечатлениях и чувствах. Именно в этом случае провозглашенная им «мораль стремления» заговорила бы голосом не менее звучным и властным, чем «мораль обязанности».

Жизнь последних десятилетий доказала, что информационная прозрачность и открытость не ведут к унификации («макдональдизации») мира. Подготовленные в рамках cultural theory англосаксонские наблюдатели уверены, что глобализация не влечет за собой культурной унификации, а массовое производство символов не создает «глобальной культуры». С другой стороны, современные государства больше не могут отгораживаться друг от друга информационными «стенами» и «занавесами», в которых и раньше существовали тайные проходы. Кроме того, ученые научились распознавать информацию, содержащуюся в пространстве не только в открытом, но и в закрытом (архивированном) виде. Фактически в наши дни частично осуществилось предвидение С. Лема об «экстрагировании» информации из природы без посреднических усилий

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

мозга – человеческого и электронного, о «выращивании» и спонтанной эволюции информации.¹

Как утверждалось в одной из доктрин стратегического развития США, для цивилизации «третьей волны» наиболее важным сырьем – причем таким, которое никогда не будет исчерпано – является информация в соединении с коллективным воображением. Одновременно одним из наиболее тревожных последствий информационной революции признается то, что человек со средними способностями вскоре не сможет предложить на рынке труда ничего, за что стоило бы платить хорошие деньги. Все это позволяет предположить, что информационная революция ведет к пересмотру всей политической и трудовой этики, побуждает нынешние поколения создавать общества, основанные на новых ценностях и приоритетах.

Что касается технических аспектов современного информирования, то хотя Интернет и соединил между собой персональные компьютеры мира, однако потребление бумаги как информационного носителя продолжает удваиваться в США каждые четыре года. До сих пор 95% всей информации здесь хранится в бумажном виде. Против ожидания, в электронном виде сохраняется всего лишь несколько процентов всех существующих в мире данных. Объем бумажных носителей в современном мире растет быстрее, чем электронные средства успевают их заменить.² При этом работа с информацией создает примерно 50-60% ВВП индустриально развитых стран.³ По данным У. Бека, уже в конце второго тысячелетия в мире насчитывалось 1,26 миллиарда телезрителей, 200 миллионов пользователей кабельного телевидения, 690 миллионов телефонных номеров, 200 миллионов компьютеров, из которых

¹Примечание редактора // Лем С. Сумма технологии. – М.: Изд-во АСТ, 2002. – С. 143.

²Гейтс Б. Бизнес со скоростью мысли. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – С. 59.

³Dertouzos M. What Will Be: How the New World of Information Will Change Our Lives. – San Francisco: Harper Collins, Harper Edge, 1997. – P. 230-231.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

30 миллионов были подсоединены к Интернету. Пользователями Интернета в настоящее время является практически половина населения Великобритании и США.

Еще более важными последствиями информационной революции являются качественные изменения. Главное из них заключается в том, что информация стала предметом *потребления*, а не хранения. Это значит, что самые надежные гарантии безопасности имеют те страны, чей статус соответствует требованиям информационной открытости. Сами по себе занесенные в книги, журналы или переданные в хранилища со штампом «секретно» данные не могут защитить кого-либо в мире, где уровень информированности стремительно растет.

Как говорил Н. Винер, для разума не существует «линии Мажино», поэтому понимать происходящее можно, лишь находясь в непрерывном потоке влияний, идущих от внешних источников. Каждый человек представляет собой палимпсест, и все, чем он может стать в интеллектуальном смысле, зависит от эффективности его информационных связей. Что касается социального интеллекта, то его качество определяется не объемом имеющихся в распоряжении общества знаний, а их энтропией – уровнем «разброса», наличием возможностей для их свободного использования и передачи. Люди могут быть окружены сейфами знаний, но без прозрачной коммуникации их решения рискуют так и остаться бесполезными. Только информационные транзакции на всех уровнях и по всем векторам коммуникации одновременно превращают знания в фактор прогресса. Информация жива в своем бесконечном «претекании», она имеет смысл лишь в обмене.

Политические элиты современных государств не выступают против прогресса. Однако они осторожны в своих отношениях с общественностью, доверием которой им хотелось бы пользоваться вечно. Дозируя информацию, политики, как им кажется, держат ситуацию под контролем. В действительности

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

же они заполняют взрывоопасной пустотой, «угольной пылью» сознание своих сограждан. Поскольку информация проникает сквозь любые канализирующие и фильтрующие средства, постольку в странах с обскурантистской информационной политикой рано или поздно происходит информационный сход лавин. И тогда открывшаяся пестрота и многообразие мира ошеломляют и дезориентируют людей, привыкших жить в полумраке закрытости.

Возможно, писал по этому поводу Н. Луман, что новшество теории средств коммуникации, по сравнению со старыми теориями власти, состоит в том, что эта теория понимает феномен власти на основе различия между кодом и процессом коммуникации, и потому не склонна приписывать власть, как некое качество или способность, никому из партнеров властных отношений. В информационном смысле власть есть управляемая кодом коммуникация.¹ Лишенный каких-либо признаков персонификации, набор укорененных в социальном сознании шаблонов, смысловых клише, установок и ожиданий является (генетически и структурно) политико-информационным продуктом. Подобного рода информационный код является результатом соглашения о том, как одни вещи и явления соотносятся или должны соотноситься с другими вещами и явлениями. Если код задан, то вся поступающая к действующим субъектам информация автоматически группируется в заранее сформированные кодом рубрики сознания.

Современные политические системы могут быть открытыми на уровне свободного притока информации, но закрытыми для переоценок своего кода (таковы авторитарные режимы). Они могут быть закрытыми для переоценок кода одновременно с закрытостью для большинства внешних информационных потоков (таков тоталитаризм). Наконец, они могут быть одновременно открытыми для неограниченного

¹ Луман Н. Власть. – М.: Праксис, 2001. – С. 29.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

информационного обмена и переоценок существующего кода. В последнем случае страна пребывает в состоянии информационной «какофонии». Однако именно такое состояние информационной прозрачности обеспечивает высокую политическую стабильность. Здесь уместно вспомнить о метафоре эффективной демократии у Ч. Милоша: скользкий по волнам неуклюжий баркас с гребущими в разные стороны и кричащими на разных языках моряками...

Политика информационной открытости создает для человека органическую ситуацию свободы выбора, что всегда высоко оценивается индивидуальным сознанием. Теоретически данный тип отношений описан Д. Ролзом, у которого императив гражданской свободы выступает высшим политическим благом и одновременно наилучшей гарантией стабильности. Тем не менее, в процессе политической эмансипации признание многообразия и терпимости в качестве фундаментальных основ эффективной политики происходит не сразу, пусть даже информационная открытость означает не усложнение, а упрощение управления обществом, которое в этом случае все более превращается в самоорганизующуюся систему. Роль политиков в открытом обществе сводится не столько к постановке целей, сколько к инициации и поддержанию спонтанной гражданской активности. В результате, гарантирование свободы оказывается более приятным и плодотворным делом, чем защита порядка. Можно сказать, что лидерам в этом случае ветер дует в спину. В частности, у Ю. Хабермаса успех политики зависит уже не столько от коллективных и целенаправленных действий общества, сколько от существующих в нем процедур и условий коммуникации (дискурса), игры совещательных практик, неформального информационного обмена.

Как и либеральная модель, теория дискурса подчеркивает принципиальную важность демаркации границ между «государством» и «обществом». При этом она рассматривает

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

гражданское общество как коммуникативную сферу, в которой не существует настоящей административной иерархии и дисциплины. Автономная сфера гражданского общества Ю. Хабермаса – это знаково-символическая среда, в которой, помимо обсуждения и критики повседневных событий, пересматриваются глубинные основы и смыслы бытия, переопределяются политические коды и стереотипы. Как один из крупнейших каналов коммуникации, данная сфера реализует себя посредством религии, литературы и искусства. При этом наиболее значимые события в ее жизни первоначально генерируются в индивидуальных биографиях. Лишь затем накопленный опыт закрепляется в языке, религии, искусстве и иных относительно устойчивых символических формах.

Информационные аспекты присущи также рефлексивному общению творческого субъекта с самим собой. В ряде случаев такое общение может оказаться даже более плодотворным, чем переизбыток циркулирующих в мире данных. Как писал Э. Корниш, обо всем в мире уже столько написано, что стало просто невозможно что-либо найти. Проблемы возникают также в связи с использованием таких понятий как «информационная безопасность» и «информационный суверенитет», которые для разных пользователей имеют неодинаковый смысл. Как известно, государство опасается инновационного потенциала информационной свободы, в то время как общество стремится к ней из всех своих сил. Собственно говоря, способность информации порождать новую информацию (в терминах неравновесной термодинамики – порождать автокаталитические кольца) была известна еще до появления первых публикаций по синергетике.

Политическую проблему создает и функционирование таких информационных объектов как «големы».¹ Для того,

¹ Голем (golem) – подобие, механический заменитель человека. В древних еврейских легендах – фигура, искусственно сконструированная для символической репрезентации человека.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

чтобы сконструировать голема, схему искусственного интеллекта проецируют на систему, в которой физическими носителями информации выступают отдельные индивиды, группы людей или компьютеры. Полученный объект по своим свойствам является апсихическим. В образе Левиафана он был в свое время описан Т. Гоббсом. Современная трактовка голема как искусственного интеллекта, логическими элементами которого служат люди, объединенные в иерархически организованную сеть, была предложена А. Лазарчуком и Л. Леликом.¹

В качестве информационных объектов голема ведут себя сравнительно просто. Активность големов сводится к информационному питанию, расширению контролируемой ими области информационного пространства, а также сохранению и умножению своей элементной базы. По данным признакам голема обычно и идентифицируются. Крупнейшими големами являются современные государства. Органическая проблема големов состоит в том, что приток в них новой информации является одновременно условием их жизнедеятельности и фактором риска. Поэтому голема стремятся к чужой новизне, оставаясь при этом информационно «скупыми». В тоталитарных системах голема исповедуют религию информационной закрытости: накапливая информацию, они стараются не обмениваться ею. Наоборот, к големам либерального типа применима строка из «Витязя в тигровой шкуре» Ш. Руставели: «Что ты спрятал, то пропало, что ты отдал, то твое». Впрочем, даже в относительно свободных информационных системах индивид противостоит големам, которые трактуют личность в качестве средства для достижения своих целей. Как правило, голема пытаются подавить своеобразие личности во имя собственного функционального совершенства.

В этом смысле партийные структуры, парламентские фракции, промышленные фирмы и корпорации являются

¹См.: Лазарчук А., Лелик П. Голем хочет жить // Мир Internet, 2001, № 10.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

типичными информационными големами. Присутствие големов в социальной среде всегда заметно. Оно сопровождается избыточной стандартизацией в системе науки и образования, попытками контролировать Интернет, скукой в национальных СМИ, «растительным» уровнем интеллекта телеведущих и т. п. Хотя големы могут достигать значительных организационных успехов, осуществляемая ими трансформация индивида-цели в индивида-средство является психологически проигрышной и стратегически бесперспективной. В сущности, информационный хаос является симптомом более высокой формы социальной организации, чем информационная иерархия и порядок.

Хотя высокоразвитые големы демонстрируют высокую терпимость к броуновским траекториям информационных сообщений, в перспективе проблема големов неразрешима. В формальном смысле големы признают полезность информационной свободы, однако на практике пытаются стоять «выше». Кроме того, големы не являются и не становятся творческими субъектами, а индивиды рождаются таковыми. В частности, только у людей возникает соблазн создавать компьютеры, которые ведут себя «понимающе», автоматы же таким желанием не обладают. Как известно, современные компьютерные переводчики нуждаются хотя бы в минимальной имитации личностных качеств, ибо нельзя понимать что-либо, не обладая качествами личности хотя бы в зачатке.

Перефразируя М. Фуко, можно предположить, что големы ничего не знают о воле к истине – «этой удивительной машине, предназначенной для того, чтобы исключать». Истиной для голема всегда является образ должного, в то время как настоящая истина таинственна. Кроме того, голем является беспомощным перед таким свойством символической реальности, как многообразие. Символическая реальность лишь частично нуждается в унификации и организации, голем же всегда

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

стремится к ней. В наиболее угрожающем сценарии развития големы претендуют на замещение собой всей символической реальности. Однако именно эта претензия лишает их последнего оправдания в глазах общественности.

Развитый индивид не желает быть политической игрушкой. Символическая реальность использует высокую подвижность современного знания, но при этом она не ставит символ выше означаемого. Големы же возводят символы в культ. Символическая реальность существует как бесконечно длящийся свободный обмен дискурсов, големы же имеют тенденцию сводить дискурс к «эффективным решениям». Символическая реальность прогрессирует, искушая людей творческими достижениями, големы же обычно сторонятся новых и непривычных для себя соблазнов.

Символическая реальность построена на презумпции, что знания должны быть доступны всем. Основанные на меритократии таланта, социальные институты используют знание как демократический источник власти, ее информационный ресурс. Однако функционеры, обладающие властью в големах, стремятся контролировать количество и качество знаний, распределяемых внутри их владений. В этом смысле големы представляют собой *сколки* символической реальности, ограниченные политическими, административными и иными искусственными границами. Они противостоят символической реальности, как часть – целому, порядок – свободе, монотеизм – политеизму. Антиномия, пожирающая всякий голем, – от национального государства до парламентской фракции – заключается в том, что голем есть организационно обособившаяся часть системы со стохастическим, в своей основе, порядком преобразований.

Выступая в пространстве символической реальности островками информационного порядка, големы кажутся иногда по-настоящему привлекательными. Однако их структурная

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

организация может лишь частично уподобляться личностной организации индивида. В большинстве случаев именно в отрицании уникальности, превращении человеческой личности в средство достижения внешней для нее цели големы обретают свой истинный смысл. В своей основе позиция голема враждебна человеческому интеллекту. Гармония возможна лишь в отношениях символической реальности и индивидов. Только в непосредственном контакте с символической реальностью индивиды могут оставаться самими собой. Посредничество же големов имеет тенденцию превращать их в разумных слуг.

На интуитивном понимании информационной сути големов, индивидов и символической реальности после Второй мировой войны была построена информационная политика по обе стороны от «железного занавеса». На Западе информация оставалась, преимущественно, воплощением смыслового разнообразия, плюрализма трактовок и нюансов отличия. Журналистский этос вырабатывался здесь в направлении такого способа подачи материала, который охватывается понятием *достоверности*. От репортера требовалась профессиональная верность собственным ощущениям, наблюдениям, интуиции и не более. В этом случае информационный продукт представлял собой нечто весьма удобное с позиций множественности вариантов его восприятия и трактовки. Применение критерия достоверности не столько продвигало к универсальной истине, сколько стимулировало вариативность объяснений.

По восточную же сторону от «занавеса» и «стены» все обстояло почти противоположным образом. От журналистики и информирования в целом ожидали и требовали подведения аудитории к объективной истине. Внешне все выглядело так, как будто и здесь требовалась достоверность. Отличие заключалось лишь в том, что в первом случае достоверность прилагалась к заведомо многозначному факту или явлению, а во втором – к факту и явлению заведомо однозначному.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Сегодня многие журналисты стараются высказать свое мнение по поводу того или иного события, однако агентство «Рейтер» по-прежнему требует от своих сотрудников всестороннего изложения фактов, а не мнений. Как заметил по этому поводу его директор П. Джоб, «мы <...> оставляем поле для анализа тем, кто видит в нашем агентстве некоего поставщика честной, подготовленной и проверенной информации».¹ Возможно, именно в этом заключается смысл хорошей информационной политики. За «железным занавесом» в информационном сообщении поле для анализа, как правило, не оставлялось. Это объясняется тем, что на Западе информационная политика строилась в контекстуальных рамках символической реальности как информационно незамкнутой системы. В социалистических же странах информационная политика строилась в контекстуальных рамках голема, или системы информационно замкнутой.

Думая о том, как избежать негативных последствий информационной закрытости, Ж.-Ф. Лиотар писал, что согласиться с тем, что главная роль знания – быть необходимым элементом функционирования общества и действовать от занимаемого им места можно только в случае, если мы согласимся считать общество *большой машиной*. Иначе говоря, мы можем учитывать его критическую функцию и пытаться ориентировать его распространение в этом направлении, только если согласимся, что общество не является интегральным целым и что оно сохраняет приверженность принципу оспаривания. Альтернатива представляется ясной: односторонность или двойственность, органически присущая социальному началу, функционализм или критицизм знания.²

¹ Джоб П. Украина – это центр Европы // Столичные новости, 14-20 мая, 2002. – С. 11.

² Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – М.-СПб.: Алетейя, 1998. – С. 40-41.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

По мнению Ж.-Ф. Лиотара, возможность избежать жесткого выбора проглядывает в перспективе различения двух категорий знания, первое из которых – позитивизм, находящий себе широкое применение в технических областях и на этой основе предлагающий себя в качестве производительной силы системы. Вторая категория – знание критическое, рефлексивное или герменевтическое, которое, задаваясь прямо или косвенно вопросом о ценностях или целях, противопоставит любому функциональному или «повторному использованию».

В сущности, уяснение смысла информации и информирования в аспекте выяснения природы символической реальности подводит нас к необходимости рассматривать информационный обмен в качестве средства производства аргументов, с помощью которых могут быть подкреплены или отвергнуты те или иные притязания на значимость.¹ То есть, в широком смысле цель информации и информирования заключается в передаче сигналов, распространяющих индивидуальные человеческие чувства и способности с одного конца света на другой. Это, в свою очередь, подводит нас к исследованию природы и функций человеческой личности, а также роли того барьера или пространства, который отделяет одну человеческую личность от другой. В целом, как писал Н. Винер, в мире назрела необходимость исследовать все элементы информации, а также все аспекты секретности с существенно большей зрелостью и объективностью мысли, чем во времена Н. Макиавелли. Сегодня изучение природы сообщения достигло той степени независимости и авторитета, которые позволяют говорить о его превращении в науку.

Разумеется, кроме свободы информации большое значение имеет социальная память, технические банки и базы

¹Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2000. – С. 137.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

данных. Чем больше материала накапливает в себе память, чем шире информационное поле воображения, тем больше у человека возможностей для анализа и сопоставления, тем более впечатляющими являются результаты его интеллектуальной активности. Важным также является вопрос о доступе к интересующим человека сведениям. Сегодня фактор времени непосредственно сказывается на оценках стоимости информации. Ведь код или шифр доступа (в широком смысле этого слова) представляет собой не только сейф, который трудно или невозможно взломать, но и замок, который требует усилий, чтобы открыть его законным способом. Нельзя не учитывать и такой фактор информирования, как хорошая связь. Как подчеркивал Б. Гейтс, хорошая связь помогает людям увеличить свою независимость. В свою очередь, большая независимость служит стимулом к дальнейшему усовершенствованию связи. Информационная связь сегодня одинаково важна в антропологии и социологии, политике и экономике.

Очевидно также, что все административные лица – будь то в правительстве, университетах или акционерных обществах, должны принимать активное участие в коммуникации, а не просто передавать исходящие откуда-то сверху приказы. В противном случае социальный менеджмент будет основан на неправильном представлении о фактах. Говорят, что нет более трудной задачи для политических лидеров и артистов, чем выступать перед аудиторией, не имеющей возможности проявить свою ответную реакцию. Как известно, на последнем для себя митинге в Бухаресте Н. Чаушеску ложно воспринимал яростные крики толпы в качестве знаков одобрения и приветствия.

Как это следует из теории коммуникации, в демократически организованном обществе политическая власть подразделяется на коммуникативную и административно применяемую

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

власть. Если коммуникативная власть является результатом горизонтального общения, то административно применяемая власть – следствием вертикального информационного обмена. В целом, информационные аспекты власти приобрели особую значимость уже в начале XX века. Неслучайно научные интересы К. Ясперса были в этот период сосредоточены на теме социальной коммуникации.¹ Что касается феномена информационного обмена в целом, то он был хорошо известен католической церкви уже в эпоху Средневековья, ибо Ватикан пользовался привилегией распространения информации поверх государственных границ. При этом все распространяемые сведения подвергались цензуре со стороны высших церковных авторитетов.

Новое время потребовало широкого, демократического и рационального информирования,² на основе которого в социальной практике утвердилась коммуникативная власть – единственная, обладающая достаточной силой, чтобы конкурировать с монополией политика-профессионала.³ Сегодня влияние СМИ является не менее важным, чем деятельность классических демократических институтов. Информированность стала условием народовластия, причем под информированностью ныне понимают не только свободу слова, но и гарантии доступа к правительственным документам – двойное требование, на выполнении которого ныне настаивают в США и Западной Европе. Современные люди хотят знать, какой обработке подверглись законопроекты, переходящие от одной правительственной инстанции к другой. Поэтому история их разработки стала важным элементом содержания

¹ Михайлов И. Послесловие переводчика // Хайдеггер М., Ясперс К. Переписка 1920-1963. – М.: Ad Marginem, 2001. – С. 404.

² Габермас Ю. Структурні перетворення у сфері відкритості. – Львів: Літопис, 2000. – С. 81.

³ Кундера М. Прощальный вальс. Бессмертие. – СПб.: Амфора, 1999. – С. 321.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

правительственных бумаг, а исторический контекст внесения законодательных поправок – одним из важнейших источников толкования современных конституций.

Поскольку эффективная политика невозможна без свободного обсуждения ее наиболее вероятных последствий, любое препятствование информационной открытости мешает надлежащему протеканию общественных дел. Без публичных обсуждений стало невозможным и совершенствование методов гуманитарных исследований.¹ Ибо улучшить инструментарий наук о человеке можно лишь в процессе его дискурсивного применения. На наших глазах в свободном общении родился и вырос Интернет, который не только связал покупателя с продавцом, но и системно исключил применение цензуры. И хотя Б. Гейтс предлагал ввести (по соображениям безопасности) блокирование сайтов отдельных стран, свобода информации ценится в США настолько высоко, что даже порнографам и крайним расистам позволено здесь заниматься своим делом. Жители стран, в которых информация и услуги легко перемещаются через fast world киберпространства, оказались готовы к соревнованию интеллектов намного лучше, чем граждане государств, окруженных рифами информационных запретов. В частности, принятие 4 июля 1967 года закона «О свободе информации», не позволяющего правительству хранить свои секреты слишком долго, сделало США мировым лидером в культуре открытости.²

С другой стороны, свобода информации определенным образом посягает на ценности личной и семейной жизни. Поэтому необходимо достижение баланса между правом человека на личную жизнь и правом общества знать о том, что происходит с его элитами. Фактически лишь в судебных процедурах

¹ Дьюи Д. Общество и его проблемы. – М.: Идея-Пресс, 2002. – С. 122.

² Friedman T. The Lexus and the Olive Tree. – N. Y.: Anchor Books, 2000. – P. 375-376.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

требуется, чтобы все ограничения были отброшены, а дела решались с позиций максимального знания о фактах.¹

Принято считать, что современное понимание неприкосновенности личной жизни включает в себя четыре drobных правомочия: право на неприкосновенность персональных данных; неприкосновенность личности; неприкосновенность жилища; тайну переписки. При этом принципы обращения с персональными данными общеизвестны. Человек должен иметь право получать информацию о себе, вносить изменения в устаревшие и неверные персональные данные, а также прибегать к защите закона, если данные о нем использовались не по назначению.²

Таким образом, открытость информации является важнейшей гарантией интеллектуальной свободы, а возможность свободно искать, производить, приобретать в собственность, хранить, передавать и распространять информацию о событиях и обстоятельствах своей жизни – одним из основных прав человека. Что касается юридически полезного определения информации, то *под информацией следует понимать любые обладающие смыслом сведения, содержание которых может быть представлено в знаково-символической форме и сохранено на внешних по отношению к человеческому сознанию материальных носителях.*

Завершая рассмотрение данного вопроса, следует подчеркнуть, что сегодня все страны и народы нуждаются в информации, неравномерно рассеянной по миру. Поэтому для обеспечения доступа к ней должны быть установлены правовые гарантии свободного и беспрепятственного информационного обмена. Тем более что рост количества компьютеров является ныне сопоставимым с прежним развитием средств передвижения или передачи звука и изображения на расстоянии.

¹ Rawls J. A Theory of Justice. – N. Y.: Oxford University Press, 1973. – P. 449.

² Смирнов С. Privacy в Интернете // Мемориал, № 1(20), 2000. – С. 59-60.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В дополнение к описанной К. Марксом прибавочной стоимости, создаваемой трудом, информационная революция создала прибавочную стоимость, создаваемую знанием.¹ При этом она привела к такому переплетению транснациональных корпораций, неправительственных и научных организаций, которое, будучи усилено Интернетом, может быть названо истинным воплощением системы мирового сотрудничества.² В современной конкуренции за распознавание и престиж победителем становится тот, кто внедряет у себя информационные системы наивысшего класса.³ Именно поэтому перед человечеством сегодня возникает вопрос о создании глобального права интеллектуальной свободы, основанного на принципах предельной информационной мобильности и открытости.⁴

¹ Нейсбит Д. Мегатренды. – М.: Изд-во АСТ, 2003. – С. 30.

² Бжезінський З. Велика шахівниця. – Львів – Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 2000. – С. 215.

³ Гейтс Б. Бизнес со скоростью мысли. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – С. 23.

⁴ Примечательно, что современные технологии Интернета предусматривают норму о «свободе выражения мысли» по модели Первой поправки к Конституции США (см.: Мей К. Інформаційне суспільство. – Київ: К. І. С., 2004. – С. 30); см. также: Речицкий В. Международно-правовые гарантии интеллектуальной свободы. Европейская парадигма // Свобода висловлювань і приватність, № 1, 2005. – С. 13-30; Речицкий В. Правовые гарантии свободы слова в США // Свобода висловлювань і приватність, № 3, липень-вересень, 2004. – С. 19-29; Речицкий В. Обґрунтування міжнародної конвенції «Про захист інтелектуальної свободи» // Сучасність, № 9, 2001. – С. 82-106.

Глава III

**ОСНОВНЫЕ
СИМВОЛИЧЕСКИЕ
ФОРМЫ**

3.1. Наука как форма (сегмент) символической реальности

Наука является одной из основных форм символической реальности. Положение науки в символической реальности настолько значительно, что ее пребывание там вместе с искусством служит достаточным основанием для превращения символической реальности в систему. Поскольку, с точки зрения своих органических потребностей, человек глубоко заинтересован в правде¹, постольку наука является изначально укорененной в структуре человеческой личности.² Можно попытаться срубить ее ствол, но корни науки, как говорил И. Кант, уничтожить невозможно.³ В наиболее общем виде наука выступает тем проявлением символической реальности, благодаря которому частицы материи изобретательно сопротивляются возрастанию всепроникающей энтропии. Хотя в научных концепциях нет постоянства – они представляют собой лишь интерпретации естественных феноменов⁴, а сама попытка сделать

¹Santayana G. The Sense of Beauty. – N. Y.: Dover Publications, 1955. – P. 141.

²По мнению К. Г. Юнга, «науки вышли из человека и особенностей его конституции. Они являются *симптомами* его психики» (Юнг К. Г. Стадии жизни // Юнг Карл Густав, фон Франц М.-Л., Хендерсон Дж. Л., Якоби И., Яффе А. Человек и его символы. – М.: Серебряные нити, 1997. – С. 316).

³Кант И. Сочинения. В 6 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1964. – С. 120.

⁴Bronowski J. The Origins of Knowledge and Imagination. – New Haven and London: Yale University Press, 1978. – P. 96, 108.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

науку более «рациональной» граничит с тем, чтобы выхолостить ее вообще,¹ – современная наука остается воплощением *энтропии*, то есть действует как антоним структурного распада. Именно благодаря науке и ее возможностям биосфера перешла в свое новое состояние – *ноосферу*, стала наиболее впечатляющим воплощением «мысли социального человечества».²

Благодаря науке человек осознал, что он житель планеты, который может и должен действовать в планетарном масштабе. И хотя данный взгляд на вещи еще не полностью вошел в социальный опыт, кульминационные моменты человеческой истории обнаруживают «глубокое космическое воззрение», проявляющееся в мотивации множества человеческих действий. Современная наука фактически выступает как «некая общая форма форм мышления».³ Заложенные в научном знании возможности являются производными от процесса цефализации – эволюции живого вещества, создающего все более сложно организованные мозговые системы при параллельном увеличении разнообразия организмов и их свойств. Одним из таких свойств является научная способность.⁴ Умение эволюции обеспечивать интеллектуальными средствами стабильность жизненных процессов на планете иногда называют «законом Фишера». В целом, история демонстрирует постоянное усложнение условий жизни и характера человеческого общества, рост разнообразия всех структур, в рамках которых протекает его жизнь.⁵

¹ Feyerabend P. *Against Method*. – N. Y.: Verso, 2001. – P. 158.

² Вернадский В. *Научная мысль как планетное явление*. – М.: Наука, 1991. – С. 20.

³ Уайтхед А. *Избранные труды по философии*. – М.: Прогресс, 1990. – С. 401.

⁴ Как подчеркивает Ф. Ферре, «наука, в сущности, есть точка зрения» (Ferre F. *Philosophy of Technology*. – USA: University of Georgia Press, 1995. – P. 100).

⁵ Моисеев Н. *Зачем дорога, если она не ведет к храму // Иного не дано*. – М.: Прогресс, 1988. – С. 54.

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

У. Матурана и Ф. Варела выделяют четыре главных условия, характеризующих современное научное отношение к миру: а) все, что наука стремится объяснить, описывается ею способом, приемлемым для большинства наблюдателей; б) при этом предлагается концептуальная система, способная порождать подлежащий объяснению феномен способом, приемлемым для большинства наблюдателей (объясняющая гипотеза); в) получение на основании объясняющей гипотезы (б) других феноменов, не рассматриваемых явно предложенной гипотезой, но также описывающих условия возникновения феномена способом, приемлемым для большинства наблюдателей; г) наблюдение новых феноменов, полученных из (б).¹

Что касается определения научного открытия, то исследователи понимают его как нарушающий правила процесс разрушения крайней оболочки системы с тем, чтобы открыть ее, и тут же закрыть снова, как только конкретная часть работы будет завершена.² Это, в свою очередь, означает, что факты науки всегда включают в себя некий гипотетический элемент, проявляющийся в «систематической попытке устанавливать закрытые системы одну за другой».³

Обычно считается, что наука, по крайней мере, в том виде, в каком она развивалась до XVII века, является совместным продуктом теоретической и практической деятельности человека, в которой достижение результата характеризуется последовательной сменой фаз хаоса и организации.⁴ Как писал П. Фейерабенд, вне хаоса нет знания, так как «отклонения» и «ошибки»

¹ Матурана У., Варела Ф. Древо познания. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – С. 25.

² Bronowski J. The Origins of Knowledge and Imagination. – New Haven and London: Yale University Press, 1978. – P. 108.

³ Bronowski J. The Origins of Knowledge and Imagination. – New Haven and London: Yale University Press, 1978. – P. 108.

⁴ Ferre F. Philosophy of Technology. – USA: University of Georgia Press, 1995. – P. 44, 48-49.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

разума являются прямыми предпосылками его общего движения вперед.¹ Более того, главный и единственный постулат теории науки, в котором мы можем быть совершенно уверены, заключается в том, что «все теории фальшивы, говоря абсолютно». Все они представляют собой лишь частичные и временные «правды».² Даже числа, по мнению А. Яффе, не являются понятиями, сознательно изобретенными людьми для нужд счета. На самом деле «это спонтанные и автономные порождения подсознания, как и другие архетипические символы».³

По мнению Н. Бердяева, философский смысл науки заключается в том, что она способствует превращению природного хаоса в свободный Божественный Космос, главный смысл которого воплощается в творчестве, привнесении в мир того, чего в нем раньше не было. Участвуя в этом процессе, биологический вид *homo sapiens* постепенно становился человечеством. Данный процесс означает также переход индивида из «материального плана бытия» в план символический. В параллельном кризисе человечества и природной материи Н. Бердяев усматривает «рождение человека и жизни духа», в которых непосредственно проявляется «сущность нашей эпохи».⁴

В субстанциональном качестве наука представляет собой «совокупность человеческой мысли»,⁵ причем научное мировоззрение существует в обществе *наравне* с иными проявлениями его мыслительной функции: религией, искусством, общественной и личной этикой, а также философией или

¹ Feyerabend P. *Against Method*. – N. Y.: Verso, 2001. – P. 158.

² Bergson H. *The Creative Mind*. – N. Y.: Citadel Press, 1974. – P. 207.

³ Яффе А. Наука и подсознание // Юнг Карл Густав, фон Франц М.-Л., Хендерсон Дж. Л., Якоби И., Яффе А. *Человек и его символы*. – М.: Серебряные нити, 1997. – С. 311.

⁴ Бердяев Н. *Философия свободы. Смысл творчества*. – М.: Правда, 1989. – С. 261.

⁵ Вернадский В. *Философские мысли натуралиста*. – М.: Наука, 1988. – С. 53.

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

созерцанием.¹ В этом смысле, как писал П. Слотердаjk, вся человеческая жизнь а priori протекает в атмосфере естественной искусственности и искусственной естественности. Осознание данного феномена можно считать «великим подвигом просветительской культурной рефлексии». Параллельно он свидетельствует также о том, что современное человечество живет «неестественно».²

Рост и развитие науки происходит в пространстве символической реальности – мире идей или «третьем мире», как его понимал Платон. В качестве сегмента символической реальности наука представляет собой самокорректирующуюся систему знаний, ясность и чистота которых лишь частично зависят от качеств познающего субъекта. Говоря иными словами, наука объективна и субъективна одновременно. С одной стороны, она представляет собой продукт интеллектуальных усилий конкретных ученых, с другой – образует автономный символический мир, отраженный в мышлении в виде «карикутуры» природы, корни которой «никогда не были достоянием исключительно научных систем».³ Автономность науки от индивидуального сознания, которое входит в понятие науки, но не может ее полностью охватить, известна давно. Частично данный феномен был описан К. Г. Юнгом в качестве «переключки психологических и физических понятий», частично – отражен в концепции «всеединой реальности», предложенной в свое время В. Паули и Э. Нейманом. Как однажды заметил П. Валери, сама «природа разума побуждает его действовать как бы вопреки человеческой природе».⁴

¹ Вернадский В. Научная мысль как планетное явление. – М.: Наука, 1991. – С. 198.

² Слотердаjk П. Критика цинического разума. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. – С. 77.

³ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. – М.: Весь мир, 2003. – С. 390.

⁴ Валери П. Об искусстве. – М.: Искусство, 1993. – С. 161.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Известно также, что любая подлинно научная теория обладает собственной этикой и целью.¹ Именно поэтому субъективному воображению индивида здесь отводится по-настоящему важная роль. Миссия утопии в науке заключается в том, что этот тип мышления органически противостоит «пассивному принятию данного положения дел». Воображение ученого преодолевает инерцию мира, наделяя человечество уникальной способностью постоянно преобразовывать универсум.² Научная мысль воплощает в себе сложный баланс революционного вдохновения и консервативного скепсиса в голове одного и того же индивида. Функции выдвижения гипотез и их критики на самом деле не являются разделенными. Одни и те же ученые могут выступать в роли смелых новаторов и осторожных консерваторов одновременно.

В любом случае, научное сообщество представляет собой особую форму ассоциации. Оно имеет дело с абстракциями, но абстракции интересуют его, преимущественно, в практическом смысле. Стремясь к расширению пределов своего сознания и воображения, ученые довольно легко допускают присутствие в мире того, чего «реально» не существует. Вместе с тем, они тщательно проверяют абстракции на предмет их соответствия материальной действительности. В зависимости от обстоятельств, ученые выступают то как безудержные фантазеры и мечтатели, то как недоверчивые реалисты. Уникальность данной позиции объясняется тем, что научный мир принадлежит одновременно к символической и предметно-физической реальности. Насколько наука является свободной и раскованной в символическом мире, настолько же она соблюдает осторожность в мире предметно-физическом.

Многое из того, что кажется науке совершенно абсурдным,

¹Пятигорский А. Мышление и наблюдение. – Рига: Liepnieks & Ritups, 2002. – С. 43-44.

²Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. – М.: Гардарика, 1998. – С. 513.

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

утверждал А. Бергсон, вовсе не является таковым с более глубокой – природной точки зрения.¹ Главная же особенность науки заключается в том, что она свободно манипулирует абстракциями, за которыми в физическом мире стоят или могут стоять их материальные соответствия. Отсюда возникло распространенное представление о том, что символы науки характеризует ясность и однозначность. На самом же деле, писал Л. Витгенштейн, в процессе научного исследования ученые применяют множество высказываний, чью роль они до конца не понимают.² По свидетельству А. Тьюринга, «широко распространенное представление о том, что ученые с неуклонной последовательностью переходят от одного вполне установленного факта к другому, не менее хорошо установленному факту, не давая себя увлечь никакому непроверенному предположению, в корне ошибочно».³

Чтобы мыслить движение, человеку необходимо постоянно возобновляемое усилие духа. Однако абстрактные знаки и символы способны заменить длящуюся непрерывность событий своей условной комбинацией.⁴ В науке данная операция с символами и их группами постоянно осуществляется в переходном модуле от символической реальности к физической, и обратно. В свою очередь, подобное позиционирование науки и ученых определяет своеобразие принципов научно-исследовательской работы в целом. Именно поэтому для разработки основ правового статуса науки и ученых необходимо добиться адекватного представления о роли и функциях науки в структуре физического и символического пространства. Например, если в символической реальности ученым принадлежит

¹ Bergson H. *The Creative Mind*. – N. Y.: Citadel Press, 1974. – P. 207, 252.

² Wittgenstein L. *Culture and Value*. – USA: The University of Chicago Press, 1984. – P. 64-e.

³ Тьюринг А. Могут ли машины мыслить? // Информационное общество. – М.: Изд-во АСТ, 2004. – С. 243.

⁴ Бергсон А. Творческая эволюция. – М.: ТЕРРА, 2001. – С. 312-313.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

неограниченная свобода интеллектуального самовыражения и творчества, то в реальности предметно-физической на них возлагается тяжелое бремя ответственности за результаты экспериментальных проверок.

Неудивительно, что именно в области взаимопроникновения символической и предметно-физической реальности закладывается главный узел проблем взаимодействия науки, промышленности и демократии. Это означает, что для разработки гарантий академической свободы важным является понимание не только логики научной работы, но и характера связей, которые существуют между интеллектуальным творчеством, технологией и социально-политическими процессами.

Что касается внутренних параметров научной деятельности, то здесь почти все сводится к вопросу о методе научных открытий. В свое время А. Уайтхед считал крупнейшим достижением XIX века обновление научной методологии – знания о том, как совершаются научные открытия. По его мнению, характер современной эпохи определяет не наличие железных дорог, электросвязи, прядильных машин и синтетических красителей, а знание о способах наведения мостов между научными идеями и их воплощением в действительность. Одновременно он отмечал, что существующее в данной области сложное переплетение внутренних и внешних факторов и интересов угрожает подорвать любой исследовательский энтузиазм. Впоследствии время подтвердило сложный характер стоящих перед наукой проблем.

В наши дни вопрос о методах науки существенно осложнился. Во-первых, как писал Ж. Бодрийар, «все в этом обществе стоит под знаком неопределенности»,¹ и это в полной мере относится к положению науки. Говоря иными словами, под всякой научной логикой скрывается обширная зона релятивизма, пространство иррационального и бессознательного

¹ Baudrillard J. Impossible Exchange. – London: Verso, 2001. – P. 18.

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

программирования.¹ Во-вторых, «мы должны признать, что новация воображения есть, в известном смысле, ошибка по отношению к [принятой ранее] норме».² В-третьих, «нет какого-то *одного* метода философии, а есть методы наподобие различных терапий».³ В-четвертых, «почти каждое поколение заново переписывает всю историю мира, и труд этот – что достойно особого внимания – очень часто удается».⁴

В результате, серьезный ученый напоминает клоуна, чья профессиональная философия «в каждую эпоху разоблачает как сомнительное то, что считается самым нерушимым, выявляет противоречия в том, что кажется очевидным и бесспорным, высмеивает очевидности здравого разума и находит смысл в абсурде – словом, берет на себя весь повседневный труд шута вместе с неизбежным риском оказаться смешным».⁵

Существенные трудности возникают также на уровне поиска талантов, формирования критериев оценки научного труда, вознаграждения ученых, а также обеспечения режима академической свободы. К сожалению, традиционный законодатель обычно не отличает условия производства научного знания от

¹ По мнению У. Матурана и Ф. Варела, «*познание познания принуждает*. Оно принуждает нас с неослабной бдительностью относиться к искушению определенностью. Оно принуждает нас осознать, что определенность не является доказательством истинности» (Матурана У., Варела Ф. *Древо познания*. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – С. 216).

² Bronowski J. *The Origins of Knowledge and Imagination*. – New Haven and London: Yale University Press, 1978. – P. 111.

³ Витгенштейн Л. *Философские исследования // Языки как образ мира*. – М.-СПб.: Изд-во АСТ, 2003. – С. 293; как подчеркивает Дм. Иванов, ныне «принцип кумулятивизма научного знания замещается принципом пролиферации – безграничного умножения теорий, нередуцируемых одна к другой» (Иванов Дм. *Общество как виртуальная реальность // Информационное общество*. – М.: Изд-во АСТ, 2004. – С. 378).

⁴ Колаковский Л. *Похвала непоследовательности*. – Firenze: Edizioni Aurora, 1974. – С. 15.

⁵ Колаковский Л. *Похвала непоследовательности*. – Firenze: Edizioni Aurora, 1974. – С. 59.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

самого произведенного знания, что в данном случае является принципиальным. Как писал Ж. Лиотар, прогресс требует делать неизвестное известным, но он же требует предварительной *организации незнания в метасистему*. Чтобы ученый мог работать, ему необходимо осуществить операцию, *обратную* процессу традиционной активности. Если в рутинных процессах люди исходят из презумпции знания, то в процессах научных они должны исходить из презумпции незнания. Операции с данными презумпциями как раз и отличают истинно научные усилия от фальшивых квазинаучных попыток.

С другой стороны, писал М. Хайдеггер, «пока мы не вникнем мыслью в то, что есть, мы никогда не сможем принадлежать тому, что будет».¹ Чтобы по-настоящему понимать происходящее, необходимо воспринимать действительность в непредвзятой манере. Для этого на место уверенности должно первоначально прийти сомнение. Высшая цель науки, говорит Д. Дойч, состоит в том, чтобы объяснять такие вещи, как жизнь, мысль и вычисление. Проблема же заключается в том, что именно эти понятия наш разум ложно воспринимает как самоочевидные. Как отмечает по этому поводу М.-Л. фон Франц, «наше рассудочное мышление так часто создает иллюзию четко очерченного «реального» внешнего мира, что во многом блокирует способность к восприятию».² Кроме того, научное восприятие реальности обычно характеризуется цельным характером. Ведь именно в научном мировоззрении как универсальной взаимосвязи органически объединяются символические и предметно-физические аспекты мира. Наука не может вырвать какой-либо факт из общей мировой связи, она всегда работает с сопредельными явлениями и понятиями,

¹Хайдеггер М. Поворот // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 92.

²Фон Франц М.-Л. Процесс индивидуации // Юнг Карл Густав, фон Франц М.-Л., Хендерсон Дж. П., Якоби И., Яффе А. Человек и его символы. – М.: Серебряные нити, 1997. – С. 206.

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

пусть даже каждый из своих объектов она берет в пределах особенной задачи.¹ Как считал Т. Парсонс, в попытках осознать самое себя наука пришла к отрицанию необходимости изучать факты лишь специфических явлений.² Поэтому ей приходится «странствовать по обширному полю мысли, пересекая его вдоль и поперек в самых различных направлениях».³ Хотя научные идеи, понятия, теории, концепции и системы являются, как принято считать, средствами реорганизации человеческой жизни в направлении устранения из нее затруднений и сложностей, главной целью науки остается достижение *широкой* истины. Наука также считается успешной, если производимая с ее помощью реорганизация оказывается *хорошей*.

Следует учитывать также и то обстоятельство, что наука не служит конкретному государству, обществу или индивиду. Проникая в тайны реальности, открывая закономерности жизненных явлений и процессов, она лишь *по-новому* позиционирует индивида в обществе и природе. Как элемент символической реальности, наука полномасштабно эксплуатирует все ее свойства. Но это означает, что и она сама нуждается в последовательном проведении органических принципов свободы, многообразия и терпимости. В своих усилиях наука в наивысшей степени эксплуатирует возможности *субъекта*. Она оправдывает применение индивидуальных методов и стратегий, учитывает моральный фактор в интерпретации и использовании достигнутых ею результатов. В то же время, наука является объективной в том смысле, что она нуждается в усилиях сразу всего сообщества ученых. Научный результат – это индивидуальный продукт с коллективной формой его присвоения.

¹ Богданов А. Наука об общественном сознании. – Петроград: Книга, 1923. – С. 49.

² Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический Проект, 2000. – С. 393.

³ Витгенштейн Л. Философские исследования // Языки как образ мира. – М.-СПб.: Изд-во АСТ, 2003. – С. 221.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Как и искусство, наука выступает тонкой и подвижной интеллектуальной структурой. Это означает, что ее произведения-оригиналы распознаются и оцениваются с помощью специальных аналитических средств. Данное обстоятельство непосредственно влияет на восприятие научных достижений, порядок смены научных парадигм и динамику научных революций. Как пишет Ж.-Ф. Лиотар, иногда мы не принимаем в расчет ученых или игнорируем их исследовательские методы на протяжении десятилетий, потому что они слишком сильно дестабилизируют существующие социальные позиции. Чем более сильным является научный метод или прием, тем более вероятным является фиаско в его быстром научном признании. Научное открытие – это не просто добавление в копилку знаний, а изменение правил игры, посягательство на *принципы соглашения об условиях*. По этой причине экстремальные высказывания и взгляды в науке не являются неразумными, наоборот, как пишет Д. Серл, «обычно имеются очень глубокие и сильные основания для того, чтобы их придерживаться».¹

Наука представляет собой антипод устойчивой системы, смысл высказываний в которой сохраняется и удерживается только до тех пор, пока они содержат в себе существенное отличие от ранее сделанных высказываний. Таким образом, релевантность высказываний в науке определяется их способностью породить новые высказывания.² Как известно, А. Бергсон решительно протестовал против любых «генеральных принципов» науки, которые могли бы применяться за пределами данной совокупности фактов.³ Наука говорит на

¹ Серл Д. Открывая сознание заново. – М.: Идея-Пресс, 2002. – С. 26.

² Кроме того, как пишет Р. Ленем, «академический мир не может оперировать иным языком, использовать иное определение мышления, чем тот мир, который он обслуживает. Однако выразительная речь изменяется, и академический дискурс вынужден изменяться вместе с нею» (Ленем Р. Электронное слово: демократия, технология, мистецтво. – Київ: Ніка-Центр, 2005. – С. 273).

³ Bergson H. The Creative Mind. – N. Y.: Citadel Press, 1974. – P. 90.

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

языке провокации, открытой для всякой новой провокации. Скептически настроенная по отношению к авторитетам, она следует правилу максимальной открытости. Будучи агрессивной, наука не только критикует все, с чем она сталкивается, но и сама является постоянным объектом критики. Историческая же задача науки заключается в том, чтобы максимально поспевать в ногу со временем. Данное требование представляет собой проблему, ибо точки бифуркации научной активности не могут быть эффективно предсказаны.¹

Как и человеческий разум в целом, науку сдерживает «упрямая приверженность догматическим абсолютам».² Провести грань между здоровым консерватизмом науки и догмой иногда просто не удастся. Из принципов научной этики вытекает, что всякая новая теория должна сопоставляться с принятым ранее базисным утверждением. И если новая теория противоречит базисному утверждению, то она должна быть отвергнута. К. Поппер выдвинул в дополнение к этому еще одно условие: для того чтобы считаться научной, теория должна предсказывать факты, которые являются новыми с точки зрения уже имеющегося знания.³ Таким образом, научная новизна не может быть абсолютной. Чтобы изменить базисные утверждения науки, необходимо опираться на другие базисные утверждения и т.д.

Демонстрируя неограниченную любознательность и критицизм, наука вместе с тем выступает достаточно терпимой и разумной системой. Однако в отличие от так называемых точных наук, гуманитарное знание плохо выносит «союз тирана и раба, священника, судьбы и солдата» (Ж. Делез). Любой науке

¹Рожен О. Чи буде вдалим новий хрестовий похід? // Дзеркало тижня, № 17, 11 травня, 2002. – С. 13.

²Сепир Э. Грамматист и его язык // Языки как образ мира. – М.-СПб.: Изд-во АСТ, 2003. – С. 156.

³Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции // Кун Т. Структура научных революций. – М.: Изд-во АСТ, 2001. – С. 466.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

противопоказаны как самонадеянность, так и крайняя осторожность. Не следует думать, писал по этому поводу У. Бек, что современная наука играет роль вечного нарушителя табу. Возможности науки со времен Просвещения неизмеримо возросли, так что из нарушителя status quo она превратилась в механизм, попеременно то поднимающий, то закрывающий заслонку для практических действий.¹

Данная функция принадлежит науке в целом. Что касается отдельных научных отраслей и конкретных ученых, то они могут находиться в особых отношениях с демократией и политикой.² Власть обычно требует от науки точной и практически ориентированной информации. Если ученые оказываются не в состоянии предоставить правительству цифры, они рискуют потерять его доверие.³ При этом власть редко задумывается над способом, которым были получены научные данные, этот вопрос обычно интересуется лишь ученых.

Отношения между учеными, властью и обществом могут время от времени обостряться. Поскольку при смене научных парадигм изменения происходят на уровне структур мышления, старые слова в устах науки приобретают новый смысл. Политической элите в этом случае кажется, будто она теряет контроль над происходящим, а у общественности возникает чувство, будто почва уходит у нее из-под ног.⁴ Что касается научных революций, то в этом случае наука реализует принадлежащее ей право «забыть своих основателей» (А. Уайтхед). Как известно, все, что разум *исправляет*, одновременно и реорганизует его.⁵

¹ Beck U. Risk Society. – London: Sage Publications, 1997. – P. 157.

² По мнению П. Фейерабенда, наука должна быть надежно защищена от влияния идеологии, а демократия – от влияния науки (Feuerabend P. Against Method. – N. Y.: Verso, 2001. – P. viii).

³ Агацци Э. Нравственность и наука: этическое измерение в науке и технологии. – М.: МФФ, 1998. – С. 207.

⁴ Гейзенберг В. Шаги за горизонт. – М.: Прогресс, 1987. – С. 197, 199-200.

⁵ Башляр Г. Новый рационализм. – М.: Прогресс, 1987. – С. 181.

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

Поэтому ученые-революционеры продвигаются к открытию новых теорий без обращения к вопросу о том, соответствуют ли они сложившейся традиции в науке.¹ Иногда научные революции отрицают не только формы институционализации научного знания, но и весь его прежний смысл.

С другой стороны, методам науки присуща определенная стабильность. Как утверждал в свое время И. Кант, «если мы хотим нечто назвать методом, то оно должно быть способом действия согласно *основоположениям*».² К тому же любое исследование является укорененным в определенной традиции понимания. Как говорил Л. Витгенштейн, «кто не уверен ни в одном факте, тот не может быть уверен и в смысле своих слов».³ Помимо свободы творческого воображения, научная деятельность остается всегда привязанной к якорям смысла. Это означает, что практически любой тезис науки обязан своим существованием определенному субстанциональному отношению. Примечательно, что у Ж. Делеза научный метод представляет собой вообще разновидность посредничества, перехода от одного субстанционального состояния к другому.⁴ Во всем остальном научный метод должен соответствовать фактам, отвечать критерию простоты и иметь объясняющую силу.

К числу важных утверждений об особенностях науки следует отнести также положение о том, что всякая теория первоначально существует как чистая гипотеза. По мнению М. Мак-Люена, «метод открытий» как раз и заключается в том, что решение научной проблемы начинается... непосредственно с

¹ Карп Р. К науке о личности // История зарубежной психологии (30 - 60-е годы XX в.). Тексты. – М.: МГУ, 1986. – С. 214.

² Кант И. Сочинения. В 6 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1964. – С. 694.

³ Витгенштейн Л. Философские работы. Часть 1. – М.: Гнозис, 1994. – С. 338.

⁴ Делез Ж. Критическая философия Канта: Учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. – М.: ПЕРСЭ, 2000. – С. 94.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

ожидаемого результата. *Начав с конца*, ученые затем медленно приближаются к границе, от которой в формальном смысле берет свое начало их путь. Данный способ решения проблем напоминает излюбленный прием детективного жанра.¹ Метод выдвижения, критики и проверки гипотез предполагает, что теории с более подробными объяснениями всегда являются более предпочтительными. Более конкретные теории открывают себя для большей критики. Выдержав подобную критику, они получают и большее количество подтверждений. Однако структура постигаемой с помощью теорий реальности остается прежней. С течением времени существующие теории заменяются более глубокими обобщающими теориями. Количество обобщающих теорий обычно не возрастает, ибо они становятся все более широкими. По мнению У. Бека, именно так осуществляется «генерализация норм научной аргументации».

Глубокие обобщающие теории отличаются высокой устойчивостью, что дало основание Э. Гуссерлю в свое время утверждать о том, что наука – это «другое название для абсолютных и вневременных ценностей»,² которые являются «действительными всегда и для всех, поверх каких бы то ни было определенных культурных областей» (Ж. Деррида). В то же время, науку никак нельзя считать формой абсолютного знания. Любая наука – это разновидность «традиции среди прочих». Каждая из них представляет собой одну из форм культуры, чистая возможность которой проявляет себя в общей совокупности исторического опыта.³ Что касается технологических аспектов

¹ Мак-Люен М. Галактика Гутенберга: Становления людини друкованої книги. – Київ: Ніка-Центр, 2001. – С. 83-84.

² Гуссерль Э. Начало геометрии. – М.: Ad Marginem, 1996. – С. 62.

³ Деррида Ж. Введение // Гуссерль Э. Начало геометрии. – М.: Ad Marginem, 1996. – С. 58. По мнению П. Фейерабенда, «наука должна рассматриваться как один из многих возможных подходов, а не только как один единственный путь к правде и реальности» (Feyerabend P. Against Method. – N. Y.: Verso, 2001. – P. viii).

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

научной жизни, то они проявляются в экспериментировании, подарившем человечеству за 400 последних лет больше изобретений, чем их было сделано за 100.000 лет всего предшествующего развития.

Научная критика, эксперимент, свободная циркуляция теорий и данных напоминают генетические мутации, в которых рождаются варианты жизненных решений, сменяемых еще более удачными решениями. Все это происходит под давлением критики, критерии которой зависят от характеристик «ниши» – общества, научных ассоциаций, а также генов-идей, присутствующих в данной нише. Такая схема подводит нас к выводу о том, что формы научной жизни являются достаточно сложными. Еще более сложными кажутся обслуживающие науку ментальные процессы. Говоря словами Э. Гуссерля, исследование – это воплощение опасности научной жизни, целиком отданной логической деятельности. Однако научное мышление можно также назвать воплощением «максимы некоторого искусства» (К. Полани).

С одной стороны, наука такова, каков познаваемый ею мир, с другой – она существенным образом определяется качествами вовлеченных в исследования ученых. Проявления личности ученого существенно влияют на научные открытия и состояние научных отраслей в целом. Данное утверждение является справедливым не только в гуманитарной сфере. Определенную роль здесь играет также политический контекст. Еще сравнительно недавно ученые-гуманитарии из стран Центральной и Восточной Европы были убеждены в том, что их существование «мыслимо только в защитной оболочке из различных видов целесообразной функциональной лжи».¹ Что касается более свободных обществ, то в них научная любознательность – это «единственная методология,

¹Слотердаjk П. Критика цинического разума. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. – С. 62.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

которая должна быть использована в разрешении всех проблематических ситуаций».¹ Кроме того, известно, что здравый смысл дает иногда лучшие научные результаты, чем плохой теоретический анализ.²

По мнению И. Лакатоса, темп научных исследований определенным образом связан с «инстинктом» научных элит. Поэтому развитие научной методологии может существенно отставать от уровня интуиции передовых ученых. Кроме того, переработка научной информации, как пишет Н. Луман, опирается не только на официально признанные критерии истины, но и на персональную репутацию исследователей.³ В любом случае накопленный наукой опыт отражает в себе личные психологические особенности научного таланта. Как утверждал П. Слотердайк, научный дух не должен находиться в услужении у метода, жертвуя сущностью ради формы. Сама этика подводит нас к парадоксальному выводу о том, что «порой нужно поступить аморально, чтобы спасти мораль».⁴

Познавать, писал В. Гейзенберг, означает понимать взаимосвязи, черты и признаки родства. Это означает, что истинно научное мышление предполагает способность к синтезу вещей, в обычном опыте разъединенных. Программная цель моих работ, говорил В. Беньямин, связана с намерением способствовать интеграционному процессу в науке, которая отказывается от жесткого разделения дисциплин, характерного для научной мысли прошлого столетия. Причем для разъяснения своих интуитивных открытий он опирается на слова Г. Аполлинера и А. Бретона о том, что «достижения науки гораздо более основываются на сюрреалистическом, чем на

¹ Dewey J. The Essential Writings. – N. Y.: Harper Torch Books, 1977. – P. xvi.

² Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический Проект, 2000. – С. 324.

³ Луман Н. Власть. – М.: Праксис, 2001. – С. 67.

⁴ Слотердайк П. Критика цинического разума. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. – С. 172.

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

логическом способе мышления».¹

Конечно, в реальном мире не существует чисто научных методов и подходов. К вещам в опыте, считал Ф. Ницше, люди попеременно испытывают то «страсть», то «охлаждение». Устойчивой же нормой научной этики принято считать интеллектуальную честность, которая является важным условием, хотя и не гарантией достижения научного результата. К тому же факты, с которыми приходится иметь дело науке, часто оказываются трудными для переработки. Если новая теория имеет концептуальную структуру, не выводимую из предшествующих теорий,² то для работы с ней ученым требуется высшая гибкость ума и способность к рефлексии. При этом, как говорил Г. Башляр, избыточное стремление к определенности может расколоть ядро понятия при первом же испытании.³ Мешает и то, что многие ученые, по словам В. Розанова, суть «телескописты», видят ясно только кружочек неба, а «все небо», для всех видимое, для них не существует.

Нередко правильный вопрос в науке является более важным, чем правильный ответ на неправильно поставленный вопрос, а отрицание непостижимых фактов – менее продуктивным, чем построение невероятных гипотез. Законы развития научного знания не обязательно совпадают с законами логики, а сама наука вовсе не обязательно движется индуктивным или дедуктивным способом. Многое в ней подготавливается исподволь и происходит как бы само собой. В конечном счете, прогресс имеет место не в мышлении, а в мире, наделенном мыслительными способностями. Творческого прироста мудрости, как говорил Н. Бердяев, в мире не наблюдается.

¹Беньямин В. Маски времени. Эссе о культуре и литературе. – СПб.: Симпозиум, 2004. – С. 17, 32, 272-273.

²Маркузе Г. Разум и революция. – СПб.: Владимир Даль, 2000. – С. 332.

³Башляр Г. Новый рационализм. – М.: Прогресс, 1987. – С. 224.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Следует заметить, что почти все поставленные наукой задачи рано или поздно решаются. Уже сама постановка вопроса является в науке симптомом грядущего открытия. Ученые не знают пределов, дальше которых научной мысли продвинуться невозможно.¹ Важная особенность мышления ученых заключается еще и в том, что они знают не только преимущества, но и недостатки своего разума, не только его силу, но и органическую слабость. Труд ученых принято считать воплощением рациональности, однако именно ученые первыми пришли к выводу об ошибочности подобных взглядов. Уже XVIII век сумел ощутить узость рационализма и основанного на нем критического метода.² Мир оказался гораздо более изощренным, чем воображение его ученых законодателей. По-видимому, Бог, как считал Л. Шестов, действительно наказывает людей, внушая им «ложные, но ясные и отчетливые суждения».³

По мнению М. Борна, способность к фундаментальному научному мышлению представляет собой редчайший человеческий дар, который невозможно воспроизвести с помощью любых формальных усилий. Не столь уж многие из людей понимают суть происходящего в мире или могут жить без веры в то, что существует только одна истина и что кто-то один обладает ею.⁴ Ученые первыми воспринимают жизнь как нечто постоянно обманывающее человеческие ожидания. «Даже естественные науки, даже физика, – писал Н. Луман, – сегодня уже не видят никакой возможности предоставить в распоряжение общества основания для рациональных суждений в форме достоверного знания».⁵ Поэтому, как признавал

¹ Колмогоров А. Автоматы и жизнь // Информационное общество. – М.: Изд-во АСТ, 2004. – С. 291.

² Слотердаjk П. Критика цинического разума. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. – С. 347.

³ Шестов Л. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. – М.: Наука, 1993. – С. 257.

⁴ Борн М. Моя жизнь и мои взгляды. – М.: Прогресс, 1973. – С. 125.

⁵ Луман Н. Общество как социальная система. – М.: Логос, 2004. – С. 191.

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

Х.-Г. Гадамер, исследователь, слишком ревностно держащийся за свои планы, рискует первым усомниться в своих интеллектуальных способностях.¹

Уже в XX веке в науке утвердилось представление о том, что многообразие возможностей, а не утилитаризм является характерным признаком реальных жизненных отношений. Х. Ортега-и-Гассет сравнивал утилитаризм с больным, экономно расходующим свои силы.² Неудивительно, что попытки применения утилитарных схем в качестве структурных эквивалентов экономической действительности также провалились.³

В целом, науке прошлого века пришлось отказаться от прежнего убеждения в том, что только те суждения могут быть приняты в качестве научных, которые либо описывают твердо установленные факты, либо являются их неопровержимыми индуктивными обобщениями. Как оказалось, научные результаты можно получить просто потому, что нечто известное освещается по-новому, «исходя из непривычных, несовпадающих перспектив, или же рассматривается в ином контексте» (Н. Луман). В гуманитарных областях первыми стали писать о «флюксиях», «переменных бесконечно малых величин» и «дифференциалах».⁴

Новые научные горизонты в любое время открываются не просто. Несмотря на то, что популярная в XX веке идеология прагматизма перенесла многие научные акценты на «здесь» и «сейчас», это не столько ускорило научный прогресс, сколько помогло прийти к власти диктаторам и тиранам.⁵ Впрочем,

¹ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. – М.: Прогресс, 1988. – С. 437.

² Ортега-и-Гассет Х. Спортивное происхождение государства // Философская и социологическая мысль, № 6, 1990. – С. 43.

³ Wallas G. Human Nature in Politics. – London: Constable and Company, 1910. – P. 140.

⁴ Розанов В. Религия и культура. Т. 1. – М.: Правда, 1990. – С. 376.

⁵ Юнг К. Воспоминания, сновидения, размышления. – Киев: Air Land, 1994. – С. 321.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

еще до этого рационализм XIX века подарил гуманитарной науке вульгарно-материалистическую теорию успеха, отождествлявшую социальный прогресс с обеспеченностью населения материальными благами.

Соблазн упрощения присутствовал в науке всегда. Уже милетские «физики» пытались создать универсальную модель мира по образу и подобию греческого полиса. Во времена Людовика XIV структуру «Илиады» Гомера сравнивали с планировкой Версаля, а свободную поэзию – с неправильно организованным интеллектом.¹ Французских просветителей серьезно искушал подход к жизни в понятиях справедливости рационального распределения.² Что же касается науки, то она воспринималась в этот период в качестве подобия сложного шестереночного механизма. Казалось, писал Ф. Ницше, что если ее хорошо заводить, то она будет показывать время, «скромно шумя» при этом. Еще даже в первой половине XX века интеллектуалы вроде М. Горького и Г. Уэллса относили себя к тем избранным умам в мире, которые, владея правильной теорией, не могут ошибаться. В результате, научную мысль модерна сформировали люди, приложившие максимум усилий для того, чтобы разъединить метафору и факт.

Первые попытки «рационализации бесконечного» (А. Уайтхед) предпринимались еще в Средневековье. И хотя немецкое Просвещение впоследствии вынуждено было признать «истинные предрассудки» христианства, наука Нового времени во всех своих начинаниях старалась опереться на «разумную» конституцию человека. Создание кодексов субъективных прав во Франции и США только высветило популярные умонастроения времени.

Природный мир и мир личности казались в то время

¹ Лившиц М. Д. Вико // Вико Д. Основания новой науки об общей природе наций. – М.-К.: REFL-book, 1994. – С. xiv.

² Франк С. Сочинения. – М.: Правда, 1990. – С. 93.

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

умопостигаемыми без остатка. Как говорил Г. Честертон, во времена Вольтера все гадали, какое из чудес удастся разоблачить следующим.¹ Сочетание христианских заповедей и политического давления удивительным образом подталкивало социум к осознанию неизбежности дисциплины. Мир казался полностью управляемым, индивиду оставалось лишь примириться с данной необходимостью.² Как писал Д. Дьюи, интеллектуальное своеобразие данной эпохи проявилось в характерной попытке И. Канта упорядочить хаотический природный опыт с помощью абстрактных априорных понятий. И хотя И. Кант считал свою философию критической, на практике он учил, что человеческое познание должно использовать в своем опыте только «чистые» в идейном плане построения. Тем самым его учение фактически возвышало идею регулярности и порядка.³

Вместе с тем, символическая реальность Нового времени была более свободной, чем реальность физических тел, системой. В европейском Просвещении догматизм обычно отождествлялся с реакцией, а свободная критика – с прогрессом. После Великой французской революции подобное отношение воспринималось уже в качестве политической аксиомы. Впрочем, еще в середине XVI века «Акт об унификации» королевы Елизаветы не был одобрен английским парламентом на том основании, что за властью не признавалось право распоряжаться по вопросам духовных установлений. Предполагалось, что в данной области «от глупости не гарантированы <...> и правительства». ⁴

¹Честертон Г. Франциск Ассизский // Вопросы философии, № 1, 1989. – С. 118.

²Маркузе Г. Разум и революция. – СПб.: Владимир Даль, 2000. – С. 328-329.

³Дьюи Д. Реконструкция в философии. – М.: Логос, 2001. – С. 92.

⁴Брентано Ф. О происхождении нравственного познания. – СПб.: Алетейя, 2000. – С. 118.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Если в период от Аристотеля до Декарта человеческий разум был убежден в собственных неограниченных возможностях, то в лице С. Кьеркегора, А. Шопенгауэра и Ф. Ницше он начинает утрачивать самоуверенность и душевное равновесие. Постепенно ученые научились воспринимать абстракции как более узкие, чем символизируемая ими реальность, понятия. Выяснилось, что не только слово, но и научная категория, закрепляя живое содержание опыта, тем самым как бы стесняет его.¹ Постепенно ученые осознали, что любой язык содержит в себе совокупность идей, охватывающих лишь *ограниченный* объем практического материала. Как однажды заметил М. Фуко, наша умственная дисциплина воплощает в себе «караул значений» у ворот традиции и здравого смысла.

Неудивительно, что в своих попытках сохранить за собой роль носителя знаний, язык науки становится все более сложным и метафорическим. Как ни парадоксальны требования, писал Ю. Хабермас, которые Т. Адорно предъявляет к формам выражения истины, как ни борется М. Фуко с явными противоречиями своих выводов, как ни стараются М. Хайдеггер и Ж. Деррида уйти от эзотерического обоснования своих тезисов – все равно в результате их попыток возникает симбиоз понятий «невыносимого», амальгама, недоступная традиционному анализу.² Как заметил по поводу произошедших изменений Г. Башляр, догматичным вдруг оказалось все поколение интеллектуалов, ограничивших свою миссию лишь передачей элементарных значений. В наше время шаблонный ум считает В. Бенямина «блестящим» интеллигентом, а К. Коро – «умелым» пейзажистом. Но лишь понимание смыслов, недоступных «духовным функционерам» (В. Гомбрович), обеспечивает

¹ Богданов А. Очерки всеобщей организационной науки. – Самара: 1921. – С. 218-219.

² Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. – М.: Весь мир, 2003. – С. 347.

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

реальный прогресс всякой культуры. Как заметил Ф. Ницше, бывают убеждения даже более опасные для истины, чем ложь. Встречается упорство, говорил Р. Фокс, – слишком «спокойное и сосредоточенное».¹

Л. Фейербах определял в свое время догматизм как приоритет формы перед содержанием. В своих глубинных истоках догматизм восходит к идее рационального – понятию, в операциональном пространстве которого он черпает свои главные схемы. При этом большинство догматиков последовательно консервативны. Выступая против модернизации, они обычно становятся жертвами особой разновидности нарциссизма.² С другой стороны, не будь якобинцы и большевики догматиками, им просто не хватило бы решимости для террора. Как однажды заметил А. Шлезингер, догматик ведет себя как Господь, исчерпывающе осведомленный в обстоятельствах дела. К тому же, в рамках замкнутых научных парадигм догматизм является неопровержимым и недосыгаемым для критики.³ Переход же критики в качественно новое состояние связан с существенными издержками методологического свойства.

Каждый, писал М. Вебер, кто когда-либо сталкивался с научным применением экономических понятий, знает мощный эвристический потенциал созданных К. Марксом идеальных типов. С другой стороны, все они могут стать разрушительными и опасными, если мы решимся рассматривать их в качестве эмпирически значимых сил и тенденций. Нормальный человек знает, писал Г. Честертон, что в нем есть нечто от Бога, нечто от зверя и нечто от гражданина. То есть, здоровый человек знает, что он немного сумасшедший. Однако догматик абсолютно уверен в том, что история – это цепь причинности, равно как сумасшедший

¹ Фокс Р. Фатальная привязанность: война и человеческая природа // Проблемы Восточной Европы, № 37-38, 1993. – С. 133.

² Адорно Т. Эстетическая теория. – М.: Республика, 2001. – С. 170.

³ Витгенштейн Л. Философские работы. Часть 1. – М.: Гнозис, 1994. – С. 437-438.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

уверен в том, что он цыпленок. Как заметил по поводу подобной самоуверенности Д. Рисмен, догматик – это человек, который воспринимает себя в качестве фирмы и аудитора этой фирмы одновременно. Одним из наиболее впечатляющих примеров тотального догматизма принято считать кальвинизм, следуя установкам которого были «запрещены театры, увеселения, народные празднества, танцы и игры в любой форме».¹

Известно, что среди догматиков встречаются настоящие виртуозы, которые быстро заменяют одну догму другой, как того требует мода, и вскрывают недостатки старых догм, чтобы тут же доказать достоинства новых. По-видимому, можно также сказать, что врожденные догматики – это «люди с иммунитетом к бунтам и революциям» (Г. Миллер). Научная среда органически сопротивляется догматизму, а авторитарные режимы ведут борьбу с инакомыслием не только с помощью репрессий. В относительно продвинутых обществах репрессивную по отношению к инакомыслию функцию выполняют механизмы нормальности.²

По мнению П. Фейерабенда, требование «нормальности» характеризует классическое отношение государства к институтам свободного общества, что заметно в характерных попытках бюрократии направить и развитие науки в «организованное» русло. Ситуация становится критической, когда прирученные истеблишментом интеллектуалы пытаются во что бы то ни стало выполнить все распоряжения власти. Готовые проявлять чрезвычайное усердие, но лишённые собственной инициативы, писал Н. Винер, подобного рода люди напоминают евнухов в гареме идей, с которыми обвенчан их султан.³

К сожалению, Вторая мировая война и последовавшее за

¹Феофанов Ю. Идеология у власти // Известия, 4 октября, 1990. – С. 3.

²Бодрийар Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000. – С. 390.

³Винер Н. Творец и робот. – М.: Прогресс, 1966. – С. 64.

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

ней идеологическое противостояние привели к высшим государственным должностям людей технократического склада. «Я встречал таких людей, – писал Н. Винер, – и хорошо знаю, что за моторчик стучит у них в груди». Война и нескладный мир, наступивший вслед за ней, вынесли их на поверхность, и во многих отношениях это было несчастьем для всех нас.¹ По западную сторону от «железного занавеса» люди этого класса интересовались кинематографом, фотографией, модной одеждой и дизайном интерьеров; их внутренний мир ограничивался интересом ко всему внешнему – цвету, форме, фактуре, обрамлению и движению. Интеллектуальное и нравственное содержание эпохи оставляло их равнодушными. Что касается политических руководителей из стран народной демократии, то у них послевоенная атмосфера выработала еще худший стереотип отношения к действительности.²

В целом, атмосфера «холодной войны» стимулировала чувственный опыт, невосприимчивый к сложной образности, метафоре и оригинальным научным воззрениям. Мир выглядел биполярным и, вместе с тем, прозрачным в своих идеологических основах. Каждую из сторон соблазняла идея «рационального вмешательства», за которой отчетливо проглядывала перспектива летального исхода. Как писал по этому поводу Ж. Бодрийар, известно, к каким опасным крайностям может привести профилактика во всех сферах – социальной, медицинской, экономической и политической: во имя самой надежной безопасности может установиться режим террора на *локальном* уровне, навязчивая идея контроля, зачастую подобная эпидемической опасности катастрофы.³ К сожалению, констатировал в свое время К. Г. Юнг, современный человек

¹ Винер Н. Я – математик. – М.: Наука, 1967. – С. 293.

² Кундера М. Прощальный вальс. Бессмертие. – СПб.: Амфора, 1999. – С. 323.

³ Бодрийар Ж. Прозрачность зла. – М.: Добросвет, 2000. – С. 155.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

решительно не понимает, насколько «рационализм» отдал его под власть «психического ада».¹

Размышляя о способах преодоления послевоенного гуманитарного кризиса, С. Лем пришел к выводу о том, что исходным пунктом в возрождении истинно научного понимания действительности мог бы стать не «логический прибор», а некое устройство, действующее по принципу: более или менее, где-то около, приближенно. Тот факт, что эволюция создала именно такие механизмы, подчеркивал он, означает, что они лучше придуманных людьми аппаратных схем. Правовая наука одной из первых столкнулась с ситуацией, когда логически безупречное удержание идеи права приводило служителей закона к явной несправедливости. И, тем не менее, своевременное распознавание подобных угроз все еще остается трудной задачей. Марксизм с одной стороны и экзистенциализм – с другой, опрокинулись на послевоенную Европу, как «кипяток из окутанного паром горшка», – писал В. Гомбрович. Обладающая же способностью частично снять напряжение концепция «единой психофизической реальности» (К. Г. Юнг) находилась тогда лишь в стадии первичной переклички понятий.

В наше время продолжительность жизни научных схем составляет примерно 30 лет. Поэтому многие из «руководящих принципов и ключевых терминов» (М. Хайдеггер) науки ныне воспринимаются едва ли не как одноразовый набор инструментов. Фактически у нас на глазах физическая наука, распрощавшись с «материей», заменила ее «последовательностью событий». Отказавшись от идеи непрерывности в микроскопических явлениях, она заменила статистическими значениями детерминистскую причинность.² В результате, научный кодекс

¹Юнг К. Г. К вопросу о подсознании // Юнг Карл Густав, фон Франц М.-Л., Хендерсон Дж. Л., Якоби И., Яффе А. Человек и его символы. – М.: Серебряные нити, 1997. – С. 91.

²Рассел Б. Человеческое познание. – М.: Иностранная литература, 1957. – С. 358.

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

поведения «индуктивиста» уступил место кодексу поведения «конвенционалиста» (И. Лакатос), который не налагает запретов на недоказанные спекуляции и разрешает построение гипотез на основе любых подсказанных воображением идей. И хотя существующие сегодня представления о мире все еще позволяют делать научные выводы дедуктивным способом, полученные при этом результаты являются не более обоснованными, чем первичные допущения, которые были положены в их основу. В свою очередь, высказывания логики, не прибегающей к допущениям, сводятся к тавтологическим высказываниям. Поэтому все большее количество научных результатов получается в мире экспериментальным путем.¹

Это означает, что ни математические доказательства теорем, ни иные результаты математической индукции не подтверждают сами по себе какую-либо определенность. Хотя математическое знание остается по-прежнему глубоким и объясняющим, оно не становится от этого более определенным. В любой момент в математическом доказательстве может быть обнаружено несоответствие, связанное с потерявшим актуальность допущением о мире. Как пишет Д. Дойч, в действительности мы видим только то, что некоторые схемы обладают фундаментальным характером с точки зрения нашей возможности понимания абстракций. Однако наука не

¹В своих лекциях по философии А. Пятигорский приводит характерную цитату из Р. Фейнмана: «Что такое фотон, я не знаю, и вы, наверное, тоже. Как «что» он не существует. Но на основании эксперимента можно сказать: фотон движется из точки А в точку В (поскольку детектор света засек движение в этих точках). Еще мы знаем, что если направить под определенным углом пучок фотонов из точки А (источник света) в точку В, расположенную на зеркальной поверхности, от которой фотоны будут отражаться под тем же углом и попадать в точку С, где находится детектор фотонов, то туда попадет 4 процента фотонов, зарегистрированных в точке А. Почему именно 4 процента? А не почему! Просто так устроена природа, или Вселенная, или называйте это устройство каким угодно другим словом» (Пятигорский А. Непрерываемый разговор. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – С. 81-82).

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

располагает доказательствами того, что абстрактным схемам присуща *объективная* значимость. Одни категории кажутся нам ближе других только потому, что «их проще увидеть из нашего окна».¹

Наука «после К. Геделя» знает, что не существует метода для определения абсолютной истинности математического высказывания, равно как не существует непреложного метода для определения истинности любой научной теории. Хотя прогресс науки зависит от индивидуального творчества, а изобретение новых видов доказательств остается классическим занятием математиков, действительно универсальным современным естествознанием признается лишь *процесс*. Как писал по этому поводу Д. Дьюи, хотя данный факт обычно рассматривается социальной философией в качестве технического момента, в действительности он является наиболее революционным из всех научных открытий.²

Что касается сферы гуманитарного знания, то слишком многие из его элементов сегодня оцениваются как декоративно-фасадные, хотя еще сравнительно недавно ученые были уверены в том, что они представляют собой универсальную ценность.³ Гуманитарные концепции вообще не могут быть «правильными» или «неправильными», мы просто признаем или не признаем их относительную полезность. Хотя и в этой области теории должны соответствовать фактам, не только факты определяют содержание социальных теорий. Как говорил по этому поводу Т. Парсонс, научная истина не сводится к утверждениям типа: все или ничего. Любая научная теория является лишь неполным и частичным к ней приближением.⁴

С точки зрения формы научного знания, современный стиль

¹ Дойч Д. Структура реальности. – Ижевск: 2001. – С. 260.

² Дьюи Д. Реконструкция в философии. – М.: Логос, 2001. – С. 12.

³ Arendt H. The Origins of Totalitarianism. – N. Y.: A Harvest Book, 1973. – P. 9.

⁴ Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический Проект, 2000. – С. 87.

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

научных текстов предполагает не только логическую связность, но также метафоричность в изложении достигнутых учеными результатов.¹ Причем данная закономерность практически одинаково проявляет себя как в астрофизике, так и в биологии или психолингвистике. В качестве разновидности трудовой занятости наука также становится более демократичной и открытой. Даже если она не может объяснить публике способы получения своих результатов, это не означает, что ученые хотели бы утаить социальные последствия своих изобретений и открытий.

Современная наука популяризирует свои достижения вместе с вовлечением общественности в обсуждение их этических аспектов. К сожалению, возможность популярной интерпретации изучаемых наукой процессов постепенно становится все более узкой. В частности, последний по времени переход науки в новое парадигмальное состояние произошел практически незаметно. Когда ученые объявили о своем новом понимании реальности и того, что в ней происходит, это не вызвало сколько-нибудь заметной социальной реакции – факт, свидетельствующий о расхождении между научным и «ненаучным» пониманием мира. С другой стороны, как говорил А. Эйнштейн, когда дело касается социальных проблем, эксперты – далеко не единственные, кто имеет право высказываться по научным вопросам.²

Ныне наука совместима как с плюрализмом (наличием множества исследовательских аргов), так и с либерализмом (свободным выражением любой идеи, которая может быть в принципе высказана).³ Что касается ныне открытых наукой состояний «нерешаемости», «спорности» и «неопределенности»,

¹Трахтенберг И. Энциклопедия Амосова – интеллектуальное приобретение нынешнего и будущего // Зеркало недели, № 13, 6 апреля, 2002. – С. 20.

²Einstein A. Out of My Later Years. – London: Thames and Hudson, 1950. – P. 124.

³Уолцер М. Компания критиков. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 269.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

то их можно считать удачным свидетельством преодоления наукой собственной ортодоксии. «Постнеклассическая» наука представляет собой явление, принципиально несовместимое с любой стабильной системой.

Игра воображения, «умопомрачительные» идеи, разногласия, непрозрачность языковой материи, преобладание локального повествования над мета-нарративом – все это типичные черты не только эстетической, но и современной научной культуры. Данные черты характеризуют состояние многих исследовательских программ, которые в этом случае действительно напоминают коллаж, а не систему.¹ Наука сегодня – это мозаика стратегий и методологий, максимально использующих *весь* творческий потенциал человека.² С другой стороны, исторический опыт XX века требует установления над наукой общественного контроля. Ибо если научные результаты не являются «объективными», они не должны противостоять людям, как скалы и звезды. Современная наука призвана взаимодействовать со всеми тенденциями и традициями, возвращая им свои достижения на основе взаимности.³

Таким образом, научный прогресс наших дней определяет множество разнообразных факторов. Хотя и в прежние времена ученые «допускали любые возможности, использовали все доступные им пути исследования»,⁴ только сегодня исследовательский плюрализм приобрел по-настоящему широкие масштабы. Если вчера, писал Р. Юнгк, «люди кулака» снисходительно посмеивались над «умами», то сегодня на интеллектуалов смотрят с восхищением и опаской. Ведь от них можно ожидать чего угодно. Предоставленная современной науке свобода оказалась на редкость продуктивной. Сознательный

¹ Маньковская Н. Эстетика постмодернизма. – СПб.: Алетейа, 2000. – С. 204.

² Feyerabend P. *Against Method*. – N. Y.: Verso, 2001. – P. 262.

³ Feyerabend P. *Killing Time*. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1995. – P. 143.

⁴ Фаулз Д. Кротовые норы. – М.: Изд-во АСТ, 2004. – С. 307.

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

отказ от прагматизма в фундаментальных исследованиях не только избавил научную элиту США от влияния «долларовой лихорадки», но и повысил ее научную эффективность.¹ Перемены наступили после того, как назначенная Белым домом специальная комиссия указала, что «чистой науке» в США уделяется недостаточное внимание. В своих выводах комиссия сформулировала важный тезис о том, что без спонтанных, основанных на игре человеческого воображения исследований фундаментальная наука может исчезнуть.

В свете полученных новых данных, писал В. Гавел, мы должны оставить высокомерные упования на то, что мир представляет собой загадку, которую можно разрешить; книгу инструкций, которую можно прочитать; информационное целое, которое можно заложить в компьютер, чтобы затем извлечь из него готовый рецепт. Наоборот, все происходящее с нами говорит о том, что пришло время освободить из заточения такие силы как архетипическая мудрость, неповторимый опыт мира, элементарное чувство справедливости, способность смотреть на вещи чужими глазами, чувство ответственности и понятие вкуса, мужество, сочувствие и веру в важность конкретных мер, которые вовсе не являются универсальным ключом к спасению.

Согласно наблюдениям Ч. Пирса, в основе современных научных достижений лежит аргумент «абдукции» – не столько логического вывода, сколько гипотезы, спонтанно возникающей в натренированном воображении ученого. В генетическом смысле абдукция представляет собой результат сопоставления новых эмпирических фактов и данных с уже имеющимся набором типических ситуаций, личностей и мотивов, накопленных в опыте человеческой культуры и языке.² По мнению Т. Куна,

¹Юнг Р. Будущее уже началось // Впереди XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи. – М.: Academia, 2000. – С. 74.

²Ионин Л. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. – М.: Логос, 2000. – С. 83.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

путь к научным открытиям могут проложить «*личные и нечеткие эстетические соображения*». Кроме того, хотя научные авторитеты, говорил Л. Шестов, заслуживают всяческого внимания и уважения, познавать окружающую действительность индивиду всякий раз приходится самому.¹

В среде научной интеллигенции 60-х годов XX века распространенным было представление о том, что современная наука чем-то напоминает планету-мозг, описанный в романе С. Лема. В наши дни более привлекательной выглядит гипотеза, согласно которой наука представляет собой мозаичную познающую систему, в которой сохраняет смысл каждая из индивидуальных позиций. Выражаясь метафорически, наука – это не целостный симфонический оркестр, а пространство бесконечных джазовых импровизаций. В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что П. Чаадаев считал человеческое познание областью страстного беспокойства, деятельностью без заранее обдуманых намерений. Пытливые люди блуждают у него по миру, «мечутся с неистовством, без ясной цели, но не без пользы для будущих поколений».²

Хотя отступление от канонов логики может удручать здравомыслящего человека, с точки зрения науки в данном приёме кроется даже нечто полезное. Алогичное, писал Ф. Ницше, надёжно обосновалось в наших страстях, языке, искусстве, религии и вообще во всем, что делает жизнь человека по-настоящему ценной. Более того, отказ науки от эмпирического способа рассуждений мог бы исказить всю современную картину мира. Реальная действительность не охватывается только логическими областями. По крайней мере, как утверждал Т. Парсонс, доказать обратное невозможно.

Соглашаясь в своей частной жизни со многими формальностями и условностями, в профессиональных областях ученые

¹ Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. – Л.: ЛГУ, 1991. – С. 165.

² Чаадаев П. Сочинения. – М.: Правда, 1989. – С. 19.

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

предпочитают от них отказаться. Ибо любые априорные установки и привычки угрожают достижению научного результата. Как говорил Ж. Батай, в «самоограничении» и «сдержанности» нередко скрывается «рабская природа» человека.¹ По мнению же Х. Арендт, науке способно повредить даже простое объединение ученых в ассоциацию. Р. Поланского иногда называют естествоиспытателем от кинематографии, чей творческий успех предопределила ярко выраженная интеллектуальная эксцентричность.²

Как может показаться на первый взгляд, «согласие и мир» помогают облегчить жизнь творческого человека. В действительности же отношение большинства одаренных людей к порядку критическое. Принимая жизненный модус как данность, ученые тут же прилагают массу усилий к тому, чтобы подорвать его заданную определенность. Именно поэтому подлинная научная жизнь является удивительной и парадоксальной. Впрочем, не менее парадоксальной является на самом деле и социальная действительность.³

В течение долгого времени цель науки состояла в том, чтобы все разделять на составляющие, низводить до минимальной степени, уменьшать до предельно простого контекста.⁴ Однако сегодня такой подход выглядит устаревшим. Ибо ученые, наконец, осознали, что загадки необходимы человеку не меньше, чем разгадки. Хотя наука способна рационально анализировать множество жизненных ситуаций, чистая теория рациональности в науке невозможна. Как писал К. Г. Юнг, абсолютная власть разума сродни политическому абсолютизму, она убивает личность. Личность же чрезвычайно важна, ибо

¹ Батай Ж. Внутренний опыт. – СПб.: АХИОМА, 1997. – С. 88.

² Leaming B. Polanski, His Life and Films. – N. Y.: Simon and Schuster, 1981. – P. 82.

³ Рапп Ф. Нормативные детерминанты технических изменений // Философия техники в ФРГ. – М.: Прогресс, 1989. – С. 231.

⁴ Фаулз Д. Кротовые норы. – М.: Изд-во АСТ, 2004. – С. 439.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

только субъективное осознание ценности присваивает знак «плюс» или «минус» ответу на вопросы, которые человек сам себе ставит.¹

Многие решения, прозрения и догадки ученый получает не непосредственно из разума, а из прорывов той тьмы, в которую его сознание способно периодически погружаться. При этом все косвенно доступное, унаследованное и усвоенное нами от своих предков образует в высшей степени сложную структуру. Как однажды заметил Ф. Фукуяма, развитые капиталистические общества поднялись на вершину своих достижений благодаря тому, что сумели овладеть *иррациональной* этикой занятости.² Не менее иррациональной может оказаться и этика современной науки. Существует нечто более крупное и значительное, чем только действительность и иллюзия, говорил в свое время В. Винниченко. И это нечто – *реальное чувство жизни*.

Как известно, не господство строгих и логически непогрешимых законов, а смелое отступление от абсолютизма нормы образует подлинную основу правосудия у В. Шекспира. Развитое право не довольствуется формой, оно оценивает природу фактов и склоняет смысл законов так, как этого требуют «жизненные обстоятельства». Подобно тому, писал в свое время Д. Вико, как чувство спасает наш рассудок от бессмыслицы, монархия – от жестокости республик, тип «совершенно неупорядоченных» судов призван защитить общество от влияния чрезмерно рационального начала.³ Неудивительно, что в наши дни рационалистическая философия науки переживает нечто, весьма похожее на кризис основанной на идее разума

¹ Лоренц К. Агрессия. – М.: Прогресс, 1994. – С. 251.

² Fukuyama F. The End of History and the Last Man. – N. Y.: The Free Press, 1992. – P. 229.

³ Современным аналогом «неупорядоченных судов» Д. Вико можно считать конституционные суды, которые посредством защиты основных законов отстаивают высшую ценность человеческой свободы.

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

греческой античной философии.¹

Естественность множества алогичных и аномальных явлений признается в современной молекулярной химии и физике микрочастиц. В этике подобная алогичность проявляет себя в достижении результатов способом *уменьшения* нажима на моральные цели, в политике – посредством ставки на *субъективные* предрасположения законодателей.² Таким образом, привычная определенность научных утверждений ныне преодолевается глубокой иррациональностью мира и человеческого положения в нем. При этом известный вопрос В. Гомбровича – как лоббировать против науки, уже не кажется нам сколько-нибудь искусственным или надуманным.

3.1.1. Проблема спонтанности

Еще сравнительно недавно наука была основана на предположении о том, что природу можно постичь, опираясь на способность человека к логическому мышлению. Говоря иными словами, все думали, что мир в своей основе глубоко рационален. Однако научное мировоззрение последних десятилетий уже не разделяет подобных взглядов. Современная наука исходит из того, что природа непостижима и хаотична по своей сути.³ Прежде, когда мы думали о будущем мира, писал Л. Витгенштейн, мы имели в виду место назначения, в которое он попадет, если будет сохранять свою нынешнюю траекторию движения. Нам просто не приходило в голову, что данный путь может быть не прямой линией, а изломанной кривой с постоянно меняющимися направлениями.⁴

¹Кессиди Ф. Послесловие // Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. – М.: Прогресс, 1988. – С. 175.

²Sokolewicz W. The Relevance of Western Models for Constitution Building in Poland // Constitutional Policy and Change in Europe. – N. Y.: Oxford University Press, 1995. – P. 263.

³Дейвис П. Как познать природу? // За рубежом, № 20, 1992. – С. 20.

⁴Wittgenstein L. Culture and Value. – USA: The University of Chicago Press, 1984. – P. 3-e.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Сегодня исследования проблем сложности, неупорядоченности и хаоса заполнили собой все научное пространство, включая и математику. И все это лишь потому, что полученные исследователями результаты поставили под сомнение порядок и простоту.¹ В итоге, научное отношение к проблеме спонтанности и хаоса существенно изменилось. Хотя в обыденном словоупотреблении хаос по-прежнему считается воплощением статической неупорядоченности, а спонтанность – неупорядоченности динамической, в системе представлений Ж. Бодрийара хаос – это граница тому, что без него просто затерялось бы в абсолютной пустоте. Экстремальные явления, пребывающие в хаотическом беспорядке, предотвращают, по его мнению, беспредельный рост мирового порядка и прозрачности.²

Идея хаоса пугает людей, ибо почему-то предполагается, писал Л. Шестов, что при отсутствии порядка нельзя жить. При этом на место хаоса безосновательно подставляется либо «космос», либо порядок, исключающий возможность жизни. На самом деле хаос – это отсутствие всякого порядка, в том числе и враждебного к жизни. Хаос – это не ограниченная возможность чего-либо, а возможность *неограниченная*. И хотя допустить существование абсолютной свободы трудно, не в хаосе, а в пространстве порядка человека подстерегают основные проблемы и трудности.³ «Хаос – это богатство, он многим чреват», – говорил Г. Миллер еще в начале прошлого века.⁴ Ныне теория эволюционных систем утверждает, что наша жизнь пролегает на границе хаоса.⁵ Поэтому исследователи имеют столь незначительный успех в тех предсказаниях человеческого поведения, которые основаны на математических

¹ Рюс Ж. Поступ сучасних ідей. – Київ: Основи, 1998. – С. 225.

² Бодрийар Ж. Прозрачность зла. – М.: Добросвет, 2000. – С. 100.

³ Шестов Л. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. – М.: Наука, 1993. – С. 233.

⁴ См.: Нин А. Дневник 1931-1944 гг. Рассказы. – М.: Олимп, 2000. – С. 81.

⁵ Сорос Д. Криза глобального капіталізму. – Київ: Основи, 1999. – С. 95.

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

уравнениях.¹

У. Крэйг был одним из первых исследователей, которые решились изучать явление спонтанности. Однако еще до него У.Мак-Дугалл противопоставил известному тезису Р.Декарта *животное может быть объектом, а не субъектом действия*, тезис *здоровое животное активно и действует*. Впоследствии отдельные ученые пытались рассматривать случаи спонтанной активности в качестве проявлений иного, «параллельного» нашему миру. Данным обстоятельством, в частности, пытались объяснить то, что спонтанность не подчиняется отношениям причинности, не локализована в физическом пространстве и не ограничена конкретными рамками времени. Возможно, писал В. Налимов, что спонтанность обладает способностью к «завихрению времени», что и объясняет невозможность ее изъятия из окружающей нас реальности.

В социальной жизни спонтанность «выводилась» как из слепого взаимодействия природных хаотических сил (отсюда табу на инцест), так и из дебатов по поводу прав на подпочвенную воду. Поведенческие нормы, созданные с учетом фактора спонтанности, считались неформальными нормами. В большинстве случаев они не подлежали кодификации или записыванию. Напротив, нормы, созданные в иерархических порядках, имели форму писаных конституций, сакральных текстов, уставов, хартий и иных общеобязательных правил. При этом время от времени возникала ситуация, когда граница между спонтанным и иерархическим порядком выглядела недостаточно определенной.²

Например, естественным состоянием творческого сознания является состояние аномии, из-за чего науке не удается предсказать собственный прогресс. Широко известен также спонтанный характер множества выдающихся открытий.

¹ Hawking S. A Brief History of Time. – N. Y.: Bantam Books, 1998. – P. 186.

² Fukuyama F. Great Disruption. – London: Profile Books, 1999. – P. 147.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

«Господствующему умонастроению» (С. Франк) мир кажется рационально и без остатка постижимым. В свое время И. Канта глубоко удивляло несоответствие спонтанности и хаоса природы субъективному порядку логического разума. Пытаясь преодолеть существующее противоречие, он создал философскую систему, в которой мысль «отбрасывает тень своей собственной рациональности» на всю неупорядоченность мира, косвенно открывая при этом присутствие в нем рационального начала. Наоборот, в философской системе С. Франка глубина природной иррациональности создает непреодолимые препятствия субъективному познанию. Природный мир С. Франка так и остается для науки загадочным и непостижимым явлением.¹

По мнению Ф. Ницше, соединение организованного («аполлоновского») начала с духом иррационально-спонтанным («дионисийским») отчетливо проявилось уже в архитектонике древнегреческой трагедии. В Новое время представление о хаосе, как о функции космоса, в соединении с идеей объединения хаоса и космоса в единое целое послужило мощным стимулом для развития современного искусства. Примечательно, что воздействие такой его разновидности, как экспрессионизм, Т. Адорно сравнивал с эффектом «нового порабощения» человека.² Вскоре, однако, наука пришла к неожиданному для себя выводу о том, что не всякий хаос может быть предметом рационального анализа.

В свою очередь, в гуманитарной сфере Х.-Г. Гадамер пришел к выводу о том, что с подлинно историческим мышлением несовместимы любые представления о превосходстве классической древности, равно как и современности, или будущего, к которому ведет современность, а также такие универсальные схемы всемирной истории, как упадок и прогресс. Вместо этого

¹ Франк С. Сочинения. – М.: Правда, 1990. – С. 515.

² Адорно Т. Философия новой музыки. – М.: Логос, 2001. – С. 99-100.

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

идея равного отношения всех эпох к Богу гармонично соединяется у него с идеей всеобщей исторической взаимосвязи.¹

Еще раньше широкое присутствие в мире случайности, неожиданное чередование политических взлетов и падений, а также необъяснимые победы порока над добродетелью вместе с «выгодностью» для человечества последствий многих «ужасных преступлений» склонили Э. Ганса к убеждению в том, что история зиждется на вулкане непредсказуемости.²

В исторической ретроспективе, писал Ч. Милош, людям обычно кажется, что пережитые ими события были подчинены определенной логике. Однако на самом деле они просто сталкиваются с эффектом преувеличения человеческой памяти.³ Подлинная история не имеет дела с упрощениями, а реальные события демонстрируют не столько прямые пути, сколько «закрученные спирали нелинейной эволюции», имеющие мало общего с изящными поворотами логического рассудка. Как писал по этому поводу А. Герцен, природа и история сами по себе никуда не идут, а потому готовы идти всюду, куда им ни укажут. Сводить эволюцию лишь к тому, что можно предвидеть, означает не понимать законов прогресса, писал Ф. Хайек. Человеческий разум не может объяснить себя, но еще менее вероятной выглядит его способность предсказать результат взаимодействия огромного количества умов.

Вполне возможно, что врожденная творческая способность, писали Д. Крачфилд, Д. Фармер, Н. Паккард и Р. Шоу, скрывает за собой спонтанный хаотический процесс, который селективно усиливает малые флуктуации, превращая их затем в макроскопические связанные состояния ума, которые люди ощущают как мысли. Внешне все выглядит так, как если бы хаос играл

¹ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. – М.: Прогресс, 1988. – С. 251.

² Ганс Э. Предисловие издателя // Гегель Г. В. Ф. Философия истории. – М.: Наука, 1993. – С. 459.

³ Milosz C. Visions from San Francisco Bay. – N.Y.: 1983. – P. 180.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

роль механизма проявления свободы в мире, который во всем остальном управляется детерминистскими законами.¹ Вполне возможно, что спонтанность необходима как для внутреннего духовного развития индивидов, так и для прогресса культуры и цивилизации в целом.

К сожалению, писал П. Фейерабенд, человеческий разум сравнительно легко поддается влиянию «абстрактных чудовищ» обязанности, долга, морали и истины, а также их предшественников – богов, которые часто использовались для запугивания и ограничения свободных проявлений человеческой личности.² Что касается современной ситуации, то наука наших дней просто обязана помочь человеку выбраться из таких ловушек тоталитарности, как система потребления, политическое насилие, реклама и манипуляции с помощью СМИ.³

«Лучше ад хаоса, чем ад порядка», – написала в одном из своих стихотворений В. Шимборска.⁴ Можно понять интуитивный выбор поэта в мире, в котором лидеры и правительства пытаются контролировать жизненную энергию поколений. Тоталитаризм не могут оправдать ни полеты в космос, ни успехи ядерной энергетики. Сегодня политический маятник ушел в противоположную сторону, поэтому научная реальность все больше напоминает лайнер, управляемый автопилотом, не имеющим программы для приземления. Спонтанные демократические процессы происходят также в сфере политической жизни. Как в свое время утверждал П. Кропоткин, хотя идеалом правящих элит анархия никогда не была, она всегда

¹ Крачфилд Д., Фармер Д., Паккард Н., Шоу Р. Хаос // В мире науки, № 2, 1987. – С. 28.

² Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. – М.: Прогресс, 1986. – С. 322.

³ Яковлев В. О мировоззрении Вацлава Гавела // Социально-политические науки, № 1, 1991. – С. 66.

⁴ См.: Shymborska W. Mozliwosci // Pod Jedna Gwiazdka. – Львів: Каменяр, 1997.

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

оставалась смутно осознаваемым политическим идеалом масс. Начиная с исхода евреев из Египта, мир знает множество примеров человеческого бегства от порядка. Примечательно, что маркиз А. де Кюстин, предпринявший в 1839 году путешествие по Николаевской России, увидел признак ее прогресса в спонтанности и хаосе тогдашней экономической жизни.¹

Органическая стихийность при всех обстоятельствах умела отстаивать свое право на существование. Даже если допустить, писал Ж. Лиотар, что общество является системой, трудно не согласиться с тем, что любой контроль над ним, подразумевающий точное определение параметров его состояния, является неэффективным. Поскольку определение его *начальных состояний* невозможно в принципе, сомнительной оказывается вся эффективность точного знания и вытекающей из него власти.² Мало кто из философов все еще рискует рассматривать причинность в контексте таких однофакторных теорий, как у Т. Гоббса или К. Маркса. Более распространенным является представление о том, что у социальных процессов нет секретной пружины или ключа, а если они и есть, то мы все равно не можем их знать. Как доказывал Ф. Хайек, к отставанию от Европы цивилизацию Китая привели в свое время правители, чрезмерно зажавшие китайское общество в тиски порядка. Что касается Западной Европы, то она обязана своим быстрым прогрессом воцарившейся здесь уже в Средние века социальной анархии и хаосу.³

Даже рыночная рациональность, писал Ф. Бродель, на которую так часто ссылаются сторонники организации и порядка, является рациональностью *спонтанного обмена* – действия неуправляемого и свободного, построенного на жестах «невидимой руки» А. Смита и работе естественного

¹ Маркиз де Кюстин. Николаевская Россия. – М.: ТЕРРА, 1990. – С. 229 и др.

² Лиотар Ж. Состояние постмодерна. – М.-СПб.: Алетейа, 1998. – С. 135.

³ Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. – М.: Новости, 1992. – С. 80.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

компьютера Ф. Ланге.¹ Сегодня все большее количество ученых приходит к выводу о том, что жизнь в ее иррациональной действительности, а также все содержащиеся в ней значения и смыслы являются действительно неисчерпаемыми. Что же касается вопроса об оптимальном количестве устойчивых принципов и ценностей, то ответ на него уходит в «темное будущее человеческой культуры».²

Поскольку в этическом смысле человечество нуждается лишь в надежде, его знаниям не нужна абсолютная определенность. По мнению О. Хаксли, каждый человек – это корабль, которым управляет сразу нескольких капитанов. И если они приходят к компромиссу, это означает решение проблемы. Как в свое время писал В. Розанов, вся жизнь происходит от «неустойчивых равновесий», но если бы равновесия были устойчивыми, то не было бы и самой жизни.³ Идеально организованные «Солнечный город» Т. Кампанеллы и «Утопия» Т. Мора воплощают в себе социальный тупик. К тому же, и более свободные социальные теории представляют собой всего лишь островки в океане первичной жизненности. Социальная организация необходима, однако ее уровень является постоянно открытым вопросом.⁴

¹Бродель Ф. Игры обмена. – М.: Прогресс, 1988. – С. 585.

²Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 413.

³По поводу чередования порядка и хаоса существует характерное признание И. Бергмана: «Меня всегда привлекало трудноуправляемое равновесие между хаосом и порядком. Напряжение последних шекспировских драм кроется, помимо всего прочего, как раз в этом – в разломе между миром порядка, этических законов и социальных норм и тотальным хаосом. Непобедимым хаосом, внезапно взламывающим управляемую действительность и уничтожающим ее» (Бергман И. Жестокий мир кино. – М.: Вагриус, 2006. – С. 336).

⁴В воспоминаниях О. Отт-Скоропадской можно обнаружить характерное наблюдение: «Когда американские офицеры (в конце второй мировой войны – В.Р.) или медсестры, которые также имели офицерские звания, проходили мимо нашего дома, <...> часовые лениво махали им рукой: «Hello,

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

Применяемые в наши дни исследовательские методологии опираются на индивидуальные программы, личную инициативу и чувство вкуса ученого. Таким образом, единство научного знания ныне опирается на инструментально многообразные стратегии и подходы. В сущности, все накопленные человечеством знания относятся к науке примерно так же, как мраморный блок в руках архитектора – к возводимому им зданию.

Как считал Д. Дьюи, социум может сохранять стабильность по отношению к окружающему его миру только при условии, что его интеллектуальная элита трудится на пределе своих возможностей. Подобного состояния невозможно добиться без свободы экспериментирования, выходящего за пределы однажды установленного и санкционированного порядка. Поэтому... «установление пределов свободы, без которых способности не могут быть реализованы, должно сопровождаться некоторым количеством явно выраженного беспорядка и нерегулярности». В понимании Д. Дьюи данное требование означает, что в научных исследованиях важно не столько избегать ошибок, сколько создавать условия, при которых однажды совершенные ошибки могут быть использованы для дальнейшего расширения возможностей человеческого интеллекта.¹

Как, в свою очередь, писал Р. Дарендорф, ученые должны избегать любых соблазнов «системного мышления», поскольку «мышление в терминах систем лежит в основе несвободы во всех ее разновидностях».² По этому поводу уместно привести

Юе», или «Hello, Louise». Только перед офицерами очень высокого ранга они позволяли себе принять вертикальное положение. Наш профессор и санитары возмущались этим невозможным для немецких военнослужащих поведением, мол, что это за солдаты. [На что] д-р Г., врач-ассистент сухо заметил: «И, все-таки, они нас победили» (Отт-Скоропадська О. Остання з роду Скоропадських. – Львів: Літопис, 2004. – С. 248).

¹ Дьюи Д. Реконструкция в философии. – М.: Логос, 2001. – С. 159.

² Дарендорф Р. После 1989. Мораль, революция и гражданское общество. – М.: Ad Marginem, 1998. – С. 214.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

характерное замечание Ф. Ницше: «Вот символ для каждого из нас: *он должен организовать в себе хаос* (курсив мой – В. Р.) путем обдуманного возвращения к своим истинным потребностям». ¹ В сущности, за этой, как и за многими другими подобными констатациями, проглядывает идея о том, что индивидуальные позиции и взгляды ученых ни в коем случае не должны сводиться к единым решениям.

В современной науке, как и в современном искусстве, каждый честный ученый по-своему прав, что и оправдывает множественность исследовательских установок и подходов. Говоря иными словами, спонтанность науки означает не столько хаос, сколько признание неограниченного количества индивидуальных порядков. И хотя подобное отношение подрывает взгляд на истину как на универсальное решение, наука первой высказала предположение о том, что универсальных решений на самом деле не существует. В свою очередь, если это принять, перед нами неизбежно возникает вопрос о соотношении науки и демократии.

С одной стороны, демократия служит раскрытию потенциала личности, одновременно действуя как механизм ее эффективного подавления. Именно поэтому из природы демократии вытекает необходимость демаркации границ между демократией и академической свободой, которая имеет с демократией совсем мало общего. Если в демократии ценится способность к компромиссу, то в науке данное качество остается без применения. Современная наука не предполагает и не требует даже условного единства взглядов. Она включает в себя не только существенно расходящиеся между собой идеи и концепции, но и разные интерпретации фактов (включая ситуации, созданные соперничающими интерпретациями и вытекающими из них ошибками).

С другой стороны, большинство объектов науки являются рассмотренными ранее, то есть уже инкорпорированными в

¹ Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1990. – С. 230.

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

определенную идею или концепцию. В силу данного обстоятельства наука не должна рассматривать факты «как это принято», а обязана идти непроторенным путем, ставя перед собой новые задачи и создавая в случае необходимости новую область фактов.¹ В итоге, существование множества пересекающихся и несовместимых, но эмпирически адекватных теорий считается в современной науке одним из ее начальных условий.

Что касается демократии, то в ней вариативность интерпретаций действительности часто преодолевается политической победой над оппозицией. Однако, в отличие от противоречий демократии, противоречия науки не исчезают «сами по себе». Более того, имея дело с новой теорией, ученые вовсе не должны ограничиваться стандартными приемами или подходами для решения вопроса о ее жизнеспособности. Как считал П. Фейерабенд, ни кричащие внутренние противоречия, ни очевидный недостаток эмпирического содержания, ни обширный конфликт с экспериментальными данными не должны заставить нас отказаться от разработки концепции, которая по тем или иным причинам *нравится* нам.²

Нынешнее своеобразие науки проявляется еще и в том, что крупные концептуальные переходы и прорывы начинаются в ней с открытий, сделанных в ходе фундаментальных исследований, не ориентированных, как правило, на конкретный результат. Науке претит демократическая суетность. Более того, лишь подавив в себе вопрос: *почему*, наука может обнаружить факты, которые помогают ей приблизиться к решению и ответу.³

Не менее важным является также то обстоятельство, что наука строится на уважении к *нюансам* отличия, в то время как

¹Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. – М.: Прогресс, 1986. – С. 77, 80, 149, 318.

²Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. – М.: Прогресс, 1986. – С. 325.

³Витгенштейн Л. Философские работы. Часть 1. – М.: Гнозис, 1994. – С. 219, 227.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

демократия опирается в большинстве случаев на статистику. Наука решает свои проблемы, используя тонкие структуры интеллекта, демократия же привыкла полагаться на элементарные возможности разума.

Поскольку рост современного знания происходит в результате полифкации (умножения исследовательских подходов и программ), в современной науке приветствуется взаимодействие самых разных идей и теорий. В этом смысле науку интересуют *любые* традиции и культурные практики. Данное обстоятельство не только объясняет необходимость защиты науки от давления демократии, но и частично приближает ее положение к статусу церкви. Как и церковь, наука нуждается в специальных гарантиях самовыражения. Отличие между ними заключается обычно лишь в том, что науку характеризует «нецеленаправленное мышление».¹

В психологическом смысле наука воплощает в себе «непосредственное самобытие» (С. Франк) разума, спонтанную динамику и свободу. В этом качестве удачной метафорой научного поиска является джерк (jerk). В отличие от твиста или рок-н-ролла, в джерке тело танцора не подчиняется никаким изначально заданным правилам, действуя непосредственно как язык.²

Хотя консерваторы предпочитают смотреть на метафору в научной области как на *terra incognita*, современные исследования подтверждают ее реальную способность описывать научные состояния.³ В сущности, потребность в метафоре следует в науке из потребности в новизне. Как писал У. Эко, «язык – для того, чтобы обозначить нечто такое, чего культура еще не усвоила <...> – должен *изобрести* комбинаторные или

¹ Кузнецов В. Понять науку в контексте культуры // Кун Т. Структура научных революций. – М.: Изд-во АСТ, 2001. – С. 3-8.

² Липовецки Ж. Эра пустоты. – СПб.: Владимир Даль, 2001. – С. 52.

³ Хейзинга Й. *Homo Ludens*. – М.: Прогресс, 1992. – С. 156.

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

семантические соединения, которых не предвидел код. В этом смысле метафора предстает [перед нами] в качестве нового семантического соединения, не обусловленного любыми кодами (однако способного по-новому обуславливать код)». Подобным способом метафора обнаруживает свою ценность не только в процессе общения, но и в самой структуре знания.¹

Принято считать, что метафора воплощает в себе эффективный способ размывания границ между явлениями и вещами, а также между явлениями и их символическими репрезентациями. Поэтому изгнание метафоры из контекста науки, писал Х. Вайнрих, означало бы не только уничтожение цветов у дороги, ведущей к истине, но и лишение нас транспортного средства, существенно сокращающего к ней путь. Собственно говоря, в истинно научном подходе без метафоры уже не обойтись. Утверждение же о том, что метафоры менее точны, чем другие слова, является «болтовней, нуждающейся в обосновании».² Как говорит Р. Джоунз, настоящими метафорами являются ныне все основополагающие понятия науки: пространство, время, материя и число. И даже фундаментальные научные теории – это не более чем специальные лексические конструкции, предназначенные для символической репрезентации особого класса интересующих нас объектов.

3.1.2. Наука и социальное пространство

Положение науки в социальном пространстве определяется как субстанциональными качествами самой науки, так и особенностями социальных реакций на присутствие в обществе таких людей как ученые.³ В то же время, говоря о характерных чертах и свойствах науки, нельзя обойти вниманием то

¹Еко У. Роль читача. Дослідження з семіотики текстів. – Львів: Літопис, 2004. – С. 109-110.

²Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – С. 66.

³Trigg R. Philosophy Matters. – USA: Blackwell Publishers, 2002. – P. 15-24.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

обстоятельство, что современные словари не дают четкого определения научной деятельности. И виноваты в этом не составители словарей, а философы, которым до сих пор не удалось «схватить» сущность данного понятия. Впрочем, если бы это и удалось сделать, то результат оказался бы, скорее всего, разочаровывающим. Ведь он означал бы конец той бесконечно многообразной и изменчивой цепи поисков и открытий, которую люди интуитивно отождествляют с наукой.¹

Трудность определения понятия науки объясняется еще и тем, что поведение ученых выглядит буквально сотканным из противоречий, а сама научная деятельность охватывает почти все типологические признаки жизни в интеллектуально подвижной среде. Это, в частности, заметно на примере посвященных интеллектуальной активности максим. Например, о том, что веру в идеалы трудно убить, но также и сохранить; что аномалии таланта «приободряют толпу»; что однообразие стимулирует²; что гений и бездарность сосуществуют подобно маслу и воде в одной бутылке, не перемешиваясь; что умственная активность противоположна выполнению заказа на заводе. Как писал М. Мерло-Понти, существует много разновидностей свободы, и человеческая жизнь – это долгая история их соперничества. Результаты подобного соперничества обнаруживаются в «кильватерных струях великих исторических событий».³ Не вызывает сомнения, что одну из глубоких версий человеческой свободы воплощает в себе наука.

О близости свободы и науки говорит и тот факт, что положение науки в обществе невозможно запрограммировать. С наукой всегда получается примерно так, как у Г. Гессе и С. Цвейга с констатацией упадка европейской культуры. Перед Второй

¹Рожен О. Чи буде вдалим новий хрестовий похід? // Дзеркало тижня, № 17, 11 травня, 2002. – С. 13.

²Беккет С. Трилогия. – СПб.: Издательство Чернышева, 1994. – С. 409.

³Рюс Ж. Поступ сучасних ідей. – Київ: Основи, 1998. – С. 175.

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

мировой войной их реквием по европейской духовности прочитывался и как ее жизнеутверждающий гимн, импульс к преодолению и дальнейшему совершенствованию.¹ Обычно считается, что чем больше финансовых ресурсов вкладывается в науку, тем быстрее увеличивается социальное богатство. Однако в действительности энергия науки напоминает энергию катастрофы, вычислить ее эффект заранее невозможно. Бывает и так, что научное фиаско лишь свидетельствует о приближении к открытию. Хотя наука пользуется высоким социальным авторитетом, сами ученые вынуждены игнорировать любые авторитеты, если они действительно хотят добиться серьезных результатов в своей области.² «Внутри себя» наука является неустойчивой этажеркой. К тому же, мода, как говорил Г. Мабли, распространяет свое владычество даже на взгляды.

С тех пор как ученые покинули стены средневековых монастырей, наука больше не прячется за ширмой веры.³ Сегодня она представляет собой открытую диалоговую систему, в которой принято высказываться до конца. Можно сказать, что современная наука эксцентрична, хирургически безжалостна и чувствительна в одно и то же время. Как писал Ф. Ницше, ученый, наделенный объективным умом, представляет собой драгоценное орудие измерения, которое можно легко повредить ненадлежащим с ним обращением. Хотя наука является терпимой к социальному окружению системой, многие профессиональные высказывания ученых были и остаются ригористическими. В сущности, этика науки и мораль повседневной жизни не совпадают. Как однажды заметил С. Жижек, с одной стороны, мотивом Просвещения было требование:

¹ Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. – USA: Ardis, Ann Arbor, 1988. – С. 10.

² Csikszentmihalyi M. Creativity. – N. Y.: Harper Perennial, 1997. – P. 69.

³ Фейербах Л. История философии. В 3-х т. Т. 3. – М.: Мысль, 1974. – С. 16.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

думай самостоятельно, полагайся исключительно на разум, освободись от предрассудков, не принимай ничего без разумных оснований. С другой стороны, И. Кант в работе «Что такое Просвещение?» утверждает примерно следующее: рассуждайте о чем угодно и как угодно, но при этом... *слушайтесь и повинуйтесь!*¹

Для обеспечения комфортного для себя положения в обществе у науки существует, как минимум, две возможности. В первом случае она принимает социальные условия в том виде, как они сложились в коллективе: «закон есть закон». Например, в эпоху раннего Возрождения авторитет закона не оспаривался, ибо он обладал харизматической силой. Но уже во французском Просвещении мир множества правил и установлений называли «бессмысленной машиной». В наши дни наука все более решительно и определенно заявляет свои претензии на специальный статус. Она считает себя особым случаем организации человеческой деятельности и мотивационных факторов, на которых данная деятельность основывается.²

Очевидно, что современная наука нуждается в закреплении принципа академической свободы, гарантиях информационной открытости, неформальной оценке научных достижений и множественности научно-исследовательских программ. Специальные правила можно создать для вовлечения науки в маркетинг, а также для организации исследований на правительственные средства.³ Что касается более широких норм научной этики, то для их разработки С. Вейль предлагает исходить из двух возможных типов научных ассоциаций:

¹См.: Жижек С. Возвышенный объект идеологии. – М.: Художественный журнал, 1999. – С. 85.

²Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический Проект, 2000. – С. 338.

³Гилберт Н., Малкей М. Открывая ящик Пандоры. – М.: Прогресс, 1987. – С. 14.

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

объединений ученых по интересам, в которых организация и дисциплина могут быть частично допущены, и объединений ученых на идейной основе, в которых административная иерархия и дисциплина должны быть решительно пресечены.¹

Сегодня информационное поле науки стало настолько насыщенным, а способы работы с информацией настолько простыми и удобными, что наука уже стремится избавиться от прежних методологических и организационных стандартов. Как замечает С. Переслегин, на наших глазах возродились характерные признаки того времени, когда просвещенные аристократы в перерывах между игрой в вист обсуждали свойства упругости идеального газа. В наши дни студенты лучших университетов имеют доступ к компьютерным терминалам и сетям непосредственно из факультетских «курилок». При этом характерное для 60-х годов прошлого века деление гуманитарного знания на «науку» и «лженауку» полностью изменило свой смысл. Реально конкурирующими в наши дни являются не наука и лженаука, а творческое познание и познание критическое.

Поведение *творческих* ученых характеризуется страстным экспериментированием и поиском новых открытий. Этот тип научных работников не привлекает медленное «промывание золотиносного песка» (С. Переслегин). Наоборот, *критически* ориентированные ученые демонстрируют возмущение расцветом «лженауки», воспринимая достижения своих коллег крайне скептически. В собственных исследованиях они применяют только апробированные методы и подходы, подчеркивая при этом, что экспериментальные данные ненадежны, а расхождения между теорией и экспериментом обязательно исчезнут при дальнейшем развитии научного знания.

Что касается государственного отношения к научным исследованиям, то в большинстве случаев оно тяготеет к мягкому

¹ Вейль С. Укорінення. Лист до клірика. – Київ: Дух і літера, 1998. – С. 25.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

патернализму. Хотя политические руководители обычно понимают, что наука может быть по-настоящему эффективной лишь в обстановке внутренней раскованности и внешней терпимости, предоставление академической свободы университетам в странах Восточной Европы остается пока что нерешенной проблемой. Как известно, нормативное определение академической свободы дал в свое время Верховный Суд США. С тех пор прошло много лет, но четыре главных принципа университетской деятельности¹ так и не стали международным стандартом. К сожалению, в противоположность утверждению Андрея Тарковского о том, что интеллектуал остается свободным даже в тюрьме, реальный опыт свидетельствует о крайней уязвимости человеческих мыслительных операций. В условиях диктатуры бывает легче действовать, чем размышлять.

По наблюдению П. Клоделя, большинство ученых сочетает в себе детскую непосредственность с профессиональным лукавством. Это означает, что их преданность научной идее сочетается с чистосердечной «недобросовестностью». Зная о том, что новой гипотезе нужно время для того, чтобы подтвердиться, они упорно ищут для нее неуязвимое алиби. Доверяя своей профессиональной интуиции, они оглашают аргументы подобно тому, как муэдзин на вершине каменной стрелы свидетельствует об Аллахе.² Что касается общественной оценки неподтвержденных научных гипотез, то здесь полезно не забывать о том, что академическая свобода – это важнейшая социальная гарантия научного результата. По природе предъявляемых требований этика науки является *этикой желания*, а не *этикой обязанности*.³

Удачным историческим примером отношений науки и

¹Подробнее об этом – в пятой главе книги.

²Клодель П. Глаз слушает. – Харьков: Фолио, 1995. – С. 203.

³См.: Фуллер Л. Мораль права. – Київ: Сфера, 1999. – С. 116.

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

общественности является прусское законодательство XVIII века, в соответствии с которым профессора юридических, медицинских и философских факультетов должны были посылать в «Бюллетень Галленса» сообщения обо всех социально полезных результатах своих исследований.¹ Моральные основания для подобного рода установлений предложил в свое время П.-А. Гольбах (полезная гипотеза должна делать людей счастливыми)² и Д. Локк (способности ученого должны прилагаться не к безграничному познанию вещей, а к потребностям жизни, сохранению социума и достижению целей, которые он себе ставит).³ Оба философа ставили во главу угла социальную направленность научных исканий. Что касается Гегеля, то у него интеллектуальное начало непосредственно воплощает в себе содержание социальной действительности. В свое время Д. Белл комментировал данный тезис в том смысле, что все научные теории кажутся более удачными до их воплощения на практике. В чем-то мог ошибаться Гегель, в чем-то – теории, а в чем-то – теории и Гегель одновременно.⁴

В наши дни распространенным является мнение о том, что общественность должна использовать научные достижения в качестве ориентира для своих практических действий. Менее популярным является убеждение в том, что общественность сама должна указывать ориентиры развитию науки. В свое время И. Кант настаивал на понимании трансцендентальной свободы как *абсолютной спонтанности причин*, которые могут «начинать тот или иной ряд явлений, продолжающийся далее по законам природы».⁵ Очевидно, что подобное утверждение

¹Габермас Ю. Структурні перетворення у сфері відкритості. – Львів: Літопис, 2000. – С. 69.

²Гольбах П.-А. Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1963. – С. 561.

³Локк Д. Сочинения. В 3-х т. Т. 2. – М.: Мысль, 1985. – С. 113.

⁴Bell D. The End of Ideology. – Illinois: The Free Press, 1960. – P. 301.

⁵Кант И. Сочинения. В 6 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1964. – С. 420.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

допускает множество толкований, в том числе и освобождающих науку от эффективного общественного контроля.

Так или иначе, но наиболее жизнеспособными в настоящее время являются страны, которые первыми отважились снять все препятствия на пути творческой самореализации индивидов. Государства этого типа всячески стимулируют развитие образования и научных исследований, а их политические элиты не задаются вопросом о том, *что именно* данная политика принесет.¹ В этом случае ученые работают свободно, ибо невозможно предсказать заранее, куда конкретно приведет их научный интерес.² Таким образом, академическая свобода в Западной Европе и США стала необходимым условием социального порядка. После Второй мировой войны Конгресс США принял решение исходить при рассмотрении ряда вопросов из научных соображений, а не из установок партийного руководства. И хотя с политической точки зрения данный шаг оказался тогда неожиданным, именно он, как принято считать, позволил эффективно защитить американские интересы в «холодной войне».³

В то же время современная наука стала слишком влиятельной и напористой, чтобы и дальше оставаться в социально неконтролируемом состоянии.⁴ Не вызывает сомнений и то, что научный стиль мышления не может распространяться на все культурное пространство. Как ни привлекательно само по себе абстрактное мышление, какие бы полезные результаты оно ни давало для нашей цивилизации, писал М. Борн, применять

¹Гарднер Д. К самообновляющемуся обществу // Америка, май, 1971. – С. 49.

²Фридман М. Капитализм и свобода. – USA: Chalidze Publications, 1982. – С. 164.

³Прайс Д. Наука, техника и конституция // Америка, сентябрь, 1987. – С. 5.

⁴Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. – М.: Прогресс, 1986. – С. 365.

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

научные методы и подходы в областях религии, этики, искусства и литературы недопустимо и опасно.¹ Рассматривая все явления и факты в познавательном ключе, наука не может ответить на фундаментальный вопрос: *что* они значат для человека? Двойственность рациональных установок науки по отношению к ценностям стала сегодня для всех очевидной.²

В одном из писем к К. Либкнехту Ф. Энгельс писал о том, что «для научных работ не существует демократического форума».³ Разумеется, научная истина не может быть определена ни 50, ни 99, ни даже 100% голосов, поданных за определенное решение и критику.⁴ Поэтому неписанные правила научной этики запрещают обращаться к главам государств или референдумам по вопросам науки. Демократия некомпетентна в вопросах науки, равно как и наука некомпетентна в вопросах демократии. И хотя, с точки зрения общественных интересов, польза научных исследований очевидна, у своих истоков наука остается независимой от массовых предпочтений. Более того, писал Б. Рассел, требовать от науки осуществления наших идеалов в реальном мире – это тюрьма, из которой мудрости следует уже давно освободиться.⁵

Природная конституция науки является хрупкой и уязвимой, а политические установки редко совпадают с умозаключениями ученых. Сколько преступлений и анархии готовы мы вынести, спрашивал Б. Рассел, во имя великих целей, подобных целям Возрождения? В прошлом – много, сегодня – неизмеримо меньше. Решение данной проблемы до сих пор не

¹ Борн М. Моя жизнь и мои взгляды. – М.: Прогресс, 1973. – С. 129.

² Вайнгарт П. Социальная оценка науки или деинституционализация науки как профессии? // Социальные показатели в системе научно-технической политики. – М.: Прогресс, 1987. – С. 400.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. – С. 221.

⁴ Янков М. Конструктивная критика и рациональное управление. – М.: Прогресс, 1987. – С. 140.

⁵ Рассел Б. Почему я не христианин? – М.: Политиздат, 1987. – С. 36.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

найдено, хотя рост научного знания сделал ее сегодня еще более актуальной.¹

С одной стороны, наука представляет собой «анархию в смысле положительном» (В. Соловьев),² что может потребовать создания «министерства беспорядка» (Д. Дарлингтон) для управления ею. По крайней мере, настоящая наука вырабатывает «хаотический» тип личности, готовый к *любому* столкновению с реальностью. С другой стороны, наука представляет собой лишь одну из версий освоения действительности, а общество нуждается в диалоге всех культурных традиций.³

Идеальная наука представляет собой пространство интеллектуальной свободы, которое существует и управляется автономно. Если государство слишком контролирует научную сферу, общество становится аутсайдером, ибо в связанном состоянии наука производит неэффективный feedback. В то же время, как писал Ш. Фурье, разум призван познавать Божественный кодекс, а не создавать кодексы сам⁴ – требование, которое призывает науку к онтологической скромности.

С точки зрения науки, колесо и порох можно было изобрести независимо от их практической значимости. Но с точки зрения общества это не так. Эмос науки предполагает любознательность, критицизм и интеллектуальную честность ученого. Однако государство и общество интересуется, главным образом, результатом. Так или иначе, в любую эпоху наука остается автономной, то есть относительно независимой символической системой. Передача американских атомных секретов Советскому Союзу не укладывается в традиционную схему военного шпионажа, ибо ее осуществили люди с независимой моральной позицией. Инакомыслие, а не измена национальным

¹ Рассел Б. История западной философии. Т. 2. – М.: Мир, 1993. – С. 20.

² Соловьев В. Сочинения. В 2 т. Т. 2. – М.: Правда, 1989. – С. 331.

³ Янков М. Конструктивная критика и рациональное управление. – М.: Прогресс, 1987. – С. 218-219.

⁴ Фурье Ш. Избранные сочинения. Т. 4. – М.: АН СССР, 1954. – С. 112.

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

интересам характеризовали поведение супругов Розенберг.

Таким образом, существует множество аргументов в пользу установления между обществом и наукой особых отношений. Поскольку же главные рычаги для улучшения ситуации находятся обычно в руках государства, именно ему надлежит сделать первый шаг. Как известно, не только протекционистские тарифы, экспортные поощрительные ставки и субсидии, но и режим *laissez-faire* был в свое время поддержан государством¹, а выгоды либерализации неоднократно обсуждались даже в Советском Союзе.²

В конце XX века производимые наукой изменения впервые стали представлять собой величины того же порядка, что и изучаемые наукой явления. Это, в свою очередь, привело к тому, что экспертный способ принятия решений начал серьезно конкурировать с демократическими институтами.³ Начало третьего тысячелетия совпало с информационной революцией, глобализацией и созданием мирового сообщества ученых на территории США.⁴

Modus vivendy общества и науки во все большей степени напоминает выставочный павильон, в котором экспозиция отделена прозрачной стеной от исследовательской лаборатории. И хотя внутри себя наука мало напоминает театр, она все-таки нуждается в позитивной реакции аудитории. Если общество реагирует положительно, символическое представление науки продолжается.

¹ Polanyi K. *The Great Transformation*. – Boston: Beacon Press, 1964. – P. 139.

² Васильев А. Право и перестройка // Советское государство и право, № 9, 1987. – С. 21.

³ См.: Коэн Р. Социальные последствия современного технического прогресса // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 210-224.

⁴ Бжезінський З. Велика шахівниця. – Львів–Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 2000. – С. 210.

3.2. Искусство как форма (сегмент) символической реальности

Искусство как явление человеческой культуры уходит в глубину времен. Гораздо более поздними являются попытки разобраться в природе искусства, понять его предназначение и роль. Развитие эстетики, или науки о прекрасном, писал Э. Кассирер, началось с логики, еще прежде отделившейся от своей философской основы. В первоначальном виде эстетика, как принято считать, была основана А. Баумгартеном как учение о познании «низших сил души». ¹ Впоследствии исследователями было высказано предположение о том, что в области чувств существуют сквозные формы и правила связи. И что, подобно логике абстрактного мышления, существует также логика воображения.

В современном искусствоведении эстетическая идея связывается с предположением о том, что произведениям искусства присущ определенный смысл. Возможно, именно поэтому словосочетание «логика искусства» легко прижилось в немецкой психологии (науке). Так или иначе, писал И. Бродский, сегодня мы признаем, что «искусству присуща собственная, самопорождающая динамика, собственная логика, собственная родословная и собственное будущее». ²

Более того, возможно, что красота и правильность форм являются столь же объективными, как и научная или математическая истина. ³ И что они даже возникают аналогичным образом – через гипотезы и рациональную критику. Как некогда

¹Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. – М.: Гардарика, 1998. – С. 189-190.

²Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского. Том VII. – СПб.: Пушкинский фонд, 2001. – С. 87.

³По мнению О. Салкелд, словарь искусства является *универсальным* (Салкелд О. Лени Рифеншталь. Триумф и воля. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2004. – С. 414).

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

лаконично выразился Д. Китс, красота – это истина, а истина – это красота. И хотя в привычном словоупотреблении истина и красота – это не одно и то же, данные понятия принадлежат к одной разновидности символических категорий.

В пользу утверждения о том, что искусство имеет «идею» и смысл, говорит устойчивая эмоциональная привязанность людей к отдельным видам неодушевленных предметов. Артефакт всегда предполагает возможность субъективного философского оправдания. Это хорошо заметно, когда кто-нибудь, например, говорит: «Я влюблен в эту скульптуру».¹ Однако восприятие *идеи* прекрасного складывается в искусстве на основе восприятия образов, которые сами по себе не тождественны идеям и правилам.²

Как утверждают теоретики искусства, художественное восприятие мира осуществляется человеком сквозь некий объем символического пространства, в котором изначально пребывают его идеалы, интересы, предпочтения, склонности и вкусы. Изменение данных установок сопряжено с изменениями духовной структуры личности. Каждому из способов восприятия индивидом внешнего мира соответствует определенный тип символического формообразования. Как говорит С. Загала, философия касается концепций, наука – функционирования знания, искусство же имеет дело с силой чувственного восприятия.³ Таким образом, с эстетической точки зрения «искусство <...> есть посредник между творцом и миром»,⁴ причем творец

¹ У Д. Сантаяны «прекрасное» выступает как объективация удовольствия, качество вещи (Santayana G. The Sense of Beauty. – N. Y.: Dover Publications, 1955. – P. 31, 33).

² Shaviro S. Beauty Lies in the Eye // A Shock to Thought. – London: Routledge, 2002. – P. 13, 19.

³ Zagala S. Aesthetics: Place I've Never Seen // A Shock to Thought. – London: Routledge, 2002. – P. 21.

⁴ Alpers S. Style Is What You Make It // The Concept of Style. – Ithaca and London: Cornell University Press, 1987. – P. 141.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

в нем – это тоже посредник, чьей функцией на протяжении веков было «позволять нам видеть то, что мы не можем воспринимать естественным образом». ¹ В то время, пока философы создавали концепции ощущений, художники научились создавать «чистое чувственное восприятие концепций» (С. Загала). Это убедительно проявилось в работах П. Мондриана и К. Малевича. Сегодня у нас есть все основания говорить о том, что «мир в своей объективной систематичности и искусство в своей субъективной систематичности обмениваются своими значениями», в чем и заключается аналогия их статусов. ²

Искусство, а также все его стили и направления, обусловлены глубокой потребностью в символизации, заложенной в природе человеческой жизни и судьбы. Хотя конкретное произведение искусства, как «решение от имени прекрасного» (С. Шавиро), по-своему отделено от повседневной человеческой жизнедеятельности, оно всегда принадлежит конкретной эпохе, стилю и направлению. ³

Стиль в искусстве может касаться либо всего лишь нескольких изобразительных форм, как в импрессионизме или кубизме, либо быть сквозным, как в модерне, что позволяет говорить о его глубокой нормативной основе. В любом случае, искусство представляет собой относительно систематизированную форму эстетического знания. Пусть и по-своему, писал А. Хофстадтер, но искусство все-таки *схватывает* реальность. Познавательный элемент присутствует в искусстве как его конститутивная часть, без этого искусство не может быть самим собой. ⁴

¹ Bergson H. The Creative Mind. – N. Y.: Citadel Press, 1974. – P. 135.

² Бодрийар Ж. К критике политической экономии знака. – М.: Библион, 2003. – С. 110.

³ Как однажды заметил С. Лифарь, «красота в искусстве не зависит от его формы, но <...> только в современной им форме люди воспринимают красоту» (Лифарь С. Дягилев. Монография. – СПб.: Композитор, 1993. – С. 249).

⁴ Hofstadter A. Interpretation of Work of Arts // The Concept of Style. – Ithaca and London: Cornell University Press, 1987. – P. 107.

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

Как говорил И. Бродский, искусство воплощает в себе форму знания, которое оказывает сопротивление реальности, «представляющейся несовершенной».¹ Можно сказать, что в искусстве реализуется попытка создания альтернативы реальности, которая обладает признаками постижимого, если не достижимого совершенства.

Все это позволяет нам говорить о том, что история искусства представляет собой чередование явлений и событий, корни которых обнаруживаются непосредственно в природе вещей. Данную особенность искусства иногда называют его «внутренней судьбой», вектором, направляющим искусство определенной исторической эпохи к конкретной цели.² В психологическом же смысле произведения искусства произрастают, как и сновидения, из глубины человеческого воображения, формируются из образов «определенного наглядного характера» (Г. Зельдмайр).

Живопись – это поверхность, маркированная определенным образом с целью репрезентации внешних объектов. Примерно таким было распространенное представление об изобразительном искусстве до появления современного искусства, писала Дж. Белл.³ Однако в наши дни искусство выступает уже не только как среда, благодаря прозрачности которой можно адекватно воспроизводить окружающий человека мир. Эволюция художественного творчества превратила искусство в одно из наиболее противоречивых и сложных явлений. Можно сказать, что современное искусство переросло свою прежнюю эрзац-теологическую и эрзац-космологическую роль.

¹Как писал Ф. Маринетти, «прекрасного не существует без борьбы. Шедвр не может состояться без проявления агрессивности в его характере» (Marinetti F. T. The Founding and Manifesto of Futurism 1909 // Futurist Manifestos. – Boston: MFA Publications, 1973. – P. 21).

²Зельдмайр Г. Искусство и истина: Теория и метод истории искусства. – СПб.: АХИОМА, 2000. – С. 51, 57-58.

³Bell J. What Is Painting? – N. Y.: Thames and Hudson, 1999. – P. 40.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Модернистское же искусство вообще перестало быть «прозрачным», и потому не укладывается в традиционное понимание искусства как формы дидактического знания. Часто оно выглядит даже более загадочным, чем вся остальная, подлежащая истолкованию часть мира.¹

Впрочем, еще до появления абстрактной живописи и поп-арта взгляд на произведение искусства как на совершенно особый продукт природы был предложен А. фон Веберном в его лекциях о современной музыке. В свое время Гете, описывая яркие образцы древнегреческого искусства, называл их произведениями природы, созданными в соответствии с «истинными и естественными» законами. В эстетике Гете категория прекрасного служит манифестацией природных закономерностей, которые без ее помощи рисковали бы остаться нераскрытыми. Разделяя подобный взгляд на вещи, А. фон Веберн писал, что художники – это «лишь выразители того, что общая природа желает выразить вовне».² При этом функцию истолкования смысла искусства он возлагал на критику, призванную переводить «содержание произведения искусства с языка переживаний на нормальный язык». Как говорил также Ю. Хабермас, критика помогает высвободить новаторский коммуникативный потенциал искусства.³

По мнению Г. Зельдмайра, применительно к каждому произведению искусства может существовать только одна истинная версия его интерпретации. Однако то обстоятельство, что каждому произведению искусства присуще конкретное содержание, еще не предопределяет вывода о том, что ему принадлежит также конкретный смысл. Ныне весьма популярным

¹ Слотердаик П. Критика цинического разума. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. – С. 348.

² Feyerabend P. Conquest of Abundance. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 2001. – P. 225.

³ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. – М.: Весь мир, 2003. – С. 416.

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

является взгляд, согласно которому искусство позволяет нам думать о прекрасном без принятия каких-либо априорных концепций.¹ Уже в XIX веке художники были заинтересованы в своих работах как «сущностях в себе» в большей степени, чем в воспроизведении внешних объектов.² В наши дни представление о том, что «мы не можем определить искусство в терминах того, как вещи выглядят»³ считается общепринятым. Как полагали итальянские футуристы, сам по себе предмет ничего не значит, все скрывается в манере его трактовки.

Наличие у произведения искусства конкретного автора не делает его полностью персонифицированным. Содержание искусства проявляется с помощью личности художника, извлекающего смысл из природы вещей, которая сама по себе не является однозначной. Придать произведению искусства форму – означает обеспечить ему определенный имидж, точку ориентации в социальном пространстве. Однако и после этого реакцию публики на произведение искусства предсказать невозможно. Даже функции искусства мы можем сформулировать лишь приблизительно.

Если, например, О. Редон был убежден в том, что всякая живопись подчинена логике видимого, находящегося на службе у невидимого, то у Р. Коллингвуда искусство – это мощное лекарство от худших заболеваний разума и «коррупции сознания» в целом.⁴

В эстетической теории Э. Рэнд искусство позволяет воспринимать важные абстракции, общую концепцию реальности

¹McMahon M. Beauty: Machinic Repetition in the Age of Art // A Shock to Thought. – London: Routledge, 2002. – P. 7.

²Dissanayake E. What Is Art For? – Seattle and London, University of Washington Press, 2002. – P. 40.

³Danto A. Philosophizing Art. – USA: University of California Press, 1999. – P. 8.

⁴Collingwood R. The Principles of Art. – USA: Oxford University Press, 1958. – P. 336.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

и фундаментальные ценности в форме художественных произведений. То есть, оно действует как культурная модель, инструмент души и посредник в коммуникации индивида с моральным идеалом одновременно.¹ Э. Рэнд видит в искусстве форму объективации ценностей, способ избирательного воспроизведения реальности в соответствии с фундаментальными критическими установками художника.²

В эстетике С. Вейль искусством может быть лишь то, что способно сделать видимым человеческое продвижение к абсолюту, помогает раскрыть мужество веры и силу милосердия индивида, способствует защите святости и спасению души.³ Искусство высших разрядов является у нее религиозным по своей сути⁴ и «представляет собой попытку передать в ограниченном объеме материала, обработанного человеком, образ безграничной красоты универсума».⁵ В красоте же универсума всегда присутствует Бог.

В эстетической теории А. Данто воображение художника способно видеть то, что еще не воплотилось в реальном измерении времени и пространства. Поэтому созерцание «иного» представляет собой главный источник и оправдание любого произведения искусства. По мнению А. Данто, искусство – это «авантюжное путешествие в неизвестный мир, которое может быть предпринято только теми, кто хочет рисковать».⁶ «Чем

¹Torres L., Komhi M. What Art Is: The Esthetic Theory of Ayn Rand. – USA: Open Court, 2000. – P. 30.

²Torres L., Komhi M. What Art Is: The Esthetic Theory of Ayn Rand. – USA: Open Court, 2000. – P. 14, 26, 28, 50, 52, 108.

³The Simon Weil Reader. – London: Moyer Bell, 1999. – P. 267.

⁴По мнению Ф.Маринетти, «искусство с большой буквы означает клерикализм в сфере творческого духа» (Marinetti F. Destruction of Syntax-Imagination Without Strings – Words-in-Freedom 1913 // Futurist Manifestos. – Boston: MFA Publications, 1973. – P. 104).

⁵The Simon Weil Reader. – London: Moyer Bell, 1999. – P. 379, 477, 482.

⁶Danto A. Philosophizing Art. – USA: University of California Press, 1999. – P. 20.

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

пристальнее всматриваешься, тем больше воспринимаешь искусство XX века как исследование на грани хаоса», – пишет Р. Ленем.¹ Современный художник стремится рассказать публике о том, что не является очевидным. Для достижения данной цели он *играет* с формой и материалом, не имея какого-либо готового проекта. В подобной игре искусство реализует «тенденцию становиться эквивалентом чудесного, целью в себе самом».²

По убеждению Э. Диссоньяк, искусство воплощает в себе синтетическую альтернативу жизни, источник возбуждения, отсутствующий в нормальном опыте, особую возможность заявить о себе.³ Свободное искусство воспитывает и тренирует человеческое воображение, оно готовит его к восприятию реальности, обучает находить ответы на вопросы и вызовы, с которыми индивид ранее не встречался.

По единодушному мнению Д. Дьюи, Э. Кассирера и Г. Рида, искусство обладает способностью предоставлять людям такое ощущение смысла, значительности и интенсивности жизни, которых невозможно достичь любыми иными способами. Тому, кто действительно умеет слушать и понимать музыку, открывается лучшая сторона мира, говорил П. Слотердаик. Это, в свою очередь, говорит о том, что искусство воплощает в себе телепатический способ передачи энергии «из ничего», дерзкую попытку освоения «иных миров».⁴ При этом искусство не конкурирует с природой, не замещает и не корректирует ее. Оно выступает как чистое умозрение, предназначенное для выполнения

¹ Ленем Р. Электронне слово: демократія, технологія та мистецтво. – Київ: Ніка-Центр, 2005. – С. 317.

² Bell J. What Is Painting? – N. Y.: Thames and Hudson, 1999. – P. 174.

³ Dissanayake E. What Is Art For? – Seattle and London: University of Washington Press, 2002. – P. 70.

⁴ Полак Ф. Образ будущего // Впереди XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи. – М.: Academia, 2000. – С. 210.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

символической работы, которую невозможно осуществить другими способами.¹

Стать собой искусство смогло лишь в результате длительной эволюции. Весьма вероятно, что первый художник был ремесленником, живущим повторениями.² По мнению Д. Фаулза, целью первобытного художника было визуальное отражение мира. Следующим его шагом стало выражение *собственного мнения* о мире. Шедевр, говорил В. Гомбрович, – это произведение человека, который прежде надежно освоился в золотоносном руднике. Поэтому вначале искусством называли умение, ловкость и профессионализм мастерового человека. Затем данное понятие использовалось для общего наименования *игры навыков*. Современному же искусству поручено решать задачу «чистого самовыражения».

До прихода европейского Ренессанса целью искусства считалось создание картины мира в виде набора элементарных сведений о нем. Отображение же внутренних переживаний индивида стало целью искусства лишь в XX веке. Закономерно, что потребность в предметном искусстве в этот период существенно сократилась. Именно тогда возникли абстракционизм, футуризм, атональная музыка и дадаизм. На глазах одного поколения искусство сумело превратиться из зеркала природы в средство передачи информации, доступной лишь избранным. Однако новое искусство оставалось «объективным», поскольку «объективными» оставались гармония и красота. Его стратегическая цель по-прежнему заключалась в том,

¹Как считает Р. Ленем, искусство «обеспечивает нам сложный набор нейронных связей, которые создают возможность мышления высшего порядка. За этим стоит не столько непосредственно моральный выбор, сколько нейронная структура, которая необходима для того, чтобы такой выбор осуществился – гуманистические обучающие конструкции» (Ленем Р. Электронное слово: демократия, технология та мистецтво. – Київ: Ніка-Центр, 2005. – С. 323).

²Бергсон А. Творческая эволюция. – М.: ТЕРРА, 2001. – С. 76.

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

чтобы сделать видимой глубокую красоту мира. Сегодня искусство сумело стать *средством* достижения данной цели даже в большей степени, чем ее воплощением.¹

Как и наука, искусство выступает одной из форм символической реальности. Но если наука *считается* с принципом символического многообразия, то искусство *воплощает* его в себе. Современная наука транслирует знание, являющееся лишь частично индивидуальным, искусство же является индивидуальным «абсолютно». Если бы новая физика не была открыта И. Ньютоном, ее все равно открыл бы кто-нибудь другой. История науки пестрит примерами параллельных открытий. Напротив, «Хорошо темперированный клавир» является исключительным произведением И. С. Баха, равно как и «Мальчик с трубкой» – уникальным произведением П. Пикассо.

Вместе с тем, всякое великое произведение искусства – это не только результат творческого самовыражения индивида. И это доказывается наличием у мировых шедевров многомиллионной аудитории. Существует и обратная связь. «Быть человеком, – писал А. Данто, – значит иметь имманентный интерес к искусству даже независимо от личной вовлеченности в него. Точно так же люди имеют право на здоровый образ жизни, даже если в качестве физических существ они пренебрегают собственным благополучием тысячами способов».² Все великие произведения искусства, говорил Д. Фаулз, представляют собой, в известном смысле, *мирские иконы*. По этой причине «объективный» взгляд на искусство можно уподобить таинству причастия. По мнению В. Шкловского, канонизация периферийных форм вообще является одним из наиболее характерных признаков искусства. На данное обстоятельство обращала внимание также С. Зонтаг.³

¹Danto A. *Philosophizing Art*. – USA: University of California Press, 1999. – P. 59.

²Danto A. *Philosophizing Art*. – USA: University of California Press, 1999. – P. 255.

³Зонтаг С. Про фотографию. – Київ: Основи, 2002. – С. 189.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Таким образом, искусство обладает универсальной способностью по-новому позиционировать вещи. Любой предмет за пределами искусства представляет собой лишь сколок природы, ее случайный фрагмент. Однако искусство позволяет увидеть его в совершенно ином свете. И это происходит потому, что материя и дух меняются в искусстве местами. Как однажды метко заметил П. Гоген, у живописи для выражения души есть только тело.

С одной стороны, писал Э. Кассирер, задача искусства заключается в том, чтобы раскрыть главный признак предмета, показать его суть, выявить примечательное свойство, увидеть с особой точки зрения. С другой стороны, любое искусство остается по своей природе «материальным». Это означает, что искусство не может предстать перед нами в виде *чистой идеи*. Произведение искусства – это всегда объем, цвет, звук, траектория. Но при этом мы не можем определить искусство в терминах того, как вещи выглядят! Говоря иными словами, искусство пытается дать сущностный ответ на вопрос: *что такое кошка?*¹

Даже если фактура произведения непосредственно свидетельствует о его «беспредметности», искусство убеждает нас в реальном существовании того, чего «нет на самом деле». Всякое искусство совершенно бесполезно, считал О. Уайльд. Данное выражение можно истолковать таким образом, что искусство совершенно не нуждается в каком-либо практическом оправдании или обосновании. Когда люди покупают произведение искусства, они платят только за дух, который оно в себе содержит.²

По мнению Т. Адорно, искусство предоставляет кредит практике, которая еще не возникла и о которой нельзя

¹ Danto A. *Philosophizing Art*. – USA: University of California Press, 1999. – P. 8.

² Dissanayake E. *What Is Art For?* – Seattle and London: University of Washington Press, 2002. – P. 168.

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

утверждать заранее, что она оплатит вексель. Обвинения, граничащие с доношением, и предвосхищение будущего чередуются в искусстве в причудливом, синкопическом ритме.¹ При этом любое искусство остается непосредственно связанным с личностью человека. Можно сказать, что в искусстве не существует более искусного инструмента для выражения его содержания, чем творческий индивид.

Пытаясь определить сущность искусства, Б. Кроче использовал перечень негативных утверждений: искусство – это не физический факт; искусству не присущи черты утилитарного действия; искусство не тождественно моральному поступку; искусство не является формой интеллектуального познания.² Но при этом любое искусство остается формой личного самоутверждения. Искусство всегда эксцентрично, а хорошее искусство, говорил Т. Уильямс, это и вовсе нескромность. Недаром моралисты периодически осуждают оказываемое искусством на людей влияние.³

Согласно классической схеме, искусство предполагает трансформацию идей в образы с последующей материализацией образов в физические объекты. По мнению Х. Арендт, овеществление, с помощью которого художественное произведение «прилаживается» к лежащему в его основе содержанию, можно сравнить с метаморфозой, в результате которой все сгоревшее в творческом пламени... не становится золой. Смысл овеществления, которое имеет место в искусстве, заключается в реакции творца на поразившую его сознание идею. При этом силой, реализующей данную идею, становится труд мастера, умеющего своим талантом создавать «другие вещи» мира.⁴

¹ Адорно Т. Эстетическая теория. – М.: Республика, 2001. – С. 125.

² Кроче Б. Антология сочинений по философии. – СПб.: Пневма, 1999. – С. 399-401.

³ Santayana G. The Sense of Beauty. – N. Y.: Dover Publications, 1955. – P. 134.

⁴ Арендт Х. Vita Activa или о деятельной жизни. – СПб.: Алетейа, 2000. – С. 219.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Говоря иными словами, искусство представляет собой вид предметной деятельности по воспроизведению усвоенного творческим индивидом символического содержания. В этом смысле искусство частично напоминает науку. Но если наука повествует о мире с помощью *общих* идей и *объективных* физических законов, то искусство говорит с нами на языке *конкретных* идей и *субъективных* художественных произведений. В любом случае искусство является продуктом высоко развитого человеческого интеллекта. Как проявление инстинктивного и бессознательного начала искусство представляет собой лишь частный случай. В то же время, развитие искусства – это не просто эволюция рационального в своей основе творческого сюжета. Искусство как *форма социального разрешения проблем бессознательного* – вот наиболее правильный и полный ответ.¹ Причудливое переплетение социального опыта с индивидуально придуманной (вымышленной) фабулой образует сущность множества художественных произведений.

Профессиональное занятие искусством – это далеко не логическая, хотя и рефлексивная работа. Сущность настоящего искусства, считал Б. Кроче, проявляется в его способности выступать «чистой спонтанной фантазийной формой». Говоря иными словами, искусство парадоксальным образом воплощает в себе смысл того, что оно имплицитно отрицает и от чего отъединяет себя. Как творческое действие, искусство воплощает в себе акт симультанной материализации спонтанного желания и рационального умонастроения. В известной степени, искусство обладает способностью воспитывать и обучать, создавая модели для подражания. Однако в этом проявляются лишь его *факультативные* качества и свойства.² Подобно

¹ Выготский Л. Психология искусства. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 120.

² Любой дидактизм претит искусству. Как однажды заметил С. Лифарь, «о красоте не думали – думали о пользе и об учительстве, – и красота ушла из искусства и жизни. Тенденция душила красоту и душила искусство» (Лифарь С. Дягилев: Монография. – СПб.: Композитор, 1993. – С. 69).

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

тому, как рынок функционирует «по ту сторону добра и зла», искусство существует «по ту сторону красоты и безобразия» (Ж. Бодрийар).

Сколько разочарования, писал В. Гомбрович, принесли с собой университеты, пытавшиеся убедить студентов в том, что к искусству можно подойти с научной точки зрения! Попытки навязать искусству прагматическую функцию привели в СССР к разделению искусства на «официальное» и «неофициальное». Между тем, как говорил еще М. Дворжак, история признает значимость лишь за теми художественными произведениями, в которых отразились *«взаимоотношения человеческой души с Богом»*.¹ Тела художественных произведений, писал Г. Зельдмайр, предстают перед нами в виде камня, дерева, холста или разрисованной бумаги. То есть, они располагаются рядом с нами как обычные физические объекты. Однако их присутствие в качестве *произведений искусства* может быть обнаружено лишь в человеческом сознании.

С внешней стороны иногда кажется, что занятие искусством представляет собой разновидность открытой и доступной для всех трудовой деятельности. Однако на самом деле создание произведений искусства не является таковым.² Даже фотографическое искусство необходимо признать сведущим в откровениях, даже оно воплощает в себе элитарную миссию нарушителя традиций.³ Хотя любое искусство рассчитывает на одобрение и понимание, лучшие художественные произведения не программируются вкусами или рациональными ожиданиями публики.

Как известно, Балтуса и П. Пикассо объединяло характерное для каждого из них нежелание подстраиваться под интересы

¹ См.: Зельдмайр Г. Искусство и истина: Теория и метод истории искусства. – СПб.: АХИОМА, 2000. – С. 132.

² Бродский И. Поклониться тени. – СПб.: Азбука, 2001. – С. 135.

³ Зонтаг С. Про фотографию. – Київ: Основи, 2002. – С. 93.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

меценатов и публики. В большинстве случаев они сами определяли художественные вкусы и предпочтения своего времени. Однако подобная творческая независимость возникла не сразу. Принято считать, что лишь в эпоху модерна меценаты и среднее сословие перестали полностью контролировать символический рынок.¹

Ярко выраженный аристократизм искусства XX века привел к тому, что даже в условиях войны разрушение художественных произведений считалось варварством. Хотя произведения искусства не являются предметами первой необходимости, многие люди жертвовали ради них своим комфортом и благополучием. Примечательно, что изможденный внешний вид считался в начале XX века одним из характерных признаков имиджа гения.² По мнению Л. Толстого, настоящее искусство является утонченным и рафинированным, ибо оно требует более высоких проявлений человеческого духа, чем даже философская мысль. Известно, что синергетический эффект соединения разных идей в одном художественном произведении он считал главным творческим достижением писателя.

Ю. Шерех говорил, что поэтическое искусство необходимо человеку не меньше, чем луна и звезды. При этом он сравнивал поэзию с мыслью, летящей к цели на сверхвысоких скоростях. Людей, лишенных дара поэтического воображения, он считал современными дикарями. Искусство в эстетике Ю. Шереха – это сколок вечности, трансцендентальный объект, с помощью которого человек преодолевает давление повседневности.³ Проникая в сознание индивида, искусство начинает конкурировать с его биологическими инстинктами. Побуждая людей отказываться от примитивных объяснений действительности,

¹ Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. – N.Y.: Basic Books, 1997. – P. 39.

² Лангер С. Философия в новом ключе: Исследование символики разума, ритуала и искусства. – М.: Республика, 2000. – С. 37-38.

³ Шерех Ю. Пороги і запоріжжя. Т. 1. – Харків: Фоліо, 1998. – С. 259.

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

искусство делает их жизнь цивилизованной. В своем постепенном развитии искусство сумело возвысить элементарное чувство ориентирования субъекта на местности до уровня понимания им глубинных основ бытия.

Как продукт индивидуального творчества, искусство всегда апеллирует к личности. И хотя искусство способно воздействовать также на сознание масс, его главный эффект достигается в результате *персонифицированного* культурного искушения, соблазна. Поэтому даже принадлежащие к одному художественному стилю и направлению произведения искусства воспринимается обычно по-разному. «Если не существует такой вещи, как невыразимое чувство, – считал Р. Коллингвуд, – то не существует и способа выразить одну эмоцию двумя различными способами».¹

Разумеется, функции искусства являются более рациональными, чем его образы. Главное предназначение искусства, писал М. Шлемкевич, напоминает дверное отверстие для ключа, через которое «порядочный человек» заглядывает в комнату, наполненную недоступной для него роскошью и преступлениями.² Вместе с тем, искусство служит одним из гарантов суверенного и реалистического сознания, оно действует на нейтральной территории между религией и наукой. Искусство апеллирует к эмоциональному опыту индивида и никогда не умаляет эмпирическое начало так, как это способна сделать наука.³

Несмотря на все усилия искусствоведов, искусство плохо поддается универсальной интерпретации, продолжая обращаться к каждому из своих почитателей по отдельности. Как

¹Collingwood R. The Principles of Art. – USA: Oxford University Press, 1958. – P. 27.

²Шлемкевич М. Загублена українська людина. – Нью-Йорк: 1954. – С. 75.

³Слотердаjk П. Критика цинического разума. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. – С. 208-209.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

товар, искусство не опровергает принципа утилитарной полезности, однако это такой товар, которому присуща... «красота порока». Как однажды заметила по этому поводу Дж. Белл, «до тех пор, пока изображения будут иметь силу, будут существовать и моральные возражения против них».¹

Искусство нуждается в поддержке и покровительстве меценатов, однако ему претит любой духовный патернализм. Поэтому государственные протекционистские меры в отношении искусства могут дать позитивный эффект лишь при условии, что правительства навсегда откажутся посягать на лежащую в основе искусства творческую свободу. Подлинное искусство, писал В. Гомбрович, аристократично, как чистокровный князь. Оно отрицает равенство и обожествляет возвышение. Однако аристократизм искусства редко является предпосылкой высокого социального статуса или престижа. Гораздо чаще он проявляется в способности распознавать нюансы – трудноуловимые оттенки значения и смысла. Принято считать, что аристократизм творчества А. Модильяни или Тулуз-Лотрека адекватно передает уже сама тональность их палитры.

Аристократизм искусства автоматически ограничивает возможность его утилитарного применения. Иногда становится душно от студентов, которые хорошо знают лишь то, что им вбили в голову, писал в своем «Дневнике» В. Гомбрович. Обыватель готов «зубрить» и учиться, но при этом он умирает от страха, как бы его не надули. Научить искусству трудно, ибо оно служит для передачи слишком тонких, с точки зрения возможностей формального образования, истин. Овладеть искусством по-настоящему можно лишь при наличии врожденных способностей.

Различие между творцом и подражателем (копиистом) проходит по линии особенностей художественного восприятия. По мнению В. Беньямина, в отличие от художника, «позиция сноба

¹ Bell J. What Is Painting? – N. Y.: Thames and Hudson, 1999. – P. 16.

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

является не чем иным, как последовательным, организованным, закаленным рассмотрением бытия с химически чистой точки зрения потребителя». ¹ Искусство, подчеркивал Д. Фаулз, – это стенография знания, колоссальное сжатие галактик мыслей, фактов, воспоминаний, эмоций, событий и переживаний до десяти строчек «Макбета», шести тактов Баха, квадратного фута на полотне Рембрандта. ² Очевидно, что подобная способность превышает возможности обычного интеллекта.

Все великие ученые являются в некоторой степени художниками, равно как и все выдающиеся художники напоминают ученых. Возможно, данное явление объясняется тем, что *все* творцы обладают умением приблизиться на *короткое* расстояние к истине. Что же касается восприятия классического инструментария искусства, то он, как и словарь языка А. Пушкина, доступен каждому. Из смешения основных цветов возникли полотна К. Малевича, из гениальной композиции нот – фортепианные концерты Моцарта. В свою очередь, двоичная система исчисления блестяще справляется с копированием произведений искусства в файлы. Парадокс же заключается в том, что доступность букваря (элементарного словаря) искусства не делает его произведения общедоступными.

Завершая рассмотрение вопроса о внутреннем содержании или структуре искусства, можно высказать предположение о том, что *символические интерпретации реальности, которые совершает искусство вместе с обратными (реверсными) интерпретациями искусства, которые совершает публика, образуют полное символическое содержание художественного произведения (артефакта).*

Хотя искусство и его воздействие на человеческое сознание невозможно оценить с помощью математических методов,

¹Беньямин В. Маски времени. Эссе о культуре ¹ и литературе. – СПб.: Симпозиум, 2004. – С. 255.

²Фаулз Д. Аристос. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – С. 290.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

стоящие перед искусством задачи нуждаются в решении в той же степени, что и задачи науки. Разница состоит лишь в том, что задачи науки подлежат «объективному» решению, в то время как проблемы искусства решаются «субъективно». При этом творческая деятельность художника и ученого носит в равной степени *минималистский* характер. В большинстве случаев она состоит в эффективном посредничестве между проблемой и ее решением, которое потенциально уже содержится в материале.

Что касается великих произведений искусства, то они обладают способностью не только «решать проблемы», но и формировать национальные мифы и ценности – глобальные смыслы.¹ Как писал по этому поводу Э. Левинас, «искусство – это не блаженное блуждание человека, задумавшего сотворить прекрасное. Культура и художественное творчество суть часть онтологического строя. Они по преимуществу онтологичны – благодаря им возможно постижение бытия».²

В свое время И. Кант непосредственно связывал гениальность человека с его способностью воспринимать эстетические идеи. Нечто в этом же роде сегодня утверждает Ж. Делез. Внешне все выглядит так, писал он, как если бы эстетическая идея отрицала идею рациональности. Ведь обычно мы полагаем, что у рациональной идеи не может быть адекватного созерцания, равно как и у эстетической идеи – адекватного понятия. Однако на самом деле идея разума непосредственно примыкает к эстетической идее. Если идея разума несет в себе нечто *невыразимое*, то эстетическая идея предполагает созерцание природы, которое *выходит за рамки*

¹ Lipset S. Historical Traditions and National Characteristics: A Comparative Analysis of Canada and the United States // Canadian Journal of Sociology. Vol. II. # 2(1985). – P. 113-155.

² Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. – С. 139.

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

очевидности.¹

По мнению Э. Кассирера, любое искусство представляет собой символический язык, что определяет его род, но не видовое отличие. Подобно тому, как бинокулярное зрение формирует человеческое представление о трехмерном пространстве, глубина нашего опыта определяется избранной точкой зрения на реальность. В этом смысле эстетическая способность к восприятию форм является не менее важной, чем способность к выяснению любой рациональной причины. Хотя в опыте человек воспринимает явления согласно своим представлениям о причинности (целесообразности), искусство учит *представлять* (воображать), а не только логически связывать вещи. Оно предоставляет в распоряжение индивидуума образы, которые позволяют глубоко проникать в структуру реальности.² Именно поэтому *значимая форма* воплощает в себе главное качество произведений искусства. Хотя вопрос о том, почему человека волнуют пропорции и формы, все еще остается открытым, более важным для нас является то, что индивид обычно доверяет своим эмоциональным впечатлениям.

У своих истоков искусство служило одним из способов переживания человеком приятных ощущений. Современное искусство служит более широким целям, однако ни важность темы художественного произведения, ни точность изображения, ни фантазии, пробуждаемые его восприятием у аудитории, сами по себе еще не делают произведение искусства значительным. Как и в прежние времена, его успех зависит от неуловимой артикуляции чувственно воспринимаемых форм, которую С. Лангер называла «мелодией» данного произведения.

Мир художественной фантазии – это глубоко субъективный мир, однако в нем проявляется не случайная, а *необходимая*

¹ Делез Ж. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. – М.: ПЕРСЭ, 2000. – С. 69.

² Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. – М.: Гардарика, 1998. – С. 641.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

субъективность. Как писал по этому поводу Э. Кассирер, «идея выступает в образе искусства и в органическом образе природы в чистой *зримости*; под влиянием двух этих свидетельств ее воздействия <...> человек впервые обретает предчувствие собственной природы, в которой созерцание и понятие, форма и предмет, идеальное и реальное исконно одно и то же».¹

Если копирование природы являлось главной целью первобытного искусства, то ныне творческое воображение проявляет себя как деформирующий природное окружение фактор. Говоря иными словами, вместо того чтобы «фотографировать» вещи, художник сознательно «искажает» их. Старый принцип «искусство – обезьяна природы» сегодня можно обнаружить лишь в музее эстетики. Даже если Д. Сантаяна прав, и главной функцией искусства является развлечение, нельзя не признать, что иногда оно достигается весьма изощренными способами.

Если объектом романов Ф. Кафки и живописных полотен Эль Греко являются переживания индивида на пороге смерти, то их творчество развлекает нас весьма специфическим образом. Как заметил Т. Уильямс, в жизни бывают знаки чего-то, что лежит за пределами плоти и смертности. Кажется, что подобные озарения нисходят на многих во время молитвы, но их точно так же можно обнаружить в работе людей искусства. В свое время Э. Кассирер видел главное предназначение искусства в его способности к «интенсификации жизни». В пользу подобного вывода свидетельствует также реальный драматизм судеб многих выдающихся художников.

Движение, пробегающее по контурам жизни и этим придающее ей смысл – вот что стремится изобразить художник, проникший с помощью художественной симметрии внутрь предмета, преодолевший усилием творческой интуиции барьер, который природа воздвигла между ним и моделью, писал

¹Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. – М.: Гардарика, 1998. – С. 349-350.

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

А. Бергсон. Именно в этом смысле целью искусства является само искусство. То есть, творческое произведение – это не средство для украшения ума, а сам ум, выступающий в роли умелого и изощренного в своем ремесле конструктора. Говоря иными словами, в искусстве абстрактная возможность становится предметной необходимостью, а ум, как форма эстетической неопределенности, обретает качество достоверности. Искусство – это переход от неопределенности к определенности, в нем реализуется сама квинтэссенция жизни, хотя внешне все выглядит так, как если бы искусство об этом «знать ничего не знало».¹

По мнению Л. Выготского, искусство относится к жизни как вино к винограду. Это означает, что оно берет свой материал непосредственно из жизни, но затем прибавляет к нему нечто такое, чего в первичных свойствах материала не содержится. Косвенно это свидетельствует также о том, что в искусстве реализуется та сторона психики человека, которая не находит себе применения в повседневной действительности. То есть, искусство дополняет жизнь, постоянно расширяя ее возможности. Иногда оно действует как разряд нервной энергии, способ уравнивания человеческого организма с внешней средой в момент их критического состояния.²

Каждый творец, писала Х. Арндт, – это не просто увеличительное стекло или слуховой аппарат. Диалектика его отношений с реальностью намного сложнее. Не афишируя в художественном произведении себя, художник все-таки показывает в нем нечто, лишь одному ему доступное и понятное. Поэтому в искусстве важна не столько тема, сколько способ видения, точка референции, ракурс. Публику интересуют не ирисы, а их восприятие конкретным художником. В искусстве, говорила

¹Бланшо М. Пространство литературы. – М.: Логос, 2002. – С. 84-85.

²Выготский Л. Психология искусства. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 332, 334, 338-339.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Х. Арндт, вообще не важно *видимое*, его символическая значимость выходит за пределы внешней формы и содержания. Но если мы соглашаемся с этим, то ныне существующее, а также будущее право интеллектуальной свободы должно предохранять общество от попыток вульгарной «объективизации» искусства. Из этого также следует, что в искусстве утрачивают смысл любые разрешения и запреты.

Что касается структуры непосредственно художественного произведения, то ее образуют фантазии, возникающие из первоначально «рассыпанных» элементов реальности (Т. Адорно). Фантазии, в свою очередь, формируют особые художественные конфигурации – *шифры*. Зашифрованное сообщение обычно не воспринимается публикой как реальное. Искусство не показывает мир наподобие фотографии, а дает его условную карту, которую можно анализировать с эстетической точки зрения. Иногда художник прилагает к данной карте стратегический план (стратагему), помогающую его аудитории отыскать на карте важнейшие вещи.¹

Кроме того, любое произведение искусства – это продукт, который невозможно воспроизвести на программной основе. Если отдельные научные выводы может сформулировать и компьютер, то подлинное произведение искусства компьютер создать не в состоянии. Если искусство чему-либо и учит (в том числе и художника), говорил И. Бродский, то это автономности, приватности и уединенности человеческой души. Будучи древнейшей разновидностью частного предпринимательства, искусство стимулирует в человеке чувство обособленности. Оно всячески способствует его превращению из общественного животного в личность.²

Глубоко сознавая неповторимость каждого из произведений

¹Витаньи И. Общество, культура, социология. – М.: Прогресс, 1984. – С. 268.

²Бродский И. Поклониться тени. – СПб.: Азбука, 2001. – С. 299.

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

искусства, Аллен пришел в свое время к выводу о том, что искусство стремится на самом деле выразить лишь самое себя. По этой причине, как он считал, искусство не может быть переведено на любой иной, в том числе научный язык. Более того, любая картина или скульптура, которая пытается что-либо *объяснить*, тут же становится двусмысленной. В самом деле, изложить словами «Симфонию № 6» Г. Малера невозможно. Как заметил однажды Р. Коллингвуд, «английский язык выражает лишь английские эмоции, говоря по-французски, вы принимаете эмоции француза».¹

Д. Поллак мог написать экстаз, которого не выразить словами, а Ван Гог – передать момент красоты столь же неопишущей, как и «уход в сумасшествие» (Т. Уильямс).² Сколько бы не изощрались художники разных стилей и направлений в абстракции, искусство остается наполненным символизмом конкретного. Всюду оно требует от художника подчинения диктату собственного *его*.³ С другой стороны, любой вид искусства укладывается в рамки определенного стиля и направления. По словам А. Хофстадтера, стиль – это экспрессивная артикуляция, всепроникающее «настаивание на своем» разума, взятого в конкретном историческом модусе.⁴ Говоря иными словами, стиль – это результат серии выборов, совершенных в рамках определенного исторического набора ограничений.⁵

Хотя стиль Людовика XV продолжает собой стиль Людовика XIV, а стиль Людовика XVI – стиль Людовика XV, каждый из них отличается от любого другого стиля. Художник,

¹Collingwood R. The Principles of Art. – USA: Oxford University Press, 1958. – P. 245.

²Уильямс Т. Мемуары. – М.: Олма-Пресс, 2001. – С. 335.

³Мілош Ч. Придорожній песик. – Львів.: Літопис, 2001. – С. 20.

⁴Hofstadter A. Interpretation of Two Works of Art // The Concept of Style. – Ithaca and London: Cornell University Press, 1987. – P. 121.

⁵Meyer L. Toward a Theory of Style // The Concept of Style. – Ithaca and London: Cornell University Press, 1987. – P. 21.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

стремящийся создать свой собственный стиль, вынужден повторить в нем нечто из того, что уже утвердилось в предшествующем художественном языке и традиции. Одновременно каждый новый стиль привносит в искусство то, о чем публике ранее не было известно. Если нахождение предмета за рамками стиля, писал Р. Коллингвуд, означает варварство, то стиль без предмета – это дилетантизм. И только настоящее искусство способно соединить их вместе.¹

Как информационное сообщение, любое произведение искусства делится на *тему* и *рему*. Рема – это квинтэссенция новизны, заложенной в произведение искусства, тема же воплощает в себе уже частично знакомый публике художественный массив. Неповторимым произведение искусства делает рема, однако вписывает его в культурный контекст – тема. Таким образом, отнесение произведения искусства к определенному стилю объясняется тем, что его внутренняя и внешняя конфигурация должны определенным образом сочетаться с условиями, позволяющими произведению искусства быть распознаваемым и понятным.

Важная черта искусства заключается также в том, что любой репрезентируемый им объект кажется *особенно* впечатляющим. Как писал по этому поводу В. Гомбрович, изображенный на картине ландшафт нам ближе, чем реальный ландшафт, потому что прежде он был пропущен сквозь призму восприятия художника. «Поле после дождя в окрестностях Овера»² действует на зрителей сильнее, чем реальное пшеничное поле. И это только лишний раз подтверждает, что «всякое произведение искусства есть мысль, «идея»; его свойства – чисто духовные в той степени, в какой оно есть не что иное, как

¹Collingwood R. The Principles of Art. – USA: Oxford University Press, 1958. – P. 299.

²Полотно Ван Гога 1890 г., находится в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве.

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

значение».¹ В то же время, стандартный теоретический анализ способен обнаружить в произведении искусства целую пирамиду (иерархию) смыслов. Ее первый уровень охватывается понятием рефлексии, второй – образует индивидуальный характер произведения, третий – формируется в восприятии данного произведения аудиторией и т. д.

Сам по себе творческий акт – это всего лишь один, к тому же неполный момент в жизни произведения искусства. Как известно, литературное творчество предусматривает чтение в качестве своего необходимого коррелята. Поэтому лишь в соединении усилий писателя и читателя, говорил Ж.-П. Сартр, достигается полный эффект литературного произведения.² В то же время, любое произведение искусства представляет собой *факт, а не комментарий к факту*. Художник не обязан ничего истолковывать, разъяснять, систематизировать или доказывать. Достаточно того, что он утверждает: это причиняет мне боль, а это меня захватывает; это я люблю, а это я ненавижу; к этому я стремлюсь, а это – отвергаю. В отличие от науки, голос искусства – это всегда голос предоставленного самому себе человека. Для искусства важна не идея, а личность. Искусство реализует себя не в царстве понятий, а в сфере живых человеческих отношений.³

Частичное объяснение феномена искусства содержится также в «смутности» его сюжетов. Как подчеркивает П. Клодель, всякое художественное произведение, как и произведение природы, обусловлено определенной внутренней необходимостью, которую художник ощущает более или менее ясно. В то же время, объяснить чисто логически воздействие художественного произведения на мир затруднительно. Именно

¹ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. – М.: Республика, 2000. – С. 580.

² Сартр Ж.-П. Что такое литература? – СПб.: Алетейя, 2000. – С. 43.

³ Гомбрович В. Щоденник. Т. 1. – Київ: Основи, 1999. – С. 153.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

поэтому художник заботится о форме больше, чем о содержании. Как писал об этой удивительной закономерности Ф. Ницше, «художник имеет более слабую нравственность в отношении познания истины, чем мыслитель: он отнюдь не хочет лишиться права на блестящие, глубокомысленные истолкования жизни и борется против трезвых, простых методов и выводов. Внешне он ратует за высшее достоинство и значение человека; в действительности же он не намерен отказаться от условий, при которых его искусство может производить *наибольшее впечатление*, – т. е. от всего фантастического, мифического, неверного, крайнего, от влечения к символам, от переоценки личности и веры в какую-то чудесную природу гения; он, следовательно, считает сохранение своей манеры творчества более важным, чем научная преданность истинному во всякой, хотя бы и в самой неприятной, его форме».¹

Поскольку дидактизм и морализирование уничтожают производимый искусством эффект, искусство и этика всегда отделены друг от друга незримым барьером. Включение в текст басни нравоучительной формулы разрушает ее поэтическое обаяние. И это еще раз свидетельствует о том, что законы искусства не совпадают с моральными, научными и философскими законами. Возможно, что именно по этой причине насилие в искусстве не побуждает к реальному применению насилия и т. п. Как писал об этой закономерности Р. Коллингвуд, не существует каких-либо доказательств того, что криминальные истории являются любимым чтением уголовных преступников.²

Реальные отношения искусства с действительностью являются сложными, ибо искусство наделяет особым подтекстом любые жизненные сюжеты. Чем дальше, тем больше

¹ Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль: 1990. – С. 324-325.

² Collingwood R. The Principles of Art. – USA: Oxford University Press, 1958. – P. 86.

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

интеллектуальная свобода живет в искусстве, и мы не можем допустить – единственное, чего мы никогда не должны допустить, – чтобы нам извне навязывали художественные методы и цели, говорил Д. Фаулз.¹ Не вызывает сомнения и факт, что «ангажированное» искусство не является полноценным искусством. Как заметил по этому поводу Ж.-П. Сартр, невозможно написать хороший роман во славу антисемитизма.

Главной задачей искусства всегда было и остается не судить, а верно изобразить. При этом объектом изображения в искусстве может быть что угодно. Успех искусства предполагает интеллектуальную честность и художественное мастерство автора, его верность самому себе. Художник обязан всеми силами защищать свою творческую свободу, поскольку именно она является его главным изобразительным средством. В. Шкловский считал, что любые «привходящие эмоции» не могут быть содержанием искусства, ибо у искусства на самом деле нет содержания. Использование «сентиментальной», равно как и «реалистической» точки зрения на предмет – это всего лишь художественный прием. Таким же приемом является изображение окружающего с точки зрения лошади (Л. Толстой), великана (Д. Свифт) или лягушки (А. Бирс).

Следует заметить, что важнейшими органическими чертами (свойствами) искусства Э. Ионеско считал его «незаинтересованность» и «бесполезность». Например, известно, что представления И. Канта об искусстве были типичными представлениями человека, который всю свою жизнь посвятил суждению. Однако подлинно гуманным произведение искусства делает не заложенная в него мораль, а «естественная отдаленность» от прямых человеческих нужд и потребностей. Именно поэтому, утверждает Ю. Кристева, задачу искусства нельзя считать «позитивной». С другой стороны, анализ эстетических моментов в философии Ф. Ницше, М. Хайдеггера и Р. Рорти

¹ Фаулз Д. Кротовые норы. – М.: Изд-во АСТ, 2004. – С. 211.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

говорит нам о том, что искусство знаменует собой пик, высшую точку достигнутого человеком нравственного и умственного совершенства. В этом смысле грубость, жестокость и зло действительно отвергаются настоящим искусством.

Диктаторы XX века интуитивно понимали, почему им следует запрещать аполитичные пьесы С. Беккета. Ведь его драматургия не упрощала, а усложняла политическую действительность. Говоря иными словами, если политические лидеры пытаются придать жизненной стихии некое сознательное направление, то проникающее за кулисы политического порядка искусство быстро разоблачает их планы. И это происходит потому, что политические и правовые нормы не могут быть сильнее эмоциональной матрицы, заложенной в их основу. Индивид органически восприимчив к искусству, а не к политике и праву. Возможно, именно поэтому, как писал И. Бродский, обладающее собственной генеалогией, динамикой, логикой и будущим, искусство не только не совпадает с ходом истории, но и обнаруживает свое лидирующее по отношению к ней положение.

Каждый настоящий художник знает, что творчество – это мощный ускоритель сознания и мышления. Испытав однажды подобное ускорение, человек попадает в зависимость от соблазна символического сжатия реальности. Что касается революционного искусства, то оно способно буквально передвигать границы человеческого мира. Любое искусство творит новую реальность, открываясь в мир все более широкими горизонтами. И если художник умирает в своих произведениях, они становятся от этого еще живей.¹

Однако новое искусство никогда не вытесняет собой старое. В этом смысле готическая скульптура, говорил Д. Белл, ничем не лучше скульптуры романской, а музыка Г. Малера – не более ценна в художественном отношении, чем музыка Моцарта.

¹Бланшо М. Пространство литературы. – М.: Логос, 2002. – С. 214.

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

Настоящее искусство «нестираемо», его развитие лишь бесконечно обогащает депозитарий нашего эстетического опыта.

Жизнь искусства – это жизнь «тела, охваченного страстью» (Ж. Бодрийар). Искусство изменяет реальность, опираясь исключительно на силу иллюзии. Совсем неудивительно, что в представлении обывателя талант кажется воплощением «грозного и благословенного безумия». В этом смысле обществу бывает легче примириться со *способностью* или... «талантом, посаженным на цепь» (Ж.-П. Сартр). Мнения большинства людей носят тривиальный и поверхностный характер, однако искусство умеет опрокидывать ленивое равнодушие. Более того, подобная возможность как раз и составляет сущность настоящего искусства.¹

Классический инструментарий искусства кажется простым, однако сложными являются произведенные с его помощью артефакты. Поэтому овладение даже элементарными навыками искусства требует образования. Обучение искусству является менее формализованным, чем обучение науке, однако и оно требует огромных систематических усилий. С другой стороны, как признавал в свое время А. Вертинский, «искусство двигают вперед почти всегда дилетанты, люди не связанные никакими канонами».²

С метафизической точки зрения, любое произведение искусства создается в «вольтовой дуге» напряжения между полюсом субъекта (художником) и полюсом объекта – творческим заданием, которое не всегда удается конкретно сформулировать. С течением времени из цепочки творческих заданий формируется реальная история культуры. При этом свойства материальности и телесности используются искусством лишь в той степени, в какой они позволяют выразить его символическое содержание. Данное обстоятельство как раз и объясняет

¹ Дьюи Д. Общество и его проблемы. – М.: Идея-Пресс, 2002. – С. 133.

² Вертинский А. Дорогой длинною. – М.: Правда, 1991. – С. 98.

ту «свадьбу противоположностей», о которой в свое время писала В. Вулф.¹

3.3. Образование как форма (сегмент) символической реальности

Образование представляет собой такую форму (сегмент) символической реальности, которая тесно связана с наукой и искусством и служит важнейшим средством подготовки общества к их восприятию. Образование выступает как бы одновременно предварительным условием и необходимым следствием их существования. По мнению М. Фуко, в наиболее общем виде образование выступает как система ритуализации речи, определения и фиксации ролей говорящих субъектов, создания диффузной доктринальной группы, а также распределения и присвоения дискурса с его силами и знаниями.² При этом «если сравнивать современное общество с обществами традиционными, то можно обнаружить общемировую тенденцию передачи процессов воспитания и образования школам и университетам».³

Образование, таким образом, представляет собой институциональную оценочную и передающую систему знаний и полезных навыков. Будучи тесно связано с наукой и искусством, получая от них «впечатления» в виде разномасштабных информационных объектов, образование затем осуществляет их селекцию. Отобранная часть информации приобретает статус структурно и доктринально организованного знания. Таким образом, система образования выступает необходимым

¹ Вулф В. Власний простір. – Київ: Альтернативи, 1999. – С. 100.

² Фуко М. Воля к истине. – М.: Магистериум, 1999. – С. 74.

³ Луман Н. Общество как социальная система. – М.: Логос, 2004. – С. 171.

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

посредником между наукой, искусством и обществом. В последние десятилетия роль образования настолько возросла, что университеты из институтов обучения превратились едва ли не в ядро социальной организации, главные центры производства, переработки и накопления знаний. Что касается самого общества, то оно превратилось в «мозаичное поле дебатов и конфликтов по поводу социального использования символических благ».¹ Все это заставляет по-новому посмотреть на проблему образования. Поскольку, как писала С. Вейль, получение знаний приближает людей к истине только в том случае, если передаваемые сведения могут быть восприняты ими эмоционально, постольку передаваемые институтами образования знания должны воплощать в себе ценность, смысл. Но это означает, что сфера образования тесно связана с идеей воспитания, которому поручено формирование главных жизненных ориентиров и установок человека.

Значение образования в обществе возрастает еще и потому, что наиболее важной формой собственности в мире становится сложное знание, «сверхсимволический продукт» (А. Тоффлер). Сложное знание используется для достижения более высоких уровней благосостояния и производства нового знания. При этом, в отличие от природных ресурсов и продуктов промышленного производства, символическое знание практически неисчерпаемо. Оно представляет собой не только набор данных, совокупность формул или иных способов объяснения обнаруженных человеком природных и социальных закономерностей, но включает в себя также тренированное воображение, сложные образы, систему ценностей и набор мотиваций. Последнее обстоятельство ставит национальные системы образования перед реальным выбором. Если прежде их задача заключалась в том, чтобы передавать знания в общество при

¹Иванов Д. Общество как виртуальная реальность // Информационное общество. – М.: Изд-во АСТ, 2004. – С. 358.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

сохранении в нем имеющейся иерархии ценностей и смыслов, то современное образование – это не столько система передачи информации с присвоенными ей смысловыми ярлыками, сколько попытка научить людей самостоятельно распоряжаться имеющимися у них интеллектуальными ресурсами.

Таким образом, хорошее образование не только предоставляет индивидам новое знание, но и оснащает их методиками, способами и приемами эффективного оперирования с самой разнообразной информацией. Последнее обстоятельство, в свою очередь, предполагает обучение навыкам правильного оценивания и переработки разных категорий информации, а также выработки на этой основе нового знания. Можно сказать, что на уровне своих высших возможностей образование учит людей не столько потреблять, сколько производить и эффективно распространять новый символический продукт.

Хорошее образование не только предоставляет обществу знание как ценность, но и учит людей делать его таковым. В функциональном смысле образование исходит из предпосылки о том, что знать и мыслить – в том значении, какое придавал этому Р. Декарт – является природной потребностью всякого сознающего себя индивида. Оно исходит из презумпции, что данная способность приобретается людьми в процессе воспитания и обучения, то есть, не является врожденной. Как писал по этому поводу Д. Дьюи, специфически гуманитарное обучение – это не просто приобретение знаний и умений, достигаемое путем совершенствования изначально существующих способностей индивида. Учиться – значит вырабатывать в себе при помощи обратной связи сознание индивидуально неповторимой личности, автономного члена общества.¹

Образование постоянно взаимодействует с таким фактором символической реальности, как знание, институционально организуя распределение его основных потоков. Благодаря

¹ Дьюи Д. Общество и его проблемы. – М.: Идея-Пресс, 2002. – С. 113.

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

этому образованию косвенно контролирует информационный обмен в обществе, выступает важнейшей подсистемой его коммуникации. Оно способствует свободному обращению информации и параллельно осуществляет ее селекцию, выделяя информацию, которая является либо считается наиболее актуальной. Система образования обычно также решает вопрос о том, кому именно следует поручить преподавание или трансляцию знаний. Как известно, в Западной Европе и США превалирует убеждение в том, что лучшими преподавателями и передатчиками знаний являются непосредственно производящие его ученые. В Восточной и Центральной Европе, а также в СССР долгое время считалось, что наилучшими передатчиками знаний являются профессиональные преподаватели.

В целом, бывшую советскую систему образования можно оценить как систему передачи знаний, оснащенную механизмом его «идеологической редукции». В открытых обществах редукция (тут – упрощение) осуществляется обычно в меньшей, а в обществах закрытых – в значительно большей степени. В большинстве случаев идеологическая редукция знаний приводит к тому, что информации придаются неадекватные ее реальному эвристическому потенциалу комментарии и объяснения, что впоследствии производит явно негативный эффект. Известно, что в СССР по идеологическим мотивам уничтожались не только отдельные творческие биографии, но и целые научные школы и направления. Впоследствии политизация знаний в XX веке поставила вопрос об интеллектуальной честности в науке и высшем образовании не только в странах Восточной и Центральной Европы. По признанию К. Занусси, «огромное падение авторитета университетов в мире происходит сейчас потому, что их исследователи за деньги напишут вам что угодно».¹ Как однажды заметил В. Нижинский,

¹Этот очень непростой Кшиштоф Занусси (интервью) // Новая Польша, № 12, 2004. – С. 68.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

«я не люблю университетов, потому что они занимаются политикой».¹ Таким образом, этическая сторона образования представляет собой сегодня не только моральный вопрос, но и фактор, влияющий на общую атмосферу работы ученых, характер современной научной коммуникации в целом.

Выделяя наиболее важные проблемы современного ему образования, Д. Дьюи писал, что «фальсификация знания» возникает не столько в сфере его непосредственного производства, сколько образуется из мировоззренческой односторонности, тщеславия и самонадеянности национальных образовательных систем. Соглашаясь с мыслью И. Канта о том, что мерилom всего сущего для человека является он сам, Д. Дьюи, тем не менее, не склонен был рассматривать человечество в качестве финальной цели Божественного творения. По мнению Д. Дьюи, люди – это всегда хрупкие, слабые и неустойчивые биологические создания. Не исключено, что человечество в целом является лишь кратким эпизодом в истории Вселенной. Поэтому кажется логичным, что определяющими характеристиками «ситуации человека» Д. Дьюи считал способность общества к самокритике, его онтологическую скромность.

В современных условиях демократизации, глобализации и информационной революции образование все более превращается в тот вид человеческой деятельности, благодаря которой люди формируют свой личный характер и судьбу. При этом пронизывающие всю символическую реальность качества свободы, множественности, терпимости и этического выбора превращают образование в сложную многоуровневую (и многофакторную) систему. В частности, воздействие на образование принципа свободы подталкивает к замене «поучающего общества» (У. Бек) обществом диалога, что влечет за собой существенное изменение большинства образовательных установок. Плюрализм исследовательских методологий и программ в

¹ Нижинский В. Чувство. Тетради. – М.: Вагриус, 2000. – С. 75.

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

соединении с терпимостью привнес в этос образования такой непривычный элемент, как «мужество непонимания». В свою очередь, глобализация вызвала потребность в транснациональном университетском образовании, модернизации образовательных программ в направлении *global studies*.

Новые образовательные программы и институты призваны помочь культурному диалогу в мире, оснастить социум эффективными методиками преодоления конфессиональных, этнических и т. п. конфликтов. Все это влечет за собой формирование новой студенческой идентичности, требует разработки новой психологической модели «я» студента и аспиранта. Современный индивид должен вести самостоятельную жизнь, опираясь на приобретенные им в университете знания и навыки. Достижению этой цели способствует приближение статуса студентов к положению ведущих научных исследований ученых. Все знают, что для понимания смысла знаний недостаточно прочесть о них в учебнике. Ценность информации постигается лишь в процессе осмысленной и целесообразной деятельности.

«Я, как и многие другие, – писал К. Поппер, – полагаю, что все обучение на университетском уровне (и, если возможно, на уровнях более низких) должно было бы состоять в выработке навыков критического мышления и поощрении его». ¹ В свою очередь, метод критики – это классический метод науки. Именно поэтому университетское образование должно быть максимально приближено к научно-исследовательским стандартам. Это также означает, что лучшие студенты должны сами определять сферу своих интересов, осуществлять выбор необходимых им учебных дисциплин и сами распоряжаться полученными знаниями. К сожалению, писал в свое время Б. Малиновский, мы до сих пор наблюдаем авторитарные общества, не признающие настоящей академической свободы. Вместо того

¹ Поппер К. Нормальная наука и опасности, связанные с ней // Кун Т. Структура научных революций. – М.: Изд-во АСТ, 2001. – С. 529.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

чтобы позволить индивидам самостоятельно ставить перед собой все более сложные и серьезные цели, основанные на их собственных предпочтениях, авторитарные общества стремятся к производству индивидов в качестве средства для достижения заранее запланированных государством целей.¹

Все это позволяет говорить о том, что возможности, предоставляемые знанием, образуют не только экономическую или культурную, но также фундаментальную политическую проблему современности.² В действительности, плохо образованное общество рискует стать не только экономическим или технологическим аутсайдером. Еще более угрожающим является то, что недостаточно образованное общество не может использовать преимуществ политической свободы и демократии. Всеобщее избирательное право становится эффективным лишь при условии, что избиратели владеют необходимым минимумом знаний. Подлинно суверенное и демократическое государство во всех своих отправлениях опирается на личные качества и образовательный потенциал своих граждан. Для эффективного управления современным государством одного лишь здравого смысла масс и «грамотности» элит оказывается недостаточно. Разница между природными умственными способностями и вышколенным интеллектом сегодня, по-видимому, столь же велика, как разница между почтовым голубем и электронной почтой.

В США, писал Н. Винер, начальные и средние школы обычно не интересуются формальной дисциплиной, которая помогает, как принято считать в других странах, тщательному изучению всех необходимых предметов. Главная подготовка к научной (эвристической) деятельности здесь традиционно перекладывается на плечи университетов. Что касается начальной и средней школы, то им поручено заниматься не столько

¹ Malinowski B. Freedom and Civilization. – London: George Allen, 1947. – P. 94.

² Dewey J. The Essential Writings. – N. Y.: Harper Torch-Books, 1977. – P. 61.

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

образованием, сколько *воспитанием* будущих студентов. Воспитание же, как говорил Сен-Симон, формирует привычки, развивает чувства и изоцряет способности человека быть предусмотрительным. Оно учит применять на практике определенные принципы и помогает не столько в изучении фактов, сколько в уяснении отношений между согражданами.¹

Принято считать, что воспитание в значительной степени определяет эффективность всего последующего образования. В худшем случае оно помогает человеку уяснить то, о чем пишут газеты. Однако в большинстве случаев хорошее воспитание и образование позволяют раскрыть всю глубину человеческой личности. К сожалению, писал Д. Фаулз, современное образование во многом капитулировало перед экономическими потребностями. По-настоящему хорошее образование сумели получить лишь немногие счастливчики в Древней Греции и Риме, культурная элита в эпоху Ренессанса, а также студенты некоторых европейских университетов в XVIII веке. Организация обучения во всех вышеперечисленных случаях, по его мнению, значительно превосходила его современную постановку. Такое образование открывало перед студентами науку понимания и наслаждения жизнью, а также воспитывало в них дух ответственности перед обществом. Не исключено, что элитарное образование эпохи Просвещения достигало уровня, к которому не может до сих пор приблизиться ни одна из современных образовательных систем.²

По мнению Ж.-Ф. Лиотара, кризис современного образования, первые признаки которого проявились уже в конце

¹Сен-Симон А. Избранные сочинения. Т. 2. – М.-Л.: АН СССР, 1948. – С. 322-323.

²Один из наиболее известных рейтингов университетов был составлен в 2003 г. Институтом высшего образования Шанхайского университета Jiao Tong в рамках проекта «Академический рейтинг университетов мира» (Згуровский М. Определение университетских рейтингов – составляющая евроинтеграции в образовательной сфере // Зеркало недели, № 28(607), 22 июля, 2006).

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

XIX века, стал закономерным результатом технического прогресса, быстрого развития экономики и общей атмосферы конкурентного капитализма. В результате, студентов «приучили с помощью зубрежки понимать сложное», но они так и не освоили искусства понимать простое.¹ Некоторые исследователи культуры пишут сегодня о том, что в системе образования идея знания вообще пришла в упадок. И это в одинаковой степени относится как к тем, кто учится, так и к тем, кто учит. По мнению П. Слотердайка, если бы не существовало учителей, прилагающих отчаянные усилия к просвещению *вопреки отношениям, сложившимся в педагогическом процессе*, в мире не осталось бы и одного ученика, понимающего, зачем на самом деле он посещает школу.²

К сожалению, многие важные для жизни социума вопросы университетами действительно игнорируются, а предлагаемые официальным образованием ответы представляют собой слишком далеко отстоящий от понимания истины результат. Нередко освобожденные от ответственности за исследования, которые вытеснил спекулятивный рассказ, факультеты ограничиваются передачей «установленного объема» знаний, обеспечивая тем самым воспроизводство преподавателей, а не открытых сомнению ученых.³ Как некогда писал об этой – поистине универсальной проблеме Ф. Ницше, «все высшее воспитательное дело <...> лишалось главного – *цели*, равно как и *средства* для достижения цели. Что воспитание, *образование* само есть цель, а не «империя», – что для этой цели нужны *воспитатели* – а не учителя гимназий и университетские ученые – об этом забыли... Нужны воспитатели, которые *сами воспитаны*, превосходящие других аристократы духа,

¹ Слотердаик П. Критика цинического разума. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. – С. 226.

² Слотердаик П. Критика цинического разума. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. – С. 111.

³ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – М.: Алетея, 1998. – С. 96.

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

доказывающие это каждую минуту, доказывающие это и словом и молчанием, зрелые, ставшие *сладкими* культуры, – а не ученые олухи, каких нынче предлагает юношеству гимназия и университет в качестве «высших нянек».¹

Обычно образование реагирует на потребности времени тем, что в нем создаются учебные институты со специализированным функциональным и ролевым предназначением. Так, одни школы и университеты воспроизводят оснащенных стандартными навыками профессионалов, другие – продвигают и максимально развивают индивидуальные способности к творческому воображению. Принято считать, что наиболее эвристически ориентированной в настоящее время является система университетского образования США. Успешность американских подходов к образованию сегодня признается и в Западной Европе. Примечательно, что еще в позапрошлом веке в одном из решений Верховного Суда США отмечалось: «Основопологающий принцип свободы, на который опираются все американские институты власти, исключает наличие у какого-либо штата общего права стандартизировать детей, принуждая их получать знания только от государственных преподавателей».² Впоследствии судья Ф. Франкфуртер следующим образом сформулировал американское представление об академической свободе: «Дело университета – обеспечивать ту атмосферу, которая в наибольшей степени способствует размышлениям, экспериментам и творчеству. Это атмосфера, в которой господствуют четыре основных права университета: самостоятельно решать, кому преподавать, что преподавать, как преподавать и кого принимать в университеты».³

¹ Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1990. – С. 591-592.

² Свобода релігії. Рішення Верховного Суду США. – Київ: Optima, 2005. – С. 68.

³ Civil Right Decisions of the United States Supreme Court. The 20-th Century. San Diego, California: Excellent Books, 1994. – P. 221-222.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Обеспечение гармоничного образования осложняется в наше время еще и тем, что математизация знания зашла в мире так далеко, что кажется, будто от чувственного опыта в познании природы можно вообще отказаться. Внешне все выглядит так, как если бы природа отвечала на поставленные ей вопросы исключительно на языке математических формул, которому наглядность не присуща. Бурное развитие точных наук в начале XX века породило такое понимание истины, которое существенно разошлось с ее прежним философским пониманием. Истина одновременно перестала быть «вечной» и общедоступной. Сегодня лишь незначительная часть населения земного шара имеет адекватное (с точки зрения возможностей современной науки) представление о происходящем. Однако чем больше средств информации и коммуникации накапливается в мире, тем большим становится соблазн наполнить их глубоким и осмысленным содержанием.

Современные государства нередко пытаются объединить усилия в обеспечении своих образовательных потребностей. Это касается как ожиданий их интеллектуальной элиты, так и широких образовательных стратегий. В этом смысле можно сказать, что все современное образование основывается на трех важнейших презумпциях: а) знание является продуктом обучения; б) обучение – это процесс разрешения проблем, в котором учащийся должен принимать активное участие; в) обучение должно соответствовать интересам и склонностям его непосредственных участников.

Ныне образование является тем сегментом символической реальности, чья главная функция состоит в передаче знаний и ценностей от поколения к поколению вместе с осознанием учащимися происходящих в мире изменений. К сожалению, существующее образование связывает ценностное содержание культуры, преимущественно, с прошлым, предпринимая относительно мало попыток к тому, чтобы соединить

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

критическое мышление с современными и будущими информационными реалиями.¹ Между тем, хорошее образование готовит молодых людей ко встрече с будущим. Это в равной степени касается физиков-теоретиков и искусствоведов. Из этого также следует, что проблема хорошего образования ставит вопрос о содержании транслируемых знаний вместе с вопросом об отношении людей к необходимости их получения. Как известно, в США главный упор делается на университетское образование, которое не только формально обучает студентов, но и формирует у них серьезные исследовательские навыки. Неудивительно, что качество научно-исследовательских работ в США является сегодня наиболее высоким в мире.

Что касается образования в таких странах как Россия и Украина, то здесь общая ситуация объясняется последствиями длительного отсутствия свободы, все еще ощутимой *разреженностью* информационной среды. Когда «железный занавес», наконец, упал, писал Ю. Шерех, культурная элита этих стран с изумлением открыла для себя тот факт, что мир 70 лет не стоял на месте. Сегодня ситуация с образованием обсуждается здесь на телевидении, страницах специальных изданий и в многотиражной прессе. Известно, что вначале советская перестройка пыталась объяснить себя в рамках элитарных столичных салонов и демократических «тусовок» московско-петербургской интеллигенции.

Генерированию интеллектуалов в странах Восточной и Центральной Европы ныне помогают высшие учебные заведения нового типа: Европейский университет в Петербурге и странах Балтии, Центрально-Европейский университет в Будапеште и Варшаве, Высшая школа общественных наук в Москве, странствующий по дорогам российской провинции Институт конвертированного образования, украинская Киево-Могилянская

¹Гейл М. Будущее будущего // Впереди XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи. – М.: Academia, 2000. – С. 240.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

академия. Именно они первыми внесли в образовательные системы своих стран формат семинаров-дискуссий, бескомпромиссную борьбу с плагиатом, самостоятельные научные (в т. ч. фундаментальные) исследования студентов, а также чувство принадлежности к международному научному сообществу. Что касается множества других гуманитарных вузов бывших советских республик, то, несмотря на провозглашенные их руководителями симпатии к Болонскому процессу, они пока продолжают генерировать не столько исследователей, сколько преподавателей с достаточно скромным культурным кругозором.¹

Даже в Западной Европе и США сегодня отмечается массовое незнание об открытиях и достижениях целой группы точных наук, сумевших разработать принципиально новый инструментарий для изучения человека на уровне сложных нелинейных явлений и комплексных процессов его мозга. Принято считать, что в последние 10-15 лет мировой наукой получено примерно 90-95% новой информации о человеке, которая практически не упоминается в школьных учебниках. Научные исследования последнего десятилетия выявили также наследуемые человеком важнейшие программы реакций, определяющие параметры его перехода от аграрной цивилизации к индустриальному и информационному обществу.

По мнению Н. Лумана, «в новейших теориях «гоминизации» подчеркивается, что выделение «человека» как особой эволюционной ветви происходит не в силу неких выдающихся способностей в обращении с внешней природой, но в силу особых когнитивных требований социального поля, в котором существуют эти эволюционирующие в человека приматы».² Сегодня информация об этом содержится лишь в

¹ Михайленко М. Белый стих политической науки в Украине // День, № 41, 2 марта, 2002. – С. 6.

² Луман Н. Медиа коммуникации. – М.: Логос, 2005. – С. 9.

ОСНОВНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

узкоспециализированных научных изданиях.¹ Проблему массового информирования могли бы решить добротные научно-популярные журналы и фильмы, но именно они в последние годы практически исчезли с рынка посттоталитарных стран.

К сожалению, большинство «мудрых мыслей» человечества, которыми сегодня начинены традиционные учебники, не могут удовлетворить образовательных потребностей третьего тысячелетия.² Как считал П. Пазолини, старая система образования, как и те правила, на которых она была основана, сформировала не столько интеллектуальную элиту, сколько когорту «отчаявшихся гладиаторов» – людей, неожиданно для себя осознавших, что их десятилетиями держали в информационной клетке. И хотя новые представления об образовании постепенно вытесняют старые предрассудки, таким странам, как Украина, по-прежнему угрожает «всеобщая обязательная полуобразованность и полукультура».³ Наше время действительно нуждается в автономном, способном принимать ответственные решения индивиде. Известно, что талантливую Лесю Украинку воспитывали индивидуально, а гениальный Т. Шевченко вообще бежал от своих учителей.⁴

С прагматической точки зрения, писал Р. Ленем, вся система западного образования помогает поддерживать демократию в состоянии «бистабильного» чередования между некими условными и абсолютными началами. В этом смысле «риторическое»

¹Н. Луман советует обратить внимание на источник: Eve-Marie Engels. Erkenntnis als Anpassung? Eine Studie zur evolutionären Erkenntnistheorie. – Frankfurt, 1989. – S. 183 ff. (с приложением расширенной библиографии).

²Корсак К. Ще одна загроза – ефект «хоттабізації» // Дзеркало тижня, № 13, 6 квітня, 2002. – С. 15.

³Скуратовский В. Роковое поле // Столичные новости, № 8, 5-11 марта, 2002. – С. 20.

⁴По мнению Д. Фаулза, творческой личности всегда приходится отбрасывать сомнительные традиции и условности, непременно сопутствующие образованию, полученному в колледже (Фаулз Д. Кротовые норы. – М.: Изд-во АСТ, 2004. – С. 551).

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

(жонглирующее аргументами – *В. Р.*) образование эффективно противостоит любой априорной системе мышления.¹ К сожалению, априорное мышление остается пока преобладающим в системах образования посттоталитарных стран. Как бы хорошо не было развито государственное образование в Украине, сегодня оно является малопригодным для творческого возвышения одаренной личности. По мнению О. Уайльда, Христос не выносил тупиц, и особенно тех из них, кого оглушило образование.² Поскольку люди не могут соревноваться с компьютером в быстроте и точности математических операций, их прерогативой остается творчество и образование, избавленное от принципиально иных недостатков.

Главная проблема современного образования заключается, по-видимому, в том, что современное знание носит персонафицированный и во многом «алогичный» характер. Это означает, что при его передаче через школьных и университетских посредников оно рискует утратить критически важные нюансы значения. Преподавание знаний непосредственно производящими его учеными является практически свободным от подобных недостатков. Говоря иными словами, законы природы и общества не всегда совпадают с законами логики, которые характеризуют превалирующий стиль мышления классических преподавателей. В этом смысле преподавание, осуществляемое творцами, является менее выверенным в дидактическом отношении, однако расположенным гораздо ближе к истине...

¹ Ленем Р. *Электронне слово: демократія, технологія та мистецтво*. – Київ: Ніка-Центр, 2005. – С. 146, 203.

² Уайльд О. *Избранные произведения*. В 2 т. Т. 2. – М.: Республика, 1993. – С. 441.

Глава IV

**ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ
КОНТЕКСТ
СИМВОЛИЧЕСКОЙ
РЕАЛЬНОСТИ**

4.1. Условия постмодерна

Символическая реальность, или совокупность символических форм, реализующих себя в соответствии с принципами свободы, множественности, терпимости и этического выбора, ныне пребывает в контекстуальных рамках бытия, которое философы называют условиями постмодерна. Постмодерн, как известно, вырос из модерна, преодолев, но также и сохранив в себе многие важные свойства последнего.¹ Постмодерн является видоизмененным продолжением модерна.

Идейные истоки модерна связаны с Просвещением, капитализмом, демократией, индустриальной революцией, развитием экономических систем и прогрессом экспериментальных наук Нового времени (П. Веллинг). Сегодня термин «модерн» используется также для краткого обозначения европейского Нового времени и индустриальной фазы капитализма.² К началу модерна (раннему модерну) относят события экономической истории и связанные с ней персоналии, предшествующие начальному этапу Нового времени (Г. С.-Д. Боллингброк, Э. Берк, Д. Вашингтон), а также время становления системы политиче-

¹Как считает З. Бауман, «можно сказать, что постмодерн – это *модерн*, *избавленный от иллюзий*» (Бауман З. *Этика постмодерну*. – Київ: Port-Royal, 2005. – С. 45).

²Ионин Л. *Социология культуры: путь в новое тысячелетие*. – М.: Логос, 2000. – С. 269.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

ских партий. Таким образом, модерн или «модерность» (англ. *modernity*, франц. *modernité*, лат. *modernus*) представляет собой интегральную характеристику европейского общества и культуры, используемую в философских и социологических концепциях для обозначения периода становления и эволюции промышленного общества, пришедшего на смену обществу традиционному.¹

Понятие модерна имеет отчетливо выраженную культурологическую привязку. Возникнув в качестве символа противопоставления христианства язычеству, понятие модерна впоследствии широко использовалось для общего наименования искусства итальянского Возрождения. И только в XVIII-XIX веках в английском и французском Просвещении, а также в немецком романтизме акцент был, наконец, перенесен на философско-политические измерения модерна.² Модерн обычно связывается с периодом формирования критической философии истории, рассматривающей монотеизм в качестве главного отличия современной культуры от цивилизации античного Средиземноморья. Эпоху модерна породил не один, а множество проектов будущего – Реформация, Контрреформация, барокко, Просвещение, а также идея эмансипации в немецкой классической философии и марксизме.³

Модерн принес с собой также утверждение идеи рациональности в сфере гуманитарного знания. За ним стояло ускоренное развитие промышленной индустрии, культурный и образовательный взрыв, а также общее обновление европейской

¹ Уже в конце V в. н. э. термин «*modernus*» (лат.) использовался для обозначения противостояния христианского настоящего языческому прошлому (Habermas J. *Modernity versus Postmodernity // A Postmodern Reader*. – USA: State University of New York Press, 1993. – P. 92).

² Петренко Е. Хабермас размышляет о модерне // Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. – М.: Весь мир, 2003. – С. 395-396.

³ Петренко Е. Хабермас размышляет о модерне // Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. – М.: Весь мир, 2003. – С. 396.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

философии и искусства. В конечном счете, модерн (модернизм) стимулировал и воплотил в себе огромную волну творчества в западной культуре конца XIX – начала XX века. Как известно, между 1850 и 1930 годами мир увидел больше разнообразных экспериментов в литературе, поэзии, музыке и живописи, чем за много прошлых исторических периодов.¹ Модерн охватил собой широкую группу «кумулятивных и взаимно усиливающихся процессов»: формирование капитала и связанную с этим мобилизацию социальных ресурсов; развитие производительных сил и повышение продуктивности труда; становление централизованной политической власти и формирование национальной идентичности; развитие городского самоуправления и школьного образования; секуляризацию множества социальных ценностей и норм.²

Свои главные импульсы модерн черпал одновременно из нескольких источников: идеи политической свободы («освобождения»); «грубого индивидуализма» в экономике; акцентуированного «Я» в сфере культуры. Можно согласиться с мнением о том, что модерн вырос из идеологии социальных контрастов. Как мировоззрение и культурная система, он строился на энергии и динамике преодоления социальных противоречий.

Принято считать, что хронологические рамки модерна охватывают период от начала XVII до середины XIX века. При этом последнюю треть XIX и начало XX века часто определяют как «модернизм» – период особо сильного воздействия творчески-интеллектуальной, символической сферы на происходящие в природе и обществе процессы. По мнению Ж. Липовецки, модерн был тесно связан с широко распространившимся в Новое время убеждением в том, что эмансипированный и

¹ Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. – N. Y.: Basic Books, 1997. – P. xxii.

² Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. – М.: Весь мир, 2003. – С. 8.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

юридически равноправный индивид является главным оправданием и целью приложения социальных усилий.

Самостоятельно мыслящий и властвующий над своей судьбой человек – в этом обнаруживается основной гуманистический пафос и смысл модерна. В сфере политической и социально-экономической модерн утверждал дух либерализма. Кроме того, он стимулировал гедонистические настроения в обществе, интерес к комфорту, бум сервисной индустрии, культуру СМИ и обеспечил общество связью. Принято считать, что приоритеты модерна носили, преимущественно, экономический характер.

К концу XX века западное индустриальное общество уступило место постиндустриальному (постэкономическому) обществу, существенно изменившему представление о труде как о деятельности, проникнутой, главным образом, материальными интересами и потребностями. Концепцию труда как экономически детерминированного типа поведения индивида стала вытеснять идея спонтанной самореализации личности. Таким образом, мотивация занятости на верхних уровнях социальной активности стала определяться факторами свободы и многообразия. Постепенно ценности самосовершенствования, названные А. Маслоу «высшими», распространили свое влияние на всю сферу приложения человеческих усилий.

И прежде таким «философам среднего класса», как Г. В. Лейбниц, И. Г. Фихте и И. Кант, было непросто примирить свой классический рационализм с логикой модернистских трансформаций. С течением времени, однако, их философский метод во все большей степени расходился с новыми реалиями.¹ Рост личности происходит в этот период как бы «при обратных условиях» (Ф. Ницше). Неожиданно обнаружилось, что «суровость, насилие, рабство, опасность на улице и в сердце, скрытость, стоицизм, хитрость искусителя и чертовщина всякого

¹ Маркузе Г. Разум и революция. – СПб.: Владимир Даль, 2000. – С. 329.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

рода, <...> все злое, ужасное, тираническое, хищное и змеиное в человеке так же способствует возвышению вида «человек», как и его противоположность».¹ После Ф. Ницше уже никто не мог игнорировать удивительную силу и интеллектуальную изобретательность модерна.

Что касается постмодерна, то философия одной из первых заметила симптомы сползания к новой культурной парадигме.² О приходе постмодерна позволяло догадываться и спонтанное блуждание художественной фантазии, повлекшее за собой медленное размывание «священных» устоев культуры. Об этом, в частности, свидетельствовало также космополитическое желание черпать из любых информационных источников, сопровождавшееся болезненным чувством утраты отечества. В целом, по сравнению с модерном, постмодерн (постмодернизм) означал резкое и глубокое изменение культурных ориентаций.³

Внешне все выглядело так, писал по этому поводу Ч. Милош, как если бы на протяжении жизни всего лишь одного поколения исчезли Ад и Небеса, сузилась надежда на загробную жизнь, исчезла привычная выразительность размежевания

¹ Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1990. – С. 275.

² Термин «постмодерн» (postmodernismo, post-Modern, Post-Modern) был впервые использован в текстах Ф. Ониза (1934), Д. Фитца (1942) и А. Тойнби (1947). См.: Bertens H. *The Postmodern Weltanschauung and Its Relation to Modernism: An Introductory Survey // A Postmodern Reader*. – USA: State University of New York Press, 1993. – P. 28; Hassan I. *Toward a Concept of Postmodernism // A Postmodern Reader*. – USA.: State University of New York Press, 1993. – P. 274-275. Становление «постмодернизма» как эстетического течения связывают с 60-70 годами XX века, когда архитекторы-новаторы отказались следовать принципу рационализации в своих конструкциях. В результате, на смену конструктивному однообразию функционализма пришла «игровая» архитектура изоощренных стилизаций (Иванов Д. *Общество как виртуальная реальность // Информационное общество*. – М.: Изд-во АСТ, 2004. – С. 376).

³ Постмодернизм, однако, не следует считать простым синонимом современности (Hutcheon L. *Beginning to Theorize Postmodernism // A Postmodern Reader*. – USA: State University of New York Press, 1993. – P. 244).

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

природы на животный мир и мир человека. Утратила верховенство «абсолютная правда», а история, прежде руководимая провидением, превратилась в арену сражения слепых сил. После столетий господства догматов и возведения храма конкретики – от Оригена и Августина Блаженного до Фомы Аквинского и кардинала Д. Г. Ньюмена – повсюду восстал и распространился дух неприкаянности.¹

Впоследствии Ж.-Ф. Лиотар использовал понятие «постмодерн» для общего определения «состояния знания в наиболее высокоразвитых обществах»,² а И. Хоув и Г. Левин – для «оплакивания понижения уровня модернистского движения».³ В 60-е годы XX века данный термин был принят в качестве общего наименования культурных форм с ярко выраженными чертами рефлексивности, иронии, сарказма, пародии, смешения популярного и высокого жанров. По мнению А. Хеллер, постмодерн как культурное движение (а не идеология, теория или программа) укладывается в сравнительно простой и адресованный всем лозунг: *допустимо все (anything goes)*.⁴

Так или иначе, большинство современных определений постмодерна размещены в пространстве между полюсами, на одном из которых его понимают как специфический в культурном отношении *исторический период*, а на другом, – как *стиль репрезентации*, пронизывающий, хотя и с некоторыми отличиями, все экспрессивные формы и средства художественной коммуникации.⁵ Мы живем в окружении постмодерного

¹ Милош Ч. Придорожный песик. – Львів: Літопис, 2001. – С. 162.

² Lyotard J.-F. Excerpts from *The Postmodern Condition: A Report on Knowledge* // A Postmodern Reader. – USA: State University of New York Press, 1993. – P. 71.

³ Huyssen A. Mapping the Postmodern // A Postmodern Reader. – USA: State University of New York Press, 1993. – P. 111.

⁴ Heller A. Existentialism, Alienation, Postmodernism: Cultural Movements as Vehicles of Change in the Pattern of Everyday Life // A Postmodern Reader. – USA: State University of New York Press, 1993. – P. 503.

⁵ Slemmon S. Modernism's Last Post // A Postmodern Reader. – USA: State University of New York Press, 1993. – P. 427.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

ландшафта, что «одновременно предопределяет и открывает наши горизонты» (А. Хассен). Это означает, что открывшаяся перед нашим взором картина отвергает прежнее размежевание на «искусство» и «жизнь», элитарную культуру и повседневный опыт.

В науке постмодерн привел к усилению идей рефлексивности и «неустранимой ошибочности», из чего логически последовало предположение о том, что все теории «скорее всего, ложны или не в полной мере отражают реальность».¹ В сущности, писал по этому поводу Д. Серл, «мы не сумеем понять отношение ментального к физическому до тех пор, пока будем продолжать серьезно относиться к таким старым концепциям как дуализм, монизм, материализм и все прочее в этом же роде».² Постмодерн предложил определять «истинность» человеческих утверждений условно, что повлекло за собой пересмотр значительного количества исследовательских и мировоззренческих установок. Тем самым он обнаружил, что действительность выходит за границы человеческого сознания и воображения, а потому наше деятельное участие в мире и восприятие его в качестве объекта способны реально конкурировать друг с другом.

Как свидетель и знаток постмодерна, В. Беньямин предложил отказаться от «стерильности», «тщетности» и «истощенности» традиционной философии «интеллектуального контроля».³ Что касается науки, то с постмодерном в нее проникло глубокое сомнение и скептицизм. В искусстве также неожиданно открылось, что «ничто не доставляет нам такого удовольствия как *дурацкий колпак*: он нужен нам для нас самих – всем нам потребно озорное, порхающее, танцующее, насмешливое,

¹ Сорос Д. Мыльный пузырь американского превосходства. На что следует направить американскую мощь. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. – С. 160.

² Searle J. *Mind, Language and Society*. – N. Y.: Basic Books, 1999. – P. 161.

³ Адорно Т. Вступ до «творів» Беньяміна // Беньямін В. Вибране. – Львів: Літопис, 2002. – С. 9.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

ребячливое и блаженное искусство, дабы не лишиться той *свободы над вещами*, которой требует от нас наш идеал». ¹

Таким образом, постмодерн заявил о себе не только концептуально смелой критикой философии и науки, но и глубокими симптоматическими изменениями в теле художественной жизни. ² Постепенно он заставил интеллектуалов осознать неадекватность прежних утилитарно-рационалистических схем и конструкций. И хотя концепция постмодерна для многих еще и сегодня остается «проблематической и лишенной каких-либо четких дефиниций», ³ именно она в наибольшей степени справляется с ролью современной объясняющей парадигмы. Именно в постмодерне человеку статистическому, определяемому количественными показателями и детерминированному отношениями структуры, организации и системы, был впервые противопоставлен автономный и лично ответственный за все происходящее в мире субъект.

«Только отбросив любые рационалистические запреты, – писала Ю. Кристева, – и непосредственно пережив жизнь жеста, тела и телесной магии, мы, наконец, вспомнили, что человек владеет такими языками, которые, освобождая его от власти линейности, позволяют овладеть объемным пространством». ⁴ Таким образом, на фоне происходящего постмодерн выступил не только философским отрицанием (снятием) модерна, но и преодолением его непродуктивных форм. Это особенно заметно проявилось в отказе постмодерна от злоупотребления абстракциями. Едва ли не впервые традиция абстрагирующего (генерализирующего) мышления обрела в нем статус частной

¹ Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1990. – С. 581.

² Ионин Л. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. – М.: Логос, 2000. – С. 397.

³ Torres L., Kamhi M. What Art Is: The Esthetic Theory of Ayn Rand. – USA: Open Court, 2000. – P. 262-263.

⁴ Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 220.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

культуры. Типичными признаками постмодерна стали также отказ от «абсолютистского» восприятия мира, терпимость к эзотерике и признание легитимности маргинальных идеологий и групп.

В политической сфере постмодерн привел к осуждению авторитаризма и критике «простой демократии». Не отрицая роли общественного мнения, референдумов и плебисцитов, постмодерн исподволь актуализировал максиму О. Уайльда о том, что общепринятое мнение – глупость, поскольку оно понравилось большинству. Взамен массовости постмодерн внедрил в политическую практику полицентризм и мозаичность. Признание того, что в этом мире каждый по-своему прав, стало в постмодерне главным прагматическим тезисом, почти символом веры. Впитав в себя философскую иронию и сарказм марксизма, постмодерн, однако, решительно отказался от большинства его свинцово-материалистических отливок.¹

Постмодерн внедрил игровое отношение к действительности, допустив параллельное развертывание множества несопадающих интеллектуальных стратегий. Как писал Ж. Липовецки, включение самых разнообразных сфер социальной жизни в процесс индивидуализации и соответствующий

¹Характерной в этом смысле является позиция М. Мамардашвили: «Вы не можете себе представить <...> насколько привлекательна бывает простота тоталитарного мышления. Этот повсюду разлитый незаметный яд действует куда эффективнее грубой цензуры и прямого преследования. Он разъедает человека изнутри, проникая в подкорку мозга. Простота эта поистине притягательна. В чем суть ее соблазна? В том, что она позволяет вам чувствовать себя умным, интеллигентным, все на свете понимающим, не требуя от вас взамен никакого усилия. <...> В интеллектуальной традиции много позорных эпизодов: вспомните хотя бы Бернарда Шоу. <...> Для меня вся эта когорта интеллектуалов типа Ромена Роллана, Бернарда Шоу и прочих носителей того же соблазна венчается фигурой Филби – английского шпиона, шпионившего по убеждению» (Мамардашвили М. Мысль под запретом (Беседы с А. Эпельбуэн) // Вопросы философии, № 4, 1992. – С. 74); см. также: Речицкий В. Социализм и авторитаризм // Философская и социологическая мысль, № 10, 1990. – С. 3-14.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

этому отход от дисциплинарного процесса – вот что указывает на постмодернистское общество как на общество, успешно продолжающее тенденцию, частично уже представленную в модерне. На смену идеологическим сражениям и безудержно оптимистическим надеждам пришло время равнодушия, но также и реального равноправия, сопровождающегося убеждением в том, что «личная независимость – это нечто само собой разумеющееся».

В отличие от модерна, постмодерн не воспламенился «великими идеями», хорошо зная их наиболее вероятные последствия. Постмодерное отношение к жизни иное – «серьезное и несерьезное одновременно» (З. Банковский). Но именно поэтому шансы у человечества сохраниться и выжить здесь кажутся более высокими. Постмодерн не признает идолов и фетишей, но он же решительно протестует против любых необоснованных запретов. Энергичным начинаниям в нем противостоит сила инерции, эгоизму – альтруизм, шокирующей порнографии – снисходительный юмор, свободе слова – право не выходить из тени. Постмодерн представляет собой океан вседозволенности, в котором не остается места для культурной монополии. В постмодерне правит не идеал и символ веры, а «пустота», которой не страшен и апокалипсис.

Вместо идеологической муштры и тотального администрирования постмодерн предлагает всеобщее *само-программирование*. Возродив популярность философского созерцания, постмодерн одновременно возвысил инакомыслие, психологизм и свободную игру воображения в науке и искусстве. Главные свойства постмодерна воплотились в мультикультурности, кросскультурности и транскультурности постиндустриализма. Вся концепция постмодерна исходит ныне из признания более технического, нежели социального прогресса; приоритетного производства символов, а не предметов; утверждения маргинальной (неброской, теневой)

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

культуры; учета биологического, а не механического времени; преобладания нелинейных процессов над процессами линейными.¹

В свое время Ж.-Ф. Лиотар сравнивал постмодерн с игрой на основе ограниченной (неполной) информации. Преимущество в ней получает не тот, кому удалось овладеть совершенно новыми данными, а тот, кто может составить новую конфигурацию из уже имеющихся «кубиков» знаний. Неудивительно, что отличительными признаками постмодерна являются «плюрализм», «цитатность», «мозаичность», «эkleктизм», «полистиличность» и «интертекстуальность».²

По мнению И. Бродского, последние десятилетия XX века показали, что «время ясных и радикальных – включая военные – решений внутринациональных и международных проблем, время единогласия и единодушия по какому бы то ни было политическому или экономическому вопросу – это время миновало. С современным приростом населения даже демократическая процедура меняет свой характер: объем масс, вовлеченных в политический процесс, меняет саму концепцию большинства, исчисляемого десятками – а в случае демократизации – сотнями миллионов. По этой причине ни одна революция – даже в относительно небольшой стране – не будет решающей. Что более существенно, ни одна идеология не будет доминирующей».³ В подобной ситуации «метафизическое различие добра и зла становится несостоятельным и все, что есть, выступает нейтральным в метафизическом смысле». Поскольку постмодерн не мыслит категориями

¹Маньковская Н. Эстетика постмодернизма. – СПб.: Алетейа, 2000. – С. 138.

²Апинян Т. Игра в пространстве серьезного. Игра, миф, ритуал, сон, искусство и другие. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2003. – С. 360.

³Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского. Том VII. – СПб.: Пушкинский фонд, 2001. – С. 136.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

трансцендентальной морали, в нем не существует и «возможности провести чистое различие средств и целей».¹

В стратегическом (геополитическом) смысле наиболее осязаемыми признаками постмодерна принято считать уменьшение экономической гегемонии США и Западной Европы, фиаско экономических учений XIX века и замена их теорией конвергенции, массовый рост нуворишей, экспансию международного туризма, бурное развитие СМИ, ослабление религиозности (кроме ислама) и демократизацию образования. К данному перечню уместно добавить уроки Второй мировой войны, крах советского блока и открытие философами того обстоятельства, что правда и истина имеют национальный характер.

Можно утверждать, что постмодерн является также закономерным итогом бурного развития символической реальности в целом. В этом смысле он показал, что наиболее важной сегодня является не столько «коллективная мысль человечества», сколько интеллект его авангардных групп. Признавая и оправдывая возможность самых разнообразных жизненных стратегий, тактик и стилей, постмодерн позволил существенно переосмыслить гегелевскую идею борьбы за распознавание и престиж.

Одним из наиболее полезных открытий постмодерна явилось то, что потоки знаний циркулируют в современном обществе подобно деньгам, а потому наиболее опасным препятствием на их пути является «вялое» в культурном отношении государство. В качестве реакции на подобную угрозу постмодерн выработал модель образовательной активности, нацеленной на развитие *автономной личности*. Если модерное (индустриальное) общество создавалось в значительной степени благодаря плановым и целенаправленным усилиям, то общество

¹Слотердаик П. Критика цинического разума. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. – С. 219.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

постмодерное формируется исключительно спонтанно.

Возможно, что в будущем на смену постмодерну придет «шикарный и раскованный» (Н. Маньковская) неомодернизм (ультрамодернизм), успешно сочетающий в себе пользу и красоту, открывающий горизонты для невиданных ранее стилей и направлений и опирающийся на творчество без берегов. По крайней мере, одна из особенностей постмодерного развития проявилась в том, что культ настоящего не затмевает в нем перспектив будущего культурного расцвета. Если «авангарды прошлого» исходили из убеждения, что человечество обязательно куда-то идет, то пост-авангард и постмодерн исходят из представления о том, что человечество движется сразу по всем возможным направлениям. В реальности постмодерна ценится каждая из возможностей прогресса.

В течение почти двух веков естествоиспытатели исходили из предположения о том, что познаваемая человеком истина и реальность являются объективными. Однако постмодерн заменил представление об универсальном знании множеством «тоннелей реальности» – чертежей мироздания субъективного, отвечающего знаниям и убеждениям каждого *конкретного человека* и только для него одного существующего. Все тоннели реальности различны, но иногда они пересекаются, образуя коллективные идентичности. Главной заслугой новой парадигмы явилось «размонтирование» ею понятийно-категориальной тотальности – результат, который иногда называют «сжатием метафизики», превращением философии в пост-философию. При этом такие характерные черты постмодерна как *неопределенность* и *нерешаемость* органически связывают его с постнеклассическим научным знанием.

По мнению Д. Дьюи, уже в начале XX века теория познания была вынуждена примириться с потерей ею прежней научной строгости, начав уделять больше внимания вопросу о том, как происходит процесс компетентного исследования, нежели

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

вопросу о том, *что* соответствует возможностям человеческих органов чувств. Интересуясь неопределенностью, ограничениями возможностей контроля, квантами, конфликтами с неполной информацией, катастрофами и парадоксами, постнеклассическая наука создала теорию дискретного, катастрофического и не-выравниваемого развития. Впоследствии это привело к тому, что в научном словаре изменился сам смысл понятия «знание». Отныне знанием стали считать не только известное, но также неизвестное (подразумеваемое или скрытое) для науки содержание.

Кроме того, в условиях постмодерна науке поручается не только искать ответы, но и ставить перед обществом все более трудные вопросы. В частности, о справедливом распределении природных ресурсов, оправданности превентивных войн, легализации наркотиков, а также о допустимости эвтаназии и клонирования. В свою очередь, модернизация научных интересов повлекла за собой существенное изменение внешней научной оболочки, формы. В частности, солидные академические журналы в США постепенно начали допускать на свои страницы индивидуализированный, полный намеков и игры слов язык.

В станах Восточной и Центральной Европы постмодерн очевидным образом ускорил крах догматического марксизма. Достижения выдающихся представителей рефлексивной мысли – от Р. Арона до Х. Арендт были, наконец, надлежащим образом оценены и в странах этого региона.¹ Однако интеллектуальная атмосфера на постсоветском пространстве кое-где и сейчас выглядит как смешение остатков марксистской фразеологии, прозрачных намеков националистического толка, туманных философских банальностей и откровенной лжи.²

¹Рюс Ж. Поступ сучасних ідей. – Київ: Основи, 1998. – С. 559.

²Кин Д. Демократия и гражданское общество. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – С. 356.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В гуманитарной сфере постмодерн пришел к осознанию того обстоятельства, что многие психологические состояния человека не согласуются с законами логики и вообще многими из более ранних представлений о деятельности мозга. Как заметил по этому поводу Н. Винер, любая логика ограничена в силу ограничений человеческого разума, которым он подвержен в процессе деятельности, именуемой логическим мышлением.¹ В реальной действительности мыслительная активность человека является пульсирующей, пребывающей в состоянии постоянных флуктуаций и бифуркаций. Поэтому интеллектуальная активность может и должна описываться не только с помощью рациональных понятий, но и с помощью таких категорий монетарной механики, как потоки, подключения, трансфер, контртрансфер и др. Неудивительно, что в подобной умственной среде индивид испытывает соблазн быть «космополитом». Как писал по этому поводу Ж. Бодрийар, у нас теперь поистине царство *полной свободы* – всеоб-ни-к-чему-не-привязанности, никому-не-обязанности, ни-во-что-не-верия.²

Разумеется, ничего подобного классическая мысль XIX века предсказать не могла. Ф. де Соссюр и К. Маркс жили в мире «чистого» капитала и прибавочной стоимости, «золотом веке диалектики знака и реальности». Однако в постмодерне подобный тип отношений уже с самого начала был признан непродуктивным. В отличие от модерна, в постмодерне человеческая мысль решилась, наконец, преодолеть свой исключительно рефлексивный статус. Отныне она все чаще воспринимается как прямой синоним действия.

На пороге третьего тысячелетия ЮНЕСКО пригласила публично поразмышлять о настоящем и будущем

¹ Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине. – М.: Наука, 1983. – С. 198.

² Бодрийар Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000. – С. 52.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

актрису К. Кардинале, посла доброй воли при ЮНЕСКО А. Беннани, президента Исполнительного совета ЮНЕСКО П. Рикера, писателей Ж. Бодрийара, П. Слотердайка, Э. Марэна, А. Аппадурайа, Д. Ваттимо, М. Маффзоли, М. Аркуна, Ю. Кристеву и Сулеймана Башир Диана.

Как и предполагалось, обсуждение вышло далеко за рамки предварительно поставленных вопросов. При этом известный тезис Вольтера о том, что существует только одна мораль, равно как и одна геометрия, был признан симптомом умершего универсализма. В ходе дискуссии удалось сформулировать ряд новых вопросов: означает ли отсутствие трансцендентальной основы, на которой произрастали «вечные ценности», закат самих ценностей? Может ли в условиях культурного многообразия возникнуть антагонизм между ценностями? Возможна ли гибридизация ценностных систем, чье происхождение и ориентация кажутся в настоящее время чужеродными? В дискуссии отмечалось, что постмодерн подверг сомнению многие из «твердых убеждений» прошлого, а современный кризис ценностей захватил не только этические установки, но и классические ориентиры политического развития.¹

Сегодня мы признаем, что характерное для постмодерна «легкое» отношение к ценностям вовсе не является признаком наступившей дегуманизации. Кроме того, мозаичность постмодерна способствовала созданию общества знания, в котором идея образования соединилась с идеей творческого экспериментирования. Возможно, что современный мир постепенно движется к состоянию, при котором прежний раскол между творческой элитой и обществом будет в значительной степени преодолен. По крайней мере, подъем радикального индивидуализма на Западе сопровождается появлением новых форм человеческой солидарности. Что касается углубляющегося во

¹ Гу Ж.-Ж., Бэнде Ж. Сумерки гуманизма // День, № 72, 18 апреля, 2002. – С. 3.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

всем мире процесса символизации, то он позволяет сделать среду человеческого обитания такой, какой нам хотелось бы ее видеть.

Хотя природа не стала полностью управляемой, ныне она находится под воздействием ноосферы, в результате чего физические процессы оказались непосредственно зависимыми от процессов знаково-символического характера. В результате, символизация и символизм больше не считаются побочными продуктами человеческой деятельности. Можно сказать, что они находятся в самом фокусе современной жизни.

В третьем тысячелетии индивид живет в мире фактов и артефактов, и даже то, что он по этому поводу думает, оказывает непосредственное влияние на его жизнь. Уже Ф. Ницше вел себя как последовательный постмодернист, методично разрушающий догматы, ставшие для него обременительными и бесполезными. Демаскировка, срывание идеологических вуалей и масок, равно как и атака на «актеров, стремящихся к господству», справедливо считаются его лучшими темами. После него смещение интереса к абстрактно-символическим и психологическим сторонам жизни общества отчетливо проявилось у европейских философов и писателей-романтиков XX века.

Приход постмодерна в науку, искусство и образование рекрутировал одиночек, готовых не просто завоевать свободу, но... «делать что угодно, отважиться на все».¹ Его реальные и вымышленные герои, бросая обществу вызов, готовы были «выдержать любое презрение и любое порицание».² Однако

¹ По характерному признанию И. Бергмана, «одолесть Эверест с северо-западной стороны увлекательно. Прежде чем навсегда замолчать по биологическим причинам, хочу, чтобы мне противоречили, чтобы во мне сомневались, и не только я сам – этого мне и так хватает ежедневно. Хочу быть человеком, вызывающим досаду, раздражение, человеком, не укладывающимся в привычные рамки» (Бергман И. Жестокий мир кино. – М.: Вагриус, 2006. – С. 228).

² Жид А. Фальшивомонетки. – СПб.: Амфора, 1999. – С. 363.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

при этом, как заметил А. Жид, быстрее всего устаревало то, что казалось наиболее современным. Многие из новаций оказались скоропреходящими, а их создатели – слишком незащищенными от жестокости мира. Тем не менее, наука и эстетика постмодерна существенно продвинули начатое модерном абстрагирование от узко-материалистического восприятия и понимания действительности. В литературе данный процесс развернулся на фоне «лаконизации» (И. Бродский) классики, в изобразительном искусстве – в русле преодоления художниками прежней зависимости от материала.¹

Если модерн был по-настоящему очарован проблемой *творчества*, то в постмодерне не менее серьезное внимание было уделено *восприятию* художественного материала. Можно утверждать, что постмодерн спровоцировал общую глубокую переоценку дидактически-профетической функции произведений искусства и самого искусства в целом. Сдвиг эстетики постмодерна в сторону беспрецедентной терпимости породил принципиально новое отношение к культуре. Как писала по этому поводу Н. Маньковская, постмодернистский пересмотр классических представлений о созидании и разрушении, порядке и хаосе, серьезном и игровом проявился в новом способе кодификации артефактов методом аппликации. На передний план выдвинулись вопросы замещения, симулякра, метаязыка, интертекстуальности и контекста – художественного, культурного, исторического и научного. В результате, симулякр занял в эстетике постмодернизма место, ранее принадлежавшее образу, что автоматически предопределило его разрыв с репрезентативностью и референциальностью как главными функциями классического западноевропейского искусства.

В эстетической теории и художественной практике постмодерн предпринял смелую и решительную попытку заменить образ знаком и символом. Этим он косвенно спровоцировал

¹Бродский И. Поклониться тени. – СПб.: Азбука, 2001. – С. 104.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

«возведение в степень» традиционной модернистской абстракции. Фактически, данный процесс воплотил в себе идею рождения артефакта из артефакта, впоследствии детально проанализированную в «художественной теории относительности».¹ Разумеется, постмодерн не сделал искусство более доступным и понятным. Однако если ранее считалось, что искусство является по своей природе элитным, то приход постмодерна изменил само понятие элит. Новое искусство потребовало исключительной остроты художественного видения творца, дополняемого изощренным художественным вкусом аудитории.

В живописи постмодерн привел к переоценке отношений между объектом и картиной, отдав явное предпочтение изображению. Начало данному переходу положила «чистая композиция» В. Кандинского. Впоследствии его способ художественного видения и творческий метод были восприняты по обе стороны Атлантики тысячами независимых художников.

Многие из идейно-стилистических канонов постмодерна сформировались под влиянием событий мировой истории второй половины XX века. При этом постмодерн не только продолжил творческие достижения модерна, но и вобрал в себя огромное количество других художественных стилей и направлений, включая наиболее современные. Нечто подобное произошло в свое время в России с «допушкинским» языком, хаос и органическое многообразие которого оказались достаточными для передачи мироощущения человека второй половины XX века.²

Подводя некоторые итоги, следует признать, что культура постмодерна оказалась на редкость децентрализованной и мозаичной. Встав на ноги в бурную эпоху революций и

¹Маньковская Н. Эстетика постмодернизма. – СПб.: Алетейа, 2000. – С. 334.

²Хейфец М. Избранное. Т. 2. – Харьков: Фолио, 2000. – С. 207.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

гражданских войн, она и поныне воплощает в себе сложное сочетание зрелищности и замысловатости, прагматичности и практической «бесполезности». «Более ста лет, – писал Ж. Липовецки, – капитализм раздираем глубоким, откровенным кризисом культуры, который можно обозначить одним словом – модернизм, представляющий собой новую художественную логику, основанную на распрях и перерывах в развитии, подчеркивающую отрицание традиций, культ новизны и перемен. Кодекс новизны и актуальности впервые находит свое теоретическое обоснование у Бодлера, для которого красота неотделима от современности, моды, случайности; но лишь в период с 1880 по 1930 г. модернизм приобретает широкий размах, сопровождаемый переворотом в классических методах изображения и появлением стиля, свободного от жестких ограничений и канонов, а затем – шумным проявлением групп и отдельных художников-авангардистов. С той поры художники не перестают разрушать привычные формы и правила, восстают против официального порядка и академизма: они испытывают ненависть к традициям и тягу к полнейшему обновлению».¹

Что касается политико-правовой оценки постмодерна, то следует признать, что при всей его символической «разнужданности» и всеядности, он обладает мощным конструктивным потенциалом. Если действительно *допустимо все*, то ни одна политическая тенденция, религиозная секта или художественное направление не могут возобладать. В результате, шансы на выживание увеличиваются одновременно для всех. Постмодерн привел к упадку сентиментальной культуры, но он же спровоцировал кризис множества авторитарных амбиций. С постмодерном в мир пришла «прохладная культура» (Ж. Липовецки) открытости и свободы. Неудивительно, что многие из нас почувствовали себя при этом как бы оставленными без присмотра.

¹ Липовецки Ж. Эра пустоты. – СПб.: Владимир Даль, 2001. – С. 122-123.

4.2. Глобализация

Глобализация является вторым по значению (после постмодерна) фактором современной символической реальности. Если постмодерн определил и продолжает определять качественные характеристики большинства существующих в мире символических форм, то глобализация определяет их пространственно-временные, геополитические координаты. Ибо даже консервативный азиатско-японский и китайский исторический опыт свидетельствуют о том, что какими бы самобытными путями не продвигались в своем развитии отдельные политические культуры, жизнь заставляет их выходить на *общую* дорогу прогресса.¹ Можно предположить, что и Россия в очередной раз поворачивает свое лицо к Западу. По крайней мере, одним из лозунгов горбачевской перестройки было «возвращение в лоно цивилизации».

Корни глобализации обнаруживаются в логике информационной революции как универсальном способе развития ноосферы. Можно сказать, что глобализация представляет собой технологический и культурный процесс, главные пружины которого действуют в информационно развитой части мира. Судя по всему, глобализация воплощает в себе результат соединения гибкости человеческого интеллекта со способностью информации проникать в самые отдаленные уголки жизненного пространства. В этом смысле глобализацию можно считать закономерным следствием усложнения системы человеческих интересов и потребностей. Как утверждает один из героев Д. Фаулза, жизнь – это постоянное стремление к чему-то большему, как для грубого лавочника, так и для изысканного мистика. Люди в условиях глобализации – суть

¹ Михед П. Росія у передчутті третього розколу // Сучасність, № 12, 2001. – С. 110-111.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

предприимчивые «охотники за новизной, неожиданно осознавшие себя гражданами мира».¹

«Модальная карта» (А. Этциони) современного индивида больше не ограничивается его деревней, городом или даже национальным государством. Настало время, когда она совпадает с наиболее отдаленными границами нашего жизненного пространства. Сегодня все воспринимается на фоне мировых процессов, благодаря которым развитие индивидуального сознания происходит в несколько раз быстрее, чем прежде. В институциональном смысле глобализация основывается на демократии, правах человека и рыночной экономике.²

Как политический и экономический феномен, глобализация «материализовалась» из эры потребления, начало которой положили США в 60-е годы прошлого века. Достигнутое Соединенными Штатами в тот период экономическое могущество соединилось с расширением прав личности, бурным развитием моды и ростом социальной мобильности. Эра потребления создала интернациональные каналы распространения информации, а расширенные информационные возможности подорвали силу «территориального императива», что, в свою очередь, изменило отношение человека к понятию своего дома. Хотя всемирное политическое единство сегодня ничем не гарантировано, оно уже предприняло попытку обрести смутную фактичность. По крайней мере, современным политическим лидерам требуется совсем немного времени, чтобы собраться и решить что-либо вместе.

Считается, что первые симптомы глобализации проявили себя во второй половине XX века. Сегодня этот процесс идет с постоянным ускорением, так что иногда возникает ощущение,

¹Wallas G. Human Nature in Politics. – London: Constable and Company, 1910. – P. 44.

²Friedman T. The Lexus and the Olive Tree. – N. Y.: Anchor Books, 2000. – P. 490.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

что человечество буквально «летит» в свое будущее. Массовые передвижения людей, открытые рынки и улучшенный Интернетом доступ к информации подвели западный мир к реальной прозрачности внутренних границ. Параллельно с этим в мире стремительно растет количество лидеров и организаций, претендующих на международный статус и влияние. В наши дни рост международной активности охватил собой всю политическую реальность.¹

Органические закономерности глобализации сочетаются с такими принципами функционирования символической реальности, как свобода, множественность и терпимость. В результате, глобализация оказалась вполне совместимой с процессами регионализации и локализации. Более того, хотя современные исследования отрицают существование полностью закрытых обществ, глобализации знакома даже и эта тенденция.² Сегодня индивиды, общественные группы и нации настаивают на уникальности своих достижений, а давление конкуренции на рынках лишь усиливает их стремление выделиться на общем фоне.³

Подобное стремление вполне объяснимо, ибо добиться положительных результатов сегодня можно не только благодаря новым знаниям, но и за счет оригинальных способов применения уже накопленных данных. Личные качества, сила воображения и степень внутренней свободы индивида являются ныне существенным дополнением к университетскому диплому. Все чаще роль подобных факторов превосходит значимость формально полученного образования.

Вопреки ранее высказанным опасениям, глобализация не поглощает в себя национальные идентичности. Скорее, она

¹Кириенко С. Принимая вызов исламистов // День, № 46, 13 марта, 2002. – С. 3.

²Бек У. Что такое глобализация? – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – С. 86.

³Beck U. Risk Society. – London: Sage Publications, 1997. – P. 94.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

создает непривычно богатую мозаику прилегаемых нациями, социальными группами и индивидами творческих усилий. При этом она опирается на сети всемирного информирования и коммуникации. Что касается политического измерения глобализации, то оно проявляется в постепенном становлении всемирного гражданского общества без мирового правительства под контролем международного права. По мнению Ю. Кристевой, к созданию мировых Соединенных Штатов государств-наций склоняет современное развитие экономики, науки и СМИ. С другой стороны, гуманистический космополитизм может оказаться современной утопией, поскольку «партикуляристские стремления порождают уверенность, что небольшие политические образования являются оптимальными структурами для выживания человечества».¹

Соединение постмодерна с глобализацией привело к эффекту карнавала культур, на котором гости к настоящему времени незаметно смешались с инициаторами. К тому же глобализация, как раньше и демократизация, оказалась экономически выгодной. Статистика свидетельствует, что открытые экономики растут на 1-2% в год быстрее, чем экономики закрытые. При этом секрет их успеха буквально лежит на поверхности. Речь идет о стиле жизни, который предполагает высокую, но честную конкуренцию. Постмодерн и глобализация вдохновляют людей на творческое самовыражение, хотя консерваторы продолжают настаивать на том, что «высокомерие» индивида требует ограничения его свободы.²

Поскольку творческое и активное общество всегда чем-то рискует, глобализация учит людей наслаждаться риском.³ Как говорит Р.-М. Рильке, многие из творческих свершений являются

¹Кристева Ю. Самі собі чужі. – Київ: Основи, 2004. – С. 127.

²Рюттгерс Ю. Мнение правых или Новый консерватизм // День, № 83, 14 мая, 2002. – С. 3.

³Фуллер Л. Мораль права. – Київ: Сфера, 1999. – С. 16.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

итогом пережитой опасности, крайнего опыта, некоей ситуации, доведенной до предела. У М. Бланшо индивидуальное творчество всегда сопряжено с риском, ибо оно по природе своей является утверждением неких предельных возможностей.¹ Причем данная закономерность проявляет себя не только в сфере науки или искусства. Любое хорошее образование сопряжено с риском, поскольку оно не только объясняет окружающий мир, но и ставит человека перед его проблемами. Элитное же образование вообще лишено упований на земную гармонию.

Аргумент в пользу оправданности риска присутствует уже в философии Гегеля и Ф. Ницше. В частности, идею Гегеля о том, что способность индивида рисковать жизнью является доказательством его свободы, дополняет ницшеанский образ «ужасных энергий» как... «циклопических архитекторов и пролагателей путей гуманности». ² Ж. Бодрийар посвятил проблеме «прозрачности зла» книгу, в которой утверждается, что серьезные потери обычно пропорциональны обещаниям значительных прибылей. У С. Жижера человеческое существование есть результат трансцендентального выбора, который «всегда уже совершен» и которому не остается места в повседневной действительности.³ Любой индивид рискует фактом обладания собственной идентичностью. Человек, говорил Х. Ортега-и-Гассет, – существо фантазирующее, что и придает его отношениям с миром особый характер.⁴

Если концепция индустриального общества была построена на «логике благосостояния», то концепция постиндустриального общества создается на основе конкуренции логики риска и логики благосостояния.⁵ Впрочем, уже в индустриальном

¹Бланшо М. Пространство литературы. – М.: Логос, 2002. – С. 240.

²Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1990. – С. 371.

³Жижек С. Возвышенный объект идеологии. – М.: Художественный журнал, 1999. – С. 170.

⁴Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. – М.: Радуга, 1991. – С. 455.

⁵Beck U. Risk Society. – London: Sage Publications, 1997. – P. 154.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

обществе баланс между технологической дисциплиной и человеческой свободой считался весьма неустойчивым. Новые технологии требовали установления социального порядка, что негативным образом сказывалось на состоянии социальной свободы. Все то, что выигрывала в своем развитии техника, тут же утрачивал либерализм.¹

По мнению А. Бергсона, не только в развитии человеческих обществ, но и на уровне индивидуальных судеб успех чаще выпадает на долю тех, кто соглашается принять фактор риска. Начиная с XVIII века, мировой военный опыт свидетельствует о том, что осторожные полководцы проигрывали свои сражения чаще, чем полководцы рискующие. Русские большевики во главе с Лениным серьезно рисковали, однако достигнутые ими результаты являются по-своему ошеломляющими. Неудивительно, что современные США до сих пор открыты для иммиграции, обладают беспрецедентной свободой слова, ценят мобильность и по-прежнему стимулируют личную инициативу.²

Хотя население Соединенных Штатов составляет примерно 4% от населения земного шара, они аккумулировали в себе более 30% мировой экономической и военной мощи.³ США тратят более 3% ВВП на оборону, но если бы их военный бюджет увеличился до 4%, его сумма составила бы примерно 500 миллиардов долларов в год.⁴ Политическая дилемма данной страны состоит в том, что ей необходимо сочетать высокий уровень стабильности с ролью всемирного катализатора перемен.⁵ Что же касается нынешнего состояния американской культуры, то ее справедливо считают воплощением «современности без

¹ Ellul J. *The Technological Society*. – N. Y.: Vintage Books, 1964. – P. 188, 209.

² См.: Речицкий В. Эффект США // *Сучасність*, № 10, 1996. – С. 21-28.

³ Бьюкенен П. *Смерть Запада*. – М.: Изд-во АСТ, 2003. – С. 336.

⁴ Kagan R. *On Paradise and Power*. – N. Y.: Alfred A. Knopf, 2003. – P. 98-99.

Следует отметить, что в 2007 г. военный бюджет США еще более возрос.

⁵ Brzezinski Z. *Out of Control*. – N. Y.: 1993. – P. 150.

границ».¹

Подобный успех пришел не сразу, хотя иногда кажется, что он был изначально (органически) заложен в идею переселения трудолюбивых мавериков (mavericks)² за океан. Как писал о европейской ситуации XVII века Т. Пейн, деспотизм поддерживал здесь страх перед мыслью, разум воспринимался как преступление, а свобода изгонялась из всех уголков жизненного пространства. Мир казался варварским, потому что им чрезмерно управляли.

Переселенцы достигли успеха, потому что они сумели избавиться от политической тирании и мелочной регламентации своей жизни. Создав первую в мире писаную конституцию, они предложили миру «язык прав», который с тех пор не удалось превзойти никому.³ При этом политическая элита США никогда не ставила под сомнение принцип укорененного в социальной природе экономического неравенства.⁴

Нетрадиционным оказался и американский подход к интеллектуальной свободе. В марте 1950 года Г. Гувер и Г. Трумэн заявили: «Мы, американцы, знаем: если свобода слова что-либо и значит, то это право думать. Право думать означает право читать – все, что угодно, написанное где угодно, кем угодно и когда угодно».⁵ Американский конституционализм утверждает, что юридические гарантии свободы самовыражения должны служить интересам публики в большей степени, чем интересам авторов художественных произведений.⁶ Кроме того,

¹ Коукер К. Сумерки Запада. – М.: Московская школа политических исследований, 2000. – С. 116.

² Американский синоним понятия «инакомыслящий».

³ Fukuyama F. Trust. – London: Penguin Books, 1996. – P. 315.

⁴ Бьюкенен П. Смерть Запада. – М.: Изд-во АСТ, 2003. – С. 94.

⁵ Мак-Люен М. Галактика Гутенберга: Становления людини друкованої книги. – Київ: Ніка-Центр, 2001. – С. 367.

⁶ Dworkin R. A Matter of Principle. – USA: Harvard University Press, 1985. – P. 385.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Конституция США запрещает Конгрессу принимать законы, ущемляющие информационные права граждан. Если в Европе законодатель пошел по пути дарования публике подобного рода прав и свобод, то в США сфера информационного обмена гарантирована против вмешательства законодательной власти.¹

Европейскую культуру принято считать чрезвычайно высокой в эстетическом и нравственном отношении, однако тон в современном мире все-таки задает массовая культура США. При этом американская культура не стремится к монополии или доминированию в символическом пространстве. Трудно согласиться с утверждением о том, что исключительной движущей силой американской культуры является индивидуализм.² Скорее, беспрецедентное многообразие и мозаичность делают ее в наши дни столь привлекательной.

Как писал К. Ясперс в одном из своих писем к М. Хайдеггеру, «для стариков Швейцария – прибежище. Будь я молод, я бы, без сомнения, устремился в Америку, чтобы добраться до духовных рычагов и подлинного опыта эпохи».³ Очень многое говорит сегодня о том, что «американизация» культуры является на самом деле авангардной частью глобализации, универсальной формой воплощения голосов и «обещаний из будущего».⁴

¹ Вдовик Ю. Свобода печати и цензура // Мемориал, № 20, 2000. – С. 45.

² Флак У. Похитители культуры (над миром витает призрак «американизации»? // День, № 46, 13 марта, 2002. – С. 5.

³ Хайдеггер М., Ясперс К. Переписка 1920-1963. – М.: Ad Marginem, 2001. – С. 248.

⁴ Например, Г. Стайн... «всегда считала Америку древнейшей страной современного мира потому что благодаря тем методам которыми велась Гражданская война и тем коммерческим начинаниям которые за войной последовали Америка именно и создала двадцатый век, а поскольку все остальные страны сейчас либо уже существуют в свойственном двадцатому веку способе жизни либо только начинают примерять его на себя, а Америка живет в нем с шестидесятых годов девятнадцатого века вот и выходит что она древнейшая страна современного мира» (пунктуация в переводе отображает

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Становлению американского лидерства способствовала поляризация мира в эпоху холодной войны. Американско-советское противостояние особенно обострилось в «эпоху президента Кеннеди с его призывами к идеализму и с его отчетливо выраженным утверждением культурных и интеллектуальных ценностей, открытостью к новым интеллектуальным начинаниям».¹ Обладая уже в то время огромным военным потенциалом, США противопоставили СССР аргумент экономической производительности вместе с аргументом политической открытости и интеллектуальной свободы.

Как признает в «Америке» Ж. Бодрийар, мы никогда не сможем «экс-центрироваться» и «де-центрироваться» так, как они. Мы никогда не будем современны в собственном смысле этого слова, и не будем иметь той же свободы – не формальной, которую мы пытаемся утвердить, но той конкретной, гибкой, функциональной, активной свободы, которую мы видим в американском обществе и в сознании каждого из его членов. «Наша концепция свободы никогда не сможет соперничать с их пространственной и подвижной свободой, которая является следствием их освобождения от исторической привязанности к центру».²

По мнению Г. Грабовича, уже из обзора публикаций в «Культуре» Е. Гедройца можно было сделать вывод о том, что «именно эта страна (США – *В. Р.*) <...> будет определять новые параметры мировой мысли и прочерчивать новую фактуру истории».³ В то время, когда понятия «глобализации» еще не существовало, США первыми в мире внедрили в международные отношения матрицу *универсального пространства*. Тот образ, который вырисовывается из послевоенных публикаций характерный стиль оригинала, см.: Стайн Г. Автобиография Эллис Би Токлас. – СПб.: Азбука-классика, 2006. – С. 102).

¹ Грабович Г. Пам'яті Омеляна Прицака // Критика, № 12 (110), 2006. – С. 15.

² Бодрийар Ж. Америка. – СПб.: Владимир Даль, 2000. – С. 156.

³ Грабович Г. Модель «Культури» // Критика, № 1-2 (100), 2006. – С. 3.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

А. Герца и Ч. Милоша на американскую тему, говорит о беспрецедентной открытости Соединенных Штатов, их предельной ориентированности на будущее и плюрализм.

США одними из первых внедрили электронные технологии в демократические процессы на местном уровне. В частности, еще в начале 90-х годов прошлого века двусторонние кабельные каналы связи в штате Огайо позволили телезрителям непосредственно участвовать в принятии важных для себя решений. Впоследствии эта же технология позволила жителям Аляски высказать свое мнение по вопросам улучшения портов, дорог, тюрем, массовых транспортных перевозок и добычи природного газа.¹ Сегодня подобная практика стала в развитах мире общепринятой.

Впрочем, еще Гегель, анализируя уникальный опыт американских поселенцев, писал: «Вскоре явилось всеобщее стремление к работе, и субстанцией целого стали потребности, спокойствие, гражданское правосудие, безопасность, свобода и общественный строй, для которого исходными пунктами были интересы индивидуумов, так что государство являлось лишь чем-то внешним, служившим для охраны собственности. От протестантской религии исходило взаимное доверие индивидуумов, доверие к их образу мыслей, так как в протестантской церкви религиозные дела составляют всю жизнь, всю жизнедеятельность вообще».²

Одной из важнейших причин исключительного успеха США, по мнению Р. Дарендорфа, послужило то, что в этой стране гражданское общество сложилось намного раньше, чем государство. Органическое развитие Соединенных Штатов началось с тех условий, к которым сегодня только подводит нас глобализация. «Я не перестаю восхищаться этим американским чудом, – писал Р. Рейган, – величайшей энергией

¹ Лорен Г. Журналист завтрашнего дня // Диалог США, № 47, 1991. – С. 35.

² Гегель Г. В. Ф. Философия истории. – М.: Наука, 1993. – С. 130.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

человеческой души. Это та энергия, которая побуждает людей к самосовершенствованию, сообщает человеку силы, чтобы добиться лучшей доли для своих близких и всего общества. Трудно представить себе силу более могущественную».¹

Еще в 1918 году Т. Веблен высказал предположение о том, что США займут центральное место в будущей всемирной республике ученых. Волны предвоенной, военной и послевоенной научной эмиграции в США подтвердили его предвидение. В годы Второй мировой войны прогноз Т. Веблена был помещен на обложке доклада «Чрезвычайного комитета по оказанию помощи перемещенным иностранным ученым» – организации, позволившей множеству выдающихся европейских интеллектуалов вернуться к своим профессиональным занятиям в университетах и научно-исследовательских центрах США. Америка стала второй родиной для элиты Венского кружка (математика, лингвистика, философия), лучших специалистов Института математики в Геттингене, ведущих представителей Франкфуртской школы, а также почти для всех звезд Берлинской школы политики. Примерно тогда же в США переехали главные представители европейской школы гештальтпсихологии.²

Согласно недавним данным Института высшего образования Шанхайского университета «Jiao Tong», в США находится 168 из 500 лучших университетов мира.³ В начале семидесятых годов прошлого века расходы на научные исследования в США достигли уровня 2,1%–2,8% ВВП, однако после 1978 года они существенно повысились.⁴ Количество специалистов, работающих сегодня в отраслях науки США, в четыре раза

¹ Рейган Р. Жизнь по-американски. – М.: Новости, 1992. – С. 27.

² Коукер К. Сумерки Запада. – М.: Московская школа политических исследований, 2000. – С. 168.

³ О лидерстве американских университетов см. также: Рейтинги университетов мира // Университеты, № 4(28), 2006. – С. 7, 38-39, 59.

⁴ Дэвис О., Сетрон М. Тенденции, потрясшие мир // Впереди XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи. – М.: Academia, 2000. – С. 181-182.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

превышает количество всех ученых Западной Европы. Уже в 70-е годы XX века в США совершалось более 80% мировых научных открытий. Сегодня в этой стране издается большинство научных журналов по проблеме искусственного интеллекта.

Примечательно, что различия в социальном статусе современных американцев объясняются, главным образом, разницей в полученном ими образовании.¹ Не менее красноречивым является и тот факт, что 7 из 10 наиболее состоятельных американских бизнесменов добились своего успеха в сфере электронных коммуникаций, СМИ и компьютерных технологий.

4.3. Игра в механизме символического воздействия

Настоящий параграф посвящен выяснению роли игры в механизме символического воздействия. Игра выступает сегодня одновременно как общая форма и популярный метод интеллектуальной активности. Как писал Р. Барт, «идея настоящего как превосходного имеет тенденцию к ослаблению благодаря выдвиганию новой ценности – игры. Отныне большинство речевых упоминаний искусственности опирается именно на игру: либо ей приписывают власть варьировать личность человека и тем самым демонстрировать ее виртуальное богатство, либо ею стыдливо оправдываются экономические усовершенствования в одежде».²

Символическая реальность – это общее наименование для всей сферы творческой активности знаково-символического характера. С тех пор, как образы были признаны также и с

¹ Fukuyama F. The End of History and the Last Man. – N. Y.: 1992. – P. 116.

² Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. – М.: Изд-во Сабашниковых, 2004. – С. 152.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

научной точки зрения,¹ символическая реальность выступает перед нами не только как некая воображаемая реальность, но и как широчайшая реальность человеческого воображения, в которой находят свое воплощение принципы свободы, множественности, терпимости и этического выбора. В этом смысле игра представляет собой характерное свойство, существенную черту любой умственной активности. Символическая реальность буквально пронизана творческой и игровой активностью. Всюду, где нам приходится иметь дело со значениями и значимостями, писала Т. Апинян, с произвольными толкованиями, намеками и недосказанностью, мы сталкиваемся с игрой символами или *символической игрой*.²

Главное свойство игры заключается в том, что она имеет дело с явлениями, относящимися к реальному миру, но при этом оказывается мало или совсем не связанной с его природными закономерностями. Поскольку всякая игра условна (искусственна), пространство игры представляет собой мир образов, знаков и символов, а ее правила в значительной степени построены на логике творческого воображения, искусства. Почти всякая игра наполнена эвристикой. Нередко игру называют видом инновационного поведения, одной из форм опережающего отражения действительности. Многие свойства игры используются «школой творчества» или *синектикой*.³ Игра в большинстве

¹ Термин «игра» долгое время считался «лингвистической мусорной корзиной» и использовался для обозначения произвольного поведения, не обладающего качествами биологической или социальной полезности (Миллер С. Психология игры. – СПб.: 1999. – С. 5, 160).

² Апинян Т. Игра в пространстве серьезного. Игра, миф, ритуал, сон, искусство и другие. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2003. – С. 342.

³ Ситуация выбора в сочетании с отсутствием принуждения обнаруживаются в большинстве концепций игры. Из-за этого игра близко примыкает к искусству и другим формам человеческого изобретательства (Dissanayake E. What Is Art For? – Seattle and London: University of Washington Press, 2002. – P. 74-79).

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

случаев присутствует там, где авторитет субъективности ставится выше авторитета объективности, где гносеология замещается феноменологией, а истинность – интенциональностью. Говоря иными словами, в игре человек творчески моделирует мир, не слишком заботясь при этом об адекватности.¹

В свое время Д. Рисмен сетовал на то, что ученые мало знают об игре из-за своих утяжеленных познавательных установок, сконцентрированных преимущественно на «работе».² Между тем, образ *homo ludens* должен интересовать современную науку не меньше, чем образ *homo faber*. Вопрос о том, что именно представляет собой игра, остается пока что во многом открытым. По мнению Й. Хейзинги, игра – это действие, протекающее в определенных обстоятельствах места, времени и смысла, в обозримом порядке, по добровольно принятым правилам, и не основанное на прямой материальной заинтересованности его участников. Настроение игры – это сплошная отрешенность и воодушевление, священное или праздничное, судя по тому, является ли игра «посвящением задаче» или просто забавой, одной из форм проведения досуга. В большинстве случаев игра сопровождается чувством эмоционального подъема и напряжения, ее участникам хорошо знакомо волнующее чувство радости и разрядки.³

Е. Финк считал игру пятой в перечне главных форм человеческого существования. В предложенной им схеме человеческой активности игра является не менее важной, чем смерть, труд, господство и любовь. Игра выступает у него атрибутом человеческой биографии, необходимым и важным элементом

¹ Апинян Т. Игра в пространстве серьезного. Игра, миф, ритуал, сон, искусство и другие. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2003. – С. 59, 72, 115, 290.

² Riesman D. *The Lonely Crowd*. – N. Y.: Doubleday Anchor Books, 1953. – P. 316.

³ Хейзинга Й. *Homo Ludens // Самопознание европейской культуры XX в.* – М.: Изд-во политической литературы, 1991. – С. 80.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

судьбы. Охватывая почти все жизненные проявления индивида, она в значительной степени воздействует на его восприятие действительности. По мнению Е. Финка, игра представляет собой *исключительную возможность* человеческого бытия.¹ В этом смысле она есть «импульсивное спонтанное протекающее вершение, окрыленное действие, подобное движению человеческого бытия в себе самом. <...> Хотя игра как играние есть импульсивно подвижное бытие, она находится в стороне от всякого беспокойного стремления, проистекающего из характера человеческого бытия как «задачи»: у нее нет никакой цели, ее цель и смысл – в ней самой. Игра – не ради будущего блаженства, она уже сама по себе есть «счастье», лишена всеобщего «футуризма», это дарящее блаженство настоящее, непредумышленное свершение».²

Вся история конкурентного капитализма, по мнению Ф. Броделя, может рассматриваться в качестве крупномасштабного воплощения теории игр. Под внешней простотой «соревновательного поведения» скрываются такие проявления человеческой жизни как игра прогнозируемая, игра правильная, игра законная, игра навыворот, игра плутовская.³ Огромное количество человеческих действий можно считать игрой. У Ж.-Ф. Лиотара вся культура постмодерна воплощает в себе игровой тип человеческой активности. Однако еще в эпоху модерна некоторые из игровых форм использовались для описания важнейших проявлений жизни науки, литературы и искусства.⁴ Уже в то время большинству человеческих действий

¹Финк Е. Основные феномены человеческого бытия // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С. 360.

²Финк Е. Основные феномены человеческого бытия // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С. 363-364.

³Бродель Ф. Игры обмена. – М.: Прогресс, 1989. – С. 630.

⁴Liotard J.-F. Exceptions from the Postmodern Condition: A Report on Knowledge // A Postmodern Reader. – USA: State University of New York Press, 1993. – P. 71.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

предшествовала их ментальная модель, которая выступала в качестве виртуального, *игрового* варианта предметной действительности. Современная игра – это универсальная знаково-символическая микро- или макро-, судя по обстоятельствам, модель (версия) осмысленного человеческого действия.

Можно сказать, что в большинстве случаев *игра воплощает в себе основанный на принятых ее участниками правилах процесс символического моделирования различных видов человеческой активности в условиях пониженной ответственности за ее результаты.*

Как и праздник, игра является культурной формой освоения человеческого досуга. Однако сегодня возможности игры успешно используются также в реальных производственных, научных и политических процессах.¹ Игра выполняют функцию их виртуального моделирования (научного экспериментирования). Различают игры в сфере управленческой, научной и военной активности. В философском смысле игра, писал Ж. Бодрийар, есть *предприятие для соблазнения шансами.*² Тем не менее, кроме прожигания времени в пространстве «истинного соблазна», игра содержит в себе возможность осмысленного пародирования реальности и даже привнесения в нее новых прав и свобод. В кибернетическом смысле игра представляет собой имитационную модель, описанную математическими формулами (компьютерными программами) или инструкциями по игровой деятельности.

В то же время, как подчеркивает Л. Иваненко, ни одна из игр

¹См.: Речицкий В. Деловые игры и участие общественности в управлении // Советское государство и право, № 9, 1986. – С. 27-44; Иваненко Л., Кушниров В., Речицкий В. Развивающие деловые игры на телеэкранах Украины // Программированное обучение, № 23, 1986. – С. 80-88; Речицкий В. Применение методов деловых игр в обеспечении социально-политической активности // Проблемы совершенствования советского законодательства и правоприменительной деятельности. – Харьков: 1987. – С. 13-17.

²Baudrillard J. Seduction. – N. Y.: St. Martin's Press, 1990. – P. 144.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

не является и не может быть объектом умозрительного созерцания. Игра всегда «играется», данная форма деятельности неизбежно увлекает, втягивает и ведет за собой ее участников.¹ Игре присущ неподдельный драматизм, она всегда эмоционально окрашена, психологически интенсивна. Хорошая игра воплощает собой интеллектуальный поединок, умственное сражение. Соревнование же, говорил К.-А. Гельвеций, – это сильная страсть.²

Вовенарг называл игру наиболее распространенным из человеческих увлечений.³ Очень многие игровые ситуации требуют напряженной интеллектуальной активности, поэтому ответственными игроками могут быть не только профессиональные шахматисты. Настоящая игра – это нечто большее, чем только игра. Наше время сделало игру инструментом цивилизации, особым *методом* функционирования символической реальности. Нередко игра совпадает с научным экспериментированием. Но еще более важным в игре является то, что она служит *универсальной метафорой* человеческой жизнедеятельности.

На любом уровне игры в ней трудно обнаружить какую-либо внешнюю цель. В своем идеальном выражении игра является «бесцельной» и «бесполезной» (just for fun), и поэтому даже ответственная игровая активность оценивается по правилам деятельности *понарошку*. Настоящая игра, пишет М. Оссовская, все-таки больше напоминает любительский, а не профессиональный спорт.⁴

В то же время, нет ничего более занятого и практично-го на свете, писал Г. Гессе, чем игра.⁵ Важно лишь, чтобы она

¹Иваненко Л. Массовые имитационные игры как средство социального управления // Кибернетика, № 6, 1987. – С. 63.

²Гельвеций К.-А. Сочинения в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1974. – С. 40.

³Вовенарг. Размышления и максимы. – Л.: Наука, 1988. – С. 47.

⁴Оссовская М. Рыцарь и буржуа. – М.: Прогресс, 1987. – С. 509.

⁵Гессе Г. Письма по кругу. – М.: Прогресс, 1987. – С. 125.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

оставалась именно игрой – свободным, не перегруженным ответственностью видом человеческой деятельности. Постановка перед игрой любой внешней цели (кроме цели самой игры) способна уничтожить ее уникальный игровой эффект. Последнее обстоятельство частично объясняет провал тех интеллектуальных начинаний, которые ориентируются на решение исключительно конкретных, «практических» задач. Человек по природе своей не может эффективно действовать в обстановке связанного воображения, интеллектуальной несвободы. В традиционном казино контролируется соблюдение игровых правил, а не размеры ставок и суммы выигрышей. И все это для того, чтобы не изменять начальных условий по ходу действия. В политической игре подобный соблазн является чрезвычайно сильным, поэтому многие из посттоталитарных правительств поддерживают демократию лишь при условии гарантированного получения от нее «положительных» для себя результатов.

В Древнем Риме азартные игры были запрещены под страхом тюрьмы или отправки на галеры. Социально-политическая практика Древней Греции, напротив, носила отчетливо выраженный игровой характер. Здесь практиковалось множество интеллектуальных игр, в которых жители полиса оттачивали свою умственную гибкость. Какие-либо внешние цели при этом, как правило, не ставились.¹ После победы над Ганнибалом в Риме постепенно начали практиковаться игры, сопутствующие праздникам. В эпоху императоров они считались уже едва ли не суррогатом политической жизни.² Сама гедонистическая атмосфера эпохи способствовала в то время распространению игр как эффективного способа интенсификации жизни. При этом характерное для игры отсутствие

¹Гелен А. О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С. 199-200.

²Жигульский К. Праздник и культура. – М.: Прогресс, 1985. – С. 201.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

специальной цели делало ее «опасно похожей на жизнь, как таковую» (Х. Арендт).

В Средневековье игровые моменты время от времени также прерывали медленное течение повседневности. «Можно сказать, <...> что в средние века человек проживал две жизни: одну *официальную*, монолитно серьезную и хмурую, охваченную четким иерархическим порядком, преисполненную страха, догм, уважения и почтительности, а вторую – *жизнь карнавальной площади*, свободную и неограниченную, полную всеобъемлющего смеха, богохульства, осквернения всего святого, насмешек и непристойностей, неформальных контактов со всем и вся. Обе жизни были легитимными, но их разделяли четкие временные границы».¹

Начало буржуазной эпохи было пропитано далеким от игры духом кальвинизма. Однако уже к концу XVII века Европа начинает понемногу «оттаивать» и играть. В сущности, писал Э. Берн, все люди играют, говоря один другому «здравствуйте», и продолжают играть, говоря «до свидания». Обычно не только дети, но и взрослые с удовольствием играют роли тех, кем они хотели бы стать.² Примечательно, что в социологических словарях понятие игры рассматривается наравне с понятиями труда и развлечения. Как показывают исследования, современная потребность в игре у детей и взрослых является примерно одинаковой.³

Во время Второй мировой войны в Западной Европе и США широкую популярность приобрели игры, имитирующие предпринимательскую (деловую) и военно-штабную активность. Во второй половине XX века международный игродизайн обогатили созданные американским профессором Д. Медоузом

¹Сторі Дж. Теорія культури та масова культура. – Харків: Акта, 2005. – С. 176-177.

²Уэллс Г. Уэллс об Уэллсе. – М.: Радуга, 1990. – С. 114.

³Амосов Н. Реальности, идеалы и модели // Литературная газета, 5 октября, 1988. – С. 13.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

популярные деловые игры «Fishing» и «Strategy». Стоит отметить, что в 80-е годы прошлого века в СССР, в частности, в Украине, были созданы не имеющие в то время аналогов массовые телевизионные деловые игры «Урбанистика» и «Кибернетический фитотрон». ¹ Как показывает современный опыт, при увеличении плотности принятия решений в данный отрезок времени в пять раз, вероятность совершения управленческих ошибок возрастает в пятнадцать раз. Поэтому неудивительно, что деловые игры эффективно используются в современных курсах обучения менеджменту. ²

По сравнению с «ментальностью второй волны» эпохи индустриализма, ³ ментальность постиндустриальной «третьей волны» еще более актуализировала игровой тип человеческого отношения к действительности. Возникла ситуация, при которой игра стала восприниматься как универсальная форма, типичная модель человеческого мышления и поведения в целом. По мнению М. Павловой-Сильванской, подобная закономерность отчетливо проявила себя уже в акциях польской «Солидарности». ⁴ Можно сказать, что игровой тип политической активности воплотили в себе также дни и ночи украинской «апельсиновой революции».

Все это дает основания предположить, что в современных условиях игра вышла за рамки моделирования лишь отдельных аспектов человеческого поведения. Ныне все общество может рассматриваться как игровая система активности или

¹См.: Иваненко Л. Массовые имитационные игры как средство социального управления // Кибернетика, № 6, 1987. – С. 63-71; Иваненко Л. Гра як пізнавальна та конструктивна діяльність. Перший проект – «Гра в етері». – Харків: Фоліо, 2005; Ivanenko L. Mass Simulation Games as a Social Management Tool // Cybernetics. – N. Y.: Nov.-Dec. 1987 / July 1988, Vol. 23, # 6. – P. 796-806.

²Пискотин М. Социализм и государственное управление. – М.: Наука, 1988. – С. 232.

³Toffler A. The Third Wave. – N. Y.: Bantam Books, 1994. – P. 97.

⁴Павлова-Сильванская М. Польская формула // Литературная газета, 19 июля, 1989. – С. 14.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

«большая игра».¹ Множество политических и административных акций современного государства осуществляются в игровом или близком к игровому режиму.² В результате, писал Д. Шумпетер, не следует удивляться тому, что у политиков искусство держаться в седле сегодня ценится больше, чем знание маршрута движения, а генералы заботятся о дисциплине в войсках усерднее, чем о стратегии войны.³ По мнению Л. Мамфорда, само существование современной цивилизации во многом обязано игре с игрушками, мифу, магическому обряду, механическому запоминанию и фантазии.⁴

Поскольку игровым является, в своей основе, любой интеллектуальный процесс, игра непосредственно связана с человеческим творчеством, искусством и управлением. Можно сказать, что она выступает важнейшим способом достижения их целей. Данное обстоятельство также объясняет широкую популярность созданной Д. фон Нейманом математической теории игр.

В свою очередь, тот факт, что политические игры имеют неполный набор данных и большое количество участников, делает их особенно непредсказуемыми.⁵ Политическая жизнь тоталитарного государства сводится к простой альтернативе: сотрудничество или уничтожение. Но поскольку политические процессы в любом обществе тождественны играм с

¹ Турен А. От обмена к коммуникации: рождение программированного общества // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 428.

² Murray E. The Symbolic Uses of Politics. – Urbana-Chicago: University of Illinois Press, 1985. – P. 46.

³ Schumpeter J. Capitalism, Socialism and Democracy. – London: George Allen, 1976. – P. 287.

⁴ Мэмфорд Л. (в других источниках – Л. Мамфорд) Техника и природа человека // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 229.

⁵ Винер Н. Кибернетика и общество. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. – С. 183-184.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

правилами, которые являются *функциями времени*, даже тоталитаризм не может выигрывать вечно.

Авторитаризм и тоталитаризм терпят фиаско в значительной степени просто потому, что они являются воплощением интеллектуальной скуки и однообразия. Подобно тому, как индустриальные общества со временем становятся информационными, авторитарные общества постепенно трансформируются в общества «фейлетонистические» (Г. Гессе), игровые. Что же касается постиндустриального общества, то в нем «действительно выражается нечто вроде свободы самой жизни, а именно «свободного» избытка сил, смеющего играть, раз состояние производительных сил общества достигло точки, когда в дальнейшем росте уже нет жизненной нужды».¹

Жизнь любой социальной системы состоит в чередовании фаз производительной и непроизводительной занятости. Но если авторитаризм и тоталитаризм делают приоритетным объектом своего внимания труд, то либеральные общества проявляют серьезное отношение к фазе досуга. Способность игры «убивать» время, сублимировать страсти, давать разрядку инстинктам и подсознательным стремлениям хорошо осознавалась уже правителями Древнего Рима. Как известно, императоры не позволяли плебейам «разевать рты ни от голода, ни от скуки» (К. Жигульский). Понимание того обстоятельства, что битва за моральные и духовные устои общества разгорается в часы досуга, является признаком современной политической зрелости.²

В психологическом смысле игровая активность выступает тем «непривычным проявлением повседневности» (Е. Анчел), которое позволяет людям поддерживать высокий жизненный тонус. Позитивные эмоции ведут человеческие биографии к

¹ Арендт Х. *Vita Activa* или о деятельной жизни. – СПб.: Алетейа, 2000. – С. 162.

² Гувер Г. Радость рыбалки // Америка, № 1, январь, 1986. – С. 24.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

успеху. Если главной ценностью жизни, как считал Гете, является сама жизнь, то роль игры в ней резко возрастает. Игровая деятельность растет в цене по мере осознания людьми того обстоятельства, что они не являются средством достижения внешних для себя целей. Возможно, поэтому узы игры не столько обременяют, сколько соединяют людей и их поколения друг с другом.¹

Если прием символизации воплощает в себе *смысл* большинства культурных практик, то игра является универсальным *способом* их осуществления. По этой причине игровое «действие, осуществляемое свободно и стихийно и доставляющее положительные эмоции от его совершения»² проникло сегодня в международную политику и дипломатическую жизнь. По мнению Й. Хейзинги, феномен игры подтверждает «супралогический» характер человеческого положения во Вселенной. Животные играют бессознательно, что доказывает их очевидное превосходство над техническими механизмами. Люди играют сознательно, и это особым образом позиционирует их в мировом пространстве. В этике Г. Гессе игра поднимается до высот, оставляющих «все серьезное» далеко позади. Но тем самым она доказывает, что человеческая активность выходит за пределы банальной стратегии выживания. Поэзия и игра идут нога в ногу, говорил Д. Локк, редко принося индивиду ощутимые выгоды.³ Однако именно это свойство делает их столь необходимыми.

Что касается имитационных (деловых) игр, то они широко известны своими образовательными возможностями. Стимулируя

¹Как считал Ален, если дети используют игру как отдушину для конфликтов, то гнев взрослых находит себе выход в выдуманных сражениях. В любом случае игра – это сложная форма совместной деятельности (Ален. Суждения. – М.: Республика, 2000. – С. 97).

²Вятр Е. Социология политических отношений. – М.: Прогресс, 1979. – С. 287.

³Локк Д. Сочинения. В 3-х т. Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – С. 571.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

живое, активное отношение к происходящему, имитационные игры воспитывают у своих участников восприятие жизни как арены состязания.¹ Неслучайно у Т. Дезами лучшие преподаватели – это противостоящие рутинерам «скромные ученые, подлинные мастера игр».² Современное образование включает в себя широкий спектр игр, в программное обеспечение которых закладывается значительное количество эвристических элементов. Все на свете любят игру, писал Ш. Монтескье, и даже люди благоразумные охотно предаются ей.³

По мнению Г. Честертона, игра – прекрасное занятие, может быть, самое лучшее на свете. Бывает, что она даже становится исключительной целью человеческой активности.⁴ В свое время Г. В. Лейбниц верил, что игры могут научить человека эффективно справляться с опасными жизненными ситуациями, а Ш. Фурье – что с помощью игр человечество научится избегать кровопролития в попытках осуществить проекты социальных философов.⁵ Гегель видел в игре позитивный педагогический момент эксплуатации «ребяческого» начала в индивидуе,⁶ а А. Адлер – важную форму связи человека с обществом, инструмент его социализации, распознавания в нем качеств неповторимой личности.⁷

Общество заинтересовано в шутке и игре еще и потому, что они конструируют правила поведения за рамками трагической стороны мира, помогают индивиду отстраниться от всего того, что М. Хайдеггер называл «жизнью, устремленной к

¹ Линч К. Совершенная форма в градостроительстве. – М.: Стройиздат, 1986. – С. 242.

² Дезами Т. Кодекс общности. – М.: АН СССР, 1956. – С. 288.

³ Монтескье Ш. Избранные произведения. – М.: Госполитиздат, 1955. – С. 437.

⁴ Честертон Г. Писатель в газете. – М.: Прогресс, 1984. – С. 84.

⁵ Фурье Ш. Избранные сочинения. Т. 2. – М.-Л.: АН СССР, 1951. – С. 396.

⁶ Гегель Г. В. Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – С. 221.

⁷ Адлер А. Индивидуальная психология // История зарубежной психологии (30-е–60-е годы XX века). Тексты. – М.: МГУ, 1986. – С. 137.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

смерти». В своем предельном смысле игра является способом «соучастия в вечности», вариантом «шутки на эшафоте». В науке и искусстве игра переходит в творчество, становится стилем жизни, напоминающим «танец дерзкого человека».¹

Вместе с тем, в любой игре существуют правила, которые превращают ее в *subjectum* собственного движения.² Будучи одним из способов материализации человеческой фантазии, игра сохраняет косвенную связь с законами реальной действительности. В противном случае она рискует превратиться в бессодержательную химеру. Настоящая игра также способна структурировать человеческое поведение. С этической же точки зрения главным в игре является то, что она носит вероятностный, а не фатальный характер.³

Согласно математической теории игр – совокупности правил, описывающих процедуры принятия решений в условиях неопределенности⁴ – игры способны выполнять в социальном пространстве такую же роль, какую геометрические и математические модели выполняют в пространстве физической реальности.⁵ Данное обстоятельство позволяет рассматривать игру в качестве способа (метода) реализации творческого потенциала человека. Классическая теория игр Д. фон Неймана, а также иные примыкающие к ней математические модели (в частности, намеченная в работах М. Цетлина 1960–1966 годов теория игр автоматов) являются безусловно полезными с точки зрения возможностей их социального применения.⁶

¹ Хиггинс Р. Седьмой враг // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М.: Прогресс, 1990. – С. 73.

² Гадамер Х.-Г. Истина и метод. – М.: Прогресс, 1988. – С. 565.

³ Роменец В. Психологія творчості. – Київ: Либідь, 2001. – С. 165.

⁴ Джонстон Р. География и географы. – М.: Прогресс, 1987. – С. 194.

⁵ Моргенштерн О., Нейман Д. Теория игр и экономическое поведение. – М.: 1970. – С. 58.

⁶ Винер Н. Кибернетика и общество. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. – С. 186.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Известно, что теория игр сравнительно легко описывает ход игры для двух ее потенциальных участников. Однако при трех и более участниках игры ее развитие становится крайне неустойчивым. В частности, в игре «Монополия» побуждаемые честолюбием и алчностью игроки вступают в коалиции, поведение которых напоминает столпотворение измен, ренегатства и обмана. По мнению Н. Винера, подобная игра адекватно репрезентирует модель высшей деловой, а также военной и дипломатической активности. В конце игры в «Монополию» беспринципного маклера ждет разорение. Но если игроки все-таки соглашаются соблюдать достигнутые договоренности, наибольшие шансы приобретает тот, кто в конце игры нарушит соглашение и предаст своих партнеров.¹

В силу органической природы, общества проходят сквозь последовательную смену фаз войн и революций, циклы бумов и спадов деловой активности. На этом фоне игровые войны, кризисы и разорения являются трагедиями в масштабе знаково-символической, а не предметно-физической реальности. В свое время К. Лоренц и Б. Рассел были серьезно обеспокоены проблемой отведения в безопасное русло генетически наследуемой человеком агрессии. Вечное соперничество национальных государств, считал Б. Рассел, было бы полезно переместить из сфер военной и политической в сферу спортивной и научной (игровой) деятельности.

По мнению Ж. Лакана, игра представляет собой квинтэссенцию интеллектуальной активности, в которой символу отводится роль главной структуры мысли. Поэтому игру можно считать чем-то более значительным, чем только абстрактной моделью человеческой жизни. Игра – это *форма существования* символической реальности, благодаря которой реализуется ее глубинный творческий потенциал.

¹ Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине. – М.: Наука, 1983. – С. 241.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Это также означает, что игра представляют собой символическое тело с неограниченным количеством его возможных проекций. Например, в педагогике Ж. Пиаже различаются игры-упражнения, символические игры и игры с правилами. При этом каждый класс игр обладает особым познавательным, коммуникативным и творческим потенциалом.¹ Возможна также классификация игр по их «психологическим рангам». Например, в игре нулевого ранга ее участники не осознают условного характера своих действий, а в игре первого ранга, наоборот, обязаны понимать ее условность. Игры второго ранга проводятся по специальному сценарию и правилам, а в играх третьего ранга правила игры предполагают обязательное условие конкуренции. В игре четвертого ранга поведение игрока фактически сливается с образом жизни творческой личности.

По мнению П. Медавара, если придумывание идей воплощает в себе высшие возможности человеческого интеллекта, а «научного метода» не существует, то теорию игр можно рассматривать в качестве важнейшего способа получения новых идей. При этом сформулированные в играх идеи могут быть практическими – как в науке, или «бесполезными» – как в искусстве. В любом случае именно игра создает наилучшие условия для нашей интеллектуальной активности. По признанию К. Кардинале, игра является «прекрасным и незаменимым» элементом творческой жизни.²

Как уже неоднократно отмечалось выше, одним из наиболее ценных качеств настоящей игры является тот факт, что ее результат невозможно предвидеть. В середине 80-х годов XX века коммунистические лидеры Польши, ведя политическую

¹Розин В. Методологический анализ деловой игры как новой области научно-технической деятельности и знания // Вопросы философии, № 6, 1986. – С. 67.

²Кардинале К. Мне повезло. – М.: Вагриус, 1997. – С. 248.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

игру с оппозицией, ожидали, что недовольные рабочие выйдут на улицы городов с рациональными марксистскими лозунгами и знаменами. Однако реальность подарила им настоящий сюрприз – польские граждане выступили за свои права под знаком Черной Мадонны.

4.4. Искушение в механизме символического воздействия

Символическая реальность существует и проявляет себя в соответствии с принципами свободы, множественности, терпимости и этического выбора, из чего можно сделать вывод о том, что интеллектуальной активности присущ спонтанный мотив. Главным стимулом в пространстве символической реальности является интеллектуальное искушение, соблазн. Человек испытывает постоянную потребность в живых ощущениях и впечатлениях, говорил П.-А. Гольбах. Чем больше их у него, тем более удовлетворенным и счастливым он себя чувствует.¹

Наблюдение П.-А. Гольбаха свидетельствует о том, что не приказ, долг или обязанность являются природными стимулами человеческого поведения, а искушение новизной, жажда знаний и перемены обстановки. Новизна – главный инструмент индивидуалистического общества, писал Ж. Липовецки. Именно она побуждает общество и его членов бороться с застоем, повторениями, однообразием, приверженностью догмам и устаревшим авторитетам. Можно сказать, что спонтанное искушение представляет собой главный стимул интеллектуальной активности. В обществе свободной и плюралистической культуры жизнь представляет собой бесконечную череду

¹ Гольбах П.-А. Избранные произведения. В 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1963. – С. 91.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

сменяющих друг друга картин – недаром интерес к новизне стал главным символом постмодерна. За новизной охотятся не только потому, что старое кажется безжизненным и неплодотворным (мотив модерна), но также из-за стремления перейти грань обыденности. Новизна, писал Г. Зельдмайр, – это стиль, который востребуется в обществе *любой ценой*.

Активность, разбуженная жаждой новизны, напоминает дух поэзии, исходящий «неизвестно откуда». Как в свое время говорил Ж. Кокто, поэзии необходим чистый соблазн, свободный от влияния любой рационалистической установки. Более того, настоящее культурное искушение нуждается в обстановке интеллектуального стриптиза. Ничем не стесненная информация и коммуникация, эффективная прямая и обратная связь образуют необходимый каркас механизма культурного обольщения, становятся формой культурной политики. Сколько ни изучай философию практики, писал Б. Кроче, в сфере желаний невозможно обнаружить ничего *принудительного*. Творческая активность свободна, ибо свободен творческий дух. Свобода творчества связана лишь зависимостью от интеллектуального искушения, провокации, вызова себе.

Механизм культурного искушения сложился эволюционным путем, что и объясняет кажущуюся простоту его основных элементов. По мнению З. Гиппиус, похоть, тщеславие и страх образуют изначальный (классический) движитель воли и сознания человека. Впоследствии история «кует» данную триаду молотом сознания или тем, что принято называть культурой.¹ Говоря иными словами, доступ современного индивида к реальности осуществляется через промежуточный символический универсум.² «С того времени, как люди научились читать, а устной традиции больше не существует, концепции величия и образцы, достойные того, чтобы их иллюстрировать,

¹ Гиппиус З. Живые лица. – СПб.: Азбука, 2001. – С. 123.

² Жижек С. Метастази насолоди. – Київ: Альтернативи, 2000. – С. 111.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

предоставляют публике люди, умело владеющие пером», – писала С. Вейль.¹ Все мы находимся под воздействием механизма «символической причинности», благодаря подсказкам которого каждый человек решает, какие причины являются для него определяющими, а также причины данных причин.

Под воздействием гигантского количества культурных взаимодействий и трансформаций «освобожденное из гетто надстройки и идеологии» (Ж. Липовецки) обольщение стало реальным стимулом человеческих отношений, определяющих траверс индивидуальных выборов и судеб. Можно сказать, что культурное искушение стало универсальным способом человеческого овладения универсумом. Сегодня все мы являемся субъектами фундаментальной зависимости: движение мира обеспечивает интеллектуальный соблазн.² Пикантность ситуации придает то, что при этом «негативное очарование по своей силе не уступает позитивному» и т. д.³

Ш. Бодлер называл человека ребенком, заблудившимся в лесу символов. Данное сравнение кажется особенно удачным в век коммуникации и бурного прогресса СМИ, когда «символическому искушению» предписано регулировать потребление, информацию, образование и церковный обряд. Все это позволяет высказать предположение о том, что в Западной Европе и США жизнь общества управляется стратегией, избавившейся от примата производственных отношений. Самые разнообразные знания впитываются людьми из школьных и университетских программ, телевидения и обилия форм современного искусства. СМИ в невиданных ранее масштабах поставляют публике символические образцы вместе с пестрыми картинками жизни.

¹ Вейль С. Укорінення. Лист до клірика. – Київ: Дух і літера, 1998. – С. 172.

² Baudrillard J. Seduction. – N. Y.: St. Martin's Press, 1990. – P. 41.

³ Яффе А. Символы в изобразительном искусстве // Юнг Карл Густав, фон Франц М.-Л., Хендерсон Дж. Л., Якоби И., Яффе А. Человек и его символы. – М.: Серебряные нити, 1997. – С. 247.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Современные «массы психологизируются, чтобы быть обольщенными, – писал Ж. Бодрийар. – На них напавляют желание, чтобы отвлечь от него и совратить. Прежде они отчуждались – это когда у них было сознание (мистифицированное!), – сегодня обольщаются, потому что у них есть бессознательное и желание (увы, такое вытесненное и заблудшее!). Прежде они отвлекались от истины истории (революционной) – сегодня отвлекаются от истины собственного желания. Бедные массы, жертвы обольщения и манипулирования! Их заставляли сносить господство грубым насилием – их заставляют принимать его силой соблазна».¹

С сарказмом Ж. Бодрийара можно полемизировать, однако культурный соблазн действительно стал более мощным фактором социальной динамики, чем экономическое давление. Власть символического начала побуждает теоретиков культуры утверждать, что тиражируемое искушение подавляет настоящее искусство, однако сами подобные обвинения следует воспринимать критически. Эксперты призывают осторожно относиться к влиянию моды на жизнеспособность евро-атлантического духа, но они же признают культурное искушение главной пружиной динамики индивидуалистических обществ. Как писал по этому поводу Ж. Делез, сексуальность – это единственный фантастический принцип, способный заставить мир отклониться от старого экономического порядка, предначертанного ему изначально.² Соблазн, мода и сексуальность не раз спасали культуру от серости, дидактизма и предсказуемости. Принцип культурного искушения лежит в основе всего художественного и научного творчества. Соблазнять, писал Ж. Бодрийар, означает посягать на сам порядок вещей, символическое искушение – это далеко не пустая концепция.

¹ Бодрийар Ж. Соблазн. – М.: Ad Marginem, 2000. – С. 300-301.

² Делез Ж. Мишель Турнье и мир без будущего // Турнье М. Пятница или тихоокеанский лимб. – СПб.: Амфора, 1999. – С. 283.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

По мнению Ф. Хайека, определяющими факторами прогресса являются предельно абстрактные, символические представления человека о «правильном» и «неправильном», а вовсе не осознаваемые нами сиюминутные практические интересы и потребности. Таким образом, не сознательная постановка людьми конкретных задач, а их подсознательные установки определяют картину происходящего в современном мире.¹ В действительности, лишь удовлетворение подлинных (не обязательно ясно осознаваемых) желаний и стремлений индивида способно сделать его уверенным и счастливым. При этом там, где нет сознания, как у животных, искушение новизной осуществляется через нечто внешнее – оболочку, видимость, поверхность. Там же, где сознание и душа присутствуют – инновационный соблазн совершается через все искусственное, внутреннее, придуманное, наконец – воображаемое. Как говорил Э. Сведенборг, оптическое зрение человека поражается предметами природного мира, однако его внутреннее зрение способны впечатлять лишь предметы духовного свойства.²

Искушение новизной, интеллектуальный соблазн являются особенно сильными в случае сильного интеллекта. Можно сказать, что сила культурного искушения прямо пропорциональна силе разума, пораженного новизной. Возможно, что в царстве культуры печально известной *силы воли* вообще не существует, а культурную динамику обеспечивают исключительно голоса современных сирен. В свое время Ж.-П. Сартр называл элегантность индивидуальным качеством высшего ранга, за которым скрываются целые пласты бытия. «Жест важен, – подчеркивала Т. Лемпицка. – Это стиль, которому следуют все художники».³

¹Хайек Ф. Право, законодательство та свобода. Т. 1. – Київ: Сфера, 1999. – С. 101.

²Сведенборг Э. О небесах, о мире духов и об аде. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 140.

³De Lempicka-Foxhall, Kizette, Baroness. Passion by Design. – N. Y.: Abbeville Press, 1987. – P. 77.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Что касается *идейного* или теоретического соблазна, то он проявляет себя как направление мыслей, действующее на воображение в самых неожиданных обстоятельствах. Нередко и сама личность представляет собой воплощение соблазна в явлении. По крайней мере, у отдельных людей сияние идеи является настолько впечатляющим, что возникает ощущение, будто идея приняла форму индивида с единственной целью – открыть себя.¹ Личности способны ослеплять нас своим мышлением подобно И. С. Баху или Рембрандту. Они вызывают всеобщие симпатии, очаровывают и увлекают публику за собой.² Даже наиболее консервативные общества с течением времени признают своих одаренных эксцентриков. Как известно, Э. Ионеско хотел посвятить культурной чувствительности капитализма хвалебную статью.

Идея наслаждения приобрела в современном мире облик фундаментальной потребности, насущного права. «Младшее в семействе человеческих прав» (Ж. Бодрийар) – наслаждение претендует сегодня на роль категорического императива. Перечить ему столь же абсурдно, как и отвергать обаяние «кантовских бесцельных целесообразностей». В гедонистическом обществе субъект выступает источником глубокой радости, безрассудства и печали одновременно. В культурном отношении, писал Д. Сантаяна, он напоминает дремлющее посреди широкой долины существо, способное улавливать из атмосферы тончайшие флюиды перемен.³

Человеку ненавистна рутина, обязательность любых заученных до автоматизма упражнений. И это касается первобытных охотничьих навыков в той же степени, что и высокоспециализированных конвейерных операций. На этом фоне

¹ Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – С. 303, 304.

² Гомбрович В. Щоденник. Т. 2. – Київ: Основи, 1999. – С. 304.

³ Сантаяна Д. Скептицизм и животная вера. – СПб.: Владимир Даль, 2001. – С. 205.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

символический соблазн выступает как воплощение свежести, нечаянности и непредсказуемости человеческой биографии, индивидуальной линии судьбы. Можно сказать, что именно в нем скрывается первопричина любого творчества. В науке культурное искушение проявляется в стремлении ученого *обнажить субстанциональное содержание* предметов и явлений. Ученые открывают для себя истину, как Актеон – купающуюся Артемиду. Недаром Ф. Бэкон сравнивал научное познание с охотой Пана. У Ж.-П. Сартра ученый в проблемной ситуации – это увлеченный охотник за наготой, «насилующий» ее своим взглядом.¹

В искусстве, говорил Ж.-Ф. Лиотар, сила либидо практически непосредственно переходит в символическую энергию искушения. В основе работы подобного механизма лежит метафизика желаний, импульс творческого воображения, порождающий все музыкальные, литературные и живописные эффекты. По мнению Э. Левинаса, здесь все происходит в напряженном соединении неудовлетворенности и желания, которое составляет самую сущность сладострастия.² Сценарий культурного искушения содержит в себе метафизику женственности, рассеянной феминизации, «эротизации <...> отношений внутри размякшей социальной вселенной» (Ж. Бодрийар).

В пространстве символической реальности все укладывается в стратегию обольщения: все свободны в следовании своим вкусам и желаниям, ибо идеологии и доктрины никому не навязываются. Соблазн является здесь лицевой и оборотной стороной власти, отныне от субъекта вовсе не требуется маршировать или стоять в строю. Что касается позиции художника, то она воплощает в себе дух странничества, готовность начать

¹ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. – М.: Республика, 2000. – С. 581, 583.

² Левинас Э. Тотальность и бесконечное: эссе о внешности // Вопросы философии, № 2, 1999. – С. 55.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

движение с любой точки и в любом направлении жизненного пространства. При этом классическая дилемма: следовать указующему персту прошлого или поддаться обещаниям будущего, утрачивает свою прежнюю значительность.¹

Постмодерн и глобализация эксплуатируют все возможные движители спонтанности: «толику обостренной чувствительности» (Э. Фромантен), «сердечные скачки» (М. Пруст), «грезы и химеры» (А. Жид) и «дурную игру» (Ф. Ницше). Социальные нравы смягчаются, поскольку жизнь становится более хаотической. Тем не менее, новый жизненный уклад вовсе не ведет к упадку производительности. «Простые демократии» постепенно заменяются более либеральными и плюралистическими моделями, а пенитенциарные учреждения оснащаются едва ли не курортным комфортом. Общество становится активным, хотя никто больше не предлагает ему надежного маяка, компаса и карты.

Повсюду водворяется принцип моды или «вирусного» (Ж. Бодрийар) заражения действительности. Стилизация пронизывает собой весь социальный порядок, а интеллектуальная жизнь все больше напоминает зрелище быстро сменяющихся символических ландшафтов. Первичная, изначальная реальность раздробляется и умножается в мириадах своих символических отражений.² Международные отношения, политика и право организуются в символический порядок, который вскоре реорганизуется вновь. Возникает ощущение, будто жизненные ритмы нарушают все правила когерентности, политические лидеры уговаривают свои народы как на участие в войне (Д. Буш – 2003), так и на заключение мира (Я. Арафат – 2002).

Жизнь в новых условиях требует всеобщей информированности, а правительства не хотят работать в тени, ибо это

¹Dworkin R. Law's Empire. – USA: Harvard University Press, 1997. – P. 348.

²Бодрийар Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000. – С. 174.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

перегружает их политической ответственностью. Мода проникает в структуры «научной объективности», а реклама из атрибута моды возвышается до уровня настоящей социальной ценности.¹ Жизненные стратегии и стили становятся объектом свободного выбора, поскольку качество жизни отныне определяется количеством образцов на рынке символического обмена. Характер образования непосредственно влияет на уровень коммуникации индивидов, а цены на артефакты становятся крепким орешком для экономического анализа.

«Максимум людей высшей квалификации с горделивой медлительностью изготавливают минимум моделей сложного покроя, которые будут повторены, с такой же медлительностью, в лучшем случае раз двадцать, а в худшем ни разу... Платья ценой в два миллиона... Так зачем же эта растрата сил? – спросите вы. А почему бы и нет, – отвечают творцы, мастера, работницы и 4000 заказчиц высокой моды, которые все одержимы одним и тем же стремлением к совершенству. Кутюрье – это последние авантюристы современного мира. Они культивируют бесполезный поступок... Зачем Высокая Мода? – думают ее хулители. А шампанское зачем?»

И дальше: «Ни практически, ни логически невозможно оправдать безумные авантюры одежды. Излишняя, а стало быть необходимая, мода принадлежит к области религии». Потлач, религия, даже ритуальная феерия выразительности, как в брачных нарядах и танцах животных, – все идет в ход, чтобы восславить моду наперекор экономике, как прорыв к иной, игровой социальности».²

¹ Бодрийар Ж. Система вещей. – М.: Рудомино, 2001. – С. 188.

² См.: Бодрийар Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000. – С. 181; о символической функции предметов см. у Г. Гессе: «Прежде всего я узнал, что все эти безделушки, все эти модные предметы роскоши – вовсе не чепуха, вовсе не выдумка корыстных фабрикантов и торговцев, а полноправный, прекрасный, разнообразный маленький или, вернее, большой мир вещей, имеющих одну-единственную цель – служить любви,

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Кажется, что мода ничего не знает о системах ценностей и о критериях логического суждения, однако на самом деле она не столько не доходит до них, сколько их превосходит, поскольку действует как еще одна *субверсия логического порядка*. Более того, мода образует «адское подполье власти: в этом аду все знаки относительны, и их относительность приходится ломать любой власти, стремящейся утвердить свои собственные знаки. Именно в таком своем качестве мода сегодня подхватывается молодежью – как сопротивление любому императиву, сопротивление без всякой идеологии, без всякой цели».¹ Несмотря на то, что в моде не обнаруживается никакого заместительного предназначения (новая мода не *лучше* старой), ее популярность от этого не становится меньше.

Мир современной моды – это пространство символического соблазна, но также и «экстаза коммуникации» (Ж. Рюс), в котором реализуется достоинство современной личности. Наши современники производят и потребляют образы, знаки и символы, бесконечно соревнуясь за личное распознавание и престиж. Можно сказать, что принцип моды проник даже в национальные фантазии и соблазны. Это применительно к ним Ф. Хайек доказывал нецелесообразность проектов освоения космоса, а А. Сахаров – испытаний водородной бомбы. Тем не менее, люди в развитых странах мечтают о путешествии на Марс, а их правительства продолжают вкладывать миллиарды в «боеголовки сдерживания».

обострять чувства, оживлять мертвую окружающую среду, волшебным образом надевая ее новыми органами любви – от пудры и духов до бальной туфельки, от перстня до портсигара, от пряжки для пояса до сумки. Эта сумка не была сумкой, этот кошелек не был кошельком, цветы не были цветами, веер не был веером, все было пластическим материалом любви, магии, очарования, было гонцом, контрабандистом, оружием, боевым кличем» (Гессе Г. Степной волк. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – С. 184).

¹Бодрийар Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000. – С. 189.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

В 1971 году М. Фуко высказал предположение о том, что адекватный набросок «общества будущего» нам дают молодежные опыты с наркотиками и сексом, жизнь коммунами, а также альтернативные формы сознания и человеческой индивидуальности.¹ Впрочем, Гете и Гегель пытались объяснить таинственное обаяние зла еще задолго до Л. Бунюэля и Ж. Бодрийара. США и Западная Европа отвечают на вызов фундаменталистов военными средствами, однако коммуны хиппи в легендарные «бо-е» все-таки успели передать свой *message* американским морским пехотинцам. Как говорил Ален, «в этом мире происходят самые разнообразные события», а «встречи с некоторыми людьми способны поколебать самые твердые убеждения».² В драматургии С. Беккета и Э. Ионеско подсознание закономерно приходит на смену сознанию, а символизм – материализму. Предметы остаются важными только лишь потому, что они обладают способностью манифестировать идеальные сущности.

У Б. Кроче природа, тело и материальные предметы выступают в качестве активного начала жизни, а человеческая душа – в качестве начала пассивного. В результате их взаимодействия в сознании индивида образуется особый отпечаток. Древние греки называли этот процесс «истечением вещей», в результате которого материя проникает в человеческую душу посредством образов. Схоласты же разработали по этому поводу теорию чувственных видов (*species sensibilis*), согласно которой образы и символы обладают способностью элиминироваться из предметов наподобие «маленьких духов» из донны.³

В XX веке постимпрессионизм, экспрессионизм, кубизм,

¹ Уолцер М. Компания критиков. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 356.

² Ален. Суждения. – М.: Республика, 2000. – С. 29.

³ Кроче Б. Антология сочинений по философии. – СПб.: Пневма, 1999. – С. 53.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

супрематизм и др. нанесли мощный удар по мировоззрению «вещности и предметности», заставив теоретиков искусства переключиться на декодирование спрятанных в глубине художественных произведений смыслов. Даже в любви, писал Ж.-П. Сартр, индивид больше не стремится обладать своей возлюбленной как вещью. Отныне «любить» становится проектом, смысл которого – заставить другого полюбить тебя. Можно сказать, что люди больше не желают *предметного* присвоения, они стремятся овладеть свободой как свободой.¹ Совсем неслучайно в открытом З. Фрейдом психоанализе, равно как и в произведениях абстрактного искусства, отыскание смыслов соотносится не столько с внешними, лежащими на поверхности жизненными фактами и обстоятельствами, сколько с внутренними духовными поисками и переживаниями индивида.

Имманентно присущий «второму царству» культуры соблазн, конечно же, небезупречен. Однако на фоне современных знаний об эволюции биологических систем «продажность» воспринимается нами уже почти как добродетель.² По мнению Д. Белла, ослабление теологической власти в Европе в конце XIX века, равно как и общая реакция искусства на демонические искушения модерна позволили сформироваться

¹ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. – М.: Республика, 2000. – С. 382, 390.

² Как пишет М. Турнье, «продажность – вот главная человеческая добродетель. Продажный человек умеет заставить молчать свои антиобщественные, смертоносные инстинкты – честь, самолюбие, патриотизм, политические амбиции, религиозный фанатизм, расизм, – стремясь дать волю тяге к сотрудничеству, любви к плодородному обмену, ощущению человеческой солидарности. Выражение «золотой век» следует понимать буквально; я уверен, что человечество давно достигло бы его, коли им руководили бы продажные правители. К нашему несчастью, историю почти всегда творят бескорыстные личности: в результате огонь пожирает все, повсюду кровь течет рекой» (Турнье М. Пятница или тихоокеанский лимб. – СПб.: Амфора, 1999. – С. 68-69).

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

современному представлению о том, что похоть, убийство и другие подобные темы сюрреализма могут продуктивно использоваться в художественном творчестве.¹ В итоге, соблазн модерна удалось преодолеть, лишь успешно поддавшись ему. Что касается «героя нашего времени», то ему еще предстоит сублимировать свой проблематический опыт.

4.5. Воображение и символическое воздействие

Воображение является, по-видимому, основным звеном в механизме культурного искушения. И хотя большинство теорий воображения сами являются продуктами человеческой фантазии (Ален), иллюзорность данной функции людям меньше всего хотелось бы признавать. Ибо в психологическом смысле воображение близко примыкает к надежде. «Новая организация получается чаще всего при включении ряда данных, которые до того считались независимыми. Эту способность сочетать между собой данные, до того не сочетавшиеся, можно назвать воображением. Одно из его основных свойств – скорость».² Данное определение воображения Ж.-Ф. Лиотаром является одним из наиболее широких.

Действие воображения – это всегда акт трансцендентального перемещения. Можно сказать, что оно представляет собой вектор, указывающий путь созданию большинства символов и артефактов. Благодаря способности воображения человеку в свое время открылось понимание пространства и числа.

¹ Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. – N. Y.: Basic Books, 1997. – С. 158.

² Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – М.-СПб.: Алетейя, 1998. – С. 126.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Воображение позволило также овладеть логикой и языком как главными инструментами коммуникации. Как писал Г. Сколимовский, с помощью воображения человеческий разум озаряет реальность светом сознания. То, чем глаза являются для человеческого созерцания, тем воображение является для человеческого понимания реальности. Сознание и воображение связаны неразрывно, поэтому понимание природы воображения открывает путь к пониманию природы сознания. К сожалению, еще и сегодня истоки воображения остаются недостаточно проясненными.

Воображение – это ментальный атрибут символической реальности, благодаря которому человеческое сознание получает возможность общаться с ее прошлым и будущим. При этом воображение удерживает человеческое сознание в состоянии относительной свободы. Для того чтобы предсказать, как в определенной ситуации поступит человек, писал С. Хокинг, мы не можем воспользоваться научными законами по двум причинам. Во-первых, мы не умеем решать уравнения, описывающие взаимодействие сразу большого количества субъектов. Во-вторых, даже если бы мы умели это делать, сам факт предсказания внес бы в систему возмущение, влияющее на конечный результат. Но если мы не можем предсказывать человеческое поведение, то обязаны согласиться с тем, что человек самостоятельно принимает решения относительно своих действий.¹

Именно воображение позволяет человеку использовать свою волю в качестве инструмента жизнедеятельности. Естественный отбор существенно усиливает человеческую способность к воображению, что периодически наполняет мир трагедиями и войнами. Так или иначе, любое сознательное изменение status quo не может произойти без участия нашего воображения.

¹Хокинг С. Черные дыры и молодые вселенные. – СПб.: Амфора, 2001. – С. 151-152.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

По мнению Л. Мамфорда, магия первой сумела соединить человеческую фантазию с технологией.¹ При этом воображение содействовало целям магии примерно так же, как оно содействует сегодня целям науки и искусства. Как писал Ж. Деррида, воображение – это свобода, которая раскрывает себя в своих произведениях. Именно поэтому результаты работы воображения принадлежат в одинаковой степени природе и человеку.²

Как одна из способностей человеческого сознания, воображение последовательно проявляет себя во всех ответвлениях и подразделениях современной культуры. Своих максимальных возможностей воображение достигает за счет усилий талантливых одиночек, но иногда оно проявляет себя в «публичном мозговом штурме» (У. Бек) масс. Опираясь на силу воображения, культура «свидетельствует» человеку о его будущем. Трудно не согласиться с тем, что все значительные достижения цивилизации являются продуктами человеческого воображения.³ Как следует из «теоремы Томаса», все то, что наделенные воображением люди *считают* реальным, рано или поздно становится таковым.

По мнению М. Фуко, безнадежность и время подтачивают любые социальные отношения и начинания, однако они ничего не могут противопоставить сцеплению мыслей в человеческом воображении. Все знают, писал он, что именно сила воображения цементирует могущество наций. Проведя почти 40 лет своей жизни в сталинских тюрьмах и лагерях, украинский диссидент Д. Шумук писал: «Человечество отличается от всего животного мира своей духовной жизнью, и особенно

¹ Mumford L. *Technics and Civilization*. – N. Y.: A Harbinger Book, 1963. – P. 40.

² Деррида Ж. *Письмо и различие*. – М.: Академический Проект, 2000. – С. 15.

³ Коукер К. *Сумерки Запада*. – М.: Московская школа политических исследований, 2000. – С. 25.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

той частью своего интеллекта, которая работает не на прямой материальный интерес, а ради символических потребностей нашего духа. Поскольку люди являются властвующими существами на планете, постольку дух здесь властвует над материей, которая служит лишь формой проявления его силы и красоты».¹

В пространстве символической реальности воображение действует вопреки всем физическим ограничениям и запретам. Воображение – это полновластный хозяин синтетической среды, главный распорядитель в мире идей и созданных людьми артефактов. Виртуальный характер воображения вовсе не означает его функциональной ущербности. Скорее, все обстоит противоположным образом. Как известно, эпитет «виртуальный» применялся вначале для описания «мнимых» качеств некоторых физических объектов. Затем виртуальными стали называть трехмерные компьютерные макромодели. Сегодня виртуальными принято называть все символические проекции и репрезентации действительности.

Л. Выготский называл воображение «заторможенным чувством». Подобно тому, как интеллект можно сравнить с заторможенной волей, фантазию следует воспринимать в качестве заторможенного чувства, писал он.² Но если чувство представляет собой симптом равнодушного отношения к действительности, то воображение тождественно виртуальной проекции данного симптома. Анализируя шансы и прогнозируя возможные результаты, воображение позволяет человеку экономить либо растрачивать находящиеся в его распоряжении средства и ресурсы. Хотя социальные затраты на «поставку» воображения являются высокими, развитое воображение способно приносить обществу колоссальную выгоду.

¹Шумук Д. Пережите і передумане. – Київ: Видавництво Олени Теліги, 1998. – С. 155.

²Выготский Л. Психология искусства. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 74.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

И все это потому, что эффект воображения обнаруживается там, где... ничего нет.

Механизм психологического принуждения имеет филогенетическую природу, то есть является проекцией социальных норм на внутренний духовный мир личности. Поэтому прохождение личности сквозь состояние (фазу) катарсиса можно рассматривать в качестве эффективного способа освобождения человека от ставших ему ненужными привычек. Тем не менее, подойти к катарсису индивид может, лишь допустив в сознание элемент абсурда.¹ Совершить же данную операцию ему позволяет воображение.

Однако воображение не является средством разрыва с действительностью. Воображать, говорил Э. Ионеско, – не значит прятаться от реальности, воображать – означает выходить за ее пределы, доказывая, что будущее сильнее, чем она. С точки зрения воображения реальность в наибольшей степени напоминает стену. Но это также свидетельствует о том, что в своем чистом виде рациональное мышление выглядит плачевно. Самое большее, чего мы можем ожидать от конституций и судов, писал Л. Фуллер, – это надежды на то, что они защитят нас от хаоса. Однако было бы огромной ошибкой считать их достаточными гарантиями человеческого стремления к совершенству.²

В области точных наук фантазия и воображение завоевали свой плацдарм сравнительно недавно. Как известно, в 1925 году Н. Бор и его коллеги-единомышленники решились на беспрецедентное понижение стандартов критики научных теорий. Многим тогда казалось, что разум в физике неожиданно отступил, а на его месте воцарился культ анархии и хаоса.³

¹ Адорно Т. Проблемы философии морали. – М.: Республика, 2000. – С. 110.

² Фуллер Л. Мораль права. – Київ: Сфера, 1999. – С. 48.

³ Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Кун Т. Структура научных революций. – М.: Изд-во АСТ, 2001. – С. 338.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Позже многие ученые начали серьезно сомневаться в самом качестве объективности науки. Некоторые из них попытались даже переместить истину «в глубины субъективности».

Что касается гуманитарной сферы, то здесь «опасность объективности и субъективности» (Р. Барт) всегда отождествлялась с риском, вытекающим из человеческой способности к воображению. Именно в основанном на силе воображения искусстве XX века смог утвердиться «разум неразумия» (Я. Голосовкер), открыто объявивший «здравый смысл» безумным.

В наши дни роль воображения в жизни символической реальности является исключительной. По крайней мере, в структуре человеческого сознания воображение определяет то представление, которое складывается у нас о самих себе, а также тот образ, в рамках которого мы хотели бы предстать перед миром. Воображение в значительной степени определяет также наше отношение к смерти.¹ Мы не можем увидеть политические институты, писал Г. Спенсер, однако мы можем познать их с помощью конструктивного воображения.² Неудивительно, что сила воображения проникла в настоящее время не только в политику, но и право, где воображению сегодня принадлежит роль создателя новейших институтов.³ Как писал о роли воображения Ю. Шерех, современное общество нуждается в «бюро общественной погоды», которое снабжало бы его воображаемыми прогнозами в сферах политики, культуры, литературы и... переселения в другие страны.

Разумеется, воображению принадлежит также много других функций. Принято считать, что это надежный механизм, благодаря которому каждый индивид может поставить себя на месте другого. Но это также тот удивительный инструмент, с

¹Финк Е. Основные феномены человеческого бытия // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С. 359-360.

²Spencer H. The Man Versus the State. – USA: Indianapolis, 1981. – P. 13.

³Toffler A. The Third Wave. – N. Y.: Bantam Books, 1994. – P. 441.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

помощью которого мы соглашаемся платить «фантастические цены» (А. Яффе) за произведения современного искусства.

4.6. Роль нюансов в символическом воздействии

Тонкие признаки различия или *нюансы* играют незаменимую роль в механизме культурно-символического воздействия. Как писал В. Беньямин, «сравнение микрологической переработки образной и интеллектуальной целостности показывает, что «содержание» правды можно постигнуть, лишь погрузившись в тонкости предмета».¹ По утверждению Р. Барта, «настоящее общение, честный обмен мнениями возможны лишь при строгом использовании тонких нюансов языка».² Силу данной аксиомы вынуждены были испытать на себе все эмигранты. Как известно, нюансы отличают в искусстве шедевр от подделки или просто ремесленных произведений. По словам Д. Сантаяны, «именно различие, бесконечно малое, но неизгладимое различие всего от всего остального, составляет то, что означает сущность».³

По мнению Л. Выготского, в каждом художественном произведении обнаруживается то, что на долю его автора připадает лишь выбор определенных элементов и их комбинация, варьирование в известных пределах уже существующих шаблонов, перенесение традиционных элементов в новое окружение и т. п. В этом смысле любое живописное полотно можно рассматривать как комбинацию основных цветов, а каждую

¹ Беньямин В. Вибране. – Львів: Літопис, 2002. – С. 100.

² Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. – М.: Изд-во Сабашниковых, 2004. – С. 503.

³ Сантаяна Д. Скептицизм и животная вера. – СПб.: Владимир Даль, 2001. – С. 181.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

музыкальную симфонию – как сочетание звуков из классического нотного набора. Ранжирование произведений искусства всегда пролегает по линии тонких нюансов отличия, которое именно поэтому считается особенно важным. Как полагал Э. Гуссерль, *«нюанс – хотя ему немедленно находится имя – относится к принципиально иному роду, нежели нюансируемое. Нюанс – это переживание. Переживание же возможно лишь как проживание, а не как нечто пространственное. А нюансируемое принципиально возможно лишь как пространственное»*.¹ Зритель, читатель, слушатель далеко не всегда может ответить на вопрос о том, почему одно художественное произведение он предпочитает другому. Как однажды заметил Балтус, *«фрукты Сезанна являются почти ничем, и в то же время всем»*.² Нечто похожее относится и к нашей способности оценки научных текстов. Как известно, для одаренного художественной или научной интуицией человека проблема отграничения истинных достижений от подделок особого труда не составляет.

В «Системе вещей» Ж. Бодрийар подчеркивает то важное обстоятельство, что нюанс в рамках целого составляет принадлежность одних лишь моделей, но никогда – серий. В сериях мы наблюдаем не нюансы, а прогнозируемые отличия в пределах некоего стилевого единства. Нюансы же – это модуляции в пространстве свободного синтаксиса. В отличие от нюансов, «отличия» возникают в результате перебора ограниченного количества вариантов в рамках определенной дизайнерской программы. Первоначально нам кажется, будто нюансы редки, а тиражируемых отличий – много. Однако в действительности неисчерпаемыми являются именно нюансы. В этом смысле

¹ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 91.

² Balthus. Vanished Splendors: A Memoir. – N. Y.: Harper Collins Publishers, 2002. – P. 75.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

модель, обладающая нюансами, – это уже почти художественное произведение. Наоборот, серийные отличия существуют и продуцируются в рамках таблицы вариантов, которые хотя и подчиняются общему направлению моды и стилю, однако являются зависимыми не столько от художника, сколько от диктата производства.¹

В искусстве нюансы различия составляют самую суть художественных произведений. Как заметил А. Пятигорский, «истинное в искусстве – это тот уже ни к чему не сводимый «остаток», тот феноменальный конечный «удар», к которому сводится все. Один штрих, одна строка, одно движение – если их нет, то нет *ничего*. Тогда труд, талант, порыв, все – ничто. И сам художник, бессильный в своей привязанности ко времени, тоже – ничто».² То, чем в искусстве действительно следует дорожить, встречается по-настоящему редко. Художественная истина не мультиплицируется и потому отмеряется скупно. Стоит заметить, что нюансы – как признаки высокой символической ценности – присущи не только творческим произведениям, но и отдельным людям. «Изысканный человек, – говорил Р. Барт, – это человек, выделяющийся в толпе с помощью скромных по объему, зато обладающих какой-то огромной энергетической силой средств».³ Как писал Г. Адамович, существуют люди как бы «сделанные» машиной на заводе, выпущенные в свет сериями, но есть и другие, ручной работы, именно такой была З. Гиппиус.⁴

По наблюдению Р. Брайдотти, признаком лучших феминистских текстов, помимо их традиционно полемического духа,

¹ Бодрийар Ж. Система вещей. – М.: Рудомино, 2001. – С. 161-162.

² Пятигорский А. Вспомнишь странного человека... – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – С. 173.

³ Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. – М.: Изд-во Сабашниковых, 2004. – С. 394.

⁴ Адамович Г. Зинаида Гиппиус // Гиппиус З. Живые лица. – СПб.: Азбука, 2001. – С. 273.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

высокого интеллектуального тонуса и жажды справедливости, всегда выступает такой нюанс как голос духовного странничества. Присутствие данного качества в литературном тексте ощущается независимо от его основного содержания.¹ Алену принадлежит описание действенности нюансов на простом примере: *красивый сундук* похож на остальные сундуки, за исключением того, что он красив. На нем нанесена резьба – в том же месте, что и на других сундуках, но резцом гения. Кажется, будто различие между красивой вещью и той, которая не заслуживает нашего внимания, невелико. Однако нюансы различия оказываются на самом деле решающими. Подобный эффект производят иногда и человеческие лица – внешне красивые, но в действительности почти уродливые.²

Л. Шестов обращает наше внимание на рассуждение Б. Паскаля о том, что если бы нос Клеопатры оказался чуточку короче, то мировая история могла бы принять иное направление. По мнению Л. Шестова, это замечание Б. Паскаля представляет собой глубокую и верную мысль: мировая история направляется бесконечно малыми величинами, что хорошо известно большинству участников «великих исторических событий».³ В «Парфюмере» П. Зюскинда герой страстно охотится за тонким запахом тех редких людей, которые обладают способностью внушать к себе чувство любви. В известном смысле данное произведение можно считать трактатом о нюансах. Здесь уместно вспомнить, что и Наполеон Бонапарт называл науку о цветах «выражением высшего разумия».⁴

Одним из первых предположение о тонкой (эстетической) природе математического знания высказал А. Пуанкаре. По его

¹Braidotty R. *Nomadic Subject*. – N. Y.: Columbia University Press, 1994. – P. 208.

²Ален. Суждения. – М.: Республика, 2000. – С. 154.

³Шестов Л. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. – М.: Наука, 1999. – С. 203.

⁴Бонапарт Н. Максимумы и мысли узника Святой Елены. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 60.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

мнению, математический талант обладает органической способностью воспринимать уравнения сквозь призму эстетического чувства. Эстетические аспекты математического знания интересовали школу Н. Бурбаки.¹ Впоследствии некоторыми учеными было высказано предположение о том, что математика действительно имеет *личностный* характер, и что ее генезис подобен нелогическому конструированию реальности в сознании ребенка. Взгляды подобного рода разделял в свое время В. Мак-Калаш. Связь математических идей с личностью их автора он считал генетической. В наши дни подобный подход характеризует всю парадигму постнеклассического знания: эстетическое начало признается в нем в качестве важной эвристической ценности, универсального *метода* продвижения к истине.

Удивительный эффект действия нюансов был неоднократно описан в литературе. По личным воспоминаниям Л. Толстого, К. Брюллов однажды лишь слегка тронул кистью живописную работу своего ученика, и она тут же «оживила и засияла». Данный пример, по его мнению, доказывает, что подлинное искусство всегда прячется за неким «чуть-чуть», составляющим истинную прерогативу гения. И. Бергман, работая в оперном театре с классическими традициями, однажды заметил, что занавес в его главном зале «взлетал и падал с той утонченной артистичностью, которую не заменит никакой мотор с градуированными скоростями».²

По мнению Ж.-П. Сартра, люди становятся писателями вовсе не потому, что они умеют рассказывать о необычных вещах, а потому, что они умеют рассказывать об обыкновенных вещах необычным образом. Ценность прозы определяет

¹Никола Бурбаки (Bourbaki) – псевдоним группы французских ученых, объединившихся в 1937 г. с целью написания трактата о современной математике.

²Бергман И. Жестокий мир кино. – М.: Вагриус, 2006. – С. 191.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

ее стиль, красота которого является силой мягкой и не сразу ощутимой. Читателю кажется, будто его убеждают доводы, однако на самом деле его покоряют иные, невидимые чары.¹ Нечто в этом же роде, считал П. Валери, можно сказать и о настоящем живописце. Взгляд талантливого художника способен достигать поистине мистических глубин. Под его воздействием предметы утрачивают свои прежние имена и формы. Следует согласиться, что свет и тени на живописном полотне воплощают в себе особую систему отношений между душой, глазами и рукой художника.

«Мы читаем горы материалов, – писал М. Форман, – и вдруг неожиданно какая-то история захватывает нас, и мы чувствуем, как в нас просыпается возбуждение, но мы никогда не знаем, почему это происходит. Этот процесс бессознательный, но осязаемый. Что-то внутри нас реагирует на невиданные волны чувств, пронизывающих именно эту тему или историю. И чаще всего оказывается, что эти чувства уже волновали нас раньше, ведь, в конце концов, эти чувства и определяют нашу артистическую индивидуальность».² Пытаясь описать характер символического действия нюансов, П. Клодель прибегает к таким сравнениям как «залог, взятый у неизвестности», «место разлива лазури», «год вечности», «урожай духа», «сердце, задетое любовью».³ Множество лексических средств подобного рода обнаруживается в произведениях поэтов-символистов – от Г. Лорки до русского С. Грибова.

Как указывает Х. Арентд, одной из характерных примет Нового времени стало стремление публики к обладанию «оригиналом» и «подписью художника». В эпоху капитализма зрительский интерес впервые начинает фокусироваться не столько на техническом мастерстве, сколько на особенностях

¹ Сартр Ж.-П. Что такое литература? – СПб.: Алетея, 2000. – С. 25.

² Форман М. Круговорот. – М.: Вагриус, 1999. – С. 194.

³ Клодель П. Глаз слушает. – Харьков: Фолио, 1995. – С. 222, 232, 236.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

личности художника, превосходящего по своим качествам обычного индивида.¹ В XX веке мысль о том, что трагедия может «выскользнуть» из мелодии, старого письма, книги, увядшего букета, платья или походки (А. Нин) больше уже не кажется нелепой. Манеры и стиль с тех пор резко возросли в цене. В этом смысле показательным является фрагмент диалога английской королевы-матери и актрисы М. Фарроу: « – Что, на ваш взгляд, является наиболее важным в воспитании детей? <...> Затем глаза ее вдруг озарились блеском, и она великолепно произнесла: я думаю, это <...> манеры. – В самом деле, – воскликнула я, – вы думаете? – Да, – ответила она решительно, – я думаю, что манеры способны провести вас через все, что угодно.»²

Действие нюансов напоминает эффект гомеопатических средств. Прекрасная вещь, писал Л. Шестов, есть нечто абсолютно незаменимое, не выносящее сравнения с другими вещами. Поэтому слово «красота» не говорит нам почти ничего о прекрасных вещах. Их эффект проявляется в малом – идет ли речь об идее, художественной композиции или скульптурной форме. Изменить это «малое» – означает уничтожить всю ценность творения. Как однажды заметил Л. Витгенштейн, достаточно начать стихотворение словами *уходит осень*, как оно тут же становится банальным. Понимание различий заключается в умении «переживать значение слов». Поэтому невосприимчивого к нюансам значения человека можно считать примером психической аномалии.³

Истина не признает массового владения, а потому превращается в невидимку при первой же попытке извлечь из нее

¹Арендт Х. *Vita Activa* или о деятельной жизни. – СПб.: Алетейа, 2000. – С. 279.

²Farrow M. *What Falls Away*. – USA: Bantam Books, 1997. – P. 151-152.

³Витгенштейн Л. *Философские работы*. Часть 1. – М.: Гнозис, 1994. – С. 301.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

пользу, утверждал Л. Шестов. Что касается людей, обладающих подлинным вкусом на идеи, то и они встречаются чрезвычайно редко.¹ Наше время возродило «проект по случаю особого типа собственности» (Ж.-П. Сартр) – роскоши, но теперь уже не как предмета потребления, а как признака элитного владения. Нечто подобное произошло и с нашим пониманием нюансов. В пространстве символической реальности трудно обнаружить что-либо более серьезное, чем тонко нюансированные, «бесполезные» вещи.

¹Зонтаг С. Мысль как страсть. – М.: Русское феноменологическое общество, 1997. – С. 49.

Глава V

**ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
СВОБОДЫ**

5.1. Американская парадигма

Спросите любого американца, писал Д. Кертли, о свободе слова и прессы в США, и вы услышите в ответ громкое возмущение безответственностью СМИ, которые, не стесняясь, проникают в частную жизнь звезд, политиков и простых граждан, а также раскрывают государственные секреты, чтобы повысить рейтинги своих телепрограмм и тиражи газет. Опрос, проведенный в 2002 году Центром Первой поправки при организации «Freedom Forum» в США показал, что 42% опрошенных считают, что СМИ предоставлена в США «слишком большая свобода». Точность этой оценки довольно субъективна, но не вызывает сомнения факт, что законодательство США предусматривает самые широкие гарантии прав СМИ, в результате чего состояние интеллектуальной свободы в США является действительно впечатляющим.¹ Американцы ценят свободу слова и прессы, потому что именно они создают в стране интеллектуальный «рынок идей». Средства массовой информации США обеспечивают широкое поле для выражения мнений, позволяя самым разнообразным

¹Кертли Д. Правовые основы свободной прессы в США // Глобальные проблемы. Печатная версия электронного журнала Государственного департамента США. – Том 8, № 1, 2003. – С. 9.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

идеям пройти испытание на огромном рынке символических достижений.¹

Законодательство США, защищающее интеллектуальную свободу – это судебные решения (прецеденты), а также законы о свободе слова и прессы, основанные на Первой поправке к Конституции США, принятой в 1791 году. Американская защита свободы интеллектуального самовыражения основана на нормах английского общего права, в соответствии с принципами которого законы подлежат интерпретации судьями. Такая интерпретация осуществляется в форме решений по конкретным судебным делам, возбужденным на основании исков частных лиц или представителей государства. Высшим арбитром в интерпретации положений Конституции США выступает Верховный Суд США – главная судебная инстанция страны, решающая вопросы толкования конституционных норм, а также вопросы соответствия отдельных законов или решений судов низших инстанций Конституции США.

До победы в Войне за независимость британские колонии Северной Америки соблюдали законы английского парламента, регламентирующие основные правила и устанавливающие объем свободы выражения мнений. В литературе, в частности, упоминаются правила, требовавшие от издателей СМИ получения специальных правительственных лицензий. Первоначально все предназначенные для публикации материалы необходимо было доводить до сведения специальных чиновников, что являлось откровенной формой цензуры. Назначенные должностные лица отвечали за соответствие будущих публикаций нормам о запрете «богохульства», «непристойности» или «критики в адрес Короны», квалифицировавшейся как распространение

¹Беренсон М. Конституційні та законодавчі визначення для захисту свободи преси в рамках законодавства США // Судді та журналісти в країнах Східної Європи в період переходу до демократії. – Київ: Freedom House, 1998. – С. 130.

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

клеветнических измышлений в подрывных целях. Неудивительно, что к концу первой четверти XVIII века эти ограничения стали тяготить жителей североамериканских колоний.

В частности, широкую известность получил случай, когда издаваемая в Пенсильвании Б. Франклином газета опубликовала статью, в которой утверждалось, что свобода слова всюду и во все времена является наиболее надежным показателем успешности государственного руководства. Как утверждал в связи с этим сам Б. Франклин, свобода прессы – это свобода, за которую каждый пенсильванец готов бороться и умереть. Его мнение разделяли в тот период и такие выдающиеся творцы американского конституционализма, как Т. Джефферсон и Д. Мэдисон. Как известно, Т. Джефферсон твердо верил в то, что политическая свобода народа непосредственно определяется свободой прессы, которая именно поэтому не должна как-либо ограничиваться. Свободная пресса – это единственная настоящая гарантия безопасности для всех. «Воды остаются чистыми», потому что никто не может сопротивляться общественному мнению, которое выражено ясно и открыто. Д. Мэдисон, в свою очередь, утверждал, что государственное управление без гарантий свободного распространения информации представляет собой не что иное, как пролог к фарсу или трагедии. «Знания всегда будут повелевать невежеством, и люди, которые хотят сами управлять своими делами, должны вооружить себя той властью, которую предоставляет знание», – утверждал он.¹

В качестве одного из первых примеров юридической защиты свободомыслия на североамериканском континенте историки указывают на случай, когда 17 ноября 1734 года газетный издатель Петер Зенгер был обвинен в распространении клеветнических измышлений в подрывных целях за публикацию в газете «New York Weekly Journal» анонимной критики в адрес

¹Freedom of the Press Decisions of the United States Supreme Court. – San Diego, California: Excellent Books, 1996. – P. iii – iv.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

британского генерал-губернатора В. Косби. Благодаря усилиям талантливого адвоката Э. Гамильтона издатель был оправдан судом присяжных, не подчинившихся мнению судьи о целесообразности вынесения обвинительного приговора. Адвокату удалось убедить присяжных в том, что никто не может быть приговорен к уголовному наказанию за обоснованную и публичную критику властей.

С образованием США и принятием в 1787 году Конституции Соединенных Штатов свобода слова первоначально не защищалась на конституционном уровне. Получившая широкую известность Первая поправка была включена в текст Конституции вместе с девятью другими поправками (Биллем о правах) в 1791 году. Как утверждает ныне в Первой поправке, «Конгресс не должен издавать никакого закона, относящегося к установлению религии или запрещающего свободное исповедование оной, либо ограничивающего свободу слова или печати, либо право народа мирно собираться и обращаться к правительству с петициями о рассмотрении и удовлетворении жалоб».¹ Впоследствии судья Верховного Суда США В. Дуглас по этому поводу заметил: «Основатели Конституции знали человеческую природу <...> Они также хорошо знали психологическое воздействие ортодоксии и стандартизированного мышления. Взвешивая необходимость ограничения свободы слова и мысли, они противопоставили ее оскорблению свободы. В результате, они выбрали свободу».² Спустя

¹ Конституции буржуазных государств. – М.: Юридическая литература, 1982. – С. 32; в оригинале: «Congress shall make no law respecting an establishment of religion, or prohibiting the free exercise thereof; or abridging the freedom of speech, or of the press, or the right of the people peaceably to assemble, and to petition the government for a redress of grievances» (Outline the US Government. – USA: Office of International Information Programs, United States Department of State, 1989. – P. 24).

² Outline the US Government. – USA: Office of International Information Programs, United States Department of State, 1989. – P. vi.

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

столетие после принятия Билля о правах судья Верховного Суда США О. Холмс сформулировал в одном из судебных решений положение о том, что главная цель американских институтов – позволить людям думать так, как им нравится, и говорить свободно то, о чем они думают. При этом наилучшей гарантией для правды является возможность мысли быть представленной на рынке идей. Данное утверждение стало правовой аксиомой, положенной в основу всей американской юридической парадигмы защиты интеллектуальной свободы. К настоящему времени в США накоплено значительное количество подобных политико-правовых формул.

Как говорил в свое время Д. Пулитцер, свободная республика и ее пресса будут вместе достигать своих вершин и вместе низвергаться с них. Умелая, бескорыстная, нацеленная на общественное благо пресса, обученная распознавать справедливость и проявляющая смелость в борьбе за нее, всегда будет сохранять ту общественную добродетель, без которой народовластие оставалось бы лишь притворством или насмешкой. Наоборот, циничная, корыстная и демагогическая пресса со временем могла бы породить народ такой же низменный, как и она сама. Таким образом, способность определять будущее республики находятся в руках журналистов грядущих поколений.¹ При этом неустанное и независимое собирание и распространение новостей – это один из способов служения обществу, независимо от политических систем. В конечном счете, все системы являются лишь средством для достижения определенных целей. Что касается американцев, то они считают демократию политическим средством достижения свободы.²

¹ Ву У. Журналистика и доверие общества // Глобальные проблемы. Печатная версия электронного журнала Государственного департамента США. – Том 8, № 1, 2003. – С. 24.

² Ву У. Журналистика и доверие общества. // Глобальные проблемы. Печатная версия электронного журнала Государственного департамента США. – Том 8, № 1, 2003. – С. 27.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Но одного лишь присутствия в стране независимых СМИ недостаточно для обеспечения демократии и интересов гражданского общества. Как известно, после денационализации многие радиостанции в Центральной и Восточной Европе в течение длительного времени ограничивались трансляцией рок концертов. Данная ситуация наблюдалась в Варшаве, Будапеште, Киеве и Улан-Баторе. Даже сегодня многие свободные радиостанции не передают насыщенных полезной информацией программ. При этом они признают, что СМИ призваны получать информацию без вмешательства государства, а затем столь же свободно ее распространять.

Что касается информационной индустрии США, то здесь точка зрения редакции считается менее важной, чем предоставление общественности сведений о фактах, на основе которых люди могли бы сформировать собственное мнение о происходящем. Данный подход существенно отличается от европейской практики компетентного комментирования событий, которое обычно оценивается аудиторией высоко. Как полагают в США, преданность СМИ точности и правде должна быть столь же высокой, как и доверие пациента к своему врачу. Поэтому главное профессиональное обязательство американских СМИ заключается в том, чтобы предоставлять публике информацию, которой можно доверять. Делать это желательно в «захватывающей форме для того, чтобы люди хотели слышать и читать то, что им нужно знать».¹

В целом, восприятие СМИ в качестве «четвертой власти» проявилось в США еще с начала XX века. Вначале принято было привлекать свободную прессу к разоблачению неприглядных действий политических лидеров. Но вскоре читатели

¹ Анархия – это не бизнес-план: практические указания о том, как поставить СМИ на деловую основу. Обсуждение за круглым столом // Глобальные проблемы. Печатная версия электронного журнала Государственного департамента США. – 2003, февраль, том 8, № 1. – С. 18-23.

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

стали рассматривать американские газеты в качестве средства «очищения от грязи» (muckraking). Демократическая поддержка СМИ в этот период была основана на убеждении американских граждан в том, что при адекватном восприятии положения дел в стране и мире они будут выбирать себе именно те политические институты, которые наилучшим образом защитят их гражданские права. С тех пор свободные СМИ обеспечивали в США положение, при котором правительство предоставляло гражданам информацию, а граждане благодаря этому имели возможность контролировать правительство. В США считается естественным, чтобы каждый человек получал точную информацию о своем правительстве и об общем положении дел в мире.¹

По мнению Ф. Шика, американские независимые СМИ обязаны осуществлять две основные функции информационной политики: контролировать политическую власть и рассказывать людям о проблемах, затрагивающих их жизнь.² При этом право публики воспринимать идеи неизбежно следует из права автора (отправителя информации) их распространять. Примечательно, что до решения Верховного Суда США по делу *Giltow v. New York* (1925 г.) свобода СМИ как одно из фундаментальных гражданских прав не защищалась американскими судами. Только после установления данного прецедента конституционная защита интеллектуальной свободы стала по-настоящему эффективной.

Как отметил в решении Верховного Суда США по делу *Texas v. Johnston* судья В. Бреннан, основополагающим принципом

¹Креймер Л. Содействие свободным и ответственным СМИ – составная часть американской внешней политики // Глобальные проблемы. Печатная версия электронного журнала Государственного департамента США. – Том 8, № 1, 2003. – С. 3-5.

²Шик Ф. Роль независимых СМИ в строительстве демократии // Глобальные проблемы. Печатная версия электронного журнала Государственного департамента США. – Том 8, № 1, 2003. – С. 6-8.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Первой поправки является запрет для правительства ограничивать выражение мнений или идей даже тогда, когда общество находит их оскорбительными и/или неприемлемыми. Этот – весьма отличный от европейских представлений подход – подтвердил в решении по делу *Cox v. Louisiana* судья А. Голдберг. Верховный Суд признал в нем неконституционным право любых должностных лиц страны определять, какие выражения и взгляды следует разрешать, а какие нет. Вместе с тем, в решении по делу *Schenk v. United States* Верховный Суд США постановил, что характер любого действия зависит от конкретных обстоятельств, при которых оно совершается. В частности, даже самая строгая защита свободы слова не защитит человека, ложно кричащего *Пожар!* в переполненном театре.

Свобода слова также не разрешает кому-либо произносить слова, оказывающие эффект непосредственного применения силы. И сегодня в США позволено запрещать выражения, которые очевидным образом провоцируют насильственный конфликт, равно как и оценивать применение нелицеприятных эпитетов и прозвищ против частных лиц более строго, чем против публичных фигур. Как заметил судья Ф. Мэрфи в решении по делу *Chaplinsky v. New Hampshire*, обращение к эпитетам и личным оскорблениям не следует считать обменом информацией или мнениями, который подлежит конституционной защите.

Однако в решении по делу *FCC v. Pacifica Foundation* (1978 г.) Верховный Суд США постановил, что контекст разговора является «критической» частью предмета защиты на основе Первой поправки. Таким образом, понятие «непристойности» является в значительной степени функцией контекста, а потому не может оцениваться на основе одних лишь абстрактных представлений.¹ В настоящее время нормативным потенциалом

¹Freedom of Speech Decisions of the United States Supreme Court. – San Diego, California: Excellent Books, 1996. – P. 53, 55.

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

Первой поправки обеспечивается практически вся система защиты интеллектуальной свободы в США. Юридический анализ данной формулы позволяет сделать вывод о том, что Первая поправка эвентуально предусматривает запрет цензуры и контроль над СМИ со стороны правительства США и правительств американских штатов. Данный вывод, в свою очередь, автоматически следует из нормативного содержания Четырнадцатой поправки.

Примечательно, что Первая поправка не содержит в себе определения «прессы», а также не ставит осуществление записанных в ней прав в зависимость от выполнения каких-либо обязательств. Как известно, конституционная доктрина США не предполагает каких-либо политических обязательств для граждан. Как писал судья Х. Блэк, «Первая поправка и отцы-основатели предоставили свободе прессы ту защиту, которую она должна иметь для осуществления своего предназначения в демократии. Пресса должна служить управляемым, а не управляющим. Право правительства цензурировать прессу было отменено с той целью, чтобы пресса могла подвергаться цензуре правительство. Пресса защищена, чтобы иметь возможность обнажать секреты правительства и информировать народ».¹

В формально-юридическом смысле Первая поправка содержит в себе общий запрет, налагаемый на Конгресс США как на федеральную законодательную власть. Кроме того, она предусматривает шесть специальных запретов, два из которых не позволяют ограничивать свободу слова и прессы. В целом, функция всех запретов Первой поправки состоит в том, чтобы защитить свободу интеллектуального самовыражения американских граждан против возможного вмешательства в нее со стороны представителей государственной власти. По мнению П. Бьюкенена, все идеи имеют право быть высказанными и

¹Freedom of the Press Decisions of the United States Supreme Court. – San Diego, California: Excellent Books, 1996. – P. xii.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

услышанными, хотя из этого автоматически не вытекает, что к ним обязательно следует прислушаться. Первая поправка требует уважать право лгунов так же, как и право почитателей правды, а свободу глупцов – так же, как и свободу тех, кто является воплощением мудрости. Общества и народы развиваются, лишь самостоятельно отделяя зерна от плевел и выбрасывая последние.¹

Сегодня нормативный потенциал Первой поправки определяется целым рядом решений Верховного Суда США, который вот уже в течение более двухсот лет использует данную формулу в самых разных условиях и обстоятельствах. И хотя Ч. Милош писал о полной свободе слова в литературе и искусстве США сразу после публикации там книг Г. Миллера,² решения Верховного Суда США и поныне представляют собой некий промежуточный итог перманентного «вербального юридического сражения между правом граждан говорить свободно и властью правительства вмешиваться и наказывать».³ В целом, гражданская неприязнь к попыткам властей запретить публикации СМИ, вызывающие конфликты и смуту, отчетливо проявилась в большинстве решений Верховного Суда США по делам о свободе прессы.

В решении по делу *Near v. Minnesota* (1931 г.) судья Э. Хьюг особо отметил, что свобода печати является главным атрибутом свободного общества, из чего следует полная невозможность каких-либо *предварительных* ограничений на публикации, в том числе запрет цензуры на публикации по уголовным делам. Как утверждалось в решении, каждый свободный индивид обладает несомненным правом изложить свое мнение перед лицом общественности. Любой иной подход означал бы

¹ Бьюкенен П. Смерть Запада. – М.: Изд-во АСТ, 2003. – С. 94.

² Milosz C. *Milosz's ABC's*. – N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2002. – P. 196.

³ *Freedom of Speech Decisions of the United States Supreme Court*. – San Diego, California: Excellent Books, 1996. – P. iii.

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

посягательство на свободу прессы. Что касается случаев опубликования чего-то «неправильного, вредного или незаконного», то каждый автор должен сам отдавать себе отчет в возможных последствиях подобного безрассудства. Опираясь на известную формулу Д. Мэдисона («некоторая степень оскорбительности неотделима от надлежащего использования чего бы то ни было»), суд постановил, что основополагающие права должны быть защищены перед лицом не только исполнительной, но также и законодательной власти.

Это означало, что основные гражданские права должны защищаться не только законами, возвышающимися над прерогативами исполнительной власти, но и непосредственно Конституцией, обладающей верховенством над любыми законами и Конгрессом Соединенных Штатов. Таким образом, свобода прессы – в качестве объекта защиты – была с самого начала изъята не только из-под возможных ограничений исполнительной власти (как в Великобритании), но также из-под возможных законодательных ограничений Конгресса США.

Фигурам публичного масштаба (*public officers*), чье поведение традиционно считается открытым для дебатов в прессе, в качестве средства против фальшивых обвинений предписывалось использовать законы о клевете, которые, параллельно с восстановлением доброго имени, должны были также обеспечивать наказание виновных. Однако никакого предварительного ограничения публикаций при этом не предусматривалось. Сегодня свобода от цензуры распространяется в США как на правдивые, так и на неправдивые высказывания. Последующее же наказание может быть применено по отношению к источнику любых сведений.¹

Верховный Суд США признал неконституционными законы штатов, которые позволяли должностным лицам налагать

¹Freedom of the Press Decisions of the United States Supreme Court. – San Diego, California: Excellent Books, 1996. – P. 12.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

запреты на издание «злоумышленных, скандальных и дискредитирующих» газет. Суд постановил, что любое предварительное ограничение свободы прессы противоречит Первой поправке. Вместе с тем, он признал возможность ограничения публикации данных о передвижении войск в военное время, непристойных материалов, а также непосредственных призывов к актам насилия.

Впоследствии Верховный Суд США решительно пресекал большинство попыток ограничить свободу прессы даже в тех случаях, когда официальные органы заявляли, что публикация в СМИ определенных материалов создает угрозу интересам национальной безопасности. В частности, в деле *New York Times v. United States* (дело о «бумагах Пентагона», 1971 г.) администрация президента Р. Никсона попыталась добиться судебного запрета публикаций в газетах «Нью-Йорк Таймс» и «Вашингтон Пост» секретных материалов, касающихся участия США в войне во Вьетнаме. В анонимном решении по делу Верховный Суд США постановил, что в своих попытках запретить подобные публикации правительство не смогло доказать, что они приведут к причинению «прямого, немедленного и невосполнимого» ущерба национальным интересам Соединенных Штатов.

Как утверждалось в решении, «важнейшей частью ответственности прессы является обязанность предотвращать посылку правительством или его органами людей в отдаленные заморские территории умирать от болезней и пуль».¹ Верховный Суд США недвусмысленно подтвердил ранее высказанную мысль о том, что пресса обладает свободой печатать новости, полученные из любого источника без цензуры, специальных судебных предписаний и любых иных предварительных заключений. Вместе с тем, данное решение суда

¹Freedom of the Press Decisions of the United States Supreme Court. – San Diego, California: Excellent Books, 1996. – P. 39.

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

не следует трактовать как полностью исключающее возможность получения предварительных разрешений на публикацию. Оно лишь ясно дает понять, что именно на правительственные органы возлагается бремя доказывания необходимости ограничения какой-либо публикации. Пресса не должна объяснять, почему ей следует публиковать тот или иной конкретный материал. И эта презумпция распространяется также на высказывания, которые потенциально могут быть предметом ограничений.

В деле *Miller v. California* (1973 г.) Верховный Суд США повторил, что конституционная защита на основе Первой поправки не распространяется на непристойные высказывания, однако вынес настолько узкое определение «непристойности», что это лишь расширило прежние границы устного (словесного) самовыражения. В настоящее время любые материалы, представляющие собой литературную, художественную, политическую или научную ценность, подлежат в США ничем не ограниченному распространению. Судебным решением по делу *Brandenburg v. Ohio* (1969 г.) под защиту Первой поправки были отнесены также «абстрактные призывы к насильственному свержению правительства», не содержащие в себе *непосредственной угрозы* насильственных действий. Как утверждалось в судебном решении, защиту насилия как *форму мысли* недопустимо приравнивать к «прямой угрозе насилием». Таким образом, конституционные гарантии свободы слова в США не позволяют запрещать или объявлять вне закона словесное «оправдание применения силы или нарушения закона», за исключением случаев, когда подобного рода высказывания направлены на стимулирование «непосредственно надвигающихся» противозаконных действий или непосредственно провоцируют такие действия.¹

¹Freedom of Speech Decisions of the United States Supreme Court. – San Diego, California: Excellent Books, 1996. – P. 29.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

В решении по делу *R. A. V. v. St. Paul* (1982 г.) Верховный Суд постановил, что Первая поправка не позволяет органам власти запрещать произнесение слов или иное экспрессивное поведение граждан только на том основании, что им не нравятся выраженные подобным образом взгляды или идеи.¹ При этом Верховный Суд США не поддержал требование уголовного статута штата Огайо, в соответствии с которым лидер местного отделения ку-клукс-клана был привлечен к уголовной ответственности. Как утверждалось в решении, норма статута имела целью наказание людей просто за интеллектуальное оправдание насильственного способа действий и запрещала собрания, на которых насилие могло быть одобрено в принципе.

Стремясь к соблюдению разумного баланса интересов, Верховный Суд США в решении по делу *Feiner v. New York* (1951 г.) постановил, что понятие наказуемого правонарушения охватывает широкую область деструктивного поведения, которое угрожает общественному порядку и спокойствию. В решении указывалось, что понятие наказуемого правонарушения предполагает не только непосредственно насильственные действия, но также «действия и слова, содержащие в себе вероятность насильственных действий в поведении других лиц». В частности, «когда возникает ясная и недвусмысленная угроза бунта, беспорядков, нарушения движения по общественным улицам или иная непосредственная угроза общественной безопасности и миру, за штатом признается власть для их предотвращения».² В решении Верховного Суда США по делу *Frisby v. Schultz* (1988 г.) было также указано, что гарантии свободы слова очевидным образом сужаются в случае обеспечения и защиты личных (частных, частных) интересов. В частности,

¹Freedom of Speech Decisions of the United States Supreme Court. – San Diego, California: Excellent Books, 1996. – P. 34.

²Freedom of Speech Decisions of the United States Supreme Court. – San Diego, California: Excellent Books, 1996. – P. 22.

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

поскольку «никто не обязан выслушивать неприемлемые речи в своем жилище, правительство обязано защитить эту свободу. Никто не имеет права войти в чужой дом и настаивать на том, чтобы его слушали». ¹ В то же время, все выглядит противоположным образом в общественных местах, например, на территории университетского кампуса или школы.

В 1974 году Верховный Суд США предпринял очередной шаг в расширении юридических гарантий свободы слова, признав неконституционным закон Флориды, согласно которому газеты, помещавшие на своих страницах критику в адрес тех или иных кандидатов на выборные должности, обязывались печатать возможные ответы и возражения кандидатов своим оппонентам. В решении по делу *Miami Herald v. Tornillo* (1974 г.) Верховный Суд постановил, что любой вынужденно или по обязанности публикуемый газетой материал подпадает под определение «предварительных ограничений».

Фактически, в данном судебном решении «обязательная публикация» была приравнена к «запрету публикации». И хотя в решении говорилось о пользе отражения в периодике конкурирующих мнений, в своем окончательном выводе суд поддержал право печатных СМИ самостоятельно решать, какие мнения должны быть преданы огласке, а какие нет. Как заявил по этому поводу судья У. Бергер, «ответственная пресса является, конечно, нашей желанной целью, однако ответственность прессы не предусматривается нашей Конституцией. Подобно многим другим добродетелям, она не предусматривается и текущим законодательством». ²

Существенное расширение предмета защиты на основе Первой поправки имело место в решении Верховного Суда США

¹Freedom of Speech Decisions of the United States Supreme Court. – San Diego, California: Excellent Books, 1996. – P. ix.

²Freedom of the Press Decisions of the United States Supreme Court. – San Diego, California: Excellent Books, 1996. – P. viii.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

по делу *Cohen v. California*. В оглашенном судьей Д. Маршаллом решении по данному делу говорилось о том, что правительственные институты не имеют права предписывать конкретную форму или содержание «словесного самовыражения» частным лицам. Как утверждалось в решении, конституционное право на свободу слова обладает действенным *лечебным* потенциалом в плюралистическом обществе. То обстоятельство, что коммуникационное пространство США иногда напоминает настоящую какофонию, является не столько признаком его ущербности, сколько доказательством силы.

До тех пор, пока средства коммуникации сохраняют мирный характер, стиль общения не нуждается в установлении каких-либо стандартов приемлемости. В целом же, словесные высказывания выполняют двойную функцию: передают конкретные по содержанию идеи и выражают не поддающиеся точной интерпретации эмоции. Поскольку средства коммуникации обычно не подбираются по их когнитивным возможностям, существенным остается их эмоционально-экспрессивный потенциал.¹

В соответствии с принятыми в США стандартами общего права, клевета (публикация ложных и/или дискредитирующих сведений о личности) долгое время находилась за пределами конституционной защиты. Ситуация изменилась после судебного решения по делу *New York Times v. Sullivan* (1964 г.). Приняв во внимание политические аспекты движения за гражданские права, Верховный Суд США признал право печатных СМИ на добросовестную ошибку. Как утверждалось в решении, публичные комментарии по поводу действий государственных должностных лиц допускают определенную степень люфта. Поэтому публичные фигуры, желающие предъявить иск к газете по обвинению в клевете, обязаны доказать,

¹Freedom of Speech Decisions of the United States Supreme Court. – San Diego, California: Excellent Books, 1996. – P. 169-171.

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

что публикуемая о них информация является ложной, и что редакция заведомо знала об этом. Таким образом, печатные СМИ должны нести ответственность только за «грубое пренебрежение» достоверностью публикуемых сведений. Данным решением устанавливался новый стандарт вины – «злой умысел», наличие которого с тех пор считается в США обязательным при рассмотрении исков о клевете.

Как заявил в решении по данному делу судья В. Бреннан, «Первая поправка предполагает, что правильные умозаключения проистекают в большей степени из множественности высказываемых мнений, нежели из их любого авторитарного отбора. Для многих данное утверждение всегда будет казаться недостаточно умным. Но мы, тем не менее, обязуемся настаивать на нем изо всех наших сил».¹ Как утверждалось далее в решении, конституционная защита свободы слова и прессы создана для обеспечения свободного и беспрепятственного обмена идеями с целью выявления тех политических и социальных изменений, которых желают люди.

В результате, обеспечение свободной политической дискуссии в условиях, когда правительство реально подчинено воле народа, а необходимые изменения могут быть проведены законом, является важнейшей гарантией безопасности республики, краеугольным принципом ее конституционной системы. Возможность выразить, пусть и не самым изысканным образом, свое отношение ко всему, что происходит в публичной сфере, является одной из наиболее благословенных американских привилегий.²

Как подчеркивал Д. Мэдисон, некоторая доля брани и оскорбительности является неотделимой от надлежащего

¹Freedom of the Press Decisions of the United States Supreme Court. – San Diego, California: Excellent Books, 1996. – P. vii.

²Freedom of the Press Decisions of the United States Supreme Court. – San Diego, California: Excellent Books, 1996. – P. 29.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

поведения людей в любых обстоятельствах, и ничто не доказывает этого в большей степени, чем пример с прессой.¹ Содержание произносимых слов может иметь или не иметь прямого отношения к их эмоциональной функции, но в любом случае данная функция является важным элементом словесного самовыражения. Одной из прерогатив американского гражданства является возможность обсуждать действия политиков не только в критическом и ответственном ключе, но также и с помощью «глупой и несдержанной экспрессии».² В общении некоторые слова всегда кажутся «ужасными» по сравнению с другими словами, но «что выглядит как вульгарность для одного, то может оказаться лирикой для другого».³

В решении по делу *Whitney v. California* Верховный Суд США объявил опасным «лишать мужества мысль, надежду и воображение». Как утверждалось в решении, страх порождает репрессии, которые вызывают ненависть. Ненависть, в свою очередь, угрожает стабильному отправлению властных полномочий. В результате, дорога к безопасности пролегает через «возможность свободно обсуждать обиды, предлагая при этом различные способы для их исправления».⁴

Еще в 1798 году, в ответ на враждебные по отношению к США выпады революционного правительства Франции, Конгресс США принял закон о подстрекательстве, которым временно запретил устную и письменную критику в адрес американских властей. По данному закону были осуждены и

¹Freedom of the Press Decisions of the United States Supreme Court. – San Diego, California: Excellent Books, 1996. – P. 31.

²Freedom of Speech Decisions of the United States Supreme Court. – San Diego, California: Excellent Books, 1996. – P. 171.

³Freedom of Speech Decisions of the United States Supreme Court. – San Diego, California: Excellent Books, 1996. – P. 170.

⁴Freedom of the Press Decisions of the United States Supreme Court. – San Diego, California: Excellent Books, 1996. – P. 30.

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

заклучены в тюрьму некоторые журналисты из ближайшего окружения Т. Джефферсона, находившегося тогда в политической оппозиции. Однако в начале XIX века закон о подстрекательстве был отменен. В последующем был отменен также закон о преступной клевете. Как постановил в связи с этим Верховный Суд США, мнения, правдивость или ложность которых невозможно доказать, не могут быть положены в основание судебного иска.

В решении по делу *Hustler Magazine v. Falwell* (1988 г.) Верховный Суд США постановил, что чрезмерные и преувеличенные атаки прессы на общественных деятелей не могут быть положены в основу судебных исков о причинении морального ущерба, за исключением случаев, когда опубликованный материал содержит в себе явно ложные утверждения о фактах, и при этом публикация материала была совершена со «злым умыслом». Как утверждалось в решении, определенное количество не соответствующих действительности утверждений просто невозможно устранить из контекста любых свободных дебатов.

Кроме того, возложение строгой ответственности на издателей за публикацию ложных сведений оказало бы «замораживающий» эффект на свободу слова в публичной сфере. Выражаясь метафорически, свобода слова нуждается в некотором свободном «пространстве дыхания».¹ Даже если общество считает определенные высказывания оскорбительными, этого недостаточно для их юридического запрета. Будь все иначе, карикатуристам и сатирикам пришлось бы то и дело возмещать моральный ущерб объектам своих творческих усилий. Если существо посягательства состоит в высказывании личного мнения, оно подпадает под конституционную защиту. Главный же принцип Первой поправки состоит в том, что на

¹Freedom of the Press Decisions of the United States Supreme Court. – San Diego, California: Excellent Books, 1996. – P. 59.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

правительство возлагается обязанность соблюдать нейтралитет на рынке идей.¹

В решении по делу *Cox Broadcasting v. Cohn* (1975 г.) Верховный Суд США указал на то, что в случае диффамационных действий против чьей-либо репутации правильной является позиция, когда сама «правда выступает надлежащей защитой». В случае же, когда критика адресуется публичному деятелю или касается осуществления кем-либо общественных функций, интересы защиты репутации должны уступить праву общественности знать о происходящем. Таким образом, судебная защита личной (приватной) сферы, равно как и защита интересов свободных СМИ, являются важными элементами американской конституционной традиции.

В необходимых случаях штаты могут прибегать к средствам, позволяющим избежать обнародования сведений личного характера. С другой стороны, защиту частных интересов всегда необходимо сопоставлять с желанием публики быть информированной. Свобода прессы является чрезвычайно важной при демократическом способе правления, поэтому Первая и Четырнадцатая поправки запрещают налагать санкции за публикацию сведений, полученных из официальных источников, включая открытые судебные заседания.²

Для уяснения истины предпочтительнее всего непосредственно выйти на рынок «свободной продажи идей». Ибо в любом случае наилучшим способом узнавания правды является открытое соревнование интеллектов.³ Следует подчеркнуть, что защищаемая Первой поправкой американская доктрина

¹Кертли Д. Правовые основы свободной прессы в США // Глобальные проблемы. Печатная версия электронного журнала Государственного департамента США. – Том 8, № 1, 2003. – С. 12.

²Freedom of the Press Decisions of the United States Supreme Court. – San Diego, California: Excellent Books, 1996. – P. 48-49, 51.

³Freedom of the Press Decisions of the United States Supreme Court. – San Diego, California: Excellent Books, 1996. – P. 58.

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

свободы слова и прессы вообще не признает «ошибочных идей». Как утверждалось в судебном решении по делу *Texas v. Johnson* (1989 г.), функция свободы слова в политической системе США заключается в инициировании общественной дискуссии. Конституция гарантирует каждому возможность быть нонконформистом и не соглашаться с общепринятым мнением, даже если это касается «самой сердцевины существующих установлений».¹

В решении по делу *Frisby v. Shultz* Верховный Суд США запретил ограничение публичных дискуссий в общественных местах.² В свою очередь, в решении по делу *Tinker v. Des Moines School District* (1969 г.) суд признал, что, хотя отклонение от общепринятых правил или несогласие с мнением большинства может причинить индивиду некоторое беспокойство и даже страх, Конституция настаивает на необходимости принятия подобного риска. Суд постановил, что «свобода, проистекающая из риска, представляет собой разновидность открытости», и что именно открытость заложена в основу американского могущества.

Поэтому государственные школы США при любых обстоятельствах не должны стать анклавами тоталитаризма, а школьная администрация – получить абсолютную власть над учениками.³ Поскольку истинная свобода выражения мнений вовсе не является локальным понятием, ее недопустимо ограничивать местом, отведенным благосклонным правительством в качестве некоего подобия приюта для умалишенных.⁴

¹Freedom of Speech Decisions of the United States Supreme Court. – San Diego, California: Excellent Books, 1996. – P. 94.

²Freedom of Speech Decisions of the United States Supreme Court. – San Diego, California: Excellent Books, 1996. – P. 125.

³Freedom of Speech Decisions of the United States Supreme Court. – San Diego, California: Excellent Books, 1996. – P. 154-156.

⁴Freedom of Speech Decisions of the United States Supreme Court. – San Diego, California: Excellent Books, 1996. – P. 158.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

В решении по делу *West Virginia Board of Education v. Barnett* (1943 г.) Верховный Суд США постановил, что интеллектуальная свобода подлежит конституционной защите даже в тех случаях, когда она находится под давлением факторов «национального единства», «патриотизма» и «отдания чести флагу». Как утверждалось в решении, национальное правительство, заставляющее салютовать своему флагу, посягает «на свободу разума и духа», защищенных Конституцией США от любого официального контроля. Даже наиболее совершенному государству не должно принадлежать право «сокращать спектр возможного знания». Поэтому американская Конституция защищает право граждан обмениваться информацией и идеями при любых условиях и обстоятельствах.¹

Следует подчеркнуть, что свобода слова и прессы гарантируются Первой поправкой одновременно в двух аспектах: а) как право адресата получать информацию от любых отправителей; б) как право отправителей посылать информацию любым адресатам. Поскольку все источники информации в США являются юридически равноправными, постольку государство не владеет юридическим правом или иной официальной возможностью устанавливать информационные приоритеты для граждан.

Будь иначе, на американском рынке идей у прилавков стояли бы одни «продавцы» и никаких «покупателей». Таким образом, Конституция США не разрешает официального подавления *любых* идей. И хотя руководство американских учебных заведений может самостоятельно решать вопрос о том, какие книги покупать в свои библиотеки, ему не принадлежит право изымать из библиотек книги, которые были приобретены ранее их предшественниками.²

¹Freedom of Speech Decisions of the United States Supreme Court. – San Diego, California: Excellent Books, 1996. – P. 74-75.

²Freedom of Speech Decisions of the United States Supreme Court. – San Diego, California: Excellent Books, 1996. – P. 79.

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

Весьма важной в американской парадигме свободы слова является трактовка Верховным Судом США понятия «пресса». В частности, в деле *The Branzburg Cases* (1972 г.) суд постановил: «Как свидетельствуют исторические примеры, прессой принято считать публикации любого вида, позволяющие обмениваться информацией и мыслями».¹ Исходя из данного определения, функцию информирования в США осуществляет неограниченный круг субъектов. Поставщиками (распространителями) информации выступают лекторы, политические интервьюеры, романисты, научные исследователи и драматурги. Как утверждается в решении по делу *Richmond Newspaper v. Virginia* (1982 г.), Первая поправка предполагает нечто более широкое, чем только защиту прессы и свободы самовыражения индивидов. Она запрещает правительству ограничивать любые источники, из которых общественность могла бы черпать для себя необходимые сведения.²

Кроме того, в решении по делу *Keyishian v. Board of Regents* (1967 г.) Верховным Судом было заявлено о том, что в целях достижения студентами интеллектуальной зрелости в понимании происходящего, им следует предоставить подлинную свободу обучения, научных исследований и суждений критического характера. Еще раньше в решении по делу *West Virginia Board of Education v. Barnett* (1943 г.) Верховный Суд США заявил: «Если и существует настоящая звезда в нашем конституционном созвездии, то это требование, чтобы никакой – официальный, высокий, важный или малозначительный авторитет не имел права предписывать, что следует считать ортодоксальным в сфере политики, национальных интересов, религии и иных областях выражения мнений».

¹Freedom of the Press Decisions of the United States Supreme Court. – San Diego, California: Excellent Books, 1996. – P. 94.

²Freedom of the Press Decisions of the United States Supreme Court. – San Diego, California: Excellent Books, 1996. – P. 157.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Это означает, что Первая поправка запрещает принятие законов, способствующих утверждению духа ортодоксии в учебных классах.¹ Следует подчеркнуть и то обстоятельство, что в США защита прав авторов и трансляторов информационных сообщений уступает защите права общественности на их беспрепятственное получение. В частности, в решении по делу *Red Lion Broadcasting v. FCC* (1969 г.) был установлен прецедент, согласно которому «право зрителей и слушателей, а не право лиц, осуществляющих теле- и радиовещание, является превалирующим».²

В Конституции США не содержится юридически четкого определения «частной (личной) сферы» (*privacy*), поэтому право на неприкосновенность личной жизни в ней специально не оговаривается. Обычно защита лиц от необоснованных обысков и выемок осуществляется на основе Четвертой поправки. Основные подходы защиты частной сферы от негосударственного вторжения были сформулированы Л. Брандейсом в статье «Право на неприкосновенность частной жизни» (1890 г.). Изложенная в ней концепция защиты частной (личной) сферы или *privacy* была впоследствии воспринята американской судебной доктриной. Судебному преследованию в США сегодня подлежат: вторжение в личную жизнь; публикация фактов личной жизни; представление индивида в ложном (не обязательно дискредитирующем) свете; употребление имени (имиджа) физического лица в коммерческих целях без его предварительного согласия. Что касается вторжения печатных СМИ в сферу частных интересов, то под этим обычно подразумевают «вторжение в личную жизнь» и «публикацию фактов личной жизни».

Следует заметить, что американская защита *privacy*

¹Freedom of Speech Decisions of the United States Supreme Court. – San Diego, California: Excellent Books, 1996. – P. 77.

²Freedom of the Press Decisions of the United States Supreme Court. – San Diego, California: Excellent Books, 1996. – P. ix, 104.

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

осуществляется в настоящее время с некоторыми важными оговорками. Например, в 1972 году Верховный Суд США постановил, что если «охотников за новостями» не защитить от судебных преследований, то журналистика довольно быстро превратится в пустое занятие. Американские законы не освобождают журналистов от ответственности за незаконное вторжение во владение, однако наказание за это в любом случае не должно угрожать свободе слова и прессы.

Сегодня в США сложилась ситуация, при которой защите подлежит как право индивида на неприкосновенность личной жизни, так и право авторов «правдивых высказываний» информировать читателей обо всем, что происходит в обществе. СМИ имеют право обнародовать любые скандальные факты личной жизни, если при этом они готовы доказать, что публикуемая информация является интересной и способствует адекватному представлению граждан о важных для них явлениях, событиях и предметах.

Освещение в прессе деятельности американских судебных органов является традиционным. Для англо-саксонской правовой системы типичной является практика открытого судопроизводства. В 1980 году принцип открытого судопроизводства был подтвержден решением Верховного Суда США по делу *Richmond Newspapers v. Virginia*. И хотя в решении по делу *Gannett Co v. De Pasquale* (1979 г.) судом было запрещено присутствие посторонних лиц на досудебном разбирательстве уголовных дел, в решении по делу *Smith v. Daily Mail* Верховный Суд все-таки разрешил публикацию имен несовершеннолетних, обвиняемых в убийстве, поскольку они были получены журналистом законным способом.¹

Что касается доступа к документам органов государственной исполнительной власти, то Первая поправка первоначально не

¹Freedom of the Press Decisions of the United States Supreme Court. – San Diego, California: Excellent Books, 1996. – P. 125-131.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

рассматривалась в качестве его необходимой гарантии. При президенте Л. Джонсоне Конгресс США устранил данный недостаток, приняв 4 июля 1966 года Закон «О свободе информации» (вступил в силу в 1967 году, поправки приняты в 1974, 1986 гг.). По мнению Т. Фридмана, именно этот закон не позволяет сегодня правительству хранить свои секреты слишком долго, в результате чего США стали мировыми лидерами по «выращиванию культуры открытости».¹

В 1974 году в США был принят и вступил в силу Закон «О конфиденциальности», который обеспечил доступ американских граждан к их личным федеральным досье. Через два года после этого (1976 г.) Конгресс одобрил, а президент Д. Форд подписал Закон «О правительстве в солнечном свете» – федеральный эквивалент законов штатов об открытых для общест-венности заседаниях коллегиальных органов власти.²

Закон «О свободе информации» 1966 года установил презумпцию открытости большинства (за исключением 9 категорий) документов органов государственной исполнительной власти. При этом закон возложил бремя доказывания необходимости ограничения доступа к информации подобного рода на федеральные органы. Впоследствии почти все американские штаты приняли законы о доступе граждан и легально проживающих в стране иностранцев к документам и архивам правительственных служб. Исключения предусматриваются лишь для документов Конгресса США, федеральной судебной системы и аппарата Белого Дома. Порядок доступа к докумен-там исполнительных ведомств конкретизируют специальные инструкции. Чтобы получить интересующую его информа-цию, заявитель должен послать информационный запрос в

¹Friedman T. The Lexus and the Olive Tree. – N. Y.: Anchor Books, 2000. – P. 375-376.

²Бамстед Р. Право знать // Вильна преса. – США: Издавництво Інформаційного агентства США, 1992. – С. 19.

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

письменной форме. Недостатком данного закона обычно считается длительный срок ответа на запрос, поэтому многие журналисты предпочитают получать интересующую их информацию другими способами.

Применение Закона «О свободе информации» 1966 года потребовало большого количества специально подготовленных юристов, а составленный департаментом юстиции список документов, подпадающих под действие данного закона, включает в себя сотни страниц. Сегодня в США удовлетворяется примерно 90% информационных запросов, при этом среднее правительственное ведомство отвечает на тысячи запросов в год.¹ Более детальный перечень изъятий предусматривает ограничения в доступе к информации по вопросам национальной безопасности, торговых сделок и коммерческих секретов, содержания внутренних докладных записок учреждений, документов правоохранительных органов, конфиденциальных сведений (персональных данных), а также информации, не подлежащей огласке на основе ранее принятых нормативных актов.

Первая поправка позволяет государственным органам предоставлять журналистам особые привилегии, например, право прохода за ограничительные полицейские ленты и т. п. В США существует понятие «свидетельского иммунитета», который означает право свидетеля на отказ от дачи показаний, а также право врачей и священнослужителей не раскрывать сведения, полученные ими при выполнении своих обязанностей. В то же время, в 1972 году Верховный Суд США отказался предоставить аналогичный иммунитет журналистам. В настоящее время более тридцати американских штатов, включая федеральный округ Колумбию, приняли законы о защите прав журналистов, позволяющие им не раскрывать свои

¹Голдберг С. Доступність інформації для громадськості // Доповідь про свободу, № 6. – Відень: Видавництво Інформаційного агентства США. – С. 8.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

конфиденциальные источники. Кроме того, в большинстве штатов журналистам были предоставлены дополнительные гарантии защиты на основе общего права.

Говоря об особенностях правового положения американских СМИ, необходимо особо подчеркнуть их «нерегулируемость». Ни издание типа «New York Times», ни бульварные газеты, продающиеся в американских супермаркетах, не нуждаются в лицензировании своей деятельности. В юридическом смысле это означает, что в США не существует понятия «законно публикуемой информации». Журналисты и иные специалисты СМИ регулируют профессиональную жизнь тем же способом, что и американские юристы или медицинские работники.

На практике каждая организация или ассоциации журналистов придерживается собственных корпоративных правил.¹ Таких, например, как нормы «Кодекса этики» Общества профессиональных журналистов США, «Декларации принципов» Американского общества редакторов газет, «Декларации этических норм» Ассоциации издателей, «Этического кодекса» Ассоциации журналистов электронных СМИ, «Этического кодекса» Национальной ассоциации фоторепортеров, «Этических норм» газеты «Washington Post», «Кодекса этики для газет и сотрудников» агентства Ассошиэйтед пресс и др.²

Решение вопроса о том, кто может считаться профессиональным журналистом, принадлежит в США исключительно работодателю. В то же время, в США наблюдается относительное единство мнений по вопросу о принципах журналистской этики. Принято считать, что такими принципами являются: служение народу, непредвзятый анализ информации, а также обоснованность журналистских оценок. Большинство

¹ См.: Американська преса // Вільна преса. – США: Видавництво Інформаційного агентства США, 1992. – С. 7.

² См.: Профессиональная этика журналистов: в 2 т. Т. 1: Документы и справочные материалы. – М.: Галерея, 1999. – С. 32-67.

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

американских газет четко разграничивают нейтральную информацию и оценочные суждения. При этом новости в публикациях обычно отделяются от редакционного материала.

Как уже отмечалось выше, в США не существует юридически обязательного понятия информации. В большинстве случаев американские СМИ освещают деятельность официальных лиц и известных людей, правительственную активность, недавно произошедшие события и сенсации (преступления, катастрофы, сексуальные истории и скандалы). Принято также анализировать важные социальные тенденции. В целом, государственные органы США стоят в стороне от информационного бизнеса. Исключение составляют правительственные или уполномоченные правительством СМИ, которым поручено транслировать информацию за рубеж. Например, радиостанция «Голос Америки» готовит свои передачи исключительно для зарубежной аудитории.

Возвращаясь к вопросу о том, кого в США считают журналистами, следует отметить то обстоятельство, что Интернет позволил каждому распространять информацию и идеи независимо от правительственного контроля и государственных границ. В отличие от издателей и журналистов, провайдеры услуг Интернета находятся с пользователями в коммерческих отношениях. В случае судебного оспаривания информации из Всемирной сети, существует риск того, что провайдеры удалят из нее больше необходимого. Для избежания подобной угрозы провайдерам в США предоставлен широкий иммунитет от ответственности за содержание отправок, посылаемых по каналам сети третьими лицами.¹

В США практически не существует законодательства, регулирующего деятельность Интернета, хотя время от времени в стране можно услышать мнение о необходимости регистрации провайдеров широкополосных сетей в Федеральной комиссии

¹Свобода висловлювань і приватність, № 3, 2002. – С. 29.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

связи, как это предусмотрено для телефонных компаний. С другой стороны, Федеральная комиссия связи сознательно уклоняется от регулирования онлайн-информационных услуг, поскольку опасается угрозы государственного ограничения возможностей Интернета в целом.

Как полагают многие из американских экспертов, законодательное регламентирование деятельности Интернета бесперспективно. В частности, в решении Верховного Суда США по делу *Reno v. ACLU* (1997 г.) утверждается, что Интернет представляет собой уникальный способ международного общения людей, ресурсы которого столь же разнообразны, как и сама человеческая мысль. При этом «заинтересованность в содействии свободе выражения мнений в демократическом обществе перевешивает любые абстрактные, но не доказанные преимущества цензуры». На этом основании Интернету должна предоставляться высшая степень защиты.¹

Главный эффект деятельности Интернета заключается в том, что он передает контроль над созданием, распространением и получением информации непосредственно в руки его пользователей. Как известно, Конгресс США отказал в финансировании проекта «Terrorism Information Awareness» (ТИА), предусматривавшего создание электронной системы сбора данных из частных писем, результатов медицинских обследований и банковских документов. Вначале Конгресс запретил использовать ТИА и аналогичные системы только по отношению к гражданам США, однако впоследствии от сбора персональных данных были защищены и легально находящиеся на территории США иностранцы.² Широко известной является также

¹ Романов Р. Интернет в Україні в контексті відносин людини, суспільства та держави // Свобода висловлювань і приватність, № 3, 2002. – С. 20.

² Сенат США проти порушення права на приватність заради боротьби з тероризмом // Свобода висловлювань і приватність, № 3, 2003. – С. 20. К сожалению, в настоящее время (2007 г.) каналы электронной коммуникации

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

попытка министерства юстиции США получить от компании «Google» информацию о характере запросов пользователей ее справочной системы. Компания «Google» отказалась удовлетворить данное требование, что было положительно оценено многими информационными экспертами и международными правозащитниками.¹

В отличие от Франции, где существует государственная монополия на развитие электронных шифровальных систем, в США создание и распространение криптографических средств является свободным. Принято считать, что это дает американскому обществу больше преимуществ. В частности, Национальный совет по исследованиям Академии наук США призвал сделать криптографические средства общедоступными. Как известно, особое внимание в США уделяется криптографической защите информации от искажений, а также гарантиям подтверждения личности пользователя в сети.

В 2003 году апелляционный суд Сан-Франциско создал прецедент, согласно которому собственность на доменные имена в Интернете подпадает под правовую защиту наравне с собственностью на землю и недвижимость. Похоже, что данное решение может стать вехой в развитии американского законодательства об Интернете. Суд впервые подошел здесь к защите доменного имени как объекту частной собственности.²

Под влиянием США политика информационной открытости в Интернете в последнее время все чаще признается и поддерживается в Европе. Как заявил комиссар по защите данных г. Бранденбург А. Дикс, жизненно важным сегодня является требование, чтобы государство ни при каких обстоятельствах американских граждан и юридических лиц являются объектом специального контроля.

¹ Американський уряд судиться з «Google» // Свобода висловлювань і приватність, № 3, 2005. – С. 29.

² Суд США прийняв епохальне для Інтернет-законодавства рішення // Свобода висловлювань і приватність, № 3, 2003. – С. 20.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

не ограничивало свободный доступ к Интернету. Хотя многим людям кажется невыносимой мысль о том, что злоумышленники используют Интернет для совершения преступлений, еще более опасным может стать государственное вторжение во всемирную информационную систему.

Ограничение Интернета может подорвать желание людей вообще высказывать свои мысли – как правило, столь же пестрые и эклектичные, как и сами народы, населяющие Землю. Хотя соблазн ограничения Интернета государством является значительным, миллионы людей протестуют против «удушающего» регулирования информационного обмена и ослабления гарантий их анонимности.¹

Важным условием юридической защиты информации в США является ее закрепление на материальных носителях. В частности, информация на жестком диске охраняется американскими законами об авторских правах, а информация, транслируемая в эфир без ее предварительной записи на материальном носителе эффективной защиты не имеет.² В целом же, хотя свободное распространение информации беспокоит и даже пугает отдельных американцев, свобода слова и прессы в США, сформулированная в свое время Д. Мэдисоном в форме Первой поправки, до сих пор вызывает неподдельное уважение. Поскольку же Конституция 1787 года и Билль о правах 1791 года не обладают самостоятельной исполнительной силой, их практическая реализация осуществляется в США независимыми судами.³

Что касается американского отношения к международному публичному праву, то оно не рассматривается в США

¹Форум онлайн-прав // Свобода висловлювань і приватність, № 3, 2002. – С. 33.

²Иванов В. Правове регулювання Інтернету. Деякі аспекти // Свобода висловлювань і приватність, № 3, 2002. – С. 21.

³Кертли Д. Правовые основы свободной прессы в США // Глобальные проблемы. Печатная версия электронного журнала Государственного департамента США. – Том 8, № 1, 2003. – С. 13.

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

в качестве эффективного средства защиты свободы слова. В некоторых случаях США не присоединились к международным договорам только потому, что в них не были закреплены необходимые, с их точки зрения, гарантии прав человека. В частности, условием ратификации Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года была поправка к статье 20, требовавшая от США законодательного запрета пропаганды войны. Однако американские стандарты свободы слова не признают возможности подобного ограничения.

5.2. Международно-правовые гарантии интеллектуальной свободы, европейская парадигма

Обзор международно-правового обеспечения интеллектуальной свободы целесообразно начать с документов ООН, среди которых наиболее важным является Всеобщая декларация прав человека, провозглашенная Резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1948 года. В статье 12 Всеобщей декларации говорится: «Никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию».¹ Выражение «тайна корреспонденции» затрагивает в данной случае один из аспектов свободы коммуникации и интеллектуальной свободы личности.

В статье 18 Всеобщей декларации также утверждается: «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и

¹Цитаты из документов ООН приводятся, главным образом, по изданию: Права человека. Сборник международных договоров. – Нью-Йорк: Изд-во ООН, 1989, тут – С. 4.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

религии», а в статье 19 говорится о том, что «каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ». Интеллектуальная свобода гарантируется во Всеобщей декларации также в статье 26, в которой говорится о том, что «каждый человек имеет право на образование. Образование должно быть бесплатным по меньшей мере в том, что касается начального и общего образования. Начальное образование должно быть обязательным. Техническое и профессиональное образование должно быть общедоступным, и высшее образование должно быть одинаково доступным для всех на основе способностей каждого».

При этом «образование должно быть направлено к полному развитию человеческой личности и к увеличению уважения к правам человека и основным свободам. Образование должно содействовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми народами, расовыми и религиозными группами и должно содействовать деятельности Организации Объединенных Наций по поддержанию мира». Родителям предоставляется право выбора вида образования для своих малолетних детей.

В статье 27 Всеобщей декларации также утверждается: «Каждый человек имеет право свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, участвовать в научном прогрессе и пользоваться его благами». Это, в свою очередь, предполагает, что «каждый человек имеет право на защиту его моральных и материальных интересов, являющихся результатом научных, литературных или художественных трудов, автором которых он является». Общие же пределы реализации данных прав и свобод проявляются в том, что «при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе». Осуществление прав и свобод ни в коем случае не должно противоречить целям и принципам Организации Объединенных Наций (часть 3 статьи 29).

Провозглашенные впервые во Всеобщей декларации принципы обрели силу юридически обязательных норм в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, утвержденном Резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года (вступил в силу 3 января 1976 г.). Как указывается в статье 13 данного документа, «участвующие в настоящем Пакте государства признают право каждого человека на образование. Они соглашаются, что образование должно быть направлено на полное развитие человеческой личности и ее достоинства и должно укреплять уважение к правам человека и основным свободам. Они <...> соглашаются в том, что образование должно дать возможность всем быть полезными участниками свободного общества, способствовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми нациями, и всеми расовыми, этническими и религиозными группами и содействовать работе Организации Объединенных Наций по поддержанию мира».

При этом «начальное образование должно быть обязательным и бесплатным для всех». Среднее образование должно быть открытым и доступным для всех. Высшее образование «должно быть сделано одинаково доступным для всех на основе способностей каждого путем принятия всех необходимых мер и, в частности, постепенного введения бесплатного образования». Элементарное образование «должно поощряться или интенсифицироваться, по возможности, для тех, кто не

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

проходил или не закончил полного курса <...> начального образования». Для осуществления права на образование необходимо учредить систему стипендий и улучшить условия работы преподавательского состава. Подписавшие Пакт государства обязались уважать свободу родителей и законных опекунов выбирать для своих детей государственные и негосударственные школы, отвечающие государственным стандартам, а также обеспечивать религиозное и нравственное воспитание детей в соответствии со своими убеждениями.

Пакт 1966 года не предполагал ограничения права физических лиц и учреждений создавать учебные заведения и руководить ими, если предоставляемое данными заведениями образование будет отвечать минимальным стандартам. В статье 14 Пакта говорилось, что каждое участвующее в нем государство обязано в течение двух лет выработать и принять план мероприятий для постепенного проведения в жизнь принципа обязательного бесплатного и всеобщего образования. В статье 15 Пакта закреплялось право человека на участие в культурной жизни, на использование результатов научного прогресса, а также на защиту прав авторов научных и художественных произведений.

В Пакте говорилось также об обязанности государств «уважать свободу, безусловно необходимую для научных исследований и творческой деятельности». В нем подчеркивалась необходимость «поощрения и развития международных контактов и сотрудничества в научной и культурной областях». Интеллектуальная свобода оценивалась Пактом в качестве полезной возможности. В свою очередь, о праве на образование говорилось в том смысле, что оно позволяет «дать возможность всем быть полезными участниками свободного общества».

Обеспечение интеллектуальной свободы получило дополнительные стимулы в Международном пакте о гражданских

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

и политических правах, утвержденном Резолюцией 2200 (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года (вступил в силу 23 марта 1976 г.). Как утверждалось в статье 18 этого документа, «каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии. Это право включает свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору и свободу исповедовать свою религию и убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в отправлении культа, выполнении религиозных и ритуальных обрядов и учении». Статья 19 Пакта предусматривала установление «права беспрепятственно придерживаться своих мнений». Как утверждалось в части 2 статьи 19, «каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи независимо от государственных границ устно, письменно или посредством печати или художественных форм выражения, или иными способами по своему выбору».

При этом подчеркивалось, что свободное выражение мнений «налагает особые обязанности и особую ответственность», а потому может быть сопряжено с ограничениями, установленными законом и являющимися необходимыми для уважения прав и репутации других лиц, а также в целях охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения. В статье 20 данные ограничения дополнялись запретом пропаганды войны и выступлений «в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти». Пактом запрещалось также «подстрекательство к дискриминации, вражде и насилию».

Если согласиться с тем, что подстрекательство к дискриминации, вражде и насилию образует трехчленный юридический состав, то общее количество ограничений на свободу выражения мнений в Пакте будет равно 13-ти. Данный подход

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

значительно отличается от гарантирования свободы интеллектуального самовыражения на основе Первой поправки к Конституции США. В статье 4 Пакта говорится также о возможности ограничения гражданских и политических прав в случае введения чрезвычайного положения. Поскольку записанные в статье 19 права не попадают в список прав, не подлежащих ограничению в любом случае, Пакт предполагает возможность ограничения свободы мнений также в случае чрезвычайного положения.

Одной из гарантий интеллектуальной свободы следует считать положение статьи 27 Пакта о том, что лицам, принадлежащим к этническим, религиозным и языковым меньшинствам не может быть отказано в праве «пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком».

Политической гарантией интеллектуальной свободы стало в этот период посвященное итогам реализации Всеобщей декларации прав человека 1948 года «Воззвание Тегеранской конференции» от 13 мая 1968 года.¹ Основным итогом прошедшего двадцатилетия Тегеранская конференция назвала «процесс беспрецедентных перемен» и «новые возможности, открывающиеся в связи с быстрым развитием науки и техники». Конференция констатировала «увеличивающийся разрыв между экономически развитыми и развивающимися странами», признав фиаско в достижении «умеренных целей Десятилетия развития».

Констатировав наличие в мире 700 миллионов неграмотных, Тегеранская конференция указала на неотложность международных усилий по достижению целей всеобщего образования. «Воззвание» поощряло молодежь в ее стремлении к лучшему будущему и высказывало опасение в том, что

¹ Воззвание Тегеранской конференции // Права человека. Сборник международных договоров. – Нью-Йорк: Изд-во ООН, 1989. – С. 49-52.

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

научно-технические достижения могут поставить под угрозу осуществление прав и свобод человека.

Отдельные вопросы гарантирования интеллектуальной свободы затрагивались в этот период также в Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (Резолюция 2106А (XX) Генеральной Ассамблеи от 21 декабря 1965 года, вступила в силу 4 января 1969 г.). Конвенция объявила в статье 4 преступлением «всякое распространение идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти, всякое подстрекательство к расовой дискриминации». В пункте (b) статьи 4 Конвенции «пропагандистская деятельность», поощряющая «расовую дискриминацию и подстрекательство к ней» признавалась противозаконной. Конвенция подтвердила существующие международно-правовые ограничения на свободу выражения мнений, а также право «на равное участие в культурной жизни», образовании и профессиональной подготовке. Государства-участники Конвенции обязались «принять немедленные и эффективные меры <...> в областях преподавания, воспитания, культуры и информации».

Заметным шагом ООН в области международно-правового обеспечения интеллектуальной свободы стала Конвенция ЮНЕСКО о борьбе с дискриминацией в области образования, принятая 14 декабря 1960 года (вступила в силу 22 мая 1962 г.). Данный документ запретил дискриминацию в области образования, определив ее как «всякое различие, исключение, ограничение или предпочтение по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, экономического положения или рождения, которое имеет целью или следствием уничтожение или нарушение равенства отношений в области образования».

Конвенция осудила и запретила такие виды дискриминации, как закрытие доступа к образованию, избирательное

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

ограничение образования только его низшим уровнем, создание и сохранение отдельных систем образования для разных социальных групп, а также иные способы унижения достоинства человека. Участники Конвенции обязались «не допускать в том, что касается платы за обучение, предоставления стипендий и любой другой помощи учащимся, а также разрешений и льгот, которые могут быть необходимы для продолжения образования за границей, никаких различий в отношении к учащимся – гражданам данной страны со стороны государственных органов, кроме различий, основанных на их успехах и потребностях» (пункт (с) статьи 3).

Участники Конвенции обязались предоставить иностранцам равный с их гражданами доступ к образованию, а также гарантировать обязательное начальное и общедоступное среднее образование. Участники заявили о своем намерении обеспечить во всех государственных учебных заведениях одинаковое качество образования и равные условия обучения, нацелив систему образования на развитие человеческой личности, уважение прав человека и основных свобод, содействие взаимопониманию, терпимости и дружбе между народами. Конвенция гарантировала родителям и законным опекунам возможность «обеспечивать религиозное и моральное воспитание детей в соответствии с их собственными убеждениями» (пункт (в) статьи 5).¹

В Декларации о ликвидации дискриминации в отношении женщин (Резолюция 2263 (XXII) Генеральной Ассамблеи от 7 ноября 1967 г.) признавалась необходимость обеспечения девушкам, а также незамужним и незамужним женщинам «равных прав с мужчинами в области образования на всех уровнях». Данное требование предполагало обеспечение одинакового

¹ Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования // Права человека. Сборник международных договоров. – Нью-Йорк: Изд-во ООН, 1989. – С. 103.

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

качества школ и университетов, программ обучения, экзаменов, квалификации преподавательского состава, условий получения дотаций и стипендий.

Впоследствии данные принципы были подтверждены в Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (Резолюция Генеральной Ассамблеи 34/180 от 18 декабря 1979 года, вступила в силу 3 сентября 1981 г.), участники которой обязались принять меры к «устранению любой стереотипной концепции роли мужчин и женщин на всех уровнях и во всех формах обучения путем поощрения совместного обучения и других видов обучения, которые будут содействовать достижению этой цели» (пункт (с) статьи 10).

В последующем в Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений, провозглашенной Резолюцией 36/55 Генеральной Ассамблеи от 25 ноября 1981 года утверждалось, что «каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии. Это право включает свободу иметь религию или убеждения любого рода по своему выбору и свободу исповедовать свою религию и выражать убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в отправлении культа, выполнении религиозных и ритуальных обрядов и учений» (пункт 1 статьи 1).

Декларация устанавливала запрет индоктринации детей, за исключением права выбора религиозных и иных убеждений их родителями или законными опекунами. Как утверждалось в Декларации, «каждый ребенок имеет право на доступ к образованию в области религии или убеждений в соответствии с желаниями его родителей или, в соответствующих случаях, законных опекунов», причем руководящим принципом при этом должны выступать интересы ребенка (пункт 2 статьи 5). Декларация потребовала учитывать «любые проявления воли» ребенка в вопросах выбора религии и формирования убеждений.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Важным документом данного периода стала также Декларация ЮНЕСКО об основных принципах, касающихся вклада средств массовой информации в укрепление мира и международного взаимопонимания, в развитие прав человека и борьбу против расизма, апартеида и подстрекательства к войне от 28 ноября 1978 года. Декларация подчеркнула необходимость всемирного расширения информационной свободы. Как утверждалось в документе, «доступ общественности к информации должен гарантироваться разнообразием доступных ей источников и средств информации, позволяя <...> каждому убедиться в достоверности фактов и объективно оценить события» (пункт 2 статьи II).

Для этого журналистам следует обеспечить свободу передачи сообщений и необходимые средства технического доступа к информации. Также «является существенным, чтобы журналисты и другие работники средств массовой информации пользовались у себя в стране или за границей защитой, которая обеспечивала бы им наилучшие условия для осуществления профессиональной деятельности» (пункт 4 статьи II).

Декларация признавала выдающуюся роль СМИ в ознакомлении общественности со взглядами и ожиданиями молодого поколения и настаивала на равномерном распространении информации, «предназначенной для» и «исходящей из» развивающихся стран. С этой целью международному сообществу предлагалось содействовать созданию условий для свободного, более широкого и сбалансированного распространения информации, а также для защиты журналистов и других работников средств массовой информации при выполнении ими своих функций (статья IX). В Декларации утверждалась важность обмена информацией между государствами с различными экономическими и социальными системами.¹

¹ Декларация об основных принципах, касающихся вклада средств массовой информации в укрепление мира и международного взаимопонимания,

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

Некоторые международно-правовые гарантии интеллектуальной свободы предусматривались также в Декларации ЮНЕСКО о расе и расовых предрассудках от 27 ноября 1978 года. Декларация подчеркивала, что «любое препятствие, затрудняющее свободный расцвет личности и свободную коммуникацию между людьми, основанное на расовых или этнических воззрениях, противоречит принципу равенства в достоинстве и правах» и является недопустимым (пункт 1 статьи 4).

Средства массовой информации и те, кто их контролирует, должны избегать подачи стереотипных, фрагментарных, односторонних и вводящих в заблуждение сведений о происходящем. Коммуникация между расовыми и этническими группами должна быть взаимной, обеспечивающей всем полную возможность высказаться и быть услышанным. Декларация призывала представителей естественных и гуманитарных наук к «проведению объективных исследований на широкой междисциплинарной основе», а государства – к содействию им в этом (пункт 2 статьи 8). Как подчеркивалось в Декларации, ученым следует не только следить за тем, чтобы их исследования не стали объектом ложного истолкования, но и помогать общественности делать из них правильные выводы.

Отдельные, гарантирующие интеллектуальную свободу человека нормы закреплялись также в Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными, принятых Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в 1955 году (одобрены Экономическим и Социальным советом в Резолюциях 633 С (XXIV) от 31 июля 1957 г. и 2076 (LXII) от 13 мая 1977 г.).¹ Минимальные в развитие прав человека и в борьбу против расизма и апартеида и подстрекательства к войне // Права человека. Сборник международных договоров. – Нью-Йорк: Изд-во ООН, 1989. – С. 145-151.

¹Минимальные стандартные правила обращения с заключенными // Права человека. Сборник международных договоров. – Нью-Йорк: Изд-во ООН, 1989. – С. 212-225.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

правила обязывали каждое пенитенциарное учреждение иметь доступную для всех категорий заключенных библиотеку с книгами развлекательного и образовательного характера. Минимальные стандартные правила обязывали администрацию пенитенциарных учреждений регулярно доводить новости до сведения заключенных через газеты, журналы и специальные тюремные издания. Заключенным разрешалось также слушать радио и посещать лекции.

Правила требовали предоставления возможности образования способным к обучению заключенным. Организация обучения неграмотных и молодежи возлагалась на тюремную администрацию. Минимальные стандартные правила требовали от пенитенциарных заведений увязывать обучение заключенных с действующей в стране образовательной системой, а также предусматривали организацию культурных мероприятий в интересах обеспечения их психического здоровья. Лицам, находящимся под защитой презумпции невиновности в следственных изоляторах, гарантировалось право свободно покупать книги, газеты и письменные принадлежности.

В качестве косвенной международно-правовой гарантии интеллектуальной свободы можно рассматривать также Конвенцию о международном праве опровержения, открытую для подписания Резолюцией 630 (VII) Генеральной Ассамблеи 16 декабря 1952 года (вступила в силу 24 августа 1962 г).¹ В основу Конвенции было положено право народов «на полное и объективное осведомление» (Преамбула). Конвенция установила «право опровержения в международном масштабе», что предполагало возможность для стран-участниц Конвенции доводить в форме коммюнике до всеобщего сведения опровержение ранее распространенной о них информации.

¹Конвенция о международном праве опровержения // Права человека. Сборник международных договоров. – Нью-Йорк: Изд-во ООН, 1989. – С. 372-378.

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

Право опровержения действовало в отношении информационных сообщений и не касалось опровержения мнений. В случае нежелания какой-либо из стран обнародовать переданное коммюнике, оно передавалось в распоряжение Генерального секретаря ООН, который должен был обнародовать его в течение десяти дней. Впоследствии право опровержения было развито в Резолюции (74) 26 Комитета министров Совета Европы «О праве на ответ – позиция лица относительно прессы» (1974 г.), в которой каждому государству-участнику Совета Европы рекомендовалось закрепить в своем законодательстве право физических и юридических лиц на опровержение обнародованных в СМИ неправдивых сведений о себе «без чрезмерной задержки».¹

Элементарные гарантии интеллектуальной свободы предусматривались также в Декларации прав ребенка, провозглашенной Резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1959 года. Как утверждалось в принципе 7 Декларации, «ребенок имеет право на получение образования, которое должно быть бесплатным и обязательным, по крайней мере на начальных стадиях. Ему должно даваться образование, которое способствовало бы его общему культурному развитию и благодаря которому он мог бы, на основе равенства возможностей, развивать свои способности и личное суждение, а также сознание моральной и социальной ответственности и стать полезным членом общества». Ребенку также должна обеспечиваться возможность игр и развлечений, направленных на цели образования.²

В свою очередь, в Декларации о распространении среди молодежи идеалов мира, взаимного уважения и взаимопонимания между народами, провозглашенной Резолюцией 2037 (XX)

¹Резолюція (74) 26 Комітету міністрів Ради Європи «Про право на відповідь» // Бюлетень Бюро інформації Ради Європи в Україні, № 10, 2003. – С. 6.

²Декларация прав ребенка // Права человека. Сборник международных договоров. – Нью-Йорк: Изд-во ООН, 1989. – С. 420.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Генеральной Ассамблеи от 7 декабря 1965 года, утверждалось, что молодежные организации должны способствовать свободному обмену идеями в духе основ настоящей Декларации и целей Устава ООН. Принцип II Декларации требовал от институтов образования и СМИ способствовать распространению идеалов мира, гуманизма, свободы и международной солидарности, а также других идеалов, способствующих сближению и дружбе народов.

Гарантии интеллектуальной свободы предусматривались также в Декларации социального прогресса и развития, провозглашенной Резолюцией 2542 (XXIV) Генеральной Ассамблеи от 11 декабря 1969 года. В статье 5 Декларации говорилось о том, что «социальный прогресс и развитие» требуют эффективного использования ресурсов и возможностей человека. Для достижения этой цели необходимо ценить творческую инициативу и предоставлять гражданам информацию международного характера с тем, чтобы они могли реально ощутить дух социальных перемен. В Декларации закреплялось требование равноправного участия развитых и развивающихся стран в использовании достижений науки и техники на благо прогресса. Средством достижения данной цели признавалось «установление гармоничного равновесия между научным, техническим и материальным прогрессом и интеллектуальным, духовным, культурным и нравственным развитием человечества» (пункт (в) статьи 13).

Декларация призвала информировать население о социальных изменениях в мире и просвещать потребителя. В документе указывалось на необходимость повышения общего уровня образования, а также развития СМИ и международного обмена информацией, знаниями и опытом. Эти идеи получили поддержку в Декларации об использовании научно-технического прогресса в интересах мира и на благо человечества (Резолюция 3384 (XXX) Генеральной Ассамблеи от 10 ноября 1975 г.), которая признала недопустимость использования достижений

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

науки и техники для ограничения или вмешательства в осуществление прав человека и основных свобод. В Декларации выражалось требование использовать достижения науки и техники без дискриминации на основе расовых, языковых и религиозных различий.

В принятой 4 декабря 1986 года Декларации о праве на развитие (Резолюция 41/128 Генеральной Ассамблеи)¹ утверждалось, что человек является главным субъектом, участником и бенефициарием развития. В Декларации утверждалось, что «право на развитие является неотъемлемым правом человека, в силу которого каждый человек и все народы имеют право участвовать в таком экономическом, социальном, культурном и политическом развитии, при котором могут быть полностью осуществлены все права человека и основные свободы, а также содействовать ему и пользоваться его благами» (часть 1 статьи 1). При этом главную ответственность за внедрение гарантий развития Декларация возлагала на государство.

На необходимость гарантирования интеллектуальной свободы указывалось также в Декларации принципов международного культурного сотрудничества, принятой ЮНЕСКО 4 ноября 1966 года. В документе провозглашался принцип культурного многообразия как признания того обстоятельства, что каждая культура обладает достоинством и ценностью, которые необходимо уважать и сохранять. Как утверждалось в Декларации, «в их богатом многообразии, разнообразии и взаимном влиянии» все культуры являются достоянием человечества. Декларация призвала государства гарантировать «параллельное и, по возможности, одновременное развитие всех отраслей культуры, с тем чтобы обеспечивать гармоничное равновесие между техническим и морально-интеллектуальным прогрессом человечества» (статья II).

¹ Декларация о праве на развитие // Права человека. Сборник международных договоров. – Нью-Йорк: Изд-во ООН, 1989. – С. 460-465.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

При этом сотрудничество государств должно охватывать область образования, науки и культуры, обеспечивая каждому человеку доступ к знаниям и «возможностям наслаждаться искусством и литературой всех народов, участвовать в прогрессе науки во всех частях земного шара, пользоваться его благами и содействовать обогащению культурной жизни» (часть 4 статьи IV).¹ В статье VII Декларации признавалось, что широкое распространение идей и знаний, их свободный обмен и сопоставление необходимы для творчества, познания истины и расцвета личности. Культурное сотрудничество должно содействовать предоставлению и распространению достоверной информации, при этом культурный обмен должен строиться на основе взаимности.

В «Софийской декларации» – Резолюции Европейского семинара «Укрепление независимых и плюралистических средств информации» (одобрена 29-й сессией Генеральной конференции ЮНЕСКО 12 ноября 1997 г.)² было заявлено о том, что позитивные перемены в направлении развития демократии в Центральной и Восточной Европе создают благоприятную атмосферу для развития независимых и плюралистических СМИ. Как утверждалось в Декларации, пришло время укрепить конституционные гарантии свободы выражения мнений и пересмотреть или отменить препятствующие свободе слова законы. «Софийская декларация» осудила информационные «закрытые зоны», предложила упростить правила пересечения границ для журналистов, а также не принуждать их к разглашению своих конфиденциальных источников. Как было заявлено в документе, независимость и издательско-редакционная свобода должны признаваться для всех СМИ, в

¹ Декларация принципов международного культурного сотрудничества // Права человека. Сборник международных договоров. – Нью-Йорк: Изд-во ООН, 1989. – С. 468.

² Софийская декларация // Профессиональная этика журналистов: в 2 т. Т. 1: Документы и справочные материалы. – М.: Галерея, 1999. – С. 289-295.

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

том числе для государственных органов вещания и информационных агентств.

«Софийская декларация» предложила предоставить государственным СМИ статус общественных учреждений, пользующихся журналистской и издательской неприкосновенностью. Что касается органов, регулирующих теле- и радиовещание, то они должны иметь автономный и независимый от государственного вмешательства статус. «Софийская декларация» предложила Всемирному банку и Европейскому банку реконструкции и развития создать независимый фонд кредитования СМИ в странах Центральной и Восточной Европы. В Декларации говорилось о том, что появление новых коммуникационных технологий должно сопровождаться параллельным развитием гарантий свободы выражения мнений. Для этого предлагалось разработать антимонопольное законодательство, а также уменьшить угрожающий плюрализму СМИ внешний контроль. Принадлежность СМИ тем или иным собственникам, а также их финансирование Декларация призывала сделать прозрачным для общественности.

Что касается международно-правовых гарантий интеллектуальной свободы в документах Совета Европы и ОБСЕ, то их обзор уместно начать с Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Европейской конвенции) от 4 ноября 1950 года.¹ Защита интеллектуальной свободы в Европейской конвенции предусматривается девятой и десятой статьями. Как утверждает в первой из них: «1. Каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в

¹Європейська конвенція з прав людини // Права людини в Україні. Інформаційно-аналітичний бюлетень Українсько-Американського бюро захисту прав людини. Випуск 21. – Київ: 1998. – С. 97-112.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

богослужении, обучении, отправлении религиозных и культовых обрядов.

2. Свобода исповедовать свою религию или убеждения подлежит лишь тем ограничениям, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц».

В статье 10 Европейской конвенции говорится: «1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует Государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».¹

¹Перевод по изданию: Де Сальвиа М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящиеся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – С. 605, 619. Еще одна (не включающая в качестве субъекта данного права юридических лиц) версия неофициального русского перевода: «1. Каждый человек имеет право на свободу выражения своего мнения. Это право

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

Как писал М. де Сальвиа, «несмотря на эти редакционные предосторожности, судебная практика показала себя крайне строгой в оценке ограничений свободы выражения мнения, в том смысле, что [она] явно предоставляет преимущества свободе в сравнении с ограничением».¹ В то же время, необходимо указать на то обстоятельство, что статья 10 Европейской конвенции гарантирует свободу выражения мнений в том виде, в котором она сложилась в европейских странах в послевоенный период. На момент принятия данного документа в правовой защите нуждалась элементарная свобода слова.

В первые после Второй мировой войны годы предпосылки, сам процесс формирования свободного мышления, становление непредубежденного и свободного от ксенофобии сознания беспокоили законодателей в значительно меньшей степени, нежели теперь. Как утверждалось позднее в решении Европейского Суда по правам человека по делу *Steel et autres c. Rouaite-Uni* (23. 09. 98, § 101), «свобода выражения мнения включает свободу придерживаться своего мнения, получать и распространять информацию и идеи без вмешательства со стороны государственных органов и независимо от государственных границ. Эта статья не препятствует государствам вводить лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с формальностями, условиями, ограничениями или штрафными санкциями, предусмотренными законом и необходимыми в демократическом обществе в интересах государственной безопасности, территориальной целостности или общественного спокойствия, в целях предотвращения беспорядков и преступности, защиты здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия» (Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Русская версия. Публикация Совета Европы. – СПб.: Манускрипт, 1996. – С. 7-8).

¹Де Сальвиа М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящиеся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – С. 620.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

представляет собой одну из несущих опор демократического общества, основополагающее условие его прогресса и самореализации каждого его члена». В решении же Европейского Суда по делу *Muller et autres c. Suisse* (24. 05. 88, § 27) было указано, что «статья 10 охватывает свободу художественного выражения – в частности, свободу передавать информацию и идеи – которая позволяет участвовать в публичном обмене информацией и культурными, политическими, социальными и иными идеями».

Существенные *политические* гарантии интеллектуальной свободы были разработаны и предложены также в Заключительном акте совещания по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе, принятом в августе 1975 года в Хельсинки.¹ Принято считать, что Хельсинкское соглашение вобрало в себя те положения о правах и свободах человека, которые обеспечивали подлинно революционные возможности.²

В частности, Заключительный акт требовал «уважения к правам человека и основным свободам», особо подчеркивая при этом значение свободы слова, права на информацию и интеллектуальное самовыражение. В Заключительном акте «права человека» рассматривались в качестве *фундаментальных ценностей*. При этом особое значение имела «третья корзина» документа, в которой предусматривались гарантии «свободного передвижения людей и идей». И хотя многие формулировки Заключительного акта имели ярко выраженный компромиссный характер, а руководство СССР попыталось игнорировать его либерально-демократический потенциал,

¹ Прикінцевий акт наради з питань безпеки та співробітництва в Європі // Права людини в Україні. Інформаційно-аналітичний бюлетень Українсько-Американського бюро захисту прав людини. Випуск 21. – Київ: 1998. – С. 187-208.

² Корі В. Непередбачені наслідки Гельсінкі // Права людини в Україні. Інформаційно-аналітичний бюлетень Українсько-Американського бюро захисту прав людини. Випуск 21. – Київ: 1998. – С. 374.

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

значение Заключительного акта для развития интеллектуальной свободы в странах Восточной и Центральной Европы трудно переоценить.

Госдепартамент США не смог сразу оценить инновационный потенциал хельсинкского процесса. Напротив, в СССР интеллигент и диссидент Ю. Орлов сразу осознал его реальные возможности. Группы общественного мониторинга за соблюдением требований Заключительного акта возникли в Москве, Киеве, Вильнюсе, Тбилиси и Ереване. В декабре 1976 года около 60 польских писателей, актеров и ученых обратились к правительству с письмом, в котором они, ссылаясь на положения Заключительного акта, потребовали обеспечения в стране реальной свободы волеизъявления и свободы совести.

Впоследствии Л. Валенса высоко оценил роль данной акции. В Чехословакии под влиянием идей Заключительного акта была создана организация «Хартия-77», петицию которой подписали более 200 представителей национальной интеллигенции. В целом, инициированная Заключительным актом «информационная революция» продемонстрировала всему миру плачевное состояние интеллектуальной свободы в странах Центральной и Восточной Европы. Однако Заключительный акт 1975 года не только раскрывал неприглядную правду, но и требовал создания правовых и политических гарантий свободы мысли, слова и самовыражения в центре и на востоке Европы. Для этого Заключительный акт предусматривал разработку специальных программ в сфере образования, обмена информацией и расширения международных контактов.

Подписавшие Заключительный акт государства обязались открыть новые возможности для развития международной журналистики. Хельсинкские соглашения предусматривали расширение импорта и экспорта иностранной периодики, организацию доступа населения к зарубежным печатным изданиям, международную подписку и расширенный библиотечный

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

книгообмен. Предусматривались гарантии международного кино-, теле- и радиообмена, а также упрощенный порядок импорта аудиовизуальной продукции. В акте говорилось о намерении упростить режим получения виз и официальных аккредитаций для журналистов.

Заключительный акт предусмотрел увеличение числа зарубежных поездок, обмен творческими коллективами и театральными постановками на двусторонней и многосторонней основе. Страны-участницы обязались улучшить взаимную информированность в сфере культуры, организовав доступ к находящимся в их распоряжении культурным ценностям. Актом предусматривалось создание Международного института культурных данных и Европейского каталога документальных фильмов. Документ поддержал идею международных книжных выставок, а также упрощение правил почтовой пересылки книг.

Хельсинкские соглашения стимулировали международный научный обмен, стажировки, гастроли, встречи творческих работников и обмен опытом в сфере театрального, оперного, балетного, музыкального и изобразительного искусства. Они расширили обмен студентами и преподавателями, а также помогли учредить международные фонды и стипендии для творческого развития. Соглашения предусматривали взаимное признание научных степеней и званий, а также сопоставление способов оценки знаний студентов и квалификации преподавателей. Предусматривалось также создание сети международных научных конференций и семинаров для постановки и обсуждения крупных научных проблем. Заключительный акт поддержал идею изучения иностранных языков и создания национальных терминологических словарей.

Идеи Заключительного акта 1975 года были развиты в «Заключительном документе» Мадридской встречи представителей стран-участниц ОБСЕ, принятом 6 сентября 1983 года.

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

Мадридская встреча посвящалась международному сотрудничеству в гуманитарной сфере по следующим направлениям: контакты между людьми, обмен информацией, развитие культуры и образования. Заключительный документ предусмотрел расширение информационного обмена, подписку на иностранную периодику, упрощение визового режима для журналистов, создание международных пресс-центров, организацию переводов книг, обмен фильмами, студентами, преподавателями и молодыми учеными, а также расширение изучения иностранных языков.

Очередным шагом в развитии международно-правовых гарантий интеллектуальной свободы стало принятие 19 января 1989 года «Итогового документа» Венской (1986 г.) встречи представителей государств-участников СБСЕ.¹ С точки зрения гарантий «свободного передвижения людей и идей» Итоговый документ превзошел Заключительный акт 1975 года и Заключительный документ 1983 года. С его принятием основные препятствия для выезда за рубеж и эмиграции из стран Восточной и Центральной Европы были устранены. Многие граждане ГДР, отдохавшие осенью 1989 года в Венгрии, немедленно воспользовались возможностью покинуть свою социалистическую родину.

Важным достижением Итогового документа 1989 года была разработка религиозных и этнокультурных прав, которым ранее не уделялось необходимого внимания. «Глушение» радиостанций в качестве способа борьбы с распространением идей было приостановлено. Вместе с тем, достигнутое с помощью Итогового документа расширение интеллектуальной свободы сопровождалось частичным усилением настроений ксенофобии,

¹ Підсумковий документ Віденської зустрічі 1986 року представників держав-учасниць НБСЕ // Права людини в Україні. Інформаційно-аналітичний бюлетень Українсько-Американського бюро захисту прав людини. Випуск 21. – Київ: 1998. – С. 215-234.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

антисемитизма и этнической вражды. Участники Венской встречи обязались прилагать усилия «с целью содействия постоянно-му расширению знаний и понимания жизни в своих странах».

Они подтвердили намерение развивать сотрудничество в культурно-образовательной сфере, улучшить условия работы журналистов и гарантировать «прямой и нормальный прием радиопередач». Была поддержана идея международных телемостов, а также право журналистов «свободно искать доступ к гражданским и частным источникам информации». Итоговый документ призвал государства воздерживаться от депортации иностранных журналистов, а также строго соблюдать требования авторского права. Одноразовые журналистские визы предлагалось заменить многоразовыми. Итоговый документ предусмотрел компьютеризацию национальных каталогов культурных объектов, развитие свободных контактов между университетами, а также доступ ученых, преподавателей и студентов к международным базам и банкам данных.

Заметным событием в области дальнейшего укрепления гарантий интеллектуальной свободы стал Документ Копенгагенского совещания Конференции по вопросам человеческого измерения¹ СБСЕ от 29 июня 1990 года,² в котором государства-участники подтвердили свою уверенность в том, что плюралистическая демократия и правовое государство являются обязательными условиями уважения и развития прав человека и основных свобод. При этом они дополнили право

¹ «Человеческое измерение» включает в себя права человека и основные свободы, принципы демократии, верховенство права, защиту прав национальных меньшинств и некоторые другие гуманитарные требования (Блоед А. Людський вимір ОБСЄ: минуле, сучасне й майбутнє // Права людини в Україні. Інформаційно-аналітичний бюлетень Українсько-Американського бюро захисту прав людини. Випуск 21. – Київ: 1998. – С. 344-345).

² Документ Копенгагенської наради Конференції з питань людського виміру НБСЄ // Права людини в Україні. Інформаційно-аналітичний бюлетень Українсько-Американського бюро захисту прав людини. Випуск 21. – Київ: 1998. – С. 235-254.

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

человека на свободу выражения мыслей правом на общение. Как было записано в Документе, «государства-участники подтверждают, что: каждый человек имеет право на свободу выражения своих мыслей, в том числе право на общение. К этому праву относится свобода придерживаться своих убеждений и получать и распространять информацию и идеи без вмешательства со стороны государственных властей и независимо от государственных границ.

Осуществление этого права может быть предметом только таких ограничений, которые предусмотрены законом и отвечают международным стандартам. В частности, не будут внедряться какие-либо ограничения на доступ к средствам тиражирования документов всех видов и на их использование при условии соблюдения прав интеллектуальной собственности, в том числе авторского права» (пункт 9.1 раздела II). В Документе подтверждалось «право каждого человека запрашивать, получать и свободно передавать мысли и информацию о правах человека и основных свободах», распространять и публиковать их (пункт 10.1 раздела II).¹ Государства-участники подтвердили также свое намерение принимать у себя студентов из зарубежных стран на основе двухсторонних и многосторонних соглашений.

Некоторые важные гарантии интеллектуальной свободы предусматривались в разделе «Культура» Парижской хартии для новой Европы от 21 ноября 1990 года. Как утверждалось в Хартии, участвующие в СБСЕ главы государств и правительств «подчеркивают свою преданность свободе творчества, а также защите и развитию <...> культурного и духовного наследия во всем его богатстве и разнообразии», выступают за «создание культурных центров в городах других стран-участниц, а также

¹Права людини в Україні. Інформаційно-аналітичний бюлетень Українсько-Американського бюро захисту прав людини. Випуск 21. – Київ: 1998. – С. 241.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

за более активное сотрудничество в аудиовизуальной сфере и более широкий обмен в сфере музыки, театра, литературы и искусства».¹

В свою очередь, в Документе Московского совещания Конференции по вопросам человеческого измерения СБСЕ от 3 октября 1991 года вопросам защиты интеллектуальной свободы был посвящен 26-й параграф.² В нем говорилось, что государства-участники подтверждают право на свободу высказывания мыслей, право на общение и право СМИ свободно собирать, передавать и распространять информацию, новости и мысли. При этом любые ограничения в отношении реализации данного права должны предусматриваться законом и отвечать международным стандартам. Государства признали независимые СМИ важным условием существования свободного и открытого общества и согласились с тем, что СМИ должен быть предоставлен неограниченный доступ к иностранным службам новостей и иным источникам информации. Гражданам гарантировалось право получать и передавать информацию и идеи без вмешательства со стороны государства и независимо от границ. Любые ограничения в данной сфере должны определяться законом и соответствовать международным стандартам.

В Декларации Хельсинкской встречи на высшем уровне 1992 года государства-участники СБСЕ еще раз подтвердили свое намерение «развивать человеческие ресурсы в области науки», создавая для этого научные сетевые структуры и осуществляя совместные исследовательские проекты. Декларация 1992 года наметила ряд мероприятий в области развития гарантий

¹Права людини в Україні. Інформаційно-аналітичний бюлетень Українсько-Американського бюро захисту прав людини. Випуск 21. – Київ: 1998. – С. 264.

²Документ Московської наради Конференції з питань людського виміру НБСЕ // Права людини в Україні. Інформаційно-аналітичний бюлетень Українсько-Американського бюро захисту прав людини. Випуск 21. – Київ: 1998. – С. 293.

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

независимости СМИ и обеспечения международного сотрудничества в области образования. Впоследствии эти тенденции были поддержаны «Венской декларацией» Конференции глав государств и правительств государств-членов Совета Европы от 9 октября 1993 года. В Декларации выражалась уверенность в том, что культурное сотрудничество в области образования, СМИ, а также защиты и оценки культурного наследия является важным средством европейской интеграции, способом сохранения европейской культурной идентичности. В «Приложении-III» Декларация призвала к решительной борьбе с любыми формами культурной нетерпимости, а также к созданию на основе общих культурных ценностей солидарного «демократического европейского общества».

Идеи «Венской декларации» были затем развиты в Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств от 10 ноября 1994 года (открыта для подписания 1 февраля 1995 г.) и специальном пояснительном докладе к ней.¹ В Конвенции государства-члены Совета Европы подтвердили, что право на свободу выражения взглядов принадлежит всем национальным меньшинствам и включает в себя как свободу придерживаться своих взглядов, так и право получать и распространять информацию и идеи на родном языке без вмешательства государства и независимо от государственных границ. Государства обязались гарантировать положение, при котором национальные меньшинства не будут подвергаться дискриминации в доступе к СМИ.

Они обязались содействовать углублению терпимости и развитию культурного плюрализма, а также предпринимать шаги в сфере образования и научных исследований с целью

¹Рамкова конвенція про захист національних меншин та пояснювальна доповідь // Права людини в Україні. Інформаційно-аналітичний бюлетень Українсько-Американського бюро захисту прав людини. Випуск 21. – Київ: 1998. – С. 135-160.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

глубокого изучения культуры, истории, языка и религии народов, проживающих на их территории. Конвенция предусматривала создание надлежащих условий для подготовки учителей, а также содействие налаживанию контактов между учениками и учителями, принадлежащими к разным этническим группам. Она закрепила равные возможности доступа национальных меньшинств к образованию на всех уровнях, в том числе путем создания частных учебных заведений. Долговременной целью Рамочной конвенции было создание атмосферы терпимости и диалога на основе принципов «Венской декларации» 1993 года.

В свою очередь, Европейская хартия региональных языков и языковых меньшинств, принятая 5 ноября 1992 года, обязала присоединившиеся к ней государства осуществить широкие мероприятия по использованию региональных языков в сфере культуры, образования и СМИ. Государства обязались предоставить национальным меньшинствам возможность получения высшего образования на родном языке, организовать выпуск прессы, трансляцию теле- и радиопрограмм на региональных языках, а также гарантировать прямой теле- и радиоприем из соседних стран. Они обязались не применять ограничительных мер в отношении свободы выражения взглядов и распространения информации на региональных и близко примыкающих к ним языках.

Важным *модельным проектом* международно-правового гарантирования интеллектуальной свободы стали в этот период «Иоганнесбургские принципы. Национальная безопасность, свобода самовыражения и доступ к информации», одобренные 1 октября 1995 года экспертами Международного центра против цензуры (Article 19) при содействии Центра прикладных правовых исследований Университета Уитвотерсранд (ЮАР).¹ Иоганнесбургские принципы основывались на

¹Иоганнесбургские принципы // Профессиональная этика журналистов: в 2 т. Т. 1: Документы и справочные материалы. – М.: Галерея, 1999. – С. 296-306.

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

международной судебной практике защиты прав человека, нормах Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года, Парижских минимальных стандартах¹ в отношении прав человека при чрезвычайных обстоятельствах и др.

Принцип I данного документа закрепил «свободу мнения, самовыражения и информации», причем свобода самовыражения означала «свободу искать, получать и передавать любого рода идеи, безотносительно к границам, устно, письменно или в печатном виде, либо в форме произведения искусства или любыми средствами коммуникации по своему выбору». Иоганнесбургские принципы предложили узкое понимание «интересов национальной безопасности» как законной причины для возможного ограничения свободы самовыражения.

В частности, понятие «самовыражения, которое может угрожать национальной безопасности» (принцип 6) предполагает необходимое наличие трех условий. Для ограничения свободы самовыражения правительство должно продемонстрировать: а) что самовыражение имеет целью призыв к насильственным действиям; б) что самовыражение может привести к таким насильственным действиям; в) что имеется непосредственная связь между самовыражением и возможностью насильственных действий.

Принцип VII документа предложил более широкое определение «самовыражения, находящегося под защитой», чем определение «свободы выражения мнения» на основе части 1 статьи 10 Европейской конвенции 1950 года. Иоганнесбургские принципы предусматривали модельные определения: незаконного вторжения в самовыражение; общественного интереса к раскрытию информации; условий, достаточных для раскрытия секретной информации; информации, полученной

¹«Парижские минимальные стандарты» были приняты в апреле 1984 г. группой экспертов под эгидой Международной ассоциации права.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

на государственной службе; информации, ставшей всеобщим достоянием; защиты журналистских источников; предварительной цензуры и др.

Отдельные технико-юридические гарантии обеспечения интеллектуальной свободы были разработаны Парламентской Ассамблеей Совета Европы в форме Резолюции 428 (1970) относительно «Декларации о СМИ и правах человека» от 23 января 1970 года, Рекомендации 748 (1975) «О роли национального вещания и управлении им» от 23 января 1975 года, Резолюции 820 (1984) «Об отношении парламентов государств со СМИ» от 7 мая 1984 года, а также Резолюции 1003 (1993) «По журналистской этике», принятой в 1993 году.

Определенные усилия в этом направлении были предприняты также Комитетом министров Совета Европы на уровне 4-й Европейской конференции министров по вопросам политики в области СМИ в Праге 7-8 декабря 1994 года, Политической декларации 5-й Европейской конференции министров по вопросам политики в области СМИ 11-12 декабря 1997 года, Резолюции 2 «Переосмысление нормативной основы деятельности СМИ» от 12 декабря 1997 года, а также в рамках Рекомендации Комитета министров R(94)13 «О мерах обеспечения прозрачности средств массовой информации» от 22 ноября 1994 года.¹

Как следует из духа и буквы указанных документов, свобода печати и независимость СМИ от государственного контроля должны гарантироваться национальным парламентским законодательством. Отдельные ограничения деятельности СМИ могут предписываться исключительно судами, а не органами исполнительной власти. Любая цензура аудиовизуальных СМИ должна подлежать запрету. Кроме того, СМИ необходимо защищать от монополизма. Хотя право на свободу

¹ См.: Профессиональная этика журналистов: в 2 т. Т. 1: Документы и справочные материалы. – М. Галерея, 1999. – С. 309-363, 374-378.

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

информации и выражение мнений не входит в противоречие с защитой личной жизни граждан, информацию о жизни публичных фигур следует отнести к предмету законного интереса общественности. При этом создание информационных банков персональных данных должно ограничиваться лишь необходимым минимумом сведений. Главным принципом журналистской этики должно стать четкое разграничение информации о новостях и мнений.

Европейские документы осудили положение, при котором государственные органы являются эксклюзивными собственниками информации и призвали гарантировать свободу информации внутри СМИ. В свою очередь, уважение к идеологическим взглядам издателей и владельцев СМИ рекомендовалось свести к требованию достоверности информационных сообщений и соблюдению журналистами этических норм.

В документах утверждалось, что информация является не столько предметом потребления, сколько фундаментальным правом, одной из основных свобод человека. Поскольку издатели, владельцы СМИ и журналисты не являются собственниками новостей, постольку журналистские расследования должны быть правдивыми, честными и не преследующими целей обеспечения интересов частных лиц. В отношениях с властью журналистам рекомендовалось избегать ситуации двойной лояльности. Как утверждалось в документах, информационное законодательство государств-членов Совета Европы должно обеспечивать нейтралитет информации, плюрализм мнений, баланс мужских и женских приоритетов в информационной политике, а также право на ответ для тех, кто подвергся публичным обвинениям.¹

¹Право на ответ (опровержение) обычно понимается как право на ответ кандидата (партии) своим оппонентам во время избирательной кампании (Рекомендация R (99) 15 Комітету міністрів Ради Європи «Про висвітлення в ЗМІ виборчих кампаній» // Бюлетень Бюро інформації Ради Європи в Україні, № 10, 2003. – С. 65).

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Государства обязались изучить воздействие новых технологий на общественное телевидение на национальном и транс-национальном уровнях, а также уделить внимание защите конфиденциальных источников информации.¹ Документы требовали, чтобы любое административное вмешательство в деятельность СМИ исчерпывающе предусматривалось в законе, было необходимым в демократическом обществе и соответствовало цели налагаемых ограничений.

В целом, европейские правовые нормы и рекомендации признают недопустимость пропаганды и популяризации неонацизма, публичных призывов к ненависти и насилию, а также распространение порнографии. В этом смысле они являются более консервативными, чем соответствующие стандарты защиты интеллектуальной свободы и свободы самовыражения в США. Европейские нормы требуют, чтобы развитие коммуникационных технологий способствовало эффективному функционированию демократии, расширению ее социальной основы и уважению демократических прав и свобод.

Данный подход отчетливо проявился в Рекомендации R (89) 7 Комитета министров Совета Европы «О принципах распространения видеозаписей насильственного, жестокого или порнографического содержания», предусматривающей обязательное депонирование образцов видеопродукции, а также запрещение их рекламы и пересылки почтой. Аналогичная позиция прослеживается в Рекомендации 1276 (1995) Парламентской Ассамблеи Совета Европы «О силе визуальных образов» (1995 г.), Рекомендации R (97) 19 Комитета министров Совета

¹ В Рекомендации R (2000) 7 Комитета министров Совета Европы «О праве журналистов не раскрывать свои источники информации» от 8 марта 2000 г. говорится о том, что журналист обязан раскрыть информационный источник только для обеспечения «государственных интересов чрезвычайной важности», при наличии обстоятельств «чрезвычайно важного и серьезного характера» (Бюлетень Бюро інформації Ради Європи в Україні, № 10, 2003. – С. 70).

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

Европы «О демонстрации насилия электронными СМИ» (1997 г.), Рекомендации R (97) 20 Комитета министров Совета Европы «О «клеветнических высказываниях» (1997 г.) и др.¹

Характерным примером европейского понимания стандартов интеллектуальной свободы является требование о том, чтобы реклама была «справедливой, честной, правдивой и приличной». При этом должна подлежать запрету «любая подознательная реклама».² Подобным стремлением проникнута и рекомендация «избегать транслирования передач, сообщений или изображений, которые пропагандируют насилие, насаждают секс и потребительские настроения или умышленно используют неадекватную речь».³

В информационной политике Совета Европы чувствуется желание использовать информационные и коммуникационные технологии в качестве средств «универсальной общественной службы». Для этого предлагалось создать службы открытого доступа к информации в области образования и культуры на национальном, региональном и местном уровнях. Как отмечалось в Резолюции 4-й Европейской конференции министров по вопросам политики в области СМИ, гражданское вещание должно создавать «плюралистические и новаторские

¹См.: Рекомендація R (89) 7 Комітету міністрів Ради Європи «Про принципи поширення відеозаписів насильницького, жорстокого чи порнографічного змісту», Рекомендація 1276 (1995) Парламентської Асамблеї Ради Європи «Про силу візуальних образів», Рекомендація Комітету міністрів Ради Європи R (97) 19 «Про показ насильства електронними ЗМІ», Рекомендація Комітету міністрів Ради Європи R 97 (20) «Про «наклепницькі висловлювання» // Бюлетень Бюро інформації Ради Європи в Україні, № 10, 2003. – С. 15-17; 33-35; 43-51.

²Рекомендація R (84) 3 Комітету міністрів Ради Європи «Про принципи телевізійної реклами» // Бюлетень Бюро інформації Ради Європи в Україні, № 10, 2003. – С. 10-11.

³Резолюція 1003 (1993) Парламентської Асамблеї Ради Європи «Про етичні принципи журналістики» // Бюлетень Бюро інформації Ради Європи в Україні, № 10, 2003. – С. 23.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

программы» для отображения «разнообразных философских идей и религиозных верований».

Что касается законного вмешательства государственных органов в деятельность журналистов, то Резолюция 2-й Пражской конференции 1994 года разработала для этого стандартный набор условий. Вмешательство должно предусматриваться перечнем на основе части 2 статьи 10 Европейской конвенции о правах человека; быть необходимым в демократическом обществе и соответствовать общественным интересам; основываться на законе и описываться в точных и ясных понятиях; интерпретироваться узко; быть адекватным поставленной цели.¹

Министры в области СМИ обязались содействовать предоставлению общественности официальной информации на национальном и местном уровнях с использованием новых коммуникационных технологий. Они заявили свое требование о том, чтобы создание, обработка и монтаж изображения и звука не оскорбляли человеческого достоинства, не нарушали прав других лиц и не ставили под сомнение достоверность фактов и событий в процессе изложения новостей. Конференция высказалась за то, чтобы использование новых информационных возможностей не наносило ущерба свободным, всеобщим, тайным, периодическим выборам и представительной демократии в целом.

Поскольку в документах Совета Европы неоднократно подчеркивалась необходимость защиты передачи персональных данных с помощью средств шифрования, а также ставился вопрос о разработке систем, позволяющих избегать приема «незапрашиваемых» сообщений, Конференция поддержала идею анонимного доступа пользователей к информационным

¹Резолюція 2 «Свобода журналістів і права людини» 4-ї Європейської конференції «ЗМІ в демократичному суспільстві» в Празі (7-8 грудня 1994 р.) // Бюлетень Бюро інформації Ради Європи в Україні, № 10, 2003. – С. 31.

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

службам и сетям. Однако министры высказались в поддержку права спецслужб идентифицировать авторов электронных сообщений при условии соблюдения ими процедурных гарантий, предусмотренных Европейской конвенцией 1950 года.

Участники 5-й Европейской конференции министров по вопросам политики в области СМИ (1997 г.) обязались гарантировать свободное распространение информации на трансграничном уровне. Они поддержали идею регулирования деятельности операторов национальных и общеевропейских коммуникационных сетей кодексами профессиональной этики. Конференция призвала европейские государства применять в своем законодательстве и судебной практике принципы Рекомендации R (97) 19 «О демонстрации насилия в электронных СМИ», Рекомендации R (97) 20 «О клеветнических высказываниях», а также Рекомендации R (97) 21 «О средствах массовой информации и развитии культуры терпимости».

Специальные гарантии защиты интеллектуальной свободы предусматривались также в Европейской конвенции о трансграничном телевидении 1989 года. Конвенция, в частности, требовала, чтобы транслируемые за рубеж телепрограммы не были непристойными, не содержали в себе элементов порнографии, не подчеркивали проявлений насилия и не разжигали расовой ненависти. Как утверждалось в статье 7 Конвенции, «телевизионный вещатель должен обеспечивать, чтобы в новостях факты и события представлялись справедливо, и поощрялось свободное формирование мнений». Впоследствии данные требования были детализированы в Рекомендации R (99) 1 Комитета министров Совета Европы «О мерах, содействующих плюрализму в СМИ» от 19 января 1999 года.

В свою очередь, в Рекомендации Парламентской Ассамблеи Совета Европы 1067 (1987) «О культурном измерении вещания в Европе» ставился вопрос о необходимости направлять больше денег из прибылей «в оригинальное национальное

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

производство и поиск новых и еще более разнообразных талантов»,¹ а в Рекомендации 1147 (1991) «О парламентской ответственности за процесс демократического реформирования вещания» – о невозможности создания «какой-либо универсальной модели организации деятельности радио и телевидения». Кроме того, в Резолюции Парламентской Ассамблеи Совета Европы 1003 (1993) «Об этических принципах журналистики» право на информацию было признано «одним из основополагающих прав». Категорию «информации» было предложено рассматривать в качестве права граждан, а не в качестве предмета потребления.² Европейские документы стремились минимизировать риски, вытекающие из демонстрации фактов насилия, однако поддержали идею о том, что «насилие является частью повседневной жизни человека, а потому право общественности знать включает в себя также право быть проинформированным относительно различных проявлений насилия».³

Одобренный Европейским Конвентом 10 июля 2003 года «Договор о Конституции для Европы»⁴ позитивно оценил юридический потенциал Европейской конвенции прав человека 1950 года. Как указывалось в «Конституции», основные права, гарантированные Европейской конвенцией и вытекающие из общих для государств-членов Союза конституционных традиций признаются общими принципами права Европейского Союза. При этом в преамбуле к «Хартии основных прав»

¹ Рекомендація 1067 (1987) Парламентської Асамблеї Ради Європи «Про культурний вимір мовлення в Європі» // Бюлетень Бюро інформації Ради Європи в Україні, № 10, 2003. – С. 13.

² Бюлетень Бюро інформації Ради Європи в Україні, № 10, 2003. – С. 21.

³ Резолюція R (97) 19 Комітету міністрів Ради Європи «Про показ насильства електронними ЗМІ» // Бюлетень Бюро інформації Ради Європи в Україні, № 10, 2003. – С. 43.

⁴ См.: Речицкий В. Конституція Європи як модель політичної цивілізації // Критика, № 6, 2005. – С. 5-7.

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

Союза утверждалось, что Союз ставит человеческую личность в центр своей деятельности, проявляя при этом уважение к разнообразию культур и традиций народов Европы. Конституция провозгласила право каждого на уважение к своей физической и духовной целостности (статья II-3); право на уважение к своей личной и семейной жизни, жилищу и средствам общения (статья II-17); право на защиту персональных данных и на доступ к ним (статья II-8); право на свободу мысли, совести и вероисповедания (статья II-10); право на свободу выражения взглядов, предусматривающее свободу придерживать-ся собственных взглядов, получать и передавать информацию и идеи без вмешательства органов государственной власти и независимо от границ (статья II-11).

В его нынешнем виде (2007 г.) Договор о Конституции для Европы гарантирует уважение «свободы и плюрализма» СМИ, а также академической свободы. При этом искусство и научные исследования провозглашаются в нем свободными от любых ограничений (статья II-13). Закрепленное в Договоре право на образование (статья II-14) предусматривает возможность бесплатного обязательного образования, а также свободу создания образовательных учреждений с «надлежащим уважением к демократическим принципам».

В разделе «Равенство» Договор провозгласил уважение к культурному, религиозному и языковому разнообразию (статья II-22), а также право людей преклонного возраста на участие в социальной и культурной жизни (статья II-25). В статье II-27 документ предусмотрел право работников на доступ к информации на своем предприятии, а в статье II-41 – право каждого быть выслушанным перед принятием решения по своему делу вместе с правом на ознакомление с содержанием персонального досье.

Договор о Конституции для Европы закрепил право граждан Союза, а также иных легально проживающих на территории

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Союза лиц на свободный доступ к документам европейских институций, учреждений, служб и агентств.

Что касается судебной защиты интеллектуальной свободы в Европе, то, кроме национальной судебной практики государств-членов Европейского Союза, она представлена решениями Европейской Комиссии (далее – Комиссии) и Европейского Суда по правам человека в Страсбурге.¹ Речь идет о применении данными органами статьи 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года. К настоящему времени Европейский Суд (далее – Суд) вынес десятки решений о защите свободы мысли и слова, а Комиссия – о приемлемости соответствующих заявлений и сообщений о фактах. Решения Суда являются обязательными для всех стран, присоединившихся к Европейской конвенции. Они также могут использоваться в качестве образцов при разработке международных и внутригосударственных нормативно-правовых актов о свободе слова.

Как отмечала С. Коливер, в конкретных решениях по статье 10 Конвенции Суду приходится сталкиваться «с принципами свободы выражения мнений, из которых существуют изъятия, которые должны толковаться как можно более узко». Данное требование означает, что в решениях по делам о свободе выражения мнений любой суд должен убедиться в том, что предполагаемое ограничение: а) предусмотрено законом; б) имеет легитимную цель; в) необходимо в демократическом обществе для достижения данной цели. Налагаемое ограничение должно быть «точно сформулированным, чтобы человек мог регулировать свое поведение». При этом ограничивающая свободу слова норма не обязательно должна быть кодифицированной,

¹Понятие судебной защиты включает в себя решения Суда Европейского Союза, Европейского Суда по правам человека в Страсбурге, а также национальных судов государств, в которых Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. действует автоматически.

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

она может выступать также элементом общего права. В любом случае необходимое ограничение должно быть обусловленным и «желательным», в нем должна присутствовать «настоящая общественная необходимость».

Это означает, что ограничения должны быть пропорциональными законной цели, а основания их применения – непосредственно относящимися к рассматриваемому делу.¹ В решении по делу *Observer et Guardian c. Royaume-Uni* (216, 26. 11. 91, § 59) Суд заявил, что «свобода выражения мнения, как закреплено в статье 10 Конвенции, подвержена ряду исключений, которые, однако, должны толковаться в узком смысле».² Однако в решении по делу *Lehideux et Isorni c. France* (23. 09. 98, § 53) Суд изъясил из-под защиты статьи 10 Конвенции «оправдание пронацистской политики», а в решении по делу *Campanu y Dies de Revenga & Lopez-Galiacho Perona, Dec* – пришел к выводу о том, что «репортажи по предмету спора, концентрирующие свое содержание на чисто личных аспектах лиц, не должны рассматриваться как способствовавшие какому-либо обсуждению, представляющему интерес для общества, несмотря на общеизвестность этих лиц».³

¹Колівер С. Свобода преси за Європейською Конвенцією про захист прав людини та основних свобод // Свобода висловлювань і приватність, № 3-4, 1999. – С. 32.

²После названия судебного решения приводится его источник и дата принятия. Номер официальной публикации решения Суда указан цифрой. Например, цифра «216» означает: Серия № 216. Номер параграфа (тут – § 59) обозначает соответствующий абзац цитируемого решения. Русские переводы решений приводятся по изданию: Де Сальвиа М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящиеся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.

³Де Сальвиа М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящиеся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – С. 687.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

В настоящее время Судом принято значительное количество решений по статье 10 Европейской конвенции, главное содержание которых уже получило минимально необходимый юридический комментарий.¹ В целом, практика Суда и Комиссии определила свободу высказываний в качестве «одного из необходимых условий прогресса демократических обществ и развития каждой личности».

Это означает, что европейские стандарты свободы высказываний и информации являются достаточно широкими, хотя и подпадающими под ограничения части 2 статьи 10 Конвенции. Как постановил 24 ноября 1993 года Суд, если условия, предусмотренные частью 2 статьи 10 Конвенции, не удовлетворяются, то любое ограничение свободы выражения мнений и информации следует считать нарушением Конвенции. С другой стороны, государства-члены Совета Европы пользуются некоторой свободой усмотрения в определении масштабов возможных ограничений. Такая свобода подлежит «европейскому надзору», степень которого может изменяться в зависимости от обстоятельств. Суд неоднократно подчеркивал, что в случае вмешательства в осуществление предусмотренных частью 1 статьи 10 Конвенции прав и свобод европейский надзор должен быть по-настоящему строгим, поскольку эти права и свободы имеют особую важность.

Впервые Суд рассмотрел дело и принял решение по статье 10 Конвенции в 1960 году. Впоследствии дело *De Becker c. Belgique* (4, 27. 03. 62) было исключено Судом по мотивам потери

¹См.: Рішення Європейського суду з прав людини. Застосування статті 10 Європейської конвенції з прав людини // Свобода висловлювань і приватність, № 1, 1999. – С. 13-27; Колівер С. Свобода преси за Європейською конвенцією про захист прав людини та основних свобод // Свобода висловлювань і приватність, № 3-4, 1999. – С. 32-43; Жеплінський А. Свобода висловлювань і захист інформації, що загрожує національній безпеці і правопорядку у рішеннях органів Конвенції про захист прав людини та основних свобод // Свобода висловлювань і приватність, № 4, 2000. – С. 20-29.

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

актуальности из списка. Формально первым делом, по которому Суд постановил решение о свободе высказываний, стало дело «*Sunday Times*» с. *Royaume-Uni* № 1 (30, 26. 04. 79). В нем Суд пришел к выводу о том, что запрет публикации статьи, в которой шла речь о судебном иске по поводу изготовления и тестирования лекарств, был нарушением статьи 10 Конвенции. Препятствование публикации, основанное на английском законе о неуважении к суду, не было «необходимым в демократическом обществе».¹

В деле *Lindens c. Autriche* (103, 08. 07. 86) Суд пришел к выводу о том, что свобода прессы представляет собой один из наилучших способов формирования общественного мнения по поводу планов и идей политических лидеров. Поэтому допустимые границы для критики политических деятелей должны быть более широкими, чем границы для критики частных лиц. Что касается возможного при этом причинения вреда чести и достоинству личности, то Суд в своем решении призвал к четкому разграничению фактов и оценок. Как утверждалось в решении, «следует проводить тщательное различие между фактами и оценочными суждениями, существование фактов может быть доказано, тогда как истинность оценочных суждений не всегда поддается доказыванию» (*Lindens c. Autriche* (103, 08. 07. 86, § 46).²

В решении по делу *Barford c. Danemark* (149, 22. 02. 89) Суд специально акцентировал внимание на органической хрупкости и уязвимости сферы интеллектуальной свободы человека. Как указывалось в решении, представители властей должны воздерживаться от запугивания общественности карательными

¹См. полные тексты наиболее важных решений: Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. – М.: Изд-во НОРМА, 2000; Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 2. – М.: Изд-во НОРМА, 2000.

²В решении по делу *De Haes et Gijssels c. Belgique* (Rec. 1997-I, fasc. 30, 24. 02. 97, § 42) Суд подтвердил, что «существование фактов можно доказать, тогда как справедливость оценочных суждений – нельзя».

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

или иными санкциями, страх перед которыми может воспрепятствовать свободному выражению мнений относительно общественных дел.

В решении по делу *Weber c. Suisse* (177, 22. 05. 90) Суд защитил право журналиста на публикацию информации о судебном разбирательстве, получившем огласку на открытой пресс-конференции. Кроме того, в решении по делу *Oberschlick c. Austri-che* (204, 23. 05. 91) Суд защитил истца, преследуемого властями за клевету на известного политика. В своем решении Суд признал, что высказывания истца носили оценочный характер, а потому вмешательство австрийских правоохранительных органов не было необходимым в демократическом обществе.

В решении по делу *Castells c. Espagne* (236, 23. 04. 92) Суд защитил депутата парламента, опубликовавшего статью, обвиняющую испанское правительство в политическом равнодушии и поддержке вооруженных нападений на басков. Решение Суда напомнило «о выдающейся роли прессы в государстве, которое руководствуется законом». Как утверждалось в решении, свобода прессы является наилучшим вспомогательным средством для адекватного восприятия идей и намерений лидеров. Пресса позволяет политикам высказываться о делах, которыми обеспокоена общественность, и она же помогает гражданам участвовать в политических дебатах. Именно в этом проявляется суть демократического общества.¹ В ряде других решений Суд подтвердил свое мнение о том, что пределы допустимой критики в отношении политиков являются более широкими, чем в отношении частных лиц.

В частности, как отметил Суд, политики должны проявлять больше терпимости по отношению к проявлениям внимания к ним со стороны журналистов и общества в целом (*Lingens c. Autriche* – 103, 08. 07. 86, § 42). В свою очередь, общественная трибуна должна предоставляться в обязательном порядке всем

¹Свобода висловлювань і приватність, № 1, 1999. – С. 23.

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

противникам господствующих политических идей и официально заявленных позиций (*Piermont c. France* – 314, 27. 04. 95, § 76). Что касается критики в адрес органов коллегиальной власти, то она имеет право быть более резкой («провокационной» и «оскорбительной»), чем по отношению к отдельно взятым должностным лицам. Ведь «статья 10 защищает не только содержание высказываемых идей и информации, но также и форму, в которой они сообщаются» (*Oberschlik c. Autriche* – 204, 23. 05. 91, § 57).

В решении по делу *Vereinigung Demokratischer Soldaten Osterreichs et Gubi c. Autriche* (302, 19. 12. 94) Суд пришел к выводу о том, что свобода выражения мнений была нарушена, когда австрийское министерство обороны запретило журналу «Дер Игл» распространять свои выпуски в солдатских казармах. Данный запрет, по мнению Суда, не являлся «необходимым в демократическом обществе». Он был оценен как непропорциональный по отношению к легитимной цели защиты порядка в соответствии с требованиями части 2 статьи 10 Конвенции. Однако в решении по делу *Prager et Oberschlick c. Autriche* (313, 26. 04. 95) Суд все-таки признал, что наказание журналиста за публикацию грубых критических высказываний в адрес судьи было необходимым в демократическом обществе.

В свою очередь, в решении по делу *Goodwin c. Royaume-Uni* (Rec. 1996-II, fasc. 7, 27. 03. 96, § 39) Суд пришел к выводу о том, что адресованное журналисту требование открыть свой источник информации является нарушением статьи 10, поскольку защита конфиденциальных источников является существенным условием свободы прессы. В своем решении Суд постановил: «Принимая во внимание важность защиты журналистских источников для свободы печати в демократическом обществе и опасное воздействие, которое судебный приказ о раскрытии источника может оказать на осуществление свободы печати, подобная мера не может считаться совместимой со статьей 10

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Конвенции, если она не оправдывается более важным требованием общественного интереса». Впоследствии Суд признал, что свобода журналиста включает в себя возможность «определенных преувеличений» и «провокаций». Однако в решении по делу *Worm c. Autriche* (Rec. 1997-V, fasc. 45, 29. 08. 97) Суд согласился с тем, что наказание журналиста за публикацию, которая могла повлиять на результат судебного процесса, является справедливым. Кроме того, в решении по делу *Observer et Guardian c. Royaume-Uni* (216, 26. 11. 91, § 59) он подтвердил правило о том, что «статья 10 Конвенции <...> не запрещает наложение на публикацию предварительных судебных запретов как таковых».

В апреле 1997 года Комиссия приняла решение о том, что издание приказа о символическом возмещении ущерба за публикацию в газете «Монд» политической рекламы в поддержку маршала А. Ф. Петена было нарушением статьи 10 Конвенции. Комиссия обратила внимание на то, что государственные ограничения свободы прессы изменяются от страны к стране, а потому могут оказаться слишком узкими с точки зрения европейских стандартов. Тем не менее, в решении по делу *Handyside c. Royaume-Uni* (24, 07. 12. 76, § 49) Суд все-таки признал, что запрет британских властей на публикацию книги «Маленький красный учебник» (на основе закона о непристойных публикациях) соответствует требованиям части 2 статьи 10 Конвенции.

В то же время Суд подчеркнул, что «свобода высказываний является одним из основополагающих принципов общества, одним из важнейших условий прогресса и развития каждого человека». Поэтому положения части 1 статьи 10 Конвенции относятся не только к той «информации» и «идеям», которые воспринимаются доброжелательно и не считаются оскорбительными, но и к тем идеям, которые способны «оскорблять», «шокировать» и «беспокоить» граждан. Как подчеркнул Суд,

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

данный вывод органически вытекает из требований плюрализма, терпимости и открытости, без которых невозможно существование демократического общества.¹

В целом, в решениях Суда и рекомендациях Комиссии по применению статьи 10 Европейской конвенции наиболее важными следует признать следующие темы: о роли прессы в демократическом обществе; об интеллектуальной собственности; о правилах регистрации СМИ; об импорте и экспорте информационной продукции; о клевете; о вторжении в частную жизнь; о праве на ответ; о поправках к публикации; о государственной тайне; о доступе к правительственным данным; о публикации судебных материалов; о предварительных ограничениях на публикацию; об оскорбительных высказываниях; об оскорблении религиозных чувств и защите нравственности; о рекламе.

Говоря о роли СМИ в современном обществе, Суд также неоднократно подтверждал мнение о том, что пресса в условиях демократии выполняет двойную роль: поставщика информации и «общественного часового». В частности, в решении по делу *«Sunday Times» c. Royaume-Uni* (30, 26. 04. 79, § 66) Суд специально подчеркнул, что «статья 10 <...> гарантирует не только свободу прессы информировать общественность, но также и право общественности быть информированной должным образом», а в решении по делу *Leander c. Suede* (116, 26. 03. 87, § 74) он снова обратил внимание на то обстоятельство, что «право на свободное получение информации в своей основе запрещает государству ограничивать гражданина в получении информации, которую другие лица желают или могут желать ему передать».

¹Де Сальвиа М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящиеся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – С. 650.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Кроме того, как заявил Суд, «в области, где уверенность маловероятна, было бы чрезмерным ограничивать свободу выражения мнения выражением только всеми допускаемых идей» (Hertel c. Suisse – 25. 08. 98, § 50). В иных решениях Суд также обратил внимание на то обстоятельство, что целью прессы в большинстве случаев является *предоставление информации*. Интерпретировать же ее читатель должен самостоятельно.

В 1978 году Парламентская Ассамблея Совета Европы призвала страны-участницы принять законы, ограничивающие монополизм в СМИ, а также высказалась за предоставление субсидий и иной финансовой поддержки из независимых источников для газет. Что касается вопросов лицензирования печатных СМИ, то Суд и Комиссия до последнего времени не принимали по этому вопросу специальных решений.¹ В целом, в отличие от основанной на Первой поправке к Конституции судебной практике США, практика применения Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года не препятствует лицензированию печатных изданий, что автоматически предполагает регистрацию имен и адресов их издателей. В то же время, статья 10 Конвенции, равно как и статья 19 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года, гарантирует свободу распространения информации независимо от государственных границ и запрещает контроль над импортом и экспортом информационной продукции, который можно было бы считать ограничением

¹ В решении по делу *Groppera Radio AG et autres c. Suisse* (173, 28. 03. 90, § 61) Суд указал на то, что «государствам разрешается с помощью системы лицензирования контролировать то, как организовано вещание на их территории, в частности, его технические аспекты. Это, однако, не предполагает, что меры в области лицензирования в прочих случаях не подпадают под требования п. 2 статьи 10 Конвенции» (Де Сальвиа М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящиеся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – С.668-669).

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

свободного информационного обмена.

Решения Суда по делам о клевете основываются на информационных принципах Европейского Союза: пресса свободно комментирует внутреннюю и внешнюю политику; выборным представителям общественности и лидерам оппозиции гарантируется неограниченная свобода слова; границы допустимой критики политических фигур и правительства являются более широкими, чем границы для критики частных лиц; судьи пользуются большей степенью защиты от критики, чем иные государственные служащие; не требуется доказательств истинности оценочных суждений и заявлений, отражающих общественное мнение по любому вопросу. В решении по делу *Weber c. Suisse* (177, 22. 05. 90, § 49) Суд признал отсутствие «необходимости препятствовать разглашению определенной информации, когда она уже стала публичной <...> или утратила конфиденциальный характер».

Хотя в практике Суда не сформирован запрет на наказание за оскорбление государства, его органов и/или официальных символов, Суд в своих решениях неоднократно подчеркивал, что национальные правительства должны проявлять максимум терпимости по отношению к любой реакции населения на свои действия. Применять полный запрет рекомендовалось лишь в обстановке острых этнических конфликтов, в случае реальной угрозы террористических актов, а также в обстоятельствах социального хаоса или насилия. Как утверждалось в решении Суда по делу *Ozgur Gundem c. Turque* (104, 16. 03. 2000, § 63), «чтобы определить, могут ли тексты в своей совокупности считаться вызывающими насилие, следует обратить внимание на используемые выражения и на контекст, в который вписывается публикация».

Что касается правового регулирования доступа к официальной информации, то Суд запретил как-либо ограничивать ее получение гражданами. Суд постановил, что статья 8

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Конвенции обязывает национальные правительства гарантировать гражданам пересмотр независимым органом любого отказа в предоставлении им информации с ограниченным доступом из правительственных источников, если данная информация является жизненно важной для их личной или семейной жизни. Суд также не согласился с запретом британской Палаты лордов оглашать информацию о незавершенных делах, рассматриваемых в суде. В решениях по делу *Observer et Guardian c. Rouaume-Uni* (216, 26. 11. 91) а также «*Sunday Times*» с. *Rouaume-Uni* (217, 26. 11. 91) Суд постановил, что предварительное ограничение на публикацию материалов требует внимательной судебной оценки, ибо даже незначительная задержка с предоставлением новостей приводит к потере их ценности.

При этом Суд отметил, что по отношению к уже опубликованной информации интересы прессы и общественности всегда превосходят интересы правительства. Поэтому ни соображения национальной безопасности, ни режим ограниченного доступа не могут оправдать утаивание от общественности информации, раскрытой кем-либо ранее. Суд признал, что опубликование информации, вызывающей общественный интерес должно иметь приоритет перед обеспечением тайны судопроизводства.

В целом, практике Суда по вопросам защиты интеллектуальной свободы присущ отчетливо выраженный либерально-демократический характер, а позитивное воздействие его решений на состояние свободы слова и прессы в Европе не вызывает сомнений. Однако дальнейшее развитие международно-правовых гарантий интеллектуальной свободы должно осуществляться, по-видимому, на основе синтеза европейского и американского правовых подходов. Иллюстрацией практических усилий в этом направлении является приведенный ниже модельный проект «Международной конвенции о защите интеллектуальной свободы».

ПРИЛОЖЕНИЯ

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНВЕНЦИЯ О ЗАЩИТЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

Структура «Международной конвенции
о защите интеллектуальной свободы»

ПРЕАМБУЛА

Часть I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 1. Принципы защиты интеллектуальной свободы

Статья 2. Свобода интеллектуального самовыражения

Часть II. ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

Статья 3. Свобода информации как гарантия обеспечения интеллектуальной свободы

Статья 4. Определение информации и новой информации

Статья 5. Информация, получение, использование и хранение которой относится к исключительным функциям государства

Статья 6. Основы информационных отношений гражданского общества и государства

Статья 7. Опубликование информации критического содержания

Статья 8. Доведение до сведения общественности информации о выборных должностных лицах

Статья 9. Ограничения режима секретности информации

Статья 10. Запрет на произвольное уничтожение информации

Статья 11. Запрет на уничтожение информации гражданского общества

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Статья 12. Гарантии свободы интеллектуального самовыражения журналистов

Статья 13. Запрет обязательств о двойной лояльности

Часть III. СВОБОДА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО САМОВЫРАЖЕНИЯ В НАУЧНОМ СООБЩЕСТВЕ

Статья 14. Научные организации и ассоциации

Статья 15. Свобода научных убеждений

Статья 16. Свобода научных стратегий и методологий

Статья 17. Открытость научной среды

Статья 18. Ограничение формальных критериев оценки

Часть IV. СВОБОДА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО САМОВЫРАЖЕНИЯ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Статья 19. Принципы интеллектуальной свободы в системе государственного образования

Статья 20. Общие гарантии интеллектуальной свободы в системе государственного образования

Статья 21. Свобода интеллектуального самовыражения в государственных высших учебных заведениях (университетах)

Статья 22. Профессора и преподаватели в государственных университетах

Статья 23. Студенты в государственных университетах

Статья 24. Университетские библиотеки и информационные центры

Статья 25. Правило минимального стандарта

Часть V. ИНФРАСТРУКТУРА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

Статья 26. Книжные и иные печатные источники информации

Статья 27. Торговля иностранными книгами гуманитарного, философского, научного и иного мировоззренческого содержания

Статья 28. Свобода информационного обмена в электронных сетях

Статья 29. Антенны теле- и радиоприема

Статья 30. Запрет принудительного нарушения качества теле- и радиовещания

Статья 31. Запрет монополии на оказание коммуникационных услуг

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЯ

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНВЕНЦИЯ О ЗАЩИТЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ¹ (проект)

Принята и открыта для подписания, ратификации и присоединения резолюцией ... Генеральной Ассамблеи

от (число, месяц, год)

ВСТУПЛЕНИЕ В СИЛУ: число, месяц, год, в соответствии со статьей №...

ПРЕАМБУЛА

Участвующие в настоящей Конвенции государства (далее – участники),

ИСХОДЯ ИЗ ОСОЗНАНИЯ ТОГО, что проблема поиска путей творческого вдохновения народов становится все более неотложной; что сотрудничество права и наук о человеке долгое время оставалось нереализованным; что мир современных знаний не может быть охвачен единой теорией и правилами; что символический тип решения проблем становится все более значимым для людей; что бюрократическое ограничение интеллектуальных импровизаций является губительным для духовности; что на ученых возлагается особая миссия перед будущим; что ценность интеллектуальной свободы определяется ее неограниченными возможностями; что интеллектуальная свобода не может быть подчинена диктату большинства; что не существует единственно верного пути познания; что рациональное бытие человека проникнуто релятивизмом;

¹См. более ранние версии данного модельного документа: Речицкий В. Международная конвенция о защите интеллектуальной свободы (проект). – Харьков: Фолио, 2001; Речицкий В. Проект міжнародної конвенції «Про захист інтелектуальної свободи» // Свобода висловлювань і приватність, № 1-2, 2000; Речицкий В. Міжнародна конвенція про захист інтелектуальної свободи (проект). – Харків: Фоліо, 2001; Речицкий В. Обґрунтування міжнародної конвенції «Про захист інтелектуальної свободи» // Сучасність, № 9, 2001; Речицкий В. Міжнародна конвенція «Про захист інтелектуальної свободи» (проект) // Сучасність, № 9, 2001; Rechytskyi V. International Convention on Protection of Intellectual Freedom (a draft). – Kharkiv: Folio, 2001.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

ПРИЗНАВАЯ, что идеи управляют главными событиями современного мира; что абстрактные концепции лежат в основе важнейших достижений, а символическая действительность полезна и продуктивна; что в основу творчества положено все многообразие форм сознания; что образцы для наследования поставляют обществу интеллектуально активные индивиды; что XX столетие для многих было веком фактического догматизма; что ход человеческой истории связан с постоянным ускорением; что основным фактором социального развития стали информация и знание, спрос на которые стремительно растет; что культурный прогресс все более определяет структуру экономической деятельности, а гипотетические построения вторгаются в сферу деловой активности; что интеллектуальное творчество создает новые права и свободы человека;

СОГЛАШАЯСЬ С ТЕМ, что социальный порядок определяется, в основном, природой человека и спонтанными процессами самоорганизации; что развитие современных технологий требует не иерархических, а партнерских отношений персонала; что творческая самореализация людей осуществляется все более независимо от государственных границ; что в основе творчества лежит глубокий критицизм; что посягательство на свободу самовыражения ведет к социальной деградации и вырождению;

ПОДЧЕРКИВАЯ, что интеллектуальные факторы оказывают непосредственное влияние на судьбы людей; что открытость и доступность информации защищает человека от патернализма; что современные технологии основаны на взаимодействии воображения и предметного мира; что бюрократизм и распределительные коалиции угрожают обществу стагнацией; что возможности интеллектуальных инициатив в ряде регионов все еще являются ограниченными; что универсальные способы решения проблем имеют все меньшую применимость; что новаторы требуют не опеки, а поддержки;

УПОВАЯ НА ТО, что поиск и вознаграждение интеллектуальной элиты могут быть произведены при соблюдении принципов гражданского равенства и справедливости; что свободное научное творчество и искусство в новом веке проявят свою высшую силу;

ОПАСАЯСЬ ТОГО, чтобы свободному и демократическому обществу не был бы причинен ущерб догматическими доктринами и взглядами, и творцы не работали под контролем политических функционеров;

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИНИМАЯ ВО ВНИМАНИЕ международные договоры и конвенции о защите права интеллектуальной собственности, а также такие источники, как Всеобщая декларация прав человека (1948); Конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950); Международный пакт о гражданских и политических правах (1966); Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966); Декларация о социальном прогрессе и развитии (Резолюция Генеральной Ассамблеи 2542/XXIV, 1969), Заключительный акт совещания по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе (1975); Итоговый документ Мадридской встречи государств-участников СБСЕ (1983), Декларация Совета Европы о свободе выражения и информации (1982); Резолюция Европейского Парламента о свободе образования в Европейском Союзе (1984); Декларация о праве на развитие (Резолюция 41/128 Генеральной Ассамблеи, 1986); Итоговый документ Венской встречи государств-участников СБСЕ (1989); Документ Копенгагенского совещания Конференции по вопросам человеческого измерения СБСЕ (1990); Парижская хартия для новой Европы (1990); Иоганнесбургские принципы. Национальная безопасность, свобода самовыражения и доступ к информации (1995); Резолюция 45/76А Генеральной Ассамблеи касательно информации на службе человечества (1990); Резолюция 428 (1970) Парламентской Ассамблеи Совета Европы касательно декларации о средствах массовой информации и правах человека; Резолюция 1003 (1993) Парламентской Ассамблеи Совета Европы по журналистской этике; Рекомендация 748(1975) Парламентской Ассамблеи Совета Европы о роли национального вещания и управлении им;

БУДУЧИ УВЕРЕННЫМИ В ТОМ, что новые законы обладают подлинной ценностью, только если они расширяют пространство прав, свобод и достоинства человека;

СОГЛАШАЮТСЯ о нижеследующих статьях:

Часть I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 1. Принципы защиты интеллектуальной свободы

1. Существующие социальные проблемы должны решаться свободными умственными усилиями всех заинтересованных членов общества; мнение большинства обладает приоритетом только при решении политических проблем.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

2. Ничем не ограниченная свобода выражения любых мыслей и идей признается важнейшей потребностью человеческого интеллекта, основным приоритетом культурной политики государства.

3. Органический политический строй свободного и демократического общества основывается на порядке культуры.

4. Демократическое правление основано на праве критики каждого и возможности каждого прислушиваться к критике других; иммунитет от критики не может быть предоставлен ни при каких обстоятельствах.

5. Принуждение к мышлению в понятиях политических различий лежит в основе интеллектуальной несвободы во всех ее разновидностях.

6. Неограниченная свобода слова, информации и коммуникаций являются основополагающими элементами демократического правления.

7. Признание ценности научного знания предполагает признание неограниченной свободы его приобретения.

8. Естественная социальная интеграция предполагает увеличение степени свободы самовыражения индивида; необходимое государственное планирование предполагает укрепление автономного статуса индивида.

9. Разновидности интеллектуальной свободы могут быть взаимно противоречивыми, но они не должны быть взаимоисключающими.

10. Интеллектуальная нетерпимость не может быть предметом политических поощрений.

11. Каждый индивид может приспосабливаться к непредсказуемости и новизне культурного прогресса на основе самостоятельно и свободно избранных стратегий и способов.

12. Государство, общественные организации, социальные группы, церковь, массовые движения не имеют права на принудительную индоктринацию в общественное сознание конкретного мировоззрения, способов познания действительности, жизненных ценностей и/или поведенческих образцов.

13. Человек не может быть связан обязательствами с каким-либо онтологическим принципом по причине признания его истинности властью или демократическими институтами.

14. Человек не может быть связан каким-либо официально предложенным или господствующим в общественном мнении пониманием действительности в науке, искусстве, политике или суждениях вкуса.

15. Любая политическая система, претендующая на предписание

ПРИЛОЖЕНИЯ

поведенческих или мировоззренческих истин, признается скорее опасной, нежели полезной.

16. Научные поиски истины и решений существующих общественных проблем являются свободной и открытой для всех деятельностью; защита этой деятельности от принудительного воздействия каких-либо авторитетов является обязанностью государства.

17. Любая конкуренция идей не может быть признана опасной в свободной и демократической стране.

18. Для того чтобы государство и организации могли плодотворно сотрудничать с индивидами, их информационные потоки должны быть прозрачными и доступными.

19. Интеллектуальное несогласие с мнением политической, в том числе демократической власти признается неотъемлемым правом человека.

20. Поскольку свобода человеческого воображения является главной предпосылкой творчества, интеллектуальные усилия индивидов и основанные на них суждения разума не могут как-либо ограничиваться.

21. Интеллектуальная свобода должна сохраняться и гарантироваться государством, его органами и должностными лицами даже при осознании ими вытекающих из этого для себя невыгод и/или опасности.

22. Интеллектуальная свобода предполагает такое отношение к социальному прогрессу, при котором его ход не может быть основан исключительно на государственных программах развития и/или голосовании.

23. Правовые средства, применяемые участниками настоящей Конвенции для защиты интеллектуальной свободы, не могут использоваться государством, его органами и должностными лицами для какого-либо ограничения интеллектуальной активности.

24. В отличие от других видов свободы человека, интеллектуальная свобода не может быть ограничена в целях самосохранения.

Статья 2. Свобода интеллектуального самовыражения

1. Каждому принадлежит свобода интеллектуального самовыражения, которая означает свободу искать, создавать, получать и передавать любого рода информацию, безотносительно к административным и государственным границам устно, письменно или в записи на иных (электронных) носителях; либо в форме произведения искусства или любыми средствами коммуникации по своему выбору.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

2. Не могут быть установлены какие-либо юридические, политические, административные и иные запреты или ограничения на тему, предмет и материал интеллектуального самовыражения.

3. Свобода интеллектуального самовыражения предполагает реальную возможность человека следовать собственным жизненным целям и перспективам и действовать на основе собственного понимания обстоятельств; в этом стремлении и вытекающей из него активности индивиды могут быть ограничены лишь для обеспечения необходимого пространства свободы каждого.

4. Любое ограничение свободы интеллектуального самовыражения под предлогом защиты национальной безопасности не может быть применено, если только орган государственной власти или должностное лицо не продемонстрируют перед компетентным судом, что данное ограничение основано на требованиях ч. 6 настоящей статьи и предписано законом для обеспечения необходимого пространства свободы каждого.

5. Ограничение свободы интеллектуального самовыражения может быть основано исключительно на прямом указании закона, который должен быть общедоступен и сформулирован таким образом, чтобы каждый мог предвидеть, является ли его действие (бездействием) противоправным.

6. Свобода интеллектуального самовыражения может быть ограничена по причине угрозы национальной безопасности только в случае, если государственный орган или должностное лицо сможет доказать в суде, что:

а) данный способ интеллектуального самовыражения является формой призыва к насильственным действиям;

б) этот способ интеллектуального самовыражения может привести к насильственным действиям;

в) имеется непосредственная причинная связь между данным способом интеллектуального самовыражения и реальными фактами насильственных действий.

7. Интеллектуальное самовыражение не представляет угрозы национальной безопасности, если оно:

а) представляет собой критику или оскорбление страны, государства или его символов, правительства, государственных органов или деятелей, а также зарубежной страны, государства или его символов, правительства, государственных органов или деятелей;

б) представляет собой возражение или выступает в поддержку возражения по мотивам религии (совести), морали или иных убеждений против призыва на военную службу или военной службы как

ПРИЛОЖЕНИЯ

таковой; против участников (сторон) политических конфликтов и/или применения ими силы (угрозы силой) для разрешения споров;

в) направлено на передачу согражданам и/или международной общественности информации о нарушениях конституционных и иных (в том числе международных) норм, касающихся защиты прав и свобод человека.

8. Интеллектуальное самовыражение, не представляющее собой угрозы национальной безопасности, не ограничивается перечнем форм и способов, изложенных в ч. 7 настоящей статьи.

9. Никто не может быть наказан за критику или оскорбление страны, государства и/или его символов, правительства, государственных органов, должностных лиц или политических деятелей, а также зарубежной страны, государства и/или его символов, правительства, государственных органов, должностных лиц или политических деятелей, если только эта критика или оскорбление не направлены на подстрекательство к насильственным действиям и не могут непосредственно повлечь такие действия.

10. Субъект интеллектуального самовыражения не может быть ограничен или наказан на том основании, что в его самовыражении содержится информация, опубликованная организацией или индивидом, а также об организации или индивиде, которые объявлены участниками настоящей Конвенции или иным государством как угрожающие интересам национальной безопасности.

11. Разрабатывая законодательство и иные нормативные акты, затрагивающие свободу интеллектуального самовыражения, участники настоящей Конвенции обязаны исходить из того, что страх или опасение наказания способны легко разрушить тонкий инструмент человеческого разума; по этой причине национальное законодательство участников настоящей Конвенции должно быть приведено в соответствие с ее требованиями.

12. Законодательство участников настоящей Конвенции об объединении граждан (в том числе политических и религиозных) не должно содержать норм, позволяющих общественным объединениям оказывать идеологическое или иное интеллектуальное принуждение по отношению к своим членам.

13. Свобода интеллектуального самовыражения включает в себя право человека на неконформистское поведение; это право предполагает возможность индивида не соглашаться с официальной, корпоративной или общепринятой в том или ином политическом сообществе или культурной среде точкой зрения по любому вопросу.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

14. Право человека на неконформистское поведение подлежит судебной защите; каждый имеет право не соглашаться с официальным или общепринятым мнением без боязни применения к нему политического, юридического или административного принуждения, а также психического и/или физического насилия.

15. Свобода интеллектуального самовыражения предполагает, что политическим меньшинствам предоставляются гарантии социальной терпимости, достаточные для организации их жизни в соответствии с собственными ценностями, принятой верой и убеждениями.

16. Свобода интеллектуального самовыражения предполагает, что каждый человек имеет право на творческий риск, возможность поступать и действовать на основе исключительно собственных знаний, представлений и убеждений, даже если такое поведение связано с отказом от соблюдения традиционных норм и правил.

17. Участники настоящей Конвенции обязуются прилагать усилия к тому, чтобы свобода интеллектуального самовыражения обеспечивалась в максимально возможной степени во время военного или чрезвычайного положения, на территории постоянной или временной дислокации войск (сил самообороны), в больницах, интернатах, санаториях, психиатрических лечебницах, тюрьмах и иных местах принудительного лишения или ограничения индивидуальной свободы.

Часть II. ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

Статья 3. Свобода информации как гарантия обеспечения интеллектуальной свободы

1. Свобода информации признается главной гарантией интеллектуальной свободы человека.

2. Человеческая возможность производить, приобретать в собственность, передавать и распространять любую информацию о событиях и обстоятельствах своей жизни признается одним из основных прав человека.

3. Свобода интеллектуального самовыражения в том виде, как она предусмотрена в ст. 2 настоящей Конвенции, распространяется также на средства массовой информации.

4. Запрещается какой-либо государственный контроль за

ПРИЛОЖЕНИЯ

содержанием публикаций в прессе, радиопередач, телевизионных или иных программ аудиовизуального вещания, за исключением контроля на основании ч. 6 ст. 2 настоящей Конвенции.

5. Независимость печати и иных средств массовой информации от прямого или косвенного государственного вмешательства и контроля должна гарантироваться законом; ее временное ограничение допускается исключительно по решению суда и не может быть возложено на органы государственной исполнительной власти или их должностных лиц.

6. Средства массовой информации должны использоваться не только для информирования людей и предоставления им дискуссионной трибуны, но также для независимого надзора и контроля граждан за управляющими структурами общества, деятельностью (бездеятельностью) любых государственных органов и их должностных лиц.

7. Свобода интеллектуального самовыражения в средствах массовой информации предполагает, что никакие информационные сообщения не могут быть в полной мере объективными.

8. Проявления личности журналиста или его источника в информационном сообщении не должны ограничиваться, однако в необходимых случаях они должны специально оговариваться.

9. Средствам массовой информации гарантируется сотрудничество и обмен сообщениями независимо от государственных границ; с этой целью участники настоящей Конвенции отказываются от каких-либо ограничений в распространении принадлежащей им информации на территории друг друга.

10. Запрещается принятие и применение каких-либо технических, таможенных, тарифных или иных юридических норм и правил, препятствующих, существенно затрудняющих или ограничивающих свободное распространение информации на любых видах информационных носителей; данный запрет не следует трактовать как возможность ограничения свободы ценообразования на рынке информационных технологий и услуг.

11. Органы печати, теле- и радиовещания участников настоящей Конвенции имеют свободный доступ к любым зарубежным источникам информации и новостей; их граждане пользуются неограниченной свободой получения информации из любых национальных или зарубежных (международных) источников.

12. Государственные границы являются открытыми для иностранных журналистов; не могут применяться никакие квоты и ограничения в отношении профессиональных журналистов; запросы о

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

получении журналистами виз, удостоверений прессы и иных документов должны удовлетворяться в самые короткие сроки.

13. Иностранным журналистам предоставляется национальный режим передвижения по стране, свободный доступ к официальным и неофициальным источникам информации, а также неограниченное право ввоза и вывоза из страны профессионально необходимых им материалов и оборудования (аппаратуры).

14. Участниками настоящей Конвенции не признаются ограничения на занятие журналистской деятельностью путем введения официальных лицензий, разрешений или иных свидетельств об исключительных правах; данное правило не посягает на принятый участниками Конвенции порядок предоставления официальных журналистских аккредитаций.

15. Государству, его органам, предприятиям, учреждениям и организациям всех форм собственности не разрешается занимать монопольное положение на рынке информационных технологий, средств и услуг; любая, в том числе государственная, монополия на обеспечение доступа в Интернет, к электронной почте, теле- и радиовещанию на территории участников настоящей Конвенции признается противоправной.

16. Свобода интеллектуального самовыражения в средствах массовой информации предполагает неограниченное право каждого обсуждать, критиковать, подвергать сомнению и оспаривать любые действия (бездействие) и высказывания официальных представителей власти, общественных и религиозных деятелей.

17. Участники настоящей Конвенции гарантируют право каждого человека высказывать любые непопулярные суждения, равно как и право каждого соглашаться с мнением большинства.

Статья 4. Определение информации и новой информации

1. Под информацией в настоящей Конвенции подразумевается любое имеющее смысл сообщение, содержание которого может быть представлено в знаковой или символической форме и сохранено на любых внешних по отношению к человеческому сознанию материальных носителях.

2. Новой информацией в настоящей Конвенции считается упомянутое в части первой этой статьи сообщение, основное содержание которого не может быть заранее известно или предсказано получателем (адресатом) данного сообщения.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Статья 5. Информация, получение, использование и хранение которой относится к исключительным функциям государства

1. Информацией, получение, использование и хранение которой относится к исключительным функциям государства, являются сведения, которые предоставляются главе государства, органам и должностным лицам государственной исполнительной (в том числе военной или чрезвычайной) власти, специально уполномоченными на это органами службы национальной безопасности, полиции, органами (бюро) расследований, ведомствами внешних сношений, военной разведкой и контрразведкой, а также иными специально уполномоченными государственными органами и должностными лицами.

2. По своему содержанию такая информация может быть открытой или отнесенной к перечню сведений, составляющих государственную тайну.

3. Не могут считаться информацией, предусмотренной ч. 1 настоящей статьи, сведения, поступающие к главе государства, органам и должностным лицам государственной исполнительной власти, от негосударственных национальных и зарубежных источников.

Статья 6. Основы информационных отношений гражданского общества и государства

1. Участники настоящей Конвенции исходят из признания того, что наиболее эффективными стимулами политической свободы и демократии являются независимые от политического контроля и идеологических фильтров, основанные на свободе интеллектуального самовыражения информационные потоки, не позволяющие правительству держать в невежестве или дезинформировать свой народ.

2. Участники настоящей Конвенции признают демократию формой правления, которая нуждается в эффективных законах и институтах, препятствующих опасным ошибкам и высокомерию политической власти; они соглашаются, что в принятых или разрабатываемых ими законах и решениях защита интеллектуальной свободы должна обеспечиваться в приоритетном порядке.

3. Участники настоящей Конвенции признают, что современное гражданское общество представляет собой сферу свободных интересов, которая самоопределилась и отделилась от аппаратно-государственной сферы. Они также признают, что анализ, толкование и критика государственных интересов и вытекающих из них

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

приоритетов должны совершаться всем гражданским обществом, а не только официальной властью, политическими партиями, влиятельными группами и деятелями, какими бы позитивными не были их намерения.

4. Информация о деятельности государства в целом, его органов и должностных лиц признается открытой для общественности; никакое из государственных решений не может быть изъято из сферы гражданской критики и контроля; принятие государственных решений, отнесенных к категории государственной тайны, должно совершаться с участием субъектов, имеющих представительский мандат.

5. Гражданскому обществу и его членам принадлежит приоритет перед государством, его органами и должностными лицами в получении новой информации любого содержания, за исключением сведений, получение, использование и хранение которых отнесено к исключительным функциям государства.

6. Любые государственные ограничения получения, распространения, использования и хранения новой информации, получение, распространение, использование и хранение которой не относится к исключительным функциям государства, запрещаются.

7. Ограничение государством, его органами и должностными лицами получения, распространения, использования и хранения информации с заранее известным или предсказуемым содержанием может осуществляться в исключительных случаях и только на основании закона, принятого высшим представительным органом страны.

8. Запрещается ограничение государством, его органами и должностными лицами получения, распространения, использования и хранения информации мировоззренческого, религиозного, философского, научного или художественного содержания.

9. Государство не может ограничивать доступ негосударственных юридических или физических лиц к рынку газетной бумаги, типографского оборудования, множительной техники, иных средств (аппаратура, системы, услуги) переработки и распространения информации, включая оборудование для теле- и радиовещания, электронной почты и Интернета; данный запрет действует также применительно к рынку доступных для ретрансляции сообщений национальных и зарубежных (международных) информационных агентств, служб новостей и иных институтов (органов), собирающих и распространяющих информацию.

10. Запрещается лицензирование или квотирование государством, его органами или должностными лицами деятельности негосударственных юридических и физических лиц, направленной на

ПРИЛОЖЕНИЯ

коммерческое и некоммерческое использование национальных и международных кабельных, спутниковых и иных компьютерных информационных сетей (систем) общего назначения; действие данного запрета не распространяется на порядок распределения и предоставления теле- и радиовещательных частот.

11. Общий перечень сведений, составляющих содержание государственной и иной охраняемой законом тайны, должен исчерпывающим образом определяться в общедоступном законодательстве участников настоящей Конвенции.

12. Общий перечень сведений, которые по желанию их собственников могут быть отнесены к категории конфиденциальной информации, должен исчерпывающим образом определяться в общедоступном законодательстве участников настоящей Конвенции.

13. Общие правила хранения и предоставления доступа к информации, содержащей сведения, отнесенные к категории государственной и иной охраняемой законом тайны, должны исчерпывающим образом определяться в общедоступном законодательстве участников настоящей Конвенции.

14. Охрана сведений, составляющих содержание государственной тайны, всегда остается прерогативой государства, его органов и должностных лиц. Все иные физические и юридические лица, за исключением официально допущенных к таким сведениям на основе предварительного данных обязательств о неразглашении, не несут ответственности за разглашение государственной тайны в любом случае.

15. Принятие любыми государственными органами или их должностными лицами норм и решений, запрещающих или ограничивающих предоставление всем заинтересованным лицам сведений, не отнесенных к категории государственной или иной охраняемой законом тайны, является противоправным.

Статья 7. Опубликование информации критического содержания

1. Опубликование достоверной информации критического содержания, компрометирующей авторитет участников настоящей Конвенции, а также авторитет (престиж) государственных органов и их должностных лиц в глазах общественности не может служить основанием для привлечения кого-либо к ответственности.

2. Опубликование достоверной информации критического содержания, компрометирующей авторитет главы государства-участника настоящей Конвенции, не может составлять посягательства на честь

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

и достоинство его личности, даже если они охраняются специальными конституционными или законодательными предписаниями.

3. Публичная критика деятельности (бездействия) государства, его органов и должностных лиц не может быть основанием для привлечения к ответственности в любом случае.

4. Если информация критического по отношению к государству, его органам и/или должностным лицам содержания стала достоянием общественности в результате использования незаконных способов и средств, любые требования о прекращении ее дальнейшего распространения уступают праву общественности на получение доступа к этой информации.

Статья 8. Доведение до сведения общественности информации о выборных должностных лицах

1. Информация о частной (личной) жизни общественных и государственных деятелей должна быть защищена, за исключением случаев, когда она может оказывать воздействие на общественно значимые события; журналист имеет право обнародовать информацию о частной жизни лиц, выполняющих важные общественные функции, либо тех лиц, элементы частной жизни которых привнесены в сферу общественных интересов.

2. Информация о личности человека, претендующего на выборную государственную или иную значимую общественную должность, занимающего ее или занимавшего ее ранее, не может составлять государственной или иной охраняемой законом тайны; такая информация не должна считаться конфиденциальной информацией и может быть предоставлена в распоряжение общественности.

3. Гражданам, не исполняющим каких-либо публичных или представительских функций, предоставляются большие гарантии права на защиту частной жизни, нежели государственным и общественным деятелям, должностным лицам и индивидам, претендующим на власть, политическую и/или иную влиятельную общественную должность или статус.

4. Официально публикуемые или транслируемые аудиовизуальными способами (печать, радио, телевидение, Интернет и др.) политические программные выступления (заявления) глав государств, руководителей и членов правительства, иных государственных деятелей и должностных лиц должны сопровождаться комментариями и откликами независимых экспертов и/или оппозиционных политических деятелей.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Статья 9. Ограничения режима секретности информации

1. Режим секретности на информацию, содержание которой отнесено к сведениям, составляющим государственную тайну, включая информацию, полученную в результате осуществления исключительных функций государства, не может устанавливаться на срок свыше 30 лет.

2. Информация, срок режима секретности которой истек, является открытой для всех заинтересованных юридических и физических лиц; специального разрешения на доступ к этой информации и на доведение ее до сведения общественности не требуется.

3. Никто не может стать объектом преследований или наказания за разглашение государственной или иной охраняемой законом тайны в случае, если независимым и компетентным судом будет установлено, что общественный интерес к получению этой информации являлся более значимым, нежели ущерб от ее обнародования.

Статья 10. Запрет на произвольное уничтожение информации

1. Информация, полученная в результате осуществления исключительных функций государства, не может быть уничтожена по решению органов государственной исполнительной власти или их должностных лиц; уничтожение такой информации должно осуществляться исключительно под общественным контролем, на основании закона или иного акта, принятого высшим представительным органом участника настоящей Конвенции.

2. Информация о геноциде, политических, этнических, религиозных и иных массовых преступлениях или репрессиях, совершенных от имени государства его органами и/или должностными лицами, а также информация о коррупции, взяточничестве и других предусмотренных законом злоупотреблениях государственной властью или служебным положением не может быть отнесена к сведениям, составляющим государственную или иную охраняемую законом тайну; уничтожение этой информации государственными органами или их должностными лицами является противоправным.

3. Не допускается уничтожение государством, его органами или должностными лицами любой принадлежащей им информации по идеологическим или политическим мотивам.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Статья 11. Запрет на уничтожение информации гражданского общества

1. Информация, принадлежащая на правах собственности негосударственным юридическим или физическим лицам не может быть уничтожена по решению органов государственной исполнительной власти или их должностных лиц.

2. Принятие решения об уничтожении такой информации против воли ее собственника является прерогативой суда и должно основываться исключительно на законе.

3. Принудительный выкуп или иное, не основанное на судебном решении изъятие в государственную собственность информации, принадлежащей негосударственным юридическим или физическим лицам, запрещается.

Статья 12. Гарантии свободы интеллектуального самовыражения журналистов

1. Обязанностью журналиста является обеспечение общества новостями настолько актуальными, полными и точными, насколько это позволяет целостность его личности и преданность нравственным идеалам; журналист имеет право говорить о любых положительных и отрицательных сторонах природы и поведения человека и общества даже тогда, когда это не поощряется его аудиторией.

2. При осуществлении своих профессиональных обязанностей журналисты не обязаны ставить свои убеждения на службу личным и/или корпоративным интересам государственных и/или общественных деятелей, государственных органов, издателей, иных юридических или физических лиц.

3. Журналист имеет право категорически отвергать любое прямое или косвенное вмешательство государственных органов и их должностных лиц, а также издателей, редакторов, иных юридических и физических лиц в сферу осуществления своих профессиональных обязанностей.

4. Профессиональная ответственность журналиста по отношению к общественности превалирует над его ответственностью перед государством, государственными органами и их должностными лицами, а также любыми негосударственными юридическими или физическими лицами.

5. Журналист обязан действовать исключительно на основе своих профессиональных знаний и личных убеждений; обсуждаться в качестве предмета торга или обмена может исключительно информация,

ПРИЛОЖЕНИЯ

а не позиция журналиста.

6. В случае, когда свобода интеллектуального самовыражения журналиста входит в противоречие с другими основными правами и свободами человека, редактор совместно с журналистом вправе решить, что является в данном случае приоритетным.

7. Журналист не должен участвовать в конфликтах редакторов, руководителей отделов, иных вышестоящих по отношению к нему должностных лиц; его нельзя принуждать к подписанию каких-либо коллективных редакционных и иных заявлений.

8. Гарантируя право граждан на получение максимально полной и разносторонней информации, журналист обязан уважать их право на отказ от предоставления (сообщения) ему или его аудитории известных гражданам сведений.

9. Представления журналистской аудитории о степени надежности (достоверности) информационных источников не могут связывать или ограничивать журналиста в его выборе; любые официальные и неофициальные источники информации признаются в равной степени достоверными и надежными. В случае, когда журналист дал обязательство не раскрывать свой источник информации, сведения об источнике не могут стать достоянием его аудитории, государственных органов или их должностных лиц.

10. Интересы защиты национальной безопасности не могут быть основанием для раскрытия конфиденциального источника информации; такой источник должен быть раскрыт, только если независимым и компетентным судом будет установлено, что этого требуют соображения высшей государственной необходимости.

11. Свобода интеллектуального самовыражения журналиста не предполагает и не оправдывает умышленного применения журналистом приемов и средств, воздействующих или могущих воздействовать на подсознание человека.

Статья 13. Запрет обязательств о двойной лояльности

1. Журналист, как правило, не должен работать по совместительству, включая занятость на государственной службе или в органах местного самоуправления, если это мешает свободе его интеллектуального самовыражения.

2. Запрещается принуждать журналиста к сотрудничеству с органами полиции (внутренних дел), государственной безопасности, разведки и контрразведки в любом случае; принуждение журналиста к такой деятельности является противоправным.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

3. Если журналист изменяет сферу своей деятельности и становится государственным должностным лицом, не прерывая при этом профессиональных отношений со средствами массовой информации, то при принятии на государственную службу и подписании контракта он должен избегать обязательств в отношении двойной лояльности; такое разделение профессиональных обязательств является существенной гарантией интеллектуальной свободы.

Часть III. СВОБОДА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО САМОВЫРАЖЕНИЯ В НАУЧНОМ СООБЩЕСТВЕ

Статья 14. Научные организации и ассоциации

1. При создании научных организаций и/или ассоциаций необходимо проводить различие между объединениями ученых по отраслевому принципу, в которых административная организация и дисциплина могут быть частично допущены, и их объединениями на идейной основе, в которых внедрение административных начал и дисциплины является недопустимым.

2. Члены научных организаций и ассоциаций в своей деятельности свободны от государственного и любого иного, основанного на должностной субординации и административной иерархии, влияния и принуждения.

3. Научные организации и ассоциации участников настоящей Конвенции могут принимать в свой состав в качестве полноправных членов любых зарубежных ученых, в том числе ученых из стран, не имеющих дипломатических или иных официальных отношений с участниками настоящей Конвенции.

4. Организационные и иные корпоративные интересы не могут служить основанием для умаления свободы интеллектуального самовыражения ученых; несогласие и недовольство существующим положением вещей признаются элементарными формами научного самоутверждения, а терпимая реакция на них – естественной формой культурного и профессионального признания.

Статья 15. Свобода научных убеждений

1. Интеллектуальное творчество ученых не регламентируется посредством каких-либо юридических, политических, административных или идеологических норм и ограничений.

ПРИЛОЖЕНИЯ

2. Право ученых на неконформистское поведение строго обеспечивается; ученые могут подвергать сомнению любое объяснение своих коллег, даже если при этом их позиция выглядит нелогичной и/или неконструктивной.

3. Ценность научных и иных профессиональных знаний и убеждений ученых не может определяться в зависимости от того, являются ли их воззрения в данный момент превалирующими в научном обществе или нет.

4. Ученые, состоящие в профессиональных, политических или иных организациях и ассоциациях, не обязаны согласовывать свои научные позиции и взгляды с существующим в их стране политическим режимом, партийными взглядами или мнением общественности.

5. Поскольку любознательность, критический подход, скептицизм, склонность к эксперименту и игре являются характерными свойствами интеллектуального самовыражения ученых, к свободе убеждений и научных интерпретаций ученых проявляется высшая терпимость.

6. Аргументы, основанные на убеждениях большинства, не имеют какой-либо преимущественной силы в научной среде и могут применяться в научном споре или социальном дискурсе исключительно в своем качественном аспекте.

7. Общение ученых не может быть связано или ограничено государственными границами, а также иными юридическими, политическими или идеологическими ограничениями или условиями; право ученых на общение независимо от государственных границ признается фундаментальным и неотъемлемым.

8. Никому из ученых не может быть отказано в командировке, стажировке, обучении или работе за рубежом по политическим, идеологическим, религиозным и/или иным мировоззренческим причинам и/или мотивам; по этим же соображениям ученым не может быть отказано в посещении государства, являющегося участником настоящей Конвенции.

9. Работа ученых не может иметь своей целью формирование политической воли; функцией ученых является применение анализа и иных научных методов и приемов для критики и пересмотра (подрыва) существующих научных постулатов, способов действия и мышления, переоценки правил, установлений, существующих в обществе и мире порядков, а также иных признанных ценностей.

10. Поскольку признается, что сфера науки состоит из конфликтующих элементов с различными стратегиями, метафизическими

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

принципами и результатами, к взглядам и позициям ученых не предъявляются требования объективности.

11. Поскольку признается, что ученые работают в сфере интеллектуальной аномии, непредсказуемых выводов и результатов, к их интеллектуальному самовыражению не применяются какие-либо законодательные ограничения свободы мысли и слова.

12. Результаты интеллектуальной работы ученых должны иметь ту форму и атрибуты внешнего выражения, на которых настаивают их авторы; внешнее редактирование, форматирование или иное упорядочение текстов, рукописей, видеоряда, звукозаписей и иных форм интеллектуального самовыражения ученых может производиться только с согласия их автора.

Статья 16. Свобода научных стратегий и методологий

1. Институты демократии, государственные органы и/или их должностные лица не могут быть арбитрами в области научных идей; любая государственная экспертиза интеллектуальных проектов не может считаться окончательной.

2. За учеными в первую очередь признается право на интеллектуальную ошибку; ученые не несут политической или юридической ответственности за недостоверность или ошибочность результатов своих исследований.

3. На ученых не может быть возложено бремя решений, принимаемых посредством демократических процедур; однако к ученым может быть обращена официальная просьба (запрос) относительно выработки политических или иных рекомендаций.

4. Поскольку проблемы науки имеют собственную хронологию, прямое государственное планирование и/или иное политическое вмешательство в область фундаментальных научных исследований признается угрожающим социально-культурному прогрессу.

5. Государственные бюджетные и иные ассигнования на фундаментальные исследования предоставляются под ответственность ученых, а не государственных органов или их должностных лиц; данное правило не распространяется на сферу исследований в частных научных и научно-производственных фирмах и корпорациях, иных негосударственных научных учреждениях и институтах.

Статья 17. Открытость научной среды

1. Поскольку основной гарантией научного творчества является

ПРИЛОЖЕНИЯ

неограниченный доступ ученых к современному знанию, национальным и международным банкам и базам данных, общение ученых со своими коллегами, а также обращение ученых к любым иным носителям и источникам информации не подлежит политическим, юридическим или административным ограничениям; ученые обладают свободой доступа к любым открытым национальным или международным банкам (базам) данных, библиотекам, иным информационным источникам и каналам (сетям) коммуникаций.

2. Ученые, работающие в корпорациях или индивидуально, не могут претендовать на независимость от внешней критики; они обязаны информировать общественность о результатах своих научных изысканий, оглашать свои научно и социально значимые действия и решения, посвящать публику в историю своих ошибок, поражений и неудач.

3. Ученым, работающим в области информации, которая не подпадает под категорию государственной или иной охраняемой законом тайны, гарантируется право на свободный международный обмен результатами своих исследований; такой обмен предполагает доклады и сообщения на научных международных форумах и конференциях, международный обмен публикациями и рукописями еще неопубликованных работ, передачу текстов и иных научных данных на любых информационных носителях посредством любых почтовых служб или систем, включая электронные кабельные и/или спутниковые коммуникации.

4. Ученым, которые получают приглашение государственных органов или их должностных лиц работать по официально закрытой (секретной) научной тематике, должны быть разъяснены все вытекающие из подобного рода контрактов невыгодные последствия, включая возможные ограничения свободы выбора места жительства, въезда и выезда из страны, а также возможное сужение круга общения.

5. Никто из ученых не может против своей воли, то есть под влиянием угроз, обмана, шантажа или иного психического или физического насилия, быть вовлечен в работу по закрытой (секретной) научной тематике.

6. Любые обязательства ученых перед государством или его органами, связанные с их участием в исследованиях по закрытой (секретной) тематике, не могут сохраняться дольше 5 лет после прекращения их участия в этих исследованиях.

7. Точная дата прекращения режима секретности работы ученого должна оговариваться в его контракте; пренебрежение этим правилом означает отказ государства от каких-либо связывающих свободу ученого претензий и обязательств.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Статья 18. Ограничение формальных критериев оценки

1. К оценке работы ученых могут предъявляться любые методологические стандарты и критерии, однако в индивидуальных научных исследованиях или работе, за результаты которой ученые несут личную ответственность, они могут и должны следовать собственным познавательным приемам и методам, а также творческой интуиции.

2. Профессиональный статус и научный рейтинг ученого не может быть основан исключительно на формальных свидетельствах его образования, полученных им официальных научных степенях и званиях; заработная плата, научные стипендии, международные гранты, иные формы вознаграждения ученых не могут обуславливаться исключительно формальными свидетельствами их образования и/или научной квалификации.

3. В своей научной карьере ученые в высшей степени владеют преимуществами, вытекающими из самообразования.

4. При приеме на работу по конкурсу ученые могут оцениваться не только по формальным критериям образования и научной квалификации.

5. Если результаты открытых и справедливых тестовых и иных проверок фактической квалификации ученых очевидным образом доказывают преимущества одних претендентов перед другими, формальные критерии оценки должны поступиться перед неформальными критериями.

6. Труд и конкретные достижения ученых могут быть оценены научным сообществом как вклад «звезды»; на этом основании ученые могут получать неограниченное вознаграждение на внутреннем и внешнем рынках, а также от субъектов благотворительности.

7. Участники настоящей Конвенции не облагаются какими-либо прямыми или косвенными налогами и сборами внутренние и международные премии, полученные учеными за свою работу.

Часть IV. СВОБОДА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО САМОВЫРАЖЕНИЯ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Статья 19. Принципы интеллектуальной свободы в системе государственного образования

1. Цели образования, кроме начального и среднего общего, избираются самими обучающимися.

ПРИЛОЖЕНИЯ

2. Содержание образовательного процесса во всех учебных заведениях, кроме начальных и средних общеобразовательных школ, является свободным от государственного контроля.

3. Выбор информационных источников образования является свободным и неограниченным.

4. Выпускникам государственных учреждений образования гарантируется свобода распоряжения полученными знаниями.

Статья 20. Общие гарантии интеллектуальной свободы в системе государственного образования

1. Обеспечение свободы интеллектуального самовыражения в преподавании является приоритетом государственной политики в области образования.

2. Никакая политическая идеология, научная доктрина или религиозная догма, за исключением принципов интеллектуальной свободы, не может быть использована в качестве фундаментальной основы и цели в системе государственного образования.

3. Создание и функционирование государственной системы образования должно опираться на привлечение в нее педагогов надлежащего уровня знаний и квалификации, а не на стандартизацию и унификацию программ учебных курсов и дисциплин; государственные программы учебных курсов и дисциплин могут разрабатываться и предлагаться для внедрения только в качестве рекомендаций.

4. Педагоги, которые соответствуют квалификационным требованиям занимаемой должности, имеют право на эксперимент и творческую импровизацию в процессе обучения студентов, слушателей и учеников.

5. Вознаграждение преподавателей за их труд не может быть основано только на престижности их диплома или принадлежности учебного заведения, в котором они работают, к какой-либо официальной категории; особо одаренные преподаватели заслуживают адекватного вознаграждения независимо от своего возраста, опыта работы или иных формальных критериев преподавательской квалификации.

6. Педагоги, работающие в системе государственного образования, имеют право получать за счет местных бюджетов региональные и иные надбавки к зарплате по решению органов местного самоуправления; надбавки могут выплачиваться преподавателям также из добровольных пожертвований благотворителей, спонсоров и иных законных источников.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Статья 21. Свобода интеллектуального самовыражения в государственных высших учебных заведениях (университетах)

1. Функционирование государственных высших учебных заведений (университетов) основывается на следующих принципах академической свободы:

а) праве университетов самостоятельно определять критерии конкурсного отбора будущих студентов;

б) праве университетов самостоятельно определять академические основы обучения;

в) праве студентов самостоятельно выбирать своих преподавателей;

г) праве профессоров и доцентов на свободный выбор методики преподавания.

2. Ректоры университетов выбираются на университетских форумах тайным голосованием; они не могут назначаться на свои должности исключительно в административном порядке.

3. Достоинства подготовки специалистов в университетах определяет рыночный спрос и практические достижения их выпускников, а не какие-либо формальные критерии оценки.

4. Цели и приоритеты высшего образования определяются университетами самостоятельно на основе их свободного выбора и независимой оценки; эти цели не могут быть в обязательном порядке предписаны университетам государством или его органами.

5. Профессора, доценты, преподаватели и студенты университетов свободны в выборе учебников и иных информационных источников обучения.

6. Преподавание и обучение в университетах не может быть обусловлено обязательным использованием официально утвержденных или санкционированных государством или его органами учебников и/или иных информационных источников.

Статья 22. Профессора и преподаватели в государственных университетах

1. Профессора и доценты университетов выбираются на свою должность тайным голосованием на университетских форумах: первый раз – на срок не менее 5 лет; второй раз – на срок не менее 10 лет; третий раз – бессрочно.

2. Профессора и доценты университетов несут личную ответственность за разработку и содержание преподаваемых ими дисциплин и

ПРИЛОЖЕНИЯ

учебных курсов; конкретное содержание преподаваемых дисциплин и курсов не может централизованно разрабатываться какими-либо государственными органами или администрацией университетов.

3. Зарплата профессоров и доцентов в университетах не может быть ниже установленного государством или университетом уровня, однако ее верхний предел определяется применительно к каждому профессору или доценту дифференцированно.

4. Размер зарплаты каждого из профессоров и доцентов в университетах относится к сведениям конфиденциального характера; такие сведения не могут быть преданы огласке по решению университетской администрации; индивидуальные претензии к администрации университетов относительно размера зарплаты принимаются.

5. Профессора и доценты обладают свободой выбора методики и языка преподавания, однако они несут исключительно личную ответственность за свой преподавательский успех.

6. Всем преподавателям университетов гарантируется бесплатный и неограниченный по времени доступ в Интернет.

7. Профессора, доценты и преподаватели университетов могут объединяться на идейной основе в неформальные научно-исследовательские центры и объединения.

Статья 23. Студенты в государственных университетах

1. Студенты университетов имеют право самостоятельно выбирать не менее половины из предложенных им университетом дисциплин и учебных курсов.

2. Студенты университетов имеют право на свободный выбор профессора или доцента, если сходные по содержанию лекционные курсы читаются разными лицами.

3. Студенты университетов имеют право требовать введения и преподавания им альтернативных курсов гуманитарных дисциплин, которые были бы построены на нетрадиционных методологических началах, идеях и принципах.

4. Студентам университетов обеспечивается возможность изучения иностранных языков независимо от профиля факультета и будущей специальности; университеты обязаны предоставить студентам возможность овладения не менее чем двумя иностранными языками.

5. Всем студентам гарантируется бесплатный доступ в Интернет в объеме не менее 60 часов в месяц.

6. Платный доступ студентов в Интернет не может быть ограничен.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

7. Всем студентам гарантируется персональный код пользователя и пароль доступа в Интернет, а также индивидуальный адрес электронной почты.

8. При оказании библиотечных услуг студенты имеют одинаковый с преподавателями стандарт доступа к книгам и иным информационным источникам (носителям), а также равный с ними уровень комфортности обслуживания.

Статья 24. Университетские библиотеки и информационные центры

1. Библиотеки и информационные центры признаются главными научными и учебными подразделениями университетов; финансирование библиотек из университетских бюджетов является приоритетным.

2. В основу структуры административного управления университетов должен быть положен принцип: университет – это кафедры при библиотеке.

3. Библиотеки и информационные центры автономны в свободном выборе и приобретении книг и иных информационных источников (носителей); книги, а также все иные информационные источники (носители) из библиотечных фондов не могут быть уничтожены по решению университетской администрации.

4. Ректоры университетов имеют исключительно финансовые полномочия в отношении организации работы библиотек и информационных центров.

5. Директор (заведующий) университетской библиотекой (информационным центром) является первым проректором университета по должности.

6. Библиотеки и информационные центры предоставляют равный и открытый доступ к своим фондам профессорам, доцентам, преподавателям и студентам.

7. Ограничение пользования библиотеками и информационными центрами не может применяться в качестве административного (дисциплинарного) наказания; за утерю или порчу книг и иных информационных источников (носителей) могут применяться только штрафные (финансовые) санкции.

8. Библиотеки и информационные центры обеспечивают свободный доступ читателей к копировальной технике; копировальных машин и иных множительных устройств должно быть достаточно для копирования материалов всеми желающими без ожидания в очереди.

ПРИЛОЖЕНИЯ

9. Книжные (информационные) фонды библиотек должны находиться в режиме прямого доступа читателей к книжным полкам и иным местам хранения информации.

10. Вынос книг и иных информационных носителей за пределы библиотек ограничивается только для раритетных изданий, рукописей и иных уникальных информационных источников.

11. Библиотеки и информационные центры университетов работают не менее 12 часов в сутки; их читальные залы работают в круглосуточном режиме.

12. Крут международных связей и книжных обменов библиотек и информационных центров не ограничивается государством, его органами или университетской администрацией; в информационных обменах библиотеки и информационные центры автономны и независимы от администрации и ректоров университетов.

13. Библиотекам и информационным центрам университетов гарантируется доступ к многоканальной кабельной и спутниковой телевизионной трансляции; студентам гарантируется свободный доступ к библиотечным телеприемникам и мониторам, транслирующим международные программы кабельного и спутникового телевидения.

14. Для пополнения фондов университетских библиотек и информационных центров иностранными книжными, журнальными, газетными и иными информационными источниками должно выделяться не менее 50% общих финансовых средств, предназначенных в ежегодных университетских бюджетах для пополнения библиотечных информационных фондов.

15. Не могут быть установлены какие-либо привилегии для отдельных категорий читателей и пользователей университетских библиотек и информационных центров.

Статья 25. Правило минимального стандарта

1. Присоединение к настоящей Конвенции участников-учредителей и новых участников может состояться при обязательном условии, что изложенные в статьях 19-24 настоящей Конвенции требования и гарантии могут быть предоставлены для не менее чем 15% имеющих в стране государственных высших учебных заведений (университетов).

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Часть V. ИНФРАСТРУКТУРА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

Статья 26. Книжные и иные источники информации

1. Ввоз, вывоз, пересылка и иные формы доставки книг и иных носителей информации в страну-участницу настоящей Конвенции являются свободными.

2. Предпродажная цензура, в том числе скрытая или косвенная, книг и иных носителей информации не допускается.

3. Продажа иностранных книг, журналов, газет и иных носителей информации не может быть предметом правовых, политических или административных ограничений.

4. Индивидуальная (личная) пересылка книг и иных носителей информации любыми видами почты не может облагаться таможенными налогами и/или сборами.

5. Индивидуальная перевозка книг и иных носителей информации не подлежит таможенным ограничениям, налогам и сборам.

6. Книгоиздательская деятельность не может облагаться налогами, общий размер которых превышает 15% от суммы издательской прибыли.

7. При издании, печатании (тиражировании), продаже, копировании книг и иной информационной продукции защита авторских прав гарантируется в соответствии с требованиями национального и международного права.

Статья 27. Торговля иностранными книгами гуманитарного, философского, научного и иного мировоззренческого содержания

1. Участники настоящей Конвенции обязуются открыть или расширить существующую у них сеть специализированных книжных магазинов с целью свободной торговли иностранными книгами гуманитарного, философского, научного и иного мировоззренческого содержания.

2. Упомянутые в ч. 1 настоящей статьи книжные магазины могут быть государственными или частными; в любом случае для их создания, открытия (расширения) и работы должен быть создан максимально благоприятный национальный таможенный, налоговый, арендный и иной правовой режим.

3. Если в течение 1 года после присоединения к настоящей Конвенции конъюнктура рынка не позволит открыть упомянутые в ч. 1 настоящей статьи магазины на коммерческой основе, такие магазины

ПРИЛОЖЕНИЯ

должны быть созданы (открыты, расширены) участниками Конвенции за счет государственных бюджетных средств.

4. Участники настоящей Конвенции берут на себя обязательство открыть подобные магазины из расчета: один магазин на 5 миллионов населения; при этом минимальное количество наименований книг на полках магазина не должно быть менее 1000 экземпляров.

5. Столичный книжный магазин этой категории должен иметь не менее 10.000 наименований книг, постоянно предлагаемых для открытой продажи.

6. Доступ покупателей к просмотру книг во всех магазинах этого типа должен быть свободным (без участия продавца-посредника).

7. Участники настоящей Конвенции не несут обязательств по данной статье, если на их территории уже функционируют подобные магазины в количестве, превышающем установленный в ч. 4 и 5 настоящей статьи минимальный стандарт.

8. Участники настоящей Конвенции гарантируют присоединение их книготорговой и коллекторной библиотечной сети к системе международного заказа и доставки книг по компьютерному каталогу «Books in Print» или равнозначного ему по возможностям.

Статья 28. Свобода информационного обмена в электронных сетях

1. Участники настоящей конвенции признают право каждого на свободное пользование любыми, как существующими, так и теми, что могут возникнуть в будущем электронными (кабельными, спутниковыми и иными) средствами передачи информации.

2. Любые существующие на открытом международном рынке технические средства и вспомогательное оборудование для передачи информации допускаются к свободной продаже на потребительском рынке участников настоящей Конвенции.

3. Свобода и гарантии невмешательства в пользование Интернетом и другими информационными системами (сетями) общего назначения гарантируется для всех негосударственных юридических и физических лиц; работа этих лиц в Интернете осуществляется в режиме коммуникационного *privacy*.

4. Свобода и гарантии невмешательства в пользование Интернетом и другими информационными системами (сетями) общего назначения предоставляются также государственным органам и юридическим лицам, которые не связаны профессиональными обязательствами об охране и защите государственной или иной охраняемой законом тайны.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

5. Временное снятие или ограничение гарантий, предоставленных п. 3, 4 настоящей статьи в отношении конкретных пользователей, может быть произведено только на законных основаниях по решению независимого суда.

6. Участники настоящей Конвенции договариваются о том, что свободная купля-продажа их гражданами и юридическими лицами существующих на внутреннем и международном рынке информационных технологий и средств передачи данных не может быть ограничена по мотивам национальной безопасности.

7. Защита авторских прав в сфере использования информационных технологий, электронных и иных систем (сетей) передачи данных гарантируется.

8. Возможные коллизии норм национального и международного авторского права и настоящей Конвенции разрешаются в пользу защиты авторских прав.

Статья 29. Антенны теле- и радиоприема

1. На внутреннем рынке участников настоящей Конвенции гарантируется свободная купля-продажа теле- и радиоантенн неограниченной чувствительности и категорий сложности.

2. Неограниченное применение гражданами и юридическими лицами указанных в ч. 1 настоящей статьи приборов и устройств с целью получения информации гарантируется.

3. Любые юридические и/или физические лица имеют право беспрепятственной купли-продажи и перемещения через границу имеющих на открытом международном рынке антенных устройств и иного принимающего сообщения из эфира оборудования.

Статья 30. Запрет принудительного нарушения качества теле- и радиовещания

1. Участники настоящей Конвенции обязуются не применять средств принудительного нарушения качества любого (государственного, негосударственного, в том числе политически оппозиционного) внутреннего и зарубежного теле- и радиовещания.

2. В условиях чрезвычайного или военного положения могут допускаться отдельные ограничения в отношении применения этой статьи; ограничение действия этой статьи по мотивам национальной безопасности до введения военного или чрезвычайного положения не допускается.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Статья 31. Запрет монополии на оказание коммуникационных услуг

1. Участники настоящей Конвенции отказываются от государственной монополии на оказание почтовых, телефонных, телеграфных, теле- и радиовещательных, а также иных коммуникационных услуг.

2. Запрет монополии на оказание коммуникационных услуг означает также запрет установления государством каких-либо льгот и преимуществ в отношении отдельных национальных, зарубежных, международных (транснациональных) корпораций, фирм, предприятий, учреждений и организаций всех форм собственности, оказывающих коммуникационные услуги на коммерческой и некоммерческой основе.

Часть VI. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1. Каждый участник этой Конвенции осуществляет необходимые законодательные и административные мероприятия, регламентирующие выполнение ее положений, и обеспечивает надлежащие условия их применения.

2. Каждый участник Конвенции обязывается оказывать содействие доступу общественности к информации о положениях этой Конвенции и гарантиях их выполнения; каждый участник Конвенции обеспечивает должное признание лиц или групп, распространяющих такую информацию, и предоставляет им необходимую поддержку.

3. Положения этой Конвенции не должны толковаться так, чтобы это могло ослабить уже существующие в национальной правовой системе гарантии предусмотренных Конвенцией прав и свобод или затруднить внедрение более действенных гарантий.

4. Участники Конвенции обязуются оказывать содействие применению положений этой Конвенции в рамках принятия решений международными организациями, членами которых они являются.

5. Каждый участник этой Конвенции обеспечивает условия, необходимые для того, чтобы лица или группы имели возможность осуществлять свои права и свободы в соответствии с положениями Конвенции без какой-либо дискриминации по признакам гражданства, места жительства, регистрации, места реализации предусмотренных этой Конвенцией прав и свобод.

INTERNATIONAL CONVENTION ON PROTECTION OF INTELLECTUAL FREEDOM

Structure of “International Convention on Protection of Intellectual Freedom”

PREAMBLE

Part I. COMMON

Article 1. Principles of protecting intellectual freedom

Article 2. Freedom of intellectual self-expression

Part II. THE RIGHT TO FREEDOM OF INFORMATION AS THE FOUNDATION OF INTELLECTUAL FREEDOM

Article 3. Freedom of information as a guarantee of intellectual freedom

Article 4. Definitions of “information” and “new information”

Article 5. Information categories whose reception, use, and storage are exclusively functions of the state

Article 6. Fundamentals of the relationship between civil society and the state in the information field

Article 7. Publishing information of a critical nature

Article 8. Distribution to the public of data regarding elected officials

Article 9. State constraints on secret information

Article 10. Prohibition of arbitrary destruction of information

Article 11. Prohibition of the state’s destruction of information held by civil society

Article 12. Guarantees of journalists’ rights to intellectual self-expression

ПРИЛОЖЕНИЯ

Article 13. Prohibition of double-loyalty obligations

Part III. FREEDOM OF INTELLECTUAL SELF-EXPRESSION IN THE SCIENTIFIC OR ACADEMIC COMMUNITIES

Article 14. Scientific or academic organizations and associations

Article 15. Freedom of scientific or academic convictions

Article 16. Freedom of scientific or academic strategies and methodologies

Article 17. Openness of the scientific or academic communities

Article 18. Constraints on formal assessment criteria

Part IV. FREEDOM OF INTELLECTUAL SELF-EXPRESSION IN THE STATE EDUCATIONAL SYSTEM

Article 19. Principles of intellectual freedom that apply to a state educational system

Article 20. General guarantees of intellectual freedom in a state educational system

Article 21. Freedom of intellectual self-expression in state schools of higher education (universities)

Article 22. Professors and teachers at state universities

Article 23. Students at state universities

Article 24. University libraries and information centers

Article 25. The minimal-standard rule

Part V. THE INFRASTRUCTURE OF INTELLECTUAL FREEDOM

Article 26. Books and other printed information sources

Article 27. Sale of foreign books with humanitarian, philosophical, academic, scientific or other content

Article 28. Freedom of information exchange in electronic networks

Article 29. Antennas for television and radio reception

Article 30. Prohibition of jamming television and radio transmissions

Article 31. Prohibition of a monopoly in communication services

CONCLUSIONS

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

INTERNATIONAL CONVENTION ON PROTECTION OF INTELLECTUAL FREEDOM¹

(draft)

Adopted and opened for signing, ratification and joined by the resolution ... of the General Assembly of

date, month, year

COMING INTO POWER: date, month, year, according to Article No....

PREAMBLE

Member countries participating in this Convention (hereinafter referred to as “the member countries”),

COMPREHENDING the need for new ways to creatively inspire people has become more urgent, that law and humanitarian sciences have not worked cooperatively for a long time, that the world of modern knowledge cannot be expressed by one theory or by simple rules, that a symbolic approach to problem solving is becoming more significant, that a bureaucratic constraint on intellectual improvisations destroys spirituality, that scientists and academicians have a special duty before the future, that values of intellectual freedom are determined by unpredictable opportunities, that intellectual freedom may not be subordinated to the majority's dictate, that there exists no single means of cognition, and that the rational person's life and understanding are filled with relativism;

¹The idea of creating a draft of the «International Convention on Protection of Intellectual Freedom» appeared as a result of an analysis of the practical monitoring of the observance of human rights in the information sphere that for several years was carried out by the Kharkiv Group for Human Rights Protection (KGHRP) (<http://www.khpg.org>). The idea of creating the Convention was first expressed at the international educational seminar «European Legislation on Wiretapping and Improving Ukrainian Legislation» held in Kyiv, September 22-23, 1999. The intention to draft a document on the «International Convention on Protection of Intellectual Freedom» was expressed at the Forum of Representatives and Experts of National and International Human Rights Protection Organizations held in Rome, February 21-22, 2000.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ACKNOWLEDGING that ideas rule the main events of the modern world, that abstract concepts lie at the base of the most valuable achievements, and that symbolic reality is fruitful and useful, that all the diverse forms of consciousness are used as a basis of creativity, that intellectually active individuals provide society examples worthy of imitation, that the 20th century was for many an age of factual dogmatism, that the course of human history is subject to permanent acceleration of social development, that the main factors in social development appear to be information and knowledge, and that the demand for information and knowledge is fast growing, that cultural progress more and more determines the structure of economic activities, that hypothetical constructions invade the sphere of business activities, and that intellectual creativity leads to new rights and freedoms;

AGREEING that social order is mainly determined by human nature and by spontaneous processes of self-organization, that the development of modern technologies demands not hierarchic relations, but a partnership, that the creative self-realization of people is more and more achieved independently of state boundaries, that the basis of creativity is profound criticism, and that any encroachment on the freedom of self-expression leads to social degradation and deterioration;

NOTING that intellectual factors directly influence the destiny of people, that openness and access to information are protection against paternalism, that modern technologies are based on the mutual interaction of fanciful and objective pictures of the world, that bureaucracy and distributive coalitions threaten society with stagnation, that opportunities of intellectual initiatives are still constrained in a number of regions, that universal problem solving approaches have a smaller range of application, and that innovators demand support instead of surveillance;

HOPING that the search and remuneration of scientists or academicians may be conducted or provided according to principles of civil equality and justice, and that in the new century free scientific creativity and art will show their efficiency;

FEARING that demagogic doctrines can damage free and democratic society, and that creative persons may be compelled to work under the control of politicians;

TAKING INTO ACCOUNT international agreements and conventions on protection of the right of intellectual property, as well as such sources as

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

the Universal Declaration of Human Rights (1948), European Convention on Human Rights (1950), International Covenant on Civil and Political Rights (1966), International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (1966), Declaration on Social Progress and Development (Resolution 2542/XXIV of the UNO General Assembly, 1969), Helsinki Final Act (1975), Concluding Document of the Madrid Meeting of Representatives of the Participating States of the Conference on Security and Cooperation in Europe (1983), Declaration on the Freedom of Expression and Information (adopted by the Committee of Ministers of the Council of Europe, 1982); Resolution of the European Parliament on Freedom of Education in the European Community (1984), Declaration on the Right to Development (Resolution 41/128 of the UNO General Assembly, 1986), Concluding Document of the Vienna Meeting of Representatives of the Participating States of the Conference on Security and Cooperation in Europe (1989), Document of the Copenhagen Meeting of the Conference on the Human Dimension on the Conference on Security and Cooperation in Europe (1990), Charter of Paris for a New Europe (1990), Johannesburg Principles on National Security, Freedom of Expression and Access to Information (1995), Resolution 45/76A of the UNO General Assembly on Information at the Service of Humanity (1990), Resolution 428 (1970) of the Parliamentary Assembly of the Council of Europe concerning the Declaration on Mass Media and Human Rights, Resolution 1003 (1993) of the Parliamentary Assembly of the Council of Europe on Journalist Ethics, Recommendation 748 (1975) of the Parliamentary Assembly of the Council of Europe on the role of national broadcasting and its administration;¹ and

BEING CERTAIN that new laws have genuine value only if they extend the rights, freedoms, and the dignity of individuals;

AGREE in what follows.

Part I. COMMON

Article 1. Principles of protecting intellectual freedom

1. Existing social problems must be solved by the free intellectual efforts of all interested members of society; the opinion of the majority has a higher priority only in solving political problems.

2. The freedom to express any idea, without any constraints, is regarded

¹The titles of some documents are given in back translation from Ukrainian and Russian.

ПРИЛОЖЕНИЯ

as the most important attribute of human intellect, and as a main priority of a state's policy.

3. The organic political structure of a free and democratic society is based on culture.

4. Democratic rule is based on the right of any person to criticize any other person and on the capability of any person to listen to the criticism; the state may not, under any circumstances, grant any person immunity from criticism.

5. Coercion to think a certain way politically is the basis of intellectual non-freedom in all its varieties.

6. Unconstrained freedom of speech, information, and communication is a basic element of democratic rule.

7. Acknowledging the validity of scientific or academic knowledge presupposes an unconstrained freedom to obtain knowledge.

8. Natural social integration presupposes increased individual freedom of self-expression; necessary state planning presupposes a strengthened autonomous status of the individual.

9. The varieties of intellectual freedom can be mutually contradictory, but they must not exclude each other.

10. Intellectual intolerance may not be encouraged politically.

11. Each individual can adapt to unpredictable and novel cultural progress on the basis of his or her own strategies freely chosen from those available.

12. The state, public organizations, social groups, churches, and mass movements have no right to coercive indoctrination and penetration into the public outlook, into the ways of comprehending reality, or into life values and/or behavioral patterns.

13. A person may not be bound by any ontological principle simply because the principle has been adopted or encouraged by the authorities or by democratic institutions.

14. A person may not be bound by, or compelled to accept any method or fashion of comprehending reality, in science, academics, art, politics, or personal taste simply because that method or fashion is officially followed or dominates in public opinion.

15. Any political system that pretends to introduce behavioral or philosophical truths is acknowledged to be more dangerous than useful.

16. The scientific quest for truth and for solutions to existing social problems is free and open for all; it is the state's duty to protect that quest from coercive actions on the part of any authority.

17. Any competition of ideas must not be regarded as dangerous in a free and democratic country.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

18. To guarantee the cooperation of the state and of its organizations with individuals, the flow of information must be transparent and accessible.

19. The right to intellectual disagreement with the opinion of a political power, including a democratic power, is an inalienable human right.

20. Because freedom of human imagination is the main reason for creativity, the intellectual efforts of an individual and ideas based on these efforts must not be constrained in any way.

21. Intellectual freedom must be preserved and guaranteed by the state, its organs, and its officers, even if they foresee disadvantages and/or dangers that may follow from the exercise of that freedom.

22. Intellectual freedom presupposes on the part of the state an attitude toward social progress that recognizes that the course of that progress cannot be based exclusively on state programs.

23. In a member country the state or its agents, agencies or officers may not use legal power for the purpose of constraining intellectual activities.

24. Unlike other kinds of freedom, intellectual freedom may not be constrained for the purpose of self-preservation.

Article 2. Freedom of intellectual self-expression

1. Everyone has the right to freedom of intellectual self-expression. This right includes the freedom to search, create, obtain, and spread information of any kind, disregarding administrative and state frontiers, whether the information is in oral, written, or electronic form, or is in the form of art objects, or in any other form of one's own choosing.

2. Juridical, political, administrative, or other prohibitions or constraints may not be imposed on the topic, the object or the matter of intellectual self-expression.

3. The freedom of intellectual self-expression presupposes an actual opportunity of an individual to follow his or her own goals and prospects in life and to act on the basis of individual understanding of the circumstances; this opportunity, as it relates to the action dealt with in the following Paragraphs, can be constrained only to the extent necessary to assure that others can exercise the freedom guaranteed to all persons.

4. No constraint on the freedom of intellectual self-expression may be imposed under the pretext of protecting national security unless an organ of the state or a state officer demonstrates before a competent court that the constraint is based on the demand of Paragraph 6 of this article.

5. A constraint on the freedom of intellectual self-expression can be based only on a direct reference to law that is accessible to everyone and

ПРИЛОЖЕНИЯ

that is formulated in such a manner that anyone can conclude if his or her activity (or inactivity) violates this law.

6. Freedom of intellectual self-expression may be constrained because of a threat to national security only if a state organ or a state officer can prove in court:

a) That the particular form of intellectual self-expression is in fact an appeal for violent actions;

b) That this form of intellectual self-expression may lead to such violent actions;

c) That there is a direct connection between this form of intellectual self-expression and actual occurrences of violent actions.

7. A particular form of intellectual self-expression is not a threat to the national security:

a) Even if it represents an insult to one's own state or criticizes its symbols, its government, its state organs or its officers or represents criticism of, or insult to, a foreign country or its organs, its government, its state organs, or its officers;

b) Even if it represents an objection to, or support of an objection relative to, religions, morals, or other convictions, for example, convictions against parties to, or participants in, political conflicts and/or convictions against the use of force (or the threat of force) in deciding differences of opinion;

c) Or even if it conveys or broadcasts to one's compatriots or to the international public information about alleged abuses of constitutional or other norms (including international norms) concerning the protection of human rights and freedoms.

8. Intellectual self-expression that is not a threat to national security may not be limited by the provisions of the preceding Paragraphs.

9. No one may be punished for criticizing or insulting the state, its symbols, its government, its state organs, or its political figures, either regarding one's own country or regarding a foreign country, unless the criticism or insult is intended to directly instigate violent actions.

10. A person exercising intellectual self-expression may not be constrained in his or her actions, or punished, on the basis that the self-expression contains information published by or about an individual or organization that is regarded by a member country, or by other countries, as threatening interests of national security.

11. When adopting a system of laws or other standards concerning freedom of intellectual self-expression, member countries must consider that the fear of being punished easily destroys the delicate instrument of human reason; that is why the national legislation of member countries must be adopted or enacted in accordance with this Convention.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

12. Legislation of member countries concerning unions of citizens (including political and religious ones) must not contain provisions permitting public unions to press ideologically or intellectually on their own members.

13. The right to freedom of intellectual self-expression includes the right to engage in nonconforming behavior; this right presupposes the opportunity for an individual to disagree with official, corporate, or standard behavior concerning any aspect of life in a political union or a cultural sphere.

14. The right to engage in nonconforming behavior shall be protected: each person has the right to not agree with, or to disagree with an official or common opinion without fear of being coerced by psychological and/or physical pressure, or by political, juridical, or administrative coercion.

15. The freedom of intellectual self-expression presupposes that political minorities are given guarantees of social tolerance, guarantees that are sufficient for them to organize their lives in accordance with their own values determined by their own beliefs and convictions.

16. The freedom of intellectual self-expression presupposes that every person has the right to assume creative risk and the opportunity to act on the basis of his or her own knowledge, ideas, and convictions, even if such behavior implies a refusal to accept traditional norms and limitations.

17. The member countries assume obligations to make efforts to provide freedom of intellectual self-expression at the maximum extent possible during martial law or during a state of emergency. The same attempts to provide freedom of intellectual self-expression must be guaranteed on the territory of permanent dislocation of troops (or self-defense forces), in hospitals, sanatoriums, lunatic asylums, prisons, places of incarceration, and other places where individual freedoms are restricted.

Part II. THE RIGHT TO FREEDOM OF INFORMATION AS THE FOUNDATION OF INTELLECTUAL FREEDOM

Article 3. Freedom of information as a guarantee of intellectual freedom

1. Freedom of information is regarded as the main guarantee of intellectual freedom.

2. One's ability to produce, to buy, to transmit, and to distribute any information regarding the events and the circumstances of one's own life is regarded as a basic human right.

ПРИЛОЖЕНИЯ

3. The freedom of intellectual self-expression, as described in Article 2 of this Convention, is extended also to the mass media.

4. Any state control over publications in the press, by radio broadcasting, by television transmission, or by other forms of the audiovisual broadcasting, except control based on the provisions of Part I, Article 2, Paragraph 6 of this Convention, is forbidden.

5. Independence of the press and other forms of mass information from direct or indirect state interference and control must be guaranteed by law; a temporary restriction on that independence is permitted by a court decision only and must not be imposed by a state or an officer exercising the state's executive power.

6. Mass media must be free not only to inform the public and to provide a tribune for discussion, but also to provide citizens a means of exercising independent supervision and control over the administrative structures, over state organs, and over state officers and their activity (or inactivity).

7. Freedom of intellectual self-expression in the mass media presupposes an understanding that no informative messages can be completely objective.

8. The influence a journalist's personality or his or her sources may have on the journalist's message must not be restricted.

9. The mass media are guaranteed cooperation in exchange of messages, regardless of state boundaries; to this end, member countries reject the imposition of any restrictions on the distribution of information in one country that originated in the territory of another.

10. It is forbidden to apply any technical, custom, tariff, or other legal standards or rules that inhibit, impede, or restrict the free distribution of information by any kind of information carrier; this prohibition should not be treated as an opportunity to limit the right to set a market price on information technologies and services.

11. The mass media of the member countries have free access to any foreign sources of information and news; citizens of a member country enjoy unlimited freedom in getting information from any national or foreign (i.e., international) sources.

12. State boundaries are open for foreign newsmen; no quotas and/or standards with respect to professional journalists may be applied; requests by the journalists for visas, press identification cards, and other similar documents must be honored as quickly as possible.

13. A member country must offer to foreign journalists the freedom to move around the country, free access to official and nonofficial sources of information, and an unlimited right to import and export materials, and equipment needed to exercise their profession.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

14. Member countries will not acknowledge any restrictions on a journalist's activities by way of requiring official licenses, permission, or other certificates related to a journalist's rights; this provision does not restrict a member country's official procedure for getting journalists accreditation.

15. Neither the state nor any of its organs, enterprises, establishments, or organizations established to deal with any form of property shall be permitted to hold a monopoly on the market of information technologies, means, and services; any state monopoly on information, including a monopoly on access to the Internet, to e-mail, or to television or radio broadcasting on the territory of a member country is regarded as illegal.

16. The freedom of intellectual self-expression in the mass media presupposes on the part of every person an unlimited right to debate, criticize, doubt, or contest any activity (or inactivity), or any statements of official representatives of power or of public or religious figures.

17. The member countries guarantee to everyone the right to freely state an unpopular opinion, as well as the right to agree with the majority opinion.

Article 4. Definitions of "information" and "new information"

1. In this Convention the term "information" means any meaningful message, the content of which can be represented as a set of symbols and stored on some material, or held in some repository, other than the human mind.

2. In this Convention the term "new information" means a message (1) qualifying as "information" under the terms of Paragraph 1 above and (2) the main content of which cannot be predicted by the receiver of the message.

Article 5. Information categories whose reception, use, and storage are exclusively functions of the state

1. Information as to which the reception, use, and storage are exclusively functions of the state is that information that is presented to the head of the state, to the organs and officers of the state's executive power (including military and emergency information), by specially empowered organs or agencies with the purpose of providing national security, by the police, by the investigation bureaus, by agencies of diplomatic relations, by military intelligence and counterintelligence, as well as by other specially empowered state bodies and officers.

2. According to its content, the information described in Paragraph 1 may be open or may be classified as state secret.

ПРИЛОЖЕНИЯ

3. Information coming to the head of the state or to organs and officers of the state's executive power from private sources, either inside or outside the state, is not included in the information described in Paragraph 1 of this Article.

Article 6. Fundamentals of the relationship between civil society and the state in the information field

1. The member countries believe that the most efficient stimulus for political freedom and democracy is information flow that operates free from political control and from ideological filters, a flow based on the freedom of intellectual self-expression and on the principle that the government is not permitted to keep the people in ignorance caused by misinformation.

2. The member countries believe that to ensure the democratic form of rule, a state needs efficient laws and institutions that prevent dangerous errors and haughtiness in the exercise of political power; therefore, the member countries agree that the protection of intellectual freedom must be a top priority in the laws and decisions adopted.

3. The member countries acknowledge that a modern civil society is a sphere of free interests based on self-determination and separate from the sphere of the state bureaucracy; the member countries also acknowledge that the analysis, interpretation, and criticism of state interests and consequent setting of priorities must be a process conducted by the entire civil society, not only by official authorities, political parties, or influential groups and figures, however good their intentions might be.

4. Information regarding activities of the state as a whole, or of its organs and officers, is regarded as open to the public; not a single state decision may be excepted from the sphere of civil criticism and control; decisions adopted by the state that are considered to be state secrets must be dealt with by persons having the proper rights.

5. Civil society and its members have a higher priority in comparison with the state, its organs, and its officers in accepting new information of any content, except that information the obtaining, using or storing of which is related to the exclusive functions of the state.

6. Any state restraints on obtaining, spreading, using or storing new information, the obtaining, using or storing of which does not relate to the exclusive functions of the state, are prohibited.

7. Any constraints imposed by the state, its organs, or its officers on obtaining, spreading, using or storing information whose content is known or is predicted before the imposition of the constraint, may be imposed

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

as an exception but only on the basis of a law adopted by the supreme representative organ of the country.

8. Any constraints imposed by the state, its organs, or its officers on obtaining, spreading, using, or storing information related to the general outlook of society, or to religion, philosophy, science, or art, are forbidden.

9. The state cannot constrain the access of any person not acting as a representative of the state, or of any corporation, organization, or association not acting as a representative of the state, to the market of paper, typographic equipment, copying equipment, or other e.g., (hardware, systems, services) of processing and distributing information, including equipment used for television and radio broadcasting, or for access to e-mail and the Internet; similar restriction on the state shall also apply to the market for the services of national and foreign (international) information agencies, news services, and other institutions (organs) collecting and spreading information.

10. The state, its organs, or its officers are also forbidden to set quotas, or impose licensing requirements that are directed at non-state judicial or physical persons (i.e., persons, corporations, organizations, or associations that are not acting as representatives of the state) on the commercial or noncommercial use of national and international cables, satellites, or general-purpose networks (systems) carrying computerized information; this prohibition does not apply to the state's use of television and radio frequencies.

11. The total list of the criteria by which state secrets or other secrets are determined to be protected by law must be exhaustively enumerated in popular legislation of the member countries.

12. The total list of categories of information which, by the wish of the owners, may be appreciated as confidential data must be exhaustively enumerated in popular legislation of the member countries.

13. General rules regarding storage of, and access to, information that is regarded as secret by the state or by law, must be exhaustively enumerated in popular legislation of the member countries.

14. The protection of data making up state secrets is always the prerogative of the state, its organs, and its officers; all physical and juridical persons except those who have official access to such data based on obligation not to divulge the secrets, are not responsible for divulging any state secrets in any case.

15. The adoption by any state organs or officers of rules, regulations, or decisions that forbid or constrain access of any interested person to data that the state or the law has not declared to be secret is illegal.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Article 7. Publishing information of a critical nature

1. Publishing trustworthy information of a critical nature compromising the interests of a member country or the authority or prestige of state organs and officers in the eyes of the public may not be a reason for imposing responsibility or liability on any person.

2. Publishing trustworthy information of a critical nature compromising the head of a member country may not be treated as a libel, even if the victim is protected by special constitutional or legal instructions.

3. Public criticism of the activity (or inactivity) of a state, its organs, or its officers may not be a reason for imposing responsibility or liability in any case.

4. If information critical of the state, its organs, or its officers has become known to the public as a result of illegal ways and means, then any demand that it be spread no further is subordinate to the right of the public to have access to this information.

Article 8. Distribution to the public of data regarding elected officials

1. The information on the private (personal) life of public and state figures must be protected except in a case when it could influence public affairs; a journalist has the right to publish information on the private life of people who bring elements of their private life into the sphere of public interests.

2. Information regarding the personality of a citizen pretending to have been elected to a state post or to some other socially significant post, or regarding the personality a citizen who occupies this post or who has occupied it before, may not be a state secret or other secret protected by law; such information may not be regarded as confidential and may be presented to the public.

3. Citizens who do not execute public or representative functions have more rights to protect their privacy than state and public figures or officers, or individuals who pretend to hold posts with political power or other power, or individuals who pretend or claim to hold other influential public posts.

4. When political speeches or declarations of a head of state or of other leaders or members of government, or of other state figures and officers, are officially published or are transmitted by audio and visual means, those speeches or declarations must, as a rule, be accompanied by comments and responses of independent experts and/or opposition political figures.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Article 9. State constraints on secret information

1. Information the content of which is declared to be state secret, including information obtained as a result of executing exclusive functions of the state, may not be treated as secret for a term longer than 30 years.

2. Information as to which the period of secrecy has ended becomes open for all interested juridical and physical persons; such persons do not need any special permission to access or to distribute this information.

3. Nobody may be prosecuted or punished for divulging state or other secrets in any case in which an independent and competent court has established that the public interest in this information is more significant than the damage that may be caused by divulging the information.

Article 10. Prohibition of arbitrary destruction of information

1. Information obtained through the exercise of exclusive functions of the state may not be destroyed by the decision of organs exercising the state executive power or by the decision of state officers; the destruction of such information must be done only under public control, on the basis of a law or other legal act adopted by the supreme legislative organ of the member country.

2. Information regarding genocide, or political, ethnic, religious, or other massive crimes or repression committed on behalf of the state, or by its bodies and/or officers, as well as any information regarding corruption, bribe-taking, or other misuses of power, may not be classified as secret, and the destruction of such information by state organs and officers is illegal.

3. The state, its organs, or its officers have no right to destroy any information because of ideological and political motives.

Article 11. Prohibition of the state's destruction of information held by civil society

1. Information owned by non-state juridical or by physical persons having the right of property, may not be destroyed on the basis of a decision made by the state or by an officer exercising its executive power.

2. A decision to destroy such information against the will of its owner is a prerogative of a court and must be based on the law only.

3. A coercive sale to the state of information held by non-state judicial or physical person, or other confiscation by the state of such property, is forbidden, unless the coercive sale or confiscation is based on a court decision.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Article 12. Guarantees of journalists' rights to intellectual self-expression

1. The duty of a journalist is to provide to the society news, as complete and accurate as the integrity of the journalist and his or her moral ideals permit; a journalist has the right to speak on any positive or negative aspect of the nature and behavior of humankind and of society even when to do so is not encouraged by his or her audience.

2. In fulfilling their professional duties, journalists are not obliged to sacrifice their convictions for the benefit of personal and/or corporate interests of the state or public figures or state organs, or of publishers or other juridical or physical persons.

3. A journalist has the right to reject outright any direct or indirect interference by state bodies or their officers, or by publishers, editors, or other juridical or physical persons, into the sphere of his or her professional duties.

4. The professional responsibility of a journalist with respect to the public prevails over any responsibility he or she may have to the state, to state bodies and their officers, or to any private juridical or physical persons.

5. A journalist must act exclusively on the basis of his or her professional knowledge and personal convictions; it is information, not the position of a journalist, which can be bargained or exchanged.

6. If in a particular case a journalist's freedom of intellectual self-expression contradicts other rights and freedoms, then an editor, acting jointly with the journalist, has the right to decide which right or freedom has a higher priority.

7. A journalist must not participate in conflicts of editors, department chiefs, and other superior officials; a journalist shall not be coerced to sign some collective editorial or other petition.

8. Even though citizens have the right to obtain maximally complete and many-sided information, a journalist has a duty to respect citizen's right to refuse to divulge some information to journalists or to the public.

9. Opinions of the journalist's potential readers or audience on the reliability (veracity) of the journalist's sources must not constrain the journalist in his or her choice of topics; any official and nonofficial information sources can be equally trustworthy and reliable; in the case that a journalist has promised not to reveal his or her source of information, data regarding the source must not be given to the readers or the audience or to state organs or their officers.

10. The interest of protecting national security must not be regarded as a reason for disclosing a confidential source of information; this source

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

may be disclosed only if an independent and competent court establishes that the disclosure is required by reasons of top state importance.

11. A journalist's freedom of intellectual self-expression does not allow a journalist to deliberately apply means and approaches, that influence or that can influence the subconscious processes of the readers or the audience.

Article 13. Prohibition of double-loyalty obligations

1. A journalist, as a rule, must not work in several places, including state service or local self-government, if doing so would prevent the free exercise of his or her intellectual self-expression.

2. A journalist shall not in any case be coerced to cooperate with police organs or with state security, intelligence, or counterintelligence organs; such coercion is illegal.

3. If, without interrupting professional ties with the mass media, a journalist changes his or sphere of activities and becomes a state official, then in the course of accepting employment in the state service and signing the contract, the journalist must avoid any obligations of double loyalty; such separation of journalistic professional duties is an essential guarantee of the society's intellectual freedom.

Part III. FREEDOM OF INTELLECTUAL SELF-EXPRESSION IN THE SCIENTIFIC OR ACADEMIC COMMUNITIES

Article 14. Scientific or academic organizations and associations

1. In creating scientific or academic organizations and/or associations, it is necessary to distinguish between communities uniting scientists or academicians of one branch, where an administrative organization and discipline may be partially admissible, and unions formed on the basis of ideas, where the implementation of administrative principles and discipline is inadmissible.

2. Members of scientific or academic organizations and associations are in their activities, free from state control and from any other subordination, administration, and coercion.

3. Scientific or academic organizations and associations of a member country may include as full-fledged members any foreign scientists or academicians, even if the home country of the foreign scientists or academicians has no diplomatic or other official relations with the member country.

ПРИЛОЖЕНИЯ

4. Organizational or other corporate interests cannot serve as grounds for restricting the freedom of intellectual self-expression of scientists or academicians; disagreement or displeasure is recognized as an elementary right of scientists or academicians in their self-affirmation, and tolerance of one's disagreement or displeasure is a natural form of cultural or professional esteem.

Article 15. Freedom of scientific or academic convictions

1. The intellectual creativity of scientists or academicians shall not be regimented by any juridical, political, administrative, or ideological rules, regulations, or restrictions.

2. Because exceptional capabilities of people are acknowledged, a scientist's or academician's right to nonconforming behavior is carefully preserved; a scientist or academician may doubt any explanations offered by colleagues, if even his or her position appears illogical and/or unconstructive.

3. The value of scientific, academic, and other professional knowledge, and the convictions of scientists and academicians may not be determined by whether their ideas do, or do not prevail at the moment.

4. Scientists or academicians who are members of some professional, political, or other organization or association are free from any necessity to conform their scientific or academic positions and outlooks with those, that prevail in the political regime, in a particular party, or in the public opinion.

5. Because inquisitiveness, a critical approach, skepticism, and tendency to experiment and to combine different versions are characteristic features of the intellectual self-expression of scientists and academicians, maximal tolerance must be accorded to the convictions and interpretations of scientists and academicians.

6. Any argument based on the conviction of the majority has no advantage in the scientific or academic community and may be applied in a scientific or academic debate or social discourse only in its qualitative aspects.

7. Communication among scientists or academicians may not be related to or restrained by state boundaries or by other juridical, political, or ideological limitations or conditions; the right of scientists and academicians to communicate independently of state boundaries is acknowledged as fundamental and inalienable.

8. Neither scientists nor academicians may be barred from a mission, probation, education, or work abroad because of political, religious,

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

ideological, or similar reasons; nor may a scientist or academician be denied entry into one of the member countries for any such reason.

9. The work of scientists or academicians may not have as its goal some shaping of the political will; the function of scientists and academicians is to apply scientific methods and approaches for the criticism and revision of existing scientific postulates, to develop scientific methods, and to reevaluate rules for establishing order and other genuine values in society and in the world.

10. Because it is acknowledged that the sphere of science and academics consists of conflicting elements calling for or yielding different strategies, metaphysical principles, and experimental results, objectivity may not be required in the views and positions of scientists and academicians.

11. Because it is acknowledged that scholars work in a sphere of intellectual anomie and unpredictability of conclusions and results, no legal constraints on freedom of thought and speech are applied to their results.

12. Results of intellectual work of a scholar must have the form and attributes of external expression insisted upon by the author; any editing, formatting, or other change of the text, the manuscript, video and audio records, and any other change in the author's self-expression, in whatever form, may be made only with the author's consent.

Article 16. Freedom of scientific or academic strategies and methodologies

1. Neither the institutions of a democratic system, nor state organs or their officials, may be arbiters in the sphere of scientific or academic ideas; any state expertise exercised in regard to intellectual projects may not be considered final.

2. Scientists and academicians have the right to make intellectual errors; they have no political or juridical responsibility for unreliable or erroneous results of their studies.

3. The burden of decisions made usually by democratic procedures must not be put on scientists or academicians; however, an official appeal to obtain political or other similar recommendations may be made to them.

4. Because scientific or academic problems have their own chronology, direct state planning or other political interference in the sphere of fundamental science or academics is deemed to be a threat to cultural progress.

5. Allocations from the state budget to develop fundamental studies are made under the responsibility of scientists or academicians, not of state organs or their officials; this rule is not extended to privately owned

ПРИЛОЖЕНИЯ

institutes or scientific-productive firms and corporations, or to the other private scientific or academic establishments and institutes.

Article 17. Openness of the scientific or academic communities

1. Since the main guarantee of scientific and academic creativity is unconstrained access of scientists and academicians to modern knowledge and to national and international data banks, communication by scientists and academicians with their colleagues, as well as access by scientists and academicians to any carriers and sources of information, must not be restrained by any political, juridical, or administrative forces; scientists and academicians have freedom of access to any open national or international databanks, libraries, and other information sources and channels (networks) of communication.

2. Scientists and academicians working in corporations or working individually may not claim immunity from external criticism; they must inform the public on the results of their scientific or academic studies, so as to make public their scientifically, academically, and socially significant actions and decisions, and to explain to the public the history of their mistakes and failures.

3. Scientists or academicians working in a sphere of information that does not relate to the category of state or other secrets protected by the law must be guaranteed free international exchange of the results of their studies; such exchange may be made in reports and messages given at international forums and conferences, through the international exchange of publications and of manuscripts still unpublished, through transmission of the texts and other scientific or academic data on any information carriers, through any mail or information-transfer system, including electronic cables and/or satellites.

4. Scientists or academicians, who are invited by state organs or officers to work on officially closed (secret) topics, must be provided explanations of any disadvantages that may attend such work, including any limitation in the free choice of residence or on foreign travel and any restriction that might narrow one's scope of communications in general.

5. No scientist or academician may, against his or her will, e. g., by threats, deception, blackmail, or other physical or psychological pressure, be made to work on a closed (secret) scientific or academic topic.

6. Any restrictions or obligations imposed on a scientist or academician by the state or its organs, connected with participation in studies of closed (secret) topics may be in force not longer than five years after the termination of the scientist's or academician's participation in these studies.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

7. The exact date of the termination of the scientist's or academician's work on a secret topic must be mentioned in the contract pursuant to which the work is done; if it is not, then the state releases the scientist or academician from any restrictions or obligations.

Article 18. Constraints on formal assessment criteria

1. To assess the work of scientists or academicians, any methodological standards and criteria may be applied; however, as to any individual studies or work for which a scientist or academician bears personal responsibility, the criteria must follow cognitive approaches and methods, as well as a creative intuition.

2. The professional status and scientific or academic rating of a scientist or academician may not be grounded only on formal data relating to his or her education, official degrees, and positions; a scientist or academician's salary, scholarship, international grants, and other forms of remuneration may not be determined exclusively by formal certificates indicating education and/or scientific qualification.

3. In their scientific careers, an assessment of scientists or academicians must recognize the advantages following from self-education.

4. When given a job on a competitive basis, a scientist or academician must be evaluated by formal criteria only to a limited extent.

5. If the results of open and fair tests and other reviews of actual qualifications clearly show that some scientists or academicians have advantages over others, then the formal assessment criteria must be secondary to informal assessment criteria.

6. The labor and concrete achievements of scientists or academicians may be evaluated by the scientific or academic communities as quite outstanding; for this reason, scientists or academicians may earn unlimited remuneration on internal and external markets as well as from charitable sources.

7. The member countries shall not impose direct or indirect taxes on national or international prizes awarded to scientists or academicians for their work.

Part IV. FREEDOM OF INTELLECTUAL SELF-EXPRESSION IN THE STATE EDUCATIONAL SYSTEM

Article 19. Principles of intellectual freedom that apply to a state educational system

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Goals of education, except those related to elementary and secondary education, are selected by students.

2. The content of the educational process in all educational establishments, except elementary and secondary, is free from state control.

3. The choice of information sources in education is free and unconstrained.

4. Graduates of state educational establishments are guaranteed free use of their knowledge.

Article 20. General guarantees of intellectual freedom in a state educational system

1. To guarantee freedom of intellectual self-expression in education is a priority of state policy in the sphere of education.

2. Except for principles of intellectual freedom, no political ideology, scientific or academic doctrine, or religious dogma may be used as a fundamental basis or goal in the system of state education.

3. The creation and functioning of the state system of education must be supported by teachers having the proper level of knowledge and qualification, not by a standard curriculum prescribing subjects and academic courses; a state prescribed curriculum of subjects and courses may be developed and suggested for implementation but only as a recommendation.

4. Teachers who meet the qualifications for their posts have the right to experiment and the right to practice creative improvisation in the process of education.

5. Teachers' remuneration for their work may not be based exclusively on the prestige of their diplomas of the educational establishment where they work, nor on any official category; exceptionally gifted teachers deserve adequate remuneration without record to their age, experience, or other formal criteria.

6. Teachers working in a state system of education have the right to receive local bonuses according to the decision of the organs of self-government; such bonuses may be paid from voluntary donations of charity centers, sponsors, and other legal sources.

Article 21. Freedom of intellectual self-expression in state schools of higher education (universities)

1. The functioning of state schools of higher education is based on the following principles of academic freedom:

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

a) Universities have the right to determine the competitive criteria by which their students are selected;

b) Universities have the right to determine the academic basis of education;

c) Students have the right to select their teachers;

d) Professors and assistant professors have the right to choose freely their methods of teaching.

2. University rectors are elected at university meetings by secret vote; they may not be appointed to their posts exclusively by the administration.

3. The quality of the preparation of specialists at universities is determined by market demand and by practical achievements of the graduates, not by some formal criteria.

4. Goals and priorities of higher education are determined by universities themselves on the basis of their free choice and independent assessment; these goals may not be prescribed to a university by the state or its organs.

5. A university's professors, assistant professors, other teachers, and students are free in choosing textbooks and other information sources for education.

6. Teaching and learning at universities may not be based exclusively on information sources recommended or officially approved by the state or its organs.

Article 22. Professors and teachers at state universities

1. Professors and assistant professors of universities are elected to their posts by secret votes at university meetings: the first election shall be for a term of not less than five years, the second shall be for a term not less than 10 years, and the third election shall provide permanent status.

2. University professors and assistant professors bear personal responsibility for the contents and the quality of the courses and subjects they teach; the specific contents of these courses and subjects may not be developed centrally by some state organ or by the university administration.

3. The salary of a university professor or assistant professor may not be lower than the minimum set by the state or the university; however, its upper boundary is determined for each professor and assistant professor individually.

4. The salary of each university professor and assistant professor is confidential; a professor or assistant professor may apply for a salary increase.

ПРИЛОЖЕНИЯ

5. Professors and assistant professors may freely choose the method and language of their teaching; however, they bear personal responsibility for their teaching success.

6. All university teachers must have free access to the Internet without time limitations.

7. University professors, assistant professors and other teachers may unite on the basis of their ideas into informal research centers and groups.

Article 23. Students at state universities

1. University students have the right to choose not less than half of their courses and subjects from those offered by the university.

2. University students have the right to choose their professors and assistant professors if similar courses are taught by different teachers.

3. University students have the right to demand the introduction of alternative courses on humanitarian subjects, courses that would be built on principles essentially different from the principles on which the traditional courses are based.

4. University students shall be provided the opportunity to learn foreign languages independently of their specializations; universities are obliged to provide opportunities for students to master at least two foreign languages.

5. All students are guaranteed free access to the Internet for not less than 60 hours per month.

6. A student's paid access to the Internet may not be limited.

7. Each student is guaranteed a personal user's code and password access to the Internet, as well as an individual e-mail address.

8. In regard to library services, a student is entitled to the same access to books and other information carriers as a teacher, and is entitled to the same level of comfort in the library as provided to teachers.

Article 24. University libraries and information centers

1. Libraries and information centers are recognized as the main scientific or academic and educational units of a university, and financing libraries and information centers from the university budget is a top priority.

2. The administrative structure of a university must be based on the principle that the university consists of a set of departments which satellite a library.

3. Libraries and information centers are autonomous in their free choice of books and other information carriers; books, as well as other

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

information carriers financed through the library fund may not be destroyed by the decision of the university administration.

4. As to the organization of the work of libraries and information centers, university rectors have only financial authority.

5. The director of the university library or information center is, according to this post, the first provost of the university.

6. Libraries and information centers provide equal and open access of their funds to professors, assistant professors, other teachers, and students.

7. A university may not impose as administrative or disciplinary punishment any restriction on use of the library or information center; for the loss or spoilage of books or other information sources or carriers, the university may apply only financial sanctions.

8. Libraries and information centers provide readers with free access to copying equipment; copying equipment must be provided in sufficient quantities to allow anyone wishing to make copies to do so without unreasonable delay.

9. Books and other information carriers must be stored in such a way that readers have free access to them through free access to bookshelves and to other places for storage of information.

10. Limitations imposed on carrying books and other information sources outside the library are restricted to rarities, manuscripts, and other unique items.

11. University libraries and information centers must be open not less than 12 hours a day; their reading halls must be open around the clock.

12. A library or information center's circle of international ties and book exchange is not restricted by the state, its organs, or the university administration; libraries and information centers are independent of the administration and the rector in regard to information exchange.

13. University libraries and information centers are guaranteed access to multi-channel, cable, and satellite TV transmissions; students are guaranteed free access to the library television sets and monitors that transmit international programs by cable and satellite television.

14. Of the total funds allocated by the university budget to stock the library and information centers, not less than half those funds shall be used for stocking the library and information centers with foreign books, magazines, newspapers, and other printed matter.

15. No special privileges are allowed to any category of users of the university libraries and information centers.

Article 25. The minimal-standard rule

ПРИЛОЖЕНИЯ

New member countries may join this Convention if the conditions presented in Articles 19-24 can be fulfilled by at least 15 percent of the state establishments of higher education (universities) in the country.

Part V. THE INFRASTRUCTURE OF INTELLECTUAL FREEDOM

Article 26. Books and other printed information sources

1. Import, export, and other means of delivering books and other sources of information in the member countries are free.

2. Pre-sale censorship of books and other sources of information, including hidden or indirect censorship, is not permitted.

3. The sale of foreign books, magazines, newspapers, and other sources of information shall not be subject to legal, political, or administrative restrictions.

4. Individual (personal) sending of books and other sources of information by any kind of postal service must not be taxed.

5. Taking books and other sources of information through border customs must not be restricted by any taxes.

6. Book publishing must not be taxed by more than 15 percent of the publisher's total income.

7. In regard to publishing books and other sources of information, copyright protection is guaranteed in accordance with the requirements of national and international law.

Article 27. Sale of foreign books with humanitarian, philosophical, academic, scientific or other content

1. The member countries are obligated to create and extend a network of specialized bookshops with the purpose of providing free trade in foreign books having content on humanitarian, philosophical, academic, or scientific themes.

2. These bookshops may be privately owned or state owned; in any case, maximally favorable conditions in regard to the imposition of customs or other taxes, in regard to the renting of space, etc., must be created for their efficient work.

3. If during one year after a country joins this Convention the market situation in the country does not permit the opening of such bookshops on a commercial basis, then the member country shall open and operate such bookshops through the state budget.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

4. Each member country assumes the obligation to open such bookshops in the ratio of one bookshop for each five million people in the population, and the obligation to permit in each bookshop a selection of at least one thousand titles.

5. The bookshop in the national capital must have not less than ten thousand various titles that are permanently offered for open sale.

6. Buyers must have free access to the bookshelves in each such bookshop.

7. The member countries bear no obligations set in Paragraph 4 and 5 if similar bookshops have already been established.

8. The member countries guarantee that their book-selling network and library collectors shall have access to a system of international order and delivery of books through the help of the catalog 'Books in Print' or through some equivalent system.

Article 28. Freedom of information exchange in electronic networks

1. The member countries acknowledge each individual's right to use any electronic facilities (e.g., cable, satellite, etc.) for transmitting information, whether those facilities exist now or appear in the future.

2. Any facilities and equipment for information that are available on the open international market are permitted for free sale in any of the member countries.

3. Freedom to use the Internet and other general-purpose information systems (networks) and guarantees against interference in that use are provided for all private juridical and physical persons whose use of the Internet and such other systems is entitled to privacy.

4. Freedom to use the Internet and other general-purpose information systems (networks) and guarantees against interference in that use are also provided for state organs and for juridical persons that are not restricted by official obligations to protect state and other legal secrets.

5. Any temporary cancellation of, or restriction on, the freedom and guarantees mentioned in Paragraphs 3 and 4 of this Article as they apply to users may be imposed only on a decision of an independent court and must be based on legal grounds.

6. The member countries agree to permit their citizens and juridical persons free trade in existing national or international markets of informative technologies and facilities for transmitting data, and they agree that this trade shall not be restricted on the basis of national security.

7. Copyright protection in the sphere of information technologies and electronic and other transmitting systems (networks) is guaranteed.

ПРИЛОЖЕНИЯ

8. Any conflicts between the provisions of this Convention and the rules or standards relating to national and international copyrights shall be resolved in favor of the author's right.

Article 29. Antennas for television and radio reception

1. The member countries guarantee free trade of television and radio antennas of unlimited sensitivity and complexity.

2. The member countries guarantee the use of the equipment mentioned in Paragraph 1, with the aim of receiving information for physical and juridical persons.

3. Any juridical and/or physical persons have the right to uninhibited trade in antennas and similar reception equipment available on the open international market and have the right to carry such antennas and equipment across national borders.

Article 30. Prohibition of jamming television and radio transmissions

1. The member countries accept the obligation to not use jamming facilities against any internal and foreign television and radio transmissions, whether state, private or opposition transmissions.

2. Under conditions of emergency or martial state, a member country may limit the application of Paragraph 1, but not before the emergency or the martial state is declared.

Article 31. Prohibition of a monopoly in communication services

1. The member countries reject any state monopoly in the delivery of postal, telephonic, telegraphic, television, radio, and similar communication services.

2. The prohibition imposed by Paragraph 1 also implies prohibition of granting special privileges or advantages to particular national, international, or foreign corporations, firms, establishments, or organizations that deal in communication services on a commercial or noncommercial basis.

Part VI. CONCLUSIONS

1. The member countries agree to provide the legislative and administrative enactments necessary to implement this Convention and to provide the proper conditions for its implementation.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

2. The member countries are obligated to facilitate public access to information on the status of this Convention and on its implementation; each member country guarantees to acknowledge those persons and groups that support the Convention and circulate information to this end.

3. The provisions of this Convention must not be interpreted in such a way as to weaken existing national legal guarantees concerning issues addressed by this Convention, or in such a way as to weaken provisions that implement better guarantees.

4. The member countries are obligated to promote the provisions of this Convention in the framework of decisions made by international organizations that include the member countries.

5. The member countries guarantee the conditions needed to enable persons or groups to realize their rights and freedoms according to the provisions of the Convention, without any discrimination based on citizenship, place of residence, registration, or place the rights and freedoms stipulated by this Convention are exercised.

БИБЛИОГРАФИЯ

Adorno T. *The Authoritarian Personality*. – N. Y.: Harper and Brothers, 1950.

Alpers S. *Style Is What You Make It // The Concept of Style*. – Ithaca and London: Cornell University Press, 1987.

Arendt H. *The Origins of Totalitarianism*. – N. Y.: A Harvest Book, 1973.

Bains P. *Subjectless Subjectivities // A Shock to Thought*. – London: Routledge, 2002.

Balthus. *Vanished Splendors: A Memoir*. – N. Y.: Harper Collins Publishers, 2002.

Barthes R. *Camera Lucida*. – London: Vintage, 1993.

Barzun J. *From Down to Decadence*. – N. Y.: Harper Collins Publishers, 2000.

Baudrillard J. *Impossible Exchange*. – London: Verso, 2001.

Baudrillard J. *Seduction*. – N. Y.: St. Martin's Press, 1990.

Baudrillard J. *The Precession of Simulacra // A Postmodern Reader*. – USA: State University of New York Press, 1993.

Bauman Z. *Postmodernity, or Living with Ambivalence // A Postmodern Reader*. – USA: State University of New York Press, 1993.

Bayer T. *Cassirer's Metaphysics of Symbolic Forms*. – New Haven and London: Yale University Press, 2001.

Beck U. *Risk Society*. – London: Sage Publications, 1997.

Beck U. *What is Globalization?* – UK: Polity Press, 2000.

Bell D. *The Cultural Contradictions of Capitalism*. – N.Y.: Basic Books, 1997.

Bell D. *The End of Ideology*. – Illinois: The Free Press, 1960.

Bell J. *What Is Painting?* – N. Y.: Thames and Hudson, 1999.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

- Bergson H. *The Creative Mind*. – N. Y.: Citadel Press, 1974.
- Berlin I. *Four Essays on Liberty*. – N. Y.: Oxford University Press, 1986.
- Bertens H. *The Postmodern Wetanschanung and Its Relation to Modernism: An Introductory Survey // A Postmodern Reader*. – USA.: State University of New York Press, 1993.
- Boas F. *Liberty among Primitive People // Freedom, It's Meaning*. – London: George Allen, 1942.
- Braidotty R. *Nomadic Subject*. – N. Y.: Columbia University Press, 1994.
- Bronowski J. *The Origins of Knowledge and Imagination*. – New Haven and London: Yale University Press, 1978.
- Bryce J. *Modern Democracies*. Vol. 2. – London: Macmillan, 1921.
- Brzezinski Z. *Out of Control*. – N. Y.: 1993.
- CALEA – Закон про сприяння правоохоронним органам у галузі комунікацій // *Свобода висловлювань і приватність*, № 2, 1999.
- Cassirer E. *The Philosophy of Symbolic Forms*. Vol. 1. – New Haven and London: Yale University Press, 1955.
- Cassirer E. *The Philosophy of Symbolic Forms*. Vol. 2. – New Haven and London: Yale University Press, 1955.
- Cassirer E. *The Philosophy of Symbolic Forms*. Vol. 3. – New Haven and London: Yale University Press, 1957.
- Cassirer E. *The Philosophy of Symbolic Forms*. Vol. 4. – New Haven and London: Yale University Press, 1996.
- Civil Right Decisions of the United States Supreme Court. The 20-th Century*. San Diego, California: Excellent Books, 1994.
- Collingwood R. *The Principles of Art*. – USA: Oxford University Press, 1958.
- Corradini B., Settimelli E. *Weights, Measures and Pieces of Artistic Genius – Futurist Manifesto 1914 // Futurist Manifestos*. – Boston: MFA Publications, 1973.
- Csikszentmihalyi M. *Creativity*. – N. Y.: Harper Perennial, 1997.
- Dahl R. *Dilemmas of Pluralist Democracy*. – New Haven and London: Yale University Press, 1982.
- Danto A. *Philosophizing Art*. – USA: University of California Press, 1999.
- De Lempicka-Foxhall, Kizette, Baroness. – *Passion by Design*. – N. Y.: Abbeville Press, 1987.
- Dertouzos M. *What Will Be: How the New World of Information Will Change Our Lives*. – San Francisco: Harper Collins, Harper Edge, 1997.
- Dewey J. *Freedom and Culture*. – N. Y.: Capricorn Books, 1963.
- Dewey J. *The Essential Writings*. – N. Y.: Harper Torch Books, 1977.

БИБЛИОГРАФИЯ

Dissanayake E. What Is Art For? – Seattle and London: University of Washington Press, 2002.

Drucker P. Post-Capitalist Society. – USA: Harper Business, 1993.

Dworkin R. A Matter of Principle. – USA: Harvard University Press, 1985

Dworkin R. Law's Empire. – USA: Harvard University Press, 1997.

Easton D. A System Analysis of Political Life. – Chicago: University of Chicago Press, 1965.

Einstein A. Freedom and Science // Freedom, It's Meaning. – London: George Allen, 1942.

Einstein A. Out of My Later Years. – London: Thames and Hudson, 1950.

Ellul J. The Technological Society. – N. Y.: Vintage Books, 1964.

Etzioni A. The Active Society. – N. Y.: The Free Press, 1968.

Eve-Marie Engels. Erkenntnis als Anpassung? Eine Studie zur evolutionären Erkenntnistheorie . – Frankfurt, 1989.

Farrow M. What Falls Away. – USA: Bantam Books, 1997.

Ferguson A. An Essay on the History of Civil Society. – Edinburgh: Duncan Forbes, 1966.

Ferre F. Philosophy of Technology. – USA: University of Georgia Press, 1995.

Feyerabend P. Against Method. – N. Y.: Verso, 2001.

Feyerabend P. Killing Time. – Chicago and London: University of Chicago Press, 1995.

Feyerabend P. Conquest of Abundance. – Chicago and London: University of Chicago Press, 1989.

Freedom of the Press Decisions of the United States Supreme Court. – San Diego, California: Excellent Books, 1996.

Freedom of Speech Decisions of the United States Supreme Court. – San Diego, California: Excellent Books, 1996.

Friedman T. The Lexus and the Olive Tree. – N. Y.: Anchor Books, 2000.

Fukuyama F. Great Disruption. – London: Profile Books, 1999.

Fukuyama F. The End of History and the Last Man. – N. Y.: The Free Press, 1992.

Fukuyama F. Trust. – London: Penguin Books, 1996.

Gray J. Enlightenment's Wake. – London: Routledge, 1995.

Habermas J. Between Facts and Norms. – Cambridge, Ma. : MIT Press, 1998.

Habermas J. Modernity versus Postmodernity // A Postmodern Reader. – USA: State University of New York Press, 1993.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Hassan I. *Toward a Concept of Postmodernism // A Postmodern Reader.* – USA: State University of New York Press, 1993.

Havel V. *Open Letters.* – N. Y.: Vintage Books, 1992.

Hawking S. *A Brief History of Time.* – N. Y.: Bantam Books, 1998.

Hayek F. *Law, Legislation and Liberty. Vol. 3.* – Chicago: The University of Chicago Press, 1979.

Hayek F. *The Constitution of Liberty.* – Chicago: The University of Chicago Press, 1960.

Heller A. *Existentialism, Alienation, Postmodernism: Cultural Movement as Vehicles of Change in the Pattern of Everyday Life // A Postmodern Reader.* – USA: State University of New York Press, 1993.

Hofstadter A. *Interpretation of Two Works of Art // The Concept of Style.* – Ithaca and London: Cornell University Press, 1987.

Huntington S. *The Clash of Civilizations.* – N. Y.: A Touchstone Book, 1997.

Hutcheon L. *Beginning to Theorize Postmodernism // A Postmodern Reader.* – USA: State University of New York Press, 1993.

Huyssen A. *Mapping the Postmodern // A Postmodern Reader.* – USA.: State University of New York Press, 1993.

Ivanenko L. *Mass Simulation Games as a Social Management Tool // Cybernetics, Vol. 23.* – N. Y.: November – December 1987 / July 1988.

Kagan R. *On Paradise and Power.* – N. Y.: Alfred A. Knopf, 2003.

Kommers R., Thompson W. *Fundamentals in the Liberal Constitutional Tradition // Constitutional Policy and Change in Europe.* – N.Y.: Oxford University Press, 1995.

Leaming B. *Polanski, His Life and Films.* – N. Y.: Simon and Schuster, 1981.

Lipset S. *Historical Traditions and National Characteristics: A Comparative Analysis of Canada and the United States // Canadian Journal of Sociology. Vol. II. # 2,* 1985.

Luria S. *Foreword // Bronowski J. The Origins of Knowledge and Imagination.* – New Haven and London: Yale University Press, 1978.

Lyotard J.-F. *Exceptions from the Postmodern Condition: A Report on Knowledge // A Postmodern Reader.* – USA: State University of New York Press, 1993.

Malinowski B. *Freedom and Civilization.* – London: George Allen, 1947.

Marinetti F. *Destruction of Syntax-Imagination Without Strings – Words-in-Freedom 1913 // Futurist Manifestos.* – Boston: MFA Publications, 1973.

Marinetti F.T. *The Founding and Manifesto of Futurism 1909 // Futurist Manifestos.* – Boston: MFA Publications, 1973.

БИБЛИОГРАФИЯ

McMahon M. *Beauty: Machinic Repetition in the Age of Art // A Shock to Thought*. – London: Routledge, 2002.

Meyer L. *Toward a Theory of Style // The Concept of Style*. – Ithaca and London: Cornell University Press, 1987.

Milosz C. *Milosz's ABC's*. – N. Y.: Farrar Straus and Giroux, 2002.

Milosz C. *Native Realm*. – N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2002.

Milosz C. *The Land of Ulro*. – N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2000.

Milosz C. *Visions from San Francisco Bay*. – N. Y.: 1983.

Mosca G. *The Ruling Class*. – USA: Greenwood Press, 1980.

Mumford L. *Technics and Civilization*. – N. Y.: A Harbinger Book, 1963.

Murphie A. *Putting the Virtual Back into VR // A Shock to Thought*. – N. Y.: Routledge, 2002.

Murray E. *The Symbolic Uses of Politics*. – Urbana-Chicago: University of Illinois Press. – 1985.

National Standards for Civics and Government. – USA: Center for Civic Education, 1994.

Novak M. *The Spirit of Democratic Capitalism*. – London: IEA Unit, 1991.

Outline the US Government. – USA: Office of International Information Programs, United States Department of State, 1989.

Polanyi K. *The Great Transformation*. – Boston: Beacon Press, 1964.

Rawls J. *A Theory of Justice*. – N. Y.: Oxford University Press, 1973.

Rechyt'skiy V. *International Convention on Protection of Intellectual Freedom (a draft)*. – Kharkiv: Folio, 2001.

Rechyt'skiy V. *Legal Scholarship and the Ukrainian Higher Certification Commission (the VAK) // The Fulbright Program in Ukraine in 2004*. – Kyiv-Washington: 2004.

Revel J.-F. *Democracy Against Itself*. – USA: The Free Press, 1993.

Riesman D. *The Lonely Crowd*. – N. Y.: Doubleday Anchor Books, 1953.

Russell B. *Authority and the Individual*. – N. Y.: Simon and Shuster, 1949.

Santayana G. *The Sense of Beauty*. – N. Y.: Dover Publications, 1955.

Sartori G. *Democratic Theory*. – Westport: Greenwood Press, 1973.

Schumpeter J. *Capitalism, Socialism and Democracy*. – London: George Allen, 1976.

Searle J. *Mind, Language and Society*. – N. Y.: Basic Books, 1999.

Shaviri S. *Beauty Lies in the Eye // A Shock to Thought*. – London: Routledge, 2002.

Shymborska W. *Mozliwosci // Pod Jedna Gwiazdka*. – Львів: Каменярь, 1997.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Slemon S. *Modernism's Last Post // A Postmodern Reader*. – USA: State University of New York Press, 1993.

Sokolewicz W. *The Relevance of Western Models for Constitution Building in Poland // Constitutional Policy and Change in Europe*. – N. Y.: Oxford University Press, 1995.

Spencer H. *The Man Versus the State*. – USA: Indianapolis, 1981.

Strawson G. *Mental Reality*. – London-Cambridge: A Bradford Book, MIT Press, 1994.

Talmon J. *Political Messianism*. – London: Secker and Warburg, 1960.

Terpstra B. *A Note on the Editing // Feyerabend P. Conquest of Abundance*. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1999.

The Simon Weil Reader. – London: Moyer Bell, 1999.

Tocqueville A. *Democracy in America. Vol. 1*. – N. Y.: Arlington House, 1973.

Toffler A. *The Third Wave*. – N. Y.: Bantam Books, 1994.

Torres L., Komhi M. *What Art Is: The Esthetic Theory of Ayn Rand*. – USA: Open Court, 2000.

Trigg R. *Philosophy Matters*. – USA: Blackwell Publishers, 2002.

Wallas G. *Human Nature in Politics*. – London: Constable and Company, 1910.

Walzer M. *On Toleration*. – New Haven and London: Yale University Press, 1997.

What Art Is: The Esthetic Theory of Ayn Rand. – USA: Open Court, 2000.

Wittgenstein L. *Culture and Value*. – USA: The University of Chicago Press, 1984.

Zagala S. *Aesthetics: Place I've Never Seen // A Shock to Thought*. – London: Routledge, 2002.

Автономова Н. *Впечатления из Бостона // Вопросы философии, № 5, 1999*.

Агацци Э. *Нравственность и наука: этическое измерение в науке и технологии*. – М.: МФФ, 1998.

Агеев М. *Роман с кокаином*. – М.: Художественная литература, 1990.

Агг А. *Мир человека как субъекта производства*. – М.: Прогресс, 1984.

Адамович Г. *Зинаида Гиппиус // Гиппиус З. Живые лица*. – СПб.: Азбука, 2001.

Адлер А. *Индивидуальная психология // История зарубежной психологии (30–60-е годы XX века). Тексты*. – М.: МГУ, 1986.

БИБЛИОГРАФІЯ

Адорно Т. Вступ до «творів» Беньяміна // Беньямін В. Вибране. – Львів: Літопис, 2002.

Адорно Т. Проблемы философии морали. – М.: Республика, 2000.

Адорно Т. Философия новой музыки. – М.: Логос, 2001.

Адорно Т. Эстетическая теория. – М.: Республика, 2001.

Азаров Н. В. И. Ленин о политике как общественном явлении. – М.: Высшая школа, 1975.

Алексеев Г. Энергоэнтропика, кибернетика и ноосфера // Кибернетика и ноосфера. – М.: Наука, 1986.

Ален. Суждения. – М. Республика, 2000.

Американська демократія. – США: Сучасність, 1990.

Американська преса // Вільна преса. – США: Видавництво Інформаційного агентства США, 1992.

Американський уряд судиться з «Google» // Свобода висловлювань і приватність, № 3, 2005.

Амосов Н. Реальности, идеалы и модели // Литературная газета, 5 октября, 1988.

Анархия – это не бизнес-план: практические указания о том, как поставит СМИ на деловую основу. Обсуждение за круглым столом // Глобальные проблемы. Печатная версия электронного журнала Государственного департамента США, № 1, февраль, 2003.

Антонюк З. Про чистоту і простоту // Листи з волі. – Київ: Сфера, 1999.

Апинян Т. Игра в пространстве серьезного. Игра, миф, ритуал, сон, искусство и другие. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2003.

Арендт Х. Vita Activa или о деятельной жизни. – СПб.: Алетея, 2000.

Аристотель. Политика. – М.: 1893.

Арон Р. Демократия и тоталитаризм. – М.: Текст, 1993.

Артамонова О., Гаташ В. Зруйнувати інтелектуальну тюрму // Дзеркало тижня, № 9, 2002.

Арто А. Театр и его двойник. – М.: Мартис, 1993.

Баблюк З., Булавина Т. Джудит Батлер: гендер как маскарад идентификаций // Теория и история феминизма. – Харьков: ХЦГИ, Ф-Пресс, 1996.

Бакунин М. Философия, социология, политика. – М.: Правда, 1989.

Бамстед Р. Право знати // Вільна преса. – США: Видавництво Інформаційного агентства США, 1992.

Барлоу Д. Декларация независимости киберпространства // Информационное общество. – М.: Изд-во АСТ, 2004.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

- Барт Р. S/Z. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. – М.: Изд-во Сабашниковых, 2004.
- Барт Р. Фрагменты речи влюбленного. – М.: Ad Marginem, 1999.
- Батай Ж. Внутренний опыт. – СПб.: АХИОМА, 1997.
- Батай Ж. Литература и зло. – М.: МГУ, 1992.
- Бауман З. Этика постмодерну. – Київ: Port-Royal, 2005.
- Батай Ж. Сад и обычный человек // Маркиз де Сад и XX век. – М.: РИК, 1992.
- Башляр Г. Новый рационализм. – М.: Прогресс, 1987.
- Бек У. Что такое глобализация? – М.: Прогресс-Традиция, 2001.
- Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. – М.: Изд-во НКЮ СССР, 1934.
- Беккет С. Трилогия. – СПб.: Изд-во Чернышева, 1994.
- Беньямин В. Маски времени. Эссе о культуре и литературе. – СПб.: Симпозиум, 2004.
- Беньямін В. Вибране. – Львів: Літопис, 2002.
- Бергман И. Жестокий мир кино. – М.: Вагриус, 2006.
- Бергсон А. Творческая эволюция. – М.: ТЕРРА, 2001.
- Бердяев Н. Русская идея // О России и русской философской культуре. – М.: Наука, 1990.
- Бердяев Н. Философия свободы. Смысл творчества. – М.: Правда, 1989.
- Беренсон М. Конституційні та законодавчі визначення для захисту свободи преси в рамках законодавства США // Судді та журналісти в країнах Східної Європи в період переходу до демократії. – Київ: Freedom House, 1998.
- Бжезинский З. Большой провал. – N. Y.: Publishing House, 1989.
- Бжезинский З. Окончилась ли холодная война? // Международная жизнь, № 10, октябрь, 1989.
- Бжезинський З. Велика шахівниця. – Львів-Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 2000.
- Бжезинський З. Виклики XXI століття і філософська збентеженість, релігійна непевність // День, 7 серпня, 1999.
- Біл М. Система «Echelon» і культ(ура) електронного підслухування // Свобода висловлювання і приватність, № 2, 1999.
- Біла А. Будинок із тіла і голосу // Критика, № 11 (61), 2002.
- Бланшо М. Пространство литературы. – М.: Логос, 2002.
- Блюменберг Г. Світ як книга. – Київ: Лібра, 2005.
- Бовуар С. де. Друга стаття. Т. 1. – Київ: Основи, 1994.
- Бовуар С. де. Друга стаття. Т. 2. – Київ: Основи, 1994.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Богданов А. Наука об общественном сознании. – Петроград: Книга, 1923.
- Богданов А. Очерки всеобщей организационной науки. – Самара: 1921.
- Богданов А. Тектология. Ч. 1. – Л.-М.: Книга, 1925.
- Богораз Л., Даниэль А. В поисках несуществующей науки // Проблемы Восточной Европы, № 37-38, 1993.
- Бодрийар Ж. Америка. – СПб.: Владимир Даль, 2000.
- Бодрийар Ж. К критике политической экономии знака. – М.: Библион, 2003.
- Бодрийар Ж. Прозрачность зла. – М.: Добросвет, 2000.
- Бодрийар Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000.
- Бодрийар Ж. Система вещей. – М.: Рудомино, 2001.
- Бодрийар Ж. Соблазн. – М.: Ad Marginem, 2000.
- Бонапарт Н. Максимы и мысли узника Святой Елены. – СПб.: Азбука, 2000.
- Борн М. Моя жизнь и взгляды. – М.: Прогресс, 1973.
- Брентано Ф. О происхождении нравственного познания. – СПб.: Алетейа, 2000.
- Брод М. Франц Кафка. Узник абсолюта. – М.: Центрполиграф, 2003.
- Бродель Ф. Игры обмена. – М.: Прогресс, 1989.
- Бродель Ф. Время мира. – М.: Прогресс, 1992.
- Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. – М.: Прогресс, 1986.
- Бродин М., Блонский И. 3 позиций трюх «Д» // Дзеркало тижня, № 2, 19 січня, 2002.
- Бродский И. В мире изящной словесности // Америка, № 426, май, 1992.
- Бродский И. Поклониться тени. – СПб.: Азбука, 2001.
- Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского. Том VII. – СПб.: Пушкинский фонд, 2001.
- Бунтман Н. Вместо предисловия // Кокто Ж. В трех томах с рисунками автора. – М.: Аграф, 2001.
- Бьюкенен П. Смерть Запада. – М.: Изд-во АСТ, 2003.
- Бэнде Ж., Гу Ж. Сумерки гуманизма // День, № 72, 18 апреля, 2002.
- Бюлетень Бюро інформації Ради Європи в Україні, № 10, 2003.
- Вайда А. Бесстрашие памяти. – Огонек, № 5, 1989.
- Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. – USA: Ardis, Ann Arbor, 1988.
- Вайнгарт П. Социальная оценка науки или деинституционализация

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

науки как профессии? // Социальные показатели в системе научно-технической политики. – М.: Прогресс, 1987.

Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социально-го взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987.

Вайнцвайг П. Десять заповедей творческой личности. – М.: Прогресс, 1990.

Валери П. Об искусстве. – М.: Искусство, 1993.

Васильев А. Право и перестройка // Советское государство и право, № 9, 1987.

Вдовик Ю. Свобода печати и цензура // Мемориал, № 20, 2000.

Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990.

Вейкфилд Д. Обличья людства. Роздуми про свідомість // Світ науки, № 4(10), 2001.

Вейль С. Укорінення. Лист до клірика. – Київ: Дух і літера, 1997.

Вернадский В. Научная мысль как планетное явление. – М.: Наука, 1991.

Вернадский В. Философские мысли натуралиста. – М.: Наука, 1988.

Вертинский А. Дорогой длинной. – М.: Правда, 1991.

Вико Д. Основания новой науки об общей природе наций. – Москва-Киев: REFL-book, 1994.

Винер Н. Кибернетика и общество. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1958.

Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине. – М.: Наука, 1983.

Винер Н. Творец и робот. – М.: Прогресс, 1966.

Винер Н. Я – математик. – М.: Наука, 1967.

Витаньи И. Общество, культура, социология. – М.: Прогресс, 1984.

Витгенштейн Л. Философские исследования // Языки как образ мира. – М.-СПб.: Изд-во АСТ, 2003.

Витгенштейн Л. Философские работы. Часть. 1. – М.: Гнозис, 1994.

Вишневский Ю., Коган Л. Очерки теории социалистической культуры. – Свердловск: 1972.

Вінценз А. Краків – місто серединне // Ї, № 9, 1997.

Вовенарг Л. К. Размышления и максимы. – Л.: Наука, 1988.

Воззвание Тегеранской конференции // Права человека. Сборник международных договоров. – Нью-Йорк: Изд-во ООН, 1989.

Войтенко В. Місце на глобусі між ритуалами і правилами // День, № 103, 13 червня, 2001.

Ву У. Журналистика и доверие общества // Глобальные проблемы. Печатная версия электронного журнала Государственного департамента США, № 1, 2003.

БИБЛИОГРАФІЯ

- Вулф В. Власний простір. – Київ: Альтернативи, 1999.
- Выготский Л. Психология искусства. – СПб.: Азбука, 2000.
- Вятр Е. Социология политических отношений. – М.: Прогресс, 1979.
- Вятр С. Політична культура в середній Європі. Чи існує культурна ідентичність у переході від Сходу до Заходу // *Ї*, № 9, 1997.
- Габермас Ю. Структурні перетворення у сфері відкритості. – Львів: Літопис, 2000.
- Гавел В. Путь без насилия // *Известия*, 24 февраля, 1990.
- Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного. – М.: Искусство, 1991.
- Гадамер Х.-Г. Истина и метод. – М.: Прогресс, 1988.
- Галтунг И. Истинные миры. Трансформация пространства // *Впереди XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи*. – М.: Academia, 2000.
- Ганс Э. Предисловие издателя // Гегель Г. В. Ф. Философия истории. – М.: Наука, 1993.
- Гарднер Д. К самообновляющемуся обществу // *Америка*, май, 1971.
- Гегель Г. В. Ф. Политические произведения. – М.: Наука, 1978.
- Гегель Г. В. Ф. Философия истории. – М.: Наука, 1993.
- Гегель Г. В. Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990.
- Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. – М.: Наука, 1989.
- Гейзенберг В. Шаги за горизонт. – М.: Прогресс, 1987.
- Гейл М. Будущее будущего // *Впереди XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи*. – М.: Academia, 2000.
- Гейтс Б. Бизнес со скоростью мысли. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
- Гелен А. О систематике антропологии // *Проблема человека в западной философии*. – М.: Прогресс, 1988.
- Гельвеций К.-А. Сочинения в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1974.
- Гендерсон Г. Парадигмы прогресса // *Впереди XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи*. – М.: Academia, 2000.
- Гессе Г. Брати Карамазови чи сумерк Європи // *Ї*, № 7, 1996.
- Гессе Г. Письма по кругу. – М.: Прогресс, 1987.
- Гессе Г. Степной волк. – СПб.: Азбука-классика, 2005.
- Гилберт Н., Малкей М. Открывая ящик Пандоры. – М.: Прогресс, 1987.
- Гиппиус З. Живые лица. – СПб.: Азбука, 2001.
- Глазычев В. Эволюция творчества в архитектуре. – М.: Стройиздат, 1986.
- Глузман С. Згода в психіатрії // *Листи з волі*. – Київ: Сфера, 1999.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

- Говорит и рассказывает Марк Захаров // Известия, 12 мая, 1992.
- Голдберг С. Доступність інформації для громадськості // Доповідь про свободу, № 6. – Відень: Інформаційне агентство США.
- Гольбах П.-А. Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1963.
- Гольбах П.-А. Избранные произведения. В 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1963.
- Гомбрович В. Щоденник. Т. 1. – Київ: Основи, 1999.
- Гомбрович В. Щоденник. Т. 2. – Київ: Основи, 1999.
- Гомбрович В. Щоденник. Т. 3. – Київ: Основи, 1999.
- Горбулін В. Монолог про демократію // Політика і культура, № 3, 2002.
- Грабович Г. Модель «Культури» // Критика, № 1-2 (100), 2006.
- Грабович Г. Пам'яті Омеляна Прицака // Критика, № 12 (110), 2006.
- Грин Г. Путешествие без карты. – М.: Прогресс, 1989.
- Гу Ж.-Ж., Бэнде Ж. Сумерки гуманизма // День, № 72, 18 апреля, 2002.
- Гувер Г. Радость рыбалки // Америка, № 1, январь, 1986.
- Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985.
- Гумилев Л. География этноса в исторический период. – Л.: Наука, 1990.
- Гунчак Т. Україна: перша половина ХХ століття. Нариси політичної історії. – Київ: Либідь, 1993.
- Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.
- Гуссерль Э. Начало геометрии. – М.: Ad Marginem, 1996.
- Дайсон Ф. Оружие и надежда. – М.: Прогресс, 1990.
- Данилюк І., Мартинюк В. Випробування часом // Роменець В. Психологія творчості. – Київ: Либідь, 2001.
- Данэм Б. Герои и еретики. – М.: Прогресс, 1967.
- Дарендорф Р. После 1989. Мораль, революция и гражданское общество. – М.: Ad Marginem, 1998.
- Де Сальвиа М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящиеся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
- Девіс С. Перетворення Британії у державу стеження // Свобода висловлювань і приватність, № 2, 2002.
- Девіс С. Час для байту приватності // Свобода висловлювань і приватність, № 2, 1999.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Дезами Т. Кодекс общности. – М.: АН СССР, 1956.
- Дейвис П. Как познать природу? // За рубежом, № 20, 1992.
- Декларация о праве на развитие // Права человека. Сборник международных договоров. – Нью-Йорк: Изд-во ООН, 1989.
- Декларация об основных принципах, касающихся вклада средств массовой информации в укрепление мира и международного взаимопонимания, в развитие прав человека и в борьбу против расизма и апартеида и подстрекательства к войне // Права человека. Сборник международных договоров. – Нью-Йорк: Изд-во ООН, 1989.
- Декларация прав ребенка // Права человека. Сборник международных договоров. – Нью-Йорк: Изд-во ООН, 1989.
- Декларация принципов международного культурного сотрудничества // Права человека. Сборник международных договоров. – Нью-Йорк: Изд-во ООН, 1989.
- Делез Ж. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. – М.: ПЕРСЭ, 2000.
- Делез Ж. Мишель Турнье и мир без будущего // Турнье М. Пятница или тихоокеанский лимб. – СПб.: Амфора, 1999.
- Демпси Д., Вайцнер Д. Интернет є унікальним засобом розвитку демократії, якщо він захищений від урядового контролю // Свобода висловлювань і приватність, № 1, 1999.
- Деррида Ж. Введение // Гуссерль Э. Начало геометрии. – М.: Ad Marginem, 1996.
- Деррида Ж. Письмо и различие. – М.: Академический проект, 2000.
- Джоб П. Украина – это центр Европы // Столичные новости, 14-20 мая, 2002.
- Джойс Д. Улисс. – М.: Республика, 1993.
- Джонстон Р. География и географы. – М.: Прогресс, 1987.
- Дзэммаро Т. В сумерки // Лунные блики. – М.: Наука, 1991.
- Дзюба І. Спрага. – Київ: Український світ, 2001.
- Довженко А. Из записных книжек // Огонек, № 43, 1987.
- Дойч Д. Структура реальности. – Ижевск: 2001.
- Документ Копенгагенської наради Конференції з питань людського виміру НБСЕ // Права людини в Україні. Інформаційно-аналітичний бюлетень Українсько-Американського бюро захисту прав людини. Випуск 21. – Київ: 1998.
- Документ Московської наради Конференції з питань людського виміру НБСЕ // Права людини в Україні. Інформаційно-аналітичний бюлетень Українсько-Американського бюро захисту прав людини. Випуск 21. – Київ: 1998.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

- Дьюи Д. Общество и его проблемы. – М.: Идея-Пресс, 2002.
- Дьюи Д. Реконструкция в философии. – М.: Логос, 2001.
- Дэвис О., Сетрон М. Тенденции, потрясшие мир // Впереди XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи. – М.: Academia, 2000.
- Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Русская версия. Публикация Совета Европы. – СПб.: Манускрипт, 1996.
- Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. – М.: Изд-во НОРМА, 2000.
- Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 2. – М.: Изд-во НОРМА, 2000.
- Європейська конвенція з прав людини // Права людини в Україні. Інформаційно-аналітичний бюлетень Українсько-Американського бюро захисту прав людини. Випуск 21. – Київ: 1998.
- Еко У. Роль читача. Дослідження з семіотики текстів. – Львів: Літопис, 2004.
- Ейсі М. Британський парламент проти Європейської системи стеження в Інтернеті // Свобода висловлювань і приватність, № 2, 1999.
- Жеплінський А. Свобода висловлювань і захист інформації, що загрожує національній безпеці і правопорядку у рішеннях органів Конвенції про захист прав людини та основних свобод // Свобода висловлювань і приватність, № 4, 2000.
- Жеребкіна І. Женское политическое подсознательное. – Харьков: Ф-Пресс, 1996.
- Жеребкіна І. Кто боится феминизма в бывшем СССР? // Femina Postsovietica. Украинская женщина в переходный период: от социальных движений к политике. – Харьков: ХЦГИ, 1999.
- Жигульский К. Праздник и культура. – М.: Прогресс, 1985.
- Жид А. Фальшивомонетчики. – СПб.: Амфора, 1999.
- Жижек С. Возвышенный объект идеологии. – М.: Художественный журнал, 1999.
- Жижек С. Метастази насолоди. – Київ: Альтернативи, 2000.
- Журженко Т. Бизнесмен: стяжатель, игрок или творец? – Харьков: Основа, 1993.
- Захаров Є. Держава боїться Інтернету. Тому, що Інтернетові не потрібні держави? // Свобода висловлювань і приватність, № 1, 1999.
- Захаров Е., Речицкий В. Информационная безопасность или опасность отставания? // Зеркало недели, № 18(342), 2001.
- Згуровский М. Определение университетских рейтингов – составляющая евроинтеграции в образовательной сфере // Зеркало недели, № 28(607), 22 июля, 2006.

БИБЛИОГРАФИЯ

Зельдмайр Г. Искусство и истина: Теория и метод истории искусства. – СПб.: АХИОМА, 2000.

Зиновьев А. Зияющие высоты. Т. 2. – М.: Изд-во ПИК, 1990.

Зонтаг С. Мысль как страсть. – М.: Русское феноменологическое общество, 1997.

Зонтаг С. Поклонник вулканов. – М.: Новости, 1999.

Зонтаг С. Про фотографію. – Київ: Основи, 2002.

Зэлдин Т. Все о французах. – М.: Прогресс, 1989.

Зюскинд П. Парфюмер. – СПб.: Азбука, 1999.

Иваненко Л. Массовые имитационные игры как средство социального управления // Кибернетика, № 6, 1987.

Иванов Д. Общество как виртуальная реальность // Информационное общество. – М.: Изд-во АСТ, 2004.

Ивашевская Г. Энигма и адиафора. Цветок нарцисса так же нежен // Липовецки Ж. Эра пустоты. – СПб.: Владимир Даль, 2001.

Иноземцев В. Расколота цивилизация. – М.: Наука - Academia, 1999.

Ионеско Э. Противоядия. – М.: Прогресс, 1992.

Ионин Л. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. – М.: Логос, 2000.

История первобытного общества. Эпоха классообразования. – М.: Наука, 1988.

Иванов В. Правове регулювання Інтернету. Деякі аспекти // Свобода висловлювань і приватність, № 3, 2002.

Інтернет зберігає стародавню традицію підслуховування і підглядання // Свобода висловлювання і приватність, № 2, 2002.

Кавелин К. Наш умственный строй. – М.: Правда, 1989.

Камю А. Бунтующий человек. – М.: Политиздат, 1990.

Кант И. Сочинения. В 6 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1964.

Кант И. Сочинения. В 6 т. Т. 4, ч. 1. – М.: Мысль, 1965.

Каныгин Ю. Основы когнитивного обществоведения. – Киев: 1993.

Кардинале К. Мне повезло. – М.: Вагриус, 1997.

Карп Р. К науке о личности // История зарубежной психологии (30–60-е годы XX в.). Тексты. – М.: МГУ, 1986.

Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. – М.: Гардарика, 1998.

Кедров К. Завещание Моцарта, обращенное в наши дни // Известия, № 251, 19 ноября, 1992.

Кемпбелл Д. ENFOPOL у 1998 році // Свобода висловлювань і приватність, № 2, 1999.

Кертли Д. Правовые основы свободной прессы в США //

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Глобальные проблемы. Печатная версия электронного журнала Государственного департамента США, № 1, 2003.

Кессиди Ф. Послесловие // Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. – М.: Прогресс, 1988.

Кетрін-Хейлз Н. Як ми стали пост-людством. – Київ: Ніка-Центр, 2002.

Кин Д. Демократия и гражданское общество. – М.: Прогресс-Традиция, 2001.

Кириенко С. Принимая вызов исламистов // День, № 46, 13 марта, 2002.

Клодель П. Глаз слушает. – Харьков: Фолио, 1995.

Ковельман А. Историк, или собачье ремесло // Век XX и мир, № 2, 1991.

Кокто Ж. В трех томах с рисунками автора. Т. 1. – М.: Аграф, 2001.

Колаковский Л. Похвала непоследовательности. – Firenze: Edizioni Argo, 1974.

Колівер С. Свобода преси за Європейською Конвенцією про захист прав людини та основних свобод // Свобода висловлювань і приватність, № 3-4, 1999.

Колмогоров А. Автоматы и жизнь // Информационное общество. – М.: Изд-во АСТ, 2004.

Кон Г. Азбука национализма // Проблемы Восточной Европы, № 25-26, 1989.

Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования // Права человека. Сборник международных договоров. – Нью-Йорк: Изд-во ООН, 1989.

Конвенция о международном праве опровержения // Права человека. Сборник международных договоров. – Нью-Йорк: Изд-во ООН, 1989.

Коник Л. ФСБ приглядит за электронной почтой // Свобода висловлювань і приватність, № 1, 1999.

Конституции буржуазных государств. – М.: Юридическая литература, 1982.

Коппола Ф. Ф. Утопия // Искусство кино, № 4, 1999.

Корі В. Непередбачені наслідки Гельсінкі // Права людини в Україні. Інформаційно-аналітичний бюлетень Українсько-Американського бюро захисту прав людини. Випуск 21. – Київ: 1998.

Корнуэлл Д. Козни дьявола или буйство фантазии // За рубежом, № 11, 1992.

Корсак К. Ще одна загроза – ефект «хоттабізації» // Дзеркало тижня, № 13, 6 квітня, 2002.

БИБЛИОГРАФИЯ

Корчинский Д. Из надкушенных яблок мы сможем соорудить крепость // *День*, № 55, 26 марта, 2002.

Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. – М.: Экономика, 1975.

Коукер К. Сумерки Запада. – М.: Московская школа политических исследований, 2000.

Коэн Р. Социальные последствия современного технического прогресса // *Новая технократическая волна на Западе*. – М.: Прогресс, 1986.

Крачфилд Д., Фармер Д., Паккард Н., Шоу Р. Хаос // *В мире науки*, № 2, 1987.

Креймер Л. Содействие свободным и ответственным СМИ – составная часть американской внешней политики // *Глобальные проблемы*. Печатная версия электронного журнала Государственного департамента США, № 1, 2003.

Крейн І. Концепція толерантності як універсальної категорії еволюції розуму: метапідхід // *Вісник академії наук України*, № 11, 2006.

Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. – М.: РОС-СПЭН, 2004.

Кристева Ю. Самі собі чужі. – Київ: Основи, 2004.

Кропоткин П. Записки революционера. – М.: Мысль, 1990.

Кроче Б. Антология сочинений по философии. – СПб.: Пневма, 1999.

Кудрявцев В. Правовые грани свободы // *Советское государство и право*, № 11, 1989.

Кузнецов В. Понять науку в контексте культуры // *Кун Т. Структура научных революций*. – М.: Изд-во АСТ, 2001.

Кун Т. Структура научных революций. – М.: Изд-во АСТ, 2001.

Кундера М. Прощальный вальс. Бессмертие. – СПб.: Амфора, 1999.

Лазарчук А., Лелик П. Голем хочет жить // *Мир Internet*, № 10, 2001.

Лакан Ж. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/55). – М.: Логос, 1999.

Лакан Ж. Семинары. Книга 1. Работы Фрейда по технике психоанализа (1953/54). – М.: Логос, 1998.

Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции // *Кун Т. Структура научных революций*. – М.: Изд-во АСТ, 2001.

Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // *Кун Т. Структура научных революций*. – М.: Изд-во АСТ, 2001.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Лангер С. Философия в новом ключе: исследование символики разума, ритуала и искусства. – М.: Республика, 2000.

Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М.: Прогресс, 1992.

Лебон Г. Психология толпы // Проблемы Восточной Европы, № 27-28, 1989.

Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998.

Левинас Э. Тотальность и бесконечное: эссе о внешности // Вопросы философии, № 2, 1999.

Леви-Строс К. Путь масок. – М.: Республика, 2000.

Леге Ж.-М. Кого страшит развитие науки? – М.: Знание, 1988.

Ле-Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М.: Прогресс, 1992.

Лем С. Не может быть рая на земле // Огонек, № 13, 1989.

Лем С. Сумма технологии. – М.: Изд-во АСТ, 2002.

Ленем Р. Электронне слово: демократія, технологія та мистецтво. – Київ: Ніка-Центр, 2005.

Ленц З. На грани мира // Литературная газета, 4 января, 1989.

Леонардо да Винчи. О науке и искусстве. – СПб.: Амфора, 2006.

Лефевр В. Алгебра совести. – М.: Когито-центр, 2003.

Лившиц М. Д. Вико // Вико Д. Основания новой науки об общей природе наций. – М.-К.: REFL-book, 1994.

Линч К. Совершенная форма в градостроительстве. – М.: Стройиздат, 1986.

Лиотар Ж.-Ф. Ответ на вопрос: что такое постмодерн? // Ежегодник лаборатории постклассических исследований Института философии РАН. – М.: Ad Marginem, 1994.

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – М.-СПб.: Алетейя, 1988.

Лиотар Ж.-Ф. Феноменология. – СПб.: Алетейя, 2001.

Липовецки Ж. Эра пустоты. – СПб.: Владимир Даль, 2001.

Лисяк-Рудницький І. Між історією й політикою. – Мюнхен: Сучасність, 1973.

Лифарь С. Дягилев. Монография. – СПб.: Композитор, 1993.

Локк Д. Сочинения. В 3-х т. Т. 1. – М.: Мысль, 1985.

Локк Д. Сочинения. В 3-х т. Т. 2. – М.: Мысль, 1985.

Локк Д. Сочинения. В 3-х т. Т. 3. – М.: Мысль, 1988.

Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство. – М.: Республика, 1995.

Лорен Г. Журналист завтрашнего дня // Диалог США, № 47, 1991.

Лоренц К. Агрессия. – М.: Прогресс, 1994.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Лосский Н. Избранное. – М.: Правда, 1991.
- Луман Н. Власть. – М.: Праксис, 2001.
- Луман Н. Общество как социальная система. – М.: Логос, 2004.
- Луман Н. Медиа коммуникации. – М.: Логос, 2005.
- Мабли Г. Избранные произведения. – М.-Л.: АН СССР, 1950.
- Мак Гейл Д. Будущее будущего // Впереди XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи. – М.: Academia, 2000.
- Мамардашвили М. Мысль под запретом // Вопросы философии, № 4, 1992.
- Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. – М.: Логос, 2001. – С. 16.
- Мангейм К. Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление. – М.: Прогресс, 1991.
- Маньковская Н. Эстетика постмодернизма. – СПб.: Алетейа, 2000.
- Мариневич М. Україна: дорога через пустелю. – Харків: Фоліо, 1993.
- Маркарян Э. Теория культуры и современная наука. – М.: Мысль, 1983.
- Маркиз де Кюстин. Николаевская Россия. – М.: Терра, 1990.
- Маркс Д. За: Кодекс 2987 года // Профессиональная этика журналистов. Т. 1. – М.: Галерея, 1999.
- Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1.
- Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3.
- Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23.
- Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34.
- Маркузе Г. Одномерный человек. – М.: REFL-book, 1994.
- Маркузе Г. Разум и революция. – СПб.: Владимир Даль, 2000.
- Матурана У., Варела Ф. Древо познания. – М.: Прогресс-Традиция, 2001.
- Медош А. Європейський Союз спецслужб або що нам відомо про ENFOPOL // Свобода висловлювань і приватність, № 2, 1999.
- Мей К. Інформаційне суспільство. – Київ: К. І. С., 2004.
- Мережковский Д. Большая Россия. – Ленинград: ЛГУ, 1991.
- Мерль Р. Мадрапур. – Київ: ФІТА, 1995.
- Мизес Л. Антикапиталистическая ментальность. – Нью-Йорк: Текс, 1992.
- Миллер С. Психология игры. – СПб., 1999.
- Милош Ч. Личные обязательства. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.
- Минимальные стандартные правила обращения с заключенными // Права человека. Сборник международных договоров. – Нью-Йорк: Изд-во ООН, 1989.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

- Мир философии. Т. 1. – М.: Политиздат, 1991.
- Мир философии. Т. 2. – М.: Политиздат, 1991.
- Михайленко М. Белый стих политической науки в Украине // День, № 41, 2 марта, 2002.
- Михайлов И. Послесловие переводчика // Хайдеггер М., Ясперс К. Переписка 1920-1963. – М.: Ad Marginem, 2001.
- Михайловский А. Поэт возвращения // Юнгер Ф. Ницше. – М.: Праксис, 2001.
- Михед П. Росія у передчутті третього розколу // Сучасність, № 12, 2001.
- Михник А. Героический насмешник // INDEX, № (6)3, 1998.
- Милош Ч. Поневолений розум. – Нью-Йорк: Сучасність, 1985.
- Милош Ч. Придорожній песик. – Львів: Літопис, 2001.
- Міхновський М. Самостійна Україна. – США: Український патріот, 1948.
- Млечин Л. Политическая оппозиция при социализме // Новое время, № 20, 1989.
- Моисеев Н. Зачем дорога, если она не ведет к храму // Иного не дано. – М.: Прогресс, 1988.
- Моль А. Социодинамика культуры. – М.: Прогресс, 1973.
- Монтескье Ш. Избранные произведения. – М.: Госполитиздат, 1955.
- Моргенштерн О., фон Нейман Д. Теория игр и экономическое поведение. – М.: 1970.
- Морелли. Кодекс природы. – М.: АН СССР, 1947.
- Мороз В. Серед снігів. – Сідней, 1971.
- Мэмфорд Л. Техника и природа человека // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986.
- Мэньюэль Ф., Мэньюэль Фр. Утопическое мышление в западном мире // Утопия и утопическое мышление. – М.: Прогресс, 1991.
- Налимов В. Спонтанность сознания. – М.: Прометей, 1989.
- Нанси Ж.-Л. Сегодня // Ежегодник Лаборатории постклассических исследований Института философии РАН. – М.: Ad Marginem, 1994.
- Наполеон Бонапарт. Максимы и мысли узника Святой Елены. – СПб.: Азбука, 2000.
- Нейсбит Д. Мегатренды. – М.: Изд-во АСТ, 2003.
- Нижинский В. Чувство. Тетради. – М.: Вагриус, 2000.
- Нин А. Дневник 1931-1934 гг. Рассказы. – М.: Олимп, 2000.
- Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1990.
- Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1990.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ницше Ф. Так говорил Заратустра. – СПб., 1899.
- Новгородцев П. Об общественном идеале. – М.: Правда, 1991.
- Овидий Н. Наука любить. – М.: Вернисаж, 1992.
- Оден У. Застольные беседы. – М.: Независимая газета, 2003.
- Олкер Х. Волшебные сказки, трагедии и способы изложения мировой истории // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987.
- Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. – М.: Радуга, 1991.
- Ортега-и-Гассет Х. Спортивное происхождение государства // Философская и социологическая мысль, № 6, 1990.
- Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? – М.: Наука, 1991.
- Оссовская М. Рыцарь и буржуа. – М.: Прогресс, 1987.
- Отт-Скоропадська О. Остання з роду Скоропадських. – Львів: Літопис, 2004.
- Паваротти Л. Мой мир. – М.: Вагриус, 1997.
- Павич М. Хазарский словарь. – СПб.: Азбука-Амфора, 1999.
- Павлова-Сильванская М. Польская формула // Литературная газета, 19 июля, 1989.
- Пазюк А. Приватність та Інтернет // Свобода висловлювань і приватність, № 3, 2000.
- Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический проект, 2000.
- Пенроуз Р. Пикассо: Жизнь и творчество. – Минск: Попурри, 2005.
- Перселегин С. Того, что достаточно для Геродота, мало для Герострата... // Лем С. Сумма технологий. – М.: Изд-во АСТ, 2002.
- Петренко Е. Хабермас размышляет о модерне // Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. – М.: Весь мир, 2003.
- Петровский М. Мастер и город. – Киев: Дух и литера, 2001.
- Писарев Д. Исторические эскизы. – М.: Правда, 1989.
- Пискотин М. Социализм и государственное управление. – М.: Наука, 1988.
- Питерс Т., Уотерман Р. В поисках эффективного управления. – М.: Прогресс, 1986.
- Підсумковий документ Віденської зустрічі 1986 року представників держав-учасниць НБСЕ // Права людини в Україні. Інформаційно-аналітичний бюлетень Українсько-Американського бюро захисту прав людини. Випуск 21. – Київ: 1998.
- Плеснер Х. Ступени органического человека // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988.
- Полак Ф. Образ будущего // Впереди XXI век: перспективы,

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

прогнозы, футурологи. – М.: Academia, 2000.

Полан Ж. О счастье в рабстве // Холландер К. Мадам. – Минск: Дайджест, 1992.

Полан Ж. Тарбские цветы или террор в изящной словесности. – СПб.: Наука, 2000.

Поппер К. Нормальная наука и опасности, связанные с ней // Кун Т. Структура научных революций. – М.: Изд-во АСТ, 2001.

Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. – М.: Феникс, 1992.

Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. – М.: Феникс, 1992.

Постмодернизм. Энциклопедия. – Минск: Книжный дом, 2001.

Права людини в Україні. Інформаційно-аналітичний бюлетень Українсько-Американського бюро захисту прав людини. Випуск 21. – Київ: 1998.

Прайс Д. Наука, техника и конституция // Америка, сентябрь, 1987.

Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. – М.: Прогресс, 1986.

Прикінцевий акт наради з питань безпеки та співробітництва в Європі // Права людини в Україні. Інформаційно-аналітичний бюлетень Українсько-Американського бюро захисту прав людини. Випуск 21. – Київ: 1998.

Примечание редактора // Лем С. Сумма технологии. – М.: Изд-во АСТ, 2002.

Профессionalная этика журналистов: в 2 т. Т. 1: Документы и справочные материалы. – М.: Галерия, 1999.

Пугач О. Небезпечні ігри лицарів науки // Дзеркало тижня, № 7, 23 лютого, 2002.

Пятигорский А. Вспомнишь странного человека... – М.: Новое литературное обозрение, 1999.

Пятигорский А. Мышление и наблюдение. – Рига: Liepnieks & Rītips, 2002.

Пятигорский А. Непрерываемый разговор. – СПб.: Азбука-классика, 2004.

Пятигорский А. Философия одного переулочка. – М.: Прогресс, 1992.

Раду Д. Идея культурного прогресса в современном мире. – М.: Прогресс, 1984.

Рамкова конвенція про захист національних меншин та пояснювальна доповідь // Права людини в Україні. Інформаційно-аналітичний бюлетень Українсько-Американського бюро захисту прав людини. Випуск 21. – Київ: 1998.

БИБЛІОГРАФІЯ

Рапп Ф. Нормативные детерминанты технических изменений // Философия техники в ФРГ. – М.: Прогресс, 1989.

Рассел Б. История западной философии. Т. 1. – М.: Миф, 1993.

Рассел Б. История западной философии. Т. 2. – М.: Миф, 1993.

Рассел Б. Почему я не христианин? – М.: Политиздат, 1987.

Рассел Б. Практика и теория большевизма. – М.: Наука, 1991.

Рассел Б. Человеческое познание. – М.: Иностранная литература, 1957.

Резолюція (74) 26 Комітету міністрів Ради Європи «Про право на відповідь» // Бюлетень Бюро інформації Ради Європи в Україні, № 10, 2003.

Резолюція 1003 (1993) Парламентської Асамблеї Ради Європи «Про етичні принципи журналістики» // Бюлетень Бюро інформації Ради Європи в Україні, № 10, 2003.

Резолюція 1276 (1995) Парламентської Асамблеї Ради Європи «Про силу візуальних образів» // Бюлетень Бюро інформації Ради Європи в Україні, № 10, 2003.

Резолюція 2 «Свобода журналістів і права людини» четвертої Європейської конференції «ЗМІ в демократичному суспільстві» в Празі (7-8 грудня 1994 р.) // Бюлетень Бюро інформації Ради Європи в Україні, № 10, 2003.

Рейган Р. Жизнь по-американски. – М.: Новости, 1992.

Рейган Р. Откровенно говоря. – М.: Новости, 1990.

Рейтинги университетов мира // Университеты, № 4(28), 2006.

Рекомендація 1067 (1987) Парламентської Асамблеї Ради Європи «Про культурний вимір мовлення в Європі» // Бюлетень Бюро інформації Ради Європи в Україні, № 10, 2003.

Рекомендація 1276 (1995) Парламентської Асамблеї Ради Європи «Про силу візуальних образів» // Бюлетень Бюро інформації Ради Європи в Україні, № 10, 2003.

Рекомендація R (84) 3 Комітету міністрів Ради Європи «Про принципи телевізійної реклами» // Бюлетень Бюро інформації Ради Європи в Україні, № 10, 2003.

Рекомендація R (89) 7 Комітету міністрів Ради Європи «Про принципи поширення відеозаписів насильницького, жорстокого чи порнографічного змісту» // Бюлетень Бюро інформації Ради Європи в Україні, № 10, 2003.

Рекомендація R (99) 15 Комітету міністрів Ради Європи «Про висвітлення в ЗМІ виборчих кампаній» // Бюлетень Бюро інформації Ради Європи в Україні, № 10, 2003.

Рекомендація Комітету міністрів Ради Європи R (97) 19 «Про показ

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

насильства електронними ЗМІ» // Бюлетень Бюро інформації Ради Європи в Україні, № 10, 2003.

Рекомендація Комітету міністрів Ради Європи R (97) 20 «Про «наклепницькі висловлювання» // Бюлетень Бюро інформації Ради Європи в Україні, № 10, 2003.

Речицкий В. Деловые игры и участие общественности в управлении // Советское государство и право, № 9, 1986.

Речицкий В. Международная конвенция о защите интеллектуальной свободы (проект). – Харьков: Фолио, 2001.

Речицкий В. Международно-правовые гарантии интеллектуальной свободы. Европейская парадигма // Свобода висловлювань і приватність, № 1, 2005.

Речицкий В. Открытость информации как универсальное требование // INDEX, № 20, 2004.

Речицкий В. Политическая активность. Конституционные аспекты. – Киев: Сфера, 1999.

Речицкий В. Правова наука і ВАК // Юридичний вісник України, № 9 (453), 2003.

Речицкий В. Правовая наука и ВАК // Права людини, № 29, 2003.

Речицкий В. Правовые гарантии свободы слова в США // Свобода висловлювань і приватність, № 3, 2004.

Речицкий В. Социальная ценность информации. Конституционный аспект // Законодательство Украины о средствах массовой информации. Материалы научно-практической конференции. – Харьков, 1998.

Речицкий В., Иваненко Л., Кушниров В. Развивающие деловые игры на телеэкранах Украины // Программированное обучение, № 23. – Киев, 1986.

Речицкий В. Відкритість інформації як універсальна вимога // Вісник Національної академії наук України, № 9, 2003.

Речицкий В. Эффект США // Сучасність, № 10, 1996.

Речицкий В. З позицій вільного розуму // Вісник Академії наук Української РСР, № 7, 1990.

Речицкий В. Інтерв'ю // Свобода висловлювань і приватність, № 2, 2003.

Речицкий В. Коментар Харківської правозахисної групи до проекту Закону України «Про інформаційну відкритість органів державної влади та вищих посадових осіб України» // Свобода висловлювань і приватність, № 4, 2000.

Речицкий В. Конституція Європи як модель політичної цивілізації // Критика, № 6, 2005.

БІБЛІОГРАФІЯ

Речицький В. Міжнародна конвенція про захист інтелектуальної свободи (проект). – Харків: Фоліо, 2001.

Речицький В. Нова культурна ситуація потребує нових форм правового регулювання // Юридичний вісник України, 30 березня – 5 квітня, 2002.

Речицький В. Обґрунтування міжнародної конвенції «Про захист інтелектуальної свободи» // Сучасність, № 9, 2001.

Речицький В. Міжнародна конвенція «Про захист інтелектуальної свободи» (проект) // Сучасність, № 9, 2001.

Речицький В. Пояснювальна записка до проекту Закону України «Про внесення змін до Закону України «Про інформацію» // Свобода інформації та право на приватність в Україні. Том 1, № 34(75). – Харків: ХПГ, Фоліо, 2004.

Речицький В. Правнична наука і ВАК // Критика, № 3(89), 2005.

Речицький В. Проект Закону України «Про внесення змін до Закону України «Про інформацію» // Свобода інформації та право на приватність в Україні. Том 1, № 34(75). – Харків: ХПГ, Фоліо, 2004.

Речицький В. Проект міжнародної конвенції «Про захист інтелектуальної свободи» // Свобода висловлювань і приватність, № 1-2, 2000.

Речицький В. Соціалізм та авторитаризм // Філософська і соціологічна думка, № 10, 1990.

Речицький В. Суспільство та інформація // Вісник Академії наук Української РСР, № 6, 1990.

Рікер П. Право і справедливість. – Київ: Дух і літера, 2002.

Рішення Європейського суду з прав людини. Застосування статті 10 Європейської конвенції з прав людини // Свобода висловлювань і приватність, № 1, 1999.

Рожен О. Чи буде вдалим новий хрестовий похід? // Дзеркало тижня, № 17, 11 травня, 2002.

Розанов В. Религия и культура. Т. 1. – М.: Правда, 1990.

Розанов В. Уединенное. Т. 2. – М.: Правда, 1990.

Розин В. Методологический анализ деловой игры как новой области научно-технической деятельности и знания // Вопросы философии, № 6, 1986.

Рокар М. Трудиться с душой. – М.: Международные отношения, 1990.

Ролстон III Х. Существует ли экологическая этика? // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М.: Прогресс, 1990.

Романов Р. Інтернет в Україні в контексті відносин людини, суспільства та держави // Свобода висловлювань і приватність,

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

№ 3, 2002.

Роменец В. Психологія творчості. – Київ: Либідь, 2001.

Рорти Р. Философия и зеркало природы. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1997.

Рорти Р. Наука як солідарність // Рюс Ж. Поступ сучасних ідей. – Київ: Сфера, 1998.

Росія, Туреччина, Україна: «погані хлопці» Ради Європи. Зустріч міністрів 41 країни Ради Європи на захист ЗМІ в м. Краків, Польща, 15-17 червня 2000 року. Прес-реліз // Свобода висловлювань і приватність, № 3, 2000.

Рюс Ж. Поступ сучасних ідей. – Київ: Основи, 1998.

Рюттгерс Ю. Мнение правых или Новый консерватизм // День, № 83, 14 мая, 2002.

Салкелд О. Лени Рифеншталь. Триумф и воля. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2004.

Сантаяна Д. Скептицизм и животная вера. – СПб.: Владимир Даль, 2001.

Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. – М.: Республика, 2000.

Сартр Ж.-П. Что такое литература? – СПб.: Алетейа, 2000.

Сахаров А. Мир через полвека // Вопросы философии, № 1, 1989.

Сахаров А. Мир, прогресс, права человека. Нобелевская лекция // Огонек, № 8, 1989.

Сахаров А. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе // Новое время, № 3, 1990.

Сведенборг Э. О небесах, о мире духов и об аде. – СПб.: Азбука, 2000.

Свобода висловлювань в Україні. Огляд повідомлень про конфлікти в інформаційній сфері України у 2003 році. В 2 т. Т. 1. – Харків: ХПГ, Фоліо, 2004.

Свобода висловлювань в Україні. Огляд повідомлень про конфлікти в інформаційній сфері України у 2003 році. В 2 т. Т. 2. – Харків: ХПГ, Фоліо, 2004.

Свобода висловлювань і приватність, № 1, 1999.

Свобода висловлювань і приватність, № 3, 2002.

Свобода преси. Рішення Верховного Суду США. – Київ: Optima, 2004.

Свобода релігії. Рішення Верховного Суду США. – Київ: Optima, 2005.

Свобода слова. Рішення Верховного Суду США. – Київ: Optima, 2004.

БИБЛИОГРАФИЯ

Семилетов С. Информация как особый нематериальный объект права // Государство и право, № 5, 2000.

Сенат США проти порушення права на приватність заради боротьби з тероризмом // Свобода висловлювань і приватність, № 3, 2003.

Сен-Симон А. Избранные сочинения. Т. 2. – М.-Л.: АН СССР, 1948.

Сент-Экзюпери А. Военные записки 1934-1944 гг. Художественная публицистика. – М.: Прогресс, 1986.

Сепир Э. Грамматист и его язык // Языки как образ мира. – М.-СПб.: Изд-во АСТ, 2003.

Сепир Э. Статус лингвистики как науки // Языки как образ мира. – М.-СПб.: Изд-во АСТ, 2003.

Серл Д. Открывая сознание заново. – М.: Идея-Пресс, 2002.

Синявский А. Диссидентство как личный опыт // Литературная газета, 5 марта, 1997.

Скуратовский В. Роковое поле // Столичные новости, № 8, 5-11 марта, 2002.

Слотердаик П. Критика цинического разума. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001.

Смирнов С. Privacy в Интернете // Мемориал, № 1(20), 2000.

Сноу Ч. Э. Троллоп. – М.: Высшая школа, 1981.

Современные фабрики мысли. Аналитический доклад. – Киев: Агентство гуманитарных технологий, 1999.

Соловьев В. Сочинения. В 2 т. Т. 2. – М.: Правда, 1989.

Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992.

Сорос Д. Криза глобального капіталізму. – Київ: Основи, 1999.

Сорос Д. Мыльный пузырь американского превосходства. На что следует направить американскую мощь. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2004.

Сорос Д. Советская система: к открытому обществу. – М.: Политиздат, 1991.

Софийская декларация // Профессиональная этика журналистов: в 2 т. Т. 1: Документы и справочные материалы. – М.: Галерея, 1999.

Спорные предвидения Б. Ф. Скиннера // Америка, декабрь, 1972.

Стайн Г. Автобиография Эллис Би Токлас. – СПб.: Азбука-классика, 2006.

Столичные новости, № 15, 18-23 апреля, 2001.

Сторі Дж. Теорія культури та масова культура. – Харків: Акта, 2005.

Стрельцова Г. Барокко и классицизм – XVII век // Человек:

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. – М.: Политиздат, 1991.

Суд США прийняв епохальне для Інтернет-законодавства рішення // Свобода висловлювань і приватність, № 3, 2003.

Тайлор Э. Первобытная культура. – М.: Политиздат, 1989.

Титов В. Логическое знание в его социально-исторической детерминации. – Харьков: Регион-информ, 2004.

Тойнби А. Постигание истории. – М.: Прогресс, 1991.

Томас Л. О нашем несовершенстве // Америка, № 297, август, 1981.

Тоффлер А. Метаморфозы власти. – М.: Изд-во АСТ, 2001.

Трахтенберг И. Энциклопедия Амосова – интеллектуальное приобретение нынешнего и будущего // Зеркало недели, № 13, 6 апреля, 2002.

Триандис Г., Дэвидсон Э. Психология и культура // История зарубежной психологии (30-60-е годы XX в.) Тексты. – М.: МГУ, 1986.

Тулмин С. Человеческое понимание. – М.: Прогресс, 1984.

Турен А. От обмена к коммуникации: рождение программированного общества // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986.

Турнье М. Пятница или тихоокеанский лимб. – СПб.: Амфора, 1999.

Тьюринг А. Могут ли машины мыслить? // Информационное общество. – М.: Изд-во АСТ, 2004.

Уайльд О. Избранные произведения. В 2 т. Т. 2. – М.: Республика, 1993.

Уайтхед А. Избранные работы по философии. – М.: Прогресс, 1990.

Уильямс Т. Мемуары. – М.: Олма-Пресс, 2001.

Уинстенли Д. Избранные памфлеты. – М.: АН СССР, 1950.

Уолцер М. Компания критиков. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.

Уэллс Г. Уэллс об Уэллсе. – М.: Радуга, 1990.

Фаулз Д. Аристос. – М.: ЭКСМО - Пресс, 2002.

Фаулз Д. Кротовые норы. – М.: Изд-во АСТ, 2004.

Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. – М.: Прогресс, 1986.

Фейербах Л. История философии. В 3-х т. Т. 2. – М.: Мысль, 1967.

Фейербах Л. История философии. В 3-х т. Т. 3. – М.: Мысль, 1967.

Феофанов Ю. Идеология у власти // Известия, 4 октября, 1990.

Финк Е. Основные феномены человеческого бытия // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Фихте И. Г. Назначение человека. – СПб.: 1913.
- Флак У. Похитители культуры (над миром витает призрак «американизации»)? // День, № 46, 13 марта, 2002.
- Флетхайм О. Футурология, борьба за будущее // Впереди XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи. – М.: Academia, 2000.
- Фокс Р. Фатальная привязанность: война и человеческая природа // Проблемы Восточной Европы, № 37-38, 1993.
- Фон Франц М.-Л. Процесс индивидуации // Юнг Карл Густав, фон Франц М.-Л., Хендерсон Дж. Л., Якоби И., Яффе А. Человек и его символы. – М.: Серебряные нити, 1997.
- Форман М. Круговорот. – М.: Вагриус, 1999.
- Форум онлайн-ових прав // Свобода висловлювань і приватність, № 3, 2002.
- Фостер Э. Похвальное слово терпимости // Литературная газета, 23 июля, 1997.
- Франк С. Сочинения. – М.: Правда, 1990.
- Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Вопросы философии, № 8, 1988.
- Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ. – Москва-Петроград: Государственное изд-во, 1923.
- Фрейд З. О психоанализе. Пять лекций. – М.: 1912.
- Фридман М. Капитализм и свобода. – USA: Chalidze Publications, 1982.
- Фриш М. Листки из вещевого мешка. – М.: Прогресс, 1987.
- Фробениус Н. Застенчивый порнограф. – СПб.: Азбука, 2001.
- Фромм Э. Душа человека. – М.: Республика, 1992.
- Фромм Э. Иметь или быть? – М.: Прогресс, 1986.
- Фромм Э. Психоанализ и религия // Сумерки богов. – М.: Прогресс, 1989.
- Фрэзер Д. Дж. Золотая ветвь. – М.: Политиздат, 1980.
- Фрэнс Р., Нанси Ж.-Л. Чехия-Россия-Франция. Письма русским друзьям // INDEX, № 10, 2000.
- Фуко М. Воля к истине. – М.: Магистериум, 1996.
- Фуко М. Наглядати й карати. – Київ: Основи, 1998.
- Фуллер Л. Мораль права. – Київ: Сфера, 1999.
- Фурастье Ж. 40.000 часов // Впереди XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи. – М.: Academia, 2000.
- Фурье Ш. Избранные сочинения. Т. 2. – М.-Л.: АН СССР, 1951.
- Фурье Ш. Избранные сочинения. Т. 4. – М.: АН СССР, 1954.
- Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. – М.: Наука, 1992.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2000.

Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. – М.: Весь мир, 2003.

Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993.

Хайдеггер М. Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986.

Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988.

Хайдеггер М. Наука и осмысление // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986.

Хайдеггер М. Поворот // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986.

Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. – М.: Высшая школа, 1992.

Хайдеггер М., Ясперс К. Переписка 1920-1963. – М.: Ad Marginem, 2001.

Хайек Ф. Общество свободных. – London: 1990.

Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. – М.: Новости, 1992.

Хайек Ф. Право, законодательство та свобода. Т. 1. – Київ: Сфера, 1999.

Хайек Ф. Право, законодательство та свобода. Т. 3. – Київ: Сфера, 1999.

Харц Л. Либеральная традиция в Америке. – М.: Прогресс, 1993.

Хауард Д. Два века конституционного правления // Америка, № 362, январь, 1987.

Хейзинга Й. Homo Ludens // Самопознание европейской культуры XX в. – М.: Изд-во политической литературы, 1991.

Хейфец М. Избранное. Т. 2. – Харьков: Фолио, 2000.

Хендерсон Дж. Л. Древние мифы и современный человек // Юнг Карл Густав, фон Франц М.-Л., Хендерсон Дж. Л., Якоби И., Яффе А. Человек и его символы. – М.: Серебряные нити, 1997.

Хиггинс Р. Седьмой враг // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М.: Прогресс, 1990.

Ходасевич В. Некрополь. – М.: Вагриус, 2001.

Хокинг С. Черные дыры и молодые вселенные. – СПб.: Амфора, 2001.

Холл К., Гарднер Л. Теории личности. – М.: Изд-во КСП, 1997.

Цукерман С. Обратная сторона неба // День, № 20, 1 февраля, 2003.

Чаадаев П. Сочинения. – М.: Правда, 1989.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Честертон Г. Писатель в газете. – М.: Прогресс, 1984.
- Честертон Г. Франциск Ассизский // Вопросы философии, № 1, 1989.
- Чумаков А. Конгресс глазами участника // Вопросы философии, № 5, 1999.
- Шакина М. Диалог по правилам или плюрализм по-венгерски // Новое время, № 5, 1989.
- Шарден Т. Феномен человека. – М.: Наука, 1987.
- Шаталин С. Издержки неизбежны, но... // Литературная газета, 11 октября, 1989.
- Швейцер А. Благоговение перед жизнью. – М.: Прогресс, 1992.
- Швейцер А. Культура и этика. – М.: Прогресс, 1973.
- Шевцова Л. Привыкнуть жить без повода? // Литературная газета, 19 апреля, 1989.
- Шевченко І. Традиційні еліти на білих рейках // Критика, № 9, 2001.
- Шевченко О. «Проект Деррида»: déjà vu фантомології // Критика, № 11 (61), 2002.
- Шелер М. Положение человека в космосе // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988.
- Шерех Ю. Пороги і запоріжжя. Т. 1. – Харків: Фоліо, 1998.
- Шерех Ю. Пороги і запоріжжя. Т. 3. – Харків: Фоліо, 1998.
- Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. – Л.: ЛГУ, 1991.
- Шестов Л. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. – М.: Наука, 1993.
- Шестов Л. Що таке більшовизм? // Дух і літера, № 1-2, 1997.
- Шик Ф. Роль независимых СМИ в строительстве демократии // Глобальные проблемы. Печатная версия электронного журнала Государственного департамента США, № 1, 2003.
- Шимечка М. Мой товарищ Уинстон Смит // Проблемы Восточной Европы, № 25-26, 1989.
- Шлемкевич М. Загублена українська людина. – Нью-Йорк, 1954.
- Шпет Г. Сочинения. – М.: Правда, 1989.
- Шумук Д. Пережите і передумане. – Київ: Видавництво Олени Теліги, 1998.
- Эбенстайн В. Государь, государство и общество // Знание – сила, № 9, 1990.
- Эйдельман Н. Оптимизм исторического знания // Огонек, № 44, 1988.
- Эко У. Пять эссе на темы этики. – СПб.: Симпозиум, 2000.
- Эрхард Л. Благополучие для всех. – США: Посев, 1990.
- Этот очень непростой Кшиштоф Занусси (интервью) // Новая Польша, № 12, 2004.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления. – Киев: Air Land, 1994.

Юнг К. Г. К вопросу о подсознании // Юнг Карл Густав, фон Франц М.-Л., Хендерсон Дж. Л., Якоби И., Яффе А. Человек и его символы. – М.: Серебряные нити, 1997.

Юнг К. Г. Приближаясь к бессознательному // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М.: Прогресс, 1990.

Юнг К. Г. Психология и поэтическое творчество // Самосознание европейской культуры XX века. – М.: Политиздат, 1991.

Юнгер Ф. Ницше. – М.: Праксис, 2001.

Юнг К. Г. Будущее уже началось // Впереди XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи. – М.: Academia, 2000.

Юркевич П. Философские произведения. – М.: Правда, 1990.

Яковлев В. О мировоззрении Вацлава Гавела // Социально-политические науки, № 1, 1991.

Янков М. Конструктивная критика и рациональное управление. – М.: Прогресс, 1987.

Ярошевский Т. Размышления о человеке. – М.: Прогресс, 1984.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991.

Яффе А. Наука и подсознание // Карл Густав Юнг, фон Франц М.-Л., Хендерсон Дж. Л., Якоби И., Яффе А. Человек и его символы. – М.: Серебряные нити, 1997.

Яффе А. Символы в изобразительном искусстве // Юнг Карл Густав, фон Франц М.-Л., Хендерсон Дж. Л., Якоби И., Яффе А. Человек и его символы. – М.: Серебряные нити, 1997.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ ¹

- Агацци, Э. 102
Адамович, Г. 534
Адамс, А. 127
Адлер, А. 510
Адорно, Т. 20, 135, 200, 296, 384, 400, 430, 442
Александров, Г. 169
Александр I 223
Ален 300, 524, 526, 535
Амосов, Н. 219
Ампер, А. 41
Андерсен, Г. Х. 91
Андерсон, Л. 202
Анчел, Е. 240, 508
Апинян, Т. 49, 499
Аполлинер, Г. 378
Аппадурайа, А. 482
Арафат, Я. 521
Арендт, Х. 105, 215, 216, 235, 304, 310, 395, 431, 441, 442, 480, 505, 537
Аристотель 106, 180, 210, 217, 224, 252, 279, 295, 384
Аркун, М. 482
Арнольд, М. 118
Арон, Р. 182, 480
Арто, А. 321
Архипенко, А. 304
Базен, Ж. 171
Байер, Т. 92
Бакунин, М. 224, 299, 311
Балтус 232, 433
Бальзак, О. де 311
Банковский, З. 476
Барт, Р. 19, 60, 68, 106, 206, 214, 264, 310, 498, 531, 532, 534
Батай, Ж. 130, 195, 244, 255, 259, 264, 290, 395
Бауман, З. 190
Баумгартен, А. 420
Бах, И. С. 264, 429, 437, 519
Башляр, Г. 379, 384
Бек, У. 23, 31, 32, 88, 203, 291, 342, 374, 376, 454, 528
Беккариа, Ч. 278
Беккет, С. 448, 524
Белл, Д. 118, 197, 206, 267, 280, 415, 448, 525
Белл, Дж. 423, 436
Беннани, А. 482

¹Фамилии авторов приводятся на языке указанных в подстрочнике источников.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

- Бентам, И. 156
Беньямин, В. 73, 202, 378, 384, 436, 473, 532
Бергер, У. 557
Бергман, И. 536
Бергсон, А. 78, 100, 172, 210, 211, 220, 221, 264, 270, 367, 372, 441, 492
Бердяев, Н. 138, 139, 277, 294, 297, 364, 379
Берк, Э. 151, 467
Беркли, Д. 290
Берн, Э. 505
Бетховен, Л. ван 323
Бжезинский, З. 25, 141, 159, 270, 291
Бирс, А. 447
Бланшо, М. 77, 294, 311, 491
Блейк, В. 290
Блэк, Х. 551
Блюменберг, Г. 75
Бовуар, С. де 266, 295
Богданов, А. 188, 250
Богораз, Л. 322
Бодлер, Ш. 96, 516
Бодрийар, Ж. 49, 50, 63, 179, 181, 228, 245, 280, 296, 318, 335, 368, 387, 398, 433, 449, 481, 482, 491, 495, 502, 517, 519, 520, 521, 524, 533
Боллингброк, Г. С.-Д. 467
Бор, Н. 530
Борн, М. 380, 416
Брайдотти, Р. 79, 103, 242, 255, 263, 534
Брандейс, Л. 566
Бреннан, В. 549, 559
Брентано, Ф. 183
Бретон, А. 258, 378
Бродель, Ф. 112, 187, 403, 501
Бродский, И. 42, 95, 127, 167, 420, 423, 442, 448, 477, 484
Броновски, Д. 272
Брюллов, К. 536
Булгаков, М. 259, 309
Бунюэля, Л. 524
Бурбаки, Н. 536
Буш, Д. 521
Бьюкенен, П. 162, 551
Бэкон, Ф. 520
Вайда, А. 203
Вайль, П. 105
Вайнрих, Х. 409
Вайнцвайг, П. 117
Валенса, Л. 157, 595
Валери, П. 234, 365, 537
Ван Гог, Т. 12, 245, 294, 443
Варела, Ф. 331, 363
Ваттимо, Д. 482
Вашингтон, Д. 182, 467
Вебер, М. 105, 115, 385
Веберн, А. фон 424
Веблен, Т. 497
Вейль, С. 15, 27, 97, 109, 194, 206, 228, 260, 298, 412, 426, 451, 516
Веллинг, П. 467
Вернадский, В. 83, 104, 172, 218, 313
Вертинский, А. 449
Вико, Д. 216, 396
Вильгельм II 223
Винер, Н. 18, 89, 168, 193, 213, 219, 242, 259, 261, 287, 326, 327, 336, 337, 340, 343, 352, 386, 387, 456, 481, 512
Винниченко, В. 396
Винчи, Л. да 57, 310
Витаньи, И. 192
Витгенштейн, Л. 54, 57, 58, 61, 92, 124, 191, 292, 300, 301, 316, 367, 375, 397, 538
Вовенарг, Л. К. 503

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Вольтер 127, 236, 312
Вулф, В. 262, 273, 450
Выготский, Л. 168, 441, 529, 532
Высоцкий, В. 70, 321
Гавел, В. 166, 179, 186, 283, 335, 393
Гадамер, Х.-Г. 225, 381, 400
Гамильтон, Э. 546
Ганс, Э. 401
Гваттари, Ф. 306
Гегель, Г. В. Ф. 39, 132, 135, 136, 137, 139, 149, 195, 221, 234, 272, 273, 307, 415, 491, 496, 510, 524
Гедель, К. 390
Гедройц, Е. 495
Гейзенберг, В. 74, 378
Гейл, Д. Мак 13
Гейтс, Б. 233, 353, 355
Гельвеций, К.-А. 170, 212, 239, 503
Гельдерлин, Ф. 311
Гендерсон, Х. 258
Генис, А. 105
Гент, У.-Х. 105
Герц, А. 496
Герцен, А. 155, 401
Гессе, Г. 224, 264, 281, 308, 313, 410, 503, 508, 509
Гете, И. В. фон 97, 258, 264, 424, 524
Гиппиус, З. 515, 534
Гитлер, А. 99, 223
Гоббс, Т. 128, 151, 325, 347, 403
Гоген, П. 93, 167, 430
Гоголь, Н. 106
Голдберг, А. 550
Голосовкер, Я. 531
Гольбах, П.-А. 142, 176, 219, 293, 415, 514
Гомбрович, В. 242, 257, 260, 267, 303, 308, 384, 388, 397, 428, 433, 436, 444
Гомер 162, 216, 382
Горбулин, В. 305
Горький, М. 89, 169, 265, 382
Грабович, Г. 495
Грибов, С. 537
Грибоедов, А. 264
Грин, Г. 237
Грин, Т. 32
Гувер, Г. 493
Гумбольдт, В. фон 117, 137, 159, 229
Гумилев, Л. 141
Гуссерль, Э. 64, 88, 166, 247, 287, 376, 377, 533
Гэлбрайт, Д. 141
Дал, Р. 145
Даниэль, А. 322
Данто, А. 176, 426, 429
Данэм, Б. 140, 324
Дарвин, Ч. 67, 226
Дарендорф, Р. 201, 305, 405, 496
Дарлингтон, Д. 418
Дворжак, М. 433
Дворкин, Р. 27
Дега, Э. 338
Дезами, Т. 158, 239, 510
Декарт, Р. 205, 289, 384, 399, 452
Делез, Ж. 51, 198, 209, 211, 250, 253, 306, 373, 375, 438, 517
Деррида, Ж. 25, 376, 384, 528
Дессауэр, Ф. 247, 248
Джеймс, В. 243
Джефферсон, Т. 280, 545, 561
Джоб, П. 351
Джойс, Д. 288, 309
Джоунз, Р. 409
Диан, Сулейман Башир 482
Дидро, Д. 303
Диккенс, Ч. 281
Дикс, А. 573

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

- Диссоньяк, Э. 71, 169, 427
Довженко, А. 260
Дойч, Д. 70, 147, 216, 229, 370, 389
Домонтович, В. 262
Достоевский, Ф. 153, 155, 245, 325
Дуглас, В. 546
Дьюи, Д. 14, 19, 22, 132, 159, 212, 225, 233, 240, 279, 290, 298, 333, 383, 390, 405, 427, 452, 454, 479
Дюфен, М. 254
Екатерина II 223
Есенин, С. 323
Жигульский, К. 508
Жид, А. 308, 484, 521
Жижек, С. 76, 179, 314, 411, 491
Жильсон, Э. 273
Журден, А. Л. 99
Загала, С. 421, 422
Занусси, К. 453
Зельдмайр, Г. 423, 424, 433, 515
Зенгер, П. 545
Зиммель, Г. 77
Зиновьев, А. 276
Зонтаг, С. 36, 81, 164, 293, 307, 429
Зюскинд, П. 203, 535
Иваненко, Л. 502
Иванов, А. 285
Иноземцев, В. 107
Ионеско, Э. 14, 20, 32, 103, 200, 225, 242, 253, 254, 304, 309, 319, 320, 447, 519, 524, 530
Иригарей, Л. 167
Истон, Д. 33, 121, 213, 225
Кавелин, К. 278
Кайят, А. 171
Кампанелла, Т. 404
Камю, А. 190
Кандинский, В. 267, 485
Кант, И. 39, 132, 133, 134, 135, 136, 139, 193, 218, 237, 277, 290, 361, 375, 383, 400, 412, 415, 438, 447, 454, 470
Каныгин, Ю. 226
Кардинале, К. 482, 513
Кассирер, Э. 50, 53, 68, 85, 87, 88, 92, 93, 111, 121, 163, 420, 427, 430, 439, 440
Кафка, Ф. 255, 258, 309, 311, 440
Кертли, Д. 543
Кетрин-Хейлз, Н. 82, 334
Кин, Д. 113, 245, 259
Кисилевский, С. 198
Китс, Д. 312, 421
Клодель, П. 273, 414, 445, 537
Кокто, Ж. 179, 302, 314, 515
Колаковский, Л. 245
Коливер, С. 612
Коллингвуд, Р. 48, 238, 247, 271, 425, 435, 443, 444, 446
Кондорсе, Ж. А. Н. 151
Констана, Б. 151
Корниш, Э. 346
Коро, К. 384
Корчак, Я. 280
Косби, В. 546
Кох, К. 252
Крачфилд, Д. 401
Кристева, Ю. 12, 73, 74, 97, 447, 474, 482, 490
Кромвель, О. 23, 129, 150
Кропоткин, П. 296, 402
Кроче, Б. 22, 126, 185, 205, 234, 431, 432, 515, 524
Крэйг, У. 399
Ксенофонт 174
Кузанский, Н. 187
Кун, Т. 300, 301, 393
Кундера, М. 63, 223, 241
Курасава, А. 171
Кьеркегор, С. 384
Кюстин, А. де 403
Лазарчук, А. 347

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Лакан, Ж. 54, 61, 119, 120, 231, 263, 274, 307, 329, 330, 331, 512
Лакатос, И. 378, 389
Ланге, Ф. 404
Лангер, С. 55, 62, 231, 257, 267, 316, 439
Лебон, Г. 226
Леви-Строс, К. 62, 112, 122, 164, 179, 182, 197, 255
Левин, Г. 472
Левинас, Э. 129, 253, 291, 438, 520
Лейбниц, Г. В. 470, 510
Лелик, Л. 347
Лем, С. 44, 56, 70, 110, 180, 321, 325, 327, 341, 388, 394
Лемпицка, Т. 518
Ленем, Р. 14, 209, 227, 427, 463
Леся Украинка (Косач, Л. П.) 4-63
Лефевр, В. 189
Либкнехт, К. 417
Лиотар, Ж.-Ф. 40, 107, 204, 229, 351, 352, 370, 372, 403, 457, 472, 477, 501, 520, 526
Липовецки, Ж. 84, 165, 174, 469, 475, 486, 514, 516
Лисицкий, Э. 96
Лифарь, С. 171
Локк, Д. 132, 133, 134, 135, 169, 217, 315, 317, 415, 509
Ломоносов, М. 158, 331
Лоренц, К. 512
Лорка, Г. 537
Лосский, Н. 224
Лотман, Ю. 116, 158
Луман, Н. 57, 193, 194, 215, 336, 344, 378, 380, 381, 462
Лысяк-Рудницкий, И. 173
Людовик XIV 382
Лютер, М. 23, 237
Мабли, Г. 411
Мадзини, Д. 96
Мак-Дугалл, У. 399
Мак-Калош, В. 536
Мак-Люен, М. 65, 80, 106, 108, 375
Макиавелли, Н. 352
Макслуп, Ф. 234
Малевич, К. 267, 422, 437
Малера, Г. 443, 448
Малиновский, Б. 38, 126, 144, 152, 192, 455
Мамфорд, Л. 27, 34, 74, 84, 96, 103, 187, 243, 254, 260, 266, 507, 528
Мангейм, К. 268
Манн, Т. 317
Маньковская, Н. 56, 302, 479, 484
Марат, Ж.-П. 150
Маркарян, Э. 114
Маркс, К. 100, 105, 139, 153, 215, 288, 294, 297, 310, 357, 385, 403, 481
Марсалис, У. 156
Марэн, Э. 482
Маслоу, А. 470
Матурана, У. 331, 363
Маффзоли, М. 482
Маяковский, В. 224, 323
Медавар, П. 513
Медоуз, Д. 505
Мережковский, Д. 184
Мерло-Понти, М. 410
Мерль, Р. 104
Мерфи, Э. 89
Мизес, Л. фон 143
Миллер, Г. 306, 386, 398, 552
Милль, Дж. С. 23, 178, 238
Милош, О. 17
Милош, Ч. 63, 142, 194, 201, 244, 267, 270, 306, 345, 401, 471, 496, 552

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

- Михайловский, А. 241
Михайловский, Н. 295
Михновский, Н. 182
Мишле, Ж. 176
Модильяни, А. 264, 436
Моль, А. 28, 116, 256, 326
Мондриан, П. 422
Моно, Ж. 252
Монтень, М. 312
Монтескье, Ш. 129, 151, 182, 299,
317, 325, 510
Мор, Т. 163, 187, 404
Морелли 129
Моруа, А. 20
Моска, Г. 305
Моцарт, В. 323, 448
Мур, Г. 93
Муссолини, Б. 223
Мэдисон, Д. 317, 545, 553, 559, 574
Мэрфи, Ф. 550
Мюнцер, Т. 237
Налимов, В. 217, 399
Нанси, Ж.-Л. 130, 244
Наполеон III, Ш. Л. Б. 199, 325,
535
Нейман, Дж. фон 310, 507, 511
Нейман, Э. 365
Нейсбит, Д. 173
Нижинский, В. 453
Никсон, Р. 554
Нин, А. 103, 255, 267, 538
Ницше, Ф. 39, 41, 42, 66, 82, 83,
88, 104, 117, 119, 123, 151, 170, 181,
205, 237, 243, 262, 266, 269, 284,
293, 297, 304, 312, 315, 325, 379, 382,
384, 385, 394, 400, 406, 411, 446,
447, 458, 470, 471, 483, 491, 521
Новак, М. 192
Новгородцев, П. 111, 155, 289
Нуриев, Р. 306
Ньюмен, Б. 61
Ньюмен, Д. Г. 472
Ньютон, И. 82, 226, 429
Овидий 183
Оден, У. 259
Олкер, Х. 52
Орлов, Ю. 595
Ортега-и-Гассет, Х. 117, 127, 139,
301, 381, 491
Оруэлл, Д. 324
Оссовская, М. 503
Паваротти, Л. 64
Павич, М. 196
Павлов, И. 141
Павлова-Сильванская, М. 506
Пазолини, П. 463
Паккард, Н. 401
Парсонс, Т. 199, 214, 255, 371, 390,
394
Паскаль, Б. 77, 535
Пастель, Г. 187
Паули, В. 365
Пейн, Т. 151, 493
Переслегин, С. 110, 413
Петен, А. Ф. 618
Петр I 223
Пиаже, Ж. 210, 513
Пикассо, П. 232, 306, 429, 433
Пиранделло, Л. 171
Пирс, Ч. 393
Писарева, Д. 236, 281
Питерс, Т. 116
Платон 128, 174, 210, 217, 245, 365
Плеснер, Х. 278
Плотин 217
Полан, Ж. 147, 155, 261, 312
Полани, К. 280, 377
Поланский, Р. 395
Поллак, Д. 332, 443
Поппер, К. 67, 141, 233, 283, 299,
373, 455
Постер, М. 335

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Пруст, М. 76, 309, 521
Пуанкаре, А. 107, 535
Пулитцер, Д. 547
Пушкин, А. 437
Пятигорский, А. 78, 86, 139, 251, 324, 534
Рассел, Б. 163, 188, 279, 294, 417, 512
Редон, О. 425
Рейган, Р. 157, 496
Рембрандт 519
Репин, И. 285
Рид, Г. 427
Рикер, П. 248, 482
Рильке, Р.-М. 294, 490
Рисмен, Д. 222, 286, 313, 386, 500
Рифеншталь, Л. 267, 332
Робеспьер, М. 279
Розанов, В. 155, 226, 316, 324, 379, 404
Ролз, Д. 31, 144, 286, 345
Роменец, В. 255
Рорти, Р. 104, 205, 447
Россетти, Д.-Г. 105
Роттердамский, Э. 187
Рузвельт, Ф. 96, 323
Руссо, Ж.-Ж. 151, 294, 317
Ру斯塔вели, Ш. 347
Рутко, М. 332
Рушди, С. 266
Рэнд, Э. 273, 425, 426
Рюс, Ж. 523
Сальвиа, М. де 593
Сантаяна, Д. 86, 104, 238, 269, 276, 440, 519, 532
Сартори, Д. 7, 35, 128, 131
Сартр, Ж.-П. 76, 99, 131, 214, 255, 259, 266, 336, 445, 447, 449, 518, 520, 525, 536, 539
Сахаров, А. 158, 195, 201, 320, 322, 523
Сведенборг, Э. 244, 303, 518
Свифт, Д. 447
Сен-Симон, А. 127, 239, 457
Сент-Экзюпери, А. де 276
Серл, Д. 90, 274, 276, 372, 473
Скиннер, Б. 192
Сковорода, Г. 244
Сколимовский, Г. 527
Слотердайт, П. 107, 240, 365, 378, 427, 458, 482
Смит, А. 151, 403
Сократ 174, 217, 288
Солженицын, А. 63, 320, 322
Соловьев, В. 148, 192, 193, 418
Сорокин, П. 114, 268
Сорос, Д. 17, 141, 194, 195
Соссюр, Ф. де 50, 56, 481
Спенсер, Г. 531
Спиноза, Б. 129, 139, 154, 251, 252, 293
Сталин, И. 122
Стендаль, Ф. 311
Стросон, Д. 327
Тайлор, Э. 115
Такер, Д. 151
Тарковский, А. 139, 414
Титов, В. 148
Тойнби, А. 163, 270, 304
Токвиль, А. де 151, 219, 294
Толстой, Л. 434, 447, 536
Торндайт, Э. 210
Тоффлер, А. 32, 100, 106, 177, 335, 339, 451
Тригг, Р. 161
Трумэн, Г. 493
Тулуз-Лотрек, А. 436
Тьюринг, А. 367
Уайльд, О. 235, 282, 430, 464, 475
Уайт, А. 116
Уайтхед, А. 238, 249, 283, 287, 293, 368, 374, 382

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВО

- Уильямс, Т. 118, 303, 431, 440, 443
Уинстенли, Д. 315
Уитмен, У. 41
Ульянов-Ленин, В. 224, 279
Уолцер, М. 13, 173, 312
Уотерман, Р. 116
Уэллс, Г. 382
Фармер, Д. 401
Фарроу, М. 538
Фаулз, Д. 23, 24, 42, 183, 202, 308, 428, 429, 437, 447, 457, 487
Февр, Л. 243
Фейерабенд, П. 24, 35, 60, 91, 99, 121, 161, 189, 287, 312, 363, 386, 402, 407
Фейербах, Л. 219, 231, 239, 241, 385
Фергюсон, А. 151
Ферре, Ф. 91
Финк, Е. 500, 501
Фихте, И. Г. 239, 470
Фичино, М. 187
Флобер, Г. 309
Фокс, Р. 385
Форд, Д. 568
Форман, М. 156, 322, 537
Фостер, Э. 182
Франк, С. 137, 156, 192, 400, 408
Франклин, Б. 545
Франкфуртер, Ф. 459
Фрейд, З. 85, 115, 139, 218, 224, 525
Фридман, М. 157
Фридман, Т. 126, 568
Фромантен, Э. 521
Фромм, Э. 139, 216, 255, 282, 314
Фукидид 210
Фуко, М. 17, 24, 39, 121, 167, 284, 318, 348, 384, 450, 524, 528
Фукуяма, Ф. 122, 135, 141, 182, 396
Фуллер, Л. 259, 341, 530
Фурье, Ш. 418, 510
Хабермас, Ю. 177, 205, 318, 340, 345, 346, 384, 424
Хайдеггер, М. 39, 115, 119, 156, 170, 180, 225, 325, 370, 384, 388, 447, 494, 510
Хайек, Ф. 15, 33, 139, 142, 151, 178, 297, 401, 403, 518, 523
Хаксли, О. 404
Хантингтон, С. 141
Хассен, А. 473
Хейзинг, Й. 235, 243, 314, 500, 509
Хеллер, А. 181, 472
Ходасевич, В. 265
Хокинг, С. 144, 147, 527
Холмс, О. 547
Хоув, И. 472
Хофстадтер, А. 422, 443
Хьюг, Э. 552
Цвейг, С. 410
Цетлин, М. 511
Чаадаев, П. 162, 394
Чаплин, Ч. 196
Чаушеску, Н. 353
Черчилль, У. 23, 96, 122
Честертон, Г. 383, 385, 510
Шавиро, С. 422
Шарден, Т. де 284, 298
Швейцер, А. 115, 116, 117, 194, 295
Шевченко, Т. 331, 463
Шекспир, В. 273, 308, 327, 328, 396
Шелер, М. 265
Шерех, Ю. 44, 79, 103, 282, 304, 308, 434, 461, 531
Шестов, Л. 106, 110, 144, 220, 243, 259, 301, 380, 394, 398, 535, 538, 539
Шик, Ф. 549
Шимборска, В. 402
Шкловский, В. 429, 447
Шлегель, Ф. 277

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Шлезингер, А. 385
Шлемкевич, М. 435
Шопенгауэр, А. 82, 384
Шоу, Р. 401
Шпет, Г. 228
Шумпетер, Д. 108, 141, 235, 507
Шумук, Д. 154, 324, 528
Эбенштайн, В. 223, 280
Эйнштейн, А. 143, 153, 391
Эко, У. 13, 52, 79, 168, 185, 222, 328, 408
Экхарт, М. 254
Эллюль, Ж. 28, 113, 204
Эль Греко 440
Энгельс, Ф. 153, 417
Эрхард, Л. 153
Этциони, А. 90, 196, 210, 229, 248, 272, 327, 488
Юм, Д. 151, 238
Юнг, К. Г. 47, 73, 87, 145, 246, 265, 275, 282, 365, 387, 388, 395
Юнгер, Ф. 254, 272
Юнгк, Р. 392
Юркевич, П. 190
Ярошевский, Т. 114
Ясперс, К. 170, 284, 354, 494
Яффе, А. 364, 532

CONTENTS

Instead of Preface **7**

Introduction **11**

Chapter I. The Phenomenon of Symbolic Reality

1.1. The Notion of Symbolic Reality **47**

1.2. Origins of Symbolic Reality **71**

1.3. Functions of Symbolic Reality **90**

1.4. The Structure of Symbolic Reality **111**

1.5. Properties of Symbolic Reality **125**

Chapter II. Principal Manifestations of Symbolic Reality

2.1. Intellectual Activity as a Manifestation of Symbolic Reality **209**

2.2. Creativity as a Manifestation of Symbolic Reality **246**

2.3. Informational Relations as a Manifestation of Symbolic Reality **325**

Chapter III. Principal Symbolic Forms

3.1. Science as a Form (Segment) of Symbolic Reality **361**

3.2. Art as a Form (Segment) of Symbolic Reality **420**

3.3. Education as a Form (Segment) of Symbolic Reality **450**

Chapter IV. The Ontological Context of Symbolic Reality

- 4.1. The Postmodern Environment **467**
- 4.2. Globalization **487**
- 4.3. Game as a Mechanism of Symbolic Action **498**
- 4.4. Seduction as a Mechanism of Symbolic Action **514**
- 4.5. Imagination and Symbolic Action **526**
- 4.6. The Role of Nuances in Symbolic Action **532**

Chapter V. Legal Guaranties of Intellectual Freedom

- 5.1. The American Paradigm **543**
- 5.2. International Legal Guaranties of Intellectual Freedom: the European Paradigm **575**

Attachments

- The Draft of “International Convention on Protection of Intellectual Freedom” **658**

Bibliography **687**

Index **719**

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Всеволод Речицкий – специалист в области конституционного права и политических наук. Преподает конституционное право Украины в Национальной юридической академии Украины им. Ярослава Мудрого (Харьков), конституционный эксперт Харьковской правозащитной группы.

Автор книг: «Эссе о политике» (1998), «Свобода и государство» (1998), «Конституционализм. Украинский опыт» (1998), «Политическая активность. Конституционные аспекты» (1999). Соавтор университетских учебников: «Основы демократии» (2002), «Конституционное право Украины» (2002). Опубликовал более 200 статей на украинском, русском и английском языках. «Автор года» (1996) в журнале «Сучасність», постоянный автор журнала «Критика».

Стажировался в Университете им. Джорджа Вашингтона и Библиотеке Конгресса США (Washington DC, 1994-1995), Эдинбургском университете (1996-1997), Университете Квинз (Canada, 1998), Джорджтаунском университете (Washington DC, 2002-2003).

Научные гранты от IREX (1994); Fulbright (1995, 2002); The John D. and Catherine T. Mac-Arthur Foundation (2001). Член правления Украинской фулбрайтовской ассоциации.

Речицький В. В. Символічна реальність і право. – Львів: «ВНТЛ-Класика», 2007. – 732 с.

Репрезентована монографія – це філософське, культурологічне і правове дослідження свободи інтелектуального самовираження в сучасному світі. Автор аналізує поняття, функції та якості символічної реальності як сукупності основних експресивних форм – науки, мистецтва і освіти. Поняття символічної реальності розглядається в онтологічному контексті постмодерну та глобалізації. Книгу завершує модельний проект міжнародної конвенції «Про захист інтелектуальної свободи».

Дослідження вирізняється нешаблонним методологічним підходом, живим стилем аргументації та оригінальністю наукових ідей.

Для філософів, культурологів, фахівців у ділянці політичних наук, інформатики та права.

ISBN 966–8849–34–5

ВНТЛ-Класика
тел. (032) 2616316
тел./факс: (032) 2980135
e-mail: order@vntl.com
<http://www.vntl.com>

Свідоцтво про державну реєстрацію
ДК №1317 від 31.03.2003